

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПСИХОЛОГИИ

теория и феноменология

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПСИХОЛОГИИ

ТЕОРИЯ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

Под ред. *Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой*

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 159.9.01
ББК 88.54
Ж71

Рекомендовано к публикации Организационным комитетом Международной научной конференции «Ананьевские чтения 2020: Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития»

Ж71 **Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология**: сборник статей / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. — 532 с.
ISBN 978-5-288-06057-1

Сборник статей, приуроченный к 130-летию со дня рождения Курта Левина, включает тексты, раскрывающие современное преломление идей классика психологии XX в. Особое внимание уделено методологическому и эвристическому потенциалу концепта жизненного пространства — одного из ключевых терминов в теориях К. Левина. Интерес к его творческому наследию вызван созвучием его идей современной психологии и стоящим перед ней задачам. Статьи, представленные в сборнике, посвящены пространству жизни современного человека с его включенностью в глобальные контексты существования и проблемам, которые ему приходится решать во взаимодействии с окружающим миром.

Предназначено для психологов, работающих в самых разных областях психологической науки и практики, студентов-психологов и всех, интересующихся современной теоретической и практической психологией.

УДК 159.9.01
ББК 88.54

Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 20-013-22006

ISBN 978-5-288-06057-1

Содержание

К 130-летию со дня рождения
Курта Левина

Предисловие

Крупный теоретик и методолог науки, оригинальный экспериментатор, первооткрыватель ряда направлений психологической науки, Левин во многом определил развитие психологии XX века.

Среди великих ученых прошлого Левин заслуживает особого упоминания. Удивительным образом интерес к его работам продолжает расти. Во многом это связано с тем, что его идеи, безусловно, опережали свое время. Их масштаб и эвристический потенциал лишь сейчас начинают осознаваться в полной мере, и психологической науке еще предстоит их освоение.

Но, пожалуй, в еще большей степени растущее внимание к творческому наследию Курта Левина вызвано созвучием его идей современной психологии и стоящим перед ней задачам.

Это прежде всего задачи разработки методологических подходов, отвечающих идеям динамической психологии, о которых когда-то писал Левин и которые все интенсивнее развиваются в современной отечественной психологии. Это и задачи методически осмысленного и корректного изучения психологической феноменологии реальной жизни людей. В свое время Толмен писал, что идеи Курта Левина «сделали психологию наукой, приложимой к реальным человеческим существам и реальному человеческому обществу». Блестящий экспериментатор, Левин не просто вывел психологические исследования за пределы лабораторных стен, но создал и обосновал парадигму «действенного исследования», в соответствии с которой психологи не могут ограничиваться объяснением человеческого поведения, а должны принимать самое активное участие в эмпирической

и экспериментальной проверке результатов своих исследований в реальных жизненных условиях.

К этому можно было бы добавить многое, что позволяет нам утверждать, что творческое наследие Курта Левина не ограничивается его вкладом в психологию прошлого века, и с полным основанием называть его психологом XXI века.

Наше издание объединяет авторов разных поколений — и тех, кто давно знаком с работами Курта Левина, и молодых ученых, только начинающих осваивать его идеи.

Общая идея сборника сконцентрирована вокруг темы жизненного пространства Курта Левина и — шире — пространства жизни современного человека с его включенностью в глобальные контексты существования.

Среди представленных текстов — статьи, прямо посвященные идеям Курта Левина и их современному пониманию в контексте стоящих перед исследователями задач. В других статьях тема жизненного пространства переводится в план выстраивания человеком своей жизни, жизненных моделей, жизненного опыта и жизненного выбора. Идеи жизненного пространства находят свое приложение в том числе и в практике психологической работы, что также отражено в нескольких публикациях.

В ряде статей обсуждение природы жизненного пространства и его характеристик, равно как и других идей Курта Левина, в чем-то неизбежно повторяется. Мы, однако, не сочли целесообразным ради устранения этих повторов сокращать тексты статей, чтобы сохранить логику авторского изложения.

Издание подготовлено коллективом кафедры психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета к проведению посвященного Курту Левину симпозиума на ежегодной конференции «Ананьевские чтения — 2020».

Стало уже традиционным наше сотрудничество с московскими коллегами и друзьями, с которыми нас объединяет общность научных интересов и представлений и которым мы искренне благодарны за участие в издании сборника.

Благодарим руководство СПбГУ за поддержку в осуществлении данного издания.

А. Г. Асмолов

Курт Левин — созвездие жизненных миров

Интервью с Н. В. Гришиной, профессором кафедры психологии личности СПбГУ, и А. С. Губановой, главным редактором «Психологической газеты»

Гришина: Уважаемый Александр Григорьевич, спасибо, что нашли время поговорить с нами о Курте Левине. Для меня сегодняшний разговор — это продолжение нашего диалога, состоявшегося 20 лет назад — тогда в России были впервые изданы работы Курта Левина. Повод нашей встречи сегодня — 130-летие Курта Левина, в связи с которым на традиционной осенней конференции Санкт-Петербургского университета «Ананьевские чтения» мы планируем проведение симпозиума «Психология жизненного пространства». К этому событию мы подготовили издание сборника научных работ, посвященного идеям Курта Левина и их современному прочтению. В этом сборнике участвуют психологи разных поколений: и те, кто хорошо знает работы Левина, и психологи молодых поколений, которые только начинают знакомство с ним.

В том разговоре двадцатилетней давности у меня возникло ощущение, что вы как будто были в прямом диалоге с Куртом Левином, через его ученицу Зейгарник, что у вас есть свой Курт Левин. Нам очень интересно ваше мнение о нем. Но я хотела бы начать с одного важного для меня вопроса. Прошло 20 лет с тех пор, как в России были изданы работы Левина. Вообще-то история довольно неумолима, она неизбежно отдаляет прошлое. Но удивительным образом Курт Левин становится все более известным, популярным и востребованным уже в XXI в. Это кажется невероятным. Хотелось бы выслушать ваше мнение об этом.

Асмолов: Каждый раз, когда мы соприкасаемся с людьми, которых мы называем «классики», мы недостаточно четко рефлексируем, что они живут, как говорит М. М. Бахтин, во времени

большой культуры. Для меня классик — это всегда смысловой горизонт развития культуры. В этом смысле слова, когда мы говорим о классиках, для меня возникает уникальная трансформация пространства, которую вы, Наталия Владимировна, заметили: чем дальше мы отходим от классиков, тем более мы постигаем их расширяющийся мир. Поэтому для меня Левин — это как взрыв новой галактики, как взрыв сверхновой звезды.

В ожидании нашей встречи я, можно сказать, провел ночь с Куртом Левином. И тут я думал о том, что психологи памяти называют автобиографической памятью, а Фредерик Бартлетт называл «память как реконструкция». К «памяти как реконструкции» относится формула «врет как очевидец». И в этом смысле я могу увидеть и у Курта Левина, и у Льва Выготского, и у Зигмунда Фрейда некоторые по-разному пульсирующие феномены: чем дальше отходим от классика, тем явственнее его видим. Классик, говоря языком Умберто Эко, это всегда «открытое произведение». Ключевая характеристика такого произведения — неисчерпаемость смыслов и интерпретаций; открытость диалогу с будущими многочисленными поколениями. И в этом плане классик это всегда современник.

Я не знал, что тема вашего интереса будет обозначена как «жизненное пространство». Это поразительное совпадение, поскольку для меня «вхождение в Левина» — это и есть вхождение в жизненные пространства, которые мы могли бы назвать «созвездие жизненных миров Курта Левина». Говоря с вами о Курте Левине, я бы хотел придерживаться особого жанра — жанра передачи личностных смыслов, то есть того, что для меня значит феномен Курта Левина в контексте мотивационных горизонтов развития психологии. Поэтому прошу воспринимать нашу беседу как своего рода спектакль, в котором я делюсь именно личностными смыслами, своего рода облачными смысловыми конструкциями.

Первое смысловое действие. Курт Левин — ценностный ориентир психологической науки

Асмолов: Не помню, кто и не помню, когда, кажется, что это мог быть либо Гордон Олпорт, либо Леон Фестингер, обронили о Курте Левине фразу: Курт Левин является эталоном достоинства, своего

рода совестью психологической науки. Когда я поделился этой фразой с коллегами, я вспомнил, что для психологов школы Выготского — Леонтьева — Лурии такого рода «гением совести» был Александр Владимирович Запорожец.

Курт Левин был и остается совестью психологической науки. Я говорю это и вместе с тем остерегаюсь избыточной канонизации любого великого ученого, памятуя фразу известного польского писателя Ежи Леца: «Канонизация убивает в моих глазах человека, которого я мог бы считать святым». Каким бы ни было звездное небо над нами, но нравственный императив внутри психолога является нитью Ариадны. К какому бы направлению психолог ни принадлежал — гуманистической психологии, бихевиоризму, экзистенциальной психологии — всегда важно, обладает ли он нравственным императивом. Курт Левин — ценностный маяк для психологов многих поколений.

В эволюции любой науки существуют преемственные прямые линии коммуникации и смешанные линии — линии диалогов между исследованиями, школами, парадигмами и научными программами.

Преемственная линия проявляется, например, в том, что ты говоришь: «это ученик Выготского» или «это школа Выготского». А потом выстраиваешь сеть коммуникации идей Выготского внутри его школы. Но есть и более ценная прерывная преемственность, когда ты начинаешь общаться, произрастая не только в самой научной школе, а осуществляя гибридизацию школ, идей через конструктивные диалоги, полемики и споры с другими научными школами. У Курта Левина существует прямая линия преемственности, которая наиболее явно фиксируется в науке. Она весьма широка. Говоря о ней, мы в истории развития идей Левина хронологически фиксируем либо берлинский период идей Левина, либо американский период; либо говорим, например, о теории развития квазипотребностей, теории поля, топологической психологии и т. п. Прослеживая эту линию, мы реконструируем связи школы Курта Левина с психологией личности, социальной психологией и методологией психологии. Но есть гибридная линия идей Курта Левина, когда его исследования начинают обогащать и трансформировать другие школы, другие парадигмы через диалог с ними. Делаю шаг в сторону, чтобы пояснить свою мысль.

Мераб Мамардашвили в своем творчестве то и дело вступает в диалоги то с Рене Декартом, то с Марселем Прустом. Рождаются Декарт Мамардашвили и Пруст Мамардашвили. При этом Мамардашвили предостерегает нас, говоря следующее: если бы мои интерпретации увидели и Декарт, и Пруст, то не исключено, что они бы мне сказали: «Мы решали совсем не те задачи, о которых вы говорили», «Вы мне не то приписываете! Простите, я совсем не о том говорю». Поэтому и я, говоря о Левине в нашем общении, постоянно боюсь почувствовать его укоризненный взгляд: «Простите, я не о том говорю». Тем не менее, рельефно видя эти риски, я хочу транслировать общие смыслы, принесенные в психологию Куртом Левином. А для этого реконструировать социокультурный ландшафт, в котором порождались идеи Левина, навсегда преобразившие лицо нашей с вами науки.

Курт Левин — ценностный маяк для ментальности психологов, для методологии психологии, для многих и многих, воспользуюсь термином Альфреда Шюца, смысловых миров. Если есть ценностный маяк, то уже по-другому видятся и методология, и жизненный путь Курта Левина как, говоря словами близкой моему сердцу Людмилы Ивановны Анциферовой, «история отклоненных альтернатив». И сотканных альтернатив, добавляю я. И не боюсь повторить, жизненный путь Курта Левина является историей отклоненных и сотканных альтернатив в психологической науке.

В этом жизненном пути оптика диалогов для меня невероятно важна. Скажи мне, с кем ты вступал в диалоги, и я тебе скажу, кто ты. С кем вступал в диалоги Курт Левин? И какие большие идеи он выбирал для обсуждения в этих диалогах? Я не берусь восстановить неисчислимое множество диалогических линий развития творчества Курта Левина. Поделюсь лишь тем, что помню на уровне личностных смыслов.

На уровне личностных смыслов диалоги Курта Левина с разными исследователями в области психологии и с разными научными школами — это диалоги особой природы. С кем бы Курт Левин ни вступал в диалог, к этому диалогу относится весьма важная формула в контексте понимания влияния творчества Курта Левина на развитие различных проектов и научно-исследовательских программ. Сущность этой формулы, на мой взгляд, наиболее рельефно выражает известный в психологии

«феномен идеализации», в том числе идеализации любимого человека. Если взглянуть на «феномен идеализации» через призму деятельностного подхода А. Н. Леонтьева, на развитие идей которого оказал прямое влияние Курт Левин, то идеализация представляет собой своего рода гештальт, «феномен жизненного пространства», в котором человек обретает такие сверхчувственные системные качества, которых у него не было до момента великой встречи — встречи любимого человека. В «феномене идеализации» проявляется идущее через все работы Курта Левина, но не всегда эксплицированное понимание целостности, понимание гештальта.

Существуют два различных понимания гештальта. Оба восходят прежде всего к идеям классика гештальтпсихологии Макса Вертгеймера. Первое понимание гештальта, кочующее из одного учебника в другой, состоит в том, что гештальт представляет собой целостность, не сводимую к сумме ее частей. Но есть и другое понимание гештальта: это целостность, внутри которой отдельные элементы начинают обладать новыми системными сверхчувственными качествами, наделяются новыми качествами. Это понимание гештальта особо значимо для меня, для раскрытия роли диалога Курта Левина в его общении как со своими прямыми учениками и последователями, так и с представителями других научных школ, исследовательских программ и парадигм. Каждый диалог Курта Левина, с каким бы мыслителем он ни шел, это всегда развивающий диалог, который подчиняется дифференциации жизненных пространств и живет, если воспользоваться метафорой Хорхе Борхеса, как сад расходящихся тропок.

Второе смысловое действие. Курт Левин и Нарцисс Ах: в начале была проблема воли

Асмолов: Курт Левин вошел в психологическую науку, начав диалог о проблемах воли с Нарциссом Ахом. Этот диалог фокусировался на проблеме детерминации волевого выбора. По каким причинам Курт Левин выбрал в качестве одного из своих первых собеседников именно исследователя, который в свое время сам вырвался за пределы парадигмы Вюрцбургской школы безóбраз-

ного мышления — Нарцисса Аха? Поделюсь несколькими предположениями.

Нарцисс Ах, вырываясь из плена ассоциативной психологии и выходя за границы школы безóбразного мышления, предложил вслед за Освальдом Кюльпе как особое понимание задачи (нем. *Aufgabe* — аналог целевой установки в современной психологии), так и эвристичную идею «детерминирующей тенденции». За идеей детерминирующей тенденции проступает в методологии науки проблема целевой детерминации поведения, а тем самым особой телеологической оптики в мышлении о природе, человеке и обществе. Детерминирующая тенденция, которая порождается задачей (*Aufgabe*), в методологическом плане символизирует в экспериментальной психологии мышления начало диалога о целевой детерминации в психологии, о влиянии будущей цели, временнóй перспективы, образа потребностного будущего на поведение сложных развивающихся систем. Именно вопрос о том, как воздействует «перспектива», «образ цели» на человеческий выбор, стоял и стоит на повестке в различных направлениях, пытающихся раскрыть одну из классических проблем психологической науки — проблему воли. Именно через разработку представлений о роли будущего в деятельности человека, создание различных концепций детерминации и самодетерминации выбора и продолжается в наши дни тот конструктивный диалог, в который вступил Курт Левин с Нарциссом Ахом, а также с автором представлений об «антиципирующем комплексе» Отто Зельцем. Для прояснения своего личностного смысла диалога о целевой детерминации воли между Куртом Левином и Нарциссом Ахом, для понимания того, почему в моем восприятии мира объединены Нарцисс Ах, Отто Зельц, Курт Левин и, не удивляйтесь, столь разные исследователи, как Альфред Адлер, Дмитрий Узнадзе, Эдвард Толмен, Алексей Леонтьев, Джеймс Гибсон, Николай Бернштейн, выступающие как разработчики субъективной и объективной телеологии в науке, воспользуюсь слегка измененным образом «люди перспективы», предложенным моим другом Дмитрием Леонтьевым в его предисловии к книге последователя Курта Левина Жозефа Нюттена, названном «Человек перспективы» [Леонтьев, 2004].

Третье смысловое действие. Рождение теории преднамеренной деятельности Курта Левина

Асмолов: Другой важный диалог связан в моем восприятии с периодом исследования Курта Левина, посвященным созданию экспериментальной психологии личности, теории преднамеренной деятельности, концепции «квазипотребностей» и, наконец, зарождением великой идеи Курта Левина о теории поля и топологической психологии. Этот период творчества Курта Левина в истории психологии иногда называют берлинским периодом. Для меня этот этап творчества — до его вынужденной эмиграции из Третьего рейха в США — это этап, повторюсь, разработки теории преднамеренной деятельности, появления представления о «квазипотребностях», «побуждающем характере предметов», «валентности», «временно́й перспективы», «уровня притязаний», «идеального и реального Я» и др. На мой взгляд, именно Курт Левин является одним из основных конструкторов идей и методов экспериментальной психологии личности. Именно диалоги различных исследователей XX и XXI вв. с Куртом Левином как создателем экспериментальной психологии личности и определили для многих исследований XXI в. расходящиеся тропки движения, не побоюсь вновь прибегнуть к метафоре Хорхе Борхеса: экспериментальная психология личности XX и XXI вв. — это сад расходящихся тропок методологии психологии и экспериментальной психологии личности, возделанный Куртом Левином.

Четвертое смысловое действие. Диалоги Курта Левина со школой культурно-исторической психологии Льва Выготского, Александра Лурии и Алексея Леонтьева

Асмолов: Этот диалог стал плодоносящим диалогом для Льва Выготского, всей его группы и особенно потом, когда жизненные пути перемешались, когда Лев Выготский вступил в дискуссию с Куртом Левином и рядом с ним была блистательная, восхитительная Блюма Вульфовна Зейгарник.

Ход в сторону. У меня на кафедре присутствует фотография, на которой Курт Левин танцует вальс с Блюмой Вульфовной Зейгарник.

К. Левин и Б. Зейгарник на вечере по случаю отъезда Б. Зейгарник в СССР в Грюнвальдском парке, Берлин, май 1931 г. Фото из архива ученицы Левина В. Марер. Публикуется с любезного разрешения доктора Ханса-Юргена Вальтера, почетного председателя Общества гештальттеории и ее приложений (GTA)

И это не случайно. Вся диалогическая коммуникация между Куртом Левином, Львом Выготским, Алексеем Леонтьевым и Александром Лурией, в которой Блюма Зейгарник часто была гениальным медиатором и собеседником, стала приглашением к великим «танцам» в психологической науке.

По сути дела, в этих «танцах» появилось столько новых идей, что, как говорится, мало не покажется. Назову лишь некоторые из них. В этих «танцах» складывалась культурно-историческая психология Льва Выготского; в этих «танцах» были поставлены левиновские проблемы, которые решались и школой культурно-исторической психологии, и выросшим на основе диалога с Куртом Левином деятельностным подходом в отечественной психологии. Среди этих проблем прежде всего назову проблему единства аффекта и интеллекта. Это не какой-нибудь, извините, говорю

я, огрызаясь на современность, «эмоциональный интеллект». Это именно проблема взаимоотношений аффекта и интеллекта, из которой вырастают и многочисленные исследования детей в разработанной впоследствии Львом Выготским дефектологии, и продолженная в современной психологии концепция динамических смысловых систем, динамических смысловых образований. Именно к разработке Львом Выготским и Куртом Левином проблемы единства аффекта и интеллекта восходит современная смысловая психология личности. Эта линия проходит через всю психологию личности и становится для меня уже детерминирующей тенденцией разработки динамической смысловой культурно-исторической психологии личности в течение всей жизни. Если угодно, прикосновение к диалогу о природе аффекта и интеллекта между Куртом Левином, Львом Выготским, Алексеем Леонтьевым, Александром Лурией и Блюмой Зейгарник задали для меня «временну́ю перспективу» психологии личности.

Одной из кульминаций в разработке смысловой психологии личности стала вышедшая в 1979 г. статья «О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности». Статья стала итогом объединения исследователей разных поколений, в которое вошли Блюма Вульфовна Зейгарник, Любовь Семеновна Цветкова и Адольф Ульянович Хараш. Я называю имена не по алфавиту, а по влюбленности в тех, кого уже нет с нами. В это объединение вместе со мной вошли Борис Сергеевич Братусь, Вадим Артурович Петровский, Евгений Васильевич Субботский. Когда мы организовывали группу исследования смысловых образований в контексте психологии личности, каждый приходил к пониманию динамической смысловой природы личности своим путем. Блюма Вульфовна шла от исследований смысловых образований личности совместно с Куртом Левином, Львом Семеновичем Выготским и Гитой Васильевной Биренбаум, начавшихся еще в 1930-х годах; Любовь Семеновна Цветкова — от исследований восстановительной реабилитации личности в нейропсихологии, зарождающихся в диалогах Курта Левина, Льва Семеновича Выготского и Александра Романовича Лурии о взаимоотношении аффекта и интеллекта; Евгений Васильевич Субботский — от проведенных им еще на студенческой скамье под руководством Александра Романовича Лурии и Виктора Васильевича Лебединского иссле-

дований персевераций и свободного поведения ребенка; Адольф Ульянович Хараш — от разработки роли личностных смыслов в психологии общения; Вадим Артурович Петровский — от исследований надситуативной активности как механизма порождения деятельности и разработки динамической парадигмы в психологии деятельности, проведенных под руководством Алексея Николаевича Леонтьева. Особо сделаю акцент на инициации объединения этого коллектива авторов, которая принадлежит Борису Сергеевичу Братусю, разрабатывавшему совместно с Блюмой Вульфовной Зейгарник ценностно-смысловой подход к пониманию природы аномалий личности в патопсихологии и общей психологии. Я же двигался от разработки особого диалога школы Алексея Николаевича Леонтьева со школой установки Дмитрия Николаевича Узнадзе, в ходе которого акцентировал внимание на смысловой установке как эскизе будущих действий личности.

Все мы, разрабатывая смысловую динамическую психологию личности, так или иначе вчитывались в Курта Левина, все мы держали в руках его рукопись «Намерение, воля, потребность», которая была психологическим самиздатом и передавалась из рук в руки на факультете психологии МГУ. Мы знали ее как «Отче наш». Именно о ней нас на экзаменах спрашивал Алексей Николаевич Леонтьев.

Примерно в тот же период времени вышли две значимые книги — две монографии Блюмы Вульфовны Зейгарник «Теории личности в зарубежной психологии» и «Психология личности Курта Левина».

Блюма Зейгарник была, конечно, влюблена в Курта Левина, с которым была связана ее исследовательская молодость. Психологическая жизненная правда состоит в том, что в Курта Левина влюблялись его ученицы, среди них были и Блюма Зейгарник, и Тамара Дембо, и Мария Овсянкина, и Гита Биренбаум. Все они работали с Куртом Левином в берлинский период его научной биографии. Впоследствии они перенесли дух творчества общения с Куртом Левином в свою совместную работу со Львом Выготским, Алексеем Леонтьевым, Александром Лурией, Александром Запорожцем, Даниилом Элькониным, Петром Гальпериным, Леонидом Занковым, Петром Зинченко и Лидией Божович. Особо сделаю акцент на исследованиях, которые проводили в 1930-е гг. Зейгарник и Биренбаум, посвященные смысловым образованиям

личности. В этих исследованиях фактически показывается, что смысловые образования не изменяются от вербализации, а меняются только через трансформацию жизненного пространства, через трансформацию жизненного мира, через трансформацию потоков преднамеренной деятельности. Анализ исследований 1930-х гг., связанных с диалогом между Куртом Левином и последующими разработками деятельностного подхода Алексея Николаевича Леонтьева, зримо показывает неразрывную связь между идеями теории деятельности А. Н. Леонтьева и концепцией «побуждающего характера предметов» К. Левина. Для того чтобы это увидеть, достаточно проанализировать проведенное А. Н. Леонтьевым в 1930-х гг. исследование, которое называется «Динамика познавательных интересов посетителей парка культуры и отдыха». Именно в этом исследовании Алексей Николаевич Леонтьев начинает называть предмет, побуждающий деятельность человека, «предметом потребности», а затем «мотивом деятельности». Именно на основе этих исследований появляется концепция мотива как предмета потребности, в дальнейшем разработанная Алексеем Николаевичем Леонтьевым и его учениками.

Обратите внимание, что конструкция «мотив как предмет потребности» непосредственно связана с введенным Куртом Левином в теории поля представлением о побуждающем характере вещей, «характере требования» (*Aufforderungscharakter*). Курт Левин ввел идею побуждающего характера предметов, которая впоследствии нашла свое воплощение в идее «валентности». В диалоге с Левином, еще раз отмечу, А. Н. Леонтьев фактически задает понимание мотива как предмета потребности в жизненном пространстве, а тем самым вслед за Левином в контексте экспериментальной психологии снимает субъектно-предметную оппозицию. В связи с этим упомяну, что в диалог с Куртом Левином вступил и Карл Дункер, который в контексте своей концепции продуктивного мышления ввел представление о функциональной фиксированности предметов (позднее это представление выступит у А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина и К. Хольцкампа как представление о «предметных значениях»). Если проследить генезис идей «побуждающего характера предметов» в психологии, то мы увидим их связь с разработкой концепции А. Н. Леонтьева об «образе мира» и концепции «аффорданса» в экологической

теории восприятия Дж. Гибсона. Рискну предположить, что представления, развитые в 1970-х гг. А. Н. Леонтьевым, — о том, что мы живем в таких измерениях, как «поле значений» и «поле смыслов», — и идеологически, и терминологически связаны с теорией поля Курта Левина, его идеями о побуждающем характере вещей. Необходимо особое исследование в истории психологии, чтобы высветить эти линии развития представлений о теории поля и жизненном пространстве Курта Левина в нашей науке. Еще раз подчеркну ключевой тезис теории поля Курта Левина: мы живем в жизненном пространстве, мы живем в мире побуждающих предметов, мы живем в мире вещей, которые имеют душу.

Близкую логику анализа мы находим и в теории психологии установки, разрабатываемой Дмитрием Николаевичем Узнадзе в 1923–1925 гг., описанной в монографии «Экспериментальные основы психологии установки». Он по сути показал, что идея «побуждающего характера предметов» лежит в основе представлений о порождении первичных установок, определяющих поведение человека. Обращаю внимание: не фиксированных установок, которые потом стали основным предметом исследования в школе психологии установки Д. Н. Узнадзе, а именно первичной установки. Встреча субъекта с ситуацией удовлетворения потребности — это значимая встреча в развитии поведения, детерминированного первичной установкой (см. об этом: [Асмолов, 1979]).

Обозначенные выше линии диалога Курта Левина с различными исследователями в нашей психологической науке иллюстрируют живые следы идей К. Левина, которые выступают как детерминирующие тенденции психологической науки (см. подробнее: [Ясницкий, 2012]).

Берлинский период творчества Курта Левина бездонен. В этот период Левин создал и экспериментальную психологию личности, и теорию уровня притязаний, которая через исследования его ученика Фердинанда Хоппе нашла продолжение в когнитивной социальной психологии и в концепциях мотивации достижения, даже если авторы этих концепций иногда и не ссылаются на родство с Куртом Левином. Иными словами, это богатство идей, которое было у Курта Левина, задало огромное количество эскизов будущего действия для современной психологии.

Пятое смысловое действие. Гештальтизация бихевиоризма — диалоги Курта Левина, Эдварда Толмена и Эгона Брунсвика

Асмолов: В конце 1930-х гг. в США развернулась полемика между Куртом Левином и классиком понимания целенаправленного поведения у человека и животных Эдвардом Толменом [Tolman, 1932a; 1932b; 1948]. В этой полемике принял участие и выдающийся исследователь Эгон Брунсвик [Brunswik, 1952], работы которого в области психологии в нашей стране недостаточно оценены. Будучи под влиянием гештальтпсихологии, психолог венгерского происхождения Эгон Брунсвик, начавший свою карьеру ассистентом Карла Бюлера, в 1930-х гг. еще в Германии встречался с Эдвардом Толменом. Могу предположить, что именно Э. Брунсвик сыграл немаловажную роль в коммуникации между К. Левином и Э. Толменом. На мой взгляд, диалог между К. Левином, Э. Толменом и Э. Брунсвиком состоялся именно потому, что и теория целенаправленного поведения, разрабатываемая в контексте молярного бихевиоризма Эдварда Толмена, и теория поля Курта Левина, и представления о вероятностном функционализме и экологической валидности Эгона Брунсвика сыграли свою роль в трансформации методологии психологии. Детальный анализ этой полемики еще ждет историков психологии. Для нас же в контексте понимания наследия Курта Левина важно подчеркнуть, что подобного рода диалоги являются ярким примером интеллектуальной гибридизации таких различных школ психологии, как школа гештальтпсихологии, из которой вышли и Курт Левин, и Эгон Брунсвик, и школа бихевиоризма, в которой шел поиск молярных, целостных концепций поведения, а не только атомарных, молекулярных концепций поведения в стиле Джона Уотсона. Возвращаясь к идее целевой детерминации и временно*й* перспективы, отмечу, что именно Э. Толмен как лидер молярного бихевиоризма вводит понятие целенаправленного поведения, когнитивных карт, а также экспектации как промежуточной переменной. Именно Э. Толмен оказал влияние на Джерома Брунера [Брунер, 1977], который впоследствии разработал теорию перцептивных гипотез, определяющую конструирование образов восприятия. И вся полемика между Куртом Левином, Эдвардом Толменом и Эгоном Брунсвиком показывает, насколько в ходе этой полемики «геш-

тальтировалась» методология американской психологии. Именно в 1930-х гг. Эдвард Толмен вводит понятие когнитивных карт у человека и животных, которое ныне стало привычным для социальной когнитивной психологии и вообще в когнитивной науке. Именно Э. Толмен в контексте своего варианта целенаправленного бихевиоризма рассматривал цель как объективную цель (*goal*). Если бы дискуссия конца 1930-х гг. между Э. Толменом, К. Левином и Э. Брунсвиком была издана в России и отрефлексирована, то родство идей Курта Левина со многими перекрещивающимися линиями интеллектуальной эволюции психологической науки стало бы более очевидным.

Шестое смысловое действие. Теория поля Курта Левина и использование конструкта «поля» в категориальном аппарате психологии

Асмолов: Вряд ли нужно доказывать, что язык теории поля Курта Левина, его идеи топологической психологии во многом задали научный лексикон психологических исследований. Достаточно упомянуть такие направления в психологии, как экологическая психология восприятия Джеймса Гибсона, экологическая психология развития Ури Бронфенбреннера, а также энвайронментальная психология, особенно продуктивно развиваемая, на мой взгляд, многие годы эстонскими психологами [Niit et al., 1994].

Не могу не упомянуть об оригинальных исследованиях сенсорных пространств Чингиза Измайлова, ученика Евгения Николаевича Соколова, а также об исследованиях перцептивных пространств в сфере психосемантики Виктора Петренко. Не думаю, что подобного рода исследования появились бы ныне, если бы топологическая психология Курта Левина не стала в нашей науке архетипом коллективного бессознательного.

Теория поля Курта Левина, его топологическая психология — это уход от банальных операционализаций, различных метрик, от дискретности — к торжеству гештальт-холистской идеологии. Именно Курт Левин подарил психологии «поле» как методологическую единицу анализа жизненных пространств. И когда мы говорим, вслед за Чарльзом Осгудом, о семантических пространствах, когда в работах таких наших психофизиологов, как Чингиз

Измайлов, обсуждаем идеи перцептивного пространства, мы пользуемся категориальным аппаратом К. Левина, часто не рефлексируя, что сами идеи сематического пространства и перцептивного пространства прорастают из топологической психологии Курта Левина.

Седьмое смысловое действие. Курт Левин и стили методологии науки

Асмолов: Когда-то канадский психофизиолог Ганс Селье предложил различать в интеллектуальной эволюции науки два индивидуальных стиля исследователей: стиль «решателей проблем» и стиль «постановщиков проблем». В исследованиях Курта Левина воплощались оба этих стиля. Он обладал искусством интеграции методологии и технологии исследования, набирая команды достойных учеников на самых разных этапах своей научной биографии. Для него реальные жизненные ситуации были своего рода моделью, используя представление А. Ф. Лазурского, «естественных экспериментов». В практике Курта Левина методология срасталась с онтологией. У него не было методолого-онтологического параллелизма. В этом стилистика его мышления. Он постоянно сращивает методологию, феноменологию и экспериментальные исследования. В этом смысле Курт Левин многорук, подобно индийскому богу Шиве. Он мог нырнуть в историю науки и проанализировать, как мы хорошо знаем, стили мышления Аристотеля и Галилея. Он все время занимал межпарадигмальные позиции, оставаясь при этом верен парадигме топологической психологии.

Для меня, когда я смотрю на современную психологию через оптику топологической психологии Курта Левина, в эволюции науки начинают пересекаться линии таких исследователей, которые вряд ли когда-либо сопоставлялись друг с другом. Так, например, в работах 1940-х гг. классик неклассической биологии целенаправленной активности Николай Александрович Бернштейн замечает, что в процессе построения движений примат — за топологией, а не за метрикой. В те же годы Курт Левин обсуждает, что топос всегда больше, чем метрика. И что в фокусе внимания психологов должна быть топология жизненных пространств. Совсем недавно в одном из диалогов Александр Николаевич Поддьяков обронил мысль

о том, что психологи часто считают последним словом в науке те идеи, которые являются уже вчерашним днем математики, физики и биологии. За этими словами есть своя правда. Но эта правда не относится к методологии Курта Левина, который, разрабатывая топологическую психологию, продвигался в эволюции методологии науки, не столько заимствуя идеи у физиков и математиков, сколько наполняя их иными смыслами. Курт Левин, как и Н. А. Бернштейн, был звездным, многогранным человеком, многояйным человеком.

И для меня важно, что в экспериментах Курта Левина участвовали психологи, которые были живыми персонажами науки, а не только теми людьми, которым воздвигают памятники из бронзы. В его экспериментах, посвященных динамике гнева, как об этом рассказывала Б. В. Зейгарник, проявлялись индивидуальные стили поведения разных известных психологов. Так, в экспериментах Тамары Дембо, когда их участникам давалась неразрешимая задача, Макс Вертгеймер, видя, что задача не имеет решения, «поднимался над полем» и начинал писать свою очередную статью. Юный Александр Романович Лурия после нескольких безуспешных попыток найти решение задач впадал в ситуацию фрустрации, и молнии его гнева поражали экспериментаторов.

Курт Левин никогда не стеснялся своей национальной идентичности. Поэтому боль, драма, страдания еврейского народа, обожженного Холокостом, проходили через его исследования. В этих исследованиях природы конфликта проявилась еще одна особенность личности Курта Левина — его бесконечная преданность человечности.

Идеи Курта Левина прорастают в самых разных направлениях современной психологии. К его теории может быть полностью применен эффект прерванных действий, вошедший в историю нашей науки под именем «эффекта Зейгарник» [Zeigarnik, 1927]. Психологическая наука живет и развивается до тех пор, пока мышление психологов остается в состоянии прерванного действия, в котором всех нас оставил один из самых человечных психологов ушедшего XX в. — Курт Левин.

Гришина: Я много лет читаю Курта Левина, люблю Курта Левина, но ваш рассказ поразил меня, позволив увидеть что-то совершенно по-новому. Мне глубоко близка ваша идея множественности миров Курта Левина, вы называете это многояйностью Курта Ле-

вина, множественностью его Я. Он действительно играл на разных полях, на многих полях, и я хотела бы спросить у вас об американском периоде его жизни, который был для него очень сложным, очень трагичным. На меня в свое время произвело большое впечатление то, как активно он занимается решением социальных проблем. То, как Курт Левин отстаивает свою парадигму активного действенного исследования, о которой он говорил: психолог не должен ограничиваться объяснением поведения, он должен идти дальше, и эмпирически, экспериментально, в реальной жизни проверять те теории, те идеи, которые у него возникают. И я хотела спросить о нашем сегодняшнем дне, о современной психологии: почему мы стали ограничиваться объяснением поведения? Вы один из немногих психологов, которые реально работают в парадигме активного действенного исследования. Дочь Курта Левина писала, что для него главной жизненной целью было сделать этот мир лучше. Вы один из немногих, кто это делает. Что мы можем сделать сегодня, особенно в той трудной ситуации, в которой мы сейчас находимся, чтобы не только терапевтически, не только психологической помощью онлайн, но сделать что-то большее для решения проблем нашего общества, чтобы сделать этот мир лучше?

Асмолов: Ваш вопрос носит экзистенциальный характер. Не хочу отшучиваться в стиле одиннадцатого тезиса о Фейербахе, что до сих пор философы и психологи наблюдали мир; изменить его — вот наша задача. Вы правы, Курт Левин задолго до любого конструктивизма был конструктором пробуждающих сил саморазвития. Он никогда не работал с помощью манипулирования. Курт Левин все время пытался — и в этом он близок Виктору Франклу — трансформировать реальность. Он мечтал очеловечить человека. Что такое теория жизненного пространства? Это попытка создать очеловеченный мир. В этом смысле мотив очеловеченного мира — это смыслообразующий мотив жизни Курта Левина. Этот смыслообразующий мотив рельефно передается и названием книги А. Р. Лурии на английском «The Making of Mind». По своей философии жизни Курт Левин близок к экзистенциализму. Но что такое экзистенциальное мировоззрение? Для меня это социальная анестезиология боли, которая помогает пережить трагедии и выше поднять голову человеку. Курт Левин не только разрабатывал психологию перспективы. Он говорил о психологии жизненных пространств, особенно в аме-

риканский период своего творчества — период, когда он оказался в ситуации «чужой среди чужих», когда рядом были бихевиористы, когда, как говорил Гордон Олпорт, преобладал галопирующий эмпиризм, а я бы добавил: и галопирующий прагматизм. Он знал конфликты не понаслышке, не по учебнику. Он проживал конфликты и с другими ментальностями, и с другими научными школами. Его диалоги — это откупорка смыслов других людей и создание своих смыслов. Он постоянно находился в ситуации развивающего конфликта. Он его проживал, так же как Виктор Франкл и Эрих Фромм. У всех этих изгнанников общность судьбы. Они понимали, что мир, распятый закрытостью и тоталитарностью, будет бесчеловечным миром, миром абсолютного зла. Поэтому применительно к нынешней ситуации встает мой любимый вопрос: «Как остаться человеком в бесчеловечную эпоху?» Вспомните строки песни Александра Галича: «Ах, какая странная эпоха, не горим в огне, но тонем в лужах. Обезьянке было очень плохо, человеку было много хуже». И ныне мне невероятно больно, когда психологи тонут в лужах социального конформизма.

Мы с вами пытаемся, чтобы разные научные школы вели непрестанный диалог друг с другом. Для меня это важно. Я начал диалог между школой психологии установки и школой психологии деятельности. Мне всегда хотелось подняться над полем, преодолеть изоляционизм и инкапсулирование научных школ, которые говорят только на своем языке, вольно или невольно перевоплощаясь в носителей жреческого разума. Курт Левин, Виктор Франкл или Абрахам Маслоу — хоть они не согласуются в своих концепциях, обладают общим ценностным императивом. Для меня значимы слова моего учителя Алексея Николаевича Леонтьева о том, что мы делаем не только действительную, но и действенную психологию. Психология Курта Левина была действенной психологией. И когда мы пускаемся во все тяжкие и ныряем в конструирование практики смыслового, вариативного, личностно образующего образования, мы верим, что народится тот мир, о природе которого спорили Нарцисс Ах и Курт Левин — мир свободного личностного выбора. Курт Левин всю жизнь, говоря словами Людмилы Ивановны Анциферовой, изменял себя, не изменяя себе. Уроки действенности — это всегда экзистенциальные уроки. Психолог, который в эксперименте велик; психолог, который в теории может быть прекрасен, всегда

рискует, когда выходит на поляну действенности. В связи с этим вспоминаю слова одного фанатика, истово ненавидящего психологию и мечтающего о возврате тоталитарной эпохи. Он как-то обронил, что никакой бы перестройки в Советском Союзе не было, если бы в 1966 году не появились два факультета психологии — факультет психологии МГУ и факультет психологии ЛГУ. Когда этот фанатик предъявил это обвинение, у меня сначала сердце дрогнуло от горечи. А потом оно у меня перестало дрожать, потому что я понял, что те, кто так критикует, своим нутром чувствует, что наши факультеты пошли по пути от человекознания к человековедению. В связи с этим вспоминается библейская цитата, которую часто повторял Лев Семенович Выготский: «Камень, который презрели строители, должен встать во главу угла». А камень — это практика. Но практика в экзистенциальном смысле слова, а не техника. Он говорил о культурной практике, практике поддержки разнообразия, практики, где есть забота о другом человеке.

Что такое человек? Человек — это интериоризированная забота о других. Только заботясь о других, ты начинаешь заботиться о самом себе. Вот это та интериоризация, которая проходит через жизнь личности. Невольно вспоминаются слова Анны Андреевны Ахматовой, раскрывающие решение задач на смысл, работу человека с самим собой: «У меня сегодня много дела, надо память до конца убить, надо чтоб душа окаменела, надо снова научиться жить». Психология, помогающая снова научиться жить, это психология Курта Левина, Виктора Франкла, Эриха Фромма. При этом уверен, что Курт Левин понимал то, насколько сложней быть человеком, чем, воспользуюсь формулой братьев Стругацких, быть богом.

Губанова: Александр Григорьевич, сегодня в цифровом обществе потребления у человека все еще есть воля искать свой путь?

Асмолов: Во-первых, отвечаю как человек и психолог, глядя на вас, у вас этой воли больше чем достаточно. И то, что мы сейчас говорим, и то, что с вами делаем, создавая вокруг себя искусство общения непохожих друг на друга психологов — академических и практических — это невероятно важно. Мы в психологии должны преодолевать и нравственный эгоцентризм, и познавательный эгоцентризм. Кто закутался в рыцарское одеяние парадигмы Т. Куна, тот стал эгоцентриком. Курт Левин работал на

границах парадигм. Именно поэтому я считаю оправданным говорить о созвездии жизненных миров Курта Левина.

Губанова: Слушая вас, я делаю для себя вывод: либо я буду человеком, либо меня не будет совсем.

Асмолов: Нет, вы всегда обладаете возможностью быть человеком, возможностью встать над ситуацией и вырваться за рамки, как бы сказал Курт Левин, импульсивного поведения.

Губанова: Александр Григорьевич, спасибо за эту беседу о Курте Левине, чье 130-летие мы отметим — казалось бы, так давно это было, это далеко в истории…

Асмолов: Он не в истории, он в сердце.

Гришина: Сегодняшняя наша встреча — это событие в моей жизни, которое я еще должна осмыслить. И мне кажется важным, чтобы с этим обсуждением идей и личности Курта Левина познакомилось как можно больше людей. Что, если мы назовем текст нашего обсуждения «Курт Левин: созвездие жизненных миров»? И я бы хотела дать подзаголовок «Диалоги с Куртом Левином». Я просто счастлива, что в моей жизни был Курт Левин, его работы, его личность оказали на меня огромное влияние. Чувство его влияния сопутствует мне всю жизнь. Когда я была студенткой, я прочла, как он пишет в письме Кёлеру, что когда-нибудь психология должна будет перейти от изучения концепта времени к концепту пространства. Я, конечно, в то время не могла понять это по-настоящему, но чувствовала, что в этом есть что-то очень важное. Потом мой диалог с Куртом Левином был прерывистым, я от него уходила, потом возвращалась. Был период, когда, мне кажется, я в течение целого года читала только работы Левина и работы о нем, тогда я и написала его биографию. Сейчас бы я не решилась это сделать. Но я была так в него влюблена, что мне хотелось написать о нем, чтобы все о нем читали. И сейчас рекомендую студентам перед тем, как читать работы Курта Левина и с ним знакомиться, прочесть его биографию, потому что его биография — это ключ к пониманию его профессиональной жизни, которую не понять без его биографии, без его удивительной жизни. Для меня это великий пример. Его дочь пишет, что Левин с самого детства был маргиналом. Сначала это маленький еврейский мир, в котором его семья имела высокий статус, за пределами которого, во время учебы в университете, ему непросто.

А когда он переезжает в Америку, кем он становится в своем новом окружении? Беженец из Германии, для профессоров в университете он был эмигрантом, для бизнесменов, с которыми ему приходилось иметь дело, он был интеллектуалом. Он все время был маргиналом. Я его биографию заканчиваю словами о том, что обстоятельства его жизненной истории таковы, что могли бы сделать из него постоянного посетителя кабинета психоаналитика. Но Курт Левин — в его терминологии — встал «над полем». Вся его жизнь — это встать над полем. Это великий и вдохновляющий пример.

***Асмолов*:** Вы сказали: «Я была влюблена в Левина». Наш диалог о Курте Левине — это диалог влюбленных людей. Чтоб стать психологом в своей профессиональной жизни, надо пройти через идентификацию с целым рядом мыслителей. Я никогда не предам ни Льва Семеновича Выготского, ни Алексея Николаевича Леонтьева, ни Курта Левина, потому что предать их — это предать людей, которые тебя творили и в которых ты влюблен. Это далеко за пределами идеала рациональности. И это в буквальном смысле подняться над полем, осуществить, как бы сказал Вадим Петровский, акт надситуативной активности. Психолог, который погружается в связи со 130-летием в мир Курта Левина, имеет возможность идентифицироваться с Куртом Левином. Когда мы осмысляем, как вы, Наталия Владимировна, его биографию, мы не просто говорим — мы переживаем смыслы. И наш диалог о Курте Левине — это продолженная идентификация с этим мыслителем. Мы вычерпываем его смыслы. Пусть другие психологи рядом с нами или без нас подпитаются его смыслами. И каждый родит своего Курта Левина, превращая 130-летие К. Левина в продолжение его жизни в современной психологической науке.

Литература

Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М.: Изд-во МГУ, 1979.

Асмолов А. Г., Братусь Б. С., Зейгарник Б. В. и др. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 35–46.

Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / пер. с англ. М.: Прогресс, 1977.

Зейгарник Б. В. Теории личности в зарубежной психологии. М.: Изд-во МГУ, 1982.

Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина. М.: Изд-во МГУ, 1981.

Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. I. М.: Педагогика, 1983.

Леонтьев Д. А. Человек перспективы // Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. С. 5–16.

Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961.

Ясницкий А. К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 60–97.

Brunswik E. The conceptual framework of psychology. Chicago, 1952.

Niit T., Heidmets M., Kruusvall J. Environmental Psychology in Estonia // Journal of Russian and East European Psychology. 1994. No. 32 (3), May. P. 5–40.

Tolman E. C. Purposive Behavior in Animals and Men. University of California Press, 1932a.

Tolman E. C. Lewin's Concept of Vectors // Journal Gen. Psychol. 1932b. No. 7. P. 3–15.

Tolman E. C. Kurt Lewin: 1890–1947 // Psychol. Rev. 1948. No. 55 (1). P. 1–4.

Zeigarnik B. Das Behalten erledigter und unerledigter Handlungen // Psychologische Forschung. 1927. No. 9. S. 1–85.

References

Asmolov A. G. *Activity and disposition*. Moscow, Moscow State University Press, 1979. (In Russian)

Asmolov A. G., Bratus B. S., Zeigarnik B. V., et al. About some perspectives of research of meatning formations of personality. *Voprosy psikhologii*, 1979, no. 4, pp. 35–46. (In Russian)

Bruner J. *Psychology of knowledge. Beyond the immediate information*. Moscow, Progress Publ., 1977. (In Russian)

Brunswik E. *The conceptual framework of psychology*. Chicago, 1952.

Leontiev A. N. *Selected psychological works*: in 2 vols. Vol. I. Moscow, Pedagogy Publ., 1983. (In Russian)

Leontiev D. A. Man of perspective. In: Nuttin J. *Motivation, action and perspective of the future*. Moscow, Smysl Publ., 2004, pp. 5–16. (In Russian)

Niit T., Heidmets M., Kruusvall J. Environmental Psychology in Estonia. *Journal of Russian and East European Psychology*, 1994, no. 32 (3), May, pp. 5–40.

Tolman E. C. *Purposive Behavior in Animals and Men*. University of California Press, 1932a.

Tolman E. C. Lewin's Concept of Vectors. *Journal Gen. Psychol.*, 1932b, no. 7, pp. 3–15.

Tolman E. C. Kurt Lewin: 1890–1947. *Psychol. Rev.*, 1948, no. 55 (1), pp. 1–4.

Uznadze D. N. *Experimental foundations of psychology disposition*. Tbilisi, Academy of Sciences of Georgian SSR Press, 1961. (In Russian)

Yasnitsky A. On the history of cultural and historical Gestalt psychology: Vygotsky, Luria, Koffka, Lewin et al. *Psychological journal of the International University of nature, society and man* "*Dubna*", 2012, no. 1, pp. 60–97. (In Russian)

Zeigarnik B. Das Behalten erledigter und unerledigter Handlungen. *Psychologische Forschung*, 1927, no. 9, pp. 1–85.

Zeigarnik B. V. *Theory of personality in foreign psychology*. Moscow, Moscow State University Press, 1982. (In Russian).

Zeigarnik B. V. *Theory of personality of K. Lewin*. Moscow, Moscow State University Press, 1981. (In Russian).

Д. А. Леонтьев

О теории поля Курта Левина*

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, Москва, 101000, ул. Мясницкая, 20

Статья посвящена рассмотрению теории поля Курта Левина — одного из самых влиятельных психологов XX столетия — как теории личности. Левин был одним из авторов, которые наиболее методологически продуманно и осмысленно строили свою работу, не просто выдвигали идеи, а параллельно прорабатывали правила и принципы — как вообще надо строить психологию. Он больше, чем кто-либо другой, связывает между собой разошедшиеся в начале XX в. линии гуманитарного и естественнонаучного классического подхода к человеку, линию психологии собственно личности и линию психологии индивидуальности, выдвигая на передний план категорию взаимодействия. Он взял в качестве точки отсчета человека как индивидуальность, не обращаясь к его внутреннему миру, смысловым содержаниям, и пытался анализировать структуру сил, которые действуют на него и доступны описанию внешнего наблюдателя. Но развитие экспериментальной методологии привело ученого к осознанию того, что человек сам начинает трансформировать экспериментальную ситуацию через понимание ее смысла и формулирование собственных целей. Ключевые положения теории Левина можно свести к следующим: 1. Личность проявляет себя во взаимодействиях с ситуацией и окружающим миром в целом. 2. Действия во внешнем поле побуждаются и направляются напряженной системой нереализованной потребности или намерения (квазипотребности); их выполнение приводит к разрядке системы. Произвольные действия направляются силами поля, созданного напряженной системой цели. 3. Единство внутреннего и внешнего поля образует жизненное пространство, которое включает в себя наряду с внешними и внутренними областями целостного поля также идеальные (воображаемые) поля и социальные (индуцированные) поля. 4. Развитие личности идет в направлении ее расширения и дифференциации, усложнения организации и реалистичности.

Ключевые слова: теория поля, экспериментальная методология, напряженная система, намерения, жизненное пространство.

---

* Впервые опубликовано: Гештальт-обзор / под ред. С. Сытника и др. Одесса: ВМВ, 2013. № 2. С. 35–49; № 3. С. 56–73. Публикуется с разрешения редакции журнала.

Курт Левин не без оснований считается одним из основоположников теоретических оснований гештальтпсихологии и гештальттерапии. Вместе с тем классификация его теории личности и мотивации как гештальтпсихологической в известной степени условна.

С классической гештальтпсихологией познавательных процессов, представленной такими именами, как В. Кёлер, К. Коффка, М. Вертхаймер и др., теорию Левина связывает единство места и времени (Берлинский университет, конец 1910-х — начало 1930-х гг.) и некоторые общие философско-методологические основы. В частности, Б. В. Зейгарник [Зейгарник, 1981] выделяет три главных общих принципа основной линии гештальтпсихологии и стоявшего чуть в стороне Левина. 1. Идея целостности, гласящая, что образ, гештальт создается не путем складывания и синтеза отдельных элементов из частей, как считала бóльшая часть психологов того времени, а наоборот, целое определяет части. 2. Актуальность образа, который имеет место здесь и теперь, все происходит непосредственно в данный момент. В противовес идеям Фрейда гештальтпсихологи исходили из того, что ключевую роль играет настоящее, а прошлое значимо лишь постольку, поскольку оно как-то в настоящем присутствует и отражено. 3. Принцип изоморфизма: существуют принципиально общие закономерности в разных науках. Закономерности объективных, физических гештальтов (в физическом мире) и субъективных гештальтов (в нашем сознании, в нашем восприятии) совпадают: они в целом одинаково организованы, строятся по одинаковым законам, соответствуют друг другу.

Эти три принципа действительно имеют отношение и к тому, что делал Левин в области психологии личности и мотивации. Однако теория поля Левина просто была направлена на другой предмет, и этими тремя общими принципами исчерпывается ее сходство с классической гештальтпсихологией восприятия, мышления и т. д. Левин фактически открыл для психологии новый предмет, он всерьез начал изучать в числе первых динамику действия, разворачивающуюся в конкретной актуальной ситуации. Не будет большим преувеличением утверждать, что именно из этого направления исследований выросла вся послевоенная психология мотивации и существенная часть психологии личности и социальной психологии.

С Левина, который родился в 1890 г., по сути началось новое поколение психологов, которые во многом определили образ психологии XX в. Он успел защитить свою диссертацию перед войной, в 1914 г., потом воевал в артиллерии на фронтах Первой мировой войны, затем, вернувшись, преподавал в Берлинском университете до середины 1930-х, когда ему пришлось, как и всем сколько-нибудь серьезным психологам из Германии и близлежащих стран, эмигрировать в Соединенные Штаты. Эмиграция делит его жизнь на два одинаково ярких и продуктивных периода — берлинский и американский. В Соединенных Штатах он немножко сменил тематику, переключился на другие области и успешно работал до своей смерти в 1947 г. в возрасте 57 лет. Подробности его биографии можно найти в объемистом и содержательном очерке жизни и творчества Левина, написанном Н. В. Гришиной [Гришина, 2000].

Гордон Олпорт [Олпорт, 1998] в статье с выразительным названием «Гений Курта Левина» назвал его «возможно, самым оригинальным мыслителем XX века» [Олпорт, 1998, с. 288]. Действительно, Левин входил в число ученых, которые в наибольшей степени определили облик психологии целого столетия. Он породил современную психологию мотивации, психологию целей и целеполагания. Он первым начал изучать зависимость поведения от ситуации. Он стоял у истоков многих тем, связанных с психологией воспитания, поставил вопрос о роли мотивации в процессах обучения. С него берет начало психология среды. Он считается одним из основоположников социальной психологии. Все групповые методы, проблемы групповой дискуссии, групповых решений, группового давления и феномена группы вообще, включая тренинг и групповую терапию, тоже начались с Левина, как и конфликтология, классификация стилей руководства и стилей лидерства, психология времени и проблематика временн*о*й перспективы и многое другое.

Левин начинал с того, что пытался сделать психологию наукой по образцу естественных наук. Он был одним из авторов, которые наиболее методологически продуманно и осмысленно строили свою работу, т. е. не просто выдвигали какие-то идеи, а параллельно прорабатывали те правила и принципы — как вообще надо строить психологию.

Самая первая публикация Левина, чисто феноменологическая, называется «Военный ландшафт» [Левин, 2001, с. 87–93]. Приехав после войны на то место, где он был во время военных действий, Левин обнаруживает, что один и тот же ландшафт воспринимается совершенно иначе. Уже здесь появляется идея *психологической ситуации*: нет *просто* местности, есть *воспринятая определенным образом* местность, и она оказывает существенное влияние на наши действия. Военные действия структурируют ситуацию одним образом, мирный контекст — совершенно другим. Описание военного ландшафта очень напоминает позднейшие описания психологического поля — как всего, что существует для человека психологически (Левин говорит, в частности, о направленности ландшафта, граничной зоне, местах опасности, границе местности и т. д.). По сути, здесь намечается круг проблем, которые будут интересовать Курта Левина на протяжении всей жизни.

Выводы, которые делает Левин из этого феноменологического анализа, связаны с взаимодействием внутренней реальности и внешней реальности. Существует единое структурированное поле, включающее в себя внутреннее поле и внешнее поле, в котором мы действуем. Между внутренним и внешним полем существуют границы, но изолировать их друг от друга нельзя. Границы тоже обладают своими свойствами, своими динамическими закономерностями.

Последующие его работы берлинского периода распадаются на две линии. Первая линия — это методологические работы, связанные с тем, что такое вообще психология, как ее правильно строить. Левин резюмирует итоги своих поисков в двух принципиально важных чисто методологических работах: «Закон и эксперимент в психологии» (1927) и «Переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому в психологии и биологии» (1931). Они и сейчас звучат очень современно. И вторая — феноменологические и экспериментальные исследования динамики действия, где он первым из академических психологов принял вызов Фрейда, стал развивать конкурентоспособные по отношению к психоанализу взгляды на личность, мотивацию, динамику непроизвольных и произвольных действий и их аффективной регуляции.

Методологические работы Левина

Целый ряд методологических статей Левина посвящены не конкретным психологическим вопросам, а тому, как вообще строится психологическая теория, психологическое исследование. В ранних своих работах он ориентировался на идеалы естественных наук, прежде всего физики. Левин констатирует, что большая часть современной ему психологии, — наверное, и психологии сегодняшнего дня тоже — фактически исходит из аристотелевской модели общефилософского познания: каждый предмет имеет свою внутреннюю природу и проявляет себя в соответствии со своей природой. Мы должны познать внутреннюю природу этого объекта, обнаружив в нем его свойства, которые этому объекту присущи, на основании которых мы можем дальше предсказать, как этот объект будет себя вести.

Левин критикует эту позицию. Одна из самых известных его методологических работ называется «Переход от аристотелевского к галилеевскому способу мышления в биологии и психологии» [Левин, 2001, с. 54–84]. Он показывает, что естественные науки приняли современный облик благодаря преодолению аристотелевского представления о том, что все свойства вещей заложены в их природе. Ключевой идеей «галилеевского» способа мышления является *принцип законосообразности психического* и стремление вывести законы психики, столь же строгие и всеобъемлющие, как и законы ньютоново-галилеевской физики. На основе этого Левин собирался вписать психологию в классическую естественно-научную картину мира. В отличие от большинства современных ему психологов Левин считает: *все без исключения* — в том числе и «высшие» — *психические явления закономерны и подлежат научному, в том числе и экспериментальному исследованию;* могут и должны быть найдены законы, которым они подчиняются.

Ключевое понятие ньютоновской физики и всей последующей физики Нового времени, включая эйнштейновскую, — понятие *взаимодействия*. В других современных естественных науках ответы на все вопросы также выводятся из анализа взаимодействия между единичными объектами познания. В частности, Галилей проводил эксперименты, в которых он доказал, что вес тел — не их

имманентное свойство, а характеристика их взаимодействия между собой. Левин призвал приложить эту логику рассуждений к психологическим свойствам человека. Мы привыкли приписывать источники поведения, движущих сил — мотивы, черты (понятие «черта» тогда еще только начинало зарождаться) самой личности, индивидуальности, внутренней природе. На самом деле они не заложены во внутренней природе, они возникают во взаимодействиях. Если мы не будем анализировать взаимодействия в едином целостном поле, то не обнаружим никаких индивидуальных проявлений. Люди вступают во взаимодействие друг с другом, со своим окружением, со своей средой, и в этом, собственно, и проявляются какие-то качества. Бессмысленно пытаться извлечь человека из этого взаимодействия и пытаться в нем что-то найти.

Другой серьезный анализ был связан с понятиями закона и закономерности. В статье «Закон и эксперимент в психологии» [Левин, 2001, с. 23–53] Левин сравнивает и противопоставляет друг другу научные законы, с одной стороны, и правила, выводимые на основе статистического обобщения, с другой. Тогда стояла та же проблема, что и сегодня: проблема того, что психология изучает не настоящие законы, а статистические, которые могут выполняться с некоторой вероятностью, а могут и не выполняться. Остальные науки не знают исключений, они изучают законы, которые выполняются безусловно. Закон общезначим, он действует во всех без исключения случаях и этим отличается от правила, обобщающего часто встречающиеся случаи. С этим противопоставлением связана и критика Левином «духа статистики», господствовавшего в современной ему экспериментальной психологии и господствующего и поныне, а также сравнительный анализ причинной зависимости и простой регулярности. Левин показал, что и в психологии все процессы тоже действуют однозначным образом. Но эта детерминация множественная: на каждый процесс действует очень много разных факторов, которые невозможно все учесть. И там, где мы видим один процесс, он на самом деле делится на несколько разных отрезков, и на каждом отрезке этот процесс направляется и побуждается своей группой причин и детерминант, детерминация одного и того же процесса по ходу его меняется. Человек мог прийти на лекцию по одной причине, продолжать оставаться по другой причине, вернуться после перерыва по третьей причине, и нельзя выделить одну

общую причину, по которой он а) пришел, б) остается в перерыве и в) приходит после обеда. Это могут быть три разных причины. А пытаясь усмотреть за этим единую общую закономерность, мы не можем ее обнаружить, иначе как описав ее в статистических терминах; отсюда возникает впечатление, что законы психологии, законы поведения человека чисто вероятностные и не имеют четких однозначных следствий. Имеют, но лишь если проанализировать процесс полностью, что технически обычно невозможно. Если бы это было возможно, то мы бы увидели, что эти силы действуют абсолютно однозначно и не допускают исключений.

Другая принципиальная методологическая идея Левина — важность индивидуального события, а не общего усредненного «класса», стремление к полному описанию конкретного индивидуального случая. Если в сфере психических явлений действуют столь же общезначимые законы, как и в мире физического, то любое индивидуальное событие закономерно, а вовсе не случайно, и не менее достойно изучения, чем всевозможные «средние» случаи (средний ребенок того или иного возраста, средний представитель той или иной национальности и т. д.).

Для систематического исследования динамики действий человека в поле Левин начал разворачивать экспериментальные исследования. Про Левина говорят как про основателя методологии эксперимента нового типа, которая во многом опирается на так называемый «естественный эксперимент», т. е. на изучение поведения человека в некоторой естественной ситуации. При этом Левин первый в психологии пошел путем, в некотором смысле противоположным классическим естественным наукам: в одних отношениях он опирался на естественные науки как на модели, а в других отношениях он от этого уходил и предлагал принципиально другие пути (подробнее об этом см. [Леонтьев, Патяева, 2001]). Например, Левин первым из психологов заговорил о необходимости не исключать экспериментатора из ситуации эксперимента, не пытаться его в максимальной степени «вывести за скобки». Невозможно его исключить, он является частью поля, его надо, наоборот, учитывать как элемент поля, и экспериментатор должен иметь четкую активную стратегию, она должна обязательно учитываться как часть экспериментальной ситуации. И в этом принципиальное отличие психологического экспери-

мента от физических, химических и прочих экспериментов, где сам экспериментатор выносится за скобки, и на этом основана общая методология любой строгой естественной науки. Однако Левин уже начал идти немножко другим путем, что проявилось в блестящем цикле его экспериментов 1920-х — начала 1930-х гг.

Мы не можем ничего сказать про поведение, считал Левин, если изымем индивида из взаимодействия с окружающей реальностью. Совокупность взаимосвязей элементов внешней (объективной) и внутренней (психологической) ситуации Левин описывает с помощью заимствованного из физики понятия поля. Поле характеризуется определенной топологией (в нем выделяются области, разделенные границами разной степени жесткости) и определенной динамикой сил, влияющих на находящегося в этом поле индивида, которые в разных точках поля могут существенно различаться. Поведение таким образом предстает как функция специфической констелляции сил поля, порождающих в индивиде напряженные системы, стремящиеся к своей разрядке. Именно закономерности возникновения, развития и исчезновения разного рода напряженных систем в психологическом поле лежат в основе всех психических явлений.

Динамика действия и напряженные системы

Название первой книги Левина, которая вышла в 1926 г., состоит из трех слов, обозначающих основную проблематику, которой он в тот момент занимался: «Намерение, воля и потребность» [Левин, 2001, с. 94–164]. Эти проблемы в тот момент для психологии были новыми. Проблема воли уже начала изучаться, были экспериментальные исследования, но в достаточно зачаточном виде. Понятие «потребность» в психологии еще не устоялось и не было проработано. Оно вошло в привычный нам обиход уже позднее, а до этого психология мотивации опиралась на довольно абстрактные понятия инстинкта и влечения. Левин не занимался анализом того, откуда вытекает мотивация; он брал потребность как некий факт, изучая, как дальше на ее основе разворачивается динамика действия в конкретной ситуации.

Понятие ситуации для Левина оказалось центральным. Если до него мотивацию поведения людей пытались исследовать в ари-

стотелевском духе, пытаясь найти какие-то причины у них внутри, по аналогии с животными, то Левин первый стал рассматривать поведение как результат взаимодействия личности и ситуации, выразив это простой формулой: B = f (P, E), т. е. поведение есть функция от личности и ситуации и не выводимо ни из одного, ни из другого по отдельности. Левин первый показал, что не существует никакой мотивации в отрыве от ситуации, и сами по себе потребности, инстинкты и т. д. ничего не объясняют. Этот взгляд с конца 1930-х гг. и по сей день является доминирующим, общепринятым в мировой психологии.

В исследованиях берлинского периода Левин, с одной стороны, дискутировал с Фрейдом, с другой стороны — с бихевиоризмом. В книге «Намерение, воля и потребность» он построил оригинальную теорию мотивации, экспериментально доказав, что эта теория лучше и эффективнее, чем теории бихевиористские и психоаналитические.

Избегая, в отличие от Фрейда, радикальных теоретических допущений, Левин предлагает свою, вполне конкурентоспособную версию психодинамики — концепции законов и механизмов трансформаций энергии побудительных сил человека в конкретные действия. Потребность он рассматривает как нужду, порождающую актуальную напряженную систему, разрядка которой происходит в действии при наступлении «подходящего случая». Намерения динамически подобны потребностям, хотя имеют иную природу. В понятие волевых процессов Левин включает целый спектр преднамеренных процессов разной степени произвольности, обращая внимание на такой их признак, как произвольное конструирование будущего поля, в котором наступление самого действия должно произойти уже автоматически.

В этой теории Левин, во-первых, преодолел разрыв между мотивационными и волевыми процессами, — он показал, что они взаимосвязаны. Раньше воля рассматривалась как что-то, что противодействует непосредственной мотивации, позволяет ее преодолеть: человек или побуждаем потребностями, или обнаруживает волю как что-то им противостоящее. Левин преодолел этот разрыв, соединил их как взаимосвязанные процессы. Во-вторых, он преодолел разрыв между потребностью и намерением. Потребность — это что-то, что связано с глубинными, витальными ну-

ждами. Намерение — это цель, которая ставится сознательно и не вытекает ни из каких витальных нужд. Какая мотивация за этим стоит — абсолютно неважно. Левин ввел понятие «квазипотребность» для обозначения таких ситуативно сформированных намерений и показал, что, когда такое намерение сформировалось, оно дальше работает точно так же, как и истинная потребность, например голод. В обоих случаях действуют абсолютно одни и те же механизмы, которые описываются ключевым для Левина понятием «напряженная система».

Когда мотивация к чему-то побуждает человека, у него формируется напряженная система. А когда потребность удовлетворяется, цель реализуется, намерение выполняется, эта система разряжается. Механизмом, который движет поведением, является как раз наличие напряжения в этой системе. Простой мысленный эксперимент, который проводил Левин, успешно иллюстрировал преимущество этого объяснения по сравнению, скажем, с бихевиористским объяснением на основе теории укрепления ассоциативных связей. Представим себе ситуацию: я хочу написать письмо и отправить его другу. Я написал письмо, заклеил конверт, наклеил марку, написал адрес — что дальше? Дальше его надо бросить в почтовый ящик. Я выхожу на улицу и иду по ней, и мне начинают бросаться в глаза почтовые ящики. Обычно, когда мы просто идем по улице без намерения отправить письмо, мы не замечаем почтовых ящиков. Когда же возникает такая задача, и в кармане лежит письмо, почтовые ящики начинают сами «выпрыгивать» из фона, бросаться нам в глаза. Они приобретают, как говорит Левин, специфическую побудительность, попадают в поле этой напряженной системы и начинают выделяться из фона. Бихевиоризм это объясняет тем, что почтовый ящик в нашем прошлом опыте ассоциативно был связан с задачей отправить письмо, и у нас установилась ассоциативная связь между почтовым ящиком и отправкой письма. Благодаря этой ассоциативной связи, когда возникает намерение отправить письмо, они начинают нам попадаться на глаза и выделяться. В обычных ситуациях эта связь остается не актуализированной. Хорошо, говорит Левин, я встретился с ящиком, бросил письмо и иду дальше. Следующие ящики я уже не замечаю, они опять слились с фоном. Здесь возникает тот критический момент, который разводит объяснение с позиции теории

поля и объяснение бихевиористов. Если верно бихевиористское объяснение, то следующие ящики должны еще более настойчиво нам лезть в глаза, потому что мы бросили письмо, удовлетворили наше намерение, ситуация положительно подкрепилась. Поэтому связь стала еще прочнее и следующие ящики должны еще более четко выделяться. На самом деле этого не происходит, потому что основой этого является напряженная система намерения бросить письмо. Она разрядилась, ее уже больше нет после того, как намерение выполнено, нет той основы, которая выделяет значимые для нашего поведения объекты из поля. Левин делает важный вывод: когда возникает такая напряженная система, это приводит к тому, что в поле, в котором разворачивается наше поведение, те отдельные предметы, которые релевантны нашим задачам, нашей мотивации и нашему намерению, выделяются и связываются в единую систему с нашим поведением.

Однако разные предметы в поле даже и без наличия каких-то напряженных систем обладают свойством сами вызывать на себя определенное поведение. Констатируя известный факт, что предметы всегда воспринимаются нами пристрастно, обладают для нас определенной эмоциональной окраской, Левин замечает, что помимо этого они как бы требуют от нас выполнения по отношению к себе определенной деятельности. «Хорошая погода и определенный ландшафт зовут нас на прогулку. Ступеньки лестницы побуждают двухлетнего ребенка подниматься и спускаться; двери — открывать и закрывать их, мелкие крошки — подбирать их, собака — ласкать, ящик с кубиками побуждает к игре, шоколад или кусок пирожного "хочет", чтобы его съели» [Левин, 2001, с. 139]. Это относится не только к маленькому ребенку, хотя у него это наблюдается наиболее отчетливо. Левин проводил бесхитростный эксперимент, приглашая людей по одному на исследование. Человек приходит, ему говорят — подождите пока в приемной. Он остается ждать, а психологи через «зеркало Гезелла» скрытно наблюдают, что он будет делать. Стоит стол, на столе лежат разные предметы — ручка, бумага, что-то еще. Человек подходит, начинает вертеть в руках разные предметы. Некоторые предметы регулярно вызывают на себя определенную активность вне каких-либо намерений или потребностей — просто так, они сами создают побуждение к определенному действию. В числе этих предметов

был колокольчик и не нашлось ни одного испытуемого, который удержался бы от того, чтобы в него позвонить. Как у Л. Кэрролла в Стране чудес, на предметах как будто написано, что с ними делать: «выпей меня», «съешь меня». Каждый предмет провоцирует нас на определенные действия с ним, хотя сила такой побудительности у разных предметов неодинакова.

Левин описывает эффект побудительности так: «Уже существующее состояние напряжения, коренящееся в намерении, потребности или наполовину выполненной деятельности, направляется на определенный предмет или явление, которое переживается, например, как нечто привлекательное, так что именно эта напряженная система получает теперь господство над моторикой. О таких предметах мы будем говорить, что они обладают "побудительностью". Подобного рода побудительности предметов одновременно действуют <…> как силы поля в том смысле, что они оказывают регулирующее влияние на психические процессы, особенно на моторику» [Левин, 2001, с. 113].

Источником побудительности объектов внешнего окружения для Левина выступает потребность (или квазипотребность, что, как он неоднократно оговаривает, несущественно в данном контексте). Фактически побудительность объектов оказывается оборотной стороной потребности, однозначно указывая на ее наличие. «До известной степени выражения "существует такая-то и такая-то потребность" и "такое-то и такое-то множество объектов обладает побудительностью к таким-то и таким-то действиям" эквивалентны» [Левин, 2001, с. 141]. В определенных случаях вещи, обладающие побудительностью, есть не что иное как средства к удовлетворению потребностей. Однако наряду с такой самостоятельной или первичной побудительностью Левин выделяет также производную побудительность объектов, которые прямо не удовлетворяют никакую потребность, но находятся в определенном отношении к ее удовлетворению, например приближают его. Левин, впрочем, подчеркивает относительность границы между первичной и производной побудительностью. Он дает богатое описание феноменологии побудительности, которая меняется в зависимости от ситуации, а также в результате осуществления требуемых действий. Так, например, как показали проведенные под руководством Левина эксперименты А. Карстен,

насыщение ведет к потере объектом и действием побудительности, а пресыщение выражается в смене положительной побудительности на отрицательную; одновременно положительную побудительность приобретают посторонние вещи и занятия, особенно в чем-то противоположные исходному. Действия и их элементы также могут утрачивать свою естественную побудительность в результате автоматизации. Приводимые Левином факты свидетельствуют о прямой связи изменений побудительности объектов с динамикой потребностей и квазипотребностей субъекта, а также его жизненных целей. Более того, с повышением интенсивности потребностей не только усиливается требовательный характер отвечающих им объектов, но и расширяется круг таких объектов (голодный человек становится менее привередливым).

Закономерности действия напряженных систем были показаны в цикле блестящих экспериментальных работ студентов Левина. Одна из первых таких работ — диплом Овсянкиной, где было показано, что когда человек что-то делает и его прерывают, не дают довести дело до конца, говоря «все, больше не надо, сделайте другое», у него возникает желание обязательно закончить то, что начато, завершить гештальт. Продолжением этой работы стало исследование Б. В. Зейгарник, в котором был изучен феномен лучшего запоминания незавершенных действий по сравнению с завершенными, который вошел в историю психологии под названием «феномен Зейгарник» [Зейгарник, 2001]. В исследовании Г. Биренбаум по забыванию намерений была показана возможность разрядки напряженной системы через посредство замещающих действий [Birenbaum, 1930]. Не только прямая реализация поставленной цели непосредственно может привести к разрядке системы, но и что-то частичное, неполное, компромиссное, замещающее. И еще много других ярких экспериментальных исследований были построены на этой теоретической модели.

Еще в конце 1920-х гг. Левин показывал и анализировал небольшой документальный фильм под названием «Ханна садится на камень» — как маленькая девочка пытается сесть на камень. Камень обладает для нее притягательностью, побудительностью, она хочет на него сесть, но никак не может. Почему? Потому что, чтобы сесть на камень, она должна от него отвернуться. А она от него физически не может отвернуться, потому что вектор сил ее

поведения направлен к камню, она должна быть к нему лицом. Она еще не может отворачиваться от того, что ей нужно. И она решает в конце концов проблему так: изгибается таким образом, что видит этот камень у себя между ног, подходит к нему, пятясь, но не теряя его из виду, и так садится на него.

Левин ввел в книге «Намерение, воля и потребность» важное различение волевого и полевого действия. Волевое — то, которое осуществляется в соответствии с намерением, поставленной целью. Полевое — то, которое направляется силами поля, исключительно извне. Полевое поведение актуализируется в тех ситуациях, когда у нас нет четкой цели. Если у нас есть своя четкая стратегия, и мы знаем, что мы в данный момент хотим, то мы достаточно легко можем преодолевать влияние отвлекающих сил поля. Если у нас нет своей внутренней альтернативы, мы легко попадаем под действие полевых сил и начинаем действовать под влиянием самих предметов, в том числе под влиянием других людей. Это различение волевого и полевого, появившееся еще в ранних исследованиях Левина, очень актуально и во многих ситуациях хорошо работает. Рецепт борьбы с полевым поведением, с любой зависимостью, — формирование собственной мотивации, своей системы целей и своих стратегий. Если у человека нет своих намерений, он обречен на зависимость от поля.

Преднамеренное действие, которое строится на основе сознательного намерения, нельзя рассматривать как основной тип волевой деятельности, «оно обнаруживает все переходные формы, начиная от вполне управляемых действий и кончая неуправляемыми, импульсивными, полевыми действиями» [Левин, 2001, с. 162]. Преднамеренные заранее подготовленные действия относительно редки. Чаще всего действия начинаются как преднамеренные, акт намерения позволяет поставить некоторую цель, а дальше они продолжаются уже как неуправляемое полевое действие.

Речь идет о произвольном действии, когда у нас не только есть сама по себе цель, но мы эту цель начинаем реализовывать. Во многом именно непроизвольные механизмы управления через напряженную систему позволяют объяснить переходы от решения к действию. Когда у нас возникает какая-то мотивация, возникает и круг вещей, событий, обладающих побудительностью, и они сами уже влекут к выполнению действия, удовлетворяющего по-

требность. Чем сильнее квазипотребность, чем сильнее намерение, тем больший круг предметов в него вовлекается и тем больше все поле становится на службу реализации именно этой напряженной системы.

Уже в 1950-е гг., двадцать лет спустя, у американских учеников Левина (в частности, у Г. Виткина) возникло понятие полезависимости/поленезависимости. Одним людям по своим индивидуальным особенностям, как выяснилось, труднее отстроиться от сил внешнего поля, а другие сравнительно легче могут это сделать. Это индивидуальная, диагностируемая личностная особенность [Witkin et al., 1977].

Если квазипотребность насыщена, то побудительность, как правило, исчезает, даже в случае фиксации потребности или квазипотребности на определенном предмете, который не просто ситуативно в данный момент, а вообще рассматривается как то, что может эту потребность или квазипотребность удовлетворить. Причем квазипотребности всегда включены в определенный психологический комплекс, в определенную сферу личности. Любое намерение, любая квазипотребность связана и с другими квазипотребностями, и с истинными потребностями. И все в нашем поведении оказывается в конечном счете взаимосвязанным. Правда, эти подробные взаимосвязи за рамками конкретной ситуации Левин не рассматривает.

Награда и наказание. Мотивационные конфликты

В начале 1930-х гг. Левин начинает разрабатывать схематические представления об общей структуре поля. Он вводит такие понятия, как «границы поля», «перемещение», «силы», и показывает, как разные элементы поля вызывают определенные действия по аналогии с полем физических сил.

В 1931 г. он выпускает небольшую, принципиально важную монографию под названием «Психологическая ситуация награды и наказания» [Левин, 2001, с. 165–205], где он впервые не только ввел в развернутом виде идеи конфликта сил поля, но и подробно рассмотрел вопрос о механизмах мотивационного действия внешних давлений, заставляющих ребенка «осуществить действие или продемонстрировать поведение, отличное от того, к которому его непо-

средственно тянет в данный момент» [Левин, 2001, с. 165]. Ситуация награды или наказания прямо противопоставляется «той ситуации, в которой поведение ребенка управляется первичным или производным *интересом к самому делу*» [Левин, 2001, с. 166].

Левин делает детальнейший разбор психологической ситуации награды и наказания. Понятие «побудительность» сменяется более простым понятием «валентность», которое означает только более или менее интенсивный вектор движения к объекту или от него. Это помогает ему формализовать свою теоретическую модель, уходя от анализа конкретных действий, к которым побуждают предметы, но вводя топологические схемы, характеризующие векторы движений, которые задают силы поля в той или иной ситуации.

Ситуация непосредственного интереса к делу наиболее проста. Положительная побудительность самой цели порождает такую структуру поля, при которой даже при наличии барьеров, отделяющих ребенка от цели, и изменении местоположения цели, результирующее направление сил поля меняется вместе с ними так, что всегда сохраняется вектор в направлении цели. Левин называет это «естественной телеологией» [Левин, 2001, с. 169].

Более детального анализа заслуживает ситуация требования с угрозой наказания, неважно, является ли эта угроза явной или скрытой. Сам по себе предмет действия (неприятное задание) обладает для ребенка отрицательной валентностью, но если тот не будет этого делать и двинется в другую сторону, там его ждет наказание — другая отрицательная валентность. Ребенок неминуемо оказывается в конфликтной ситуации. Здесь Левин вводит основные положения своей теории конфликта, из которых во многом выросла современная конфликтология как целостная научно-практическая дисциплина. В частности, он выделяет три основных типа конфликтных ситуаций: конфликт буриданова осла, находящегося в ситуации выбора между двумя разнонаправленными положительными побудителями, ситуация «двух зол» — конфликта между двумя также противонаправленными отрицательными валентностями — и ситуация амбивалентных сил, действующих с одной и той же стороны, но с противоположным знаком, конфликт притяжения — отталкивания [Левин, 2001, с. 171].

Ситуация угрозы наказания относится к конфликтам второго типа. Левин показывает, что в этой ситуации ребенок будет макси-

мально «стремиться к выходу из поля, если только против этого не будет предпринято специальных мер» [Левин, 2001, с. 172]. Этими мерами могут быть барьеры как физической природы, так и социальной (словесные угрозы). При этом чем сильнее отрицательная побудительность задания, тем более прочным должен быть барьер, препятствующий уходу из ситуации. Подобная ситуация неминуемо становится ситуацией силового принуждения. Даже в отсутствие прямых угроз и требований власть взрослых ограничивает возможности ребенка. «Власть взрослых и их угрозы наказания настолько пронизывают собой все жизненное пространство ребенка, что область, в которой ребенок может свободно передвигаться, оказывается практически уничтоженной» [Левин, 2001, с. 176–177]. И даже при выборе наказания как меньшего из зол и осознанном принятии этого наказания конфликтная ситуация не исчезает, а продолжает воспроизводиться, порождая постоянный динамический конфликт и эмоциональное напряжение, закономерным следствием которого становятся описываемые Левином действия, направленные на барьер, реакции борьбы с взрослыми, уход в себя, бегство в ирреальность и, в самом крайнем случае, аффективные взрывы.

Ситуация обещания награды за выполнение нежелательных действий также является конфликтной. Нежелательное задание оказывается в данной ситуации барьером, отгораживающим от желанной награды. Сам по себе этот барьер обладает отрицательной валентностью, но только через него можно получить доступ к желаемому. Вместе с тем, хотя и ситуация награды, и ситуация наказания являются конфликтными и лишенными «естественной телеологии», между ними есть существенное различие. Оно выражается в том, что «в случае угрозы наказания барьер окружает ребенка со всех сторон, в то время как в ситуации награды ребенок стоит вне кольца, образуемого барьером и заданием. Таким образом, при обещании награды свобода действий ребенка в целом не ограничивается, и лишь конкретный объект жизненного пространства, а именно награда, делается недоступным (до тех пор, пока он не выполнит задания)» [Левин, 2001, с. 195].

Поэтому ситуация награды не обладает такой принудительностью. Об этом свидетельствуют и способы поведения в ситуации награды, которые лишены такого напряжения, как способы дей-

ствия в ситуации наказания. «В силу значительно меньшей принудительности ситуации награды все процессы в ней обычно носят более легкий характер» [Левин, 2001, с. 196].

С ситуацией награды отчасти сходна ситуация запрета с угрозой наказания в случае его нарушения. «Ребенок полностью сохраняет свою свободу действий за исключением определенной ограниченной области запрещенного действия» [Левин, 2001, с. 199]. Это, конечно, верно в том случае, если зона запрета не является очень большой или очень значимой для ребенка. Ситуация запрета с перспективой вознаграждения за его соблюдение в чистом виде встречается редко без дополнительной угрозы наказания за нарушение запрета.

В заключительном параграфе работы Левин останавливается на однозначном выводе, к которому привел его сравнительный анализ награды и наказания: оба способа воздействия не слишком эффективны. «Наряду с наказанием и вознаграждением существует еще и третья возможность вызвать желаемое поведение — а именно, *возбудить интерес* и вызвать склонность к этому поведению» [Левин, 2001, с. 202]. Лучше всего, когда человек, и ребенок в частности, делает что-то ради интереса к самому процессу, к самому объекту, потому что вектор, направленный именно на этот объект, в этом случае всегда сохраняется, даже если есть барьер, который отгораживает его от того, что ему интересно. Когда же мы пытаемся заставить ребенка или взрослого делать что-то на основе кнута и пряника, главный вектор его движения оказывается направлен в сторону. Чем больше он стремится приблизиться к нежелаемому, но подкрепляемому объекту и начать делать то, что от него требуют, тем больше вырастают силы, толкающие в противоположном направлении.

Кардинальное решение проблемы воспитания Левин видит только в одном — в изменении побудительности предметов. «О педагогике интереса в психологическом смысле слова речь может идти только тогда, когда удается действительно изменить побудительность соответствующего действия» [Левин, 2001, с. 203]. Левин осознает трудность этой задачи и в качестве пути ее решения говорит преимущественно об изменении контекстов, в которые включается действие. «Включение задания в другую психологическую область (например, перенос действия из об-

ласти “школьные задания” в область “действия, направленные на достижение практической цели”) может коренным образом изменить смысл и, следовательно, побудительность самого этого действия» [Левин, 2001, с. 204].

Фактически, от этой работы Левина взяли начало развернувшиеся в 1970–1980-е гг. исследования соотношения внутренней и внешней мотивации, см. [Гордеева, 2006]. Внутренняя мотивация порождается самим процессом, интересом и увлечением. Внешняя мотивация связана с внешними заданными условиями и требованиями: сделаешь уроки — пойдешь гулять. Было показано экспериментально во многих деталях, что хотя контроль с помощью внешних подкреплений почему-то считается самым эффективным, на самом деле самый неэффективный способ мотивирования. Он подрывает внутреннюю мотивацию. Это хорошо заметно в средней школе — система оценок перестает быть только обратной связью и становится чем-то, ради чего люди работают и учатся, что убивает внутреннюю познавательную мотивацию. Известный популярный писатель и журналист Александр Генис в одном из газетных эссе выразил это так: «Школа силой берет у нас то, что мы охотно бы отдали ей по любви». Можно увидеть и прямую преемственность с этой работой Левина оформившихся в 1940-е гг. идей А. Н. Леонтьева о смысле действий, задаваемых той целостной деятельностью, в которую это действие включено [Леонтьев, 2009]. Наконец, у самого Левина с анализа награды и наказания и типологии конфликтов начались попытки еще большей формализации объяснительных моделей человеческого поведения.

Жизненное пространство, уровни реальности и психологическое время

В 1935 г. вышла на английском языке в США книга Левина «Динамическая теория личности», которая стала одной из первых книг, способствовавших формированию предметной области психологии личности. В нее вошли как доработанные переводы ранних работ, так и новые обобщающие тексты.

Одна из ключевых обобщающих работ, которая вошла в книгу 1935 г., называется «Влияние сил окружающей среды на поведение и развитие ребенка» [Левин, 2001, с. 206–236]. На ребенке эти за-

кономерности легче всего показать: у взрослых накладывается друг на друга больше разных полей, а у ребенка эти поля проще и отчетливей, поэтому Левин больше описывает их на материале поведения детей.

Левин вводит здесь свою знаменитую формулу взаимодействия личности и среды B = f (P, E) [Левин, 2001, с. 210], вводит понятие текущей ситуации ребенка, а чуть позже — понятие жизненного пространства, которое представляет собой единство внешней и внутренней среды. «Жизненное пространство (life space): совокупность фактов, которые определяют поведение (B) индивида в конкретный момент. Жизненное пространство (L) представляет собой совокупность возможных событий. Жизненное пространство включает в себя человека (P) и среду (E). B = f (L) = f (P, E). Оно может быть представлено как ограниченное структурированное пространство» [Lewin, 1936, p. 216–217; цит. по: Психология социальных ситуаций, 2001, с. 36]. Для Левина было не слишком принципиальным различение внутреннего и внешнего, столь важное в психологии индивидуальности, в дифференциальной психологии, в психоанализе. По Левину, процессы внутренние и процессы внешние образуют единое поле; соединяет их поведение. Границы есть, но они играют не самую принципиальную роль.

Левин подробно описывает фундаментальные свойства поля, вводит понятие перемещения в поле. Поле по-своему структурировано, в нем есть границы, барьеры. Границы запрещают одни направления перемещения и разрешают другие. Кроме просто доступных направлений перемещения, есть еще те направления, в которых толкают сами силы поля, а есть направления перемещения, которые силы поля запрещают.

Эти силы в достаточной мере динамические. То, как эти силы быстро меняют свое направление, он иллюстрирует на таком примере: на воде, на берегу озера или пруда, на волнах качается игрушка, резиновый лебедь, и маленькая девочка пытается его достать. Она подходит, лебедь ее притягивает, а потом волна набегает, и она убегает от этой волны. Вектор сил меняется, и девочка под влиянием этих сил поля движется вперед — назад [Левин, 2001, с. 223].

Дальше Левин начинает вводить конструкты, связанные уже в большей мере с чисто человеческими аспектами существования.

Он начинает говорить про индуцированные валентности и социальные поля [Левин, 2001, с. 226–227]. Еще в работе по награде и наказанию источником многих барьеров и свойств поля выступали взрослые люди, которые задавали валентности и барьеры. Взрослые говорят «нельзя», и ребенок порывается, но не может: возникают явления, которые не связаны со структурой физического окружения, барьеры социальной природы. Левин описывает их как социальные поля. Для новорожденного значимы только физические условия. «Но очень скоро все большее значение начинает приобретать их (взрослых. — *Д. Л.)* влияние на психологическое окружение малыша. Взрослый запрещает или разрешает брать те или иные вещи, называет поведение ребенка хорошим или плохим, хвалит или ругает его» [Левин, 2001, с. 226]. Это создает совершенно новый уровень поля, который вступает во взаимодействие с физическим полем. «Для младенца, которому несколько недель или месяцев от роду, валентности определяются, по существу, его собственными потребностями и их текущим состоянием. Если он не хочет есть ту или иную еду, то его нельзя заставить ее съесть никакими психологическими уловками. Он будет просто выплевывать ее. Если ребенок старше, то возможность оказывать на него влияние психологическими средствами несравнимо больше. Неприятное ребенку действие можно включить в игру или в другую деятельность и тем самым радикально изменить его значение (а следовательно, и его валентность)» [Левин, 2001, с. 226]. Не случайно именно из понятий побудительности и валентности в конечном итоге во многом выросло понятие личностного смысла, фактически именно Левин показал, как это работает на уровне конкретных ситуативных механизмов поведения.

И возможность оказания такого влияния связана с тем, что для ребенка все бóльшую роль начинают играть социальные факты, отношение к власти, возможные действия других людей. На отношении к власти это очень четко видно. Не случайно Левин в американский период своей деятельности сместил проблематику на отношения лидерства, отношения межличностного влияния одних людей на других. Известно, что у любого руководителя как в терапевтической группе, так и в политической структуре ровно столько власти, сколько ему делегируют участники сообщества. Короля играет свита. Но эти поля создает не

сам властитель, мы создаем эти поля, приписывая ему некоторую власть над собственным поведением. Эти барьеры в *нашем* поле. У каждого свое поле; каждый воспринимает какие-то вещи как барьеры и сам себе многие вещи ограничивает. Известно, что внутренний цензор, внутренний редактор всегда строже внешнего. Это тоже связано с индуцированными полями. В той мере, в какой мы принимаем это как реальность нашего поля, оно начинает на нас действовать.

Левин ввел также представление об уровнях реальности [Левин, 2001, с. 230]. Не все происходит в реальном поле. Мы можем уходить в воображение, мы можем уходить в себя. Мы строим другое поле в сфере воображения. И то, что мы выстраиваем какую-то параллельную реальность в плане воображения, помогает нам встроить свое поведение в реальность в самом жизненном поле. Это становится возможным благодаря нашему развитому сознанию, благодаря возможности строить свою реальность в воображаемом внутреннем поле, которое отличается от реальности, которая нам навязана грубой внешней ситуацией. Роль этого идеального поля, поля воображения, поля сознания, особо сильная в подростковом возрасте, потому что подростки во многом компенсируют свои проблемы с реальным физическим полем за счет того, что они выстраивают компенсаторные образы в воображении. Л. С. Выготский в те же годы в своей работе «Воображение и творчество в детском возрасте» [Выготский, 1991] показал, что у подростков воображение играет ту же самую роль, что и художественное творчество у взрослых — попытки экспериментирования с миром, попытки выстраивания возможных вариантов и проверки, опробования того, что может быть. Это же происходит со взрослыми в психотерапевтической группе.

Не всегда использование этого поля воображения, поля сознания идет нам на благо. Бывают связанные с этим неблагоприятные ситуации. В частности, в своей известной статье «Определение поля в данный момент времени» [Левин, 2001, с. 239–250] Левин ввел идею о том, что в поле в данный момент времени существует не только настоящее, то есть непосредственно данное, но и прошлое, и будущее. «Важно понять, что психологическое прошлое и психологическое будущее — это синхронные части психологического поля, существующего в данный момент *t*» [Левин,

2001, с. 246]. Другими словами, и прошлое, и будущее психологически реальны, но как части настоящего, в меру их связи с настоящим. Поведение всегда в настоящем, личность как динамическая констелляция сил тоже в настоящем. Прошлое или будущее, не связанные с настоящим, психологически не существуют. Левин тем самым одним из первых ставит проблему психологического времени, не совпадающего с физическим, и соединяет психологическое время и психологическое пространство.

В частности, его внимание привлек такой интересный феномен: нередко бывает, что заключенные в тюрьме совершают побег буквально за несколько месяцев, а то и недель до освобождения. И как результат — их ловят, они получают дополнительный срок. И вроде бы по всем параметрам это абсурдное, бессмысленное предприятие. Левин это объясняет тем, что в их собственной внутренней реальности они уже на свободе, для них уже это стало настолько близкой и реальной перспективой, что они уже перенеслись в реальность освобождения и ощущают себя уже свободными. Возникает невыносимый контраст и ощущение невозможности того, что их реально окружает, и они совершают побег только потому, что не могут это вынести. Если вначале они адаптировались к ситуации заключения, то сейчас, еще не будучи выпущенными на свободу, они уже адаптировались к свободе и они уже внутренне не в тюрьме. Они совершают побег, чтобы восстановить гармонию своего внутреннего состояния и внешнего поля.

Американский период: новые проблемы и подходы

Дальше, уже после эмиграции в США, работы Левина развиваются в двух разных направлениях. Общепсихологическая проблематика теории поля у него сохраняется, но резко усиливается формализация и математизация теоретических схем. После «Динамической теории личности» Левин публикует работу «Принципы топологической психологии» [Lewin, 1936], в которой продолжается движение в направлении формализации и математизации. Содержательно сюда же примыкают и опубликованные несколькими годами позднее работы «Концептуальное представление и измерение психологических сил» [Lewin, 1938] и «Формализация и прогресс

в психологии» [Lewin, 1940]. Левин вводит единый математический аппарат и систему понятий, вытекающую из построенной им математической модели (понятия силы, напряжения, расстояния, барьера, локомоции) как связующее средство для разных областей психологии. Испытывая теоретические сложности с объяснением переходов от одного ситуативного поля к другому, Левин пытается преодолеть их с помощью формально-математических средств. Однако формализация не дает выхода к обнаружению новых феноменов или к предсказанию либо изменению поведения. Вместе с тем разработанный Левином концептуальный аппарат теории поля в последующие годы смог стать для него средством конкретно-психологического анализа.

А обращение к проблемам социальной психологии в связи с переездом в США сделало его одним из основателей этой области психологии. Его работы американского периода находятся на стыке социальной психологии, общей и психологии развития. В книге «Теория поля в социальных науках», см. [Левин, 2000а], обобщающей работы Левина этого периода, он свел целый ряд работ, касающихся проблем и межгрупповых отношений и групповых явлений, с одной стороны, и развития ребенка. В них он дал образцы конкретно-психологического анализа различных социальных явлений — от супружеских конфликтов и проблем подросткового возраста до проблем построения демократического общества в стране с сильными авторитарными традициями — и показал возможность экспериментирования в социальном пространстве. Так, например, под руководством Левина осуществляется серия блестящих экспериментальных исследований стиля лидерства и влияния на поведение человека демократической, авторитарной и попустительской групповой атмосферы [Левин, 2001, с. 303–320]. Эти эксперименты характеризуются принципиально новыми особенностями. К ним относятся активная позиция экспериментатора (принципиально разная в разных сериях — чего не было в экспериментах берлинского периода) и отсутствие ролевой позиции «испытуемого». Отсюда шаг до методов групповой дискуссии и тренинга, два шага до групповой психотерапии.

Несколько особняком стоит работа под названием «Регрессия, ретрогрессия и развитие» [Левин, 2001, с. 271–302]. Это чуть ли не

единственная работа Левина, посвященная личности в более традиционном понимании, то есть устойчивой структуре индивидуально-психологических особенностей, хотя эти особенности, конечно же, характеризуют динамические особенности действий в поле. Левин дал четкий анализ того, каковы объективные, однозначные критерии развития, по чему мы можем судить, что одна структура поведения, структура поля более развита, чем другая. Он сформулировал пять основных аспектов, пять основных критериев развития. 1. Многообразие поведения. 2. Организация поведения. 3. Расширение сфер деятельности. 4. Взаимозависимость разных форм поведения. 5. Степень реализма.

1. Многообразие поведения. По мере роста ребенка его поведение становится все более и более разнообразным, хотя некоторые виды поведения в процессе развития исчезают, им на смену приходит гораздо больше новых. В ходе нормального развития на протяжении детства многообразие поведения, вариативность поведения закономерно растет и продолжает расти во взрослом возрасте, если мы сами себя искусственно не ограничиваем.
2. Организация поведения. «Если бы развитие поведения сводилось к одному только увеличению его многообразия, можно было бы ожидать, что поведение индивида будет становиться все более и более хаотичным <…>. Очевидно, что это не так. Параллельно с увеличением дифференциации идет другая линия развития» [Левин, 2001, с. 281]. Укрупняются единицы действия. В одну единицу действия начинает входить все большее количество частей, увеличивается внутренняя связность единиц действия. Если для маленького ребенка, как и для животного, то, что он делает сейчас, в данный момент никак не связано с тем, что он делал вчера, и с тем, что он будет делать завтра, то для взрослого все это взаимосвязано и взаимообусловлено. Существует достаточно много конкретных механизмов этой интеграции и иерархизации целей. Левин выделяет три основных направления изменения в рамках параметра организации: первое — это растущая сложность действий, количество частей, которые могут входить в со-

став действия; второе — иерархическая организация, то есть упорядочение подцелей по отношению к глобальным целям (у старших детей увеличивается количество уровней иерархии по сравнению с младшими); и третье — это усложнение организации, под которым понимается, что одновременно могут выполняться несколько разных действий, одно действие может вести к нескольким целям, игра может происходить параллельно с какими-то другими видами деятельности.

С этим же связано возникновение в речевой коммуникации второго слоя, скрытого плана. Взрослый, в отличие от ребенка, может говорить не только то, что думает, но вкладывать дополнительное содержание. Ложь и шутки как примеры второго плана появляются в примитивных формах сравнительно рано. С возрастом способность и к лжи, и к шуткам явно увеличивается.

3. Протяженность сферы деятельности и интересов, то есть расширение мира, расширение поля с точки зрения пространства, времени, организации. Трехмесячный младенец, живущий в своей кроватке, хорошо знаком только с тем, что в кроватке, и приблизительно — с тем, что находится в комнате за пределами кроватки. Годовалому ребенку доступно больше, трехлетнему — еще больше. Постепенно устанавливаются когнитивные карты, связи между разными компонентами этого поля. Первоначально для ребенка существует только тот мир, который непосредственно сейчас в поле, но со временем возникает идея постоянства мира за пределами того, что ребенок непосредственно видит — сзади, оказывается, тоже есть мир.
4. Взаимозависимость поведения. По мере дифференциации поведения разные формы поведения оказываются все в большей степени связаны между собой и интегрируются в более сложные системы.
5. Степень реалистичности. Здесь Левин ссылается на Пиаже, который анализировал развитие представлений ребенка о реальности. Мир ребенка становится постепенно все более реалистичным. Если изначально для него все —

единая субъективная реальность, то дальше происходит постепенное различение того, что он соотносит с объективной реальностью и на основании этого может коммуницировать с другими людьми по ее поводу, и того, что остается явно субъективным, то есть плоскость воображения, плоскость ирреального, то, что не соотносится с этим миром. Возможна и задержка в дифференциации этих слоев, с чем мы сталкиваемся не только в клинике, но и в обыденной жизни.

Последний набросок теории поля

Завершающее, уже окончательное систематизированное представление Левина о поле и о функции поля содержится в большой статье 1946 г., которая называется «Поведение и развитие ребенка как функция от ситуации в целом» [Левин, 2001, с. 372–424]. Это наиболее полное и целостное изложение того, что можно назвать «психологией с точки зрения теории поля». Левин заново выстраивает все понятия, определяет все основные категории — что такое поле, что такое силы, что такое локомоции, что такое жизненное пространство, что такое закон в психологии, единицы анализа, временна́я перспектива, уровни реальности, местоположение индивида по отношению к разным областям, границы между областями, которые могут быть более гибкими, проницаемыми, или жесткими, непроницаемыми, и др.

В этой работе Левин реализует принцип «последовательного приближения» к анализу конкретной ситуации конкретного ребенка. Прежде всего формулируются основные методологические положения и понятия: понятия жизненного пространства и психологического поля, принцип общезначимости закона, различение динамических и фенотипических свойств, понятие макро- и микроскопических единиц анализа. Затем, переходя на более конкретный уровень анализа, Левин излагает теорию поведения, определяемого конкретным психологическим полем, в которую вошли в той или иной форме все проблемы, занимавшие его в разные периоды научной деятельности. Они делятся в работе на несколько содержательных блоков.

Первый блок проблем образует когнитивная структура жизненного пространства: дифференциация измерений жизненного пространства (выделение психологического настоящего, прошлого и будущего), разделение уровней реального и нереального, регрессия. Например, из положения о постепенности дифференциации уровней реального и нереального следует, что «у маленького ребенка граница между правдой и ложью, восприятием и воображением является менее четкой, чем у более старших детей» [Левин, 2001, с. 379] — а это важно понимать всем, кто практически работает с детьми.

Второй блок — проблемы местоположения индивида в жизненном пространстве, доступность и недоступность областей жизненного пространства, передвижение в нем. Конкретные феномены, относящиеся к этому блоку: адаптация к ситуации, проблемы групповой принадлежности (в том числе — различия ощущения групповой принадлежности в авторитарной и демократической групповой атмосфере).

Третий блок — изменения когнитивной структуры. Конкретные феномены: проблема обходного пути и инсайта, научение как структурирование и дифференциация прежде неструктурированной области, неоднозначная роль повторения при научении.

Четвертый блок — проблемы психологических сил и силовых полей. Конкретные феномены: ситуация почти достигнутой цели, проблема соотношения «личных» и «безличных» сил в той или иной ситуации. Анализ ситуаций мотивационного конфликта (в том числе ситуации власти взрослого над ребенком) и их основные типы, «выход из поля», эмоциональное напряжение и беспокойство.

Пятый блок — наложение ситуаций. Конкретные феномены: наложение деятельностей, процесс принятия решения, влияние группы на индивида, влияние маргинальной позиции на эмоциональные проблемы детей.

Шестой блок — факторы, определяющие поле и его изменения. Речь идет о проблеме потребностей и валентностей. Конкретные феномены: влияние состояния потребностей на когнитивную структуру, реальное и замещающее удовлетворение потребности.

Седьмой блок — изменение потребностей и целей. Конкретные феномены: настойчивость, влияние уровня трудности,

психологическое насыщение, намерение как создание квазипотребности, уровень притязаний и факторы, его определяющие, степень зрелости притязаний, проблема индуцированных потребностей и источников идеологии, эгоизм и альтруизм, подчинение и социальное давление, принятие чужих целей, ситуации агрессивной и апатичной авторитарности, принятие групповых целей.

Индивида, находящегося в поле, Левин рисует в виде структуры областей; внутри индивида есть деление на определенные области, внешние и внутренние. Внешние — перцептивно-моторные области — те, через которые индивид вступает в соприкосновение с внешним миром. Внутренние — глубинные, интимные — не имеют выхода на внешнее поле иначе как через перцептивно-моторную область. Скажем, цели генерируются во внутренних областях, но они еще должны получить доступ к моторике, движению. Между областями существуют разные расстояния близости и удаленности, границы характеризуются разной степенью прочности, проницаемости. Отдельные области могут менять свои конфигурации, менять свои размеры, сливаться, дифференцироваться. Одна область по мере развития разделяется на несколько разных областей со своими границами. Границы могут быть разной природы — физические, психологические, социальные. Но с точки зрения их действия психологические и физические границы во многом близки и примерно одинаково влияют на поведение.

Эта логика строения теории совпадает с логикой развития личности. Ключевое понятие для Левина — понятие дифференциации. Развитие человека заключается в дифференциации внутренних зон. Изначально, когда ребенок рождается, для него не существует отличия его самого от внешнего мира. Постепенно он приходит к осознанию несовпадения и различения Я и остального мира, обнаруживает границы между нами. И далее в нем самом постепенно идет дифференциация, вычленение поверхностных, внешних областей и внутренних, глубинных областей. Чисто схематически это можно изобразить наподобие того, как в школьных учебниках по биологии изображается деление клетки. Левин выделяет разные аспекты дифференциации и развития: дифференциация форм поведения, дифференциация потребностей, дифференциация познавательной сферы, дифференциация социальных отношений.

Завершает он статью фразой: «Можно ожидать, что все проблемы индивидуальных различий будут все в большей мере связываться с общими психологическими законами развития и поведения» [Левин, 2001, с. 424].

Заключение

Левин, пожалуй, больше, чем кто-либо еще, связывает между собой разошедшиеся в начале XX в. линии гуманитарного и естественно-научного классического подхода к человеку, то есть линию личности и линию индивидуальности (о соотношении этих подходов см. [Леонтьев, 2006; 2008]). С одной стороны, Левин берет в качестве точки отсчета человека как индивидуальность, не особенно пытаясь вникнуть в его внутренние процессы, содержания, смыслы, и пытается анализировать структуру сил, которые действуют на него и доступны описанию внешнего наблюдателя, строить психологию по образцу естественных наук, в первую очередь физики. Но вскоре он обнаруживает, что человек способен сам влиять на эту структуру сил через отношение к этому, разное понимание смысла ситуации, формулирование собственных целей. В американский период жизни Курт Левин пришел к идеям, касающимся построения психологического исследования, которые были очень далеки от его начальных, первичных ориентаций на образец естественных наук.

Само открытие им групповых явлений, того факта, что в ситуации группового обсуждения принятие решений строится совершенно по-другому, чем при внушении один на один, и нет лучшего способа убедить в чем-то людей, чем собрать их вместе и дать им все это обсудить, никак не вписывалось в физическую причинность. Он пришел к идее, которую он обозначил как идею действенного исследования, и которая сейчас становится все более и более востребованной. Такое исследование выступает как составная часть решения реальных социальных задач, например таких как изменение межгрупповых отношений. Левин описывает соотношение действия, исследования и тренинга в виде треугольника, «разрушение которого крайне негативно отразится на качественности трех его составляющих и на осуществлении наших целей в общем» [Левин, 2000б, с. 379–380]. Это, по сути дела, то же

самое, что Выготский называл психотехническим исследованием. Нельзя изучать явление в статике, не пытаясь на него воздействовать, и нельзя оказывать воздействие, не изучая одновременно объект. Тем самым Левин в конце своей не слишком долгой, но невероятно продуктивной жизни приходит уже к неклассическим идеям, связанным с пониманием специфики человека как особого рода объекта исследования и психологии как науки особого рода, которую, оказывается, уже невозможно строить по образу и подобию естественных наук.

Литература

Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. 3 изд-е. М.: Просвещение, 1991.

Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл; Академия, 2006.

Гришина Н. В. Курт Левин: жизнь и судьба // Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. С. 6–99.

Зейгарник Б. В. Теория личности Курта Левина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

Зейгарник Б. В. Запоминание законченных и незаконченных действий // Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / под общ. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2001. С. 427–495.

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000а.

Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000б.

Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / под общ. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2001.

Леонтьев А. Н. Психологические основы развития ребенка и обучения. М.: Смысл, 2009.

Леонтьев Д. А. Личность как преодоление индивидуальности: основы неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 134–147.

Леонтьев Д. А. Неклассический подход в науках о человеке и трансформация психологического знания // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: сборник научных работ к 70-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева / под ред. Т. В. Ахутиной, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2008. С. 205–225.

Леонтьев Д. А., Патяева Е. Ю. Курт Левин: в поисках нового психологического мышления // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 5. С. 5–16.

Олпорт Г. Личность в психологии. М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1998.

Психология социальных ситуаций / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Питер, 2001.

Birenbaum G. Das Vergessen einer Vorahme // Psychologische Forschung. 1930. Bd. 13, Heft 2–3. S. 218–284.

Lewin K. A dynamic theory of personality: selected papers. New York: McGraw-Hill, 1935.

Lewin K. Principles of Topological Psychology. New York; London: McGraw-Hill, 1936.

Lewin K. The Conceptual Representation and Measurement of Psychological Forces // Duke University Contributions to Psychological Theory. 1938. Vol. I, no. 4.

Lewin K. Formalization and Progress in Psychology // University of Iova Studies in Child Welfare. 1940. Vol. 16, no. 3. P. 7–42.

Witkin H. A., Moore C. A., Goodenough D. R., Cox P. W. Field-Dependent and Field-Independent Cognitive Styles and Their Educational Implications // Review of Educational Research. 1977. Vol. 47, no. 1, pp. 1–64.

References

Allport G. *Personality in psychology*. Moscow, KSP+ Publ.; St. Petersburg, Juventa Publ., 1998. (In Russian).

Birenbaum G. Das Vergessen einer Vorahme. *Psychologische Forschung*, 1930, vol. 13, no. 2–3, pp. 218–284.

Gordeeva T. O. *Psychology of achievement motivation*. Moscow, Smysl Publ.; Akademiia Publ., 2006. (In Russian).

Grishina N. V. Kurt Lewin: life and fate. In: Lewin K. *Resolving Social Conflicts*. St. Petersburg, Rech Publ., 2000, pp. 6–99. (In Russian).

Leontiev A. N. *Psychological foundations of child development and education*. Moscow, Smysl Publ., 2009. (In Russian).

Leontiev D. A. Personality as overcoming of individuality: foundations of non-classical psychology of personality. *Psikhologicheskaia teoriia deiatel'nosti: vchera, segodnia, zavtra*. Ed. by A. A. Leontiev. Moscow, Smysl Publ., 2006, pp. 134–147. (In Russian).

Leontiev D. A. Non-classical approach in the human sciences and the transformation of psychological knowledge. *Psikhologiia, lingvistika i mezhdistsiplinarnye sviazi*: collection of scientific papers to the 70th anniversary of the birth of Alexey Alekseevich Leontiev. Eds T. V. Akhutina, D. A. Leontiev. Moscow, Smysl Publ., 2008, pp. 205–225. (In Russian).

Leontiev D. A., Patyaeva E. Yu. Kurt Lewin: in search of a new psychological thinking. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2001, vol. 22, no. 5, pp. 5–16. (In Russian).

Lewin K. *A dynamic theory of personality*: selected papers. New York, McGraw-Hill Publ., 1935.

Lewin K. *Principles of Topological Psychology*. New York; London, McGraw-Hill Publ., 1936.

Lewin K. The Conceptual Representation and Measurement of Psychological Forces. *Duke University Contributions to Psychological Theory*, 1938, vol. I, no. 4.

Lewin K. Formalization and Progress in Psychology. *University of Iova Studies in Child Welfare*, 1940, vol. 16, no. 3, pp. 7–42.

Lewin K. *Field Theory in Social Sciences*. St. Petersburg, Rech Publ., 2000. (In Russian)

Lewin K. *Resolving Social Conflicts*. St. Petersburg, Rech Publ., 2000. (In Russian)

Lewin K. *Dynamic Psychology*. Eds D. Leontiev, E. Patyaeva. Moscow, Smysl Publ., 2001. (In Russian)

Psychology of Social Situations. Ed. by N. Grishina. St. Petersburg, 2001.

Vygotsky L. S. *Imagination and creativity in childhood*, 3rd ed. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. (In Russian)

Witkin H. A., Moore C. A., Goodenough D. R., Cox P. W. Field-Dependent and Field-Independent Cognitive Styles and Their Educational Implications. *Review of Educational Research*, 1977, vol. 47, no. 1, pp. 1–64.

Zeigarnik B. V. *Kurt Lewin's personality theory*. Moscow, Moscow State University Press, 1981. (In Russian)

Zeigarnik B. V. Remembering completed and uncompleted actions. In: Lewin K. *Dynamic Psychology*. Eds D. Leontiev, E. Patyaeva. Moscow, Smysl Publ., 2001, pp. 427–495. (In Russian)

Т. Д. Марцинковская

Психология пространства: от вселенной до личности, от экосферы до экзисферы*

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, Москва, 125993, Миусская пл., 6

Рассматриваются междисциплинарные концепции пространства, раскрывается суть подхода к понятию «жизненное пространство» в социологии, философии, психологии. Особое внимание уделяется концепции психологического поля К. Левина. Представлены варианты рассмотрения психологических границ, отделяющих человека от окружающей среды, в ведущих психологических концепциях. Показываются различия закономерностей функционирования и детерминации социально-психологических и индивидуально-психологических границ, их связь с процессами социализации и индивидуализации. Раскрывая связь психологического пространства с отношением к миру и другим людям, доказывается ведущая роль переживания, которое индивидуализирует личностное и социальное пространство и дает возможность формирования целостного бытия в мире. Это положение связывается с экзистенциальными концепциями пространства, миропроектом и подходом к переживанию А. Маслоу и В. Франкла. В фокусе внимания в этом контексте — идеи Г. Г. Шпета и С. Л. Рубинштейна, прежде всего их подходы к пониманию внутренней формы языка и художественного произведения, а также роли культуры в становлении личностного пространства человека — его экзисферы. Описывается виртуальное пространство социальных сетей и Интернета, даются возможные параметры классификации и разделения информационного пространства и информационного поля, а также механизмы влияния информации на людей. Анализируется психологическая сущность хронотопа, при этом особая роль отводится внутренней форме психологического хронотопа, которая отражает степень гармонии/дисгармонии, гетерохронности разных частей хронотопа. Приводятся примеры внутренней формы в поэзии, прежде всего понятие «место времени» у В. Вордсворта. Делается вывод о том, что роль внутренней формы психологического хронотопа заключается в стимулировании процесса личностного роста и формирования целостной идентичности. Рассматриваются функции эстетической составляющей психологического хронотопа, которые заключаются в том, чтобы

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00075 А «Человек в повседневности: психологическая феноменология и закономерности».

восстановить (сохранить) связь времен, жизненного пути, идентичности человека; отрефлексировать изменения ценностей и эмоционального состояния общества и дать примерный прогноз дальнейших изменений. Делается вывод: все эти концепции объединяет идея о том, что каждому необходимо выстроить свое пространство, встать над полем. При этом виртуальное пространство помогает раздвинуть внешние границы персонального пространства, в то время как культура помогает становлению экзисферы.

Ключевые слова: социальное пространство, жизненное пространство, экзисфера, психологический хронотоп.

Жизненное пространство — человек и психологическая среда, как она существует для него (поле, включающее потребности, мотивы, настроения, цели, идеалы, состояния).

К. Левин

Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Таков поэт: как Аквилон
Что хочет, то и носит он —
Орлу подобно, он летает
И, не спросясь ни у кого,
Как Дездемона, избирает
Кумир для сердца своего.

А. С. Пушкин

Жизненное пространство

Вопрос о том, что такое жизненное пространство и сколько вообще человеку надо для того, чтобы комфортно чувствовать себя в этом мире, не так прост, как кажется на первый взгляд. С одной стороны, часто подчеркивается, что человеку нужен весь мир, ему мало его душной индивидуальной закрытой системы — комнаты, города, страны. Иногда даже Земли. С другой стороны, можно возразить, что многие люди создавали свои замечательные произведения, не выезжая за пределы своей страны (например Пушкин) и даже находясь в заточении (Сервантес).

Можно также вспомнить о том, что главное жизненное пространство — это твоя личность, поэтому многим людям не бывает скучно даже наедине с самими собой. Здесь уместно и упоминание о миро-проекте и экзистенции Рубинштейна, и о психологическом поле Левина. В настоящее время вопрос о жизненном про-

странстве, его наполненности и даже размерах, его связи с личностью и индивидуальными особенностями человека приобретает особую актуальность в связи с карантином. Жизнь, к сожалению, проводит огромный социальный эксперимент, и ответ на него пока неоднозначен. Неоднозначность связана еще и с тем, что в жизненное пространство, помимо прочего, входит огромная социальная сеть Интернет, которая может, во всяком случае на время, если не полностью заменить, то существенно расширить границы жизни людей. При этом начинают проявляться не только психологические аспекты, но и экономические и профессиональные, так как сужение психологического поля может отразиться на физическом, а не только на психологическом (что, впрочем, тесно взаимосвязано) самочувствии людей.

Это приводит нас к вопросу о связи социального, объективного и психологического, субъективного пространств.

Социальное пространство в междисциплинарном поле

Социальное пространство по определению является междисциплинарным понятием, сущность которого, естественно, различается в разных науках — философии, культурологии, социологии, психологии. Не меньшее значение, по-видимому, имеет и тот факт, что в современном изменчивом и неопределенном обществе социальное пространство по своей сути не может иметь устойчивого и определенного содержания. Поэтому прежде всего представляется важным уточнить его собственно психологическое содержание, которое вбирает в себя как внешние, объективные пространственно-временные параметры, так и внутренние, субъективные, на которых в первую очередь сказываются социальные трансформации, изменчивость социальных представлений и ценностей, неопределенность норм и установок.

Понятие социального пространства, являясь междисциплинарным, содержательно не определено ни в одной из гуманитарных дисциплин.

В рамках социологических исследований понятие социального пространства связывается в первую очередь с территориальностью и социальными статусами, возникающими и изменя-

ющимися в процессе общения. Так, Э. Т. Холл [Hall, 1985] писал об отличиях в информационном контексте и различиях в дистанциях (пространствах), возникающих при общении. Эту идею развивали в своих работах и Э. Гидденс [Гидденс, 2011], и Ф. Тённис [Тённис, 2002], связывавший социальное пространство с особенностями взаимоотношения людей друг с другом в пространстве и во времени. Э. Гидденс, раскрывая вводимое им понятие «структурация», доказывает, что социальное пространство невозможно представить без активного взаимодействия социальных структур и социальных агентов, то есть людей, которые могут своей активностью трансформировать общественные структуры и институты (или повлиять на них). При этом Гидденс, как и Тённис, подчеркивает, что социальные отношения находятся не только в определенном социальном пространстве, но и в конкретном времени.

П. Бурдьё [Бурдьё, 2005] представляет социальное пространство как многомерный образ, в котором выделяются (структурируются) различные подпространства (поля). Важным моментом является тот факт, что Бурдьё выделяет в социуме два аспекта — «реальность первого порядка», связанную с физическим пространством и распределением материальных ресурсов, и «реальность второго порядка», существующую в сознании людей. Социальное пространство, в отличие от физического, не имеет жестких границ. Его образующими являются социальные позиции входящих в него социальных агентов, а топология определяется структурной диспозицией полей: экономического, политического, культурного, интеллектуального и т. д.

Говоря о структурировании социального пространства, и Гидденс, и Бурдьё, хотя и подразумевают активность входящих в него социальных агентов, не сосредоточивают на этой активности внимание. В то же время один из первых ученых, занимавшихся этой проблемой, Г. Зиммель, написавший работу «Социология пространства», фокусируется именно на активности, подчеркивая, что социальное пространство — это бездейственная форма, существующая лишь благодаря энергии деятельности субъектов.

Именно активную сторону деятельности коллективного субъекта акцентирует в своей концепции П. Штомпка [Штомпка, 1996], выделяя коллективные действия и индивидуальные взаимодействия, образующие сложные структуры, в рамках которых

субъекты создают надындивидуальные социальные структуры. Не менее важно и то, что говоря о взаимодействии субъектов в социальном пространстве, Штомпка подчеркивает: эти взаимодействия происходят как в пространстве, так и во времени, выделяя не только физическое (объективное) время, но и время социальное, качественно-субъективное.

Территориальное (физическое) и социальное пространство разделялось и в концепции П. Сорокина [Сорокин, 2000], который считал, что социальное пространство многомерно, в нем можно выделить горизонтальные и вертикальные аспекты, причем вертикальные — стратификационные параметры, они изменчивы, связаны с социальной мобильностью человека, его способностью менять свои социальные статусы и отношения с другими людьми и объектами.

Психологическое пространство — психологическое поле

Одним из первых психологов, изучавших поведение людей в социальном поле (пространстве), был К. Левин [Левин, 2001]. В своей теории психологического поля он исходил из того, что личность живет и развивается в психологическом поле окружающих ее предметов, каждый из которых имеет определенный заряд (валентность). Его эксперименты доказывали, что для каждого человека эта валентность имеет свой знак, хотя в то же время существуют предметы, которые для всех имеют одинаково притягательную или отталкивающую силу. Исследования Левина доказывали, что не только существующая в данный момент ситуация, но и ее предвосхищение, предметы, существующие только в сознании человека, могут определять его деятельность. Наличие таких идеальных мотивов поведения дает возможность людям преодолеть непосредственное влияние поля, окружающих предметов.

Одно из наиболее известных уравнений Левина, которыми он описывал поведение человека в психологическом поле под влиянием различных потребностей, доказывает, что поведение является одновременно функцией и личности, и психологического поля, которое, по сути, является одним из аспектов социального пространства. Это доказывали и исследования Левина,

посвященные групповой динамике. Он предположил, что группа также может быть рассмотрена как динамическая система, формирующая социальное поле, по аналогии с системой психологического поля личности. Социальное поведение людей в группе определяется взаимоотношениями внутри нее, конкурирующими тенденциями, стремлениями отдельных членов группы, каналами общения. То есть групповое поведение является функцией общего состояния социального поля, как поведение человека является функцией потребностей и психологического поля.

Тогда встает вопрос о соотношении и границах социального и психологического полей.

Психологические границы пространства

Проблема психологических границ не рассматривалась учеными до начала XX века, точнее, исследовались либо пограничные (между нормой и патологией) состояния, преимущественно в психиатрии, либо границы обитания, жизнедеятельности, преимущественно в биологии. Поэтому естественным было первоначальное обращение психологов именно к внешним границам, влияющим (как положительно, так и отрицательно) на психическое развитие человека. При этом как в русле возрастной, так и в социальной психологии те рамки, которыми общество ограничивало спонтанные реакции человека, по мнению ученых, помогали усвоению социальных норм и правил. Особенно ярко эта позиция проявилась в работах Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1995], который считал, что развитие самосознания и нравственности происходит путем интернализации (интериоризации) норм, правил, эталонов поведения, транслируемых человеку обществом, а границы, которые всегда включены в правила, помогают их усвоению и оптимизируют процесс социальной адаптации людей.

Интересна с этой точки зрения концепция Дж. Болдуина [Болдуин, 2011], который отмечал, что необходим диалектический подход к анализу духовного развития, то есть изучение того, что представляет собой личность с социальной точки зрения, и изучение общества с точки зрения личности. В процессе социализации дети обучаются одинаковым вещам; иными словами, всем даются одинаковые знания, одинаковые нормы поведения и моральные законы.

Индивидуальные же различия, связанные с наследственностью, заключаются не только в скорости усвоения, но и в возможности адаптации к тем нормам, которые приняты в обществе. Поэтому индивидуальные различия должны лежать в пределах того, чему должны выучиться и что должны принять индивиды.

Таким образом, в работах Дж. Болдуина уже ставится вопрос о роли собственно психологических границ как границ не только внешних, но и внутренних, имеющих амбивалентное значение для развития не только интеллектуальных, но и личностных качеств людей.

В первую очередь исследование психологических границ, понимаемых как преграды на пути удовлетворения ведущей мотивации, начало осуществляться в рамках глубинной психологии. В этой школе, несмотря на большое количество разных подходов и концепций, неизменным оставался постулат о социальной среде как границе для личностного развития, как преграде, встающей на пути удовлетворения влечений и потребностей человека. Таким образом, вопрос о границах, поставленный в классических концепциях психоанализа, стоял как вопрос о внешних (социальных, культурных, но не природных) границах, которые общество, другие люди, ставят перед человеком, стремящимся к стихийному или управляемому удовлетворению своих потребностей.

Единственным отличием была концепция А. Адлера [Адлер, 2002], в которой границы, хотя и внешние, связывались с семейной ситуацией (привязанностью к матери, количеством и порядковым номером ребенка в семье и т. д.). Адлер одним из первых заговорил о возможности преодоления границ, поставленных именно перед личностным, а не мотивационным развитием средой, введя механизм компенсации. Компенсация позволяет не преодолеть (так как преодолеть невозможно), но обойти границы, поставленные природой (соматические ограничения) и социальной средой (отгороженность семьи, среды и т. д.) перед человеком, который стремится сформировать жизненный стиль, помогающий реализовать его творческое Я.

Негативную роль социальных границ подчеркивали и этнопсихологи, которые считали, что жесткие правила поведения, существующие в традиционных культурах, ставят преграды на пути самоосуществления и проявления природных способно-

стей и темпераментов людей. Наиболее выраженной в этом плане стала концепция модельной личности Р. Бенедикт [Бенедикт, 2007] и М. Мид [Мид, 1988]. Они считали, что существует ограниченный набор типов темперамента, каждый из которых характеризуется определенным сочетанием врожденных качеств и способов поведения (в частности, выражения эмоций), одобряемых в данном обществе. При этом социально одобряемое поведение стилизуется культурой в соответствии с контрастирующими моделями темперамента. Поэтому те люди, чей темперамент не совместим с типом социальных эмоций, требуемым данной культурой, оказываются в уязвимом положении и их отчуждение от общества является, с точки зрения М. Мид, вполне закономерным и прогнозируемым.

Развитие психоанализа в середине XX в. привело к некоторой модификации подхода к проблеме границ. Так, например, К. Хорни [Хорни, 2006] рассматривала уже и внутренние рамки, в которые человек помещает себя (что привело к появлению представлений об образе Я и Я-концепции). При этом гибкость этих рамок, позволяющих человеку пересмотреть свой образ, помогает ему адаптироваться и к внешним ограничениям и адекватно выстроить систему отношений с другими, в которых не доминирует ни один из невротических синдромов (конформизм, уход, агрессия). Э. Эриксон [Эриксон, 2000] в своей концепции уже рассматривал взаимосвязь внешних и внутренних границ, которые соотносятся в содержании идентичности, образуя ее личностную и социальную области и помогая субъекту позиционировать себя в социуме, в культуре.

Первоначально сходной точки зрения придерживался и К. Левин [Lewin, 2001], решая в теории поля вопрос о внешних границах физического поля, в которых человек должен реализовать свои потребности. Новым и принципиально важным в концепции Левина было два момента — временнáя перспектива и замещение. Временнáя перспектива давала возможность выйти за пределы поставленных полем границ, расширяя способы реализации потребностей и квазипотребностей. Это понятие затем было модифицировано и включено в содержание личностной идентичности.

Исследование проблемы замещения потребностей открывало новые горизонты в исследовании психологических границ, так как переводило их из внешнего, социально-психологического

плана во внутренний. Замещение предполагало возможность переструктурировать поле, исходя из задач и потребностей человека, не раздвигая его физических границ, но расширяя ви́дение этих границ, то есть перемещало фокус с границ внешних на внутренние — способность к творчеству (переструктурированию гештальта), способность к рефлексии (анализ своих возможностей и путей замещения), способность встать над полем — то есть преодолеть фрустрацию внешних границ, исходя из своей мотивации. Способность к преодолению границ поля (умение встать над полем) является одной из важнейших характеристик гибкости внутренних границ. Как было показано в экспериментах Левина, она связана с адекватностью притязаний человека, то есть с вариативностью его образа Я. При этом замещение квазипотребностей, которое возможно не только в реальном, но и в идеальном плане, показывает важность не только адаптации к среде, но и самореализации, хотя самого этого термина у Левина не было.

В отечественной психологии можно условно выделить два подхода к проблеме психологических границ. Один связан с исследованием путей преодоления (компенсации) ограничений, а второй — с анализом их содержания и гибкости. Изучение способов компенсации (расширения) поставленных перед человеком границ путем овладения знаками, позволяющими преодолеть как природные ограничения (памяти, внимания, соматических дефектов), так и возрастные (путем использования внешних знаков), стало лейтмотивом творчества Л. С. Выготского [Выготский, 1956], приведя его к открытию высших психических функций.

О возможности преодоления социальных и этнических границ писал и Г. Г. Шпет [Шпет, 2005], который считал, что формирование социальных переживаний (отношение к культуре, языку, историческим событиям, героям и т. д.) является ведущим в развитии этнической и культурной идентичности. Поэтому человек, испытывающий негативные переживания по отношению к значимым для группы, социума, культуры эталонам, не ограничен этой средой, но может войти в другую, расширив или кардинально передвинув социальные границы. Таким образом, подчеркивалось не только наличие внешних по отношению к личности барьеров, но и их гибкость, их связь с внутренними переживаниями, которые и помогают изменению внешних рамок.

В трудах А. Н. Леонтьева [Леонтьев, 1977] понятие личности, как и у Левина, предполагает в первую очередь ограничения социально-психологические, то есть ограничения, которые общество и культура, без которых личность не может существовать, не может понять и осознать себя, накладывают на поведение, способ деятельности человека и удовлетворения его потребностей. Широта связей с миром и реалистичность мотивов, о которых писал Леонтьев, могут рассматриваться уже как внутренние границы, также оказывающие большое влияние на деятельность. С этой точки зрения понятие «субъект» в большей степени ориентировано на поиск именно внутренних границ, например ограничений, связанных с направленностью субъекта, его интеллектом и способностями. В этом проявляется их роль в детерминации деятельности, вариантах и способах реализации активности.

Индивидуально-психологические границы, в отличие от социально-психологических, связаны не с внешними параметрами, но с внутренними детерминантами, главными из которых являются индивидуальные и личностные особенности (в том числе психодинамические качества, интеллектуальные способности, пассионарность), возраст и мотивационная направленность.

Если психодинамические качества лежат в основе формирования способов взаимодействия человека с миром (общительность — замкнутость, доминантность — субдоминантность и т. д.), то интеллект, в том числе социальный интеллект, определяет адекватность имеющихся в распоряжении субъекта стратегий взаимодействия с окружающим. Пассионарность детерминирует степень активности и мотивационного потенциала людей, задавая таким образом объем пространства (социального, межличностного, профессионального и т. п.), которым они могут овладеть в процессе развития. Структура иерархии мотивов определяет направленность расширения психологических границ, приводя к различным способам переструктурирования и конфигурации и внутреннего, личностного и внешнего, социального полей. Важным моментом является признание в любом из этих вариантов факта пульсирования границ — они не статичны, но динамичны, могут и сжиматься, и расширяться в зависимости от актуализации того или иного мотива и исходя из особенностей социальной ситуации.

Таким образом, теоретический анализ подходов к проблеме психологических границ показывает, что в рамках классической психологии понятия внешних и внутренних границ рассматриваются как диаметрально противоположные по целям, направлению и механизмам развития. Данной позиции придерживаются представители разных классических направлений, несмотря на имеющиеся между ними существенные методологические отличия.

В парадигме неклассической психологии начинают разрабатываться подходы, предполагающие взаимосвязь социально-психологических и индивидуально-психологических границ, их гармоническое сочетание. Основанием для пересмотра традиционных взглядов стало разделение понятий «общество» и «культура», вариативность и многообразие механизмов развития личности (идентификация, отчуждение, интериоризация, экстериоризация и т. д.), а также расширение границ личной свободы человека, имеющего право на нонконформизм, на преодоление давления окружающих, особенно в тех случаях, когда фрустрируется его стремление к самореализации.

В современной науке понятие психологических границ наполняется новым содержанием, новым является и подход к их взаимоотношению и взаимодействию. Основанием для пересмотра прежних представлений является методология постмодернизма, предполагающая полипарадигмальный характер исследований, расширение понятия «активность», которая проявляется не только в индивидуальном характере реакции и способов взаимодействия с внешним миром, но и в конструировании субъективного образа этого мира.

Как теоретические, так и эмпирические данные показывают, что и некорректно, и непродуктивно разделять процесс изменения внешних и внутренних психологических границ, речь должна идти о взаимосвязи внешних и внутренних рамок, определяющих как содержание представлений о себе и иерархии мотивов, так и способов реализации этих мотивов в заданных обществом и культурой рамках.

Экзисфера и личностные границы

Анализ психологической сущности социального пространства показывает, что оно достаточно часто соотносится с категорией отношения. Эта категория в гуманитарной науке в последнее время связывается с проблемой общения, хотя представляется, что при исследовании социального пространства более значимым является понимание отношения как процесса создания образа мира и себя в мире. Это предполагает связь отношения с интенцией, мотивацией и переживанием. При этом переживание представляет собой как эмоциональную составляющую отношения к миру и к себе, так и механизм интериоризации отношений с социальным пространством (и общения с ним) во внутреннее пространство личности. Таким образом, анализ категории отношения и его места в современной психологической науке предполагает прежде всего рефлексию некоторых методологических вопросов, в том числе связи отношения с категорией образа мира и социального пространства.

В работах ученых разных направлений постулировалась идея о важности для развития личности, формирования сознательной активности субъекта не просто широких контактов с миром, но именно отношения к миру, результатом которого становится и отношение к себе, и сознательная мотивация к деятельности. При этом важным моментом является целостность системы отношений с миром, в которое входят как прошлые, так и настоящие и даже будущие отношения. Такой подход к категории отношения с необходимостью связывает ее как с переживанием, так и с целостным бытием в мире, бытием, аутентичность которого закладывается целостным характером отношений. В то же время значения и смыслы, зарождающиеся в процессе отношений с миром, создают личностное пространство человека, его идентичность, целостность которой фундируется целостностью системы отношений — к миру и к себе.

Экзистенциальные психологи, рассматривая вопрос о психологических границах в рамках понятия миропроекта, снимали барьер между субъектом и объектом (внешним миром), таким образом внешние границы в психическом развитии, которые вставали перед человеком, были непосредственно связаны с адекватностью его представлений о себе, своих способностях, своем

предназначении и месте в этом мире. Такой подход был связан с основным положением этого направления — Dasein (бытие в мире, вот-бытие), которое как раз подчеркивает неразрывность человека и мира. Человек осуществляется в этом мире, реализуя заложенные в нем потенции к существованию, а мир реализуется, высветляется через человека, в его активности. Важным обстоятельством, подчеркивающим необходимость осознания себя для адекватного преодоления и внешних, и внутренних границ, является то, для экзистенциалистов настоящее важнее прошлого, бытие происходит здесь и сейчас, поэтому люди должны стремиться к полноте проживания каждого мгновения жизни.

О важности настоящего и необходимости расширения внутренних границ, границ самореализации писали и представители гуманистической психологии, прежде всего А. Маслоу [Маслоу, 2008]. Он также выделял наиболее значимые моменты, которые изменяют отношение человека к самому себе и к миру, моменты, которые стимулируют личностный рост и стремление к самоактуализации. Это может быть мгновенное переживание, которое Маслоу называл «пик-переживание», или длительное — «плато-переживание». В любом случае это моменты наибольшей полноты жизни, реализации именно бытийных, а не дефициентных потребностей. Они важны в развитии самоактуализации, так как расширяют ее границы, помогая выйти в иное измерение.

Эта возможность расширения границ самореализации в новом измерении особенно явно видна в логотерапии В. Франкла [Франкл, 2000], в концепции которого внешние границы почти полностью исключаются из рассмотрения, однако новые, внутренние границы — способность понять себя и смысл свой жизни, становятся тем более значимыми и жесткими.

Именно адекватность представлений о себе позволяет раздвинуть психологические границы, в то время как ригидное ви́дение себя в определенной роли и позиции сужает их до узенького коридора, в котором человек задыхается и не может активно действовать. Отсюда следует специфическое понимание психологических границ в экзистенциальной и гуманистической психологии — внешние и внутренние границы фактически отождествляются, так как фиксация на внешних, социальных преградах приводит к отказу от себя и, следовательно, сужает границы личностного развития. В свою

очередь сужение личностного пространства ведет к ограничению возможностей самореализации, и тогда происходит сужение социального пространства, пространства для общения и карьерного роста людей. Таким образом, одним из важнейших ведущих постулатов, объединяющих экзистенциальную и гуманистическую психологии, является отношение к свободе, которая рассматривается как главное и неотъемлемое свойство человека. При этом, в традициях Эпикура, свобода и ответственность связываются в единое целое — человек свободен в выборе своего поведения, своих поступков, и он ответственен за этот выбор, за свое существование в мире. Представляется, что такой подход раскрывает и новые перспективы для теоретических и эмпирических исследований характеристик внешних и внутренних психологических границ.

Направленность, интенциональность познающего мир человека, с точки зрения Э. Гуссерля [Гуссерль, 2005], придает феноменам сознания предметность. Отношения субъекта к жизненному миру наполнены значением и смыслом, то есть абстрактным и конкретным, личностным отношением к этому миру. Анализ влияния отношения к миру на становление значений и смыслов невозможен без понимания того, что разные типы отношения к миру, являются, по сути, отношениями к разным видам бытия. С точки зрения М. Хайдеггера [Хайдеггер, 2001], бытие и мир — одно целое и мир обретает свою сущность через бытие, через личность. Но в этом случае имплицитным является понимание внутреннего мира личности именно как результата активного отношения человека к разным аспектам бытия, мира. Особенно важным здесь представляется понятие социального бытия, о котором писал Г. Шпет, подчеркивая, что именно отношения, связанные с переживаниями сути этих отношений, помогают людям постигать и мир, и себя [Шпет, 2007].

Уточняя понятия социального бытия, Шпет писал, что существует несколько видов бытия — бытие природное, (которое, видимо, можно соотносить с физическим пространством), бытие отрешенное (которое является средним между логически отвлеченным и эмпирически данным). На самом деле, утверждал Шпет, окружающая нас действительность в первую очередь не природная, а социальная, историческая, культурная. Поэтому все виды бытия соединяются в бытии социальном, которое отражает и мысли чело-

века, и реальные предметы, и предметы творческого воображения. Доказывая это, он приводил в пример любую вещь, которая несет на себе отпечаток различных видов бытия, — их естественность есть весьма условная часть действительного целого и абстракция от конкретного. Человечество в процессе своего развития создает новый мир, социально-культурный, существующий помимо мира природного и отгораживающий человека от природы. Однако при этом и сам человек превращается в социально-культурный субъект, и его рефлексы из чисто биологических актов трансформируются в поведение, имеющее определенный социальный смысл. Таким образом, социальное бытие человека превращает его самого в социальную личность, поведение которой является определенным знаком для других людей, одновременно будучи знаком и ему самому. В этом тезисе Шпета можно увидеть основания не только для соотнесения разных видов бытия-пространства жизни людей, но и для их структурирования в систему социального бытия-хронотопа, в котором воедино соединены личностные и социальные аспекты, так же как и природные и культурные параметры.

Не менее важным является вопрос о тех механизмах, которые соединяют эту систему в целостный конструкт. И здесь особое значение приобретают идеи С. Л. Рубинштейна [Рубинштейн, 1957; 1973], который четко акцентировал роль отношений как основания целостной системы «человек и мир». Важным моментом в создании этой целостной системы становится переживание, которое, как подчеркивал Рубинштейн, дает возможность моделировать границы личностного пространства и соотношение предметов в нем. Это связано с тем, что с изменением отношения человека к вещам, изменяется и их восприятие. Поэтому сознание индивида — это единство переживания и знания. Отдавая себе отчет, что существует разница в нашем понимании и отношении к окружающему, мы начинаем лучше сознавать и свое отношение, свои отличия от других и свою сущность.

С точки зрения Рубинштейна, пространство создается именно искусственными качествами значимых и принятых (перенесенных во внутренний план) предметов, именно по ним идет и определение, и осознание мира. Он писал, что «человек не только видит, но и смотрит, не только слышит, но и слушает, а иногда не только смотрит, но и рассматривает или всматривается, не только слу-

шает, но и прислушивается» [Рубинштейн, 1989, с. 266]. Таким образом создается мир, имеющий конкретное значение для конкретного человека, с его способностями, опытом, сферой деятельности.

Для более наглядной иллюстрации неповторимости, своеобразия личностного пространства Рубинштейн часто приводил примеры своеобразного ви́дения мира творческими людьми — художниками, музыкантами. Усматривая сходство Мусоргского, Глинки и Римского-Корсакова в том, что мир для них и воспринимался, и воссоздавался посредством музыкальных образов, он отмечал и огромную разницу в колорите и строении этого музыкального пространства, так как Мусоргский и Глинка связывали звук с речью, в то время как Римский-Корсаков — с цветом: «Иными словами: цветность музыкальных звучаний и интонаций выполняла у Римского-Корсакова непосредственно, чувственно ту же функцию, что и опосредованно у Глинки и, особенно, у Мусоргского речь и связь музыкальных интонаций с речевыми» [Рубинштейн, 1989, с. 267].

Он писал: «…у художника процесс восприятия и процесс отображения воспринятого невозможно разорвать — не только творчество обусловлено восприятием, но и само восприятие в известной степени обусловлено изображением художественно воспринятого, оно подчинено условиям изображения и преображено в соответствии с ними. Они образуют взаимодействующее единство» [Рубинштейн, 1989, с. 267].

Важным моментом в создании личностного пространства становится переживание, которое, как подчеркивал Рубинштейн, дает возможность моделировать границы пространства и соотношение предметов в нем. Это связано с тем, что с изменением отношения человека к вещам изменяется и их восприятие. Рубинштейн определял переживание, в специфическом смысле этого слова, как душевное неповторимое событие в духовной жизни личности, подчеркивая его укорененность в индивидуальной истории жизни человека. Он писал, что узловые моменты на жизненном пути человека, основные события, которые превращаются для него в переживания и оказываются решающими в истории формирования личности, всегда эмоциональны [Рубинштейн, 1989]. Важным моментом является тот факт, что он рассматривает переживания как особый специфический аспект сознания, который всегда дан

во взаимопроникновении и единстве с другим моментом — знанием. Поэтому сознание индивида — это единство переживания и знания.

Говоря о роли переживания в становлении личностного пространства, Рубинштейн подчеркивал, что чувство не просто вызывается предметом, оно не только направляется на него, оно как бы входит, проникает в предмет, оно по-своему познает его сущность, а не только извне относится к нему, и притом познает с какой-то интимной проникновенностью. В качестве яркой иллюстрации этой мысли он, как всегда, использует искусство. Когда произведение искусства, картина природы или человек вызывают эстетическое чувство, то это означает не просто, что они мне нравятся, что мне приятно на них смотреть, что вид их доставляет мне удовольствие; в эстетическом чувстве, которое они у меня вызывают, я познаю специфически эстетическое качество — их красоту. Это их специфическое качество может быть познано только через посредство чувства. Чувства же выполняют и познавательную функцию, которая на высших уровнях приобретает осознанно объективированный характер [Рубинштейн, 1989, с. 277].

Рубинштейн полагал, что в сознании переживающего личностный контекст переживания выступает как связь целей и мотивов. Они определяют смысл переживаемой ситуации для конкретного человека. В зависимости от значимости для личности воспринятого, оно становится не только безличным предметным знанием, но и переживанием, включаясь в личностный план переживания. Событие из просто воспринятого «становится пережитым, испытанным, иногда выстраданным, в таком случае оно не только открывает тот или иной аспект внешнего мира, но и включается в контекст личной жизни индивида, приобретая в нем определенный смысл, входит в формирование личности как существенный фактор» [Рубинштейн, 1989, с. 280].

К вопросу о роли искусства в создании жизненного пространства мы еще вернемся, пока же необходимо уточнить вопрос о роли нового пространства, возникшего в последние годы, но существенно расширившего понятие сферы жизни, сферы возможностей человека для реализации своих устремлений.

Новое жизненное пространство — виртуальное

Стало уже аксиомой представление о том, что современная культура является информационной, а само представление о мире и о себе как никогда зависит от информационного воздействия различных СМИ и СМК. Поэтому одной из важнейших проблем является изучение информационного пространства, которое в настоящее время носит стихийный характер. Культура информационного общества предполагает исследование не только когнитивных, но и эмоционально-личностных и поведенческих аспектов процесса информационной социализации. При этом можно, вслед за Н. Винером, рассматривать информацию как один из способов организации, структурирования образа мира, что накладывает особую ответственность на носителей информации и на тех, кто определяет способы ее подачи подросткам и молодежи.

Можно говорить о двух разных подходах к исследованию информационного пространства — внешнем, изучающем прежде всего виды и способы подачи информации, и внутреннем — изучающем главным образом, как перерабатывается, присваивается информация и к каким последствиям в структуре и поведении личности эта информация приводит. Информационное пространство не может рассматриваться изолированно от общего социального пространства человека, оно входит в общую структуру социального/персонального хронотопа. Поэтому было предложено [Марцинковская, 2010] разделение понятия информационного пространства как общего социокультурного пространства, в котором живут, общаются и действуют люди, и понятия информационного поля, представляющего конкретный источник или группу источников информации. На основании этого было выделено несколько критериев, по которым можно разделить источники информации на группы. Такими критериями могут быть:

- степень влияния и/или степень доверия к информации;
- форма представленности информации (визуальная, вербальная, аудиоинформация);
- принадлежность к определенным информационным группам (печатные или электронные, фильмы, книги, журналы, музыка и т. д.);

- содержание информации (здоровье, развлечение, хобби, мода, косметика, автомобили и т. д.);
- целевая направленность информации (возрастная, гендерная, профессиональная и т. д.).

Несомненно, получаемая людьми информация связана с их социальными представлениями, так как установки и апперцептивные поля не могут не повлиять в качестве своеобразного фокуса «избирательного внимания» на выбор и источника, и содержания информации. В то же время сама воспринимаемая информация влияет на уже имеющуюся систему понятий, изменяя и/или частично модифицируя ее, что в некоторой степени подтверждается и концепцией квантовой информации.

Особый интерес тут представляют электронные средства массовой информации, как в плане способа подачи материала, так и в плане более глубинного воздействия на личность реципиентов. При этом важным моментом является то, что наиболее активно Интернетом пользуются именно подростки, для которых он стал одной из привычных граней бытия и для которых операциональная сторона использования электронных СМИ не представляет сложностей, в отличие от старших поколений. В то же время этот вопрос имеет большое значение с точки зрения их ви́дения мира, их общей социализации, а также с точки зрения общения, взаимодействия и конфликтов людей разных возрастных когорт, по-разному использующих и относящихся к печатным и электронным СМИ.

Интернет-пространство справедливо рассматривается в контексте таких понятий, как информационное общество, информационная культура и постиндустриальная культура. При этом информационная культура позиционируется и как особый вариант культуры, детерминируемый прежде всего воздействием массовых СМИ. Говоря о постиндустриальном обществе и, как следствие, о постиндустриальной культуре, необходимо подчеркнуть возрастающее значение компьютеров, электронных СМИ, сотовых сетей и т. д. не только в развитии социума, но и современного человека. Фундаментальной проблемой современного информационного общества является и то, что социальная изменчивость и глобализация не только сказываются на экономике и политике, но затрагивают все стороны взаимодействия разных культур. Естественно, это не

может не проявиться в представлениях об окружающем мире, изменении ценностей и установок людей. Мир стал более широк и открыт, поэтому для полноценного представления о нем недостаточно только личных знаний и/или знаний близких, важна более структурированная, масштабная и объективная информация.

Культура информационного общества предполагает исследование не только когнитивных, но и эмоционально-личностных и поведенческих аспектов воздействия информации на людей разных возрастных групп. При этом необходимо учитывать и тот факт, что доминировавшая в XX в. вербальная форма информации постепенно трансформируется в визуальную, а в последние годы и аудиовизуальную формы. Поэтому одним из ведущих направлений исследований становится изучение процесса восприятия и переработки информации в разных социальных и возрастных группах, прежде всего исследование тех особенностей, которые связаны с эмоциональным отношением к разным видам электронных СМИ, особенно к Интернету. Можно говорить о двух вариантах влияния СМИ и СМК — непосредственном или опосредованном разными факторами и условиями. Непосредственное, прямое влияние основывается на механизмах эмоционального заражения и обусловливания. Другая форма влияния опосредуется индивидуально-личностными и социально-личностными факторами.

Полученные в последние годы материалы позволили провести операционализацию понятий «социальное и информационное пространство», выявить специфику взаимосвязи между социальным и информационным пространством на разных этапах онтогенеза (в детстве, отрочестве, юности и зрелости) [Марцинковская, 2015а]. Было доказано, что формирование взаимосвязи между двумя пространствами в настоящее время начинается уже в раннем детстве, усиливаясь с возрастом. При этом к подростковому возрасту наиболее тесная взаимосвязь устанавливается между реальным социальным пространством и виртуальным пространством Интернета. В зрелом и позднем возрастах социальное пространство наиболее тесно связано с информационным пространством телевидения. Это несовпадение информационных предпочтений и доверия в последние годы уменьшается за счет овладения Интернетом 30–40-летними людьми, что снимает одну из значительных причин межпоколенных конфликтов.

Психология пространств: хронотоп и не только

Необходимо признать, что категория хронотопа — это не просто констатация пространственных и временны́х характеристик ситуации, текста, картины, теории и т.д. Это метод построения высокодифференцированного и вместе с тем интегративного образа жизненной, творческой и научной реальности. Важным представляется и вопрос о том, какая из составляющих психологического хронотопа играет в нем ведущую роль — время или пространство? Напомним, что многие ученые, разрабатывающие проблему хронотопа (А. А. Ухтомский, В. И. Вернадский, М. М. Бахтин и др.) [Ухтомский, 2002; 2008; Вернадский, 2012; Бахтин, 1975; 1997] считали, что ведущая роль принадлежит времени. В то же время за этими спорами иногда терялась важнейшая характеристика хронотопа — гетерохронность. Если Вернадский писал о рассогласованности естественного и социального мира, а Бахтин — о больших и малых хронотопах, то Ухтомский, развивая положение о хронотопе, подчеркивал как необходимое свойство хронотопа его гетерохронность, рассогласованность, разрыв между временем и пространством, либо разорванность времени и пространства. Это свойство является одним из наиболее значимых для психологического хронотопа, выводя на первый план понятие его внутренней формы.

Что же нам дает понятие внутренней формы хронотопа? Представляется, что именно в этом контексте можно попробовать разрешить «дилемму тяни-толкая», или, точнее, дилемму между гармонией (гомеостазом) и стремлением к самореализации, гетерохронности хронотопа.

Если исходить из того, что внутренняя форма есть мое представление о значении или связь между образами, с которыми ассоциируется данное значение, то можно утверждать, что мое отношение к объективному, социальному пространству-времени и внутреннему, личностному пространству-времени и, главное, мое понимание отношений между ними и есть внутренняя форма психологического хронотопа [Марцинковская, Полева, 2006]. Но тогда именно внутренняя форма и отражает степень гармонии/дисгармонии, гетерохронности разных частей хронотопа и, таким образом, и является его собственно психологической сущностью. То есть внутреннюю форму психологического хронотопа

можно представить как субъективный образ (или цепочку образов) моего развития в пространстве и времени. Поэтому здесь четко можно увидеть точки слома — гетерохронности, которая гармонизируется либо не гармонизируется и приводит к личностному и/или социальному конфликту. И эта ситуация, естественно, вызывает определенные (позитивные или негативные) переживания. Таким образом, можно говорить о том, что психологический хронотоп отражает соотношение между шестью параметрами пространства и времени в общем (объективном) и персональном (субъективном) пространствах и временах. А его внутренняя форма связана с переживанием определенного момента в этом соотношении, то есть это эмоциональный отклик на связь между конкурентными малыми хронотопами — моментами жизненного пути в пространстве и времени (эмоциональный опыт).

Как почти всегда, искусство своим языком (языками) отобразило внутреннюю форму хронотопа, выделив именно важную для психологии эмоциональную составляющую [Балашова, 2009; Поэзия, 2015]. Ведь даже такие классические тексты, принадлежащие разным пространствам и абсолютно разным временам, как «На холмах Грузии лежит ночная мгла… Мне грустно и легко; печаль моя светла…» или «…I'm going to Strawberry Fields. Nothing is real and nothing to get hung about. Strawberry Fields forever» — являются по сути внутренними формами хронотопов. Ведь они содержат все составляющие и пространств, и времени, и переживания. И, главное, они несут поток ассоциаций, вызывающий эмоциональный отклик у слушателей.

Идея внутренней формы хронотопа, вызывающей переживания, в поэзии, безусловно, в первую очередь связана с гениальным понятием В. Вордсворта «Spots of time (место времени)». Для Вордсворта в этих местах времени, вобравших в себя его эмоциональный опыт, в том числе переживания давнего прошлого, детства и юности, кроется источник жизненных сил [Wordsworth, 1979]. Хотя сами по себе эти моменты в пространстве могли быть связаны с потерями и страхами, но главное свойство этих хронотопов в том, что они будят фантазию, помогают человеку пробудиться от рутины повседневности, заставляют работать ум и сердце и, таким образом, помогают творчеству. То есть можно

говорить о том, что внутренняя форма хронотопа, с точки зрения Вордсворта, ведет от дисгармонии к гармонии.

Особенно явно внутренняя форма хронотопов видна в стихах символистов Серебряного века. Это связано, как мне кажется, именно с их переживанием слома времен и пространств и попытками найти свое, личное, гармоничное сочетание пространства и времени. У А. Блока, например, это переживание невозможности выйти из замкнутого круга пространства-времени:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.
Умрешь — начнешь опять сначала
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

(*А. Блок*)

У Б. Пастернака или Н. Гумилева, напротив, можно увидеть стремление войти вновь в определенный момент пространства-времени, для того чтобы изменить его внутреннюю форму или переживание, связанное с ним, например: «Февраль. Достать чернил и плакать!» (Пастернак), «Заблудившийся трамвай» (Гумилев).

Фактически, все эти стихи — это не только время или место (февраль, Санкт-Петербург), но ***переживание*** места и времени одновременно. Причем переживание дисгармоничное, вызывающее ассоциации с другими хронотопными переживаниями, то есть это не столько хронотоп сам по себе, сколько его внутренняя форма, дающая интенцию к развитию, творчеству, любой форме активности. Внутренняя форма хронотопа очень характерна для многих произведений И. Бродского. Дисгармоничное сочетание пространства и времени, связанное, чаще всего, с переживанием потери, отчаяния, является лейтмотивом многих его произведений: «И пространство пятилось, точно рак, пропуская время вперед» (*И. Бродский*. Колыбельная трескового мыса). Представляется, что и здесь, как первоначально у Вордсворта, хронотоп является источником творчества, так как негативное переживание переплавляется в поэзию.

Интересно, что, анализируя переживания, вызываемые живописью и музыкой, А. Г. Габричевский также обращается к разным

составляющим хронотопа, связывая их с разными переживаниями. Выделяя два вида эмоциональных состояний, связанных с пространством, Габричевский противопоставлял их переживаниям, связанным со временем, причем с его точки зрения пространство связано с аполлоническими переживаниями, которые противостоят дионисийскому началу времени [Габричевский, 2002, с. 336–337].

Эмоциональные озарения, связанные с определенными «местами времени», рассматривались и психологами как реперные точки жизни, запускающие процессы активной деятельности, саморазвития, творчества. Это, конечно, в первую очередь пики- и плато-переживания А. Маслоу, о которых говорилось выше. Но и в работах Г. Г. Шпета можно встретить указания на внутреннюю форму как интенцию, как движущую силу развития, связанную с переживанием места-времени.

Можно констатировать, что именно переживание является механизмом развития, переводя знания из внешнего, социального плана, во внутренний план самосознания и придавая им интенциональность [Марцинковская, 2015б].

Однако Шпет при интерпретации понятия интернализации использует понятие внутренней формы слова и/или художественного произведения, хотя сама по себе она не может стать причиной интернализации представлений и не обладает энергетическим и интенциональным потенциалом [Шпет, 2005; 2007].

Однако, по мнению Шпета, внутренняя форма облегчает этот процесс, способствуя появлению эмоционального отношения к тем знаниям, которые оформляет данная внутренняя форма. То есть, по сути, Шпет говорит именно о механизмах развития и интернализации, так как внутренняя форма включает механизм эмоционального обусловливания. Внутренняя форма является идеальным инструментом эмоционального обусловливания и/или заражения, приводящего к интериоризации даже тех понятий, которые на рациональном основании не были бы восприняты человеком.

Таким образом, можно сделать вывод, что Шпет, говоря о механизме развития, фактически отождествляет понятие переживания с понятием внутренней формы, благодаря которой становится возможным эмоциональное обусловливание и/или заражение и интернализация понятий.

По-видимому, продолжая эту линию анализа, можно говорить и о внутренней форме психологического хронотопа, облегчающего процесс личностного роста и формирования целостной идентичности.

Культура как пространство экзисферы

Роль эстетической составляющей в общем пространстве хронотопа можно представить в виде основания, позволяющего структурировать его отдельные части, снизить гетерохронность, гармонизировать соотношения между разными частями и разными сценариями поведения в процессе становления индивидуального жизненного пути.

Можно говорить, что функции эстетической составляющей психологического хронотопа заключаются в том, чтобы:

- стабилизировать систему (хронотоп), восстановить (сохранить) связь времен, жизненного пути, идентичности человека;
- отрефлексировать изменения ценностей, эталонов, эмоционального состояния общества и кристаллизовать переживания этих изменений в произведениях искусства;
- дать примерный прогноз дальнейшего изменения, движения общества.

I. *Стабилизация системы.* Стабилизация в этом случае рассматривается как гармонизация объективной и субъективной составляющих пространства-времени.

Представляется, что такая гармонизация определяется тем, что психологический хронотоп может быть представлен в виде большой системы. Понятие большой системы в данном контексте соединяет в себе в несколько метафоричном виде представления квантовой механики: как теории неопределенности В. Гейзенберга [Гейзенберг, 2001], так и ее информационной и многомировой интерпретации. Автор многомировой интерпретации Х. Эверетт [Everett, 1957], считал, что наблюдатель и измерительный прибор объединены в единую систему, что и приводит к эффекту классичности, то есть кажущейся устойчивости данной системы. При этом интерпретация элементов системы (в нашем случае вари-

антов поведения в ситуации транзитивности) и влияние социального пространства-времени на выбор определенного сценария жизни могут быть рассмотрены как разные дискурсы объяснения связи культуры и личности. Рассмотрение связей внутри системы проводится в рамках информационной интерпретации — то есть зритель, извлекая из художественного произведения и/или исторического события информацию, меняет систему, которая теряет часть заложенной в ней информации, получая взамен другую, вложенную в нее зрителем.

Зритель проводит интерпретацию исходя из своих знаний и/или переживаний. Воздействие происходит благодаря гибкой внутренней форме, при этом разные искусства, взаимодействуя с наукой, развивают свою форму-язык, наиболее адекватно воздействующую на реципиента; именно в этом случае интерпретация превращается во влияние. Понимание общности социального пространства-времени как большой системы доказывает в том числе анализ художественных произведений и трудов ученых, живших в одно время, так как в работах художников (живописцев, музыкантов) отражаются современные для них научные концепции, и, наоборот, художественные произведения помогают подтвердить научные данные. Как картины Л. Чиголи отразили в своих образах представления Г. Галилея о строении мира, так и полотна В. Кандинского и Д. Поллока, музыка А. Шёнберга выразили (и подтвердили) идеи У. Найсера, Д. Брунера, Г. Гибсона о факторах, детерминирующих процессы восприятия и внимания.

В рамках эстетической составляющей система времени-пространства трансформируется в подсистему «зритель — творец — произведение», а связка «зритель — произведение» включается в большой контекст «человек — культура», что и приводит к эффекту классичности, то есть кажущейся устойчивости [Марцинковская, 2014]. Зритель, интерпретируя информацию и меняя систему, вкладывает в нее не только новые понятия, но и новые переживания. Эти переживания могут как дезинтегрировать элементы времени и пространства, так и, наоборот, их структурировать и гармонизировать, чему способствуют эстетические переживания. Человек, воспринимая себя зрителем/читателем классического произведения, картины, сказки, естественно, воспринимает их в разное время жизни по-разному. Но эстетически ориенти-

рованное переживание связывает в единое целое объективное и субъективное время, что очень важно при социальных трансформациях и неопределенности.

Еще более значимо в период транзитивности влияние эстетических переживаний на гармонизацию социального и личностного пространств. Отнесение себя к определенной культуре, языку, творчеству ученых и художников помогает сохранению социокультурной идентичности даже при неприятии многих других элементов окружающего настоящего социального пространства. Поэзия А. С. Пушкина, картины И. И. Левитана и И. И. Шишкина не теряют для человека своего эмоционального значения в любые периоды жизни и во всех пространствах. Да, для построения своей экзистенциальной сферы мы отбираем наиболее созвучные нашей индивидуальности произведения искусства, однако именно в эстетическом контексте наиболее легко примиряются личностные и социальные переживания, становящиеся антагонистическими при перенесении эстетики в другие контексты.

Точно так же эстетические переживания помогают сохранению этнической идентичности и толерантного отношения к другим народам и культурам. Социальные переживания по отношению к другим народам гармонизируются именно в случае их связи с культурой, в отличие от политических, экономических и даже нравственных переживаний. Например, отношение людей к польскому этносу может быть амбивалентным, особенно если в анализ такого отношения включаются социальные переживания, связанные с войной, Катынью и другими историческими или экономическими событиями, которые могут разрушить даже достаточно устойчивую систему отношений. Но если включить в эту систему эстетическую составляющую, например переживания, связанные с музыкой Ф. Шопена и П. И. Чайковского или поэзией А. Мицкевича и А. С. Пушкина, гармонизация хронотопа и по пространственному, и по временному континууму восстанавливается.

II. *Кристаллизация переживаний, связанных с трансформацией времени и пространства.* Уже в прошлом искусствоведы (А. Ф. Тиандер, Ю. И. Айхенвальд), психологи (Э. Эриксон, К. Юнг, Д. Н. Овсянико-Куликовский), философы (И.-В. Гете, О. Шпенглер, Г. Г. Шпет) отмечали, что произведения искусства могут рассматриваться как продукт кристаллизации социальных переживаний

людей определенного времени и определенной культуры. С этой точки зрения можно говорить о том, что переживания автора, художника отражают эмоции большой группы людей конкретной эпохи, а произведения искусства включают и поиски новой идентичности, и само ее новое содержание.

Любое произведение искусства является одновременно объективным (как объект культуры) и субъективным, так как несет в себе своеобразие чувств и представлений художника, которые в большей или меньшей степени окрашивают и образ, и построение, и отдельные элементы картины. Изображение получает индивидуальную характеристику, свою «биографию», свое временно́е и пространственное измерение, которые преобразовывают не только само произведение, но и те объекты, те образы, которые были изображены. Произведение способно вызвать эстетические переживания только благодаря тому, что оно обладает своеобразными «личностными» формами, является выражением и отображением создавшей ее личности.

В большой степени отражение времени связано с театром, с популярностью тех или иных классических пьес или с появлением новых. С этой точки зрения становится понятна популярность в России в настоящее время пьес А. Н. Островского и Г. Ибсена, в которых действуют представители купечества и средней буржуазии. С этими героями легче всего (или больше всего хочется) идентифицировать себя многим зрителям. Интересен тот факт, что почти всегда в периоды перемен и возникающей необходимости отрефлексировать эти изменения актуализируется тематика шекспировского Гамлета. А в ситуации неопределенности с ее сложным, иногда абсурдным характером выходят на первый план либо театр абсурда (пьесы Э. Ионеско, Ж.-П. Сартра, А. Камю, романы Ф. Кафки), либо символизм (например, наполненная неувядаемыми образами «Буря» В. Шекспира).

В случае четкого вектора перемен, как в России 1960-х, появляется значительное число пьес, которые отражают эти изменения, чаяния людей, ждущих новых времен, их надежды и страхи, их боязнь нового, а иногда и стремление любой ценой удержать старое. В нашей стране такой феномен «оттепели» со всеми ее нюансами, страхами и ожиданиями очень четко отразили пьесы В. С. Розова, А. М. Володина, А. В. Вампилова. Если в пьесах А. М. Володина и

особенно В.С. Розова были зафиксированы ожидания нового, стремление расстаться со старыми предубеждениями, стереотипами, страхами, то в работах А.В. Вампилова отразились в первую очередь надежды на возрождение индивидуальности, личностного достоинства.

В то же время наполнялись новыми смыслами и старые классические пьесы. Однако, в отличие от популярных в 2000-е гг. пьес А.Н. Островского — «Бешеные деньги», «Последняя жертва», в 1960-е гг. наиболее востребованными были другие его работы, например «Доходное место» или спектакль по роману И.А. Гончарова «Обыкновенная история», блистательно поставленный в «Современнике» Олегом Ефремовым. Таким образом, если в середине прошлого века были популярны пьесы, показывающие возможности перерождения купечества, появление новых людей, осуждение старых порядков, лишающих человека активности и целеустремленности, то в начале XXI в. успехом пользуются спектакли, воспевающие даже не столько дух, сколько быт купечества и мелкой буржуазии. То же самое можно сказать о пьесах Чехова, в которых первоначально актуализировалась тема «выдавливания из себя раба», стремления к интеллектуальной деятельности и ценностям интеллигенции, а сегодня интеллигенция показывается как уходящий класс, на смену которому идет новое поколение лопатиных с новыми, прежде всего прагматически-материальными идеалами.

Можно, по-видимому, говорить и о том, что определенный способ выражения переживаний может стать основой нового направления в культуре и стимулировать художников, переживающих сходные эмоции, кристаллизовать их в новых формах, адекватных, по представлению многих, именно этим переживаниям. Например, экспрессионизм может рассматриваться как направление, которое наиболее полно отразило переживания людей, связанные с кризисом начала XX в., их эмоции и ощущения хаоса, разлома времени, надвигающейся трагедии. Представляется, что одной из наиболее характерных иллюстраций этого тезиса является серия полотен Э. Мунка «Крик», написанная на рубеже XIX–XX вв. Кричащая в отчаянии фигура человека, изображенного на всех вариантах этой картины, олицетворяет не только переживания кризиса Европы, кризиса привычного мира, но и предчувствие грядущей катастрофы.

Появившийся примерно в это же время абстракционизм также передавал испытываемые людьми эмоции, вызванные потерей устоявшегося мира и образа жизни, но также и ощущения страха перед неопределенным будущим. При этом экспрессионизм использовал преимущественно осознанные образы, сюжеты, переданные с помощью новых изобразительных средств. Абстракционизм, напротив, разрабатывал бессюжетные и неосознанные образы, включая не только интеллектуальные и эмоциональные реакции, но и психофизиологические.

Отчетливо видно изменение и времени, и пространства, и ценностей, если хронологически проанализировать работы таких художников, как Э. Мане, В. Кандинский, С. Дали. Но еще нагляднее трансформации объективного пространства-времени и кристаллизация переживаний, связанных с изменением личностного пространства-времени, видны в картинах российских художников, уехавших в 1920–1930-х гг. за рубеж и существенно изменивших не только стиль и колорит (Н. И. Фешин, Б. Д. Григорьев), но даже тематику своего письма (П. А. Нилус).

Стремление зафиксировать уходящее пространство и время отчетливо прослеживается в работах многих отечественных и зарубежных художников, которые рисовали старые здания, улицы, лица людей. Эти картины ясно свидетельствуют о сложностях идентификации в новом социальном пространстве-времени, а их эмоциональная наполненность, разделяемая многими зрителями, доказывает наличие конфликта между личностным и социальным, нарушение гармонии обеих составляющих хронотопа.

Возможно, такое стремление обособиться от не успевающего за предчувствиями художников времени, уйти в свое пространство, приводили и приводят к тому, что создатели новых направлений объединяются, создавая аналог современных сетевых сообществ. В качестве примера можно привести интернет-проект, разработанный в рамках выставки MoMA «Изобретая абстракционизм, 1920–1925», в котором представлены связи между людьми искусства и науки начала XX в. Социальная сеть изменчива и гибка, она отвечает требованиям к системе в ситуации неопределенности, обеспечивая устойчивость и конгруэнтность образа мира и личностной идентичности. Поэтому одновременно с изменчивостью можно говорить о стабильности внутри системы, в которой про-

исходит становление и новых (часто мнимых) идентичностей, и новых форм презентации и самопрезентации, которые порождают в том числе новый язык (языки) искусства.

III. *Возможное прогнозирование будущего*. Наиболее интересным представляется третье направление, которое позволяет посмотреть на произведения искусства с новой точки зрения, рассматривая эстетику как своего рода предиктор будущих изменений. И возвращение интереса к определенным классическим произведениям, и возникновение новых форм часто проявляются до того как общество отрефлексировало наступающие перемены и даже до того как в пьесах или прозе эта рефлексия осуществилась. Наиболее сензитивными к появлению новых тенденций, как правило, становились музыка и живопись. Я в этом случае сознательно оставляю в стороне фантастику, хотя, конечно, наиболее очевидным и прямым свидетельством прогностических возможностей искусства является именно фантастика — романы А. Р. Беляева, Г. Уэллса, Ж. Верна, К. Саймака, С. Лема, И. А. Ефремова, Дж. Оруэлла, М. А. Булгакова и многих других писателей. Но в прозе передается именно сюжетная канва будущего, а эмоциональное отражение эти предчувствия находят в музыке, живописи, частично в театральном искусстве.

Говоря о театральных спектаклях, можно увидеть нарастающую тенденцию включения в драматическую пьесу элементов танца, света и музыки. Есть пьесы, целиком построенные на мимике, игре поз, движений рук, тела в целом. Сегодня все чаще в драматических и музыкальных спектаклях используют новые, визуальные способы воздействия. Изменяющийся, пульсирующий свет, телеэкраны, компьютерная графика с огромным эффектом применяются умелыми режиссерами, вызывая эмоциональный отклик у зрителей. Это показывает, что искусство драмы даже не отрефлексировало, но ощутило те изменения образа мира, при котором основную информацию несут зрительные гештальты. Ученые только недавно констатировали этот феномен, в то время как пьесы, в которых вербальный ряд играет второстепенную роль, появились более десяти лет назад, доказывая, что в хорошо сыгранном спектакле все понятно и без перевода.

Ощущение будущих кардинальных трансформаций и конфликтов как внешних, социальных, так и внутриличностных,

проявилось в музыке уже в XIX в. и явственно выразилось еще до того, как ученые заговорили о закате Европы и смене социокультурной идентичности. В переходе от тональной музыки, гармоничных произведений Ф. Шопена или С. В. Рахманинова к творениям А. Брукнера, А. Малера, А. Шёнберга отразилось предчувствие того слома эпох, смятения и ощущения неопределенности и неустроенности человека в мире, о котором позже заговорили писатели и который начали изучать ученые.

Подобный переход от сюжета и мелодии к бессюжетности и атональности характерен и для музыкального театра. Так, еще в прошлом веке наиболее распространенным жанром были так называемые драмбалеты. Хотя в классических балетных спектаклях ведущим, конечно, всегда был танец, составленный из определенных, точно зафиксированных поз и движений, для их объединения и объяснения их последовательности использовалась сюжетная канва. Даже Д. Баланчин в своих ранних балетах, уже построенных на свойственной ему пластике и, казалось бы, не нуждающихся в сюжете, создавал некоторый вариант либретто.

Но во второй половине XX в. боязнь потерять мелодию или сюжетную канву перестала тревожить художников. Скорее наоборот, они начали активно и сознательно отказываться от фабулы и поисков вербальных средств выражения переживаний. Это произошло еще до появления первых работ, исследующих новые формы восприятия и переработки информации. Можно предположить, что художники в разных областях искусства пришли к ощущению того, что в новом времени-пространстве людям будет сложно идентифицироваться не только с устоявшимися причинно-следственными отношениями, но и с общими для всех нормами, стереотипами, даже ценностями. Поэтому произошел кардинальный переход от слова, сюжета, представления — к образу-переживанию. Возможно, глобализация фундирует внесение языка жестов и пластики в драму, темп жизни и новую эстетику движения — в балет, новые ритмы и тональности — в музыку, а новое понимание прекрасного — в жизнь. Можно говорить о том, что «язык вещей» приходит в искусство, а искусство входит в быт, в жизнь.

Заключение

Размышления о психологии пространства многоаспектны и, как было показано, включают в себя как междисциплинарные концепции, так и теории пространства мира, психологического и физического поля, сети Интернет, сферы внутренней сущности личности.

Объединяет все эти концепции идея о том, что каждому необходимо выстроить свое пространство, встать над полем, без чего невозможно ни выстроить барьеры, ни преодолеть их, что часто связано между собой как две стороны одной медали.

Еще одной важной, с моей точки зрения, характеристикой жизненного пространства людей является временна́я перспектива этого пространства. Ведь и его содержание, и ширина границ во многом определяются направленностью на настоящее, прошлое или будущее. Это становится не только чертой экзисферы, но и личности в целом, определяя особенности ее отношения к миру, к другим, к себе самому. Ведь психологическая суть персонального хронотопа — это именно отношение, переживание. И поэтому неудивительно, что культура становится важным фактором, влияющим и на отдельные части хронотопа, и на его временны́е и пространственные свойства.

В настоящее время отношение к информационному (виртуальному) и культурному пространству существенно влияет на границы реального социального поля, позволяя преодолеть разные виды внешней фрустрации и часто — даже самые жесткие барьеры. Одновременно это отношение дает возможность выстроить экзисферу, а также расширить границы личностного пространства, подтверждая связь между внешними и внутренними границами с индивидуальными и личностными характеристиками.

Литература

Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М.: Когито-Центр, 2002.

Балашова Е.Ю. Проблема времени в русской и французской культуре первой половины двадцатого столетия: философия, психология, поэзия // Психологические исследования: [электронный научный журнал]. 2009. № 6 (8). С. 5. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2009n6-8/251-balashova8.html (дата обращения: 29.08.2020).

Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1997.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.: Наука, 2007.

Болдуин Дж. М. Духовное развитие с социологической и этической точки зрения. Исследование по социальной психологии. Т. 1. Личность. М.: Либроком, 2011.

Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005.

Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012.

Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: АПН СССР, 1956.

Габричевский А. Г. Морфология искусства. М.: Аграф, 2002.

Гейзенберг В. Избранные труды. М.: Едиториал УРСС, 2001.

Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.

Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.

Дюркгейм Э. Социология. М.: Канон, 1995.

Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.

Марцинковская Т. Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015а.

Марцинковская Т. Д. Современная психология — вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015б. Т. 8, № 42. С. 1. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html (дата обращения: 29.08.2020).

Марцинковская Т. Д. Социальная и эстетическая парадигмы в методологии современной психологии // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 37. С. 12. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n37/1046-martsinkovskaya37.html (дата обращения: 29.08.2020).

Марцинковская Т. Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. 2010. № 3. С. 90–102.

Марцинковская Т. Д., Полева Н. С. Проблема внутренней формы художественного произведения в работах ГАХН // Культурно-историческая психология. 2006. № 2. С. 98–104.

Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008.

Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.

Поэзия. Опыт междисциплинарного исследования / под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева, Ю. Б. Орлицкого. М.: Смысл, 2015.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Педагогика, 1973.

Сорокин П. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общества. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.

Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.

Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002.

Ухтомский А. А. Лицо другого человека. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2008.

Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000.

Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001.

Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Академический проект, 2006.

Шпет Г. Г. Философия и психология культуры. М.: Наука, 2007.

Шпет Г. Г. Философско-психологические труды. М.: Наука, 2005.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М: Аспект-Пресс, 1996.

Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000.

Everett H. “Relative State” Formulation of Quantum Mechanics // Reviews of Modern Physics. 1957. Vol. 29. P. 454–462. https:/doi.org/10.1103/RevMod-Phys.29.454.

Hall E. T. Hidden Differences: Studies in International Communication. Hamburg: Grunder & Jahr, 1985.

Wordsworth W. The Prelude, Authoritative Texts. New York; London: A Norton Critical Edition, 1979.

References

Adler A. *Essays on individual psychology*. Moscow, Kogito-Center Publ., 2002. (In Russian)

Balashova E. Yu. Problem of time in Russian and French culture of the first half of the twentieth century: philosophy, psychology, poetry. *Psikhologicheskiie issledovaniia*: [electronic scientific journal], 2009, no. 6 (8), p. 5. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2009n6-8/251-balashova8.html (accessed: 29.08.2020) (In Russian)

Baldwin D. M. *Spiritual development from a sociological and ethical point of view. Research in social psychology*. Vol. 1. Personality. Moscow, Librokom Publ., 2011. (In Russian)

Bakhtin M. M. *Collected works*: in 7 vols. Vol. 5. Works of the 1940s — early 1960s. Moscow, Russkiie Slovari Publ.; Iazyki slavianskikh kul’tur Publ., 1997. (In Russian)

Bakhtin M. M. Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. *Voprosy literatury i estetiki.* Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. P. 234–407. (In Russian)

Benedict R. *The Chrysanthemum and the sword. Models of Japanese culture*. Moscow, Nauka Publ., 2007. (In Russian)

Bourdieu P. *Social space: fields and practices*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2005. (In Russian)

Durkheim E. *Sociology*. Moscow, Kanon Publ., 1995. (In Russian)

Erikson E. G. *Childhood and society*. St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2000. (In Russian)

Everett H. "Relative State" Formulation of Quantum Mechanics. *Reviews of Modern Physics,* 1957, vol. 29, pp. 454–462. https:/doi.org/10.1103/RevModPhys.29.454.

Frankl V. *Basics of Logotherapy. Psychotherapy and religion*. St. Petersburg, Rech Publ., 2000. (In Russian)

Gabrichevsky A. G. *Morphology of art*. Moscow, Agraf Publ., 2002. (In Russian)

Giddens E. *Consequences of modernity*. Moscow, Praxis Publ., 2011. (In Russian)

Hall E. T. *Hidden Differences: Studies in International Communication*. Hamburg, Grunder & Jahr, 1985.

Heidegger M. *Basic problems of phenomenology*. St. Petersburg, VRFSh Press, 2001. (In Russian)

Heisenberg V. *Selected works*. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. (In Russian)

Horney K. *Neurotic personality of our time*. Moscow, Academic project Publ., 2006. (In Russian)

Husserl E. *Selected works*. Moscow, Territoriia budushchego Publ., 2005. (In Russian)

Leontiev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow, Politizdat Publ., 1977. (In Russian)

Lewin K. *Dynamic psychology: Selected works*. Moscow, Smysl Publ., 2001. (In Russian)

Martsinkovskaya T. D. *Problem of socialization in the historical and genetic paradigm*. Moscow, Smysl Publ., 2015a. (In Russian)

Martsinkovskaya T. D. Modern psychology — challenges of transitivity. *Psikhologicheskiie issledovaniia*, 2015b, vol. 8, no. 42, p. 1. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html (accessed: 29.08.2020). (In Russian)

Martsinkovskaya T. D. Social and aesthetic paradigms in the methodology of modern psychology. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2014, vol. 7, no. 37, p. 12. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n37/1046-martsinkovskaya37.html (accessed: 29.08.2020). (In Russian)

Martsinkovskaya T. D. Information space as a factor of socialization of modern teenagers. *Mir psikhologii*, 2010, no. 3, pp. 90–102. (In Russian)

Martsinkovskaya T. D., Poleva N. S. Problem of the internal form of an artistic work in the works of GAKHN. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiia*, 2006, no. 2, pp. 98–104. (In Russian)

Maslow A. *Motivation and personality*. St. Petersburg, Peter Publ., 2008. (In Russian)

Mead M. *Culture and the world of childhood*. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russian)

Poetry. Experience in interdisciplinary research. Eds G. V. Ivanchenko, D. A. Leontiev, Yu. B. Orlitsky. Moscow, Smysl Publ., 2015. (In Russian)

Rubinstein S. L. *Fundamentals of general psychology*: in 2 vols. Moscow, Pedagogika Publ., 1989. (In Russian)

Rubinstein S. L. *Being and consciousness*. Moscow, USSR Academy of Sciences Press, 1957. (In Russian)

Rubinstein S. L. *Man and the World*. Moscow, Pedagogika Publ., 1973. (In Russian)

Shpet G. G. *Philosophy and psychology of culture*. Moscow, Nauka Publ., 2007. (In Russian)

Shpet G. G. *Philosofical-psychological works*. Moscow, Nauka Publ., 2005. (In Russian)

Sorokin P. *Social and cultural dynamics: research of changes in large systems of art, truth, ethics, law and society*. St. Petersburg, RKHGI Press, 2000. (In Russian)

Sztompka P. *Sociology of social change*. Moscow, Aspect Press Publ., 1996. (In Russian)

Tönnis F. *Community and society. Basic concepts of pure sociology*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2002. (In Russian)

Ukhtomsky A. A. *Dominant*. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. (In Russian)

Ukhtomsky A. A. *Face of another person*. St. Petersburg, Ivan Limbach Publ., 2008. (In Russian)

Vernadsky V. I. *Biosphere and noosphere*. Moscow, Iris-press Publ., 2012. (In Russian)

Vygotsky L. S. *Selected psychological studies*. Moscow, APN of the USSR Press, 1956. (In Russian)

Wordsworth W. *The Prelude, Authoritative Texts*. New York; London, A Norton Critical Edition Publ., 1979.

С. К. Нартова-Бочавер

Три идеи Курта Левина, без которых не было бы современной психологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, Москва, 101000, ул. Мясницкая, 20

В статье разбираются три основные идеи учения Курта Левина, оказавшие сильное влияние на современные исследования личности, консультативные и психотерапевтические практики; отмечается их имплицитный характер и изменение терминологии, в силу чего возможен только содержательный анализ преемственности. Первая идея — это рассмотрение жизненного пространства как центральной категории гештальттеории личности. Проводится сопоставление с частными исследованиями и практиками, касающимися взаимодействия и взаимопревращения вещного и феноменологического миров. Обсуждается критерий попадания в жизненное пространство — существование объекта как обладание его видимым воздействием на человека; рассматривается взаимопревращение эмпирического и феноменологического внутри пространства, понимание его буквального и метафорического смысла. Отмечается трансформация понятия привязанности в современной психологии и возможность ее расширительного толкования; показана роль вещей (личных принадлежностей) в становлении жизненного пространства. Вторая идея заключается в холистическом взгляде на жизненное пространство, в силу чего оно способно к самоорганизации и самокомпенсации. Приводятся примеры символизации и переозначивания составляющих жизненного пространства, описывается роль «пустот» как его значимых частей в разных областях знания — семейной психотерапии, развитии Я, автобиографической памяти, психологии среды на примере «фигур молчания» в семейной истории, викарных воспоминаний, дистанции и личного пространства. Наконец, третья идея заключается в признании маргинальной природы жизненного пространства, в силу чего все важные события происходят на его границах. Анализируются исследования и практики, использующие понятие психологических границ, в том числе нарушенных и здоровых. Показана роль границ в нормальном функционировании личности; описаны стадии и тенденции развития здоровых границ на протяжении детства. Делается заключение о системопорождающем характере психологической экологии для современных академических и прикладных исследований личности.

Ключевые слова: жизненное пространство, гештальттеория, психологическая экология, эмпирическое, феноменологическое, психологические границы.

Введение

Курт Левин — великий ученый прошлого со сложной судьбой и непростой профессиональной жизнью, что, впрочем, типично для людей его поколения: Левин родился в 1890 г., умер в 1947 г.; его карьера сделала резкий поворот после эмиграции в Германию в 1933 г., а научные интересы изменились. И, как это бывает только с гениальными людьми, это привело к «удвоению» результативности его творчества — в силу ли необходимости осваивать новое социальное пространство или просто присущей талантливым людям неспособности жить вполсилы, Левин за последние десять лет своей жизни перевернул социальную психологию и, в сущности, создал организационную психологию. Психологи поколения автора этой статьи ощущали его присутствие благодаря лекциям в МГУ Блюмы Вульфовны Зейгарник, которая любила рассказывать о нем студентам, создавая чувство причастности к великой науке прошлого, хотя и не прямой.

Однако связи рвутся.

Эмиграция привела к тому, что учеников в Германии у Левина практически не осталось. И для нынешних ученых и практиков Левин — это нечто давно ушедшее, музейное, мемориальное, подобно наивной табличке на аудитории имени Курта Левина в одном из московских университетов, где он, конечно же, никогда не бывал.

Складывается впечатление, что и его учение — это тоже сюжет истории психологии, а не современной науки и практики. Но давнее — не значит забытое. В настоящей статье хотелось бы проследить преемственность между прорывными идеями Курта Левина, в первую очередь относящимися к психологии личности, и теми современными исследованиями и практиками, которые, представляя собой «вторую производную» от его идей, трансформировались, видоизменились и стали почти неузнаваемыми, однако не исчезли [Левин, 2000]. Иронично, но если пользователи этих идей в суетной и быстрой современной жизни не всегда могут проследить их истоки, это, вероятно, и означает их полную естественность, имплицитность, превращение из фигуры в фон. Это незаменимая почва, которая дает жизнь дереву, при этом оставаясь не осознанной и воспринимаемой как нечто привычное,

о чем не нужно думать и за что не стоит благодарить. В сущности, именно такое продуктивное забвение и означает признание, однако интересно обратиться к этой почве и посмотреть, что же из нее выросло.

Мы сосредоточимся на трех особенно близких автору идеях Курта Левина, которые широко представлены в современном научном дискурсе и в повседневной реальности. В отсутствие формальной преемственности сейчас мы уже не найдем исследователей, которые рассматривали бы личность как годологическое пространство, с сохранением математикоподобной терминологии Левина. Она изменилась, как это принято в современной науке, в сторону более простых и прагматичных, легко операционализируемых понятий. Тем не менее основная эвристичность его подхода, трансформировавшись, сохранилась, что и доказывает жизненность его теории.

Жизненное пространство — что оно содержит?

Первая идея связана собственно с понятием *жизненного пространства*. Жизненное пространство — это аналог поля, центрального понятия в учении Левина, применительно к психологии личности; это человек и психологическая среда, как она *существует для него* (поле, включающее потребности, мотивы, настроения, цели, идеалы, состояния). Поскольку потребности, идеалы и состояния не могут быть беспредметными, они неизбежно связаны с чем-то эмпирически представленным, — местами, вещами или идеями. Единица пространства — это ситуация, которая представляет собой нечто подобное срезу жизненного пространства в текущий момент; таким образом, собственно пространство незаметно и естественно связывается со временем, без которого оно непостижимо, так как всегда находится во временном владении.

Характеризуя содержимое жизненного пространства, Левин отмечал, что существует множество «объективных» процессов в физическом или социальном мире, которые не оказывают на него влияния; такое понимание внутреннего мира человека освобождает психологию от социологического редукционизма, одновременно обустраивая пространство проявления свободной воли че-

ловека. Например, существуют объективные опасности, которые человек отрицает, и другие, о которых известно, что «на самом деле» их не существует, однако он их боится, — и что же в действительности наполняет его жизненное пространство? Конечно, то, что побуждает к переживанию и действию. Существование фактов и явлений Левин трактовал как их способность оказывать видимое воздействие на индивида: человек избирателен к тем стимулам и факторам, которым он позволяет на себя воздействовать, и закрывается от тех, которые ему безразличны, которых, таким образом, для него не существует.

Левин подчеркивал, что присутствует соблазн ограничиться чисто психологическими явлениями, подобными мотивам, когнитивным схемам, целям, и исключить физические и социальные события, не оказывающие на человека прямого воздействия. Однако некоторые из них все же оказывают влияние и потому также должны быть введены в жизненное пространство человека. «Одна из основных характеристик теории поля в психологии, как я ее понимаю, — это требование, чтобы поле, которое влияет на индивида, было описано не на “объективном физикалистском” языке, но так, как оно существует для этого человека в это время… Описать ситуацию “объективно” в психологии на самом деле означает описать ситуацию как совокупность тех фактов, и только тех фактов, которые составляют поле индивида» [Левин, 2000, с. 83].

Как же можно узнать, что именно реально существует для человека? В поиске ответа на этот вопрос стоит обратить внимание на те данности и явления, отсутствие которых его травмирует или огорчает. Через переживание ценности сущего человек понимает, без чего ему не хотелось бы обходиться и чем он дорожит. Таким образом, жизненное пространство предстает как сплав эмпирического и феноменологического, предмета и отношения к нему.

В современной психологии идеи Левина о жизненном пространстве, дополненные учением Джемса об эмпирической личности, используются необыкновенно широко, потому что через не-психологическое часто бывает проще подобраться к психологическому [Джемс, 1922; Левин, 2000]. Двадцать лет назад автор настоящей статьи заметила, что именно повседневные истории

о вещах, местах и привязанностях представляют собой наиболее честный эффективный способ познания внутреннего мира человека, свободный от психологических защит и искажений [Нартова-Бочавер, 2017]. В самом деле, воспоминания о потерянных, сломанных или забытых вещах — игрушках, одежде — часто открывают такие глубоко спрятанные движения души, о которых невозможно узнать посредством холодной рефлексии. Забытые тайны, намерения и обстоятельства проявляются легко в косвенном повествовании о чем-то, казалось бы, не имеющем отношения к внутреннему миру, — о местах или вещах.

Традиция исследования внутреннего мира через объекты, с которыми связаны чувства и поведение человека, проявляется во многих исследованиях. Интересно, что одними из первых влияние личных принадлежностей и собственности на Я-концепцию людей начали изучать М. Чиксентмихайи и Е. Рохберг-Хальтон [Csikszentmihalyi, Halton, 1981]. Анализируя, со ссылками на социологические и антропологические источники, значение вещей в человеческой жизни, они отметили, что Homo — это не только sapiens (разумный) или ludens (играющий) человек; это также faber — творящий практик, производящий и потребляющий разные предметы. Определяя личность, они писали так: «С нашей точки зрения, самый главный факт о людях заключается в том, что они не только осознают свое собственное существование, но и могут предполагать контроль над этим существованием, направляя его к определенным целям… Это… будет нашей отправной точкой для модели Я» [Csikszentmihalyi, Halton, 1981, p. 17].

Согласно Чиксентмихайи и Рохберг-Хальтону, доминирование человека над миром вещей занимает не последнее место в процессе самоактуализации, потому что рукотворные вещи, предметы, будучи знаками человеческой индивидуальности, вносят весомый вклад в развитие Я: невозможно представить короля без его трона, судью без скамьи, а профессора — без кафедры. Вещи отражают человеческие интенции и потому редко бывают нейтральными: они либо делают жизнь целенаправленной, либо, напротив, служат силам хаоса и энтропии. Вещи — это знаки идентичности, социального статуса, ролевого моделирования, источники социализации, и потому внутренний мир человека и внешний, его окружающий, тесно связаны интенциями, значениями и опытами.

Изучая наиболее почитаемые, любимые вещи в семье, исследователи идентифицировали предметы мебели, искусства, фотографии, книги, музыкальные инструменты и аппаратуру, телевизор, холодильник, предметы коллекционирования, статуэтки, растения и посуду. Взаимодействие с этими предметами — мечты о покупке, приобретение, использование — вносили существенный вклад в развитие представления человека о себе, так как требовали от него целенаправленной осознанной активности и меняли его повседневное бытие. Таким образом, можно сказать, что мир вещей, предметов входит в жизненное пространство личности, наполняя его энергией и смыслом. Интересно, что эти вещи могут быть разделены на предметы действия и созерцания. Если предметы действия, подобные холодильнику или посуде, побуждают к внешней активности, то предметы созерцания, подобные книгам и фотографиям, усиливают рефлексию собственной личности и жизненного пути.

В наших собственных исследованиях отрывочные сведения о том, чем может быть заполнено жизненное пространство, были примерно двадцать лет назад обобщены в модели психологического пространства [Нартова-Бочавер, 2013]. Примечательно, что этот же ход мысли ненамного раньше был воспроизведен американским геронтопсихологом К. Кукманом [Cookman, 1996]. Главное различие моделей состоит в том, что в модели Кукмана нет сектора, отвечающего за повседневные времены́е привычки; остальное совпадает (см. рис.). Кукман разрабатывал систему практической помощи пожилым людям и обнаружил, что главное для их психологического благополучия и здоровья — поддерживать и укреплять те привязанности, которые у них сохранились; это сохраняет их идентичность, усиливает чувство присутствия в жизни и наполняет ее смыслом.

Однако — существует ли динамика жизненного пространства или оно остается стабильным? Левин отмечал, что жизненное пространство динамично и способно изменяться как от ситуации к ситуации, так и в онтогенезе. Психологический мир, который оказывает влияние на поведение человека, расширяется с возрастом как в отношении областей, так и в отношении временно́го интервала, который принимается во внимание. И пространство свободного движения (аналог личного действия, или формы субъ-

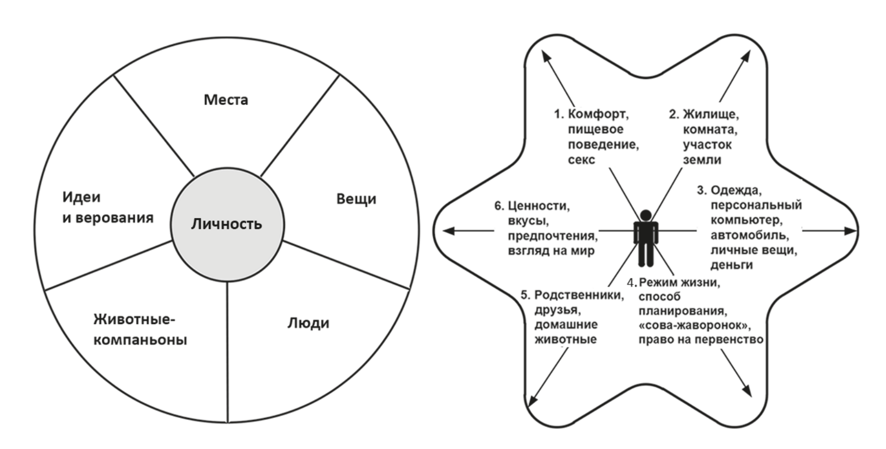

Рис. 1. Модификации идеи жизненного пространства: слева — модель привязанностей личности, справа — модель психологического пространства личности

Составлено по: [Cookman, 1996; Нартова-Бочавер, 2017].

ектности), и жизненное пространство расширяются, причем это расширение происходит иногда постепенно, а иногда резкими скачками, характерными для кризисов развития.

В уже упомянутом исследовании Чиксентмихайи и Рохберг-Хальтон сравнивали предпочтения разных домашних объектов в трех поколениях одной семьи; выяснилось, что ранговые места упоминаемого не совпадали, равно как и сами объекты. Например, дети упоминали домашних питомцев, а родители и прародители — комнатные растения. Но, что еще интереснее, в зависимости от поколения менялась интерпретация присутствия этого объекта и его роли в жизни человека: для детей упоминаемые объекты чаще были связаны с развитием Я, для прародителей — рода и семьи в целом; для детей они ассоциировались с настоящим и будущим, для прародителей — с прошлым.

Более того, были обнаружены и различия предпочтений в зависимости от пола: мужчины среди любимых и значимых вещей значительно чаще упоминали телевизоры, стереосистемы, спортивный инвентарь, машины и разного рода трофеи, а женщины — фотографии, скульптуры, растения, посуду, стекло и текстиль (любимые покрывала, скатерти, одежду и пр.). Очевидно, что кон-

струирование Я происходит по-разному в зависимости от направленности внимания и текущей активности.

Истории о вещах показывают, что именно происходит во внутреннем мире их обладателя, как меняется их Я и жизненное пространство в целом, обретая новые цели и привязанности или просто открываясь самому субъекту. Вот, например, история о токарном станке, рассказанная его владельцем. «Я завел его для своей работы. Но потом я понял, что он мне нравится, потому что ты… можешь создавать точные вещи, в пределах одной тысячной дюйма. Это очень хороший инструмент… Он делает с моими руками что-то такое, что мне нравится… Это определенно не та вещь, которая необходима для выживания. Но, конечно, он очень важен для меня. Мне приснилось, что дом горит. А я не знаю, вышли моя жена и дети или нет, но я внизу, в подвале, как одержимый пытаюсь расчленить токарный станок и вытащить его, кусок за куском. Это очень особенный инструмент…» [Csikszentmihalyi, Halton, 1981, p. 109]. Подавляя соблазн проинтерпретировать это сновидение подробно, отметим лишь, что токарный станок вызвал страстную привязанность владельца к себе, с высокой вероятностью именно в силу его магической способности возвысить протагониста, сделать его носителем волшебных навыков и умений. При этом, разумеется, наличие этой магической способности приписывается станку самим владельцем.

Вещи могут становиться полноправными частями семейной системы [Lunt, Livingstone, 1991; Лунт, 1997], выступая маркерами семейных отношений, обозначая обязанности и ролевые идентичности, используясь в качестве поощрения и наказания, выступая предметом спора или средством управления. Таким образом, отношение к человеку переносится на его имущество, и наоборот.

Тесная взаимосвязь, переплетенность вещного и феноменологического не всегда формулируется явно, однако подразумевается во многих прикладных работах. Так, исследуя процесс шопинга, выделяют мотивы, которые не прагматичны, но касаются личности человека и его коммуникации, т. е. отражают и даже развивают именно его жизненное пространство. Среди них называют освобождение от рутины быта, самовознаграждение, генерацию новых идей и решений, физическую активность, сенсорную сти-

муляцию, социальные события с друзьями, наслаждение статусом и авторитетом и удовольствие от возможности поторговаться и, наконец, предвосхищение удовольствия от пользования покупкой [Ng, 1993]. Этот обширный перечень показывает, что процесс совершения покупок затрагивает потребности всех уровней и потому столь привлекателен для человека.

Объекты не случайно попадают в жизненное пространство человека; чтобы это произошло, они должны обладать для человека привлекательностью (валентностью, как сказал бы Курт Левин). В современном психологическом дискурсе термин «валентность» практически не используется, однако получил широкое распространение термин «привязанность», который давно оторвался от психоаналитического понимания эмоциональной связи матери и младенца и начинает относиться к весьма разнообразным явлениям. Так, говорят о привязанности к вещам, когда вещь рассматривается не как товар, имеющий стоимость, а как предмет, включенный в историю жизни и владения [Kleine, Baker, 2004]. Более того, привязанность к вещам может усиливаться, расширяться и даже приобретать силу воздействия на своего обладателя, побуждая его к определенным поступкам.

Говорят также о привязанности к месту (дому, городу, стране, миру), при этом также подразумевая идентификацию человека с частью пространства, его уподобление этому месту и принятым там правилам, восприимчивость к его влиянию, которая часто оказывается ресурсом психологического благополучия человека [Lewicka, 2011; Williams, Vaske, 2002; Резниченко и др., 2016]. Привязанность к месту меняется с возрастом, встраиваясь в те задачи развития, которые решает взрослеющий человек и таким образом синхронизируя историю места и живущего в нем человека.

Более того, если обратиться к такой вульгарной и, казалось бы, совсем далеко отстоящей от внутреннего мира человека вещи, как деньги, можно обнаружить, какую важную роль в жизненном пространстве человека они играют, наделяя его энергией и открывая возможности самовыражения личности [Фенько, 2000]. Исследователи различают сакральный и профанический смысл денег: сакральность проявляется в том, что они позволяют приобрести нечто особенное — власть, бессмертие, счастье, а профанический смысл — в том, что на деньги можно купить множество предметов,

в общем взаимозаменяемых. При этом для мужчин более ценен сакральный смысл денег, а для женщин — профанический. То есть один и тот же объект (деньги) приобретает разные роли внутри жизненного пространства человека.

Наконец, в заключение раздела хотелось бы отметить, что теория жизненного пространства создавалась задолго до появления Интернета и виртуального пространства. Сейчас, когда реальное бытие человека дублируется его виртуальной копией, можно заметить, что в виртуальном пространстве происходят аналогичные реальному миру процессы, иногда отражая, а иногда компенсируя реальные опыты [Шаповаленко, 2015]. Там, так же как и в реальной жизни, имеют место нарциссическое самопредставление, конфликты, агрессия или травля.

Итак, хотя понятие жизненного пространства как одна из центральных категорий психологии Курта Левина не имеет прямого продолжения, легко убедиться, что в прикладных исследованиях современности и даже консультативных практиках постоянно используется явление агглютинации эмпирического/феноменологического (жизненное пространство как оно *существует для самого субъекта*), непосредственно вытекающее из его теории личности.

Самоорганизация, самокомпенсация, избыточность и пустоты

Вторая необыкновенно ценная идея Левина, на наш взгляд, состоит в *холистическом понимании жизненного пространства*, имеющего сложную структуру и неоднородного, в котором можно выделить «единицы поля-времени», «психологические кванты», мотивы, цели, сюжеты и просто предметы. Левин полагал, что все части единого жизненного пространства взаимозависимы: более того, возможно, внутри него вообще нет того, что могло бы быть абсолютно независимым от других его частей. Таким образом, структура жизненного пространства задает и детерминацию его составляющих, нелинейную и не механистичную; она всегда, помимо прямого, обладает косвенным влиянием и метафорическим значением.

Если использовать более современную лексику синергетики, эти положения говорят о способности пространства к самоорга-

низации и самокомпенсации. Следствием этого становится признание смещенной причинности в функционировании личности, в силу чего, с одной стороны, все может быть не таким, как кажется, а с другой — мы обнаруживаем, что ресурсы личности не безграничны. Например, интерпретируя проявления избыточности поведения, предпочтений и чувств, можно предположить, что если энергия привязанности (валентности) направляется на некоторый объект, включая его в качестве особо значимого в жизненное пространство, то она перенаправляется с других объектов, которые оказываются в зоне депривации. Таким образом, теория жизненного пространства помогает объяснить не только повседневное функционирование адаптированной личности, но также и природу нарушений, например зависимостей, поскольку подразумевает неоднозначную связь внешнего поведения с состоянием Я, которые оба (и поведение, и идентичность) принадлежат жизненному пространству.

Взаимозависимость разных составляющих жизненного пространства еще раз подкрепляется принципом *изоморфизма* (тождества физического и психического), в соответствии с которым, по Левину, они уподобляются друг другу. Идею взаимозависимости составляющих жизненного пространства иллюстрируют многочисленные психосоматические феномены, которые могут быть рассмотрены с точки зрения семиозиса, то есть означивания некоторого органа или болезни в контексте жизненного пути человека [Тхостов, 1993]. Многие работы подтверждают, что опыт тела представляет собой основу и ресурс ментального развития и условие психической зрелости [Ребеко, 2015; 2018], и наиболее буквально это уподобление прослеживается в содержании психоаналитически интерпретируемых причин кожных заболеваний: кожа — это граница контакта человека и мира, это фильтр информации или эмоций, исходящих от человека или получаемых им. Однако и то и другое принадлежит жизненному пространству; если человек не сумел в ходе своего онтогенеза выстроить эту границу, нерешенная задача может напоминать о себе кожными заболеваниями.

Интересной в терминах жизненного пространства кажется также интерпретация нарушений пищевого поведения [Дурнева, 2015; Eliassen, 2011; Hoste, Grange, 2013]. Большой массив данных, анализирующих их этиологию, обращается к биопсихо-

социальной модели, в которой пища и ее потребление рассматриваются, помимо прямого физиологического значения, как средства самовознаграждения, самонаказания или самоуспокоения. Они отражают и заполняют лакуны жизненного пространства, возникшие из-за недостатка любви, признания и успеха: «…пищевое поведение человека представляет собой сложный биопсихосоциальный феномен, связанный не только с удовлетворением витальной потребности, но выполняющий ряд других, социальных по своей природе, функций» [Дурнева, 2015, с. 2]. Поэтому лечение пищевых нарушений также имеет системный характер и включает работу с потребностями, привязанностями и самооценкой человека.

Итак, тело и чувства зависят друг от друга; существуют и другие композиции взаимосвязанных частей жизненного пространства, например, вещи могут быть заместителями социальных объектов или других, в том числе внутренних, ресурсов личности. Во многих культурах существуют особенно значимые предметы, представляющие собой, помимо функциональной ценности, еще и метапослания, демонстрирующие миру значимые качества субъекта или компенсирующие их отсутствие. Например, для многих культур безусловно культовым предметом является автомобиль. По данным исследований в Германии, для молодых мужчин автомобиль определенно является предметом идентификации: агрессивное вождение наблюдается у тех, для кого значим образ мачо и кто имеет машину с мощным двигателем [Krahe, 2005; Krahe, Fenske, 2002]. Поэтому мужская манера водить автомобиль часто представляет собой демонстрацию силы, содержит много соперничества и желания обольщать женский пол. Очевидно, что этот феномен основан на идентификации собственной маскулинности с мощностью предмета-заместителя, причем более взрослые и опытные водители-мужчины рассматривают автомобиль всего лишь как средство передвижения, не идентифицируясь с ним. Нет подобной идентификации и у женщин. Как бы то ни было, эти замещения иллюстрируют способность жизненного пространства к самокомпенсации, благодаря которой вместо одного (недостающего) ресурса начинает использоваться другой, приводя к снижению напряжения и, как следствие, к достижению гомеостазиса.

Из понимания Левином пространства как ограниченно структурированного, но целостного и холистичного, вытекает еще одно следствие — и в интерпретации этого следствия автор позволяет себе некоторые вольные толкования, впрочем, не ожидая полного с ними согласия. Дискретные и малоструктурированные объекты не заполняют пространство полностью; в нем имеются пустоты. И если в гештальттеории восприятия именно пустоты как особый объект были доказательством примата целого над частями (большинство экспериментов включали стимулы с пропусками важных деталей — треугольник без сторон, точки вместо окружности и пр.), то в психологии личности эта тема существует скорее как намек.

Так, говорят о возможном Я — компоненте представления о себе, который не эквивалентен реальному или идеальному Я, но включает в себя направленное в будущее Я, которое отражает ожидания, цели, страхи, надежды и стремления субъекта, связывая когнитивную оценку самого себя и мотивацию к ее изменению [Костенко, 2016; Костенко, Гришутина, 2018; Леонтьев, 2011; Markus, Nurius, 1986]. Возможное Я — это выражение свободной воли субъекта, противостоящей давлению наследственности и жизненных обстоятельств. При этом очевидно, что в текущий момент времени оно еще не реализовалось и вообще может не появиться, однако уже сейчас, будучи «пустотой», оно консолидирует энергию человека и побуждает его к активности. Опять же, видимое воздействие, в терминах Курта Левина, — несомненно.

Есть и другие свидетельства видимого воздействия несуществующего. Например, в психологии автобиографической памяти говорят о так называемых викарных воспоминаниях — информации о событиях, произошедших с другими людьми, которые, однако, становятся существенным компонентом личных историй [Нуркова, 2019]. С точки зрения кванта памяти — это пустота; с точки зрения жизненного пространства — это именно факт, обладающий видимым воздействием на индивида.

Если обратиться к семейной психотерапии, то можно найти доказательства тому, что отсутствующий член семейной истории — это очень важный объект, обладающий мощной энергией, в силу которой он возвращается в повторяющихся событиях, травмах

или сюжетах [Шутценбергер, 2001]. Причем чем ярче зияет его отсутствие (сначала — умолчание, потом — забвение), тем с большей вероятностью, по мнению практических психологов, семья имеет шанс пережить то, из-за чего его предпочитают не вспоминать, еще раз.

И наконец, наверное, самое буквальное выражение «пустот» в пространстве — это такие феномены психологии среды, которая многим обязана гештальттеории, как дистанция и личное пространство [Altman, 1975]. Дистанция — это расстояние между людьми, которое отражает многие не всегда осознаваемые качества их взаимодействия: самооценку, качества личности (экстраверты устанавливают меньшую дистанцию) или наличие социальных предубеждений по отношению к другому. Дистанция увеличивается также при различных формах стигматизации — по отношению к инвалидам, ампутантам, людям с какими-либо заметными особенностями, представляя собой безмолвный знак отвержения [Kinzel, 1970].

Более сложной геометрически вариацией пустоты является *личное пространство* (unvisible bubble) — сфера вокруг тела человека, внедрение в которую приводит к переживанию дискомфорта [Sommer, 1959]. Невидимый пузырь ничем не обозначен, однако, тем не менее, его присутствие необходимо, а нарушение остро переживается.

Таким образом, жизненное пространство — это действительно самоорганизующийся, самокомпенсирующийся феномен, предполагающий вариативность способов жизни, использования и перераспределения ресурсов и в случае наличия препятствий перенаправляющий энергию с одного своего фрагмента на другой.

Границы жизненного пространства

И, наконец, третья идея Курта Левина, которая очень продуктивно используется в первую очередь в прикладных областях психологии, — это указание на важность *границ жизненного пространства*. Пограничная зона жизненного пространства, согласно Левину, включает в себя определенные части физического или социального мира, которые, не входя в него полностью, все же оказы-

вают влияние на жизненное пространство, например посредством восприятия и ответных действий. Задача «психологической экологии», как иначе Левин называл свою теорию личности, — это понимание того, какая именно часть физического или социального мира будет определять в данное время пограничную зону жизненного пространства. Это изучать совершенно необходимо, потому что в силу маргинальной природы жизненного пространства его динамика и развитие сосредоточены именно на границах, где и возникает максимальное напряжение.

В современной психологии понятие психологических границ используется необычайно широко, хотя и достаточно свободно [Аммон, 1995; Леви, 2013; Марцинковская, 2008; Петровский, 2008; Перлз, 2000; Польстер, Польстер, 1997]. Исследователи разных парадигм находят его эвристичным, но первенство, безусловно, остается за последователями гештальттерапии. Так, И. и М. Польстеры отмечали, что именно на границе Я рождается субъект: пограничная линия показывает, где заканчиваюсь Я и начинается кто-то другой [Польстер, Польстер, 1997]. Границы определяют личную идентичность человека: устанавливая границу, личность самоопределяется и получает возможность активно выбирать способы самоутверждения, не нарушающие личной свободы. Если же личностные границы не осуществляют эту функцию, идентичность размывается.

Есть у границ и другие важные для развития личности функции, связанные с поддержанием субъективного благополучия и установлением правил взаимодействия. Они определяют пределы личной ответственности, оберегая человека от перегрузок, создают возможность и инструмент равноправного взаимодействия, обеспечивают селекцию внешних влияний, а также защиту от разрушительных воздействий, связанных с соблазнами зависимостей и разделяемых референтной группой пороков, то есть позволяют субъекту подняться «над полем».

Наиболее последовательным продолжателем идеи границ был, безусловно, Фриц Перлз, который основным предметом психотерапии считал динамику границ контакта, а сам контакт понимал как сознавание, соприкосновение или совершение действий с действительностью (взаимодействие) [Перлз, 2000]. Граница контакта — это граница между организмом и окружающей

средой, где и развиваются психологические события; все мысли, чувства и действия человека имеют место быть только на границе контакта. Перлз не использовал понятие «жизненное пространство», предпочитая говорить о самости как «архитекторе» жизни, но отмечал, что самость — это система контактов, которая складывается из идентификаций и отчуждений. Маркерами отчуждений и идентификаций опять же могут быть не только феномены (инсайты, переживания), но и эмпирические явления.

В настоящее время, оценивая адаптированность личности, говорят о дисфункциональных или здоровых границах, хотя строгого конвенционального определения критерии зрелости границ пока не приобрели [Шамшикова, Петровская, 2009]. Дисфункциональные границы — это психологические механизмы, приводящие к искажению коммуникации между Я и не-Я во внутреннем мире [Шаповал, 2017, с. 92]. Перлз считал, что нарушения границ (интроекция, проекция, слияние и ретрофлекция) приводят к развитию неврозов [Перлз, 2000]; Аммон полагал, что становление Я (в его терминологии, гуманфункция) невозможно без построения границ, потому что только при этом условии человек способен фильтровать послания извне с учетом того, насколько они могут быть полезны [Аммон, 1995]; Ричмонд отмечал, что нарушенные границы часто ведут к созависимости, способствуют нечестности, подверженности манипуляциям и саботированию собственных решений [Richmond, 1997–2016].

Что же препятствует наличию здоровых границ? Их сложно выстроить тем, кто 1) ставит потребности и чувства других людей выше собственных; 2) не понимает самого себя; 3) не понимает своих прав; 4) считает, что возведение границ разрушает отношения; наконец, 5) никогда не пробовал построить здоровые границы [Richmond, 1997–2016].

Но, если к настоящему моменту существует несколько психотерапевтических теорий, описывающих нарушенные границы Я, то представления о здоровых границах пока еще остаются на уровне заявки или программы изучения этого феномена. В наиболее общем виде здоровые границы — это правила относительно того, как нужно себя вести по отношению к другим людям, и что позволительно предпринимать, если другие начинают вторгаться в личное пространство человека [Hereford, sine data; Нартова-

Бочавер, Силина, 2018; Силина, 2018]. Признаки здоровых границ разнообразны и включают такие поведенческие технологии, как умение отказывать в провокациях и подстрекательстве к нарушению закона или предательству своих нравственные ценностей; умение останавливать других людей, если они склонны эмоционально или физически внедряться. Поддержание «здоровых» психологических границ стало трактоваться как один из важнейших жизненных навыков, способствующих умению общаться с другими, всегда сохраняя самоуважение и чувство собственного достоинства [Hereford, sine data].

Работая с нарушенными границами, психотерапевты обращаются к тому моменту жизненного пути, который привел к их искажению, и потому важно понимать, каков нормативный онтогенез психологических границ личности. В недавнем исследовании О. В. Силиной, проведенном на детях от двух до десяти лет, показано, что это действительно происходит, но нелинейно и скачкообразно, так что можно говорить о сензитивных периодах развития границ [Силина, 2018]. В возрасте четырех–пяти лет дети приходят к осознанию и ощущению потребности в личном пространстве; в возрасте семи–восьми лет признают чужие границы и начинают проявлять уважение к ним; у детей десяти лет границы являются привычным механизмом межличностного взаимодействия, при этом отчетливо осознаются как собственные, так и чужие границы. Таким образом, основные направления развития психологических границ заключаются в переходе от неосознаваемых границ к хорошо чувствуемым и понимаемым, от физических к вербальным, от защиты собственных границ к уважению чужих. Меняются и технологии защиты границ: физический барьер, ограничивающий доступ другого человека на личную территорию, сменяется условными, подвижными, символическими, но высокофункциональными границами (разделение, коммуникация и др.).

Таким образом, в соответствии с учением Левина, поскольку содержимое жизненного пространства расширяется и дифференцируется, то и границы изменяются, обрастая новыми функциями и меняя средства выражения, но продолжая маркировать наиболее подвижные зоны жизненного пространства, заданные возрастными задачами развития.

Выводы

Итак, краткий и не претендующий на полноту обзор актуальных современных исследований и востребованных консультативных практик, на наш взгляд, позволил проследить преемственность между очень академичными, иногда чрезмерно сухо и порой почти не гуманитарно сформулированными идеями Курта Левина о жизненном пространстве и «точками роста» в сегодняшних исследованиях психологии личности и практической психологии. За пределами анализа осталось время и все, что с ним связано, — понимание психологической причинности, ситуации, «современности» происходящего. Однако, несмотря на ограниченность фокуса нашего рассмотрения, очевидно, что если бы Левин не ввел этот конструкт, это было бы неизбежно сделано позже, потому что, в сущности, перефразируя А. Н. Леонтьева, жизненное пространство — это действительно основная неаддитивная единица всего сущего [Леонтьев, 1975]. Жизненное пространство буквально и метафорично, оно допускает взаимопревращения феноменологического и эмпирического. Будучи необыкновенно конструктивным понятием, оно позволяет исследовать субъекта и среду, идентичность и взаимодействие, норму и патологию, траектории развития и компенсации. Оно допускает создание диагностических приемов, использующих пространственные метафоры, и интервенции, также обращенные к пространству, иначе говоря, обладает системообразующим, порождающим характером по отношению почти ко всем исследовательским и терапевтическим практикам, рассматривающим личность как динамическую систему. И даже если психолог не согласен с идеями Курта Левина, в силу нашего сосуществования и неизбежного взаимодействия в общем жизненном пространстве психологического дискурса каждый испытывает стимулирующее воздействие высказанных им идей.

Литература

Аммон Г. Динамическая психиатрия. СПб.: Изд-во Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, 1995.

Джемс У. Психология. Петроград: Наука и школа, 1922.

Дурнева М. Ю. Формирование пищевого поведения: путь от младенчества до подростка. Обзор зарубежных исследований: [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4, № 3. С. 1–19. http://doi.org/10.17759/psyclin.2015040301.

Костенко В. Ю. Возможное Я: подход Хейзел Маркус // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 2. С. 421–430.

Костенко В. Ю., Гришутина М. М. Невозможное я: предварительное исследование в контексте теории Хейзел Маркус // Пензенский психологический вестник. 2018. № 1. С. 126–148.

Леви Т. С. Диагностика психологической границы личности: качественный анализ // Вопросы психологии. 2013. № 5. С. 93–101.

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. Т. 1. С. 3–27.

Лунт П. Психологические подходы к потреблению // Иностранная психология. 1997. № 9. С. 8–16.

Марцинковская Т. Д. Психологические границы: история и современное состояние // Мир психологии. 2008. № 3. С. 55–62.

Нартова-Бочавер С. К. Современное состояние психологии суверенности как учения о личностных границах // У истоков развития / отв. ред. Л. Ф. Обухова, И. А. Котляр (Корепанова). М.: МГППУ, 2013. С. 56–67.

Нартова-Бочавер С. К. Психология суверенности: десять лет спустя. М.: Смысл, 2017.

Нартова-Бочавер С. К., Силина О. В. Психологические границы личности: взросление и культура. М.: Памятники исторической мысли, 2018.

Нуркова В. В. Викарные воспоминания: одинаково ли они работают у носителей различных менталитетов? // Актуальная психология. Научный вестник. 2019. Т. 2, № 5. С. 192–198.

Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. М.: Смысл, 2000.

Петровский В. А. «Мотив границы»: знаковая природа влечения // Мир психологии. 2008. № 3. С. 10–26.

Польстер И., Польстер М. Интегрированная гештальттерапия: Контуры теории и практики. М.: Класс, 1997. С. 33–36.

Ребеко Т. А. Полезависимость/поленезависимость у больных атопическим дерматитом и псориазом // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 1601–1607.

Ребеко Т. А. Телесный опыт в структуре индивидуального знания. М: Институт психологии РАН, 2015.

Резниченко С. И., Нартова-Бочавер С. К., Кузнецова В. Б. Метод оценки привязанности к дому // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 3. С. 498–518.

Силина О. В. Формирование психологических границ у детей 2–7 лет // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2018. № 1 (83). С. 19–29.

Тхостов А. Ш. Болезнь как семиотическая система // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. 1993. № 1. С. 3–16.

Фенько А. Б. Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 1. С. 50–62.

Шамшикова Е. О., Петровская Т. Ю. К вопросу о взаимосвязи частоты нарушения границ «Я», степени выраженности нарциссических черт личности и статусе ее идентичности // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7 (19) С. 259–264.

Шаповал И. А. Роль дисфункций психологических границ в развитии созависимости у подростка // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. Т. 17, № 4. С. 88–98.

Шаповаленко А. А. Диагностика характеристик личностной суверенности в интернет-среде: разработка опросника // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т. 14, № 2 (129). С. 20–25.

Шутценбергер А. А. Синдром предков. М.: Изд-во Института психотерапии, 2001.

Altman I. The environment and social behavior. Privacy, personal space, crowding. Monterey: Brooks/Cole Publishing, 1975.

Cookman C. A. Older people and attachment to things, places, pets, and ideas // Image: The Journal of Nursing Scholarship. 1996. Vol. 28 (3). P. 227–231.

Csikszentmihalyi M., Halton E. The meaning of things: Domestic symbols and the self. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Eliassen E. The Impact of Teachers and Families on Young Children's Eating Behavior // Young Children. 2011. Vol. 66 (2). P. 84–89.

Hereford Z. Healthy Personal Boundaries & How to Establish Them. URL: http://www.essentiallifeskills.net/personalboundaries.html (дата обращения 20.03.2020).

Hoste R., Grange D. Eating Disorders in Adolescence // Handbook of Adolescent Health Psychology / eds R. M. Lerner, L. Steinberg. New Jersey: John Wiley & Sons, 2013. P. 495–506.

Kinzel A. S. Body buffer zone in violent prisoners // American Journal of Psychiatry. 1970. Vol. 127. P. 59–64.

Kleine S. S., Baker S. M. An Integrative Review of Material Possession Attachment // Academy of Marketing Science Review [Online]. 2004. No. 1. URL: http://www.amsreview.org/articles/kleine01-2004.pdf (дата обращения: 03.02.2020).

Krahe B. Predictors of women's aggressive driving behavior // Aggressive Behavior. 2005. Vol. 31 (6). P. 537–546.

Krahe B., Fenske H. Predicting aggressive driving behavior: The role of macho personality, age and power of car // Aggressive Behavior. 2002. Vol. 28 (1). P. 21–29.

Lewicka M. Place Attachment: How Far Have We Come in the Last 40 Years? // Journal of Environmental Psychology. 2011. Vol. 31 (3). P. 207–230. http://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.10.001.

Lunt P. K., Livingstone S. M. Psychological, social and economic determinants of saving: comparing recurrent and total savings // Journal of Economic Psychology. 1991. Vol. 30. P. 309–323.

Markus H., Nurius P. Possible Selves // American Psychologist. 1986. Vol. 41 (9). P. 954–969.

Ng C. F. Satisfying shoppers' psychological needs: From public market to cyber-mall // Journal of Environmental Psychology. 2003. Vol. 23 (4). P. 439–455.

Richmond R. L. A Guide to Psychology and its Practice. 1997–2016. URL: http://www.guidetopsychology.com/ (дата обращения 20.03.2020).

Sommer R. Studies in personal space // Sociometry. 1959. Vol. 22. P. 247–260.

Williams D., Vaske J. J. The Measurement of Place Attachment: Validity and Generalizability of a Psychometric Approach // Forest Science. 2002. Vol. 46 (6). P. 830–840.

References

Altman I. *The environment and social behavior. Privacy, personal space, crowding.* Monterey, Brooks; Cole Publishing, 1975.

Ammon G. *Dynamic psychiatry*. St. Petersburg, Psikhonevrologicheskii institut im. V. M. Bekhtereva Publ., 1995. (In Russian)

Cookman C. A. Older people and attachment to things, places, pets, and ideas. *Image: The Journal of Nursing Scholarship*, 1996, vol. 28 (3), pp. 227–231.

Csikszentmihalyi M., Halton E. *The meaning of things: Domestic symbols and the self*. Cambridge, Cambridge University Press, 1981.

Durneva M. Formation of food behavior: the path from infancy to adolescence. Review of foreign research: [Electronic resource]. *Klinicheskaia i spetsial'naia psikhologiia*. 2015, vol. 4, no. 3, pp. 1–19. http://doi.org/10.17759/psyclin.2015040301 (In Russian)

Eliassen E. The Impact of Teachers and Families on Young Children's Eating Behavior. *Young Children,* 2011, vol. 66 (2), pp. 84–89.

Fen'ko A. B. The problem of money in foreign psychological research. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2000, vol. 21, no. 1, pp. 50–62. (In Russian)

Hereford Z. *Healthy Personal Boundaries & How to Establish Them*. Available at: http://www.essentiallifeskills.net/personalboundaries.html (accessed: 20.03.2020).

Hoste R., Grange D. Eating Disorders in Adolescence. *Handbook of Adolescent Health Psychology*. Eds R. M. Lerner, L. Steinberg. New Jersey, John Wiley & Sons, 2013. P. 495–506.

James W. *Psychology*. Petrograd, Nauka i shkola Publ., 1922. (In Russian)

Kinzel A. S Body buffer zone in violent prisoners. *American Journal of Psychiatry,* 1970, no. 127, pp. 59–64.

Kleine S. S., Baker S. M. An Integrative Review of Material Possession Attachment. *Academy of Marketing Science Review*: [Online], 2004, no. 1. Available at: http://www.amsreview.org/articles/kleine01-2004.pdf (accessed: 03.02.2020).

Kostenko V. Iu. Possible Self: the Hazel Marcus approach. *Psikhologiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2016, vol. 13, no. 2, pp. 421–430. (In Russian)

Kostenko V. Iu., Grishutina M. M. The impossible self: a preliminary study in the context of the Hazel Marcus theory. *Penzenskii psikhologicheskii vestnik*, 2018, no. 1, pp. 126–148. (In Russian)

Krahe B. Predictors of women's aggressive driving behavior. *Aggressive Behavior*, 2005, vol. 31 (6), pp. 537–546.

Krahe B., Fenske H. Predicting aggressive driving behavior: The role of macho personality, age and power of car. *Aggressive Behavior*, 2002, vol. 28 (1), pp. 21–29.

Leontiev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow, Politizdat Publ., 1975. (In Russian)

Leontiev D. A. New guidelines for the understanding of personality in psychology: from the necessary to the possible. *Voprosy psikhologii*, 2011, vol. 1, pp. 3–26. (In Russian)

Levi T. S. Diagnostics of the psychological border of personality: qualitative analysis. *Voprosy psikhologii*, 2013, no. 5, pp. 93–101. (In Russian)

Lewicka M. Place Attachment: How Far Have We Come in the Last 40 Years? *Journal of Environmental Psychology, 2011,* vol. 31 (3), pp. 207–230. http://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.10.001.

Lewin K. *Field theory in social science*. St. Petersburg, Rech' Publ., 2000. (In Russian)

Lunt P. Psychological approaches to consumption. *Inostrannaia psikhologiia*, 1997, no. 9, pp. 8–16. (In Russian)

Lunt P. K., Livingstone S. M. Psychological, social and economic determinants of saving: comparing recurrent and total savings. *Journal of Economic Psychology*, 1991, vol. 30, pp. 309–323.

Markus H., Nurius P. Possible Selves. *American Psychologist*, 1986, vol. 41 (9), pp. 954–969.

Martsinkovskaya T. D. Psychological boundaries: history and current state. *Mir psikhologii*, 2008, no. 3, pp. 55–62. (In Russian)

Nartova-Bochaver S. K. *The psychology of sovereignty: ten years later*. Moscow, Smysl Publ., 2017. (In Russian)

Nartova-Bochaver S. K. The current state of the psychology of sovereignty as a doctrine of personal boundaries. *U istokov razvitiia*. Eds L. F. Obukhova, I. A. Kotliar (Korepanova). Moscow, MGPPU Publ., 2013, pp. 56–67. (In Russian)

Nartova-Bochaver S. K., Silina O. V. *Psychological boundaries of personality: growing up and culture*. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2018. (In Russian)

Ng C. F. Satisfying shoppers' psychological needs: From public market to cyber-mall. *Journal of Environmental Psychology*, 2003, vol. 23 (4), pp. 439–455.

Nurkova V. Vicar memories: do they work the same way for people with different mentalities? *Aktual'naia psikhologiia. Nauchnyi vestnik*, 2019, vol. 2, no. 5, pp. 192–198. (In Russian)

Perls F. *Ego, hunger and aggression*. Moscow, Smysl Publ., 2000. (In Russian)

Petrovskii V. A. "The motive of the border": the symbolic nature of the attraction. *Mir psikhologii*, 2008, no. 3, pp. 10–26. (In Russian)

Polster I., Polster M. *Integrated Gestalt therapy: Outlines of theory and practice*. Moscow, Klass Publ., 1997. (In Russian)

Rebeko T. A. *Body experience in the structure of individual knowledge*. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2015. (In Russian)

Rebeko T. A. Field-dependence/field-independence in patients with atopic dermatitis and psoriasis. *Psikhologiia cheloveka kak sub"ekta poznaniia, obshcheniia i deiatel'nosti*. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2018, pp. 1601–1607. (In Russian)

Reznichenko S. I., Nartova-Bochaver S. K., Kuznetsova V. B. Method of assessing home attachment. *Psikhologiia: Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2016, vol. 13, no. 3, pp. 498–518. (In Russian)

Richmond R. L. *A Guide to Psychology and its Practice. 1997–2016*. Available at: http://www.guidetopsychology.com/ (accessed: 20.03.2020).

Shamshikova E. O., Petrovskaia T. Iu. To the question of the relationship between the frequency of violation of the boundaries of the "I", the degree of expression of narcissistic personality traits and the status of its identity. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 2009, no. 7 (19), pp. 259–264. (In Russian)

Shapoval I. A. The role of dysfunctions of psychological boundaries in the development of codependency in adolescents. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ia detei i podrostkov*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 88–98. (In Russian)

Shapovalenko A. A. Diagnostics of characteristics of personal sovereignty in the Internet environment: development of a questionnaire. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, 2015, vol. 14, no. 2 (129), pp. 20–25. (In Russian)

Shutzenberger A. A. *Ancestral syndrome*. Moscow, Institut Psikhoterapii Publ., 2001. (In Russian)

Silina O. V. Formation of psychological boundaries in children 2–7 years old. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie. Teoriia i praktika*, 2018, no. 1 (83), pp. 19–29. (In Russian)

Sommer R. Studies in personal space. *Sociometry*, 1959, vol. 22, pp. 247–260.

Tkhostov A. Sh. The Disease as semiotic system. *Vestnik of Moscow State University*. Ser. 14, 1993, no. 1, pp. 3–16. (In Russian)

Williams D., Vaske J. J. The Measurement of Place Attachment: Validity and Generalizability of a Psychometric Approach. *Forest Science*, 2003, vol. 46 (6), pp. 830–840.

Н. В. Гришина

Психология изменений: методологические предложения Курта Левина*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 7–9

Одной из наиболее активно развивающихся областей психологии является психология изменений, объединяющая методологические и теоретические подходы к изучению современной реальности, разработке идей транзитивности, современной психологии личности, ее процессуально-динамической природы. Развитие психологии изменений требует решения ряда методологических проблем, пониманию и разработке которых могут помочь методологические идеи Курта Левина, считавшего вопросы динамики важнейшими для психологии. Центральный концепт теории Левина для психологии личности — это понятие жизненного пространства. Для описания его динамического характера Левин использует понятия «психологическое напряжение», «психологическая сила» и «текучесть». Опираясь на экспериментальные данные, с помощью этих понятий Левин формулирует законы динамики поля, обеспечивающие «равновесие в движении». Область доступных изменений — это «пространство свободного движения», зона расширения человеком границ своего существования. Изменения самого человека описываются Левином в трех основных направлениях: изменения когнитивной структуры, системы ценностей и действий человека. Степень подвижности (изменчивости) личности определяется ее индивидуальными особенностями, такими как степень дифференциации и степень жесткости связи между различными частями личности. В структуре личности Левин выделяет «центральные» — более закрытые и малодоступные — и «периферические» области личности. Способность личности к изменчивости определяется соотношением этих областей, а также «проницаемостью» различных областей. «Периферические» области более проницаемы, но степень их проницаемости также может иметь индивидуальные различия. Сформулированные Левином общие закономерности динамики взаимодействия человека с окружающим миром, а также тезис об индивидуальных факторах его изменчивости находят подтверждение в современных исследованиях в области процессуально-динамической природы личности и потенциала ее изменчивости. Принципиальная методологическая и личная позиция

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-013-00703.

Курта Левина — это убежденность в способности сообществ и людей к изменениям, цель которых он видел в построении лучшего мира.

Ключевые слова: психология изменений, жизненное пространство, пространство свободного движения, изменчивость личности

История человеческих сообществ, как и история отдельного человека, — это история того, как меняется мир и жизнь людей. Одной из самых важных координат этих изменений является изменение жизненного пространства. Замкнутый мир жизни сообществ на ранних этапах человеческой истории с его низкой мобильностью и ограниченными коммуникациями сменяется не знающим границ пространством жизни современного человека. Его собственная жизнь подчинена той же эволюции — от ограниченного пространства, в котором мы оказываемся, приходя в этот мир, к его постепенному расширению, вхождению во все более новые и сложные формы взаимосвязей с окружающей реальностью, с той лишь разницей, что с определенного момента мы сами принимаем решение о том, где проходят границы нашего жизненного пространства, отделяющие его от остального мира. По отношению к этому миру мы не обладаем авторским правом, его неизбежная реальность оставляет нам только одну возможность — выбора способа своих отношений с ним.

Тема изменений современной реальности и их последствий для социального мира и мира жизни отдельного человека является одной из самых, если не самой обсуждаемой темой в современных гуманитарных науках. Происходящие изменения становятся вызовами современной науке, требуя пересмотра традиционных устоявшихся представлений, теоретических концепций и объяснительных моделей, многие из которых были сформулированы в условиях другой реальности, другой картины мира.

Трансформация традиционной картины мира, основанной на идеях стабильности и детерминизма, началась в науке еще десятилетия назад, с переходом от описания стационарных систем к неравновесным системам, к описанию сложных открытых динамических систем, что методологически было обозначено в работах И. Пригожина как «философия нестабильности» [Пригожин, 1991].

Эта тенденция затронула и психологическую науку. В работах К. Левина, Г. Олпорта, С. Л. Рубинштейна, Л. И. Анцыферовой и др.

начинают формироваться идеи динамического, процессуального подхода к психологии личности. Сегодня, в условиях динамично изменяющейся реальности, нерелевантность традиционных подходов становится особенно очевидной, а задача поиска новых подходов к описанию существования человека в этой новой реальности — особенно актуальной.

В статье «Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному» Д. А. Леонтьев формулирует ключевые идеи нового подхода — возможность и самодетерминация в противовес принципам необходимости и детерминированности, на которых были основаны представления традиционной психологии. В предметную область психологии личности, по его мнению, входит феноменология, которая относится к области «возможного» и не может быть объяснена с помощью причинно-следственных схем [Леонтьев, 2011]. В сущности, речь идет о динамичной, изменчивой природе личности, обладающей широким диапазоном возможностей, что обеспечивает вариативность ее проявлений.

Важным шагом в развитии динамических идей в психологии стал исследовательский проект А. Г. Асмолова «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия», в рамках которого предлагается описание психологических проблем личности и личностной феноменологии в контексте вызовов современной реальности. Показательно в этой связи название междисциплинарного проекта А. Г. Асмолова — «Mobilis in Mobili. Личность в эпоху перемен» [Mobilis in Mobili…, 2018].

Работы А. Г. Асмолова по психологии современности [Асмолов, 2015; Mobilis in Mobili…, 2018], Д. А. Леонтьева по методологии психологии личности [Леонтьев, 2011], Т. Д. Марцинковской по проблемам транзитивного общества [Марцинковская, 2015], развитие процессуально-динамического [Психология…, 2019] и экзистенциального подходов в психологии личности [Леонтьев, 2016; Гришина, 2018б] объединены общим интересом к проблемам изменяющегося мира, изменениям психологической феноменологии и поискам методологических и методических решений, отвечающих этой новой реальности.

Само понятие «изменение» поменяло свой смысл и перестало быть антитезой устойчивости. Напротив, в современной науке

утверждается представление об имманентной связи между сохранением и изменением, благодаря которому и обеспечивается устойчивое существование биологических и социальных систем: «Отличия вещи, системы, целостности от самой себя теперь могут истолковываться и все чаще понимаются как выражения ее устойчивого бытия, как сохранение ее жизненной определенности» [Современный…, 2004, с. 265]. Именно способность к изменениям становится фактором устойчивого сохранения системы, ее «антихрупкости» (по известному определению Н. Талеба).

Изучение динамической природы личности, изменений психологической феноменологии в ответ на вызовы меняющегося мира является важнейшей задачей современной психологии. Сегодня можно говорить о формировании нового направления — психологии изменений, в центре внимания которого теоретическая разработка категории изменений, описание динамических проблем психологии личности, практических следствий динамических подходов к проблемам личности. И первая же возникающая в связи с этим задача — это решение ряда методологических и методических проблем, в определении и разработке которых целесообразно обратиться к имеющемуся в психологии опыту методологических подходов, обладающих очевидным эвристическим потенциалом. К таковым, безусловно, относится методологическая позиция Курта Левина.

Д. Картрайт в своем предисловии к изданию работ Левина пишет, что тот критически относился к тем психологам, которые считали «сбор фактов» главной, если не единственной задачей научной психологии, а его собственные исследования не просто оказали влияние, но ускорили развитие социальных наук, прежде всего потому, что они «касались установления методологических и концептуальных предпосылок для зрелой науки о человеческом поведении» [Field Theory, 1963, p. VII].

Курт Левин, отмечает Д. А. Леонтьев, принадлежит к числу немногих психологов прошлого века, работавших «*методологически осознанно и осмысленно*», что во многом и определяет его значение для психологической науки XXI в. Это касается не только собственных исследований Левина, но и постоянной разработки им методологических проблем психологии: «С самого начала его работы в области психологии проблема методологии, то есть вопрос

о том, каким должно быть научное психологическое мышление, оказывается в центре его интересов и занимает это место до самого конца» [Леонтьев, Патяева, 2001, с. 4].

Идеи Курта Левина представляют несомненный интерес для разработки психологических проблем изменений личности, прежде всего потому, что все его теоретические и методологические предложения и объяснительные модели были основаны на принципе динамизма.

Курт Левин: «Вопросы динамики сегодня, без сомнения, выступают как ядро и важнейшая задача психологии»

Одно из первых изложений принципиальных методологических позиций Курта Левина представлено в его известной работе «Переход от аристотелевского к галилеевскому способу мышления в психологии и биологии». Аристотелевский способ мышления Левин отождествляет с подходом, который ориентирован на собирание эмпирических фактов, их классификацию и выделение на этой основе средних статистических характеристик. Сущность данного подхода — в движении от отдельных фактов к их обобщению.

Как указывает Курт Левин, в рамках аристотелевского способа мышления, изучавшего объекты через присущие им свойства, «зависимость события от ситуации, в которой оно происходит, необходимо означает лишь нарушение процесса», нарушение «чистоты» изучаемого объекта. В соответствии с этим подходом «для того чтобы понять сущность объекта и присущую ему целенаправленность, необходимо *как можно более полно исключить* “*влияние ситуации*” и абстрагироваться от него» [Левин, 2001, с. 75].

Галилеевский способ мышления исходит из того, что любой объект проявляет свои свойства во взаимодействии с другими объектами: «переход от аристотелевских к галилеевским концептам требует, чтобы мы искали “причину” событий не в природе одиночного изолированного объекта, а во взаимоотношениях между объектом и его окружением» [Lewin, 1936, p. 11]. Данный подход предполагает «глубокое исследование именно ситуационных факторов»,

поскольку «лишь конкретная *целостная ситуация, включающая объект и его окружение, определяет те векторы*, которые детерминируют динамику того или иного события» [Левин, 2001, с. 76].

Галилеевский подход представляет методологию, ориентированную на изучение динамики явлений. В свое время этот переход к новому способу мышления стал поворотом в физических науках. Теперь, пишет Курт Левин, этот путь предстоит пройти и психологии: «Вопросы динамики сегодня, без сомнения, выступают как ядро и важнейшая задача психологии» [Левин, 2001, с. 55]. В психологии «аристотелевское мышление» проявляется в том, что психологическая динамика объясняется «*векторами*, приписываемыми исследуемым объектам», самой личности и ее свойствам. В соответствии с галилеевским пониманием фокус внимания переносится на взаимосвязи и взаимоотношения изучаемых объектов с другими объектами.

> Динамически значимые векторы определяются не отдельными изолированными объектами, а взаимодействием факторов конкретной целостной ситуации, в данном случае прежде всего взаимодействием текущего состояния индивида и структуры психологического окружения. *Динамика процесса всегда должна выводиться из взаимоотношения конкретного индивидуума с конкретным окружением* и, в той мере, в какой речь идет о внутренних силах, из взаимодействия различных функциональных систем, из которых состоит индивидуум [Левин, 2001, с. 83].

Сказанное в полной мере относится к методологии изучения личности: описание личности и ее проявлений вне контекста реальной ситуации не позволяет судить о свойствах и особенностях данной личности.

В 1935 г. выходит «Динамическая теория личности» Левина, в которой он ставит задачу построения концепции, акцентирующей внимание на динамических аспектах психического. Все основные объяснительные модели, предложенные Левином, исходят из принципа динамизма. В этой связи его методологические идеи представляют особый интерес для развития процессуально-динамического подхода к личности и, в частности, для разработки проблем психологии изменений — изменений пространства жизни и самого человека.

В письме В. Кёлеру, с которого Курт Левин начинает книгу «Принципы топологической психологии», он пишет: «Чрезвычайно интересуясь теорией науки, я уже в 1912 году, будучи студентом, защищал тезис… что психология, имея дело со множеством сосуществующих фактов, будет наконец вынуждена обратиться к использованию не только концепта времени, но и концепта пространства» [Lewin, 1936, p. VII]. Эта идея и дала психологической науке теорию Курта Левина с ее центральным концептом жизненного пространства.

Динамический характер поля

Базисом теоретической психологии Курта Левина является теория поля, которая в его понимании — прежде всего *метод* анализа причинных связей, который «может быть выражен в форме определенных общих утверждений о “природе” условий изменения» [Левин, 2000а, с. 66].

Данное суждение является следствием предложенного Левином понимания причинности, что было одним из наиболее существенных положений в его теоретической системе.

Во времена Левина в психологии безусловно доминирующим в объяснении поведения человека и психологической феноменологии в целом был «исторический» подход, отстаиваемый психоанализом. В физике теория поля описывает его актуальное состояние как следствие состояния в непосредственно предшествующий момент времени. На том же принципе объяснения психологических событий настаивает Курт Левин: поведение человека определяется состоянием жизненного пространства «здесь и сейчас», а изменения в жизненном пространстве могут быть объяснены в терминах свойств поля в момент, предшествующий происходящим событиям. Это не отрицает роли прошлых событий, безусловно занимающих определенное место в исторической причинной цепи событий, переплетения которых создают сегодняшнюю ситуацию. Но именно сегодняшняя ситуация, то есть состояние поля «здесь и сейчас», является единственной детерминантой поведения человека в данный момент.

Поле определяет динамику поведения индивида, соответственно анализ методологических представлений Левина о природе изменений должен начинаться с концепта поля.

Описание поля предполагает — как минимум — ответы на три главных вопроса. Первый из них — что должно быть включено в описание жизненного пространства, какие психологические феномены, какие события, факты, процессы, относящиеся к окружающему контексту, входят в жизненное пространство индивида или группы? При этом динамический подход к описанию ситуации требует рассматривать ее «как целостную совокупность возможных событий или действий» [Левин, 2000б, с. 109].

Понимание ситуации как динамического целого, далее, означает, что «изменения в одной части этого целого предполагают наличие изменений и в других частях» [Левин, 2000б, с. 127]. Соответственно, необходимо найти способ описания взаимосвязи и взаимозависимости различных частей жизненного пространства. Это не только вопрос структуры жизненного пространства, это значимый и для практической психологии вопрос о взаимовлиянии разных частей жизненного пространства. Наконец, еще один аспект — это задача описания жизненного пространства «здесь и сейчас». Жизненное пространство индивида имеет свою историю, временнýю протяженность, изменяется с событиями жизни, но фактической детерминантой поведения индивида является актуальное состояние жизненного пространства, которое и должно описываться.

> В настоящее время мы не имеем адекватного научного метода описания психологического жизненного пространства. В соответствии с общими методами психологии исследование влияний окружающих условий начинается с классификации и статистики. Например, этими методами изучается средний уровень достижений «единственного ребенка» или «второго ребенка в семье с тремя детьми». <…> Наиболее полные и конкретные описания ситуаций — это те, которые дали нам такие писатели, как Достоевский. Эти описания достигают того, чего наиболее явным образом лишены статистические характеристики, а именно создают картину, которая определенным образом показывает, как различные факты в окружающих индивида условиях связаны друг с другом и с самим индивидом. Целостная ситуация описывается ее специфической структурой. Это

> означает, что отдельные факторы ситуации не являются характеристиками, которые могут быть сомнительным образом объединены «суммированием». Если психология должна делать предсказания относительно поведения, ей необходимо попытаться выполнить эту задачу концептуальными средствами [Lewin, 1936, p. 9–13].

Сегодня в психологии необходимость описания ситуационных условий (в современной психологии они чаще обозначаются как контекст существования человека) для понимания психологической феноменологии является фактически общепризнанной. Все больше сторонников находит представление о том, что низкий потенциал эмпирических описаний для прогноза поведения индивида, о котором говорят не первое десятилетие, объясняется их «внеконтекстуальностью», отсутствием учета конкретных факторов окружения. Более того, многомерность жизненного мира современного человека заставляет говорить уже не о контексте, но о контекстах его существования, каждый из которых требует своего языка описания [Гришина, 2018а].

Динамика поведения человека определяется, возвращаясь к словам Курта Левина, «взаимодействием факторов конкретной целостной ситуации, в данном случае прежде всего взаимодействием текущего состояния индивида и структуры психологического окружения» [Левин, 2001, с. 83]. Таким образом, полное объяснение поведения человека, в соответствии с известной формулой Левина, должно включать описание особенностей человека, ситуации (контекста) его существования, а также взаимодействия индивида с окружением. Отдельные составляющие этой формулы объединяются Левином в общем конструкте «жизненное пространство», включающем и человека, и контекст его существования. В работах Курта Левина описана и структура жизненного пространства, и его основные характеристики, и его изменения в процессе развития человека.

Для описания динамического характера поля Левин использует понятия «психологическое напряжение» (как эмпирический эквивалент потребности), «психологическая сила» («тенденция к передвижению», обладающая вектором и определяющая «психологическое передвижение») и «текучесть» (от которой зависит «скорость выравнивая напряжения в соседних системах») [Левин, 2000а, с. 40].

Психологическое напряжение как основа динамики

Психологическое жизненное пространство — это напряженная система, в основе которой потребности человека, его намерения и цели. Именно с ними связано появление напряжения, которое высвобождается при удовлетворении потребности или достижении цели.

Напряжение возникает в конкретной системе в связи с конкретной потребностью, однако состояние одной системы связано с состоянием окружающих систем. В соответствии с природой динамического поля, как ее представляет Левин, различия в состоянии напряжений в системах, соответствующих разным потребностям, побуждают к изменениям в направлении выравнивания состояния соседних систем. Тем самым обеспечивается состояние, которое (правда, применительно к проблемам культуры) Левин назвал «равновесие в движении» [Левин, 2000б, с. 165].

На основе этих представлений Левин высказывает ряд гипотез относительно динамического характера поля. Так, если системы, соответствующие разным потребностям, характеризуются разной величиной напряжений и эта разность напряжений сохраняется в течение некоторого времени, то данное поле является не слишком подвижным. Если бы это поле было подвижным, то эти различия между уровнями напряжения систем в силу тенденции к уравниванию исчезали бы за короткое время.

Левин делает ряд эмпирических заключений о разрядке напряжения и природе текучести поля (основываясь, в частности, на результатах экспериментов Зейгарник). Их суть сводится к следующему.

Разные системы потенциально обладают разной степенью текучести. Так, «уровни большей ирреальности (уровни желаний и мечтаний) должны считаться более текучими, чем уровень реальности (уровень действий)». Соответственно потребности, связанные с уровнями ирреальности, должны показывать более быструю разрядку напряжения [Левин, 2000б, с. 34].

Далее, сильное эмоциональное напряжение в одной системе способно элиминировать различия в напряжении в различных системах внутреннего личностного региона, соответствующих более слабым потребностям. Левин поясняет, что если по каким-то

причинам у человека возникает более сильное эмоциональное напряжение («до величины другого порядка»), чем те, которые соответствуют сравнительно слабым квазипотребностям, то это увеличение общего эмоционального напряжения уравнивает указанные напряжения или делает их различия незначимыми. Кроме того, различия в напряжении между разными системами уменьшаются с увеличением периода времени, прошедшего с момента его возникновения [Левин, 2000б, с. 33], то есть они способны к затуханию.

Выравнивание напряжения в сопряженных системах, обеспечивающее «равновесие в движении», «идет в направлении к состоянию равновесия только *системы в целом*», а отдельные процессы могут иметь разнонаправленный характер. Еще одно важное уточнение — «равновесие системы не означает, что в ней царит состояние, свободное от всякого напряжения. Напротив, система часто *достигает равновесия, находясь в напряженном состоянии*» [Левин, 2001, с. 117]. Тенденция к выравниванию напряжений обладает достаточной силой, что приводит к тому, что различия между уровнями напряжения систем исчезают за короткое время.

Однако, отмечает Левин, может иметь место ситуация, когда, несмотря на разную величину напряжений в разных системах, их выравнивания не происходит и разность напряжений сохраняется. Левин характеризует данное поле как не слишком подвижное. Если рассматривать это как отдельный случай, то на уровне личностной феноменологии подобная ситуация может быть охарактеризована как конфликтная. Хрестоматийно известное описание Левином конфликта относится к ситуации, когда «на индивида *одновременно* действуют *противонаправленные*, но приблизительно равные по величине силы» [Левин, 2001, с. 171]. Он находится между двумя побудителями (объектами равной валентности), которые вызывают у него несовместимые потребности, что исключает возможность удовлетворения их обоих. Затягивающийся конфликт означает наличие зон напряжений, которые сохраняются во времени и не уравниваются с более слабыми напряжениями (или их отсутствием) других потребностей.

Однако «подвижность» или «неподвижность» поля может быть и индивидуальной характеристикой. В принципе «с динамической точки зрения личность нельзя считать абсолютно текучей.

С другой стороны, ее нельзя считать и абсолютно неподвижной. <…> Личность, следовательно, надо понимать как имеющую среднюю степень текучести в отношении связи ее систем напряжения друг с другом. Ясно, что эта степень текучести может отличаться от человека к человеку и от ситуации к ситуации для одного человека» [Левин, 2000а, с. 32–33].

Напряжения, существующие в системе, запускают процессы динамики. Левин делает важное уточнение, заслуживающее внимания и современных психологов, склонных в обнаруживаемых ими связях различных феноменов находить объяснение их возникновению:

> …*Связи никогда не бывают «причинами» процессов, где бы и в какой бы форме они ни существовали.* Но для того чтобы то, что находится в связи между собой, пришло в движение (это относится и к чисто механическим системам), то есть чтобы возник процесс, должна быть освобождена *энергия, способная совершить определенную работу* [Левин, 2001, с. 109].

Пространство свободного движения

Любые изменения в жизненной ситуации — это новые виды деятельности, новые люди, новые объекты, которые становятся доступными; в то же время что-то уходит из ситуации и становится недоступным. Говоря об этих изменениях, Левин использует понятие «пространство свободного движения», уточняя, что «движения» могут иметь связанный с перемещениями в пространстве физический, а также социальный и ментальный характер.

Пространство свободного движения — это пространство, в рамках которого возможны изменения. За его пределами — то, что недоступно (в данный момент) для индивида. Ограничивающими человека являются два типа факторов — это, во-первых, его собственные ограничения. Левин называет этот фактор «недостаток способности», в частности «недостаточное владение каким-либо навыком или недостаточное интеллектуальное развитие» [Левин, 2000б, с. 110]. Во-вторых, это социальный фактор — ограничивающие человека запреты, существующие в сообществе или создаваемые ближайшим окружением, воздвигающие «динамический барьер» между человеком и его возможными желаниями.

Соответственно, различные области жизненного пространства, как и его общая структура, могут быть описаны через степень свободы отдельных областей и степень гомогенности (однородности) жизненного пространства в целом. Левин обращает внимание на сложности, возникающие, в частности, при формировании моделей поведения и общем развитии личности ребенка в случае, когда между различными областями существуют резкие контрасты и соседствуют зоны полной свободы с зонами ее почти полного отсутствия.

> Жизненное пространство в целом характеризуется определенной степенью гомогенности. Существуют образовательные ситуации, в которых всем областям присуща средняя степень свободы. В одних случаях ребенок, воспитываемый в пансионе, может пользоваться достаточной свободой, и при этом его обязывают поступать в соответствии с какими-то ограничениями. В других случаях жизненное пространство может включать в себя области с очень высокой и очень низкой степенями свободы. К примеру, школа для ребенка представляет собой область с жесткой дисциплиной и почти полным отсутствием свободы, тогда как дома, в семье, отношения могут быть очень теплыми и ребенок будет пользоваться полной или почти полной свободой. Подобный контраст областей может существовать и внутри самой семьи, скажем, в ситуации, где отец деспотичен, а мать мягка и нерешительна. *Степень гомогенности* жизненного пространства, без сомнения, оказывает большое влияние как на формирование моделей поведения, так и на развитие личности ребенка [Левин, 2000б, с. 116].

Еще один важный элемент описания жизненного пространства — это выделение так называемых «промежуточных областей». Левин пишет: «В жизненном пространстве следует выделять не только те области, в которых личность чувствует себя абсолютно свободной, и те, что являются запрещенными; существуют также области промежуточного типа: определенная активность может и не быть полностью запрещенной, и тем не менее личность будет сталкиваться с препятствиями и запретами внутри этой области» [Левин, 2000б, с. 115].

«Промежуточные» области — это те зоны, которые могут стать доступными для свободных изменений индивида и его жизненного пространства в случае преодоления личностных и соци-

альных ограничений. Отдельные из них, вероятно, могут рассматриваться как «зоны ближайшего развития» индивида, другие — как зоны наиболее вероятных изменений жизненного пространства (его расширения, трансформации и т. д.).

Именно здесь пространство свободы человека, зона его возможностей, расширения границ своего существования. Готовность человека к «выходу за свои пределы» определяется множеством факторов, среди которых Левин выделяет «расхождение между притягательными областями жизненного пространства и пространством свободного движения — один из доминирующих факторов, определяющих уровень притязаний индивида» [Левин, 2000а, с. 124]. Привлекательная для человека область недоступна ему, она находится за пределами его пространства свободного движения в силу запретов или ограничений самого человека (отсутствия необходимых навыков); соответственно, она может стать для человека стимулом к преодолению этих ограничений, к расширению пространства свободного движения, к его собственным изменениям.

Значимым ограничением с позиции наших сегодняшних представлений является неопределенность, неизбежно связанная с расширением или изменением жизненного пространства человека, точнее со степенью этой неопределенности, новизны ситуации. По Курту Левину, незнакомая ситуация психологически представляет собой когнитивно неструктурированный регион, что означает, что он «не дифференцирован на хорошо различимые части. Поэтому неясно, к чему приведет определенное действие и в каком направлении нужно двигаться, чтобы приблизиться к определенной цели». С этим, в частности, Левин связывает и типичную, по его мнению, «изменчивость поведения» человека в малознакомом или неизвестном для него окружении, не дающем ему достаточное чувство опоры («незнакомая обстановка динамически эквивалентна мягкой почве») [Левин, 2000а, с. 160].

Таким образом, в соответствии с представлениями Курта Левина, жизненное пространство имеет динамический характер, который определяется взаимодействием актуального состояния индивида и состоянием психологического поля в данный момент. Истоки внутренней активности — во взаимодействии функциональных систем индивида. Само по себе психологическое жизненное пространство — это напряженная система, динамика ко-

торой определяется появлением напряжения в одной из подсистем и его ослабления (снятия) за счет удовлетворения потребности или тенденции к выравниванию напряжения в смежных (соседних) системах. При этом поле может быть охарактеризовано с точки зрения общего характера его подвижности («текучести»), что может определяться как актуальным состоянием поля, так и индивидуальными особенностями человека.

Изменения личности

Еще одна линия рассуждений Курта Левина об изменениях может быть отнесена к возможным изменениям личности.

Для Курта Левина как автора «Динамической теории личности» идея изменчивости личности имеет принципиальный характер. Все объяснительные модели, которые он использует применительно к процессам психического, изменениям поведения человека, социальной проблематике, исходят из принципа динамизма. Теория поля Левина построена на идее, что человек существует в пространстве «динамического поля», которое является напряженной системой, что определяет динамику поведения человека. Однако, обсуждая проблемы динамики психического, Левин не ограничивается поведенческими проявлениями, но развивает и идеи изменения человека, личностных изменений.

Изменения человека, по Левину, протекают в трех направлениях: изменения когнитивной структуры, изменения системы ценностей (валентностей в терминах Левина) и изменения в его действиях.

Изменения когнитивной структуры человека — это изменения в том, «как он воспринимает физическое и социальное окружение, включая все известные ему факты, все представления, убеждения и ожидания» [Левин, 2000б, с. 184]. Подчеркивая значение восприятия ситуации, окружающего мира как фактора, определяющего поведение человека, Левин указывает на немалые трудности в изменении когнитивной структуры. Одна из них связана с тем, что «обладания истинным знанием недостаточно для того, чтобы внести коррективы в неверные представления» [Левин, 2000б, с. 187], даже если это «истинное знание» получено в результате непосредственного опыта самого человека. Важным фактором является степень

вовлеченности человека в проблему: если она невелика, то маловероятно, что новые сведения существенно отразятся на системе его представлений и изменят его поведение в соответствующей сфере.

> Когда мы задумываемся над тем, какие препятствия возникают в процессе переобучения, мы обычно рассуждаем с точки зрения существующих эмоциональных барьеров. Однако мы должны опасаться недооценки трудностей, возникающих вследствие изменения в самих когнитивных структурах. Если мы принимаем в расчет тот факт, что даже обширный опыт взаимодействия с физической реальностью далеко не всегда обеспечивает истинное представление об этой самой реальности, нас не удивят и те препятствия, с которыми мы сталкиваемся при попытке модификации неадекватных социальных стереотипов [Левин, 2000б, с. 187].

Личность человека — это динамическое целое, что означает, что изменения в одной сфере предполагают изменения и в других зонах. Однако процессы изменений в этих сферах различаются, они не жестко взаимосвязаны и не оказывают автоматического влияния друг на друга. Например, «изменения в эмоциональной сфере не всегда происходят в соответствии с изменениями когнитивных структур» [Левин, 2000б, с. 188]: человек может изменить свое мнение о некоей группе людей, а его чувства при этом остаются неизменными.

Левин подробно обсуждает эти вопросы в связи с проблемами трансформации культуры. В американский период своей деятельности он занимается активной разработкой проблем социальной психологии, в том числе проблемы изменений социальных стереотипов и установок. Эта проблема касалась и его лично. Практически всю жизнь Курт Левин ощущал свою принадлежность к разным культурам: став одним из лидеров американской психологической науки, фактическим создателем социальной психологии, для американских коллег он до конца своих дней оставался немецким иммигрантом.

Для того чтобы действительно произошли изменения в поведении человека, в системе его ценностей, в его восприятии социального мира, необходимо, считает Левин, чтобы происходящие изменения затрагивали всю культуру личности, ее целостность. В противном случае попытки изменения системы ценностей лич-

ности могут привести к ее маргинализации, к состоянию неопределенности в отношении старой и новой систем ценностей.

Второй аспект, связанный с темой изменений человека, — это *индивидуальные особенности личности, определяющие ее подверженность изменениям.*

Внутренняя динамика, «процессуальность» личности определяется, как пишет Левин, взаимодействием «различных функциональных систем, из которых состоит индивидуум». Левин указывает, что степень подвижности (изменчивости) может отличаться от человека к человеку и от ситуации к ситуации для одного человека.

Чем могут определяться эти различия?

По Курту Левину, это такие фундаментальные факторы «строения» личности, как степень дифференциации и степень жесткости или динамической связи между подчастями личности.

> Утверждение, что индивид становится все более дифференцированным, может иметь два значения. Оно может означать, что увеличивается разнообразие поведения, т. е. что все поведение, наблюдаемое в данном возрасте, становится менее однородным. В таком случае термин дифференциация относится к отношениям сходства и различия; он означает «специализацию» или «индивидуализацию». С другой стороны, термин «дифференциация» может относиться к отношениям зависимости и независимости между частями динамического целого. В таком случае увеличивающаяся дифференциация означает, что увеличивается число частей человека, которые могут функционировать относительно независимо, т. е. увеличивается степень их независимости» [Левин, 2000а, с. 125–126].

В структуре личности Левин выделяет «более центральные» и «более периферические» области личности.

«Центральные» области имеют наиболее глубинный, интимный характер, когда эти зоны затрагиваются, личность проявляет особенную чувствительность. Напротив, периферические зоны могут быть более доступными, в том числе внешним воздействиям.

Тип личности определяется соотношением центральных и периферических областей. Поведение личности, в структуре которой центральная, малодоступная область более объемна, «в различных

ситуациях будет модифицироваться в гораздо меньшей степени» [Левин, 2000б, с. 144]. Если в структуре личности «существует большее количество относительно доступных областей, то и, соответственно, большее количество этих областей будет подвержено влиянию изменяющейся ситуации» [Левин, 2000б, с. 143]. Поведение такой личности будет более разнообразным и будет больше зависеть от ситуации, соответственно, этот тип личности обладает большей изменчивостью.

Кроме этого, «проницаемость» различных областей личности также может различаться у разных типов личности. В одном типе периферические области личности могут быть более «проницаемы», открыты для других людей в общении и контактах с ними, а центральная область — закрыта и малодоступна. В другом, напротив, барьеры недоступности возникают уже в периферических областях, но их «прохождение» может открывать доступ и к более центральным областям.

Левин описывает разные типы личности на примере особенностей культур Германии и США. Прожив бóльшую часть своей жизни в Германии, в американский период своей жизни и деятельности он оказался активно включен в исследование самых насущных проблем американского общества, психологических особенностей которого он не раз касался в своих работах.

Левин проводит широкое сравнение между американской и немецкой культурами, включая различия в повседневном поведении, в отношениях взрослых и детей, в образовательных системах, стиле жизни и т. д. Соответственно, он описывает личностные особенности U-типа (американской культуры) и G-типа (немецкой культуры), изображая их на рисунке в виде концентрических кругов. По его мнению, личность U-типа характеризуется тем, что ее периферические области имеют довольно открытые границы, и только самая центральная область практически всегда закрыта от проникновения. В структуре личности G-типа только самая периферическая область легко доступна, то есть уже в этой зоне возникает барьер недоступности.

Различия в типах личности определяют то, насколько изменения ситуации, в которой находится человек, будут вызывать разнообразие в его поведении.

> Поскольку в структуре личности U-типа существует, в среднем, большее количество относительно доступных областей, то и, соответственно, большее количество этих областей будет подвержено влиянию изменяющейся ситуации. Это означает, что поведение личности U-типа будет более разнообразным, будет в большей степени зависеть от ситуации, чем поведение личности G-типа. <…> Более обширная площадь частных областей в структуре личности G-типа означает, что в каждой ситуации она будет демонстрировать больше своих специфических индивидуальных характеристик, чем личность U-типа. Таким образом, ее поведение в различных ситуациях будет модифицироваться в гораздо меньшей степени [Левин, 2006, с. 143–144].

В общем, Левин убежден, что «культура отдельной личности или небольшой группы людей может быть подвергнута глубокому и тотальному изменению в короткие сроки» [Левин, 2000б, с. 163]. Правда, приводимые им иллюстрации в основном относятся к изменению контекста существования человека; например ребенок, переезжающий из одной страны в другую, пишет Левин, способен быстро усваивать требования нового стиля жизни.

Заключение

Разработка проблем психологии изменений личности предполагает ответ на вопросы о природе этих изменений и определяющих их факторах.

Внутренняя динамика личности, по Курту Левину, связана с ее рассмотрением как напряженной системы, обладающей тенденцией к выравниванию напряжения, что и обеспечивает «равновесие в движении».

Динамика процесса, наряду с взаимодействием различных функциональных систем, которые Левин называет «внутренними силами», определяется взаимоотношениями индивида с условиями и конкретным окружением. Их можно было бы назвать по аналогии «внешними силами», что было бы не совсем точно. Описание ситуации, утверждает Курт Левин, должно быть скорее субъективным, а не объективным, то есть она должна описываться с позиции индивида. Психологически жизненное пространство для индивида определяется его субъективным восприятием.

В одном из наших исследований изучались обыденные представления людей относительно современного меняющегося мира. Полученные данные показали, что особенности изменяющейся реальности фиксируются обыденным сознанием на уровне объективных физических и социальных фактов (темпы изменений, информационные потоки, современные технологии и т. д.), но при этом они практически не соотносятся с собственным жизненным пространством индивида и не осознаются им как оказывающие значимое влияние на его жизнь. В терминологии Курта Левина можно сказать, что они остаются объективными фактами окружающей человека действительности, но не становятся квазифактами. Только то, что включено в жизненное пространство индивида, способно оказывать на него реальное влияние [Козлова, Гришина, 2019].

Осознание «вызовов» окружающего мира как имеющих отношение к собственной жизни (их включение в собственное жизненное пространство, в терминологии Курта Левина) является важнейшим фактором в готовности человека к изменениям, что получало разнообразные подтверждения в проводимых нами исследованиях. В частности, были получены данные об индивидуальных различиях в склонности человека к принятию сложности мира или построению упрощенной картины реальности (в соответствии с известной гипотезой Лиотара); при этом в качестве критерия упрощения картины мира использовалась приверженность человека стереотипам обыденного сознания [Гришина, 2019].

Процессуально-динамический подход к описанию личности означает, что личность принципиально наделена потенциалом, определяющим ее способность к изменчивости. И тогда важнейшим становится вопрос об индивидуальных особенностях личности, определяющих ее способность к изменчивости.

Левин отмечал, что личность может обладать разной степенью текучести (подвижности), что означает ее разную способность к изменчивости. Сам он описывает «устройство» личности через соотношение «центральных» (устойчивых) и «периферических» (подвижных) зон, отмечая, в частности, культуральные факторы в формировании того или иного типа личности.

Доля «устойчивых», малоподвижных зон в структуре личности может рассматриваться как своего рода «психологические

скрепы», связующие личность. В случае большой «объемности» этих малоподвижных зон они заметным образом могут ограничивать гибкость личности и ее способность к изменчивости. (Курт Левин пишет о карикатуре, героями которой стали два чиновника, повстречавших друг друга в купальных костюмах, но ни на шаг не отступивших от официальных правил взаимного поведения, добавляя при этом, что «немецкий тайный советник будет вести себя именно как советник в любой ситуации» [Левин, 2000б, с. 143–144]).

На эту основополагающую характеристику накладываются другие психологические особенности человека. В своих исследованиях потенциала самоизменений мы выделили ряд его составляющих, определяющих индивидуальные особенности человека — потребность в самоизменении, способность к осознанию его необходимости, вера в возможность самоизменений и др. [Манукян и др., в печати].

Еще одним важнейшим вопросом, возникающим при осмыслении и разработке идей психологии изменений, является вопрос о единицах описания результатов изменений, происходящих в жизненной ситуации и в самом человеке.

Работы Курта Левина позволяют — в зависимости от ракурса рассмотрения — сформулировать разные ответы.

Один из наиболее привлекательных из них описывает изменения через событийную структуру жизненного пространства. По Левину, психологическое жизненное пространство — это совокупность возможных событий. Каждое изменение психологической ситуации человека означает, что события, которые прежде были «невозможны» (или «возможны»), сейчас являются «возможными» (или «невозможными»). Тем самым Левин предлагает интегральную единицу описания изменений жизненного пространства, отвечающую вектору современного анализа психологической феноменологии, придающему особое значение категории «возможного» [Леонтьев, 2011; Гришина, 2018в].

Обсуждение идей Курта Левина и их влияния на психологическую науку в свое время стало предметом внимания Л. Росса и Р. Нисбетта, знаменитая работа которых «Человек и ситуация» получила признание в качестве одной из важнейших психологических работ конца XX в. и не потеряла своей актуальности и в на-

стоящее время. Вся книга, которая, по словам авторов, призвана «воздать должное великой традиции, восходящей к Курту Левину» [Росс, Нисбетт, 1999], основана на его идеях, которые систематизированы в трех фундаментальных принципах понимания и изучения поведения человека: принцип ситуационизма (положение о сильном влиянии ситуации), принцип субъективной интерпретации ситуации (как результат взаимодействия личности и ситуации) и представление о напряженных системах (психологическая феноменология должна рассматриваться как система, находящаяся в напряжении). Данные положения не только не утратили своей актуальности, но, напротив, их принципиальное значение все полнее осознается современной психологией, в которой начинает возрастать влияние подходов, ориентированных на изучение человека в контексте его существования (в частности, экзистенциальной психологии). Более того, можно утверждать, что эвристический потенциал теоретических и методологических предложений Курта Левина стимулирует не только поиск исследовательских решений, но и постановку новых вопросов.

Те же кардинальные положения, а также представления об индивидуальной степени «подвижности» личности, ее гибкости и способности к изменениям имеют принципиальное значение для разработки идей психологии изменений.

Пожалуй, сегодня со многими (если не со всеми) идеями Курта Левина согласилось бы большинство психологов. Однако методологические трудности, которые стали основным препятствием для реализации данных принципов в эмпирических исследованиях, не преодолены и сегодня.

Исследовательский и личный опыт Курта Левина остается примером способности к преодолению трудностей. Он первым начал экспериментировать со сложной психологической феноменологией, которая казалась недоступной строгому изучению, и создал принципиально новый тип лабораторного эксперимента. Левин всегда стремился увидеть, как «работают» его теоретические концепты в реальной жизни людей, как полученные в лаборатории данные соотносятся с «жизненной феноменологией». Будучи блестящим теоретиком и экспериментатором, он с легкостью переключился на разработку социальных проблем и начал развивать новую исследовательскую парадигму — «действенного исследования».

Вынужденная эмиграция кардинальным образом изменила жизнь Курта Левина. Изменилась не только направленность его исследований. Он оказался в другом жизненном контексте — с другими культурными нормами и правилами, с трудно дающимся ему языком, с неприятием его идей и его самого «истеблишментом» американской психологии того времени.

Курт Левин не просто оказался способен противостоять этим трудностям. Его жизнь можно было бы назвать «динамическим способом существования», а его самого — «динамической личностью». Он был убежден в способности сообществ и людей к изменениям и доказал это своим опытом. По словам его коллег, Левин всегда ясно видел цель этих изменений — построение лучшего мира. Цель, которая не утратила своей значимости и сегодня.

Литература

Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html (дата обращения: 29.08.2020)

Гришина Н. В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальное психология и общество. 2018а. Т. 9, № 3. С. 10–20.

Гришина Н. В. Экзистенциальная психология: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018б.

Гришина Н. В. «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Психология и педагогика. 2018в. Т. 8. Вып. 2. С. 126–138.

Козлова Ю. В., Гришина Н. В. «Изменяющаяся личность в изменяющемся мире» — дискурсивные представления и представления обыденного сознания: сравнительный анализ // Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 185–220.

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000а.

Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000б.

Левин К. Динамическая психология: избранные труды. М.: Смысл, 2001.

Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.

Леонтьев Д. А. Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 3–15.

Леонтьев Д. А., Патяева Е. Ю. Курт Левин — методолог научной психологии // Левин К. Динамическая психология. М.: Смысл, 2001. С. 3–20.

Манукян В. Р., Муртазина И. М., Гришина Н. В. Опросник диагностики потенциала самоизменений личности (в печати).

Марцинковская Т. Д. Современная психология — вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html (дата обращения: 29.08.2020).

Mobilis in Mobili: Личность в эпоху перемен / под ред. А. Г. Асмолова. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.

Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019.

Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 1999.

Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004.

Field Theory in Social Science. Selected theoretical papers by Kurt Lewin / ed. by D. Cartwright. London: Tavistock Publications, Ltd., 1963.

Lewin K. Principles of Topological Psychology. New York; London: McGraw Hill Book Company. Inc., 1936.

References

Asmolov A. G. Psychology of modernity: challenges of uncertainty, complexity and diversity. *Psikhologicheskiye issledovaniya*, 2015, vol. 8, no. 40. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html (accessed: 29.08.2020) (In Russian)

Field Theory in Social Science. Selected theoretical papers by Kurt Lewin. Ed. by D. Cartwright. London, Tavistock Publications, Ltd., 1963.

Grishina N. V. The problem of the conceptualization of context in modern psychology. *Sotsial'naia psikhologiia i obshchestvo*, 2018a, vol. 9, no. 3, pp. 10–20. (In Russian)

Grishina N. V. *Existential psychology*: textbook. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2018b. (In Russian)

Grishina N. V. "Self-changes" of the personality: possible and necessary. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education,* 2018c, vol. 8, iss. 2, pp. 126–138. (In Russian)

Kozlova Yu. V., Grishina N. V. “Changing personality in a changing world” — discursive representations and representations of everyday consciousness: comparative analysis. *Psikhologiia lichnosti: Prebyvaniie v izmenenii*. Ed. by N. V. Grishina. St. Petersburg, St. Petersburg, State University Press, 2019, pp. 185–220.

Leontiev D. A. New guidelines for understanding personality in psychology: from the necessary to the possible. *Voprosy psikhologii*, 2011, no. 1, pp. 3–27. (In Russian)

Leontiev D. A. Existential approach in modern personality psychology. *Voprosy psikhologii*, 2016, no. 3, pp. 3–15. (In Russian)

Leontiev D. A., Patyaeva E. Yu. Kurt Lewin — methodologist of scientific psychology. In: Lewin K. *Dynamic psychology*. Moscow, Smysl Publ., 2001, pp. 3–20.

Lewin K. *Principles of Topological Psychology*. New York; London, McGraw Hill Book Company. Inc., 1936.

Lewin K. *Field Theory in Social Sciences*. St. Petersburg, Sensor Publ., 2000a. (In Russian)

Lewin K. *Resolving Social Conflicts*. St. Petersburg, Rech Publ., 2000б. (In Russian)

Lewin K. *Dynamic Psychology*. Eds D. Leontiev, E. Patyaeva. Moscow, Smysl Publ., 2001. (In Russian)

Manukyan V. R., Murtazina I. M., Grishina N. V. *Questionnaire of diagnostics of potential of self-changes of personality*. (In print). (In Russian)

Martsinkovskaya T. D. Modern psychology — challenges of transitivity. *Psikhologicheskiie issledovaniia*, 2015, vol. 8, no. 42. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html (accessed: 29.08.2020) (In Russian)

Mobilis in mobili: Personality in an era of change. Ed. by A. G. Asmolov. Moscow, 2018. (In Russian)

Modern Dictionary of Philosophy. Ed. by V. E. Kemerov, 3rd ed. Moscow, Academic project Publ., 2004. (In Russian)

Personality psychology: Being in change. Ed. by N. V. Grishina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2019, pp. 185–220. (In Russian)

Prigozhin I. Philosophy of instability. *Voprosy filosofii*, 1991, no. 6, pp. 46–52. (In Russian)

Psychology of personality: Being in change. Ed. by N. V. Grishina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2019. (In Russian)

Ross L., Nisbett R. *Man and situation. Lessons of social psychology*. Moscow, 1999. (In Russian)

Д. А. Хорошилов

Блокада человека: поиск психологической концепции личности в записках Л. Я. Гинзбург и О. М. Фрейденберг*

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, Москва, 125993, Миусская пл., 6

Настоящие рассуждения посвящены ряду теоретико-методологических проблем психологии личности. Предметом анализа является персональное и социальное жизненное пространство человека в ситуации тотального насилия и его сжатия. Символом и предельным выражением такой трансформации становится Ленинградская блокада (1941–1944), которая рассматривается не только как значительное историческое событие времен Великой Отечественной войны, но и как внутренняя форма, глубинная структура субъекта эпохи модернизма и постмодернизма. Источник размышлений о личности в психологии — блокадные записки и проза двух выдающихся ученых-филологов: Лидии Гинзбург и Ольги Фрейденберг, привлекающие внимание ученых-гуманитариев всего мира. Предпринимается попытка позиционировать их идеи и гипотезы в дисциплинарном контексте психологии, с акцентом на пересечениях как с культурно-исторической психологией Л. С. Выготского, так и с поздними, экзистенциальными по духу работами С. Л. Рубинштейна. Анализируются сходства и различия документов Гинзбург и Фрейденберг с точки зрения стиля их письма, исследовательских стратегий и подходов к феномену «блокадного человека». Выделяются критерии подобного сравнительного анализа: 1) онтологический, 2) эпистемологический и 3) методологический. В результате психологической интерпретации записок Гинзбург и Фрейденберг становится возможным сформулировать допущения, касающиеся понимания человека перед лицом неопределенности и транзитивности развития общества и культуры: 1) признание иллюзорности индивидуального существования и неизбывности социального зла; 2) рассмотрение человека во взаимодействии с ситуацией (его частного жизненного пути и масштабного исторического процесса); 3) принятие фундаментальной мотивации к утверждению автоценности и автоконцепции (идентичности) человека в акте переживания социальной общности и связности, опосредствованного знаковыми системами культуры

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ «Социально-психологические механизмы соматизации и ипохондризации в информационном обществе», проект 20-013-00799/20.

(языком и словом); 4) установление аналогии между экстремальной ситуацией блокады, социальной структурой советского общества и субъективностью современного человека; 5) изучение наррации, то есть способности к повествованию и дискурсивному структурированию времени как стратегии выживания в ситуации блокады жизненного пространства.

Ключевые слова: блокада, жизненное пространство, психология личности, Гинзбург, Фрейденберг.

Здесь только я и скорбь веков.
Р. М. Рильке, «*Гефсиманский сад*»

Проблема «смерти субъекта» в современной психологии

Л. Я. Гинзбург [Гинзбург, 2002] считала, что художественная литература перестала развиваться после Чехова и символистов, поскольку не смогла предложить новой концепции человека, в чем отразилось общее падение гуманитарной культуры XX столетия. И эти слова сказаны современницей великих писателей-модернистов: М. Пруста, Д. Джойса, В. Вульф в Европе, в Советской России — А. Платонова, а в эмиграции — В. Набокова! Не вдаваясь в дискуссии о художественной литературе, следует признать справедливость сказанного относительно современной психологии. Действительно, последние теории личности, реализовавшие идеи социального конструкционизма, возникли в уже отдаленные 1990-е гг. (ключевые среди них — концепции дискурсивной психологии и позиционирования Р. Харре, диалогического Я Г. Херманса, идентичности как нарратива, жизненной истории Д. Мак-Адамса). Обычно ими заканчиваются учебники, а руководства констатируют теоретическую и эмпирическую фрагментарность исследовательского поля и ищут пути его интеграции [Капрара, Севрон, 2003; Психология личности, 2019; Dumont, 2010].

Можно ли вслед за Гинзбург утверждать, что не только литература, но и психология перестала развиваться, поскольку не смогла представить понимание человека, адекватное реалиям нашего времени? «Эпоха» психологии начинается в тот переломный исторический момент, когда человек сам для себя становится проблемой [Мэй, 2013]. Фундаментальный кантовский вопрос — что такое человек? — перешел из юрисдикции теологии, философии

и антропологии к психологии. Психология как наука — это социальный и культурный проект модернизма: индивиды остаются в детрадиционализированном социальном контексте без поддержки со стороны общества, поэтому они вынуждены постоянно рефлексировать над собственной жизнью и идентичностью [Гидденс, Саттон, 2019].

Человек, освобождаясь от жесткой социальной структуры традиционного общества, остается наедине с собой, принимая груз индивидуальной ответственности за все, что с ним происходит. Выразительные символы такого положения — мистические образы одинокой молитвы Иисуса в Гефсиманском саду, описанной в Евангелиях, темной ночи и мрака души (св. Иоанн Креста). Чем больше человек размышляет о себе, тем меньше понимает, кто он есть, отчуждаясь от себя самого [Марион, 2019]. Психология — система научного знания и социальная практика — становится формой последовательного разъяснения человеку, кем он является и как ему следует понимать себя и отношения с другими; на роль экспертов по субъективности назначаются психологи и психотерапевты [Сироткина, Смит, 2008].

Однако в главенствующих сегодня парадигмах в психологии — нейрокогнитивной и конструкционистской — обнаруживаются известные тенденции редукции личности либо к поиску нейрональных коррелятов отдельных аффективных и когнитивных процессов, либо к дискурсивным практикам производства индивидов, а познающий субъект в любом случае остается абстракцией [Касавин, 2011]. По всей видимости, «смерть субъекта» в нейронах или дискурсах является запоздалым выражением умонастроения постмодернизма, который закончился в искусстве (не без участия кураторов выставки 2011–2012 гг. «Постмодернизм: стиль и свержение» в лондонском Музее Виктории и Альберта), а в рамках психологии и философии постепенно и неуклонно сменяется метамодернизмом [Гусельцева, 2018; Павлов, 2019].

Одной из реализаций последнего в психологии, по-видимому, оказалась психология повседневности, которая позволяет изучать «реального человека в реальном мире» во всем многообразии жизненных, ситуационных и экзистенциальных контекстов, формирующих путь его судьбы [Гришина, Костромина, Мироненко, 2018]. Основной методологической стратегией метамодернизма

является так называемая осцилляция — непрекращающееся расшатывание, преодоление устойчивых эпистемологических позиций и антиномий. Так, например, для социальной психологии ключевым является следующий глубоко «антиномичный» вопрос: кто познает социальный мир, кто «автор» образа социального мира: личность или группа, индивидуальный или коллективный субъект [Андреева, 2013]?

Возможное решение проблемы индивидуального и коллективного субъекта познания заключается в переосмыслении вполне привычного для психологии концепта «жизненного пространства», восходящего к теории поля К. Левина [Левин, 2019]. Жизненное пространство — это не только динамическое единство личности и ситуации, но также система потенциальных возможностей и выборов, которые изменяются на протяжении жизненного пути человека [Гришина, 2016]. Согласно Т. Д. Марцинковской, по аналогии с персональным жизненным пространством общество и группа также могут рассматриваться как динамические системы отношений и противоположных коммуникативных тенденций или «сил». Она сравнивает концепции жизненного пространства К. Левина, социального поля П. Бурдьё и хронотопа М. М. Бахтина и делает вывод, согласному которому пространство как таковое — не есть область психологии, но субъективное отношение к нему есть предмет психологии, то есть «мы находим и изучаем субъективное в объективном» [Марцинковская, 2013].

Таким образом, концепция жизненного пространства может не только «воскресить» субъекта познания в психологии (если позволительно продолжить пресловутую языковую игру о его «смерти»), но и раскрыть единство индивидуального и коллективного в реальном опыте человека, вынужденно разделенного в повседневной жизни и научном познании. В этом заключается ее эвристичность и привлекательность для исследователей.

Одна из ключевых характеристик жизненного пространства современного человека заключается в его структурной гетерогенности. Максимально широкие возможности для индивидуализации персонального пространства, расширяемого, точнее, продолжаемого с помощью медиатехнологий, оборачиваются тем, что человек замыкается в социальных виртуальных сетях в собственном одиночестве, а его частная жизнь становится прозрачной

и, следовательно, уязвимой перед взглядом Другого, переходящего от одной интернет-страницы к другой. В ситуации интерактивной и креативной экспансии своего жизненного пространства индивиды все чаще переживают разобщенность и сингулярность. Интересно, что пандемия коронавируса при более внимательном рассмотрении оказывается не сломом, а крайним выражением такого социально-психологического порядка. Как отмечает в своем эссе о Риме О. А. Седакова [Седакова, 2020], глобальный мир, победивший пространство и время, по которым теперь «ускоренным шагом движется хворь и беда и смерть», разделяет людей вынужденными режимами карантина и самоизоляции, но при этом размыкает одиночество с помощью виртуальных технологий — впервые в истории эпидемий!

Таким образом, эпидемиологическое положение стало символическим выражением гетерогенности жизненного пространства личности, которая, вне сомнения, скоро станет предметом серьезного междисциплинарного изучения (настоящие строки пишутся в самом начале карантина и не претендуют на анализ данного беспрецедентного медицинского и социокультурного явления, наше описание не выходит за пределы эмпирической иллюстрации). В истории культуры уже имеется уникальный опыт трансформации жизненного пространства человека в условиях его насильственного сужения. Речь идет о Ленинградской блокаде. В гуманитарных науках наблюдается всплеск интереса к блокадной прозе Лидии Яковлевны Гинзбург (1902–1990) и Ольги Михайловны Фрейденберг (1890–1955). Главное отличие двух выдающихся женщин-ученых от иных свидетелей такого рода (например, знаменитой О. Ф. Берггольц) заключается в том, что они не только запечатлели трагические события и судьбы военного времени, но пытались увидеть новый тип исторического сознания «эпохи перемен», зарождающийся в блокаде.

Предваряя дальнейшие рассуждения, следует отметить, что наследие Л. Я. Гинзбург представлено в публикациях полнее [Гинзбург, 2002; 2011], чем О. М. Фрейденберг — ее архив закрыт до настоящего времени, читателям доступны лишь разрозненные фрагменты [Фрейденберг, 1986; 1987], полностью опубликована лишь переписка с ее двоюродным братом — Б. Пастернаком [Пастернак, 2000]. Цитаты из записок Гинзбург и Фрейденберг, выделяемые

для удобства читателя *курсивом*, даются по перечисленным источникам, если не оговаривается иначе. Предварительные результаты психологического чтения их работ озвучивались автором на научных конференциях в Москве и Санкт-Петербурге [Хорошилов, 2017; 2018; 2019].

Ленинградская блокада как метафора кризиса человека

Блокада Ленинграда (1941–1944) в интересующем нас интеллектуальном контексте представляет собой не просто знаковое событие Великой Отечественной войны, достойное коллективной памяти и мемориального почтения, что нашло отражение в хрестоматийной «Блокадной книге» [Адамович, Гранин, 1989]. Более современные и изощренные ракурсы анализа блокадного опыта также оставляются нами в стороне. Среди прочих — сравнительно недавние исследования повседневной жизни военного Ленинграда в системе отношений город — смерть — человек [Яров, 2018] или политики памяти как стратегии репрезентации блокады в советской истории и культуре [Воронина, 2018]. Тема настоящих рассуждений — поиск новой концепции личности и жизненного пространства в экзистенциальном опыте Ленинградской блокады, запечатленном в «Записках блокадного человека» Л. Я. Гинзбург и записках О. М. Фрейденберг, которым она хотела дать название «Осада человека». Иными словами, их блокадная проза — не объект психологического анализа, а скорее источник размышлений о личности в перспективе психологического знания.

Такой методологический подход — реконструировать в индивидуальных документах смысловые характеристики, устанавливающие взаимосвязь и преемственность личного и социального времени, прошлого и настоящего, — является традиционным для психологии, начиная с книги Г. Олпорта об анализе личных документов [Allport, 1942]. В более поздних своих работах [Allport, 2002] он утверждает, что индивидуальность — это «законный порядок в природе», ратуя за использование как номотетических, так и идиографических подходов к изучению личности. Вдохновленная новым «Ренессансом» качественных исследований, психология постепенно возвращается к анализу единичных случаев

[Роллс, 2010], который позволяет раскрыть нераздельность индивидуального и социального, автобиографического и исторического в «живом» человеческом документе [Козлова, 2004].

Среди богатого документального материала особое значение уделяется мемуарам, дневниковым записям и заметкам «к случаю». Одна из ключевых функций художественной литературы — моделирование концепции личности и символизация ее внутреннего опыта, и так называемая «промежуточная» литература документального типа «*является мощным средством выявления еще неисследованных элементов человеческой психики*» [Гинзбург, 1987, с. 56]. Ввиду этого обстоятельства сама Гинзбург обращается к жанру записок, которые она вела с юности по образцу князя П. А. Вяземского, излюбленного персонажа ее научных исследований [Гинзбург, 2000]. История жанра восходит к античности, а в русской литературе — к произведениям Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, В. В. Розанова, Л. И. Шестова и других, но у Гинзбург и Фрейденберг «записки» — не только дань почтенной традиции, но сознательно избираемый дискурсивный способ познания, адекватный собственному предмету.

Только названия записок Гинзбург и Фрейденберг указывают на кризис человека в истории и сложность, даже невозможность репрезентации личности в ситуации тотального насильственного замыкания жизненного пространства. Они как будто отвечают на вопрос незнакомки из тюремной очереди, вынесенный А. А. Ахматовой в пролог к «Реквиему»: «А это вы можете описать?» Для примера — вот несколько метафор из записок Фрейденберг: «*удушение*», «*попрание*», «*истаптывание*», «*травля человека*», «*презренье к человеку*» «*уничтожение человеческой личности*», «*пренебреженье человеком*», наконец, «*темная и ненавидящая человека Россия*». Ужасы и бедствия стали нормативным бытовым явлением, и в этом, по мнению Фрейденберг, отличие блокады от прежних исторических катастроф. На уровне повседневной жизни человек в блокаде подводит итоги своим неудачам и терпит полный крах ценностей: как «классической триады» славы, любви и денег, так и творческой самореализации. «*В сущности, все не удалось*» [Гинзбург, 2011, с. 463].

Кризис репрезентации — понятие, используемое в антропологии и этнографии для указания на проблематичность вы-

ражения реального опыта в тексте [Маркус, 2012]. Любой социальный и культурный опыт не дан нам «непосредственно», а является эффектом языка, который становится отдельной сферой рефлексии и критического анализа в диалоге между исследователем и его информантами. Напрашивается ассоциация с дискуссией о постулате непосредственности в истории отечественной психологии, но в современной психологии кризис репрезентации скорее методологический. Он означает нехватку языковых средств для исследования социокультурных изменений, научного «проговаривания», означивания, символизации коллективного аффекта и травматического опыта [Гусельцева, 2017], каким и явилась Ленинградская блокада для советского и постсоветского общества. Эвристичная стратегия преодоления кризиса репрезентации — взять за исследовательскую основу язык образов искусства наравне с языком научных понятий [Марцинковская, 2018]. В указанном смысле обращение к Гинзбург и Фрейденберг может считаться практическим применением эстетической парадигмы.

Почему блокадные дневники Гинзбург и Фрейденберг можно поставить в один ряд? Несмотря на формальную схожесть жанра и концептуальное единство замысла — описать экстремальный психологический и физический опыт блокады, они вступают в диалог или, точнее, заочный поединок: оба автора — профессиональные филологи, но Гинзбург берется изучать блокаду в большей степени как психолог, а Фрейденберг — как этнограф. «Авторы блокадных дневников искали, с точки зрения какой дисциплины их блокадный опыт может быть описан наиболее полно, точно и, возможно, с наибольшей степенью остранения» [Барскова, Николози, 2017, с. 13]. Различные подходы Гинзбург и Фрейденберг к блокаде правомерно сравнивать с психологической точки зрения по следующим причинам.

Во-первых, в их записках предрекается масштабный цивилизационный слом, только еще наступающий (!) и полностью изменяющий облик человека. «*Многое изменится, но неочевидным образом, изменится путем глубинных исторических сдвигов сознания, видимые результаты которых еще должны созреть. Люди еще не знают о том, что они изменились, вероятно, не сразу узнают, а пока что спешат найти потерянное место*» [Гинзбург, 2011, с. 166]. «*Утрата потерянного места*» обозначается в рамках

психологии как кризис персональной и социальной идентичности, причины которого усматриваются Гинзбург в истории и ее наивысшем выражении в Ленинградской блокаде.

Можно утверждать, что понятие кризиса идентичности (введенное Э. Эриксоном для обозначения только одной из стадий онтогенеза личности) стало указывать на коллективное переживание распада традиционных форм самосознания в результате усиления социальной нестабильности и неопределенности, ставших продолжением всех катастроф XX в. За феноменологией кризиса идентичности открывается и исчерпанность научного знания о ней, то есть концептуальный кризис психологической теории [Белинская, 2015]. Разумеется, в текстах Гинзбург не встречается понятия идентичности, взамен него обычно используется семантически близкое «*автоконцепция*». Так вот, автоконцепция современного человека на сегодняшний момент представляется негативной.

Фрейденберг пишет о стремительном регрессе и распаде социального в результате архаизации культуры («*голод и полная отмена цивилизации*»), разрушающей дружеские, семейные и профессиональные связи. Несколько цитат. «*Вся Россия ругается, ссорится, порывает друг с другом и находится в нервном потрясении, раздражении, издерганная и злобная*» [Фрейденберг, 1987, с. 38]. «*Вслед за голодом и бытовыми мучениями в каждой семье шла разрушительная работа ссор, неприязни, ожесточения*» [Фрейденберг, 1987, с. 17].

И Фрейденберг, и Гинзбург откровенно и жестоко анализируют личные отношения со своим ближним окружением, каждый раз разворачивая превратности частной судьбы как зеркало всеобщего разрушения жизни.

По мнению А. Л. Зорина, важнейшее социально-психологическое открытие Гинзбург заключается в том, что блокадная катастрофа высвечивает внутреннее устройство человека и общества, словно «очищенное» от привычного быта [Зорин, 2011]. Здесь можно провести множество параллелей с методологическими принципами исследования неопределенности и транзитивности, принятыми в современной психологии [Mobilis in Mobili…, 2018], но этот путь представляется слишком очевидным. Намного интереснее представляется та гипотеза, согласно которой размышления Гинзбург и Фрейденберг не подтверждают, а в чем-то даже

бросают вызов аксиоматическим допущениям психологии, заставляют пересмотреть их под неожиданным углом зрения.

Во-вторых, психология блокады человека иной раз противоречит закономерностям, конвенционально принятым в науке. Разберем следующий пример. «*То, что открывается человеку в пограничных ситуациях, — закрывается опять. Следует помнить уроки истории, чтобы она нас не затоптала, следует забывать уроки истории, чтобы история могла продолжаться*», — пишет Гинзбург в явно антиэкзистенциальном духе [Гинзбург, 2011, с. 322]. Она считает «*обратимость пограничных ситуаций*» и забвение основным законом социальной жизни наряду с законом памяти, в противном случае существование после снятия блокады было бы невозможным. Для Фрейденберг блокада — квинтэссенция всей сталинской эпохи, чей быт не подлежит репрезентации, «*непостижим, как фантазм*» [Гинзбург, 1987, с. 8].

Однако речь идет не о забвении как фундаментальном механизме индивидуальной и коллективной памяти: забвение травматических событий истории, чей выбор определяется когнитивными задачами группы, является одной из основных стратегий конструирования социальных представлений и идентичности [Емельянова, 2019]. Гинзбург явно опередила исследования коллективной памяти и дала лаконичную формулировку ее закономерностей. Проблема заключается в том, что травматический опыт не вытесняется или забывается, он последовательно проговаривается и осмысляется, но при этом лишается своей ценностно-ориентировочной и прогностической функции. Не всякий «проработанный» (любимый сленг психотерапевтов) жизненный опыт оказывается в итоге смыслообразующим. Даже будучи психологически значимым, он «закрывается» для личности и целого поколения.

Рассуждение Гинзбург отчасти соотносится с дискуссией Д. Канемана и Н. Талеба. Последний из них отстаивает принципиальную невозможность прогнозирования событий на основании прошлого опыта в ситуации неопределенности, когда современным миром движет аномальное, неизвестное и маловероятное, на основе известных и повторяющихся фактов [Талеб, 2020]. Поэтому в психологии принятия решений считается, что адекватный способ контроля неопределенности заключается в потенциальной

готовности принять ее, мыслить немыслимое, то есть сделать ее внутренней формой субъективности [Корнилова, 2015].

Блокада жизненного пространства является предельной формой неопределенности, интериоризация которой равносильна смерти человека. Травматический блокадный опыт не ограничивается историческими рамками («деятельности людей в закрытой группе», как могли бы возразить критики), он также не модель социального познания и поведения, выведенного за пределы привычной повседневности в некий экзистенциальный экстремум. Скорее, для Гинзбург и Фрейденберг блокада становится неким перманентным состоянием человека, конституирующей характеристикой субъекта Новейшего времени (модернизма, раннего и позднего). Поэтому любой анализ блокадного опыта с точки зрения когнитивной или экзистенциальной психологии окажется ограниченным по своим результатам.

В-третьих, — наиболее важный и провокационный тезис из обозначенных — *блокада человека и его жизненного пространства не закончилась*, она продолжалась на протяжении всей советской истории и, возможно, продолжается сегодня в новых облачениях культуры. Ленинградская блокада выходит за пределы события, очерченного военным временем, ибо представляет собой сложное, с трудом вербализируемое и нерасшифрованное обозначение социально-экзистенциальной ситуации современного человека. Блокада явилась символом сталинской эпохи, XX столетия в целом и отдаленного будущего: новый тип исторического сознания, который анализировали Гинзбург и Фрейденберг, реализовался с необычайной отчетливостью на наших глазах в той же глобальной эпидемии коронавируса, пусть даже в более или менее «комфортных» бытовых условиях.

По мнению А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского [Петровский, Ярошевский, 1998], *блокадное сознание* — одна из характеристик советского менталитета, которая проявляется в индивидуальном сознании как постоянное ощущение опасности, связанное с угрозой нападения внешнего врага, то есть как напряженное ожидание агрессии со стороны окружающего мира. При этом коварный и двуличный враг подстерегал советских граждан не только в капиталистических обществах за «железным занавесом», но и в собственной стране среди широких народных масс («враги

народа»). С социально-психологической точки зрения блокадное сознание можно считать элементом системы социальных представлений о «Человеке советском» [Левада, 2006], сконструированной советской пропагандой и транслируемой в новой российской политике. Петровский и Ярошевский считали (и, видно, просчитались, если верить Ю. А. Леваде), что блокадное сознание распадется вместе с «испарением» образа врага из сознания людей.

И. И. Сандомирская пишет, что Гинзбург и Фрейденберг объединяет интерпретация Ленинградской блокады как модели сталинского террора и, более того, экзистенциального состояния субъекта всей европейской культуры XX в. [Сандомирская, 2013]. В интервью [Сандомирская, 2014] она формулирует тезис с еще большей отчетливостью: блокада так и не была снята с освобождением города от фашистов, она остается внутренней формой российской жизни и глубинной структурой субъективности в мире неолиберальной глобализации. «*В России все мы ненадежны, есть ли блокада или нет. Она всегда здесь есть; человек всегда в осаде; ни о ком нельзя сказать:* “*Завтра его не арестуют, завтра не поглотит его гибель*”», — проницательно отмечает Фрейденберг [Сандомирская, 1987, с. 8].

Можно спорить о психологических механизмах трансляции травматического опыта Ленинградской блокады (осуществляется ли она через межпоколенческую коммуникацию или же конструируется дискурсивно в социальных практиках), однако, как бы то ни было, аргумент продолжающейся блокады человека является решающим в пользу дальнейшего сравнительного анализа концепций личности в записках Гинзбург и Фрейденберг.

Сравнительный анализ концепций «блокадного человека» Гинзбург и Фрейденберг

В этом параграфе предлагается эскиз психологической теории личности с опорой на сравнительный анализ блокадных записок Гинзбург и Фрейденберг. Следует оговориться заранее, что анализ, разумеется, не претендует на завершенность и выражает стремление позиционировать их наследие в дисциплинарном контексте психологической науки. Тем самым задается соответствующая оптика прочтения. Записки Фрейденберг, как отмечалось выше,

опубликованы фрагментарно, что сужает возможности исследовательской работы. Кроме того, любой блокадный опыт — как опыт травматический и глубоко символичный по определению — всегда шире любых интерпретаций, в том числе и психологических, и ни в коем случае не исчерпывается следующими соображениями.

Можно выделить три основных параметра сравнения концепций человека Гинзбург и Фрейденберг: 1) *онтологический* (то есть имплицитные допущения о природе психического); 2) *эпистемологический* (принципы анализа в ситуации блокады персонального и социального пространства личности); 3) *методологический* (конкретные способы научного познания и репрезентации блокадной психологии).

1. По Гинзбург, индивидуальное психическое состояние в ситуации блокады — это не эмпирическая данность, а то, чего можно достичь лишь ценой значительных усилий. Она подробно анализирует случай «*интеллигента и истерика*», страдающего дистрофией, который «*имеет свою надрывную автоконцепцию* (*неудачник, сломленный и т. д.*), *которая позволяет ему и сейчас числить себя среди избранных, наделенных внутренней жизнью, имеющих* “*психологию*”» [Гинзбург, 2011, с. 75]. «*Психология*» — недаром Гинзбург берет это слово в кавычки — становится в блокаде атрибутом самопрезентации и самоутверждения, который приходится прятать от других людей. Она надстаивается над какими-то другими измерениями существования, истощенного голодом и дистрофией.

Вот наблюдение за женщиной по имени Нина: «*У нее нет психического состояния. Осталась одна дистрофия, и то в виде остатков. И вот за эти остатки она хватается как за единственное содержание жизни и возможность реализации*» [Гинзбург, 2011, с. 60]. Даже при отсутствии психического состояния остается глубинная мотивация самоутверждения и потребность в формировании «*автоконцепции*» и «*автоценности*», которая проявляется в повседневных разговорах, например в очереди за хлебом. Здесь возникает «психология». «*В психологии очереди заложено нервозное, томящее стремление к концу, к внутреннему проталкиванию пустующего времени*» [Гинзбург, 2011, с. 334]. Говоря о психике или психологии, Гинзбург обращает пристальное внимание на типические мотивировки поступков людей и соци-

альные характеры в блокадной повседневности, ее анализ всегда отличается не только наблюдательностью, но и необычайной проницательностью.

В размышлении о психологии очереди Гинзбург отмечает мимоходом, что человек не выносит вакуума. Он немедленно стремится заполнить его словом (и поэтому, с ее точки зрения, бессмысленные разговоры имеют не меньшее значение в жизни, чем осмысленные), реализовать и утвердить себя. «*Высказывание реализуется, получает социальное бытие — это один из основных законов поведения*», именно «*самоутверждение — нетленная психея разговора*» [Гинзбург, 2011, с. 335]. А. Л. Зорин прослеживает влияние А. Адлера на Гинзбург [Zorin, 2012]. Человек «*самоутверждается всегда*», и даже в критических ситуациях — «*в сфере голода и насыщения*» [Zorin, 2012, p. 60] — пытается обрести «*инстанции утверждения бытия*» [Zorin, 2012, p. 149] как жизнеощущения, которое предшествует психическим состояниям.

Гинзбург объясняет стремление человека к утверждению бытия не страхом смерти, а его исходной социальностью. Смерть недоступна в опыте, поэтому она существует либо как абстракция, либо как эмоция (бессознательное не верит в свою смерть, считал З. Фрейд [Фрейд, 2007]). Итак, «*в той мере, в какой смерть — это абстракция, человек не понимает своей смерти, и потому не боится ее так, как ее следовало бы бояться*» [Гинзбург, 2011, с. 299]. Гинзбург размыкает традиционную для психологии связку «смысл жизни — страх смерти», доказывая: смысл — переживаемая связь между преходящими, умирающими мгновениями, которая может быть только сверхличной, данной за пределами сингулярного сознания. Выраженная антииндивидуалистическая позиция станет для Гинзбург одной из ключевых.

Социальность как ценность общности, связности или взаимности является условием формирования психики и личности человека, что согласуется с современными подходами культурно-исторической психологии в онтогенетическом и в филогенетическом ракурсах. Сопоставляя подходы Л. С. Выготского, Л. Витгенштейна и М. Томаселло, А. Н. Кричевец приходит к выводу, что высшая психическая функция, распределенная между ребенком и взрослым, получает межсубъектый статус, остается *интерпсихической* на протяжении всей своей жизни и при этом не может

быть объективирована в языке [Кричевец, 2012]. Можно сказать, что диалогичность и социальность являются онтологическими опорами психики.

В эволюционной перспективе принятие сосуществования индивидуальных различий и сходств, то есть неэквивалентности сознаний, встречающихся в диалогической коммуникации, считается базовым условием взаимодействия в сообществе [Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018]. Таким образом, в онтологическом плане Гинзбург придерживается идеи социальной и культурной детерминации личности, которую она отметит уже не в блокадных записках, а в поздних литературоведческих работах, демонстрируя весьма тонкое знание и понимание мировой и советской психологии, а ее размышления окажутся весьма созвучны культурно-исторической парадигме, о чем — чуть ниже (о Л. С. Выготском она упоминает в книгах «О психологической прозе» [Гинзбург, 1977] и «О литературном герое» [Гинзбург, 1979]).

Фрейденберг вспоминает, что «*многие утратили способность плакать даже в часы сильнейших горестных переживаний*» [Фрейденберг, 1987, с. 31]. Полностью «психология» в блокаде не отменяется, но трансформируются сущностные измерения внутреннего опыта: «*гангрена пространства*», «*время скорчилось и застыло судорогой*», а психика, телесность забиваются в «*общий склеп*», «*могилу*». Насильственное сжатие жизненного пространства отменяет природу человека, даже физиологию: ему не нужно больше есть! «*Все, что есть прекрасного в природе и чему человек радуется, обратилось для людей, волею тиранов, в предмет ужаса и ненависти*» [Фрейденберг, 1987, с. 13]. Личность исчезает в стихии хаоса и смерти, остается только пустота и омертвление, признается Фрейденберг Пастернаку [Фрейденберг, 2000].

Таким образом, Гинзбург и Фрейденберг стремятся обнаружить в блокадном опыте некие онтологические универсалии, которые надстраиваются над психикой или, возможно, являются первичными относительно ее устройства. Их весьма разные по своей тональности размышления близки идее об имманентной экзистенциальной незавершенности человека, которая стала аксиомой для отечественной психологии личности, продолжающей линию поздних работ С. Л. Рубинштейна [Психология личности, 2019] (на него Гинзбург, между прочим, ссылается в своих научных

текстах [Гинзбург, 1977]). Психическое для психологии — это не предметная данность, а проблема, требующая непрестанной концептуализации.

2. Если вскоре после снятия блокады Гинзбург надеялась на зарождение нового типа сознания, о чем, в частности, свидетельствует заметка «Групповое сознание ленинградцев» (впоследствии она разочаровалась в этой идее [Зорин, 2010]), то Фрейденберг, кажется, не имела на этот счет иллюзий: блокада для нее всегда оставалась воплощением советского порядка. «*Блокада была паспортом советского строя. Вы внезапно открываете дверь и видите человека в неубранном естестве. — Все, что пережито в блокаду, было типичным выражением сталинской нарочитой разрухи и угнетения, затравливания человека*» [цит. по: Паперно, 2017, с. 150–151]. Гинзбург и Фрейденберг ищут принципы анализа личности и общества в Ленинградской и — шире — советской блокаде, которая становится метафорой существования человека и его субъективности в целом.

Новая концепция человека, согласно Гинзбург, должна исходить из двух ключевых допущений: признания «*иллюзорности индивидуального существования и неизбывности социального зла*» [Гинзбург, 2011, с. 294]. Она идет дальше знаменитого тезиса Х. Арендт о «банальности зла», предостерегая об опасности методологического индивидуализма (как иллюзии индивидуального, замкнутого в себе сознания), который, по ее мнению, является мировоззренческой причиной (в формах гуманизма и социализма) кровавых катастроф XX столетия. Критика индивидуализма, атомизации, сингулярности и распада солидарности — общее место всей современной социологии [Бауман, 2019].

«*Истребляемый, испытуемый катастрофами человек не в силах верить в красоту и абсолютную ценность единичной души. Гораздо естественнее ему испытывать отвращение к этой голой душе и горькую и тщетную жажду очищения во всеобщем, в некоей искомой системе связей — в религии? В экзистенциальном самопроектировании? В новой гражданственности?*» [Гинзбург, 2011, с. 429]. Ни одна из этих «систем социальных связей» (их можно осторожно сопоставить с течениями христианской, экзистенциальной и критической психологии) не может утолить «*жажду последних социальных обоснований*» [Гинзбург,

2002, с. 253] внутреннего опыта человека: любви, сострадания, творчества.

В филологически точном и психологически глубоком исследовании Э. Ван Баскирк идеи Гинзбург о личности объединяются под общим названием концепции человека после кризиса индивидуализма, «постиндивидуалистического человека». По ее мнению, «один из центральных элементов теории Гинзбург о человеке и структуре личности — мысль, что мы стараемся осознавать свои переживания как ценность, между тем как наше понимание ценностей берет начало в процессах социализации и интериоризации в нашей социальной среде» [Ван Баскирк, 2020].

Гинзбург проявляла значительный интерес к науке психологии [Zorin, 2012], о чем лучше прочего свидетельствует одна из ее поздних книг «О литературном герое» [Гинзбург, 1979], в которой можно найти множество ссылок на работы У. Джеймса, Дж. Мида, Э. Шпрангера, К. Г. Юнга, К. Левина, А. Ф. Лазурского, И. П. Павлова, Д. Н. Узнадзе и других. Поскольку литература имеет дело с обобщенными формами поведения человека, она является также способом его типологического познания и моделирования. Гинзбург отдает предпочтение теории ролей в американской социологии и социальной психологии: «*Модель осознавшего себя исторического характера является в то же время своего рода психологической ролью, которую личность разыгрывает на сцене жизни*» [Гинзбург, 1979, с. 55].

Все ценное в человеке принадлежит только социальной общности, которая наиболее отчетливо проявляет себя в культуре и слове. Во фрагментах, не вошедших в цикл записок, Гинзбург пишет, что исходное свойство личности и общества — это переживание себя во взаимосвязи с другими, которое «*человек получает вместе со всеми знаковыми системами, составляющими его культурное сознание, вместе с языком* (*то есть мышлением*) — *как носителем общих значений*» [Гинзбург, 2011, с. 447]. Человек может найти эту социальную связность и общность в символической форме языка, даже поступая при этом эгоистически, ведь он все равно оценивает свои и чужие поступки по общим правилам и нормам. Гинзбург стремится найти такой подход, какой позволит анализировать взаимосвязь исторического процесса и частной автобиографии, а индивидуальные переживания вписать в широкие

социокультурные контексты, рассмотреть их как отражение переживаний коллективных.

В этом отношении ее рассуждения поразительно близки классическим положениям культурно-исторической психологии Л. С. Выготского о личности как высшей и вершинной форме социальных отношений и ситуаций [Выготский, 2005]. «*Человек утверждает себя в объективных, всеобщих ценностях и в то же время, присваивая себе эти объективные и всеобщие ценности, созидает из них свою собственную ценность, автоценность — предел человеческих волеустремлений*» [Гинзбург, 2011, с. 149]. Возникновение автоценности из лично присваиваемых и переживаемых общих ценностей является для Гинзбург основным актом социального бытия и самоутверждения человека [Зорин, 2005].

На языке психологии этот закон можно обозначить как диалектику индивидуализации и социализации личности, процесс конструирования персональной идентичности как результата интериоризации социальных представлений и коллективных переживаний или превращения социального поля в персональное жизненное пространство. Механизмом формирования личности, по Гинзбург, становится присвоением групповых ценностей и норм поведения, которые дают возможность человеку локализировать себя в социальном мире, то есть обрести собственную автоценность и автоконцепцию (идентичность).

Не менее важный аспект анализа проблемы личности — рассмотрение человека как ситуации [Ван Баскирк, 2012]. Блокада разрушила иллюзорность, призрачность замкнутого и самодовлеющего сознания. Теперь Гинзбург ищет новый способ рассмотрения человека, пусть даже «*унылый аналитический*», но адекватный актуальному историческому моменту. Ее решение: «*Современное понимание — не человек, а ситуация. Пересечение биологических и социальных координат, из которого рождается поведение данного человека, его функционирование. Человек как функция этого пересечения*» [Гинзбург, 2011, с. 294]. Она, в сущности, провозглашает ситуационный подход к пониманию человека в те годы, когда он лишь зарождался в психологии. «*Повседневный разговор не слепок человека, его опыта и душевных возможностей, но типовая реакция на социальные ситуации, в которых человек утверждает и защищает себя как может*» [Гинзбург, 2011, с. 399].

Символическим ответом на размышления Гинзбург о новой концепции человека как ситуации стали поиски ее знаменитых современников: К. Левина, У. Томаса, Л. С. Выготского, заложивших методологические принципы анализа взаимодействия личности и ситуации, которые по сей день используются психологами. Важнейшая идея ситуационного подхода — установление динамических отношений между человеком и окружением: социальные ситуации задают фреймы познания и действия, их контекстуальное влияние на поведение человека нередко оказывается важнее индивидуальных различий между людьми, но при этом любая ситуация модифицируется интерпретациями ее же участников [Гришина, 2016; Гилович, Росс, 2019; Росс, Нисбетт, 1999].

В противоположность Гинзбург, Фрейденберг констатирует не самореализацию, а разрушение личности как следствие тотальной социальной детерминации [Разумова, 2003]. Советская власть биополитически встраивается в равной мере в психику и тело человека. «*Глотать и испражняться он вынужден был по принуждению, в той мере, в какой это находила нужным победившая его кучка таких же людей*» [цит. по: Паперно, 2017, с. 133]. Сталин «*забирался в кишки и в душу, ломился в мозг, забивал собой все дыры и отверстия*» [Фрейденберг, 1987, с. 43]. Государство организованно спаивало людей, каждый месяц выдавая водку вместо хлеба, — «*гнуснейший вид подлога*» [Фрейденберг, 1987, с. 42]. Не физические, а психологические характеристики ума, таланта, благородства и т. д. изымались у конкретных «простых» людей и проецировались на фигуру Сталина, который становился коллективным лицом, репрезентирующем субъективность советского человека. Тут мысль Фрейденберг сближается с критической психологией, вдохновленной герменевтикой субъекта М. Фуко и устанавливающей взаимосвязь между властью и психикой [Бусыгина, 2018].

3. Гинзбург в молодости была близка формальной школе литературоведения, откуда она заимствовала метод остранения. Остранение — «показ предмета вне ряда привычного, рассказ о явлении новыми словами, привлеченными из другого круга к нему отношений» [Шкловский, 2017]. В блокадных записках она вводит фигуру анонимного рассказчика «Оттера» (своего рода alter ego автора), впоследствии переименованного в «Эн», от чьего

лица ведется повествование. Рассказчик представляет собой обобщенного или суммарного героя блокады (вспомним анализ Гинзбург психологических идей Дж. Мида и социальной роли). Ее язык предельно точен, фактологичен, в чем-то даже антипсихологичен, благодаря чему парадоксально достигается максимальный эффект психологического соприсутствия.

В «Рассказе о жалости и жестокости» Оттер пытается проанализировать собственное душевное состояние после смерти тетки и, разумеется, сталкивается с чувствами вины и раскаяния, восстанавливая детальную картину отношений с ней в последние месяцы жизни. По замечанию Ван Баскирк, «это напоминает психологический анализ, где Оттер выступает в роли собственного психотерапевта» [Ван Баскирк, 2011, с. 515]. Оттер определяет себя в третьем лице как психолога [Гинзбург, 2011, с. 53]. Ван Баскирк называет подход Гинзбург методом не остранения, а самоотстранения (выстраивания отношения к себе как другому). Наблюдая за ситуациями и разговорами повседневной жизни, Гинзбург как будто пытается «отстранить» себя из текста и увидеть свою жизнь как эстетическое целое, аналогичное жизни литературного персонажа [Ван Баскирк, 2006], и становится «зрителем собственной мысли» [Савицкий, 2013]. Ее исследовательский метод явно предвосхищает инструменты современной психологии и психотерапии, направленные на формирование способности к децентрации, ментализации, критической рефлексии и т. д.

Метод Фрейденберг — совершенно иной. Ее манера письма — резкая, аффективная, насыщенная яркими мифологическими метафорами, например: «*Скальпирование живого человека, перенести которое не может ничья душа. Египетская* “*Книга мертвых*” *была менее страшна, чем эти записки*» [цит. по: Брагинская, 2017, с. 30]. Было бы интересным раскрыть преемственность блокадного письма Фрейденберг и ее научных исследований по античной филологии и мифологии [Фрейденберг, 2008], что требует отдельного анализа и психологического прочтения. Остановимся на более очевидном сюжете.

Фрейденберг, занимаясь изучением феномена пародии и двойничества, обнаружила еще до К. Леви-Стросса, что мифологическое мышление структурируется универсальными бинарными оппозициями и образами [Брагинская, 2018]. Этими оппозициями

она активно пользуется при анализе блокадного опыта. Например, если вещественные символы жизни до войны — шоколад, торты из «Астории» и конфеты, то в блокаде таковыми становятся чайник с ржавой водой из канавы и коробок спичек; «*чисто античный рок повис над этой антитезой надежд и действительности, обещаний и их выполненья*» [Фрейденберг, 1987, с. 18]; «*это были похороны, это была жизнь и смерть, подобно тем, что в далекой ссылке, наших родных, жертв тайной полиции*» [Фрейденберг, 1987, с. 23]. Она устанавливает аналогии между городом, тюрьмой и лагерем, полагая, что эпидемии и войны убивали меньше людей.

Для анализа городской жизни Фрейденберг использует метафоры хтонических сил, указывающие на торжество телесного низа (тема умолчания в хрестоматийных мемуарных текстах). Поломка канализации, из-за которой уборная и ванная наполнялись нечистотами, угрожая затопить все вокруг, интерпретируется как явление «*советской Тиамат*» — «*снизу прущая стихия напора и жидкости*», «*первозданный хаос и грязь*» [Фрейденберг, 1987, с. 36]. Более того: нечистоты, по Фрейденберг, становятся «*организованной общественной системой*», «*системой моральной грязи*» [Фрейденберг, 1987, с. 39]. Мифологическим символом жизни человека в блокаде становится пролитая на него чаша с экскрементами [Фрейденберг, 1987, с. 36]. Разрозненные научным методом цитаты не передают весь ужас от чтения описаний Фрейденберг.

Фрейденберг использует метафоры подземного царства, тюремного заключения или концентрационного лагеря как замкнутого пространства, «отличительной характеристикой которого является то, что люди едят и испражняются по принуждению, на виду друг друга» [Паперно, 2017, с. 146]. Подобная устрашающая картина, превосходящая художественные вымыслы писателя В. Сорокина, — эстетическая кристаллизация советской повседневности, уничтожившей границы частного и публичного и поставившей абсурдный знак равенства между индивидуальным и коллективным субъектами познания, «советским гражданином» и «советским народом», которые стали взаимными тюремными надсмотрщиками [Хархордин, 2002].

В методологическом плане Гинзбург и Фрейденберг объединяют исследовательские установки, которые логично назвать этнографическими и автоэтнографическими. Занимая позиции

включенного наблюдателя, они с некой рефлексивной жестокостью анализируют не только поступки окружающих их людей, но и собственное поведение, размышления и чувства, постоянно соотнося последние с актуальным социальным контекстом. Единичные случаи, фиксируемые в блокадной жизни, проецируются ими на советские реалии вообще. Психология как наука начиналась с тех же методологических стратегий, которые сегодня возвращаются на очередном витке развития качественных исследований [Бусыгина, 2009].

И Гинзбург, и Фрейденберг придают решающее значение способности к письму и наррации, которая становится едва ли не единственным доступным способом поддержания и сохранения культуры перед лицом наступившего хаоса. В этом, несомненно, заключается их тесная связь с классической литературой XIX столетия. Как вспоминает Гинзбург, в годы войны люди жадно читали «Войну и мир», чтобы «проверить себя», собственное чувство и отношение к миру. Фрейденберг же с наслаждением и иронией перечитывала Кропоткина, представляя его реакцию на происходящие вокруг события.

«*Написать о круге — прорвать круг. Как-никак поступок. В бездне потерянного времени — найденное*». Так завершаются записки Гинзбург. Фрейденберг: «*Написанное — создает. Там, где его нет, — хаос и обрыв*». По Гинзбург, какие бы причудливые формы ни принимала художественная литература, она всегда имеет дело с историей и повествованием о происходящем; мифологическим истокам наррации посвящены и научные исследования Фрейденберг [Фрейденберг, 2008]. С точки зрения нарративной психологии, способность к наррации, то есть повествовательной активности, позволяет упорядочить разрозненный опыт, эмпирический поток жизни. Нарратив — культурное орудие, средство, превращающее неопределенность в событие, наделенное значением и смыслом, а значит, предоставляющее шанс совладать с травматической ситуацией депривации жизненного пространства [Турушева, 2016].

При этом важно помнить, что ввиду специфики жанра (и метода) записок нарративы Гинзбург и Фрейденберг — «осколочные», это множество различных историй и сюжетных линий. Фрагментарность, отрывочность, «монтажность» блокадных нарративов становится дискурсивным способом противостояния

насилию над человеком и социальной практике эксплуатации его прекарности. Если производство автобиографического опыта является риторической иллюзией единой идентичности и эффектом обобществления и унификации со стороны социальных институтов, как считает, например, П. Бурдьё [Бурдьё, 2002], то иллюзия эта — спасительна и, может быть, является единственной стратегией выживания человека в блокаде. Фрейденберг снисходительно напишет в письме Пастернаку: «*Ты весь заложен на доверии к величию иллюзии*» [Пастернак, 2000, с. 292].

Выводы: преодолена ли блокада человека в психологии?

Предварительная и, таким образом, неизбежно поверхностная интерпретация идей Гинзбург и Фрейденберг с точки зрения психологии личности помогает разрешить целый ряд сложных теоретических проблем, связанных с отношением человека и мира, единством, но не тождеством (по выражению С. Л. Рубинштейна) индивидуального и коллективного субъекта познания, персонального жизненного пространства и социального поля. В полном соответствии с методологическими устремлениями эстетической парадигмы предлагается обратиться к анализу документов о Ленинградской блокаде, которая становится не только историческим событием Великой Отечественной войны, но также предельной метафорой неопределенности и транзитивности развития современного общества и культуры.

Ленинградская блокада обнажает структуру субъекта модерна и постмодерна. Опыт переживания блокады (в прямом смысле) двух выдающихся ученых-филологов — Лидии Гинзбург и Ольги Фрейденберг — является как значительным историко-художественным документом, так и неисчерпаемым источником размышлений о судьбе человека, которые удостоверены историей и интеллектуальной культурой XX столетия. Их блокадные записки различны по подходам и выводам, но вместе образуют сложный полифонический диалог.

Основные допущения Гинзбург в отношении психологической концепции личности следующие: 1) признание иллюзорности индивидуального существования и неизбывности социального зла;

2) анализ человека как ситуации, функции от пересечения исторических и биологических координат; 3) постулирование мотивации к бытийному самоутверждению, реализации автоконцепции и автоценности, которая является результатом интернализации социальной общности и связанности, опосредствованной знаковыми системами культуры (языка и слова). Думается, эти принципы, требующие дополнения и уточнения, близки по своему духу отечественной традиции культурно-исторической психологии. Фрейденберг проводит аналогии между блокадной ситуацией, тоталитарным режимом повседневности и мифологией хаоса и смерти, разрушающих и опустошающих человека, не оставляя никакой надежды на его восстановление после «осады». И Гинзбург, и Фрейденберг обнаруживают средство выживания человека в блокадной ситуации в его творческой способности к наррации, восходящей к глубинным основаниям психики.

Таким образом, одна из перспективных линий реформации психологии личности на очередном витке социальных и культурных изменений заключается в поиске внутренних форм сопротивления блокаде жизненного пространства, служащих ответом на финальный для каждого мировоззренческий вопрос: «*как человек определенного исторического склада подсчитывает свое достояние перед лицом небытия*» [Гинзбург, 2002, с. 267]. Работы Гинзбург и Фрейденберг, написанные над небытием, открывают горизонты такого поиска.

Литература

Адамович А. М., Гранин Д. А Блокадная книга. Л.: Лениздат, 1989.

Андреева Г. М. Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 33–43.

Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Родословная жизни сообща: еще раз о скачках эволюции // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 3–19.

Барскова П., Николози Р. Разговор о том, как и зачем изучать блокадные нарративы (вместо предисловия) // Блокадные нарративы / под ред. П. Барсковой, Р. Николози. М.: НЛО, 2017. С. 7–19.

Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019.

Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8. С. 40. URL: http://

psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html (дата обращения: 08.04.2020).

Брагинская Н. В. О связи основных идей О. М. Фрейденберг // Вестник Рос. гос. гум. ун-та. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 3-1. С. 71–97.

Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник Рос. гос. гум. ун-та. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 4 (25). С. 11–38.

Бурдьё П. Биографическая иллюзия // Интер. 2002. Т. 1, № 1. С. 75–84.

Бусыгина Н. П. Научный статус методологии исследования случаев // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 1. С. 9–34.

Бусыгина Н. П. Субъект в формациях знания и власти: вариации критических исследований в психологии // История и философия науки в эпоху перемен: в 6 т. / под ред. И. Т. Касавина. Т. 3. М.: Русское Общество истории и философии науки, 2018. С. 87–89.

Ван Баскирк Э. Лидия Гинзбург и постиндивидуалистический человек: теории Ленинградской блокады // Человек и личность в истории России: конец XIX — XX век. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 511–529.

Ван Баскирк Э. Личный и исторический опыт в блокадной прозе Лидии Гинзбург // Гинзбург Л. Я. Проходящие характеры: проза военных лет, записки блокадного человека. М.: Новое издательство, 2011. С. 506–530.

Ван Баскирк Э. Проза Лидии Гинзбург: реальность в поисках литературы. М.: НЛО, 2020.

Ван Баскирк Э. «Самоотстранение» как этический и эстетический принцип в прозе Л. Я. Гинзбург // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 261–281.

Воронина Т. Помнить по-нашему: соцреалистический историзм и блокада Ленинграда. М.: НЛО, 2018.

Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005.

Вяземский П. А. Старая записная книжка. М.: Захаров, 2000.

Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: ВШЭ, 2019.

Гилович Т., Росс Л. Наука мудрости: как обратить себе на пользу важнейшие открытия социальной психологии. М.: Индивидуум паблишинг, 2019.

Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. Л.: Советский писатель, 1987.

Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПб., 2002.

Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979.

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977.

Гинзбург Л. Я. Проходящие характеры: проза военных лет, записки блокадного человека. М.: Новое издательство, 2011.

Гришина Н. В. Ситуационный подход: исследовательские задачи и практические возможности // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 1. С. 57–68.

Гришина Н. В., Костромина С. Н., Мироненко И. А. Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 1. С. 26–35.

Гусельцева М. С. Культурно-историческая травма как фактор риска в становлении гражданской идентичности // Вестник Рос. гос. гум. ун-та. Сер. Психология. Педагогика. Образование. 2017. Т. 10, № 4. С. 8–23.

Гусельцева М. С. Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. Психология. 2018. Т. 8, № 4. С. 327–340.

Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: ИП РАН, 2019.

Зорин А. Л. «…Доделать и обеспечить сохранность» // Гинзбург Л. Я. Проходящие характеры: проза военных лет, записки блокадного человека. М.: Новое издательство, 2011. С. 531–544.

Зорин А. Л. Лидия Гинзбург: опыт «примирения с действительностью» // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 32–51.

Зорин А. Л. Проза Л. Я. Гинзбург и гуманитарная мысль XX века // Новое литературное обозрение. 2005. № 76. С. 45–68.

Капрара Дж., Сервон Д. Психология личности. СПб.: Питер, 2003.

Касавин И. Т. Социальность познания // Энциклопедический словарь по эпистемологии / под ред. И. Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2011. С. 362–364.

Козлова Н. Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14–26.

Корнилова Т. В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. С. 40. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html (дата обращения: 08.04.2020).

Кричевец А. Н. Томаселло, Витгенштейн, Выготский: проблема интерпсихического // Культурно-историческая психология. 2012. Т. 8, № 3. С. 95–104.

Левада Ю. А. Ищем человека: социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.

Левин К. Теория поля в социальных науках. М.: Академический проект, 2019.

Марион Ж.-Л. Эго, или Наделенный собой. М.: Рипол-классик, 2019.

Маркус Дж. О социокультурной антропологии США, ее проблемах и перспективах // Антропологические традиции: Стили, стереотипы, парадигмы / под ред. А. Л. Елфимова. М.: НЛО, 2012. С. 48–67.

Марцинковская Т. Д. Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ // Психологические исследования. 2013. Т. 6. С. 30. URL: http://

psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/851-martsinkovskaya30.html (дата обращения: 08.04.2020).

Марцинковская Т.Д. Язык искусства и язык науки: парадоксы сближения // Психологические исследования. 2018. Т. 11. С. 59. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1577-martsinkovskaya59.html (дата обращения: 08.04.2020).

Mobilis in Mobili: личность в эпоху перемен / под ред. А. Г. Асмолова. М.: Языки славянских культур, 2018.

Мэй Р. Пауль Тиллих: воспоминания о дружбе. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013.

Олпорт Г. Становление личности: избранные труды. М.: Смысл, 2002.

Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Дело, 2019.

Паперно И. «Осада человека»: блокадные записки О. М. Фрейденберг в антропологической перспективе // Блокадные нарративы / под ред. П. Барсковой, Р. Николози. М.: НЛО, 2017. С. 126–151.

Пастернак Б.Л. Пожизненная привязанность: переписка с О. М. Фрейденберг. М.: Арт-Флекс, 2000.

Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.

Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019.

Разумова А. Ленинградская блокада в «Записных книжках» Л. Гинзбург и «Записках» О. Фрейденберг // Литература. 2003. С. 17. URL: https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200301708 (дата обращения: 08.04.2020).

Роллс Дж. Классические случаи в психологии. СПб.: Питер, 2010.

Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.

Савицкий С. А. Частный человек: Л. Я. Гинзбург в конце 1920-х — начале 1930-х годов. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.

Сандомирская И. И. Блокада в слове: очерки критической теории и биополитики языка. М.: НЛО, 2013.

Сандомирская И. И. Блокада явилась мощнейшим биополитическим полигоном для испытания технологий власти // Colta.ru. URL: https://www.colta.ru/articles/literature/1823-irina-sandomirskaya-blokada-yavilas-moschneyshim-biopoliticheskim-poligonom-dlya-ispytaniya-tehnologiy-vlasti (дата обращения: 08.04.2020).

Седакова О. А. Странная серьезность происходящего // Православие и мир. URL: https://www.pravmir.ru/krasota-rima-bez-lyudej-hroniki-karantina-v-italii/ (дата обращения: 08.04.2020).

Сироткина И. Е., Смит Р. «Психологическое общество» и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, № 3. С. 73–90.

Талеб Н. Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, 2020.

Турушева Ю. Б. Нарратив как культурный медиатор развития личности: взгляд сквозь призму культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 2. С. 24–32.

Фрейд З. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М.: СТД, 2007.

Фрейденберг О. М. Будет ли Московский Нюрнберг? Из записок 1946–1948 годов // Синтаксис. 1986. № 16. С. 149–163.

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.

Фрейденберг О. М. Осада человека // Минувшее: [исторический альманах]. 1987. Вып. 3. С. 7–44.

Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002.

Хорошилов Д. А. Идеи Л. Я. Гинзбург в социальной психологии личности // Культурно-исторический подход: от Л. С. Выготского — к XXI веку: Сборник тезисов международной научной конференции. М.: РГГУ, 2017. С. 148–150.

Хорошилов Д. А. Кризис идентичности как возможность конструирования субъективности // Личность в эпоху перемен: Mobilis in Mobili: Материалы международной научно-практической конференции / под ред. Е. Ю. Патяевой, Е. И. Шлягиной. М.: Смысл, 2018. С. 45–48.

Хорошилов Д. А. Л. Я. Гинзбург и О. М. Фрейденберг в поисках новой концепции личности // Ананьевские чтения — 2019. Психология — обществу, государству, политике: Материалы международной научной конференции / под ред. А. В. Шаболтас, О. С. Дейнека, И. А. Самуйлова. СПб.: Скифия-Принт, 2019. С. 352–353.

Шкловский В. Б. Самое Шкловское. М.: АСТ, 2017.

Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2018.

Allport G. The use of personal documents in psychological science. New York: Social Science Research Council, 1942.

Dumont F. A History of personality psychology: theory, science and research from Hellenism to the Twenty-first Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Zorin A. Ginzburg as psychologist // Lydia Ginzburg's alternative literary identities / ed. by E. Van Buskirk and A. Zorin. Oxford: Peter Lang AG, 2012. P. 83–123.

References

Adamovich A. M., Granin D. A. *Blockade book*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989. (In Russian)

Allport G. *Becoming personality: selected works*. Moscow, Smysl Publ., 2002. (In Russian)

Allport G. *The use of personal documents in psychological science*. New York, Social Science Research Council, 1942.

Andreeva G. M. Image of the world and/or real world? *Voprosy psikhologii*, 2013, no. 3, pp. 33–43. (In Russian)

Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. Origins of life together: once again about the leaps of evolution. *Voprosy psikhologii*, 2018, no. 4, pp. 3–19. (In Russian)

Barskova P., Nikolozi R. Talk about how and why to study blockade narratives (instead of a preface). *Blockade narratives*. Eds P. Barskova, R. Nikolozi. Moscow, NLO Publ., 2017, pp. 7–19. (In Russian)

Bauman Z. *Retrotopy*. Moscow, VTsIOM Publ., 2019. (In Russian)

Belinskaya E. P. Variability of self: crisis of identity or crisis of knowledge about it? *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2015, vol. 8, № 40. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html (accessed: 29.08.2020). (In Russian)

Bourdieu P. Biographical illusion. *Inter*, 2002, vol. 1, no. 1, pp. 75–84. (In Russian)

Braginskaya N. V. "I have no life, but a biography". *Vestnik of Russian State University for the Humanities. Ser. Istoriia. Filologiia. Kul'turologiia. Vostokovedenie*, 2017, no. 4 (25), pp. 11–38. (In Russian)

Braginskaya N. V. On the connection of the main ideas of O. M. Freidenberg. *Vestnik of Russian State University for the Humanities. Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiya*, 2018, no. 3-1, pp. 71–97. (In Russian)

Busygina N. P. Scientific status of case study methodology. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2009, no. 1, pp. 9–34. (In Russian)

Busygina N. P. Subject in the formations of knowledge and power: variations of critical research in psychology. *History and philosophy of science in an era of change*. Ed. by I. T. Kasavin, 6 vols., vol. 3. Moscow, Russkoe Obshchestvo istorii i filosofii nauki Publ., 2018, pp. 87–89. (In Russian)

Dumont F. *A History of personality psychology: theory, science and research from Hellenism to the Twenty-first Century*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010.

Emel'yanova T. P. *Collective memory of events in Russian history: a socio-psychological approach*. Moscow, IP RAN Publ., 2019. (In Russian)

Freidenberg O. M. Siege of personality. *Minuvshee: istoricheskii al'manakh,* 1987, vol. 3, pp. 7–44. (In Russian)

Freidenberg O. M. *The myth and literature of antiquity*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2008. (In Russian)

Freidenberg O. M. Will Moscow Nuremberg be? From the notes of 1946–1948. *Sintaksis*, 1986, no. 16, pp. 149–163. (In Russian)

Freud S. *Collected works*, 10 vols., vol. 9. Moscow, STD Publ., 2007. (In Russian)

Giddens E., Satton F. *Essential concepts of sociology*. Moscow, VShE Publ., 2019. (In Russian)

Gilovich T., Ross L. *The wisest one in the room: how you can benefit from social psychology's most powerful insights*. Moscow, Individuum Publ., 2019. (In Russian)

Ginzburg L. Ya. *Literature in search of reality*. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. (In Russian)

Ginzburg L. Ya. *Note books. Memories. Esse*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2002. (In Russian)

Ginzburg L. Ya. *On the literary hero*. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1979. (In Russian)

Ginzburg L. Ya. *On the psychological prose*. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1977. (In Russian)

Ginzburg L. *Passing characters: prose of war years, notes of the besieged person*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. (In Russian)

Grishina N. V. Situational approach: research issues and practical possibilities. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 2016, vol. 1, pp. 58–68. (In Russian)

Grishina N. V., Kostromina S. N., Mironenko I. A. The structure of the problem field of modern personality psychology. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2018, vol. 39, no. 1, pp. 26–35. (In Russian)

Gusel'tseva M. S. Cultural and historical trauma as a risk factor in the development of civic identity. *Vestnik of Russian State University for the Humanities. Ser. Psikhologiia. Pedagogika. Obrazovanie*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 8–23. (In Russian)

Gusel'tseva M. S. Metamodernism in psychology: new methodological strategies and subjectivity changes. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 16. Psychology and Education*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 327–340. (In Russian)

Kaprara G., Cervone D. *Personality Psychology*. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. (In Russian)

Kasavin I. T. The sociality of cognition. *Entsiclopedicheskiy slovar' epistemologii*, ed. by I. T. Kasavin. Moscow, Al'fa-M Publ., 2011. P. 362–364. (In Russian)

Kharkhordin O. *To reveal and to hypocrite: genealogy of the Russian personality*. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Press, 2002. (In Russian)

Khoroshilov D. A. L. Ya. Ginsburg's ideas in the social psychology of personality. *Kul'turno-istoricheskii podkhod: ot L. S. Vygotskogo — k XXI veku: Sbornik*

tezisov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moscow, RGGU Publ., 2017, pp. 148–150. (In Russian)

Khoroshilov D. A. L. Ya. Ginzburg and O. M. Freidenberg's in search of a new concept of personality. *Ananievskiie chteniia — 2019. Psikhologiia obshchestva, gosudarstva, politiki. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Eds A. V. Shaboltas, O. S. Deineka, I. A. Samuilov. St. Petersburg, Skifiya-Print Publ., 2019. P. 352–353. (In Russian)

Khoroshilov D. A. The crisis of identity as an opportunity to construct subjectivity. *Personality in an age of change: Mobilis in mobili:* proceedings of the international scientific and practical conference (December 17–18, 2018). Eds E. Yu. Patyaeva, E. I. Shlyagina. Moscow, Smysl Publ., 2018, pp. 45–48. (In Russian)

Kornilova T. V. The principle of uncertainty in the psychology of choice and risk. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2015, vol. 8, no. 40. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html (accessed: 29.08.2020). (In Russian)

Kozlova N. N. Human document analysis methodology. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2004, no. 1, pp. 14–26. (In Russian)

Krichevets A. N. Tomasello, Wittgenstein, Vygotsky: the problem of interpsychic. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiia*, 2012, vol. 8, no. 3, pp. 95–104. (In Russian)

Levada Yu. A. *Looking for a person: sociological essays, 2000–2005*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. (In Russian)

Lewin K. *Field theory in social sciences*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019. (In Russian)

Marcus G. On the socio-cultural anthropology in the United States, its problems and prospects. *Antropologicheskiie traditsii: stili, stereotypy, paradigmy*. Ed. by. A. L. Elfimov. Moscow, NLO Publ., 2012. P. 48–67. (In Russian)

Marion J.-L. *Ego, or Endowed with oneself*. Moscow, Ripol-klassik, 2019. (In Russian)

Martsinkovskaya T. D. Social space: theoretical and empirical analysis. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2013, vol. 6, no. 30. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/851-martsinkovskaya30.html (accessed: 29.08.2020) (In Russian)

Martsinkovskaya T. D. The language of art and the language of science: paradoxes of rapprochement. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2018, vol. 11, no. 59. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1577-martsinkovskaya59.html (accessed: 29.08.2020). (In Russian)

May R. *Paul Tillich: friendship memories*. Moscow, Institut Obshchegumanitarnykh Issledovanii Publ., 2013. (In Russian)

Mobilis in Mobili: personality in an era of change. Ed. by A. G. Asmolov. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2018. (In Russian)

Paperno I. The siege of personality: blockade notes by O. M. Freidenberg from an anthropological perspective. *Blockade narratives*. Eds P. Barskova, R. Nikolozi. Moscow, NLO Publ., 2017, pp. 126–151. (In Russian)

Pasternak B. L. *Lifetime attachment: correspondence with O. M. Freidenberg*. Moscow, Art-Fleks Publ., 2000. (In Russian)

Pavlov A. V. *Post-postmodernism: how social and cultural theories explain our time*. Moscow, Delo Publ., 2019. (In Russian)

Personality psychology: Being in change. Ed. by N. V. Grishina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2019. (In Russian)

Petrovskii A. V., Yaroshevskii M. G. *Fundamentals of theoretical psychology*. Moscow, Infra-M Publ., 1998. (In Russian)

Razumova A. The Leningrad blockade in "Notebooks" by L. Ginzburg and "Notes" by O. Freidenberg. *Literatura*, 2003, no. 17. Available at: https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200301708 (accessed: 29.08.2020). (In Russian)

Rolls G. *Classical case studies in psychology*. St. Petersburg, Piter Publ., 2010. (In Russian)

Ross L., Nisbett R. *Person and the situation: perspectives of social psychology*. Moscow, Aspect Press Publ., 1999. (In Russian)

Sandomirskaya I. I. *Blockade in the word: essays on the critical theory and biopolitics of language*. Moscow, NLO Publ., 2013. (In Russian)

Sandomirskaya I. I. The blockade was a powerful biopolitical testing ground for power technologies. *Colta.ru*. Available at: https://www.colta.ru/articles/literature/1823-irina-sandomirskaya-blokada-yavilas-moschneyshim-biopoliticheskim-poligonom-dlya-ispytaniya-tehnologiy-vlasti (accessed: 29.08.2020). (In Russian)

Savitskii S. A. *Private person: L. Ya. Ginzburg in the late 1920s — early 1930s*. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Press, 2013. (In Russian)

Sedakova O. A. Strange gravity of what is happening. *Pravoslavie i mir*. Available at: https://www.pravmir.ru/krasota-rima-bez-lyudej-hroniki-karantina-v-italii/ (accessed 29.08.2020). (In Russian)

Shklovskii V. B. *The most Shklovskoe*. Moscow, AST Publ., 2017. (In Russian)

Sirotkina I. E., Smith R. "Psychological society" and socio-political changes in Russia. *Metodologiia i istoriia psikhologii*, 2008, vol. 3, no. 3, pp. 73–90. (In Russian)

Taleb N. *The black swan: under the sign of unpredictability*. Moscow, Kolibri Publ., 2020. (In Russian)

Turusheva Yu. B. Narrative as a cultural mediator of personality development: a look through the prism of cultural-historical psychology. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiia*, 2016, vol. 12, no. 2, pp. 24–32. (In Russian)

Van Buskirk E. Lydia Ginzburg and post-individualistic human: theories of the Leningrad blockade. *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii: konets XIX — XX vek*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, pp. 511–529. (In Russian)

Van Buskirk E. "Self-esteem" as an ethical and aesthetic principle in prose L. Ya. Ginzburg. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2006, no. 81, pp. 261–281. (In Russian)

Van Buskirk E. Personal and historical experience in the blockade prose of Lydia Ginzburg. In: Ginzburg L. Ya. *Prokhodiashchie kharaktery: proza voennykh let, zapiski blokadnogo cheloveka*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, pp. 506–530. (In Russian)

Van Buskirk E. *The prose of Lydia Ginzburg: reality in search of literature*. Moscow, NLO Publ., 2020. (In Russian)

Voronina T. *Remember in our opinion: socialist realism and the blockade of Leningrad*. Moscow, NLO Publ., 2018. (In Russian)

Vyazemskii P. A. *Old note book*. Moscow, Zakharov Publ., 2000. (In Russian)

Vygotsky L. S. *Psychology of human development*. Moscow, Smysl Publ.; Eksmo Publ., 2005. (In Russian)

Yarov S. V. *The everyday life of the besieged Leningrad*. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2018. (In Russian)

Zorin A. Ginzburg as psychologist. *Lydia Ginzburg's alternative literary identities*. Eds E. Van Buskirk, A. Zorin. Oxford, Peter Lang AG Publ., 2012, pp. 83–123.

Zorin A. L. "…To complete and ensure safety". In: Ginzburg L. Ya. *Prokhodiashchie kharaktery: proza voennykh let, zapiski blokadnogo cheloveka*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, pp. 531–544. (In Russian)

Zorin A. L. Lydia Ginzburg: the experience of "reconciliation with reality". *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2010, no. 101, pp. 32–51. (In Russian)

Zorin A. L. Prose of L. Ya. Ginzburg and humanitarian thought of the 20th century. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2005, no. 76, pp. 45–68. (In Russian)

А. Ю. Вырва

Архитектурное измерение жизненного пространства человека

НИИ Теории и истории изобразительного искусства
Российской академии художеств (РАХ),
Российская Федерация, Москва, 119034, ул. Пречистенка, 21

Архитектура является неотъемлемой частью человеческой жизни. И помимо непосредственного функционального обеспечения условий жизнедеятельности человека, она включает в себя множество значимых процессов. Ее образ и качество напрямую связаны с возникающими у человека эмоциями, в ней находят свое отражение ценностно-смысловые ориентации человека и общества, в котором он находится, посредством пластических форм она реализует или не реализует познавательные потребности, личностные и культурные смыслы. Она является продуктом, созданным человеком, в котором отражены личностные особенности человека и общества, и вместе с этим влияет на человека, изменяя его самого. Таким образом, форма здания пробуждает к жизни и активирует целый поток значений и понятий, открытых для интерпретации, связанных с программой здания, его местоположением и языком, присущим определенному направлению в архитектуре и конкретному историческому времени. Живя в большом мегаполисе с разнообразной окружающей эстетикой, немаловажным фактором становится то, насколько выразительным и визуально экологичным является окружающий архитектурный ландшафт, как сочетаются между собой стили различных исторических эпох, каким должно быть типовое строительство спальных районов для комфортного существования в нем на уровне информации (адаптация, контекст), эмоций, смыслов, психического состояния человека. Поэтому крайне важно акцентировать внимание на исследованиях, посвященных особенностям восприятия архитектурной среды, психологически значимым характеристикам ее форм, качеству контакта с пространством архитектуры и пребыванием человека в нем. Важны именно междисциплинарные исследования, позволяющие всесторонне и целостно рассмотреть эту проблему, как с точки зрения психологии и социологии, так и с точки зрения архитектуры и искусства. В статье произведен анализ некоторых таких ключевых моментов, требующих подобного рода исследований.

Ключевые слова: жизненное пространство, архитектура, архитектура и эмоции человека, потребности человека, ценности.

Пространство архитектуры в контексте жизни человека

Когда речь идет о понятии жизненного пространства человека, одним из немаловажных факторов является качество его взаимодействия с окружающим миром, включающим как социум, так и архитектурные и природные ландшафты. М. Черноушек вводит понятие «жизненная среда», в которое включает пространственно-предметный, социальный, технологический и природный компоненты [Черноушек, 1989]. В современном мире становится значимым и актуальным то, в каких средовых, архитектурных условиях работает и живет человек, качество места становится ключевым фактором в выборе его жизнедеятельности [Флорида, 2016]. Так, архитектурное пространство может как способствовать реализации человеческого потенциала, так и препятствовать, ограничивать его развитие, может изменять поведение и психическое состояние человека. Например, см. работы: [Барабанов, 2002; Федоров, 1999; Черноушек, 1989; Bonaiuto et al., 2015]. То есть оно обладает динамическим потенциалом в терминах К. Левина [Левин, 2001]. Окружающая среда выступает средством идентификации человека с местом его пребывания и жизнедеятельности, обладает семантикой, а человек, находящийся в ней, постоянно находится под действием определенного семантического поля [Артемьева, 1987; 1999; Леонтьев, 1983]. И поэтому улучшение городской архитектурной среды будет повышать качество жизни человека, а креативность места — способствовать развитию творческого потенциала людей [Лэндри, 2011; Флорида, 2016, Чиксентмихайи, 2015; Allan, Lubetkin, 2013]. Психологическое состояние присущности архитектурного пространства каждому человеку, обусловлено не только величиной пространства, в котором живет человек, но и возможностью развития социальной и творческой активности, охватывающей пространство жизни человека [Foster, 2002].

Архитектурное пространство является триединством морфологии (способ построения и представления здания), символики (значение, смысл и ценность, приписываемые морфологической форме) и феноменологии (личностные смыслы, возникающие в индивидуальном сознании) [Забельшанский и др., 1985]. Понятно, что архитектурная среда отражает особенности жизни

людей, общие представления об образе жизни человека независимо от того, предполагается ли это замыслом архитектора или нет. Одновременно архитектура — это и этап исторической мысли, жест автора и личностные смыслы ее обитателей [Ревзин, 2002; Джекоб, 2013]. В образах архитектуры воспроизведены приоритеты прошедших эпох, потребности и предпочтения различных социальных групп. Поэтому жизненное пространство человека в контексте архитектуры включает одновременно множество процессов, далеко выходящих за пределы проблемы простого обеспечения его жизнедеятельности на уровне удовлетворения физиологических потребностей и потребности в безопасности, оно затрагивает эмоциональные, ценностно-смысловые и интеллектуальные сферы.

Г. Зиммель отмечает, что существует два прочтения городской архитектурной среды — разглядывание архитектурного сооружения, его деталей, конструкций и элементов, и восприятие архитектурной среды через движение, вписывание собственного тела в конфигурацию архитектурной среды [Зиммель, 2002]. Кроме бесконечного визуального потока информации, человек чувствует себя вовлеченным и в звуковые, кинетические ситуации, которые влияют на изменение его состояния. Существование в современном городском пространстве неразрывно связано с пересечением многообразных медийных потоков, перераспределяющих восприятие архитектурных пространств, и участием в них, а также с масштабом и скоростью социального взаимодействия [Бруссальи, 2007; Маккуайр, 2014; Вентури, 2015]. Но, конечно, нельзя не упомянуть о том, что важнейшей характеристикой самого архитектурного пространства является выразительность, что, согласно Р. Арнхейму, является способностью архитектуры через динамику представить структуру некоторого типа поведения, проявляющегося в деятельности человека [Арнхейм, 1994]. Архитектурная среда является носителем информации, но она всегда содержит больше информации, чем человек способен принять. Поэтому, как справедливо отметил Ч. Дженкс, архитектор всегда должен задумываться о том, как будет понята архитектура, должен просчитывать процесс передачи необходимой информации средствами архитектурных форм, должен решать, будет ли она средством коммуникации, содержащей смысловые знаки, или ассоциацией различных

идей [Дженкс, 1985]. Так, для понимания окружающей архитектурной среды человеку важно идентифицировать себя с ней [Радина, 2015; Turner, 1999]. Городская идентичность рассматривается как показатель социальной адаптации человека. Такая идентичность с городским пространством проявляется через позитивные или негативные эмоции, чувства и означает привязанность человека к окружающему архитектурному пространству. Например, см. исследования [Вендина, 2012; Левицкая, Манченко, 2012; Самошкина, 2006]. Помимо эмоционального компонента идентичности с окружающим архитектурным пространством, важен также и ее ценностный компонент, выражающийся в привязанности к месту, удовлетворенности в нем, его символической значимости. М. Чиксентмихайи отмечает, что «дом является оплотом уникальности и безопасности для человека, здание наполняется различными символами, поднимающими ценность жизни человека и помогающими справляться с жизненными задачами» [Чиксентмихайи, 2015, с. 168–169]. И далее: «Дом, здание, лишенное индивидуальных особенностей, в котором нет предметов, указывающих на прошлое, настоящее и будущее, — бесплодно», — пишет автор [Чиксентмихайи, 2015, с. 419]. Архитектурная среда выступает как психическое средство, помогая человеку запомнить важное [Боттон, 2013]. Таким образом, окружающая архитектурная среда, то жизненное пространство, в котором живет и работает человек, должно открывать внутренний потенциал человека, его внутреннюю силу и способствовать положительному эмоциональному тону всей его жизнедеятельности. Р. Арнхейм отмечает, что здание формирует поведение человека [Арнхейм, 1984]. Р. Бечтел и А. Чарчмэн приводят в связи с этим понятия «сильной» и «слабой» программы здания. Например, когда здание обладает сильной программой, оно может полностью определять поведение человека в данной архитектурной среде, особенности его общения с другими людьми и даже скорость передвижения в зоне этого здания. Слабая же программа здания лишь служит местом жизнедеятельности человека [Bechtel, Churchman, 2002]. Также архитектура создает материальные условия для удовлетворения многих потребностей человека, отражающих текущее состояние его динамично меняющихся взаимоотношений с миром, и несет информацию о возможности их реализации [Леонтьев, 2007].

Человеческие потребности и архитектурная среда

Вместе с тем архитектура — это еще и познавательная деятельность. Будучи особой формой познания, архитектура обнажает фундаментальные, сущностные проблемы времени, встающие перед человечеством, и претворяет их в жизнь [Добрицына, 2004]. Познавательные потребности человека по отношению к архитектурным объектам могут проявляться также и в стремлении быстро ориентироваться, получать информацию из окружающего мира. Эта потребность связана с удовлетворением сенсорного голода — стремлением к разнообразию воспринимаемой архитектурной среды, к ее познанию, к богатству зрительных впечатлений, определяющих развитие воображения. В связи с этим проявляется больше эстетических оценок стилистически нагруженных объектов, нежели сооружений массовой типовой застройки [Вырва, Леонтьев, 2015; 2016; Вырва 2017]. Человек практически всегда нацелен на поиск новой и необходимой информации, чтобы адекватно приспосабливаться ко все время изменяющемуся миру, и архитектурный объект тоже может предоставить человеку нужную информацию. Если человек многое для себя открывает в организации пространства и если эта информация достаточно разносторонняя, то он получает эмоциональное удовлетворение. А если информация жестко однозначна, а архитектурное пространство весьма примитивно, то эмоциональное состояние будет другим [Раппапорт, 1990]. Интересно, что и фундаментальная потребность в поиске смысла жизни проявляется в архитектуре через ее эмоциональные свойства, связанные с раскрытием общественного характера жизненных процессов, с выражением национальной, социальной, политической, общественной жизни людей, с утверждением единства семьи, с самоутверждением личности [Франкл, 1990]. Как пишет Г. Ревзин, в архитектуре разыгрываются важные для человека экзистенциальные стратегии [Ревзин, 2002]. Мы видим, таким образом, что за архитектурной формой скрываются важные для человека процессы, такие как познание, осмысление, оценивание, коммуникация, реализация духовных потребностей и отношений к себе, социуму и искусству. Каждое архитектурное сооружение несет в себе свою программу действий и во многом формирует поведение человека. Так, для того чтобы

человеку было комфортно в той среде, в которой он находится, ему необходимо настроить своеобразный диалог с окружающим его пространством, понять его, идентифицироваться с ним.

Архитектура и эмоциональный мир человека

Наиболее близка к динамической концепции К. Левина та сторона отношения человека с окружающим его пространством, которая связана с эмоциями, то есть когда идет речь о валентности элементов поля, говорящей о положительном принятии или неприятии какого-либо участка жизненного пространства [Canter, 1977]. И совсем необязательно знать, какие чувства намеревался вызвать архитектор — эмоция появляется сама собой, и порой совершенно невозможно предугадать, когда это может произойти. Эмоциональная реакция на увиденное архитектурное здание может быть совершенно различной как у разных людей, так и у одного и того же человека в определенные моменты его жизни. В своей классической работе К. Линч писал о том, что некоторые архитектурные пространства интровертны, обращены внутрь себя, слабо связаны со всем, что их окружает, а поэтому не вызывают эмоциональных реакций у человека, а другие, наоборот, экстравертны, раскрыты вовне, связаны с окружающими элементами и несут эмоциональную окраску [Линч, 1982]. Получается, то, что волнует и привлекает человека в конкретном архитектурном объекте, кажется обращенным к нему лично, а безразличие среды, ее безликость оказывают гнетущее эмоциональное воздействие. Воспринимая архитектурную среду, человек не только угадывает в ней признаки присутствия другого человека, но и ощущает отношение к самому себе. Немаловажным фактором для создания эмоционального отношения является также интерес. Этому способствуют такие качества, как новизна, сложность, необычность архитектурной формы. Новизна и необычность часто быстро приедаются при последующих встречах, и единственный способ этого избежать — сделать форму более насыщенной и детальной, тогда внимание человека будет с каждым разом перемещаться с одной детали на другую. Однако перенасыщенность архитектурной среды может вызвать и негативную реакцию, чувство утомления, дезорганизацию в пространстве [Черноушек, 1989; Laike, 1997].

Интересно, что немалое влияние на эмоциональное восприятие архитектурной среды оказывает привычка. Привычные ситуации снижают остроту впечатления и свежесть чувств, привычное может ускользать от внимания или вызывать скуку. Но при этом привычное может вызывать чувства родного, любимого или вызывать ностальгию. Интересует и поражает, конечно, всегда нечто новое, увиденное впервые. Однако и непривычное может вызвать чувство отторжения, тоску. В связи с этим иначе будет строиться процесс восприятия: человек будет опускать множество деталей, не будет акцентировать внимание на архитектуре, а станет воспринимать ее лишь как фон жизнедеятельности. Новое может и не нравиться, но впечатление от нового всегда сильнее, чем от привычного. Повторяемость — один из важнейших способов организации архитектурной формы и важнейший информационный фактор [Забельшанский и др., 1985]. Родным здание становится тогда, когда оно начинает отражать привычки человека, отмечает Г. Башляр [Башляр, 2014]. Однако нередко бывает так, что окружающее архитектурное пространство вызывает негативную эмоциональную реакцию, чувство подавленности и безысходности. Как правило, депрессивные архитектурные пространства организованы из однородных объектов, возведенных в примерно один временной промежуток, исключая исторический контекст [Федоров, 2006]. Пример такого архитектурного пространства — типовая застройка спальных или неблагоприятных районов, где и сама окружающая городская среда подавляет и изматывает человека. И поэтому важно, чтобы архитектурное жизненное пространство было разнообразным и индивидуальным, которое бы вносило новый заряд эмоционального содержания и спасало человека от негативных состояний [Ги Дебор, 2003; Семеляк, 2012]. Так, действительно, в недавно проведенных исследованиях выяснилось, что при оценивании московских архитектурных объектов типовой застройки и индивидуальных и уникальных зданий по семантическим и ценностным категориям горожанами давалось больше оценок именно зданиям, носящим индивидуальный характер, они более позитивно оценивались в эмоциональном отношении, нежели типовое жилье, хотя оно включало в себя то самое чувство «родного» [Вырва, Леонтьев, 2015; 2016].

Ценностно-смысловая ориентация архитектурного пространства

Определенная постройка, определенный архитектурный стиль любого здания может нести в себе определенный ценностный набор, намеренно или неосознанно вложенный в его создание. Эстетические ценности архитектуры влияют на то, как складывается отношение человека к жизни, его ценностные ориентации и психологические установки [Иконников, 1980]. Таким образом, архитектура как жизненное пространство человека организовывает и направляет его жизнедеятельность, рождая вместе с тем определенные смысловые и ценностные образования [Леонтьев, 1996]. Каждому периоду истории соответствует определенный стиль архитектуры, а следовательно, с наступлением нового времени меняются ценности и смыслы, отражающиеся в архитектуре того или иного направления. В реализации архитектурой своей ценностной функции отчетливо отражаются все три формы существования ценностей — личностные ценности, общественные идеалы и предметно воплощенные ценности. Так как архитектура всегда имеет целью выражение некоего смысла, формирование ее смысловой нагрузки и ее понимание человеком происходит по принципам языка архитектуры [Пучков, 2003]. Человек воспринимает архитектурное сооружение в соответствии со своим личностным характеристикам, особенностями мотивационной и эмоциональной сферы. Невозможно понять и пережить архитектуру определенного здания, не представляя себе смысла данного сооружения, а также того, какую смысловую функцию оно несет. То есть, цитируя С. Л. Рубинштейна: «Чувственное содержание образа всегда становится носителем смыслового содержания» [Рубинштейн, 2012, с. 88]. Важным психологическим моментом восприятия архитектурного произведения является не установление значения увиденного, а извлечение и переживание личностного или жизненного смысла. Именно с этим связан тот факт, что искусство, как говорил А. Н. Леонтьев, «не информирует, а движет людей, подвигает их к жизни» [Леонтьев, 1983, с. 232–239]. Д. А. Леонтьев отмечает, что эффект воздействия зависит от того, насколько широк диапазон различных точек зрения, отраженных в нем. Это означает,

что хорошее архитектурное пространство содержит не только личностные смыслы автора, но и других людей — своей социальной группы, своего общества, исторической эпохи, человечества в целом [Леонтьев, 1991]. Так, смыслы, возникающие в результате процесса интерпретации, хоть и произвольны, но являются закономерными в рамках актуальной культуры социума [Ревзин, 1991]. Таким образом, мера воздействия архитектуры определяется степенью обобщенности смысловых переживаний, заложенных в содержании ее произведения. Широта смысловых связей с миром отражает возможность личности вступать в диалог с архитектурой и обогащать в ней свое миропонимание [Леонтьев, 1998; 2007]. Так, в исследованиях, проведенных Д. А. Леонтьевым и А. Ю. Вырва, показано, например, что для архетипичного понятия «дом» применимы такие понятия, как порядок, целостность, завершенность, красота и необходимость, чаще всего архитектурным сооружениям приписываются такие ценности, как завершенность, целостность, жизненность, простота, порядок, необходимость, выбираются более конкретные понятия, которые легко соотносятся с создаваемой формой архитектурного сооружения, отвечающие представлению человека о комфорте, красоте и том, что должно быть или что необходимо, представлению об идеалах и т. д. И в целом, в процессе восприятия архитектуры наряду со значимыми характеристиками архитектурной формы, ее внешними особенностями, такими как цвет, геометричность, ритмичность, целостность, контекстуальность, текучесть, симметричность, мобильность, соразмерность своим элементам и человеку, медийность, имеют значение процессы, стоящие за ее формой: функции здания, его историческое время, ценности, смыслы, метафоры и ассоциации, определяющие дальнейшее поведение человека в данном архитектурном пространстве и его эмоции. Для восприятия архитектуры и возникновения ее образа в сознании человека важен не столько язык геометрии и конструкции, так как она не всегда информативна, а сам язык этого воздействия на человека, отражение смысла, метафоры, ценности [Вырва, Леонтьев, 2015; 2016].

Заключение. Архитектурное измерение жизненного пространства человека

К. Левин под понятием «жизненное пространство» подразумевал, что истинной средой обитания человека являются те фрагменты физической реальности и социальной среды, которые отражены в его сознании и на которых строится его поведение. Он изображал жизненное пространство в виде овала, в центре которого находится круг, символизирующий внутренний мир человека, который обрамляют две границы: внешняя и внутренняя. Внешняя грань является рубежом жизненного пространства в пределах реального физического и социального макромиров, а внутренняя грань отделяет внутренний мир человека от его психологической среды в пределах жизненного пространства [Левин, 2001]. И архитектурное окружение, материальный мир, который уже существует вокруг человека и который создается им самим, является важным компонентом этого жизненного пространства. Обладая не только чисто утилитарным значением организации жизнедеятельности, оно отвечает эмоциональным, ценностным, познавательным и эмоциональным потребностям человека, формируя в зависимости от совокупности большого количества факторов особый индивидуальный образ в его сознании, являясь одновременно выражением и значением всего, что происходит в человеческой жизни.

Литература

Арнхейм Р. Динамика архитектурных форм. М.: Стройиздат, 1984.

Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.

Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл, 1999.

Артемьева Е. Ю. Семантические аспекты изучения памятников культуры // Памятниковедение: Теория, методология, практика: сборник научных трудов. М.: ВНИИТЭ, 1986. С. 62–75.

Барабанов А. Человек и архитектура: Семантика отношений: [Электронный ресурс] // Urban Bodies. 2002. № 1. URL: http://www.cloud-cuckoo.net/openarchive/wolke/rus/Themen/021/Barabanov/Barabanov.htm (дата обращения: 20.07.2020).

Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Боттон А. Архитектура счастья: как обустроить жизненное пространство. М.: Классика-XXI, 2013.

Буссальи М. Понимать архитектуру / пер. с ит. М.: БММ, 2007.

Вендина О. И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Сер. географическая. 2012. № 5. С. 27–39.

Вентури Р., Браун Д. С., Айзенур С. Уроки Лас-Вегаса: Забытый символизм архитектурной формы / пер. с англ. М.: Strelka Press, 2015.

Вырва А. Ю. Изучение особенностей восприятия архитектурной городской среды на основе исследования панорам Google // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10, № 1. С. 89–108.

Вырва А. Ю., Леонтьев Д. А. Возможности субъективно-семантических методов в исследовании восприятия архитектуры // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11, № 4. С. 96–111.

Вырва А. Ю., Леонтьев Д. А. Субъектные и объектные факторы субъективно-семантического оценивания архитектурных объектов // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 2. С. 33–45.

Дебор Г. Введение в критику городской географии // Антология современного анархизма и левого радикализма. Т. 1. Без государства. Анархисты / Сост. А. Цветков. М.: Ультра; Культура, 2003. С. 59–60.

Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985.

Джекоб С. Архитектура как воссоздание // Strelka: [сборник]. М.: Strelka Press, 2013.

Добрицына И. А. От постмодернизма — к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Забельшанский Г. Б., Минервин Г. Б., Раппапорт А. Г., Сомов Г. Ю. Архитектура и эмоциональный мир человека. М.: Стройиздат, 1985.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. Т. 3, № 34. С. 7–11.

Иконников А. В. Гуманистическая направленность советской архитектуры. М.: Знание, 1980.

Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / под общ. ред. Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Патяевой; [сост., пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой]. М.: Смысл, 2001.

Левицкая Е., Манченко Т. Как сформировать идентичность района: проект для Хамовников: [электронный ресурс] // UrbanUrban: [интернет-журнал]. 2012. 13 июля. URL: http://urbanurban.ru/blog/space/222/Kak-sformirovat-identichnost-rayona-proekt-dlya-Khamovnikov (дата обращения: 07.07.2016).

Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. / под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, А. А. Леонтьева, А. В. Петровского. М.: Педагогика, 1983. Т. 2.

Леонтьев А. Н. Из записей 30-х годов. Художественное творчество. Художественная литература и психология. Некоторые вопросы психологии искусства (примечания). О психологической функции искусства (гипотеза). Творчество // Художественное творчество и психология / под ред. А. Я. Зися, М. Г. Ярошевского. М.: Наука, 1991. С. 179–190.

Леонтьев А. Н. Образ мира // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.

Леонтьев Д. А. Введение в психологию искусства. М.: Изд-во МГУ, 1998.

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007.

Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 7–10.

Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева; сост. А. В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.

Лэндри Ч. Креативный город / пер. с англ. М.: Классика-XXI, 2006.

Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство / пер. с англ. М.: Strelka Press, 2014.

Пучков М. В. Семиотические взаимосвязи архитектуры и языка // Семиотика пространства: сб. науч. тр. Международной ассоциации семиотики пространства / под ред. А. А. Барабанова. Екатеринбург: Архитектон, 1999. С. 115–154.

Радина Н. К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Нижний Новгород: Деком, 2015.

Раппапорт А. Г. Среда и архитектура // Городская среда: проблемы существования / под ред. А. А. Высоковского и Г. З. Каганова. М.: НИИТАГ, 1990.

Ревзин Г. И. Очерки по философии архитектурной формы. М.: ОГИ, 2002.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012.

Самошкина И. С. Район проживания в чувствах и переживаниях // Communitas/Сообщество: [научный альманах]. 2006. Вып. 3. С. 35–52.

Семеляк М. О перспективах психогеографии // Prime Russian Magazine. 2012. № 6 (15), ноябрь–декабрь. С. 51–52.

Федоров В. В., Коваль И. М. Мифосимволизм архитектуры. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2009.

Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее / пер. с англ. Н. Яцюк; науч. ред. Р. Хусаинов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. М.: Прогресс, 1990.

Черноушек М. Психология жизненной среды / пер. с чеш. И. И. Попа. М.: Мысль, 1989.

Чиксентмихайи М. Креативность. Поток и психология открытий и изобретений / пер. с англ. И. Ющенко. М.: Карьера Пресс, 2015.

Allan J., Lubetkin B. Architecture and the Tradition of Progress. London: Artifice Books, 2013.

Bechtel R. B., Churchman A. Handbook of environmental psychology. New Haven: Yale University PACE Center, 2002.

Bonaiuto M., Fornara F., Alves S., Ferreira I., Mao Y., Moffat E., Piccinin G., Rahimi L. Urban environment and well-being: cross-cultural studies on Perceived Residential Environment Quality Indicators (PREQIs) Cognitive Processing. Vol. 16. Suppl. 1. 2015. Sept. P. 165–169.

Canter D. The psychology of space. London: Archit. Press, 1977.

Foster N. Architecture is About People. New York: Museum für Angewandte Kunst, 2002.

Laike T. The impact of daycare environments on children's mood and behavior // II Scandinavian Journal of Psychology. 1997. Vol. 38, no. 3. P. 209–218.

Turner J. C. Social identity, personality, and the self-concept // The psychology of the social self / Eds T. R. Tyler, R. M. Kramer, J. O. P. Mahwah. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1999. P. 11–46.

References

Allan J., Lubetkin B. *Architecture and the Tradition of Progress*. London, Artifice Books, 2013.

Arnheim R. *Dynamics of architectural forms*. Moscow, Stroizdat Publ., 1984. (In Russian)

Arnheim R. *New essays on the psychology of art*. Moscow, Prometheus Publ., 1994. (In Russian)

Artemieva E. Yu. *Fundamentals of psychology of subjective semantics*. Moscow, Smysl Publ., 1999. (In Russian)

Artemieva E. Yu. Semantic aspects of studying cultural monuments. *Pamiatnikovedeniie: Teoriia, metodologiia, praktika: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, VNIITE Publ., 1986, pp. 62–75. (In Russian)

Ballentine E. *Architecture. Very brief introduction*. Moscow, AST Publ., 2009. (In Russian)

Barabanov A. Man and architecture: Semantics of relations [Electronic resource]. *Urban Bodies*, 2002, no. 1. Available at: http://www.cloudcuckoo.net/openarchive/wolke/rus/Themen/021/Barabanov/Barabanov.htm (accessed: 20.07.2020). (In Russian)

Bashlyar G. *Poetics of space*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2014. (In Russian)

Bechtel R. B., Churchman A. *Handbook of environmental psychology*. New Haven, Yale University PACE Center, 2002.

Bonaiuto M., Fornara F., Alves S., Ferreira I., Mao Y., Moffat E., Piccinin G., Rahimi L. Urban environment and well-being: cross-cultural studies on Perceived Residential Environment Quality Indicators (PREQIs). *Cognitive Processing*, 2015, vol. 16, suppl. 1, Sept., pp. 165–169.

Botton A. *The Architecture of happiness: how to equip a living space*. Moscow, Classic-XXI Publ., 2013. (In Russian)

Bussagli M. *Understand architecture*. Moscow, BMM Publ., 2007. (In Russian)

Canter D. *The psychology of space.* London, Archit. Press, 1977.

Chernoushek M. *Psychology of the life environment*. Transl. from Czech by I. Popa. Moscow, Thought Publ., 1989. (In Russian)

Csikszentmihalyi M. *Creativity. Flow and psychology of discoveries and inventions*. Transl. from Eng. I. Yushchenko. Moscow, Career Press Publ., 2015. (In Russian)

Debord G. Introduction to the critique of urban geography. *Antologiia sovremennogo anarkhizma i levogo radikalizma*, vol. 1. Bez gosudarstva. Anarkhisty. Moscow, Ultra Publ.; Kultura Publ., 2003, pp. 59–60. (In Russian)

Dobritsyna I. A. *From postmodernism to nonlinear architecture: Architecture in the context of modern philosophy and science.* Moscow, Progress-Tradition Publ., 2004. (In Russian)

Fedorov V. V., Koval I. M. *Mythosymbolism of architecture*. 2nd ed. Moscow, Librokom Publ., 2009. (In Russian)

Florida R. *Creative class. People who create the future*. Transl. from Eng. by N. Yatsyuk; scientific ed. by R. Khusainov. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2016. (In Russian)

Foster N. *Architecture is About People*. New York, Museum für Angewandte Kunst, 2002, p. 12.

Frankl V. *Man in search of meaning*: collection. Transl. from English and German by D. A. Leontiev, M. P. Papush, E. V. Eidman. Moscow, Progress Publ., 1990. (In Russian)

Ikonnikov A. V. *Humanistic orientation of Soviet architecture*. Moscow, Znanie Publ., 1980. (In Russian)

Jacob S. Architecture as a recreation. *Strelka*: [sbornik]. Moscow, Strelka Press Publ., 2013, pp. 220–242. (In Russian)

Jenks C. *The language of post-modern architecture*. Moscow, Stroiizdat Publ., 1985. (In Russian)

Laike T. The impact of daycare environments on children's mood and behavior. *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 38, no. 3, 1997, pp. 209–218.

Landry C. H. *Creative city*. Transl. from Eng. Moscow, Classic-XXI Publ., 2006. (In Russian)

Leontiev A. N. *Selected psychological works*, 2 vols. Eds V. V. Davydov, V. P. Zinchenko, A. A. Leontiev, A. V. Petrovsky. Moscow, Pedagogika Publ., 1983, vol. 2. (In Russian)

Leontiev A. N. From the records of the 30s. Artistic creation. Fiction and psychology. Some questions of art psychology (notes). On the psychological function of art (hypothesis). Creativity. *Khudozhestvennoe tvorchestvo i psikhologiia*. Eds A. Ya. Zisya, M. G. Yaroshevsky. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 179–190. (In Russian)

Leontiev A. N. The Image of the world. In: Leontiev A. N. *Izbrannye psikhologicheskiie proizvedeniia.* Moscow, Pedagogy Publ., 1983, pp. 251–261. (In Russian)

Leontiev D. A. *Introduction to the psychology of art*. Moscow, Moscow State University Publ. , 1998. (In Russian)

Leontiev D. A. *Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality*. 3rd ed., add. Moscow, Smysl Publ., 2007. (In Russian)

Leontiev D. A. Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional reconstruction. *Voprosy filosofii*, 1996, no. 4, pp. 7–10. (In Russian)

Levitskaya E., Manchenko T. How to form the identity of the district: a project for Khamovniki: [Electronic resource]. *UrbanUrban*: [online magazine], 2012, July 13. Available at: http://urbanurban.ru/blog/space/222/Kak-sformirovat-identichnost-rayona-proekt-dlya-Khamovnikov (accessed: 07.07.2016). (In Russian)

Lewin K. *Dynamic psychology*: Selected works. Gen. eds D. A. Leontiev and E. Yu. Patyaeva. Moscow, Smysl Publ., 2001. (In Russian)

Lynch K. *Image of the city*. Transl. from Eng. by V. L. Glazycheva; comp. A. V. Ikonnikov; ed. A. V. Ikonnikov. Moscow, Stroizdat, 1982. (In Russian)

McQuire S. *Media city: media, architecture and urban space*. Moscow, Strelka Press Publ., 2014. (In Russian)

Puchkov M. V. Semiotic interrelations of architecture and language. *Semiotika prostranstva: Sb. nauch. tr. Mezhdunarodnoy assotsiatsii semiotiki prostranstva*. Ed. by A. Barabanova. Ekaterinburg, Architecton Publ., 1999, pp. 115–154. (In Russian)

Radina N. K. *City in space and time: problems of territorial identity in the context of socio-economic changes*. Nizhny Novgorod, Decom Publ., 2015. (In Russian)

Rappaport A. G. Environment and architecture. *Gorodskaia sreda: problemy sushchestvovaniia*. Eds A. A. Vysokovsky, G. Z. Kaganov. Moscow, NIITAG Publ., 1990. (In Russian)

Revzin G. I. *Essays on the philosophy of architectural form*. Moscow, OGI Publ., 2002. (In Russian)

Rubinstein S. L. *Being and consciousness*. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. (In Russian)

Samoshkina I. S. Area of residence in feelings and experiences. *Soobshchestvo*: [scientific almanach], 2006, iss. 3, pp. 35–52. (In Russian)

Semelyak M. On the prospects of psychogeography. *Prime Russian Magazine*, 2012, no. 6 (15), Nov.–Dec., pp. 51–52. (In Russian)

Simmel G. Big cities and spiritual life. *Logos*, 2002, vol. 3, no. 34, pp. 7–11. (In Russian)

Turner J. C. Social identity, personality, and the self-concept. In: *The psychology of the social self*. Eds T. R. Tyler, R. M. Kramer, J. O. P. Mahwah. New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, 1999, pp. 11–46.

Vendina O. I. Moscow's identity and the identity of Muscovites. *Izvestiia RAN. Ser. Geographical*, 2012, no. 5, pp. 27–39. (In Russian)

Venturi R., Brown D. S., Eisenur S. *Lessons of Las Vegas: Forgotten symbolism of architectural form*. Moscow, Strelka Press Publ., 2015. (In Russian)

Vyrva A. Yu. Studying the features of perception of the architectural urban environment based on the study of Google panoramas. *Eksperimental'naia psikhologiia*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 89–108. (In Russian)

Vyrva A. Yu., Leontiev D. A. The Possibilities of subjective and semantic methods in the study of architecture perception. *Kul'turnaia i istoricheskaia psikhologiia*, 2015, vol. 11, no. 4, pp. 96–111. (In Russian)

Vyrva A. Yu., Leontiev D. A. Subject and object factors of subjective and semantic assessment of architectural objects. *Kul'turnaia i istoricheskaia psikhologiia*, 2016, vol. 12, no. 2, pp. 33–45. (In Russian)

Zabelshansky G. B., Minervin G. B., Rappaport A. G., Somov G. Yu. *Architecture and the emotional world of man*. Moscow, Stroizdat Publ., 1985. (In Russian)

Н. А. Кондратова

Жизненное пространство личности: пространство личной свободы

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, 173003, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41

В статье раскрываются теоретические истоки и содержание понятия «жизненное пространство личности». Это понятие возникает на основе и при соотнесении понятий «жизненное пространство» К. Левина и «проприум» Г. Олпорта. Сделан акцент на характеристике жизненного пространства личности как «области свободы» (К. Левин). Жизненное пространство личности — это наиболее значимая для самого человека часть его жизненного мира, определяющая субъективно наиболее важные для него стороны его жизнедеятельности. Оно конституируется активностью субъекта, связанной с реализацией им собственных стремлений, репрезентировано в ее образе мира, в первую очередь смысловым конструктом «свое — чужое». Предложена теоретическая модель жизненного пространства личности: его структура и характер динамических процессов в нем сопоставимы с таковыми в семиосфере (Ю. М. Лотман). Представлены результаты эмпирического исследования субъективной репрезентации жизненного пространства личности молодых людей подросткового и юношеского возраста. Исследование базируется на принципах качественно-феноменологического подхода. По его результатам основными составляющими жизненного пространства выступили: значимые места, значимые другие (люди, иногда животные), значимая деятельность и значимые идеальные объекты. Прослеживается связь характеристики жизненного пространства личности как пространства личной свободы с проблемой безопасности.

Ключевые слова: жизненное пространство личности, область свободы, семиосфера, субъективная репрезентация жизненного пространства личности.

С. Л. Рубинштейн в своей знаменитой работе «Человек и мир», писал о том, что проблема человека зазвучит в науке полно и целостно только тогда, когда будут преодолены отчуждение человека от его жизни, разрыв между человеком и его миром, их разъединение, их противопоставление.

Этот разрыв, это противопоставление психологическая наука настойчиво преодолевала и продолжает преодолевать, пересма-

тривая и снимая такие устойчивые оппозиции классической психологии, как «внутреннее — внешнее», «объективное — субъективное», «индивид — среда» и продвигаясь от онтологии изолированного индивида к онтологии жизненного мира (Ф. Е. Василюк). Движение в этом направлении — от классической к неклассической психологии — это движение не только к жизненному миру человека и таким образом к его целостности, но и к человеку как субъекту, создающему этот мир и себя посредством собственных действий и поступков.

Одну из возможностей реализации такого движения представляет собой разработка понятия «жизненное пространство личности». Жизненное пространство личности определяется нами как наиболее значимая (близкая, любимая, интересная и т. п.) для самого человека часть его жизненного мира, определяющая субъективно наиболее важные для него стороны его жизнедеятельности. Оно конституируется активностью субъекта, связанной с реализацией им собственных стремлений. Жизненное пространство личности репрезентировано в ее образе мира в первую очередь смысловым конструктом «свое — чужое». Далее будут раскрыты теоретические истоки этого понятия и дана его более подробная характеристика, в том числе его теоретическая модель (представляющая его структурную организацию), а также результаты эмпирического исследования репрезентации жизненного пространства личности в ее образе мира.

Теоретические истоки понятия «жизненное пространство личности»

Одну из первых идей, в которых видны зерна «онтологии жизненного мира», — идею того, что личность и ее ближайшее окружение нередко оказываются неотделимы друг от друга, можно увидеть в определении личности, данном более ста лет назад У. Джемсом: «Трудно провести черту между тем, что человек называет самим собой и своим. Наши чувства и поступки по отношению к некоторым принадлежащим нам объектам в значительной степени сходны с чувствами и поступками по отношению к нам самим… Очевидно, мы имеем дело с изменчивым материалом: тот же самый предмет рассматривается нами иногда как часть нашей

личности, иногда просто как “наш”, а иногда — как будто у нас нет с ним ничего общего. Впрочем, в самом широком смысле личность человека составляет общая сумма всего того, что он может назвать своим: не только его физические и душевные качества, но также его платье, дом, жена, дети, предки и друзья, его репутация и труды, его имение, лошади, его яхта и капиталы. Все это вызывает в нем аналогичные чувства» [Джемс, 1991, с. 81].

Г. Олпорт, определявший личность как «*unitas multiplex*, многое в одном» [Олпорт, 2002, с. 404], решал проблему единства личности, введя, как он писал, «временное понятие» проприума (от латинского *proprium* — собственный), развивая таким образом и идеи У. Джемса о личности. Акцент, который вносило это понятие в традиционные тогда категории Я, или эго: «…провести различие между тем, что является для индивида *важным*, и тем, что <…> является для него просто *фактом*, то есть между тем, что он ощущает как витальное и центральное в своем становлении, и тем, что он относит к периферии своего существования» [Олпорт, 2002, с. 185]. Олпорт включает в проприум те аспекты личности, которые образуют ее внутреннее единство и то, что может быть названо *достоянием*, или чувством «свойственного нам» [Олпорт, 2002, с. 186]. Одна из восьми сторон и функций проприума — расширение эго. Оно происходит через идентификацию с объектами, которые человек называет «своими», которые обладают для него *важностью,* любимы им: «Ребенок, идентифицирующийся с родителем, определенно расширяет свое чувство *Я*, это же он делает через свою любовь к домашним животным, куклам или другим объектам обладания — одушевленным или нет» [Олпорт, 2002, с. 188]. Важнейшим двигателем, создающим единство личности, является «собственное стремление», еще одна функция проприума: «Собственное стремление отличается от других форм мотивации тем, что всегда ведет к объединению личности, вопреки всем конфликтам» [Олпорт, 2002*, с.* 191].

Свой путь к целостному пониманию человека и его поведения прокладывал К. Левин, старший современник Г. Олпорта, которого тот в своей статье с красноречивым названием «Гений Курта Левина» назвал «самым оригинальным мыслителем нашего века» [Олпорт, 2012]. А на пороге следующего, XXI в., К. Левина оценивают как одного из тех ученых, чьи идеи в наибольшей степени

способствовали «неклассическому прорыву» в психологической науке [Леонтьев, 2005].

Согласно теории поля К. Левина, поведение может быть понято только при рассмотрении целостной ситуации (поля), которая его порождает. Для отдельного индивида этой целостной ситуацией является его «жизненное пространство» — «человек и психологическая среда, как она существует для него» [Левин, 2000, с. 77]. В жизненное пространство включается все, что влияет на поведение индивида в данное время, в том числе его психологическое прошлое и будущее («ожидания, желания, страхи, мечты», «взгляды на его собственное прошлое и на прошлое остального физического и социального мира» [Левин, 2000, с. 74]). То есть психологическая среда принципиально отличается от физической обстановки, она не есть нечто объективное и независимое от индивида, напротив, она определяется его психологическими и физическими возможностями, меняющимися в процессе возрастного развития, состояниями напряжения или его разрядки, под влиянием имеющихся потребностей или намерений.

Первоначально понятие «жизненное пространство» в научном творчестве К. Левина выступает как теоретический конструкт, использующийся для объяснения всего многообразия и динамики конкретного поведения индивида. В дальнейшем, не изменяясь принципиально, оно содержательно развивается и усложняется, заняв положение основного метода психологического исследования. Это метод, позволяющий связать между собой «все множество известных науке фактов о развитии, личности, человеческих взаимоотношениях, познании и мотивации», чтобы они были приложимы «для понимания поведения любого конкретного человека, а также предсказания этого поведения или управления им», причем «в данный момент времени» [Левин, 2001, с. 373]. Выступая как метод исследования, жизненное пространство одновременно является наиболее общим и абстрактным психологическим понятием. В приложении к каждому конкретному случаю анализа, наполняясь определенным содержанием, оно может трансформироваться в понятия более конкретного уровня. К. Левин указывает, что единицы психологического анализа могут варьироваться по масштабу — от микроскопических до макроскопических. Теоретическая конструкция жизненного пространства охватывает

весь диапазон психологических ситуаций: от «текущей непосредственной ситуации» до «жизненной ситуации в целом». В текстах самого Левина мы чаще встречаемся с анализом «текущей непосредственной ситуации».

Если же приложить этот концепт к «жизненной ситуации в целом», тогда по масштабу и уровню абстракции он может быть соотнесен с онтологической категорией «жизненный мир», представляя собой собственно его субъективную составляющую, в которой, в свою очередь, выделяются феноменологический и деятельностный аспекты[1].

Та часть всеобщего мира, в которую включен человек и с которой он вступает во взаимодействие, образует его жизненный мир. Внутри этого мира для человека существует некоторая область объектов, явлений, событий, которые обладают для него повышенной значимостью, потому что любимы им, ощущаются как «свои», окрашены чувством причастности, освоены, психологически близки. С какой-то частью этих объектов и явлений человек идентифицируется, включая их в свое Я, они становятся его эго-расширением. Можно, по-видимому, сказать, что эти объекты и образуют место человека в мире, пространство его жизни — жизненное пространство личности.

Понятие «жизненное пространство личности» возникает на основе и при соотнесении понятий жизненного пространства К. Левина и проприума Г. Олпорта. Жизненное пространство личности — это субъективный аспект той сферы жизненного мира человека, которая обозначаются в концепции Г. Олпорта как «проприум» и наиболее тесно связана с его собственными интересами, симпатиями, стремлениями, ценностями, его собственной активностью и создает внутреннее единство его личности. По пространственно-временному масштабу жизненное пространство личности соответствует «жизненной ситуации в целом», то есть некоторому отрезку жизни личности, который воспринимается как «психологическое настоящее» (включающее, конечно, зна-

---

1 Здесь использованы идеи Д. А. Леонтьева, который, анализируя смысловую реальность, выделяет в ней три аспекта: онтологический, феноменологический и деятельностный [Леонтьев, 1999].

чимые для субъекта представления о прошлом и будущем), но при этом не сводится к «текущей непосредственной ситуации».

Жизненное пространство личности как «область свободы»

Если Г. Олпорт, описывая данный аспект личности и ее жизненного мира, делает акцент на таких его характеристиках, как «теплый», «свой», «важный», у К. Левина эта область жизненного пространства предстает в первую очередь как область свободы. Представляется интересным проследить, как в описании К. Левина эта область проступает в жизненном пространстве ребенка.

Анализируя процессы, происходящие в жизненном пространстве ребенка, К. Левин подчеркивает его положение в основном как объекта влияний. Как фундаментальный факт детства он отмечает, что окружение ребенка в значительной мере не подконтрольно ему, «пространство действий ребенка, как правило, лежит “внутри” сферы влияния взрослых» [Левин, 2001, с. 176], и «область “свободы” в окружении ребенка (то есть та область, где все валентности зависят в основном только от самого ребенка) относительно невелика» [Левин, 2001, с. 227]. В качестве примеров таких островков свободы в детской жизни К. Левин указывает: «…жизнь ребенка в секретном детском “обществе”, дружба и общение с другим ребенком, определенные виды игры — обычно открывают ребенку путь, позволяющий ему на время избежать вмешательства взрослых» [Левин, 2001, с. 175–176].

Важнейшая для ребенка область свободы — это область, где он может чем-то заниматься в силу собственного интереса к этому занятию.

Субъектность ребенка в описании Левина проявляется в основном в сопротивлении и уходе от влияния окружения. Ребенок стремится выйти из поля, созданного властью взрослого, того поля, где он чувствует дискомфорт и напряжение. Это может осуществляться в форме физического ухода (бегства), путем выбора другого занятия (более приятного для ребенка, но и одобряемого взрослыми), а может в виде «ухода в себя или “самоинкапсулирования” ребенка внутри поля», когда он «пытается, не выходя реально из поля, сделать себя по меньшей мере недоступным или

воздвигнуть стену между собой с одной стороны и заданием с наказанием — с другой» [Левин, 2001, с. 186]. Более того, есть еще и такой путь, как «бегство в ирреальность», то есть в сны, фантазии, иначе, туда, где человек «может делать то, что ему хочется» [Левин, 2001, с. 187].

Процесс развития индивида, отмечает К. Левин, приводит к росту и дифференциации его жизненного пространства и уменьшению прямой взаимозависимости между эго и психологической средой («внутренними» и «внешними» регионами этого пространства). В результате индивид становится менее беззащитен в отношении непосредственных влияний своей среды, а восприятие этой среды менее зависит от его настроения и сиюминутного состояния потребностей [Левин, 2001, с. 128]. Важнейшее направление изменения жизненного пространства — рост и дифференциация его временного измерения: психологического настоящего, прошлого, будущего, а также по линии реального/ирреального. Одновременно растет организация (интеграция) внутри областей жизненного пространства. Результатом процесса организации психологической среды является возможность использовать некоторые ее части в качестве орудий. Для адекватной характеристики жизненного пространства нужно учитывать не только конкретные его моменты, но и более общие параметры, такие, например, как атмосфера (дружелюбная, напряженная) или мера свободы индивида [Левин, 2001, с. 374].

Возвращаясь к статье К. Левина «Психологическая ситуация награды и наказания» (1931), где он так выразительно, с живыми примерами описывает жизненную ситуацию ребенка, хочется отметить, что этот текст, помимо новаторского научного исследования, является своеобразным документом своего времени, в котором представлена широко распространенная практика авторитарного воспитания, когда ребенку пространство своей свободы зачастую приходится отвоевывать через те или иные способы бегства, обмана или протестных форм поведения, чтобы как-то выйти из ситуации воздействия, принуждения, контроля, жестких ограничений со стороны взрослых. Описанные в ней практики поражают разительным несоответствием современным представлениям о правильном воспитании ребенка, где главное место уделяется взаимоотношениям с ребенком, основанным

в первую очередь на чуткости к его потребностям, близости, уважении и доверии.

Можно полагать, что пространство свободы ребенка, который растет в семье, ориентированной на подобный гуманистический подход в воспитании, несравненно больше, чем в ситуациях, описанных К. Левином. Как известно, ребенок в отношениях с окружающей действительностью становится субъектом уже на втором году жизни, с возникновением аффективно заряженных (мотивирующих) представлений (Л. И. Божович). В связи с этим естественно его стремление расширить в своем жизненном пространстве и «закрепить» за собой «области свободы» — те области, где он преимущественно выступает как субъект, самостоятельный инициатор и организатор собственной активности, реализатор собственного (проприативного) стремления. В процессе развития ребенка, становления его личности в норме происходит расширение в жизненном пространстве ребенка таких «областей свободы». Это предполагает и то, что и другие люди признают эти области как принадлежащие ребенку (игрушки, а постепенно и другие предметы, игра, какие-то иные занятия, комната или ее уголок, с какого-то моменте одежда, возможность ее выбора и т. д.).

Таким образом, формирование собственного жизненного пространства способствует развитию и укреплению автономности, самостоятельности личности в отношениях с окружающим миром, определенной независимости от внешних влияний. Оно выражает и поддерживает субъектность и индивидуальность личности.

Смысловой конструкт «свое — чужое»: репрезентация жизненного пространства личности в ее образе мира

Стремясь быть субъектом в отношениях со своим окружением, исследуя это окружение, приобретая новые возможности овладения этим окружением и установления с ним отношений, ребенок выделяет те его области, которые ему интересны, с которыми у него устанавливаются особенно близкие, интимные отношения, которые доступны его собственному контролю и могут использоваться как орудия. Одновременно это те области, которые важны

для него и которые он называет «своими». Это области, которые ребенок включает в свое Я или с которыми он очень тесно связан, через них он расширяет чувство своего Я.

Важно подчеркнуть, что чувство или ощущение «своего» — это реальное переживание, обладающее специфической эмоциональной окраской. Эта эмоциональная окраска, может быть, точнее сказать эмоциональная насыщенность чувства «своего» — результат первичной персонификации предметного мира, с которой, как пишет А. М. Лобок, у ребенка начинается процесс освоения окружающего пространства, когда окружающие ребенка предметы, прежде всего те, которыми он активно манипулирует, один за другим становятся для него эмоционально значимыми и лично узнаваемыми [Лобок, 1997, с. 443]. Эти предметы, например игрушки ребенка, аккумулируют его эмоциональный опыт: «…в обшарпанном, исцарапанном зайце оказывается представлена элементарная форма отношения "знак — смысл". Царапины исполняют роль знака, а роль смысла исполняют те личные эмоциональные переживания, которые сопровождали манипулятивную активность ребенка по отношению к данной игрушке» [Лобок, 1997, с. 444]. Формирование эмоционально-знаковой памяти и связанного с ней восприятия мира как эмоционально персонализированного является, по мысли автора, фундаментальной основой человеческого отношения к миру (говоря иным языком, пристрастности человеческого сознания), основой, на которой в дальнейшем базируется активность ребенка по освоению шифров взрослой культуры, начало собственно культурно-предметной деятельности.

Эмоционально-знаковая память, как определяет ее А. М. Лобок, «это память о прошлых переживаниях, случайно зацепившаяся за какие-то предметы окружающей человека среды — предметы, которые отныне выполняют роль носителей этой эмоциональной памяти. Это иррациональная по своей сути память: она актуализируется не на уровне сознательных воспоминаний, а на уровне смутного чувства, на уровне смутного образа пережитого» [Лобок, 1997, с. 444–445]. Следствием этого является то, что действительность предметного мира начинает делиться для ребенка «на две принципиально неравновесные части: о-СВОЕ-нную (т. е. ставшую своей, личной, близкой, родной) и неосвоенную» [Лобок, 1997, с. 444].

Этот ранний детский опыт и становится некоторой эмоционально-образной основой, на которой и из которой развивается сложная и дифференцированная картина мира взрослого человека.

Таким образом, жизненное пространство личности — это результат определенного структурирования мира, выделения в нем некоторой особо значимой и тесно связанной с собственными интересами и стремлениями области, воспринимаемой и переживаемой субъектом как «свой» мир. Поэтому оно может быть рассмотрено как важная составляющая образа мира личности. А точнее, как один из способов структурирования реальности своего жизненного мира, отражающий базовые характеристики бытия человека в мире. Анализ работ отечественных психологов, посвященных разработке концепта «образ мира» (Е. Ю. Артемьева, А. Н. Леонтьев, В. Ф. Петренко, В. В. Петухов, С. Д. Смирнов), позволил уточнить место жизненного пространства в целостной структуре образа мира личности. Жизненное пространство личности репрезентировано в ее образе мира в первую очередь смысловым конструктом «свое — чужое», основой которого становятся первичные формы обобщения субъектом своих отношений с миром [Кондратова, 2010]. Этот конструкт отражает наиболее существенные в культурном и индивидуальном отношении своеобразные характеристики его сопричастности своему жизненному миру и представляет собой фундаментальную опору его существования в мире. Жизненное пространство личности локализуется на полюсе «свой», и для его выделения особенно важны шкалы, представляющие собой устойчивые оценки значимости объектов жизненного мира.

На ядерном уровне образа мира конструкт «свое — чужое» существует в форме целостного эмоционально-оценочного комплекса, функционирующего преимущественно на неосознаваемом уровне, и представляет собой устойчивую оценочную шкалу, выполняющую функцию дифференциации и объединения объектов и явлений по данному параметру. Полюс «свое» представляет собой преимущественно положительный эмоционально-оценочный комплекс, тогда как полюс «чужое» имеет значительные индивидуальные вариации и не несет в себе однозначно отрицательного эмоционально-оценочного заряда.

На поверхностном уровне образа мира жизненное пространство личности существует в форме *знания* об объектах и явле-

ниях жизненного мира, с которыми субъект связан жизненными отношениями, представленными преимущественно смысловым комплексом «свой», «свое», а также устойчиво оцениваемые субъектом как особенно значимые (любимые, интересные и т. п.).

Следует отметить, что исследования в области психологии среды также свидетельствуют о том, что важнейшей координатой, структурирующей пространство предметной среды, окружающей человека и составляющей его жизненное пространство, является координата (смысловой конструкт) «свое — чужое» [Раудсепп, 1986; Хейдметс, 1989; Korpela, 1989; Korosec-Serfaty, 1985; Hernandez et al., 2007]. К полюсу «свое» прилегает то предметное пространство, которое человек стремится контролировать, оно выполняет функцию посредника в его отношениях с окружающим миром, выступая средством регуляции отношений между ними и представления себя другим. С тем пространством, которое ближе всего расположено к полюсу «свое», человек отождествляется, и оно становится искусственным физическим расширением его личности. Этим пространством в первую очередь является дом (квартира) или какие-то его части (комната, свой уголок), а также наиболее значимые, персонифицированные вещи.

Наличие своего пространства именно как территории, отделяющей его хозяина от всего остального мира, является, по-видимому, важнейшим условием психологического благополучия личности и одним из важнейших условий, способствующих становлению личности в период ее взросления, обретению ею самостоятельности, независимости, иначе говоря, субъектности в отношениях с миром: «Как только у меня оказалась собственная комната, я сам перестал себя узнавать. Из ребенка, каким я был еще накануне, я превратился в молодого человека. У меня внезапно сложились свои понятия, свои вкусы. У меня появилось собственное существование, собственный образ жизни… Как только у меня появилась своя комната, у меня появилась и внутренняя жизнь. Я получил возможность думать, размышлять… Она отделяла меня от вселенной, и в ней я обретал вселенную» [Франс, 1959, с. 399–400].

Структурная организация жизненного пространства личности (теоретическая модель)

Жизненное пространство личности включает в себя определенные территории, искусственные и природные объекты материального мира, людей и их сообщества, связанные с ними информационные пространства, мир идей, культурных и религиозных ценностей — все то, что представляется важным и ценным человеку на том жизненном этапе, который он в настоящий момент переживает.

При всей его сложности и многосоставности, оно являет собой определенную целостность, единство, поскольку выражает смысловое единство личности, воплощает и поддерживает ее направленность и автономность в окружающем социальном мире. В этом плане личность и ее жизненное пространство могут быть уподоблены семиосфере, или семиотическому пространству — понятию, введенному в семиотику Ю. М. Лотманом для понимания и объяснения закономерностей функционирования культуры [Лотман, 1992]. Принцип организации жизненного пространства личности и характер динамических процессов в нем сопоставимы с принципом организации и динамическими процессами, происходящими в семиосфере[2]. Жизненное пространство личности структурно неоднородно: в нем выделяются центр (ядро), периферия и граница. Центр образован объектами, которые представляют собой наибольшую ценность для субъекта, они переживаются не просто как «свои», но как часть себя. Это сфера его максимальной эго-вовлеченности (Г. Олпорт). По направлению от центра к периферии жизненного пространства эго-вовлеченность личности снижается. На периферии жизненного пространства оказываются объекты и явления, степень субъективной значимости которых более низка.

Важно отметить, что основными структурными единицами жизненного пространства личности выступают не просто отдельные предметы и явления, а некоторые их комплексы, сложные целостные образования — места. *Место* — это определенный локус физического, природного, культурного пространства, где разворачивается значимая для субъекта жизнедеятельность. Являясь мате-

2 Идея использования этого понятия была предложена Д. А. Леонтьевым.

риальным образованием, место означивает, кодирует, можно даже сказать, «конденсирует» связанный с ним опыт субъекта [Осорина, 1999; Barker, 1968; Canter, 1984; Hull, Lam, Vigo, 1994]. То есть каждое место жизненного пространства обладает для субъекта определенным психологическим содержанием, зафиксированным в форме устойчивого к нему отношения и проявляющимся в целом комплексе переживаний, образов, мыслей, желаний и т. п.

Важная составляющая жизненного пространства личности — его *граница*. Существуя в виде как реальных физических преград, так и социальных норм, она способствует осуществлению функции контроля над «своим» пространством и выступает средством регуляции открытости и социальной доступности субъекта для других. Например, исследование опыта взаимоотношений человека с жилищем (домом) раскрывает его как место, важнейшими характеристиками которого являются: противопоставление внутреннего внешнему (дом как внутреннее и это внутреннее создается «установлением порядка» посредством человеческих взаимоотношений); 2) противопоставление видимого и скрытого как пространств, через которые субъект открывает себя для других или скрывает (дом как лицо и как маска); скрытые вещи и места помогают устанавливать границы собственной личности и достигать уверенности в способности к самоконтролю. Опыт использования жилого пространства — это опыт установления и взаимодействия с его внешними и внутренними границами, связанный с установлением границ внутри собственной личности [Korosec-Serfaty, 1985].

Граница, таким образом, выступает еще и местом соприкосновения и взаимодействия разных жизненных пространств, местом встречи «своего» и «чужого», обособления «своего», его отделения от «чужого». При этом, по-видимому, следует говорить не об одной устойчивой границе, а о ряде (возможно, множестве) в той или иной степени подвижных границ. Мы можем предположить, используя, например, представление о персональном пространстве и четырех типах социальных дистанций (Э. Холл), что интимная зона — это не только дистанция при непосредственном социальном взаимодействии. Эта зона включает в себя и определенные территории внутри жилого пространства и те личные вещи, которыми человек может быть не расположен

делиться даже с близкими людьми (собственная кровать, а для кого-то и собственная комната, зубная щетка или расческа, любимая чашка, предметы одежды, женские украшения, письменный стол и пр.). Можно предположить, что границы интимной зоны на «предметном» уровне весьма устойчивы и оберегаемы. Эта зона находится внутри другой — личной. Последнюю можно сопоставить с собственной комнатой, квартирой, собственным рабочим местом в организации или служебным кабинетом. Обычно такое пространство субъект делит с теми людьми, с которыми его объединяет какая-то общая жизнедеятельность. Границы этой зоны, по-видимому, тоже достаточно устойчивы, охраняя субъекта от вторжения чужого и чуждого. Можно, очевидно, найти предметно-территориальные аналогии социальной и публичной зонам (например, город или район города, в первом случае, страна или даже весь мир — во втором), границы которых и степень их присутствия в жизненном пространстве различных субъектов варьируются, по-видимому, значительно более сильно, чем в случае интимной и личной зон.

По-видимому, такие, условно говоря, интимные, личные, социальные и публичные зоны можно выделить не только в предметно-территориальной области, но и во всем целом жизненного пространства личности. В этом, в частности, тоже будет проявляться его структурная неоднородность.

Структурная неоднородность жизненного пространства личности образует резервы динамических процессов в нем, из которых наиболее важными можно считать процессы идентификации — обособления, рассматриваемые многими авторами как базовые механизмы развития личности в онто- и социогенезе (В. В. Абраменкова, В. С. Мухина, Б. Ф. Поршнев, В. И. Слободчиков).

Динамические процессы, происходящие в жизненном пространстве личности, могут быть представлены как континуум процессов и состояний, крайними проявлениями которых являются, с одной стороны, процессы отождествления, создающие ядро жизненного пространства, и процессы обособления, формирующие его границы. Очевидно, что скорость и интенсивность этих динамических процессов меняется на протяжении жизненного пути человека: существуют временны́е отрезки, когда эти процессы интенсифицируются, например в периоды возрастных и жизненных

кризисов, или, напротив, замедляются при относительной стабилизации жизнедеятельности личности. Особенности динамических процессов в жизненном пространстве отражают и выражают особенности становления, «движения» личности: развитие и смену интересов, ценностных ориентаций, наиболее значимых человеческих отношений, сферы деятельности. В силу этого разные «участки» жизненного пространства развиваются с различной скоростью, что также определяет структурную неравномерность его внутренней организации.

Эмпирическое исследование субъективной репрезентации жизненного пространства личности

Жизненное пространство личности — это субъективный (феноменологический и деятельностный) аспект той сферы мира человека, которая для него наиболее значима, то есть тесно связана с его ценностями, интересами, симпатиями, и по отношению к которой он преимущественно выступает как субъект самостоятельной активности, а не объект чьих-то влияний. Поскольку одновременно представить оба этих аспекта в одном исследовании не представляется возможным, так как они предполагают разные исследовательские позиции, то в проведенном нами исследовании [Кондратова, 2009] жизненное пространство личности рассматривалось только с феноменологической стороны. В данном случае исследователь занимал позицию «изнутри», пытаясь постичь интересующую его реальность со стороны субъекта (а не «извне»). Таким образом, нами изучалась субъективная репрезентация жизненного пространства личности, то есть его представленность в образе мира самого субъекта.

Участниками исследования были молодые люди подросткового (12–14 лет) и юношеского (18–20 лет) возраста (учащиеся 8-х и 9-х классов и студенты 1-го и 2-го курсов средней и высшей школы Великого Новгорода). Мы включили в выборку респондентов этого возраста в первую очередь по причине того, что оба эти возрастных периода характеризуются интенсивным становлением субъектности именно в отношениях с окружающим миром. Мы побудили наших респондентов к работе по рефлексированию их жизненного пространства. Нами был разработан методиче-

ский прием, основанный на принципах качественно-феноменологического подхода. Применение качественно-феноменологических методов предполагает осознание респондентом тех или иных аспектов своего жизненного мира, опирается на это осознание и стимулирует его развитие и углубление. После вводной беседы мы просили молодых людей описать собственное жизненное пространство (на том этапе исследования мы называли его термином «малая среда») и, чтобы помочь им сделать это более полно, предлагали ориентироваться на ряд вопросов, а именно: 1) что в него входит? 2) почему? 3) каковы отношения с ним? 4) хотелось бы его изменить? 5) что бы изменили в нем? каким бы хотели его видеть? Затем полученные тексты были подвергнуты анализу. Применялись следующие процедуры: категоризация значений (контент-анализ); измерение (шкалирование высказывания по степени выраженности интересующих нас явлений или отношений к ним); выделение звучащих в текстах тем; конденсация смыслов; сравнение как отдельных высказываний, так и целых текстов между собой; группирование текстов по некоторым общим признакам. Важнейшей задачей при анализе и интерпретации текстов было осуществление синтеза первоначально выделенных элементов (единиц текста) и категорий и перейти к собственно смысловым единицам жизненного пространства (основным его составляющим) и взаимосвязям между ними, то есть к выделению общей структуры субъективного образа жизненного пространства личности.

По результатам эмпирического исследования субъективной репрезентации жизненного пространства личности основными его составляющими выступили: значимые места; значимые другие (люди, иногда животные); значимая деятельность и значимые идеальные объекты.

Отношения между субъектом и объектами его жизненного пространства раскрываются через смысловые конструкты «близкое — далекое», «свое — чужое» («мое — не мое»), «знакомое — незнакомое», «приятное — неприятное» («любимое — нелюбимое»). Смысловая область «свое», «близкое», «знакомое», «любимое» образует наиболее стабильную и инвариантную часть жизненного пространства (его ядро) и представляет собой сферу, которую субъект включает в свое Я. Периферия, более динамичная часть жизненного

пространства, имеет значительные индивидуальные вариации. «Далекое», «чужое», «незнакомое», «нелюбимое» может в большей или меньшей степени включаться в его пределы.

Центральным местом жизненного пространства личности выступает его субъект. Нами обнаружен факт включения многими участниками исследования в свое жизненное пространство самих себя, свидетельствующий о том, что субъективно, «изнутри» человек не проводит четкой и однозначной границы между собой и миром, который он называет своим. Все остальное располагается ближе или дальше (в психологическом смысле) по отношению к этому центру. Примеры данного рода описаний: «мой внутренний мир: мои мысли, наблюдения и их анализ», «мысли и книги», «музыка и чувства», «общение с собой (мысли вслух, мысли про себя)», «мои мысли и чувства, те желания, ощущения, необходимости, которыми я живу. Те впечатления, которые “впечатываются” (навсегда удерживаются в памяти как воспоминания) в меня».

Из иных мест наиболее близко располагается к Я и наиболее значительно представлено в описаниях жилое пространство («дом») — наиболее дифференцированное место, включающее в себя наибольшее количество других мест (моя комната, мой письменный стол и т. д.).

Психологически противоположным месту «дом» оказалось место «город». В анализируемых текстах в большинстве случаев оно предстает как чуждое личности, в его описаниях отсутствует эпитет «мой», оно характеризуется малой дифференцированностью. Эти два места в жизненном пространстве личности участников нашего исследования — «дом» и «город» — выступили как два противоположных полюса. Дом относится к центральным областям жизненного пространства, город — к его границам. Промежуточное положение между центром и границей, в одних случаях ближе к центру, в других к периферии, занимает место учебы.

Многие места жизненного пространства — это места, где происходит взаимодействие с другими людьми. Люди — важнейшая составляющая жизненного пространства личности. В описаниях участников нашего исследования они занимают доминирующее место. Не только деятельность, но и отношения со значимыми другими придают соответствующий смысл тем или иным местам.

В зависимости от степени значимости отношения с другими людьми могут ограничиваться рамками определенного места («одноклассники», «одногруппники») или выходить за его пределы, приобретая самостоятельное значение. И тогда значимый другой сам может становиться как бы местом особой жизнедеятельности субъекта, средоточием его интересов, переживаний, активности («близкий человек и связанные с ним чувства, переживания», «любимый человек, поступки, действия, мысли, связанные с ним»). Значимыми другими могут становиться и другие живые существа (животные и растения). Пример: «Собака — это то, что всецело мне принадлежит и телом и душой… Это почти ребенок, я ее воспитала, я ее балую, я за нее пойду почти на все… Это почти неразделимо со мной. Она — часть меня».

Значимым другим может стать и существо, которое в реальной действительности отсутствует: «и еще я часто разговариваю со своим любимым котом, увы, но его тоже уже нет на этом мире». Такую же самостоятельность может приобретать и любимая деятельность («Спорт. Для меня это все, без всего, что имею, прожила бы, без спорта — нет»).

Значимые идеальные объекты — еще одна составляющая жизненного пространства личности. Основной материал, побудивший нас к ее выделению на этапе первичного феноменологического анализа текстов, составили очень разнообразные элементы[3], с трудом объединяемые в какие-либо группы («свобода», «идеи», «самостоятельность», «неудобства (бытовые)», «праздники», «скоро весна» и т. п.). Для их обозначения мы, воспользовались термином «идеальные объекты», предложенным Л. Я. Дорфманом, который обозначает им объекты, имеющие идеально-духовную природу [Дорфман, 1993]. Надо отметить, что эта составляющая жизненного пространства проявлялась не у всех респондентов. Можно предположить, что степень ее присутствия в текстах-описаниях зависела от интеллектуальных и рефлексивных возможностей субъекта. Вот еще несколько примеров подобного рода элементов: «вера, красота»; «абстрактные понятия: надежда, вера, оптимизм, любовь, доброта, самоконтроль»; «любовь, надежда, до-

---

[3] Здесь имеются в виду фрагменты текста, описывающие элементы жизненного пространства личности, то есть что субъект в него включает.

брота, честность и верность»; «свобода»; «зеркало (не конкретное, а просто образ зеркала, всегда и везде)»; «идея моей ориентации на целостность семьи (под семьей подразумевается: мать, тетя, дядя, бабушка)»; «идея о том, что человек имеет право на личную жизнь».

Анализируя данный материал, мы пришли к заключению, что за наименованиями элементов этой группы стоят устойчивые, разной степени обобщенности отношения к наиболее важным объектам и явлениям своего жизненного мира, а также личностные ценности. Эти элементы представляют собой формы разного уровня индивидуальных обобщений, «образов отношения» [Артемьева, 1999], обобщений на основе сходных эмоциональных переживаний и впечатлений. «Отрываясь» от конкретных единичных объектов, они становятся новыми уникальными объектами идеальной природы.

Прослеживается сходство этой составляющей жизненного пространства личности с таким измерением жизненного мира, которое в экзистенциальной психологии обозначается как духовное (*Uberwelt*) и «связано с нашими отношениями к верованиям, идеям, ценностям и принципам, согласно которым мы живем. Это измерение нашего целостного видения жизни и идеологической позиции, которое определяет, как мы действуем в других измерениях и как мы осмысливаем мир» [Дорцен, 2007, с. 98].

В целом полученная в эмпирическом исследовании структура субъективного образа жизненного пространства личности соответствует его теоретической модели, расширяя и конкретизируя ее применительно к исследованным выборкам. В частности, обнаружены значимые различия в субъективной репрезентации жизненного пространства личности школьников и студентов: у первых шире представлены сферы занятий (деятельности) и природного мира, у вторых — сферы жилого пространства, городской среды, внутреннего мира и характеристик собственной личности.

Обнаружена также отчетливая тенденция роста чувства субъектности (чувство «авторства» и контроля) по отношению к своему жизненному пространству в подростковом возрасте (от 8-го к 9-му классу). Девятиклассники в своих интерпретационных суждениях достоверно чаще приписывают активность во взаимоотношениях с жизненным пространством собственной личности,

чем восьмиклассники. Более выраженной субъектной позиции сопутствует более высокий уровень удовлетворенности отношениями с жизненным пространством и менее выраженное желание его изменить. Напротив, менее выраженная субъектная позиция связана с более выраженной неудовлетворенностью отношениями с жизненным пространством и более выраженным желанием его изменить.

Пространство личной свободы и проблема безопасности

В завершение хотелось бы проследить связь обсуждаемой в данной статье темы с одной из наиболее актуальных проблем нашего времени (впрочем, как и любого другого) — проблемой безопасности. К. Левин назвал областью свободы то пространство жизненного мира ребенка, где он может действовать побуждаемый собственной мотивацией, собственными интересами. Можно предположить, что подобного пространства — пространства личной свободы — в жизненном мире не только ребенка, но и взрослого, с тех пор стало значительно больше. Это связано, на мой взгляд, с тенденцией, которая характеризует современное индустриальное общество и отмечается социологами разных стран — тенденцией к индивидуализации социальной жизни. Не случайно одним из наиболее авторитетных современных психологических подходов к изучению человеческой мотивации, личности и психологического благополучия является теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. Согласно этой теории, потребность в самодетерминации (автономии), проявляющаяся в стремлении человека «самостоятельно контролировать собственные действия и поведение, а также быть их независимым инициатором» [Гордеева, 2006 с. 210], является базовой психологической потребностью. Другая базовая характеристика современного общества — интенсификация производства рисков (У. Бек). Вероятно, обе тенденции взаимосвязаны.

Следствием возрастающей индивидуализации и свободы социальной жизни, порождающей постоянные и не контролируемые личностью перемены, является рост у современного человека ощущения неопределенности и незащищенности, отсутствия опоры перед лицом этих перемен [Бауман, 2005]. Эту ситуацию не

поддающихся контролю изменений и неопределенности в обществе еще более обостряет динамично развивающаяся информационная среда, широкомасштабное внедрение в повседневную жизнь людей современных информационно-коммуникационных технологий, особенно Интернета. На мой взгляд, обозначенные выше черты, присущие современному обществу, вносят существенный вклад в то, что проблема безопасности и, в частности, проблема психологической безопасности, приобретает в нем чуть ли не центральное место [Кондратова, 2018].

Чем же здесь может помочь наше жизненное пространство? Существенным является то, что самодетерминация — это не только потребность, но и способность — «способность выбирать и делать выборы, чувствовать себя, а не подкрепления, стимулы или какие-то иные силы и принуждения/давления источником собственных действий» [Deci, Ryan, 1985; цит. по: Гордеева, 2006, с. 210]. То есть самодетерминация проявляется в желании, готовности и способности действовать от себя, «быть из своей самости» [Хайдеггер, 2011, с. 268]. И важнейшее умение, которое здесь требуется и которое необходимо развивать — умение прислушиваться к себе, к собственной субъективности, необходимо развитие «слушающего Я» [Бьюдженталь, 1998, с. 23], обретение доверия к нему.

В связи с постоянным пребыванием в интенсивно насыщенной информационной среде «человек утрачивает или не развивает способности уединяться, быть с самим собой, прислушиваться к собственным потребностям и желаниям, своему телесному самочувствию, своему настроению и чувствам, а тем более понимать их и размышлять в связи с ними о том, что происходит в его жизни. Он ищет ответы на свои вопросы в Интернете, у телевизора, “в людях” (М. Хайдеггер)» [Кондратова, 2018]. В современном информационном обществе развитие умения слушать и слышать себя требует особого внимания и заботы.

Но для того чтобы слушать и слышать себя, необходимы определенные условия, необходимо соответствующее место. Важно иметь (находить, создавать) в своем жизненном пространстве место, где возможно было бы прислушаться к себе, к своему бытию, по-настоящему побыть с собой и собой. Возможно тогда наши ценности, выборы и поступки станут более осознанными, а неоправданных рисков будет меньше.

События весны 2020 г., когда писалась эта статья и когда мир замер, наблюдая, как разворачивается пандемия непонятного вирусного заболевания, с особой остротой показали нам важность нашего собственного жизненного пространства и в первую очередь жилого — дома, где большинство людей оказались в вынужденной изоляции, пережидая и переживая эту пугающую неопределенность. В этой ситуации есть свои немалые опасности, но и свои возможности. Одна из серьезных опасностей в условиях замкнутого пространства и неблагоприятных семейных отношений — рост отрицательных эмоций, особенно раздражения, вплоть до агрессии и даже насилия. Возможность же в том — чтобы быть здесь-и-сейчас: быть со своими близкими, самим собой, возможность думать, осмыслять происходящее, собирать силы, собирать себя.

Литература

Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука; Смысл, 1999.

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.

Бьюдженталь Д. Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии. М.: Класс, 1998.

Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл; Академия, 2006.

Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991.

Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. М.: Смысл, 1993.

Дорцен Э. ван. Практическое экзистенциальное консультирование и психотерапия. Ростов-на-Дону: Ассоциация экзистенциального консультирования, 2007.

Кондратова Н.А. Теоретические предпосылки и содержание понятия «жизненное пространство личности» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2009. № 2. С. 18– 30.

Кондратова Н.А. Смысловой конструкт «свое — чужое» в контексте понятия «жизненное пространство личности» // Психология субъективной семантики: Истоки и развитие. М.: Смысл, 2011. С. 119–132.

Кондратова Н.А. Личность как субъект безопасности в обществе риска // Психологическая безопасность личности в изменяющемся социуме: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (18 октября 2018 г.): [текстовое электронное издание]. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2018.

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000.

Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001.

Леонтьев Д. А. Неклассический вектор в современной психологии: [электронный ресурс] // Постнеклассическая психология. 2005. № 1. URL: http://narrativepsy.narod.ru/num1-2005_51.html (дата обращения: 29.03.2020).

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.

Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997.

Лотман Ю. М. О семиосфере: Избр. статьи: в 3-х т. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 11–24.

Олпорт Г. Структура и развитие личности // Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002. С. 217–461.

Олпорт Г. Гений Курта Левина // Развитие личности. 2012. № 2. С. 240–249.

Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 1999.

Раудсепп М. Социально-психологическая эффективность жилища (Обзор теорий и исследований) // Человек, общение и жилая среда. Таллин: Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде, 1986. С. 115–153.

Франс А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1959. Т. 7: Маленький Пьер. С. 223–400.

Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2011.

Хейдметс М. Психология среды: становление и поиск // Тенденции развития психологической науки. М.: Наука, 1989. С. 242–254.

Barker R. Ecological psychology: Concepts and methods for studying the environment of human behavior. Stanford (Cal.): Stanford University press, 1968.

Canter D. Action and place: The existential dialectic // Perspectives on environment and action keynotes given at IAPS 8. Berlin (West), 1984. P. 16–26.

Hernandez B., Hidalgo M. C., Salazar-Laplace M. E., Hess S. Place attachment and place identity in natives and non-natives // Journal of Environmental Psychology. 2007. Vol. 27, iss. 4. P. 310–319.

Hull R. B., Lam M., Vigo G. Place identity: symbols of self in the urban fabric // Landscape and Urban Planning. 1994. Vol. 28, iss. 2–3. P. 109–120.

Korpela K. M. Place-identity as a product of environmental self-regulation // Journal of Environmental Psychology. 1989. Vol. 9, iss. 3. P. 241–256.

Korosec-Serfaty P. Experience and Use of the Dwelling // Home Environments: Human Behavior and Environment Advances in Theory and Research. Vol. 8 / Ed. by I. Altman and C. M. Werner. New York; London: Plenum Press, 1985. P. 65–86.

References

Allport G. Structure and development of personality. In: Allport G. *Stanovleniie lichnosti*: *Izbrannye trudy*. Moscow, Smysl Publ., 2002, pp. 217–461.

Allport G. The Genius of Kurt Lewin. *Razvitiie lichnosti*, 2012, no. 2, pp. 240–249. (In Russian)

Artemieva E. U. *Fundamentals of psychology of subjective semantics*. Moscow, Nauka Publ.; Smysl Publ., 1999. (In Russian)

Barker R. *Ecological psychology: Concepts and methods for studying the environment of human behavior*. Stanford (Cal.), Stanford University Press, 1968.

Bauman Z. *Individualized society*. Moscow, Logos Publ., 2005. (In Russian)

Bugental D. *Science to be alive: Dialogues between therapist and patients in humanistic therapy*. Moscow, Class Publ., 1998. (In Russian)

Canter D. Action and place: The existential dialectic. *Perspectives on environment and action keynotes given at IAPS 8*. Berlin (West), 1984, pp. 16–26.

Dorfman L. Y. *Metaindividual world: methodological and theoretical problems*. Moscow, Smysl Publ., 1993. (In Russian)

Dorzan E. van. *Practical existential counselling and psychotherapy*. Rostov-na-Donu, Association of existential counseling Publ., 2007. (In Russian)

Frans A. *Collected works*: in 8 vols. Moscow, Fiction Publ., 1959. Vol. 7. Malen'kii P'er, pp. 223–400. (In Russian)

Gordeeva T. O. *Psychology of achievement motivation*. Moscow, Smysl Publ.; Academy Publ., 2006. (In Russian)

Heidegger M. *Being and time*. Moscow, Academic project Publ., 2011. (In Russian)

Heidmets M. Psychology of the environment: formation and search. *Tendentsii razvitiia psikhologicheskoi nauki*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 242–254. (In Russian)

Hernandez B., Hidalgo M. C., Salazar-Laplace M. E., Hess S. Place attachment and place identity in natives and non-natives. *Journal of Environmental Psychology*, 2007, vol. 27, iss. 4, pp. 310–319.

Hull R. B., Lam M., Vigo G. Place identity: symbols of self in the urban fabric. *Landscape and Urban Planning*, 1994, vol. 28, iss. 2–3, pp. 109–120.

James W. *Psychology*. Moscow, Pedagogy Publ., 1991. (In Russian)

Kondratova N. A. Theoretical prerequisites and content of the concept "life space of the individual". *Vestnik of Moscow State University. Ser. 14. Psychology*, 2009, no. 2, pp. 18–30. (In Russian)

Kondratova N. A. Semantic construct "one's own — another's" in the context of the concept "life space of the individual". *Psikhologiia sub"ektivnoi semantiki: Istoki i razvitiie*. Moscow, Smysl Publ., 2011, pp. 119–132. (In Russian)

Kondratova N. A. Personality as a subject of security in the risk society. *Psikhologicheskaia bezopasnost' lichnosti v izmeniaiushchemsia sotsiume. Materialy*

Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (*18 oktiabria 2018 g.*): [text electronic edition]. Novgorod, NovGU im. Yaroslav Mudryi Press, 2018. (In Russian)

Korpela K. M. Place-identity as a product of environmental self-regulation. *Journal of Environmental Psychology*, 1989, vol. 9, iss. 3, pp. 241–256.

Korosec-Serfaty P. Experience and Use of the Dwelling. *Home Environments: Human Behavior and Environment Advances in Theory and Research*, vol. 8. Eds I. Altman, C. M. Werner. New York; London, Plenum Press, 1985, pp. 65–86.

Leontiev D. A. Non-classical vector in modern psychology: [electronic resource]. *Postneklassicheskaia psikhologiia*, 2005, no. 1. Available at: http://narrativepsy.narod.ru/num1-2005_51.html (accessed: 29.03.2020). (In Russian)

Leontiev D. A. *Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality*. Moscow, Smysl Publ., 1999. (In Russian)

Lewin K. *Field theory in social sciences*. St. Petersburg, Sensor Publ., 2000. (In Russian)

Lewin K. *Dynamic psychology*: Selected works. Moscow, Smysl Publ., 2001. (In Russian)

Lobok A. M. *Anthropology of myth*. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii Publ., 1997. (In Russian)

Lotman Yu. M. *About semiosphera*: articles: 3 vols. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury. Tallinn, Alexandra Publ., 1992, vol. 1, pp. 11–24.

Osorina M. V. *Secret world of children in the space of the adult world*. St. Petersburg, Piter Publ., 1999. (In Russian)

Raudsepp M. Socio-psychological effectiveness of housing (Review of theories and research). *Chelovek, obshchenie i zhilaia sreda*. Tallinn, Tallinskii pedagogicheskii institut im. E. Vilde Press, 1986, pp. 115–153. (In Russian)

С. Н. Костромина

Жизненные модели современной российской молодежи*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 7–9

Жизненный сценарий как авторский проект жизни человека представляет интерес и с точки зрения понимания происходящих структурных общественных трансформаций (значения семьи, культуры, виртуальной среды), и исходя из прогноза жизненной активности поколения, вступающего во взрослую жизнь. В статье на основе изучения жизненных моделей молодежи излагаются результаты эмпирического исследования представлений молодых людей о профессиональном самоопределении (работе, учебе, построении траектории профессиональной деятельности), о близких отношениях (стремлении к близости с другими людьми, характере родственных отношений, ориентации на создание собственной семьи) и о развитии себя (ориентации на самоосуществление). В исследовании приняло участие 188 человек (средний возраст — 21,28; SD = 2,138), проживающих в разных городах и населенных пунктах России. Методом исследования выступил опрос групп респондентов с использованием опросника «Жизненные модели». На основе кластерного анализа выделены 6 групп молодых людей, различающихся по степени значимости сферы жизнедеятельности (профессия, семья, Я), их противоречивости/согласованности, активности/пассивности. Выделены два типа жизненных сценариев. Один характеризуется низким уровнем самостоятельности и автономии субъекта, ориентацией на воспроизведение в своем жизненном сценарии нормативных образцов как родительской семьи, так и присущих культуре сообщества. Другой отличает высокая степень самостоятельности и автономии. Установлено влияние фактора «степень близости с родительской семьей», способствующего воспроизведению жизненных моделей старшего поколения. Выявлены различия в жизненных моделях молодых людей, проживающих в разных городах России, а также между юношами и девушками. Структура нормативного жизненного сценария, ориентированного на традиционные ценности, стабильность, достижения в карьере и материальное благополучие характерны для девушек из небольших городов и юношей из мегаполиса (в частности Санкт-Петербурга). В отличие

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-013-00599, «Жизненные модели молодежи: межпоколенное и внутрипоколенное исследование».

от них юноши небольших городов более автономны и меньше ориентированы на построение карьеры, статус и достаток.

Ключевые слова: жизненный сценарий, жизненное пространство, жизненная модель, молодежь, профессия, отношения, родительская семья, межпоколенная трансмиссия.

Тема исследования жизненного пути личности традиционно находится в фокусе внимания исследователей. Это становится особенно очевидным, если рассмотреть пространство понятий, к которым обращаются в связи с данной проблематикой. Среди них активно используются конструкты, относящиеся к временнóй протяженности жизни человека (жизненный путь, жизненный сценарий, жизненная модель). Разрабатываются понятия, имеющие отношение к «горизонтальному» измерению жизни (жизненное пространство, жизненный контекст, жизненные ситуации). Употребляются дефиниции, относящиеся к поведению человека (жизненные стратегии, жизненный стиль). Широта понятийного ряда, определяемого для описания, понимания и объяснения того, как человек выстраивает свою жизнь, свидетельствует как о научной, так и о практической значимости вопроса авторства жизни, ее наполненности и реализованности.

В контексте структурных, культурологических и социальных сдвигов, отражающихся на жизни современного человека, на том, как он планирует свою жизнь, какие жизненные цели и задачи ставит, изучение жизненных сценариев человека приобретает особую важность. Фактически речь идет о прогнозировании будущего современным поколением молодежи, о проектировании жизненного пространства, в котором они хотели бы жить, о понимании обществом направленности жизни молодежи.

Возрастание значимости, с одной стороны, обусловлено появлением противоречий между реалиями современного мира, идеями о неопределенности условий жизни человека в будущем (какие профессии будут востребованы, размыванием полоролевой идентификации, трансляций идей свободной жизни без детей) и традиционными представлениями о жизненных целях и задачах человека, устоявшихся в общественном сознании.

С другой стороны, в жизнь вступает так называемое «цифровое» поколение, чье детство прошло, в отличие от детства их

родителей, в смешанной реальности, а пребывание в виртуальном мире стало частью повседневной жизни. Молодые люди значительную часть времени проводят в социальных сетях, «погруженные» в информационные потоки (фотографии, тексты, видео), которые транслируются разными людьми. Цифровые следы оставляют душевный отпечаток за счет эмоциональных откликов, сопереживаний, личностных смыслов публикаций, примеров поведения, образцов жизни. Это приводит к появлению отличного от родительского взгляда на мир, отношения, профессиональную деятельность; отражается на выстраивании собственной жизненной философии. Таким образом, если раньше передача жизненного опыта в большей степени определялась механизмами межпоколенной трансмиссии, влиянием культурных образцов, то сегодня мы не можем не отметить усиление роли жизненных взглядов сверстников в выстраивании жизненного сценария, а также незнакомых людей, которые в офлайн-мире никогда бы не стали частью жизненного пространства молодого человека, просто потому что прежде у него не было возможности коммуницировать с ними.

Наконец, еще один важный момент — усиление проактивности личности. Современные молодые люди воспринимают изменения и ускорение темпа жизни как нормальный процесс. Они более адаптивны к глобальным изменениям, гибки, открыты новому опыту и хотят идти на «шаг впереди». Они воспринимают современный мир как мир возможностей, где только от тебя зависит твоя успешность. Идея обязательств и необходимости гораздо в меньшей степени довлеет над ними, чем над человеком, который выстраивал свой жизненный путь несколько десятилетий назад.

Столкновение взглядов, транслируемых старшим поколением (родителями) и социальными сетями, открытостью и доступностью информации, определяет значительную вариативность выстраиваемой молодым человеком жизненной траектории. Нормативная часть жизненного сценария потенциально сужается, в то время как индивидуальная имеет тенденцию к расширению и разветвлению. С нашей точки зрения, эффективно исследовать вариативность жизненных сценариев молодежи через жизненные модели молодых людей, раскрывающих их жизненные цели в определенных сферах жизни.

Жизненная модель как операциональный конструкт изучения жизненного сценария личности

Идея использовать понятие «жизненная модель» как операциональный конструкт исследования жизненного сценария личности имеет свои основания.

Во-первых, само понятие модели как некоего образа или образца характеризуется стремлением к целостному воссозданию прототипа. Модель, являясь аналогом реального объекта или феномена, вбирает в себя основные структурные элементы и свойства оригинала, отражает ключевые связи его элементов и иерархию устройства. По мнению А. Бандуры, моделирование как процесс конструирования аналога наблюдаемого поведения служит источником освоения реальности [Бандура, 2000]. Кроме того, модель позволяет изучать свойства прототипа в разных условиях и прогнозировать их изменчивость в зависимости от внутренних и внешних параметров. Это объясняет, почему Э. Берн [Берн, 2000] и К. Штайнер [Штайнер, 2003] через описательные признаки модели конкретизировали виды жизненных сценариев. А Е. А. Алехина и О. Н. Капиренкова [Алехина, Капиренкова, 2017] посредством описания сюжетных моделей (моделей реагирования в идентичных жизненных ситуациях) попытались раскрыть психологическую феноменологию жизненных сценариев личности. МакАдамс предложил использовать жизненные истории в качестве моделей идентичности — психологических конструкций, интегрирующих воссозданное прошлое, воспринимаемое настоящее и предвосхищаемое будущее, с тем чтобы придать жизни видимость целостности, намерения и смысла [McAdams, 2009, p. 409], тем самым выявляя особенности конструирования жизни во временной развертке.

Во-вторых, модель по отношению к психологической феноменологии позволяет в полной мере опираться на такие психологические понятия, как образ или представление. В психологии личности довольно часто используются эти понятия. Например, «образ мира» или «образ жизни», «представление о себе», «представление о других» и т. д. В этом случае речь идет об актуализации прошлого опыта, опоре на него, включении субъективных характеристик в воспроизводимые элементы. К. Левин, говоря об образе мира, под-

черкивал, что он не создается путем синтеза отдельных элементов. Речь идет о целостной системе, конструируемой в данный момент времени. Он создается как «ага-переживание» (от нем. *Aha-Erlebnis*) [Зейгарник, 1981, с. 13]. Такая модель глубоко психологична. Она определяется потребностями и мотивами личности, где целое зависит от его частей, а часть зависит от целого. Каждое единичное событие должно быть осмыслено в контексте целостной ситуации данного момента. Таким образом, понятие «жизненная модель» в своем содержании проявляет динамическую природу личности, по своим характеристикам соответствуя идеям динамической теории личности К. Левина [Lewin, 1935].

В-третьих, в своих основных характеристиках жизненная модель раскрывается через совокупность квазифизических и квазисоциальных фактов жизненного пространства человека [Костромина и др., 2018], содержание которого и включаемые в него характеристики определяются его потребностями (что близко к пониманию жизненного пространства К. Левином). Жизненные модели относятся к важнейшим сферам жизни человека, но не сводятся к совокупности их событий. Главные, наделенной особой значимостью события в жизни человека, даже если они связаны с какой-то сферой (например, семейной или профессиональной), меняют его жизненную ситуацию и относятся ко всей его жизни, поэтому событийное описание жизни человека соответствует формату его жизненного сценария в целом. Их сопряженность с потребностями личности определяет совершение намеренных действий — возникновение динамического состояния (активности) для реализации задуманного [Зейгарник, 1981, с. 18]. Динамический аспект реализации задуманного подчеркивает силу или слабость напряженности события, его связи с другими событиями и ситуациями. Сильное напряжение будет определять стремление к удовлетворению (достижению цели). Таким образом, можно сделать вывод о степени реализации (воплощения) той или иной модели в жизнь, а также о соотношении значимости жизненных моделей в разных сферах жизнедеятельности человека.

Событийная основа жизненной модели описывается количеством и характером относящихся к ней событий, которые, однако, имеют ограниченное самостоятельное значение. Их полный анализ

и интерпретация могут быть осуществлены только в соотношении с событиями в жизненных моделях, относящихся к другим сферам жизнедеятельности, поскольку в реальном жизненном сценарии события разных сфер взаимосвязаны и находятся в отношениях взаимовлияния.

События в рамках жизненной модели выступают как реперные точки, но природа самой жизненной модели проявляется в *связях между различными событиями* и в *логике этих связей*. Логика жизненной модели определяется не столько объективными фактами, сколько «философией жизни», относящейся к данной сфере деятельности человека, его имплицитной концепцией как системой представлений о «должном» и «желаемом» в отношении данной сферы, ее ценностью и значимостью, готовностью человека к активной включенности в данную сферу и к направленным и настойчивым усилиям ради реализации своих целей и планов и т. д.

С целью верификации предложенного конструкта нами была предпринята попытка изучения жизненных моделей молодых людей в области профессионального самоопределения (работы, учебы, построения траектории профессиональной деятельности), в области близких отношений (стремление к близости с другими людьми, характер родственных отношений, ориентация на создание собственной семьи) и в сфере Я (стремление к самореализации и развитию себя, ориентация на самоосуществление). Каждая из этих сфер отвечает определенным потребностям человека, которые и используются как основа их описания.

Исследование жизненных моделей молодежи

Целью проведенного исследования стало описание и анализ соотношения жизненных моделей в профессиональной сфере, сфере отношений и сфере Я.

Выборка исследования включала 188 человек (средний возраст 21,28; SD = 2,138), проживающих в разных городах и населенных пунктах России (Санкт-Петербурге, Новосибирске, Казани, Ростове-на-Дону, Челябинске, Севастополе, Калуге, Кемерово, Йошкар-Оле, Зеленодольске, Гатчине, Магнитогорске, Волгограде, Омске, Норильске, Березовском). Участие было добровольным («выборка по возможности»).

В качестве метода исследования использовался опрос групп респондентов, проживающих в разных городах России с применением разработанного нами опросника «Жизненные модели».

Данные обрабатывались на основе процедур факторного, кластерного и дисперсионного анализа.

Основные результаты исследования

Типы жизненных моделей молодых людей. На основании 17-факторной модели [Костромина и др., 2020] была проведена кластеризация наблюдений, в результате которой выделились 6 кластеров (рис. 1). Значимые различия между кластерами по каждому из факторов свидетельствуют о неоднородности молодежной группы в выстраивании жизненного сценария и целесообразности описания жизненных моделей молодежи не по сферам жизненной активности, а по кластерам. Каждый кластер является проекцией взаимосвязей жизненных моделей из разных сфер жизнедеятельности, показывая степень их *значимости* для молодого человека, *противоречивости* и *активности* той или иной сферы по реализации ее жизненных задач.

Первый кластер (условно могут быть названы как «*Самостоятельные и целеустремленные*») представлен молодыми людьми (21,1 % от выборки), чьи родители в большей степени имеют среднее специальное образование, невысокий доход, основой отношений родителей выступает ведение совместного хозяйства. Многие из них уже сейчас учатся и работают одновременно, живут (или хотят жить) отдельно от родителей, в детстве меняли место жительства, а также школу в связи с переездом. Представители данного кластера характеризуют себя как реалистов, уверенных, целеустремленных и настойчивых в достижении цели (высокие значения по фактору 2 — «Жизненная активность и стремление к новому опыту»). Они ориентированы на личное благополучие, решение проблем, готовы преодолевать трудности, осваивать новое, предпочитают активно действовать, использовать любые возможности и гибко реагировать на ситуацию (высокие значения фактора 16 — «Автономность и самостоятельность»). Их жизненная модель в профессиональной сфере четко отличается от респондентов других кластеров (высокие значения по фак-

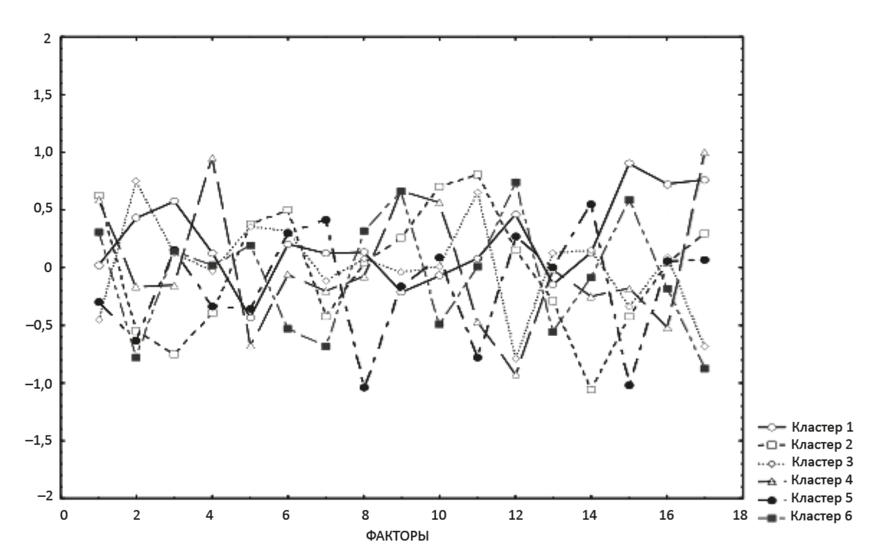

Рис. 1. Диаграмма распределения 6 кластеров респондентов, отражающих различия по 17 факторам

торам 12 и 15 — «Стремление к престижной работе, построению карьеры и материальному достатку»). То есть профессиональная активность направлена на повышение материального достатка и социального статуса. Жизненный успех для них — это в первую очередь престижная работа и статус. Жизненная цель — много зарабатывать. При этом их взгляды на жизнь отличаются нормативностью. Среди основных событий жизни они перечисляют ключевые нормативные события — свадьба, рождение детей, престижная работа, приобретение своего жилья, выход на пенсию, появление внуков. В выборе работы на данный момент определяющим является оплата, а в целом — статус. В выборе спутника жизни — любовь, а при построении семейных отношений — поддержка. Развитие сферы Я связывается с осознанием собственной компетентности. Процессы межпоколенной трансмиссии проявляются в том, что для их отца успех в жизни также был связан с материальным достатком, хотя работа и не была престижной. В то же время молодые люди этого кластера отмечают, что их взгляды на жизнь расходятся со взглядами их родителей.

Второй кластер — «Консерваторы, ориентированные на личное благополучие» — объединил респондентов (12,5% от выборки), родители которых имеют высшее образование и высокие доходы. У них есть братья и/или сестры. Родители принимали (интересовались успехами и неудачами, помогали в учебе, участвовали в проведении школьных мероприятий) и принимают (интересуются учебой, поддерживают материально) активное участие в жизни (высокие значения по фактору 10 — «Включенность родителей в жизнь молодых людей»). А учителя рассматриваются как помощники и наставники. Молодые люди, вошедшие в этот кластер, как и респонденты 4-го кластера, отличаются консервативными взглядами на жизнь. Они ориентированы на получение профессии, по которой можно было бы работать всю жизнь. Их представления о жизни подкреплены согласием с так называемыми «народными мудростями» (пословицами), выступающими типическими эквивалентами закрепившихся традиций. Таким образом, ориентация на традиционность — ключевая черта этого кластера (высокие значения по фактору 1 — «Приверженность традиционным установкам»). В связи с чем стабильность и определенность являются основными жизненными приоритетами. Работа и семья рассматриваются как главный источник стабильности. Более того, они рассчитывают на поддержку семьи. Близость с родителями отражается на желании также иметь семью и детей. Причем по аналогии с родительской семьей приветствуется традиционное распределение обязанностей: предназначение женщины — быть матерью и женой, а мужчины — зарабатывать. В сфере профессии имеет место ориентация на воспроизведении жизненной модели успешных членов семьи. Хотя есть желание пробовать себя и что-то менять. Карьера и материальный достаток имеют значение, но необязательны. Большая часть жизни связывается с личными увлечениями и личным благополучием. Молодые люди декларируют открытость новому, насыщенность жизни событиями, готовность к изменениям (высокие значения по фактору 11 — «Характеристика себя как открытого новому опыту»). В то же время намерения не подкрепляются уверенностью в своих силах. Они не готовы жертвовать своими удовольствиями, прикладывать усилия для достижения цели, не уверены, что справятся с жизненными трудностями. Не считают себя успешными и деятельными людьми.

Третий кластер — «Инноваторы» (20,2 % от выборки) прямо противоположен второму кластеру. Молодые люди наименьшим образом поддерживают традиционные жизненные образцы, зафиксированные в «народных мудростях» (доминирование фактора 1). Новизна и изменения — главные ориентиры в жизни. Они уверены в своих силах, готовы приложить максимум усилий, чтобы добиться своей цели. Активны, решительны и целеустремленны. Готовы брать ответственность за свои действия, преодолевать трудности, жертвовать удовольствиями и свободным временем. Не любят стабильность, предпочитая разнообразие и событийность. Хотят изменяться и экспериментировать. В профессиональной сфере жизненная модель не ориентирована на карьерный рост, статус, деньги и материальные ценности (машина, жилье, дорогие вещи). Их активность в значительной степени направлена не на воплощение нормативного сценария (стабильная работа и образование семьи), а на получение удовольствия от ощущения собственной компетентности, авторство жизни, поиск интересного дела и своего места в жизни (высокие значения по фактору 11). В связи с чем развитие сферы Я в жизненных моделях доминирует над построением карьеры и отношений. Молодые люди этого кластера отмечают, что они расходятся во взглядах со своими родителями. При этом часть из них близка с родителями, другая — достаточно автономна.

Четвертый кластер — «Консерваторы, ориентированные на отношения и поддержку семьи» — образован молодыми людьми (15,4 % от выборки), имеющими максимальное значение, как и респонденты 2-го кластера, по 1-му фактору, отражающему стремление к стабильности и определенности, высокий уровень традиционных установок и нормативности в выстраивании жизненного сценария. Семья и стабильная работа выступают опорой в планировании своей жизни. Чаще всего это единственные дети в семье, тоже ориентированные на создание семьи (высокие значения по 4-му фактору). Они рассчитывают на поддержку семьи и близки с родителями (в подавляющем большинстве с мамой, которая включена в их жизнь). Считают, что, когда сами станут родителями, обязательно будут участвовать в жизни ребенка, в том числе контролировать (высокие значения по 10-му фактору). Отношения внутри родительской семьи ими отмечаются

как благополучные и поддерживающие. Жизненный успех отца связывается с удовлетворенностью в любви. Близость с родителями (высокие значения по 9-му фактору) проявляется в желании выстраивать жизнь по аналогии с родительской семьей. Взгляды родителей на жизнь разделяются. Молодые люди прислушиваются к мнению родителей, делятся с ними и хотели бы, чтобы их жизнь сложилась так же, как жизнь их родителей. Как и их родители, они стремятся к обустройству своего жилья и комфорту. Уверены, что через 10 лет у них тоже обязательно будет счастливая семья. Как и в родительской семье, они будут вместе собираться «семейным кругом». В профессиональной сфере молодые люди ориентированы на работу в крупной организации и в меньшей степени хотели бы работать на себя. Для них важно получить хорошее образование и стать компетентными специалистами. Убеждены, что то, как складывается жизнь, зависит от активной позиции самого человека. Но в то же время, как и представители 3-го кластера, практически не ориентированы на материальные ценности и карьерный рост (низкие значения по 12-му фактору). Жизненная модель сферы Я характеризуется неуверенностью в собственных силах, предпочтением стабильности и спокойствия, поддержанием традиций, исключением новизны и неопределенности, большей ориентацией на построение отношений, чем собственное благополучие, саморазвитие, пробы и эксперименты.

Пятый кластер — «*Противоречивый*» — охватил респондентов (15,4 % от выборки), которые, с одной стороны, не поддерживают традиционные жизненные образцы (низкие значения по 1-му фактору, как и у 3-го кластера), а с другой — ориентированы на стабильность и определенность (низкие значения по 2-му фактору, как у респондентов 2-го и 6-го кластеров). Пассивность жизненной позиции проявляется в отсутствии стремления к новизне, желания преодолевать трудности и прилагать усилия, избегании активности и ситуаций, расширяющих жизненный опыт. Они не готовы вкладываться в жизнь, не считают, что жизненный успех зависит от изменений и активной жизненной позиции, не готовы жертвовать удовольствиями и тратить время на развитие себя (низкие значения по 8-му фактору). Интересное дело и развитие своей компетентности не рассматриваются как жизненные цели. Несмотря на пассивность жизненной позиции, молодые люди

этого кластера уверены, что в их жизни произойдут основные нормативные события: свадьба, рождение детей, престижная работа, выход на пенсию, появление внуков (высокие значения по 7-му фактору). Таким образом, в данном кластере сочетается пассивность, стремление к определенности и нормативный жизненный сценарий. А стремление к стабильности и спокойствию, отсутствие увлечений и желания пробовать, избегание разнообразия в жизни (низкие значения по 11-му фактору) с уверенностью, что все сложится само собой: обязательно будет семья и работа. Жизненный успех не связывается ими со статусом и достатком (низкие значения по 15-му фактору). Несмотря на отсутствие явно выраженной близости или автономности от родительской семьи, респонденты этого кластера частично воспроизводят родительские модели. В частности, они отмечают, что для их родителей, как и для них самих, не важно, чтобы дом демонстрировал статус и достаток. А домашние обязанности и принятие решений в семье будут распределяться в зависимости от ситуации (у кого будет время), как и у их родителей (высокие значения по 14-му фактору).

Шестой кластер — «Консерваторы, ориентированные на статус и престиж» — представлен респондентами (15,4 % от выборки), характеризующимися самыми низкими значениями по 2-му фактору. Они менее всех остальных ориентированы на изменения и проявления активной жизненной позиции. Демонстрируют неуверенность, нежелание преодолевать трудности и добиваться целей, осваивать новое и расширять жизненный опыт, жертвовать удовольствиями и прикладывать усилия. Одновременно они отвергают событийный ряд нормативного жизненного сценария (низкие значения по 7-му фактору) и связывают жизненный успех с возможностью заниматься любимым делом (высокие значения по 8-му фактору). Декларирование низкой активности и желания спокойной жизни сочетается с пониманием, что необходимо вкладываться в жизнь, что-то менять, чтобы добиться успеха, развивать компетентность и верить в себя. В профессиональной сфере молодые люди этого кластера ориентированы на статус и материальный достаток, карьерный рост и личное благополучие (высокие значения по 12-му фактору). Аналогичным образом, по их мнению, дом также должен демонстрировать достаток и статус хозяина. Таким образом, ориентация на статус

и престиж в построении жизни — ключевая характеристика данного кластера (высокие значения по 15-му фактору). Представители этого кластера отмечают высокую близость с родительской семьей (высокие значения по 9-му фактору). Они описывают ее как благополучную, полную, а отношения между родителями как поддерживающие. Родители уделяли время обустройству дома и совместному проведению досуга. Близость с родителями проявляется в разделении жизненных принципов родителей, во влиянии мнения родителей на решения (жизненный выбор) молодых людей, доверительных отношениях между детьми и родителями. Соответственно, молодые люди готовы воспроизвести семейную модель своих родителей и хотели бы, чтобы их семейная жизнь сложилась так же, как и у их родителей. При этом молодые люди отмечают высокую автономность и дистанцированность от родителей. Они говорят, что родители не участвовали и не участвуют сейчас в их жизни (низкие значения по 10-му фактору) — не интересуются учебой, не контролируют, не помогают материально.

Результаты кластерного анализа позволяют подтвердить следующие положения о жизненных моделях молодых людей.

Во-первых, содержательные характеристики кластеров свидетельствуют о разной степени выраженности основных жизненных моделей в жизненных сценариях молодых людей. Это свидетельствует о *справедливости описания жизненных моделей через значимость и активность по реализации задач жизненной сферы молодого человека.* В каждом из жизненных сценариев молодых людей (за исключением пятого) присутствует доминирование одной из трех жизненных моделей (либо ориентация на построение отношений, либо направленность на построение карьеры, материальные ценности, статус, либо фокусирование на развитии себя, своих увлечений и интересов).

Во-вторых, *уместно дополнить описание концепта жизненной модели параметром противоречивости/непротиворечивости жизненной модели.* Яркой иллюстрацией противоречивой жизненной модели (стремления и декларируемые намерения противоречат друг другу) являются данные 6-го кластера.

В-третьих, *подтверждается правомерность выделения в качестве значимого основания анализа жизненных моделей измерения степени самостоятельности и активности индивида в их выстра-*

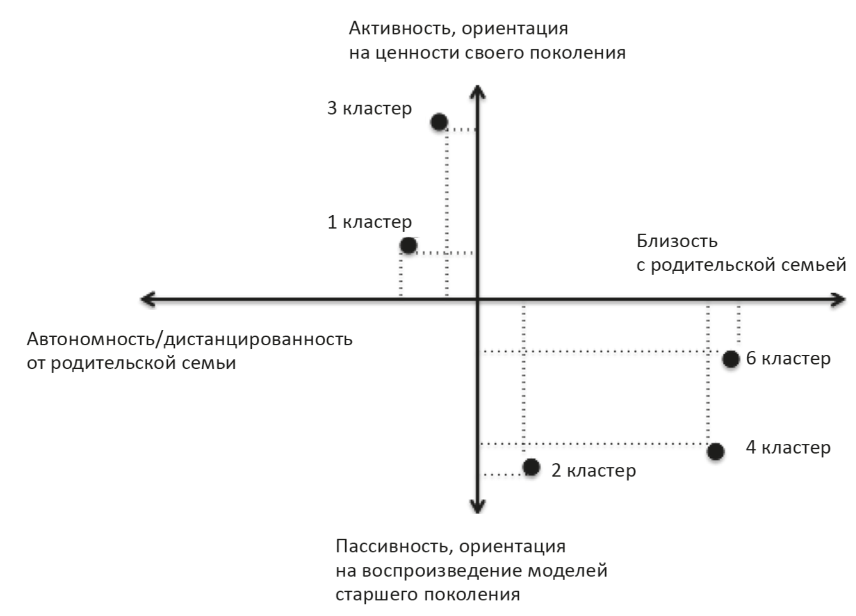

Рис. 2. Расположение кластеров по шкалам «Активность — Пассивность» и «Автономность — Близость с родительской семьей»

ивании. Значимые различия (по φ-критерию) позволяют считать, что все шесть кластеров, отражающих жизненные модели респондентов, лежат в двух измерениях: 1) автономия — близость с родительской семьей или 2) активность (приверженность ценностям своего поколения) — пассивность (воспроизведение моделей старшего поколения). На рис. 2 показано расположение выделенных кластеров относительно данных шкал (за исключением 5-го кластера, одновременно демонстрирующего автономность и пассивность).

Рисунок иллюстрирует, что активная жизненная позиция, стремление к новизне и открытость новому опыту может проявляться как в доминировании жизненной модели Я (ориентация на изменения, новизну, событийность и увлеченность, желание пробовать себя), так и в доминировании профессиональной жизненной модели (ориентация на достаток, престижную работу и статус). Примерами этого вывода служат кластер 1 и кластер 3. В третьем кластере доминирует жизненная модель Я (ориентация на изменения, новизну, событийность и увлеченность, желание

пробовать и экспериментировать) — ярко выраженные положительные значения факторов 2 и 11 — «Открытость новому опыту и готовность к изменениям». В то время как в первом кластере активно проявляется профессиональная жизненная модель (ориентация на достаток, престижную работу и статус) — высокие положительные значения 15-го фактора — «Ориентация на статус, достаток и материальные ценности».

Близость с родительской семьей в большей степени способствует воспроизведению жизненных моделей старших поколений, но не полностью определяет ее. Так, респонденты 2-го кластера максимально ориентированы на воспроизведение жизненных моделей родителей, хотя по сравнению с 4-м и 6-м кластерами демонстрируют наименьшую близость с родительской семьей. Аналогично молодые люди 6-го кластера, характеризующие отношения с родителями как максимально близкие, выражают желание активно вкладываться в жизнь, стремление повышать свою компетентность, заниматься интересным делом. Как и молодые люди 1-го кластера они ориентированы на построение карьеры и материальный достаток. *Таким образом, полученные данные позволили сделать вывод, что близкие отношения с родителями могут способствовать формированию как активных, так и пассивных моделей. Дистанцированность от семьи может формировать полностью пассивную модель* (*молодые люди 5-го кластера*).

Анализ жизненных моделей молодых людей из разных городов России (рис. 3) показывает, что максимальные различия определяются не географическим положением города, а тем, насколько он крупный (количество жителей). Выявлено, что жизненные модели молодых людей, живущих в мегаполисе (Санкт-Петербург) и городах-миллионниках (Новосибирск, Казань, Ростов и др.) существенно отличаются от средних и малых городов с населением 300 тыс. и меньше (Йошкар-Ола, Новоуральск и др.). Достоверные различия получены по факторам 1 («Традиционное сознание и стремление к стабильности и определенности») ($p \leq 0{,}027$), 2 («Жизненная активность и стремление к новому опыту») ($p \leq 0{,}026$), 9 («Представления о родительской семье и отношениях родителей») ($p \leq 0{,}012$) и 13 («Характеристика своего поколения») ($p \leq 0{,}022$). Интересно, что по каждому из перечисленных факторов достоверно более высокие значения получены среди респондентов из средних

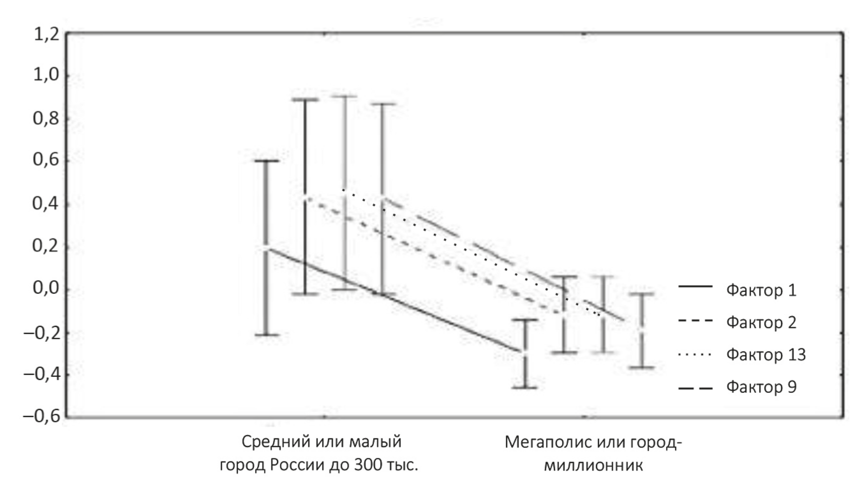

Рис. 3. Сопоставление жизненных моделей молодых людей, проживающих в мегаполисе (Санкт-Петербург) и городах с населением не более 300 тыс. (Wilks lambda = 0,78843, F (15, 170) = 3,0411, *p* = 0,00023, доверительные интервалы 0,95)

и малых городов. В частности (рис. 3), среди тех, кто проживает в Йошкар-Оле, достоверно больше, чем среди проживающих в Санкт-Петербурге, тех, кто ориентирован на родительскую семью, ее поддержку, привержен ценностям традиционного сознания, определенности в жизни, характеризует свое поколение как стремящихся к стабильности, общению, умеющих справляться с жизненными трудностями, открытых новому опыту, честных и ответственных.

Одновременно, среди них больше и тех (фактор 2), кто имеет активную жизненную позицию и готов к изменениям, преодолению трудностей, жертвовать удовольствиями и свободным временем ради достижения цели, верит в себя.

Эти, казалось бы, противоречивые результаты (доминирование и 1-го, и 2-го факторов) объясняются существенными различиями в жизненных моделях девушек и юношей.

Анализ различий жизненных моделей молодежи одновременно по полу и городу проживания выявил новые результаты. Тем не менее, жизненные модели девушек и юношей в целом существенно различаются по 1-му фактору — «Традиционное сознание и стрем-

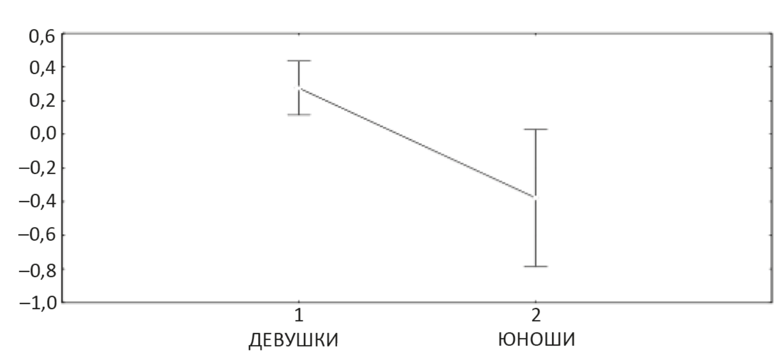

Рис. 4. Выраженность 1-го фактора — «Приверженность традиционным установкам» в жизненных моделях девушек и юношей (Wilks lambda = 0,86201, F (15, 170) = 1,5160, *p* = 0,10409, доверительные интервалы 0,95)

ление к стабильности и определенности» (рис. 4). Жизненный сценарий девушек достоверно больше направлен на воспроизведение родительской модели как в построении отношений, так и в конструировании профессиональной модели, ориентируемой на наиболее успешного члена родительской семьи. В их жизненных моделях чаще представлены так называемые устоявшиеся смысловые ориентиры — «народная мудрость». Для них жизненный успех в первую очередь — иметь хорошую семью. Они хотели бы получить специальность, по которой можно было бы работать всю жизнь, собираться семейным кругом, общаться, не торопиться, иметь в качестве жизненной опоры официального супруга, который хорошо зарабатывает.

Важно отметить, что выстраивание жизненного сценария с ориентацией на традиционные установки больше характерно для девушек из малых городов, чем для юношей. По мнению юношей из небольших городов, родители активно участвуют в их жизни.

В мегаполисе (Санкт-Петербург) данное различие между юношами и девушками не столь существенно (рис. 5). Среди девушек и юношей, живущих в крупных городах России, примерно поровну тех, кто выстраивает свой жизненный сценарий в соответствии с устоявшимися в традициях и культуре жизненными ориентирами, предпочитая стабильность и определенность.

Помимо первого фактора, жизненные модели девушек и юношей существенно различаются по факторам 2 и 3 (рис. 6).

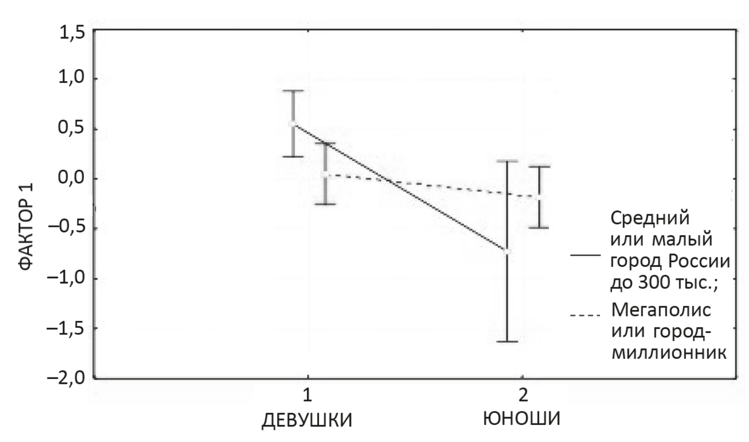

Рис. 5. Выраженность 1-го фактора «Приверженность традиционным установкам» в жизненных моделях девушек и юношей в зависимости от города проживания (Wilks lambda = 0,83482, F (17, 84) = 0,97767, *p* = 0,49042, доверительные интервалы 0,95)

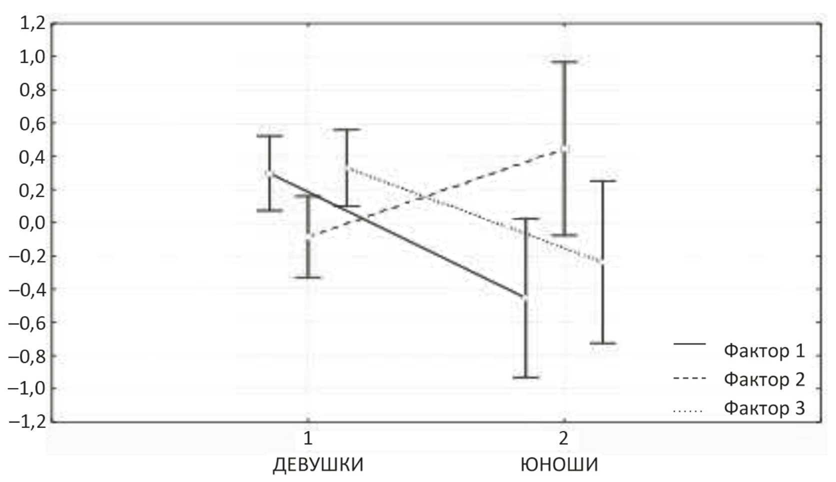

Рис. 6. Различия в жизненных моделях девушек и юношей по 2-му фактору «Жизненная активность и стремление к новому опыту» и 3-му фактору «Характеристика родительской семьи и взглядов на жизнь родителей» (оба фактора значительно выражены у 1-го кластера)

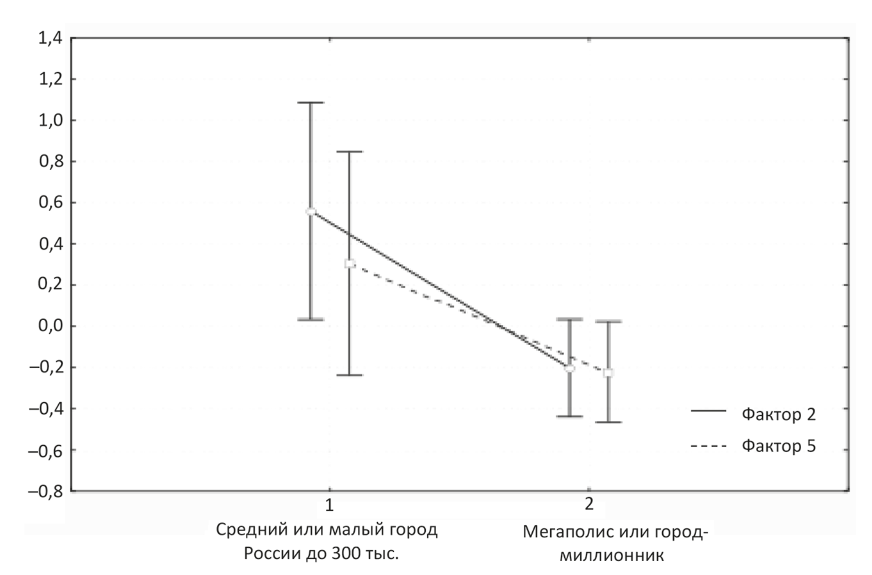

Рис. 7. Выраженность 2-го фактора «Жизненная активность и стремление к новому опыту» и 5-го фактора «Взаимоотношения с учителями» в жизненных моделях молодых людей, проживающих в мегаполисах, городах-миллионниках и городах с населением до 300 тыс. (Wilks lambda = 0,72189, F (17, 84) = 1,9036, *p* = 0,02851, доверительные интервалы 0,95)

Третий фактор, как и первый, больше характерен ($p \leq 0{,}041$) для девушек, чем для юношей. Он раскрывает характеристики родительской семьи и описывает взгляды родителей молодых людей на жизнь. Соответственно, в большей степени это девушки, у которых и отец (0,6130), и мать (0,6433) имеют среднее специальное образование, а основой построения отношений в родительской семье выступает ведение совместного хозяйства (0,4021).

Второй фактор — «Жизненная активность и стремление к новому опыту» достоверно более ярко выражен у юношей ($p \leq 0{,}05$). При этом данные ориентиры свойственны в большей степени также молодым людям не мегаполиса, а небольшого российского города (рис. 7). Они в большей степени готовы к изменениям, ориентированы на новые впечатления, настроены на преодоление трудностей.

Помимо указанных различий, у молодых людей из небольших городов выявлены высокие значения по 5-му фактору, который

обнаруживает их позитивные представления о школе и учителях. В отличие от молодых людей, живущих в мегаполисе, они чаще говорят о том, что учителя им помогали, поддерживали, были готовы помочь, школа их многому научила, у учителей были хорошие взаимоотношения и педагоги относились к ученикам уважительно и справедливо.

Сопоставление полученных по полу и месту проживания различий (рис. 5, 7) позволяет сделать следующие выводы. Выстраивание жизненного сценария с ориентацией на традиционные установки и культурные образцы (1-й фактор) в целом в большей степени характерно для девушек, живущих в малых городах, чем для юношей из этих городов.

Активная позиция, открытость новому опыту, готовность к изменениям (2-й фактор) в большей степени выражены у юношей из небольших городов. Именно ими в значительной степени представлен 3-й кластер.

В то же время достоверная выраженность (рис. 8) 15-го фактора (ориентация на карьеру, статус и материальный достаток) у девушек из небольших городов (в частности, Йошкар-Олы) по сравнению с юношами свидетельствует, что девушки из небольших городов в значительно большей степени ориентированы на выстраивание профессиональной модели с приоритетом статуса, престижа и материального достатка, чем юноши. Очевидно, что именно эти параметры (статус, достаток и престиж) выступают для девушек из малых городов России основой стабильности и определенности, стремление к которым им присуще (доминирование 1-го фактора в жизненных моделях). Среди жителей Санкт-Петербурга юношей, ориентирующихся на построение карьеры, несколько больше, чем девушек.

Соответственно, можно сделать вывод, что структура нормативного жизненного сценария, ориентированного на традиционные ценности, стабильность, достижения в карьере и материальное благополучие, представлена именно девушками из небольших городов и юношами из мегаполиса (в частности, Санкт-Петербурга). В отличие от них юноши из небольших городов меньше ориентированы на построение карьеры, статус и достаток. Хотя среди них есть значительное количество респондентов, готовых к изменению и занимающих активную позицию, ориентированных на развитие себя

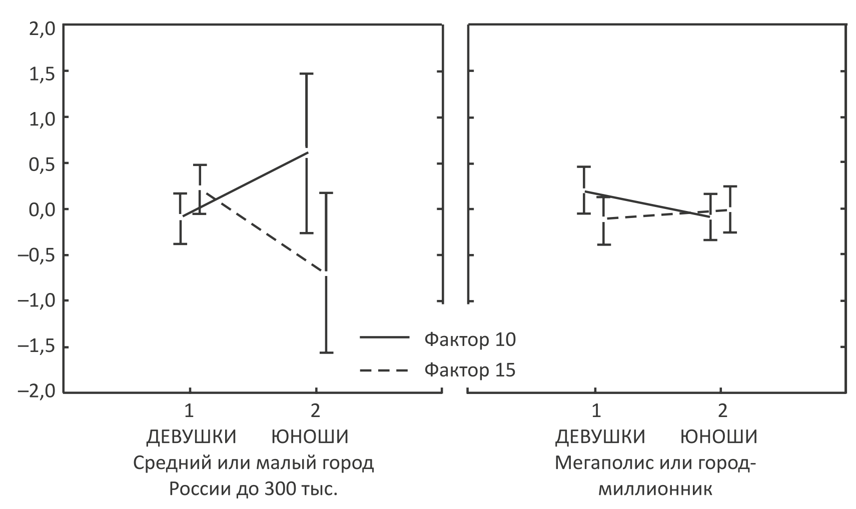

Рис. 8. Сопоставление по полу жизненных моделей молодых людей, проживающих в мегаполисах и городах с населением до 300 тыс. по фактору 10 «Включенность родителей в жизнь молодого человека» и фактору 15 «Ориентация на карьеру, статус и материальный достаток» (Wilks lambda = 0,91174, F (15, 170) = 1,0972, *p* = 0,36240, доверительные интервалы 0,95)

(3-й кластер). Они готовы к переезду, многие из них уже работают и живут отдельно от родителей.

Различия между девушками и юношами, живущими в небольшом городе (Йошкар-Оле) и мегаполисе (Санкт-Петербург), проявились и по фактору 10 (включенность родителей в жизнь молодых людей). Из рис. 8 хорошо видно, что, по мнению мальчиков из небольших городов, родители активно участвуют (фактор 10) в их жизни. В большом городе (в частности, в Санкт-Петербурге) обратная тенденция — девочки считают, что родители в большей степени включены в их жизнь, чем юноши. Учитывая, что включенность родителей в жизнь молодого человека имеет высокую степень корреляции с 1-м фактором (установки традиционного сознания) и именно он в большей степени выражен во 2-м и 4-м кластерах, то можно сделать следующий вывод. Активная включенность родителей в жизнь юношей небольших городах и девушек в мегаполисах способствует формированию традиционного жизненного сценария, ориентированного на построение отношений и ценность семьи (2-й или 4-й кластер). Близость с родителями,

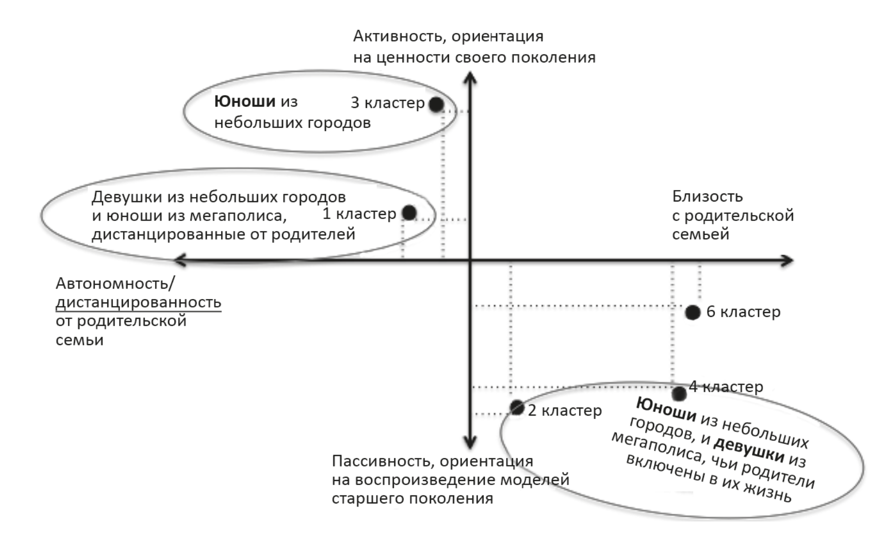

Рис. 9. Сопоставление кластеров по полу и месту проживания относительно шкал «Активность — Пассивность», «Автономность — Близость с родительской семьей»

но невысокая включенность (отсутствие контроля) родителей в жизнь молодых людей из небольших городов корреспондирует с активной жизненной позицией юношей, их готовностью к самореализации, уверенностью в своих силах, открытостью новому опыту (3-й кластер). Дистанцированность и автономность от родительской семьи влияет на ориентацию на карьеру, статус и материальный достаток (1-й кластер) у девушек из небольших городов и юношей из мегаполиса.

Таким образом, близость с родителями, как и дистанцированность, может способствовать формированию как противоречивого жизненного сценария (6-й кластер — приверженность ценностям традиционного сознания, отвержение нормативного сценария, ориентация на статус и построение карьеры), так и пассивной нормативной модели (5-й кластер).

Описанные различия в жизненных моделях молодых людей, проживающих в разных городах России, соотнесенные с кластерами, представлены на рис. 9.

Заключение

Результаты эмпирической верификации теоретического конструкта «жизненная модель» и апробации схемы описания жизненных моделей позволили выявить ряд особенностей жизненных моделей молодых людей, проживающих в крупных и малых городах России.

Полученные данные уточняют понимание жизненных моделей за счет расширения их характеристик. Содержательно жизненные модели целесообразно описывать через а) *значимость* той или иной сферы жизни для человека и б) его *активность* по реализации ее задач. Взаимосвязь этих двух параметров не является простой: активность зависит от значимости, но не однозначно ею определяется. Результаты проведенных исследований продемонстрировали возможность их рассогласования и дополнили теоретическое описание концепта жизненной модели параметром *противоречивости/непротиворечивости* жизненной модели. Противоречивость жизненной модели проявляется в рассогласовании системы убеждений, лежащих в основе оценки значимости той или иной сферы жизни и переживания этой значимости человеком, с активностью и ответственностью человека в данной сфере.

Выделены два типа жизненных сценариев. Один тип характеризуется низким уровнем самостоятельности и автономии субъекта и ориентацией на воспроизведение в своем жизненном сценарии нормативных образцов как родительской семьи, так и присущих культуре сообщества. Другой тип отличает высокая степень самостоятельности и автономии субъекта. Полученные данные расширяют первоначальное понимание активности как важнейшей характеристики жизненной модели, требуя уточнения содержания этой активности, которая может быть направлена как на воспроизведение привычных паттернов действий и имеющегося у субъекта опыта (или передаваемого, в частности, старшими поколениями), так и на освоение нового опыта, «жизнетворчество».

Проявления вертикальной трансмиссии жизненных моделей носит неоднозначный характер. Близость с родительской семьей, как и степень включенности родителей в жизнь молодых людей, может способствовать формированию пассивных жизненных моделей, ориентированных на воспроизведение культурных тра-

диций и образцов родительской семьи, так и активных жизненных моделей, отличающихся индивидуализацией жизненного сценария и стремлением к изменениям, разнообразию, получению нового опыта и личному развитию.

Литература

Алехина Е. А., Капиренкова О. Н. Особенности конструктивных и деструктивных жизненных сценариев в юношеском возрасте // Проблемы и перспективы современной науки. 2017. № 17. С. 72–78.

Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.

Берн Э. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо-пресс, 2003.

Зейгарник Б. В. Теория личности Курта Левина. М.: Изд-во Московского университета, 1981.

Костромина С. Н., Гришина Н. В., Зиновьева Е. В., Москвичева Н. Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 341–357.

Костромина С. Н., Москвичева Н. Л., Зиновьева Е. В., Гришина Н. В. Жизненная модель: операционализация конструкта и его эмпирическая валидизация // Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020.

Штайнер К. Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна. СПб.: Питер, 2003.

Lewin K. A dynamic theory of personality. New York — London, 1935.

McAdams D. The Person: An Introduction to the Science of Personality Psychology. Hoboken: A John Wiley & Sons Inc., 2009.

References

Alekhina E. A., Kapirenkova O. N. Features of constructive and destructive life scenarios in adolescence. *Problemy i perspektivy sovremennoi nauki*, 2017, iss. 17, pp. 72–78. (In Russian)

Bandura A. *Theory of social learning*. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2000. (In Russian)

Berne E. *Games People Play*. Moscow, Eksmo-press Publ., 2003. (In Russian)

Zeigarnik B. V. *Theory of personality by Kurt Lewin*. Moscow, Moscow State University Press, 1981. (In Russian)

Kostromina S. N., Grishina N. V., Zinovieva E. V., Moskvicheva N. L. Life model as a construct for studying the life scenario of a personality. *Vestnik Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology,* 2018, vol. 8, iss. 4, pp. 341–357. (In Russian)

Kostromina S. N., Moskvicheva N. L., Zinovieva E. V., Grishina N. V. Life model: operationalization of the construct and its empirical validation. In: *Zhiznennoe prostranstvo v psikhologii: teoriia i fenomenologiia*. Eds N. V. Grishina, S. N. Kostromina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020. (In Russian)

Steiner K. *Scenarios of Human Life. Eric Berne School*. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. (In Russian)

Lewin K. *A dynamic theory of personality*. New York, London, 1935.

McAdams D. *The Person: An Introduction to the Science of Personality Psychology*. Hoboken, A John Wiley & Sons Inc. Publl, 2009.

Н. Л. Москвичева

Цифровая среда как жизненное пространство личности: опыт исследования жизненных моделей молодежи*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 7–9

В статье описываются феномены, связанные с развитием цифровых технологий, характеризующие современное жизненное пространство человека как одновременное повседневное существование в двух мирах — реальном (офлайновом) и цифровом (онлайновом), при их взаимном влиянии и взаимопроникновении. Кратко рассматривается эволюция исследовательских подходов к изучению проблематики, связанной с существованием личности в цифровом пространстве, и делается вывод о необходимости переосмысления традиционных подходов к изучению этих «миров» как различных, отдельных сфер жизни человека, и сосредоточения внимания исследователей на их общности, с использованием единого исследовательского языка. Подчеркивается актуальность в методологическом плане идей К. Левина о психологической реальности и «конструировании» человеком собственного жизненного пространства, о взаимодействии и взаимовлиянии внешней среды и поведения человека, о постоянно меняющемся распределении воздействующих на человека сил в данный момент времени для современного этапа исследований цифрового пространства. В статье приводятся описания и результаты современных эмпирических исследований социальных сетей посредством их контент-анализа, выступающего способом психологического изучения проявлений личности в цифровой среде. Описывается методический подход, примененный в исследовании жизненных моделей молодежи, представленных на персональных страницах пользователей в соцсети (ВКонтакте). Исследование проводилось в рамках изучения внутрипоколенной трансмиссии жизненных ценностей и установок у молодежи при выстраивании ею собственного жизненного сценария. Описываются категории и процедура контент-анализа цифрового контента и результаты эмпирического исследования жизненных моделей молодых людей в профессиональной сфере, сфере отношений, сфере досуга и саморазвития.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 18-013-0059 «Жизненные модели молодежи: межпоколенное и внутрипоколенное исследование».

Показаны различия жизненных моделей, представленных в интернет-ресурсах, у молодежи, проживающей в мегаполисе и малом городе, и одновременно значительная вариативность жизненных моделей молодежи внутри групп, проживающей в одном городе. Обсуждаются возможности и ограничения использования данного методического инструментария.

Ключевые слова: цифровая среда, жизненное пространство личности, жизненные модели, внутрипоколенная трансмиссия, молодежь.

Жизненное пространство человека как единство офлайн- и онлайн-существования

В современном мире жизненное пространство человека существенно изменилось. Представленность цифровых технологий практически во всех видах активности человека стала очевидной и необратимой, и сегодня можно говорить о его одновременном повседневном существовании сразу в двух мирах — реальном (офлайновом) и цифровом (онлайновом), их взаимном влиянии и проникновении друг в друга [Гусельцева, 2019б; Дроздова, 2018; Щукина, 2019].

С развитием цифровых технологий менялись и исследовательские подходы к психологическому изучению проблематики, связанной с существованием личности в цифровом пространстве. Еще сравнительно недавно это пространство мыслилось скорее как поле для особых видов деятельности, отделенных от «реальной» жизни. Так, с началом появления персональных компьютеров изучалось прежде всего взаимодействие человека с ПК и возникающие при этом проблемы [Войскунский, 2008]; с включением компьютеров и других цифровых технологий в образовательный процесс и досуговые занятия внимание исследователей обратилось на изучение их влияния на психическое развитие и поведение детей и подростков [Фельдштейн, 2010]; с массовым вовлечением людей в коммуникацию в сети Интернет на первый план вышли вопросы психологической безопасности и цифровой компетентности, появление новых форм коммуникации и поведения, интернет-зависимость и риски [Солдатова и др., 2013] и т. д.

Личностная проблематика в «период становления» информационного общества, когда еще не было общедоступного и повсеместного доступа в Интернет, изучалась прежде всего с точки зрения уникальности всемирной сети и тех возможностей для

проявлений личности, которые она создает. В частности, акцентировались такие ее особенности, как анонимность, отсутствие визуальных образов общающихся, специфичность средств коммуникации [Белинская, 2016], которые предоставляли первым пользователям Интернета возможности игры с именами и аватарами, смены идентичности, создания так называемых альтернативных и множественных идентичностей. Например, изучалось отношение людей к тому, что человек в сети «играет» альтернативную личность и объяснение ими этого поведения [Войскунский и др., 2013]; высказывались опасения относительно трудностей идентификации и уменьшения роли семьи и непосредственного общения в формировании личности [Емелин и др., 2016 и др.]. В целом объяснительные модели поведения пользователей в интернет-пространстве первоначально образовывали фактически два полюса: гипотезы компенсаторности (интернет-коммуникация восполняет некоторые «дефициты» современного человека и позволяет удовлетворить ряд потребностей, фрустрированных объективной социальной реальностью) и комплементарности (интернет-коммуникация скорее предоставляет человеку принципиально новые возможности, позволяя как бы «достраивать» те или иные личностные атрибуты) [Белинская, 2013].

Значимые сдвиги в повседневной жизнедеятельности человека произошли с развитием социальных сетей, появлением блогов и других форм онлайн-взаимодействия, предполагающих близость виртуального образа к реальной личности, требования адресной коммуникации, от достоверности и ценности которой зависит значимость узла в сети [Щукина, 2019]. Изменились режимы частной и публичной вовлеченности человека. Размещение информации, фотографий, репортажей из реальной жизни, часто в самых простых и ординарных проявлениях, самостоятельное налаживание связей без необходимости какого-либо продюсирования расширили пространство публичного Я, а практики онлайн-конструирования и презентации себя стали не только уделом знаменитостей, но и обычными и даже обязательными для рядовых пользователей социальных сетей [Дроздова, 2019].

Сегодня в нашей жизни появляются новые феномены, связанные с цифровым пространством, исследование которых должно опираться на релевантные методологические подходы. Совре-

менные объяснительные модели поведения личности в интернет-пространстве уже не ограничиваются дихотомией позиций компенсаторности — дополнительности, становятся более сложными, принимая во внимание предоставляемые цифровым пространством новые возможности для формирования и проявления субъектности пользователей, их активного участия в различных сообществах, акциях, обсуждениях, стремление обучаться, реализовывать себя в самых разных областях. Другое направление исследований личности в Интернете связано с выявлением персональных и других факторов, опосредующих ее поведение. Например, показано, что предикторами интенсивности и навязчивости в использовании социальных сетей могут являться прокрастинация и пол [Корниенко и др., 2018]; что отношение подростков к проявлениям агрессии в сетевом общении опосредуется такими характеристиками, как пол, возраст, интенсивность общения, самопрезентация в сети, статус в классе, оценка своих жизненных перспектив [Собкин, Федотова, 2019] и пр.

Современная социальная ситуация характеризуется появлением активно действующего реального субъекта, с одной стороны, самостоятельно обустраивающего «в реальности» среду своего проживания, принимающего экономические решения, вовлеченного в производство культурных продуктов и смыслов [Дроздова, 2018], а с другой стороны, выстраивающего свои правила в онлайн-пространстве, в том числе через персонализацию коммуникативной среды, избирательность контактов, выбор конфигураций и т. п. Взаимное влияние и взаимопроникновение онлайн- и офлайн-существования проявляются и в том, что реальные практики повседневности постоянно обновляются и множатся в пространстве Интернета, а спонтанно выработанные онлайн-нормы и практики транслируются в офлайн: например, то, что в сетевой реальности проявляется как персонализация, в повседневности оказывается запросом на политическое участие [Гусельцева, 2019б].

Таким образом, на сегодняшний момент можно говорить о необходимости переосмысления традиционных подходов к изучению онлайн- и офлайн-«миров» как различных, отдельных сфер жизни человека. Фактическое их переплетение и одновременное сосуществование делает более актуальным акцентирование вни-

мания исследователей именно на их общности, рассмотрение их как единого жизненного пространства человека.

С этой точки зрения новое, современное звучание приобретают идеи, высказанные К. Левином [Левин, 2000]. Жизненное пространство в его понимании — это психологическая реальность, которую человек фактически выстраивает сам: воспринимая, оценивая, эмоционально отражая окружающее, «конструируя» из фрагментов объективного мира свой мир [Гришина, 2000]. Этот мир включает совокупность «реальных и нереальных, актуальных, прошлых и будущих событий», находящихся в психологическом пространстве индивида в данный момент времени [Фрейджер, Фэйдимен, 2004, с. 554]. Такой подход позволяет преодолеть оппозицию «внешнего» и «внутреннего» мира человека [Гришина, 2000] и методологически обосновать единство офлайн- и онлайн-существования современного человека. Кроме того, идея активного начала, выстраивания собственного, неповторимого жизненного пространства может быть максимально реализована в цифровом пространстве, предоставляющем личности и поле, и широкий выбор онлайн-инструментов для реализации своей субъектности.

Важно отметить, что К. Левин уделял особое внимание взаимодействию и взаимовлиянию внешней среды и поведения человека. Внешние события, включаемые человеком во внутреннюю психологическую среду, могут «кардинально менять все течение событий в жизненном пространстве человека», так же как и события в психологической среде могут вызывать изменения во внешнем физическом мире. Между этими двумя мирами — двустороннее сообщение, проницаемая граница, что означает, что при анализе поведения человека недостаточно основываться только на внутренних психологических феноменах, а следует включать в анализ жизненного пространства даже не осознаваемые человеком влияния, связанные с социально-экономическими и другими «объективными» факторами. Сегодня необходимость изучения психологических феноменов в условиях меняющейся, «текучей» реальности подчеркивается многими авторами [Аянян, Марцинковская, 2016 и др.], при этом речь идет о разных уровнях «внешних сред», в которые включен человек. В предложенной М. Гусельцевой методологии исследований транзитивной реальности в качестве

одного из важнейших принципов постулируется учет взаимосвязи «индивидуальных стратегий бытия с динамикой, как малых групп, так и больших социальных групп, локальных и глобальных трансформаций культуры» [Гусельцева, 2019а, с. 65]. Взаимовлияние внешней и внутренней среды по-своему проявляется в цифровом пространстве, основной характеристикой которого является стремительность распространения информации, общедоступность и стирание границ, членство во множестве самых разных сообществ, которые могут быть включены в жизненное пространство человека (а по желанию — и исключены из него), став частью его психологической реальности.

Наконец, идеи о поведении человека как функции постоянно меняющегося распределения воздействующих на человека сил в его жизненном пространстве в данный момент времени абсолютно созвучны динамичности современных социальных процессов. Они создают возможность объяснения новых психологических феноменов в цифровом пространстве через анализ воздействующих на человека сил, выявления их взаимодействия путем изучения векторов их притягательности или отторжения (валентности, в терминах К. Левина). Речь идет о феноменологии постоянно возникающих в Интернете тех или иных фокусов притяжения внимания пользователей — «вирусных видео», вмиг набирающих огромное число просмотров, становящихся популярными и обсуждаемыми тем, хайпа (от англ. hype — агрессивная и навязчивая реклама) разного рода и т. п.

Сегодня объединяющие людей социальные сети могут рассматриваться как пространство, где совершается взаимопроникновение глобальной и локальной коммуникативной среды. Их роль, в частности, описывается в так называемой концепции «сетевого индивидуализма», транслирующей идею построения социальных групп (объединения не всегда знакомых людей) не вокруг социальных институтов или структур, а именно вокруг персональных сетей [Wellman, 2001]. При этом отдельный пользователь может становиться «центром притяжения», и не только источником информации, но и мобилизующим звеном социума, лидером определенного сообщества, влияя на его мнение и настроения, создавая «феномен массовой самокоммуникации» [Асмолов, 2019]. Создалась ситуация, когда на основании персональных страниц

пользователей, каждая из которых является «уникальной» [Van Dijk, 2012], структуры и содержания персонального цифрового пространства возможно изучение всей системы социальных отношений.

Изучение контента социальной сети как способ психологического исследования цифрового пространства

Близость социальных и личностных процессов в интернет-пространстве настолько высока, что непосредственный анализ контента персональных страниц и блогов пользователей цифрового пространства, сравнительный анализ аудитории, предпочитаемых видов активности и реализуемых в интернет-коммуникации потребностей дает возможность изучать происходящие в обществе кардинальные трансформации.

Примером такой работы является исследование жизненных установок, ценностно-смыслового восприятия реальности и интересов молодых людей 18–25 лет путем анализа контента пяти социальных сетей (ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Twitter, Instagram) [Лисенкова, Мельникова, 2017]. Выборка составила 2500 активных пользователей, по 500 человек в каждой сети, обоих полов, жителей Перми. Путем анализа количества подписчиков были определены наиболее популярные среди молодежи сообщества (информационно-развлекательные группы с шутливыми постами, нацеленные в основном на быстрое пролистывание новостной ленты; группы, где каждый может анонимно высказываться на любую актуальную тему; группы-цитатники; группы, посвященные взаимоотношению полов, здоровому образу жизни и др.), а также описаны особенности направленности проанализированных соцсетей. Как указывают авторы, самой популярной российской социальной сетью была ВКонтакте, в ней представлены самые разные виды активности молодых людей, в том числе и за счет отсутствия каких-либо ограничений в объеме и виде выкладываемого контента. Вторая по распространенности у молодежи социальная сеть — Instagram, в большей мере дает возможность каждому пользователю стать «популярным» за счет выкладывания кадров и коротких видеороликов о своей жизни,

но представляет собой в большей степени «идеальное Я» пользователя, которому он следует от фотографии к фотографии, а коллекционирование лайков и подписок на профили знаменитостей, по мнению авторов, отражает стремление позиционировать себя как «своего» в этой социальной группе и может приводить к подмене ценностных установок чужими. Другие соцсети, по результатам данного исследования, среди молодежи менее популярны и отличаются в каких-либо позициях, например, большей профессиональной направленностью (Facebook), общественным и политическим содержанием (Twitter), в большей мере объединяют людей других возрастов (например, средний возраст пользователя социальной сети Одноклассники составляет 35–55 лет). Отметим, что в целом приведенные данные согласуются и с результатами других авторов [Солдатова и др., 2013; Белинская, Гавриченко, 2018 и др.],

Важным ресурсом в психологических исследованиях интернет-пространства является анализ визуального контента. В ряде исследований показано, что именно изображения имеют решающее значение для рассказывания историй и передачи смыслов [Highfield, Leaver, 2016] и что именно они являются центральными для создания и представления идентичностей в Интернете. Изображения по сравнению с текстом являются более конкретными и лучше передают эмоции, создают эффект непосредственности и присутствия, могут быть более мощным средством передачи тех внутренних состояний, которые не обязательно допускают простую, прямую вербализацию [Pittman, Reich, 2016]. Более того, в цифровом пространстве визуальные образы начинают играть значимую роль в самом восприятии окружающего мира: именно они задают композиционную рамку нашего ви́дения, через которую мы оцениваем, рефлексируем происходящие изменения; они «превратились в особое зеркало, помогающее ориентироваться в мире, в способ рефлексии и конструирования жизненных миров». К тому же в цифровом пространстве сетевые изображения сразу помещены в интерактивный контекст, а значит, дополнены и насыщены эмоциональными реакциями других пользователей, чье восприятие только усиливает их первоначальную экспрессию и чувственность, позволяя мгновенно коммуницировать, откликаться на событие [Дроздова, 2019, с. 100].

Возможности психологического анализа визуального контента продемонстрированы в исследовании самопрезентации в соцсети Instagram [Белинская, Гавриченко, 2018] на примере пользователей разных профессиональных и возрастных групп, в том числе высокостатусных (публичных, известных людей, в основном представителей творческих профессий) и низкостатусных (менеджеров, тренеров, студентов и др.) пользователей, а также популярных российских исполнителей, различавшихся по возрасту и степени востребованности. Единицей контент-анализа выступало содержание фотографии, размещенной пользователем на своей личной странице, и текстовый комментарий. Как подчеркивают авторы, важным при количественном анализе контента было вычисление «удельного веса» каждой из смысловых категорий, что позволяло «уравнять» индивидуальные особенности владельцев персональных страничек, выражающиеся в склонности выкладывать большое (или, наоборот, маленькое) количество фотографий. В частности, были выделены категории «Работа» (около 50 % от общей выборки), на втором месте по значимости — категория «Друзья» (23 %) (интересно, что в группе высокостатусных пользователей часто представлены фотографии с информацией о жизни коллег по сцене и комментарии с прямым указанием, что изображен именно друг); третье место (14,8 %) занимает категория «Отдых» (путешествия, отдых на природе и на море); четвертое место (12,2 %) — категория «Личное» (семья, домашние животные). Интересно, что у популярных артистов «личных» постов значительно меньше, чем у менее востребованных исполнителей, что, видимо, объясняется стремлением компенсировать отсутствие новостей о творческой деятельности, а основное отличие в характере визуальных самопрезентаций высокостатусных пользователей состоит не в степени публикационной активности, а в большем разнообразии содержания самопрезентаций и личных страниц. Полученные результаты, по мнению авторов, показали, что в социальных сетях реализуется не только потребность в информации и контактах, но и в самореализации, повышении своего социального статуса, более того, социальные сети стимулируют формирование субъективного пространства.

Исследования, однако, показывают, что изображения не менее, чем тексты, отражают культурные нормы и стереотипы, что

создает трудности при межкультурных сравнениях: так, были выявлены различия и сложности компьютерного распознавания при сравнении изображений, помеченных хэштегами из Instagram, которые используют русскоязычные пользователи для обозначения психологического стресса, и изображений, помеченных аналогичными англоязычными хэштегами [Bogolyubova et al., 2018].

Анализ современной литературы, посвященной исследованиям личности в интернет-пространстве, дает возможность обозначить некоторые методические проблемы. Первой такой проблемой является стремительное устаревание полученных данных. Замеры и выводы, касающиеся «коллективного портрета» активного пользователя российских социальных сетей, теряют актуальность уже в течение года [Гусельцева, 2019б]. Кроме того, полученные данные могут различаться в зависимости от места проживания пользователей. Несмотря на данные о росте доступности скоростного Интернета во всех регионах России и в этом смысле стирании различий между пользователями [Солдатова и др., 2013], в ряде работ отмечаются существенные расхождения в содержании мотивации, идентичности и отношении к электронным СМИ между жителями мегаполисов и небольших городов. Например, в иерархии потребностей молодежи из большого города доминируют карьера, самореализация, уважение окружающих, тогда как у их сверстников из малого города доминируют конформность, уважение к традициям, счастье [Аянян, Марцинковская, 2016].

Эмпирическое исследование жизненных моделей молодежи, представленных в цифровом пространстве

Постановка проблемы. Происходящие изменения затрагивают все сферы жизни общества. Среди наиболее социально значимых — вхождение в новую жизнь молодых поколений, выстраивающих свой жизненный путь в условиях, кардинальным образом отличающихся от тех, в которых существовали их отцы и деды.

Межпоколенная (от родителей к детям) трансмиссия и в современном обществе продолжает играть важную роль в формировании представлений последующих поколений о том, как строить свою жизнь, в передаче жизненных принципов и поведенческих

паттернов [Kostromina et al., 2018]. Однако не меньшую значимость имеет и вовлеченность молодого поколения в реальность повседневного существования в цифровом пространстве, активная трансляция усиление трансляции жизненных ценностей и моделей поведения сверстниками в Интернете. Молодежь сегодня включена в городскую среду через виртуализацию повседневных практик, через включение в колоссальный информационный поток и виртуальные городские сообщества. Ценностное сознание молодых людей, как и практически весь современный процесс социализации, создается в социальных сетях, где они находят круг общения, «своих» и «чужих», дружат и враждуют, являя себя миру через его образное ви́дение. Ценностный репертуар при этом продиктован сформировавшимся окружением, так называемыми «друзьями друзей» [Лисенкова, Мельникова, 2017].

В связи с этим крайне важным становится исследование структуры и содержания контента, которым интересуются и делятся в Интернете молодые люди, а также выявление степени его потенциального влияния на выстраивание молодежью собственного жизненного сценария.

Наше исследование было направлено на выявление характеристик активности молодых людей в цифровой среде, отражающих их жизненные ценности, планирование своей жизни, степень самостоятельности в выстраивании жизненного сценария. Ключевое понятие исследования — жизненный сценарий — конструкт, в современной трактовке отражающий субъектную позицию человека, его «авторство» по отношению к собственной жизни [Гришина и др., 2019, с. 331–382]. Однако он представляет собой многомерное понятие, что создает трудности при его эмпирическом исследовании. Для его конкретизации нами был предложен концепт «жизненные модели», которые рассматриваются как фрагменты жизненного сценария, реализуемые в сферах жизни человека (профессиональная сфера, сфера близких отношений и персональная сфера). Жизненная модель описывается через жизненное пространство человека, содержание которого и включаемые в него характеристики определяются его потребностями (это близко к идеям К. Левина). Эмпирически она может изучаться: (1) через систему убеждений и установок, относящихся к данной сфере жизнедеятельности индивида и соответственно

определяющих степень и формы его активности в данной области — когнитивный компонент; (2) через переживание значимости данной сферы жизнедеятельности для человека и его отношения к ней — аффективный компонент; (3) через активность и ответственность человека в данной области — поведенческий компонент [Костромина и др., 2018].

Эмпирическая верификация предложенного концепта показала его правомерность и эвристическую ценность, позволила получить описание выделенных параметров в каждой сфере и выделить разные варианты жизненных моделей молодежи, различающиеся степенью активности, включенности в жизнь, близости с родительской семьей и др. [Kostromina et al., 2019].

Цели и задачи исследования. Целью исследования стало изучение характеристик жизненных моделей молодежи через анализ контента, которым интересуются и делятся в Интернете молодые люди, а также описание возможностей его потенциального влияния на выстраивание молодежью собственного жизненного сценария.

Предметом анализа выступили персональные страницы пользователей популярной социальной сети, что обусловлено тем, что личная страница, как, впрочем, и блог, фактически выступает платформой формирования виртуальной идентичности личности, достаточно полноценной, чтобы послужить мотивом для создания новых социальных интеракций в пределах Интернета и превращающейся в сетеобразующий фактор, уже теряющий свою вторичность относительно физического пространства [Асмолов, Асмолов, 2010]. Таким образом, появляется возможность фиксации множественности личностных проявлений, анализа разносторонности и противоречивости личности в отличие от привычных социальных ролей и социально желательных установок, которые пользователи демонстрируют в реальной жизни.

Были поставлены следующие задачи исследования:

1) разработка методического инструментария для выявления предпочитаемого контента и форматов активности молодых людей в социальной сети;
2) сравнительный анализ контента персональных страниц в социальной сети в зависимости от пола и места проживания молодых людей (мегаполис и малый город);

3) выявление в контенте персональных страниц индикаторов жизненных моделей молодежи в трех жизненных сферах (учебно-профессиональная сфера, сфера отношений, сфера досуга и саморазвития).

Методы исследования. В выборку вошли 100 персональных страниц пользователей социальной сети ВКонтакте (как наиболее популярной среди молодежи в России). Отбор осуществлялся случайным образом при помощи пакета «Анализ данных» программы Excel. Условием включения персональной страницы пользователя в выборку являлось наличие не менее 10 выложенных пользователем сообщений в ленте (личной «стене») за последние полгода. Средний возраст пользователей составил 23,63 ± 1,21; 50 % женщин, 50 % мужчин; 50 % молодых людей — жители мегаполиса (Санкт-Петербург; численность населения более 5 млн чел), 50 % молодых людей — жители малого города (Новоуральск Свердловской области России; численность населения 95 тыс. человек). Период проведения исследования — ноябрь 2019 г.

Для *контент-анализа* текстового и визуального содержания страниц активных пользователей соцсетей была разработана оригинальная матрица по типу семантической решетки, категориальную основу которой составили эмпирические референты жизненных моделей в конкретных сферах (профессиональная деятельность, отношения, досуг и саморазвитие), раскрывающих содержание, значимость сферы и степень активности в них. Единицами контент-анализа являлось предложение или часть сложного предложения (в тексте), и фотография, видео- или символическое изображение (в визуальном содержании), в которых упоминались (отражались) выделенные категории, размещенные пользователями на персональной странице.

Применялись следующие категории и подкатегории анализа:

1) социально-демографические данные: пол, возраст, город проживания, семейное положение, род занятий, образование / учебное заведение;
2) количественные показатели активности пользователя: а) количество «друзей» (пользователей, которые видят все обновления страниц друг друга); б) количество подписчиков (пользователей, которые интересуются контентом

автора страницы и могут его просматривать и комментировать в мере, зависящей от настроек приватности); в) количество сообществ, на которые подписан владелец страницы; г) медиа-активность: количество фото, видео- и аудиозаписей, выложенных для всеобщего просмотра владельцем страницы;

3) вид активности пользователя: пост, выложенный самим пользователем; репост; комментарий; эмоциональный фон (текстовый и/или выраженный символом); для визуального контента дополнительно фиксировался вид изображения (фотография, видеоролик, символ и т. п.);
4) качественные характеристики, относящиеся к трем жизненным сферам:
   (а) профессиональная/учебно-профессиональная сфера: запрос консультации; поиск вакансий; «истории» о текущей работе/учебе; значимые события; собственные достижения/начинания; продвижение собственных услуг (платных) и др.;
   (б) сфера отношений (дружеские, любовные; супружеские/семейные; детско-родительские отношения); фиксировались единицы, отражающие потребность в отношениях и поиск партнера, эмоциональные оценки, проблемы, события и др.;
   (в) сфера саморазвития и проведения досуга: указание видов деятельности и времяпровождения, не имеющего отношения к профессиональной; самообразование и саморазвитие; качественные самохарактеристики пользователя: формулировка «статуса», записи в анкете, отвечающие на вопросы «Ваше мировоззрение?», «Главное в жизни?», «Главное в людях?» и др.

Матрица прошла экспертную оценку и была верифицирована при апробации эмпирических референтов конструкта «жизненная модель» [Kostromina et al., 2019].

Методами математического анализа данных выступили описательный и сравнительный анализ, пакет SPSS-20.

Результаты исследования

Анализ коммуникативной активности пользователей социальной сети. Количественные показатели коммуникативной активности пользователей сети и их различия по группам в зависимости от пола и города проживания представлены в табл. 1. Во всех подгруппах пользователей коммуникативная активность в среднем очень высока: количество «друзей», подписчиков и сообществ варьируется от нескольких единиц до нескольких десятков тысяч, что делает невозможным опору на традиционные статистические показатели. Хотя большинство «друзей» и подписчиков в сети никогда не общались в реальности [Солдатова и др., 2013], а сообщества часто являются номинальными, важно, что их сообщения, призывы и оценки появляются в новостной ленте пользователя, то есть молодые люди находятся в общем информационном поле. Использование критерия Краскалла — Уоллиса показало значимые различия между группами юношей и девушек из разных городов: как видно из табл. 1, у пользователей из мегаполиса значимо большее количество друзей ($p = 0{,}023$) и особенно подписчиков ($p = 0{,}000$), чем у жителей малого города, и, соответственно, информационный поток, в который они включены, является более объемным. Различия в количестве подписок в сообщества, выложенных для просмотра видеоматериалов и фотографий не были значимыми; количество выложенного аудиоконтента значимо больше в группе мужчин из малого города ($p = 0{,}004$). Интересно, что юноши из малого города подписаны в большее число сообществ, т. е. реализуют свою активность в этом поле, а юноши из Санкт-Петербурга состоят в сообществах реже, но при этом чрезвычайно активны во взаимодействии с своими подписчиками (значимость на уровне тенденции $p = 0{,}0720$).

Среди различных видов активности молодых людей в социальных сетях наиболее частыми являются «чтение постов» (72 %) и «отсылка интересных постов друзьям» (репост) (56 %). Отказ от неприемлемых или неразделяемых молодым человеком взглядов осуществляется путем блокирования или выхода из сообществ, а поддержка и принятие сказанного — путем выставления «лайков» и репостов, что представляет собой механизмы селекции материала, который не только привлек внимание, но и близок по со-

Таблица 1. **Сравнительные показатели коммуникативной активности пользователей в зависимости от пола и города проживания**

Показатели	Индикаторы	Город	Группы	Среднее	Min	Max	Краск.–Уолл. (p)
Круг общения	Друзья	С.-Петербург	Женщины Мужчины	823,1 2464,2	75 29	5803 9990	9,51 (0,023)
		Новоуральск	Женщины Мужчины	241,7 313,9	40 55	793 609	
	Подписчики	С.-Петербург	Женщины Мужчины	15248,8 21753,0	169 881	71200 41189	60,85 (0,000)
		Новоуральск	Женщины Мужчины	767,1 495,3	64 116	3329 3370	
	Сообщества	С.-Петербург	Женщины Мужчины	168,55 166,2	9 4	708 726	6,966 (0,072)
		Новоуральск	Женщины Мужчины	164,7 261,5	28 12	793 926	
Медиа активность	Фото	С.-Петербург	Женщины Мужчины	411,8 2092,3	3 5	2963 37774	0,336 (0,953)
		Новоуральск	Женщины Мужчины	409,4 371,5	8 25	2269 2084	
	Видеозаписи	С.-Петербург	Женщины Мужчины	531,1 1103,5	2 1	4146 6002	3,567 (0,312)
		Новоуральск	Женщины Мужчины	244,2 1003,2	2 4	1865 8848	
	Аудиозаписи	С.-Петербург	Женщины Мужчины	1257,7 869,3	240 0	2707 4575	13,409 (0,004)
		Новоуральск	Женщины Мужчины	572,9 1234,9	159 72	1300 5507	

держанию к интересам и ценностям молодежи, то есть обладает потенциалом влияния на выстраивание ими жизненных моделей. Отметим, что содержание персональных страниц всех пользователей насыщено контентом, не относящимся строго к выделенным индикаторам жизненных моделей (например, развлекательным, объявлениями о лотереях и пр.). Однако в силу большого объема и повторяемости можно говорить об их опосредованном влиянии на представления молодых людей о том, что важно в жизни и как этого достигнуть.

Таким образом, внутрипоколенное общение, обмен новостями, событиями, комментариями и т. п. является очень интенсивным. Вместе с тем активных трансляторов жизненных ценностей и моделей поведения в анализируемой выборке сравнительно немного. Можно предположить, что значимым путем формирования жизненных моделей молодежи является селекция потока поступающей информации в процессе преимущественно пассивного ее восприятия. Наиболее привлекают внимание и просматриваются сообщения фото- и видеоформата, «истории», следовательно, именно они заключают в себе наибольший потенциал в плане влияния на выстраивание жизненных моделей. Однако важно и то, что молодые люди имеют возможность быть избирательными и определенным образом формировать свою информационную среду.

Анализ содержания персональных страниц молодых людей в рамках конструкта «жизненная модель». Всего в персональных страницах пользователей ($n = 100$) были выделены 3186 (среди них 1133 текстовых и 2053 визуальных) смысловых единиц, имеющих отношение к жизненным сферам: учебная и профессиональная деятельность (426 упоминаний), сфера отношений (1172), сфера саморазвития и проведения досуга (1588). Из табл. 2 видно, что объем визуального контента почти во всех группах значительно больше, чем текстового. Полученные результаты подтверждают имеющиеся в литературе данные относительно преобладания зрительных образов в восприятии информации молодыми людьми, а также отражают саму специфику общения в любых социальных сетях. Исключение составили юноши из Санкт-Петербурга, за счет большого объема текстовых смысловых единиц, связанных с профессиональной деятельностью.

Таблица 2. **Количество текстовых и визуальных смысловых единиц, отнесенных к разным жизненным сферам (в абсолютных значениях)**

Город	Пол	Вид анализируемого контента							
		текст (статусы, сообщения, комменты и т. п.)				изображения (фото, видео, рисунки, символы и т. п.)			
		Работа	Отношения	Саморазвитие	Всего	Работа	Отношения	Саморазвитие	Всего
С.-Петербург	Мужчины	170	75	149	394	29	55	218	302
	Женщины	45	86	99	230	28	209	284	521
Новоуральск	Мужчины	22	69	42	133	44	325	307	676
	Женщины	52	157	167	376	36	196	322	554
ИТОГО		289	387	457	1133	137	785	1131	2053

Распределение предпочитаемых тем в *сфере профессиональной/учебно-профессиональной деятельности* представлено на рис. 1.

В целом по выборке молодые люди в социальной сети чаще всего делятся своими профессиональными достижениями; «историями» о текущей профессиональной деятельности, значимых профессиональных событиях; реже запрашивают консультации и продвигают свои профессиональные услуги (суммарно текстовыми сообщениями и изображениями). Однако выявлены значительные различия между группами. Специфическую группу представляют юноши мегаполиса (около половины из них указали, что переехали в Санкт-Петербург относительно недавно, то есть нацелены на профессиональный рост и карьеру), которые упоминают о профессиональной деятельности и событиях значительно чаще, чем все остальные группы. Юноши малого города посвящают сфере работы самый маленький объем контента, внутри этой тематики самое важное для них — свои профессиональные достижения, успех. Девушки из мегаполиса большую часть ленты посвящают значимым профессиональным событиям, на втором месте — текущая «история», тогда как девушки малого города чаще запрашивают советы и предлагают какие-либо профессиональные услуги.

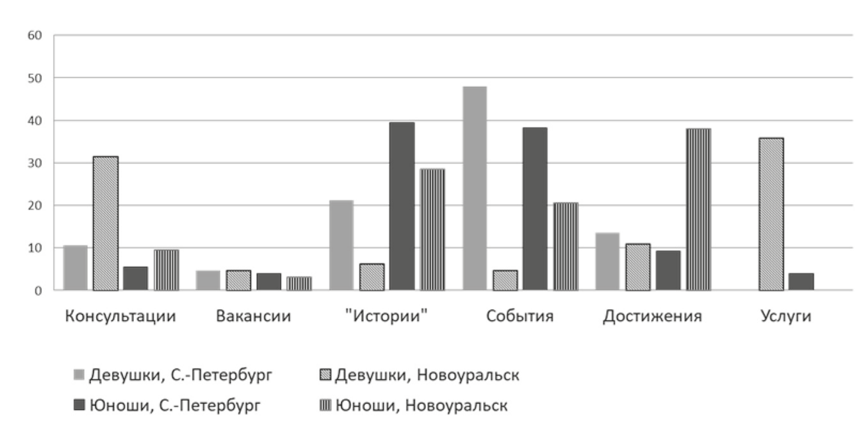

Рис. 1. Различия в частоте упоминания видов активности в профессиональной сфере в зависимости от пола и места жительства (%)

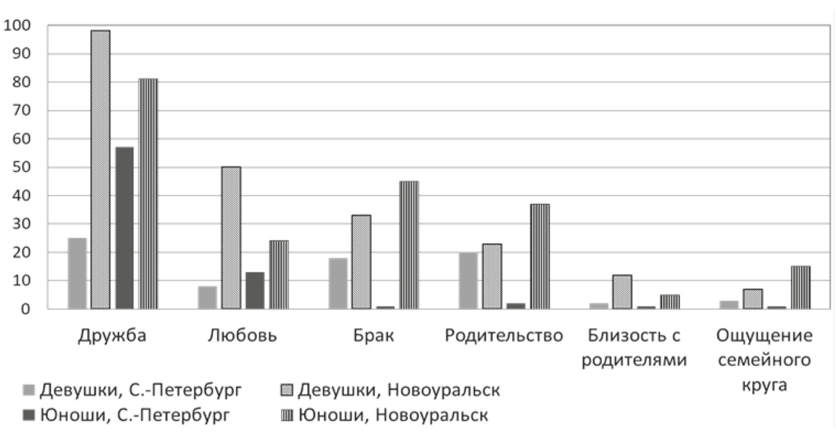

Рис. 2. Различия в частоте упоминания индикаторов потребностей в близких отношениях в зависимости от пола и места жительства (%)

Распределение предпочитаемых тем в *сфере отношений* представлено на рис. 2. В среднем большую часть постов и репостов составляют упоминания (текст и изображения) встреч с друзьями; на втором месте — одинаковые по частоте упоминания любовные отношения и брак; абсолютное большинство сообщений сопровождается эмоциями радости, счастья, восхищения и др. Около 11 % пользователей в каждой группе состоят в браке, и именно они

увеличивают объем упоминаний о детях и родительстве в общей выборке. В целом молодые люди демонстрируют важность межличностного общения, приверженность традиционным взглядам в плане создания семьи. При этом можно отметить выраженные различия между группами: как девушки, так и юноши малого города значимо чаще демонстрируют потребности в создании семьи, рождении детей, опору на поддержку родителей и важность ощущения «семейного круга», чем, соответственно, девушки и юноши мегаполиса ($p = 0{,}003$).

Контент-анализ персональных страниц пользователей с точки зрения предпочитаемых тем в *сфере саморазвития и досуга* показал, что преимущественно описываются «предметные» виды активности: наибольший объем занимают сообщения о хобби, творческих видах деятельности (27,5 %), путешествий (13,9 %), развлечений (11,1 %); социальные темы — общество (11,5 %), политика (6,1 %), экология (5,6 %), посты о родном городе (4,5 %) и домашних животных (5,4 %).

Ориентиры выстраивания жизненной модели и жизненная позиция личности больше проявляются не в текущем обсуждении в лентах, а в тех разделах персональной страницы, где пользователи позиционируют себя, указывают «статус», отвечают на вопросы анкеты, а также в комментариях. Например, «Главное в людях — смелость и упорство» (Активность жизненной позиции), «Должен, значит можешь!» (Готовность «вкладываться» в жизнь), «Верю в себя» (Уверенность в своих силах), «Главное в жизни — саморазвитие, совершенствование» (Направленность на личное развитие) и т. п.

Качественный анализ ценностных высказываний пользователей позволил выделить индикаторы жизненных моделей в разных сферах, при этом выявлена достаточно высокая степень сопряженности содержания персональных страниц с ответами молодых людей на опросник, разработанный в ходе нашего исследования на первом этапе (подробнее см. [Москвичева и др., 2019]).

Так, в профессиональной сфере в ходе опроса выявлена значимость для молодежи профессионального роста и интереса к тому, чем занимаешься. В сетевом пространстве это проявляется в насыщенности ленты пользователей объявлениями о профессиональных событиях и новых проектах (больше в крупном го-

роде), о своих профессиональных достижениях, вехах (чаще в небольшом городе), сопровождаемых эмоциями гордости и удовлетворения (например, «Я — горный инженер!!!»), выкладыванием соответствующих фото. Можно сделать предварительный вывод, что в профессиональной сфере интернет-контент в большей степени отражает трансляцию установок не так называемого «традиционного» сознания, то есть установок, разделяемых прежде всего представителями старших поколений, а тенденций, свойственных молодежной субкультуре (стремление к новому опыту, мобильности, пробе себя). Можно предположить, что с учетом высокой активности молодых людей в сетевом пространстве жизненная модель молодежи в профессиональной сфере может формироваться под значительным влиянием интернет-контента.

В сфере отношений в персональных страницах в соцсетях выявлена бóльшая представленность традиционных ценностей. Несмотря на то что большинство пользователей социальных страниц не указывает информации о своем семейном положении (указали, что состоят в браке, всего 11 %, а 35 % из них не указывают никакой информации об этом), пользователи активно выкладывают фотографии в окружении родных и близких, с родителями на каких-то знаковых событиях (например, вручении диплома). В сведениях о себе жители малого города значимо чаще публикуют информацию о своих братьях и сестрах, что прямо указывает на важность этих отношений и близость с родительской семьей. Значительный объем упоминаний о дружеских отношениях (как в тексте, так и в фото и видео) подтверждает высокую значимость этой сферы для молодых людей и отражает как тенденцию к расширению сферы контактов (нахождение друзей в соцсети), так и значимость «старых» друзей (выкладывание постов с описанием встреч друзей, встреч выпускников и пр.). Большинство пользователей сети (из тех, кто вообще «открывает» для просмотра эту тему) наполняют контент сферы отношений романтическими фотографиями, стихами, цветами и т. п., на втором месте — публикация фото и видео о совместном проведении досуга с любимыми и друзьями, что можно интерпретировать как наличие потребности в долговременных и устойчивых близких отношениях. Таким образом, содержание интернет-контента свидетельствует о высокой доле традиционных представлений в области отно-

шений, значимости дружбы и любви, выбора супруга (супруги) и поддержании семейных отношений.

Абсолютное большинство высказываний имело позитивную социальную направленность (желание создать семью, необходимость прикладывать усилия и т. п.), и только 2,1 % от всего объема демонстрировали «отрицательную» направленность (например, желание иметь отношения со многими партнерами, призыв тратить время в свое удовольствие, так как от усилий человека «мало что зависит» и т. д.). Это не значит, что альтернативные ценности имеют только те молодые люди, которые их выкладывают, а скорее объясняется тем, что такие высказывания не очень приветствуются в сообществе. Такой вывод подтверждается и тем, что такие «альтернативные» высказывания о жизненном сценарии чаще присутствуют у жителей мегаполиса и практически отсутствуют в небольшом городе, где человек находится в узком кругу. В целом именно этот аспект интернет-контента в большей степени отражает ориентацию молодых людей на стабильность и надежность.

Содержание страниц пользователей, касающееся саморазвития и самореализации, обнаруживает более значительные различия. Как уже говорилось, среди пользователей есть люди, активно презентирующие себя, постоянно выкладывающие посты, рассказывающие своим подписчикам о собственных начинаниях, достижениях и т. д., то есть демонстрирующие активную и самостоятельную жизненную модель; с другой стороны, можно наблюдать жизненные модели, отличающиеся пассивностью и/или несамостоятельностью. Полученный результат корреспондирует с данными, полученными при опросе молодых людей: с традиционными установками типа «выше головы не прыгнешь» согласны 31,8 %, не согласны — 33,3 %, и не могли однозначно ответить — 34,8 % ответивших. Наблюдается расслоение выборки, обусловленное, вероятно, степенью активности и уверенности молодого человека в своих силах.

Выводы

По итогам исследования жизненных моделей молодежи на материале социальной сети ВКонтакте можно сделать следующие выводы.

Круг общения молодых людей чрезвычайно широк, и у значительной части молодых людей измеряется в сотнях контактов и сообществ, которые создают просматриваемое ими информационное поле и, следовательно, обладают потенциальным влиянием на выстраивание ими жизненных моделей. При этом, несмотря на доступность Интернета и социальных сетей, этот круг в среднем значимо меньше у жителей малого города, чем в крупном городе.

Содержание персональных страниц, особенно в части ленты с постами и новостями, насыщено контентом, не относящимся строго к выделенным индикаторам жизненных моделей (например, развлекательным, объявлениями о лотереях и пр.), которые также опосредованно влияют на представления молодых людей о том, что важно в жизни, как этого достигнуть и т. д., в силу большого объема и повторяемости.

Анализ содержания, релевантного понятию «жизненные модели», показал, что все три исследуемые сферы представлены и в тексте, и визуально; профессиональная сфера чаще упоминается в текстах (хотя проиллюстрирована, как правило, фото и видео), сфера отношений чаще представлена визуальными постами, что создает трудности при распознавании сущности сообщения; сфера саморазвития чаще представлена визуально в «предметных» занятиях в свободное время, а в текстовом формате содержательные индикаторы жизненной модели (активность, вовлеченность, настойчивость, вера в себя) «рассеяны» по странице и присутствуют в формулировке «статуса», ответах на анкету, комментариях. Выявлены различия в содержании персональных страниц пользователей в социальной сети, определяемые прежде всего местом их проживания. Это проявляется в большем количестве актуальных контактов (и соответственно, широты информационного поля, в котором они находятся) в мегаполисе, и в сравнительном объеме содержания, относящегося к разным жизненным сферам (например: больше всего упоминаний о работе выявлено в мегаполисе, в малом городе больше упоминаний сферы личных отношений и фиксировались упоминания об эмоциональной поддержке родительской семьи; сфера саморазвития и досуга значимо не отличается). Различия в контенте страницы выявлены и по полу: например, юноши мегаполиса чаще описывают значимые профессиональные события, девушки мегаполиса — события и те-

кущую деятельность, девушки малого города чаще пишут о проектах и услугах, ориентированных на жителей города.

Заключение

Проведенное исследование частично освещает вопрос относительно «близости» или «различности» проявлений личности в двух мирах — реальном (офлайновом) и цифровом (онлайновом). В ходе работы было сделано сопоставление результатов анализа контента персональных страниц молодых людей в социальной сети с результатами предыдущего этапа исследований жизненных моделей молодежи, реализованного с помощью опроса молодых людей из разных регионов России [Москвичева и др., 2019; Kostromina et al, 2019]. Оба исследования опирались на единую теоретическую основу и разработанную в соответствии с ней категориальную матрицу. В целом сопоставление указанных рядов данных выявило сходство по целому ряду параметров.

Так, по данным опроса, как и по результатам анализа содержания сетевых ресурсов, взгляды и ценности молодых людей в профессиональной сфере во многом не совпадают с традиционными представлениями (стремление к стабильности и определенности, материальной обеспеченности, постепенное продвижение по карьерной лестнице на одном месте и пр.), а отражают стремление к получению нового опыта, мобильности, пробе себя в разных видах профессиональной деятельности, потребность в самореализации в профессии и др. При этом сходным является и то, что среди молодежи выявлены разные варианты выстраивания жизненной модели в профессиональной сфере.

В сфере отношений содержание соцсетей свидетельствует о более высокой доле традиционных представлений: значимости дружбы и любви, устоявшихся критериях выбора супруга (супруги), стремлении к поддержанию семейных отношений. Однако, так же как и при прямом опросе, наблюдается дифференцированность выборки, связанная в первую очередь с местом проживания. Можно предположить, что б*о*льшая демонстрация традиционных семейных ценностей в малом городе может быть связана как с действительно б*о*льшим их принятием, так и с нежелательностью демонстрации в сети «иных» взглядов пользователями, живущими

в малом городе, где все друг друга знают. Это подтверждает необходимость включения в анализ поведения человека в цифровом пространстве также и внешней среды, точнее, тех ее факторов, которое человек включает в свое психологическое жизненное пространство.

Аналогично содержание страниц пользователей, касающееся саморазвития и самореализации, как и результаты опроса, показывает различные варианты жизненной позиции молодых людей. Среди пользователей есть люди, активно презентирующие себя, постоянно выкладывающие посты, рассказывающие своим подписчикам о новых начинаниях, достижениях и т. д., то есть демонстрирующие активную и самостоятельную жизненную модель; с другой стороны, можно наблюдать более пассивные и несамостоятельные жизненные модели.

Таким образом, можно заключить, что показанные связи «виртуальных» и «жизненных» параметров поведения человека (на примере ориентиров в выстраивании жизненного сценария) подтверждают тезис о необходимости и возможности их изучения как единого жизненного пространства человека, с использованием общего исследовательского языка.

Следует оговорить, что полученные данные отражают тенденции, полученные в рамках данной выборки, и не могут быть автоматически перенесены на всю генеральную совокупность, однако дают основания говорить: о различии жизненных моделей, представленных в интернет-ресурсах, у молодежи, проживающей в мегаполисах и малых городах; вариативности жизненных моделей молодежи внутри групп, проживающей в одном городе, выражающейся в значительном индивидуальном разбросе по многим индикаторам; особенностях представления жизненных моделей, определяемых нормами и интерфейсом социальной сети (в данном случае — ВКонтакте), тогда как другие социальные сети в большей мере позиционируют себя как сети успешных (например, Instagram) или деловых людей (например, Facebook), могут ограничивать объем сообщений (например, Twitter) и иметь другие особенности, отражающиеся на содержании контента, релевантного определению «жизненные модели».

Литература

Асмолов А. Г. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 1–26.

Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2010. № 1. С. 3–21.

Аянян А. Н., Марцинковская Т. Д. Социализация подростков в информационном пространстве // Психологические исследования. 2016. № 9 (46). С. 8. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n46/1262-ayanyan46.html (дата обращения: 10.04.2020).

Белинская Е. П. Взаимосвязь характеристик идентичности и стратегий совладания у пользователей социальных сетей // Образование личности. 2016. № 4. С. 52–59.

Белинская Е. П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. 2013. № 6 (30). С. 5. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858 (дата обращения: 10.04.2020).

Белинская Е. П., Гавриченко О. В. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 60. С. 12. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1606-belinskaya60.html (дата обращения: 12.04.2020).

Войскунский А. Е. От психологии компьютеризации к психологии Интернета // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2008. № 2. С. 140–153.

Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2013. № 1. С. 66–83.

Гришина Н. В. «Жизненное пространство» в теории поля Курта Левина как пространство возможностей и самореализации человека // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 4 / под ред. Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

Гришина Н. В., Москвичева Н. Л., Кузнецова Е. А. Жизненный сценарий как научный конструкт: эволюция взглядов и методов изучения // Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 331–382.

Гусельцева М. С. Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019а.

Гусельцева М. С. Трансформации идентичности в информационной культуре // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: Коллективная монография / под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко. М.: Московский педагогический государственный университет, 2019б. С. 36–43.

Дроздова А. В. Концептуализация повседневности в эпоху цифровой культуры // Вестник Гуманитарного ун-та. 2018. № 2 (21). С. 96–104.

Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Информационные технологии в структуре идентичности человека: возможности и ограничения рисуночной методики // Психологические исследования. 2016. № 9 (45). С. 3. URL: http://psystudy.ru/num/2016v9n45/1233-emelin45 (дата обращения: 10.04.2020).

Корниенко Д. С., Руднова Н. А. Особенности использования социальных сетей в связи с прокрастинацией и саморегуляцией // Психологические исследования. 2018. № 11 (59). С. 9. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1574- (дата обращения: 10.03.2020).

Костромина С. Н., Гришина Н. В., Зиновьева Е. В., Москвичева Н. Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. Психология. 2018. Т. 8, вып. 4. С. 341–357.

Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. СПб.: Сенсор, 2000. (Сер. «Мастерская психологии и психотерапии»).

Лисенкова А. А., Мельникова А. Ю. Социальные сети как фактор активного влияния на формирование ценностей молодежи // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 4. С. 322–329.

Москвичева Н. Л., Реан А. А., Костромина С. Н., Гришина Н. В., Зиновьева Е. В. Жизненные модели молодых людей: представления о будущей семье и модели, транслируемой родителями // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 3. С. 5–18.

Собкин В. С., Федотова А. В. Подростковая агрессия в социальных сетях: восприятие и личный опыт // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 2. С. 5–18. doi: 10.17759/ pse.2019240201.

Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет, 2013.

Фельдштейн Д. И. Изменяющийся ребенок в изменяющемся мире: психолого-педагогические проблемы новой школы // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4). С. 6–11.

Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Теории личности и личностный рост. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2004.

Щукина М. А. Личность офлайн и онлайн: связи и разрывы // Ананьевские чтения — 2019: Психология обществу, государству, политике: материалы международной научной конференции, 22–25 октября 2019 года / под общ. ред. А. В. Шаболтас, О. С. Дейнека; отв. ред. И. А. Самуйлова. СПб.: Скифия-Принт, 2019. С. 355–356.

Bogolyubova O., Upravitelev Ph., Churilova A., Ledovaya Y. Expression of Psychological Distress on Instagram Using Hashtags in Russian and English:

A Comparative Analysis // SAGE Open journal. 2018. October–December. N 1. https://doi/10.1177/2158244018811409.

Highfield T., Leaver T. Instagrammatics and digital methods: Studying visual social media, from selfies and GIFs to memes and emoji // Communication Research and Practice. 2016. No. 2 (1). P. 47–62.

Kostromina S. N., Grishina N. V., Moskvicheva N. L., Zinovieva E. V. Commitment to Generation Subculture as a Factor of Building a Life Scenario // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. PSYRGGU. 2019. Vol. LXIV. P. 268–275.

Kostromina S., Grishina N., Moskvicheva N., Zinovieva E., Burina E. Transmission of values and patterns of relations: intergenerational studies // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Vol. XLVII. P. 56–66.

Pittman M., Reich B. Social media and loneliness: Why an Instagram picture may be worth more than a thousand Twitter words // Computers in Human Behavior. 2016. No. 62. P. 155–167.

Van Dijk J. The network society. London: SAGE Publications, 2012.

Wellman B. Physical place and cyberplace: The rise of networked individualism // Intern. J. of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25, no. 2. P. 227–252.

References

Asmolov A. G. The Internet as a Generative Space: A Historical and Evolutionary Perspective. *Voprosy psihologii*, 2019, no. 4, pp. 1–26. (In Russian)

Asmolov G. A., Asmolov A. G. From We-Media to I-Media: Transformation of Identity in the Virtual World. *Vestnik of Moscow State University. Ser. 14. Psychology*, 2010, no. 1, pp. 3–21. (In Russian)

Ayanyan A. N., Martsinkovskaya T. D. Teenager's socialization in informational space. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2016, no. 9 (46), p. 8. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n46/1262-ayanyan46.html (accessed: 10.04.2020). (In Russian)

Belinskaya E. P. The relationship of identity characteristics and coping strategies among users of social networks. *Obrazovanie lichnosti*, 2016, no. 4, pp. 52–59. (In Russian)

Belinskaya E. P. Informational socialization of adolescents: the experience of using social networks and psychological well-being. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2013, no. 6 (30), p. 5. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858 (accessed: 10.04.2020) (In Russian)

Belinskaya E. P., Gavrichenko O. V. Self-presentation in the virtual space: phenomenology and regularity. *Psikhologicheskiie issledovaniia*, 2018, no. 11 (60), p. 12. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1606-belinskaya60.html (accessed: 12.04.2020). (In Russian)

Bogolyubova O., Upravitelev Ph., Churilova A., Ledovaya Y. Expression of Psychological Distress on Instagram Using Hashtags in Russian and English: A Comparative Analysis. *SAGE Open journal*, 2018, Oct.–Dec., p. 1. https://doi/10.1177/2158244018811409.

Drozdova A. V. Conceptualization of everyday life in the era of digital culture. *Vestnik University for Humanities*, 2018, no. 2 (21), pp. 96–104. (In Russian)

Emelin V. A., Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh. Informational technologies in the structure of personal identity: opportunities and limitations of graphic methodic. *Psikhologicheskiie issledovaniia*, 2016, no. 9 (45), p. 3. Available at: http://psystudy.ru/num/2016v9n45/1233-emelin45 (accessed: 10.04.2020). (In Russian)

Feldstein D. I. A changing child in a changing world: psychological and pedagogical problems of a new school. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2010, no. 2 (4), pp. 6–11. (In Russian)

Frager R., Feydimen J. *Theories of personality and personal growth*. Moscow, OLMA Press, 2004. (In Russian)

Grishina N. V. “Life space” in the field theory of Kurt Lewin as a space of possibilities and self-realization of a personality. *Psikhologicheskiie problemy samorealizatsii lichnosti*, iss. 4. Ed. by L. A. Korostyleva. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2000. (In Russian)

Grishina N. V., Moskvicheva N. L., Kuznetsova E. A. Life scenario as a scientific construct: the evolution of views and methods of study. *Personality psicology: Being in change.* Ed. by N. V. Grishina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2019, pp. 331–382. (In Russian)

Guseltseva M. S. *Psychology of everyday life in the light of the methodology of latent changes.* Moscow, Acropolis Publ., 2019a. (In Russian)

Guseltseva M. S. Identity Transformations in Information Culture. *Tsifrovoe obshchestvo v kul'turno-istoricheskoi paradigme* [Collective monograph]. Eds T. D. Martsinkovskaya, V. R. Orestovoy, O. V. Gavrichenko. Moscow, Moscow State University Press, 2019b, pp. 36–43. (In Russian)

Highfield T., Leave T. Instagrammatics and digital methods: Studying visual social media, from selfies and GIFs to memes and emoji. *Communication Research and Practice*, 2016, vol. 2 (1), pp. 47–62.

Kornienko D. S., Rudnova N. A. Online social network usage, procrastination and self-regulation. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2018, no. 11 (59), p. 9. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1574- (accessed: 10.03.2020) (In Russian)

Kostromina S. N., Grishina N. V., Moskvicheva N. L., Zinovieva E. V. Commitment to Generation Subculture as a Factor of Building a Life Scenario. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences,* 2019, vol. LXIV, pp. 268–275.

Kostromina S., Grishina N., Moskvicheva N., Zinovieva E., Burina E. Transmission of values and patterns of relations: intergenerational studies. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2018, vol. XLVII, pp. 56–66.

Kostromina S. N., Grishina N. V., Zinovieva E. V., Moskvicheva N. L. Life model as a construct for studying a life scenario of a person. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology,* 2018, vol. 8, no. 4, pp. 341–357. (In Russian)

Lewin K. *Field Theory in the Social Sciences*. St. Petersburg, Sensor Publ., 2000. (Ser. Workshop of Psychology and Psychotherapy).

Lisenkova A. A., Melnikova A. Yu. Social networks as a factor of active influence on the formation of youth values. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 322–329. (In Russian)

Moskvicheva N. L., Rean A. A., Kostromina S. N., Grishina N. V., Zinovieva E. V. Life models of young people: ideas about the future family and the model broadcast by parents. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie*, 2019, vol. 24, no. 3, pp. 5–18. (In Russian)

Pittman M., Reich B. Social media and loneliness: Why an Instagram picture may be worth more than a thousand Twitter words. *Computers in Human Behavior*, 2016, vol. 62, pp. 155–167.

Shchukina M. A. Personality offline and online: links and gaps. *Ananyev Readings — 2019: Psychology to Society, State, and Politics:* Proceedings of an International Scientific Conference, October 22–25, 2019. Eds A. V. Shaboltas, O. S. Deineka; resp. ed. I. A. Samuylova. St. Petersburg, Scythia-Print Publ., 2019, pp. 355–356. (In Russian)

Sobkin V. S., Fedotova A. V. Teenage aggression in social networks: perception and personal experience. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie*, 2019, vol. 24, no. 2, pp. 5–18. http:/doi.org/10.17759/pse.2019240201. (In Russian)

Soldatova G. U., Nestik T. A., Rasskazova E. I., Zotova E. Yu. *Digital competence of adolescents and parents. The results of an all-Russian study*. Moscow, Internet Development Fund Publ., 2013. (In Russian)

Van Dijk J. *The network society*. London, SAGE Publications, 2012.

Voyskunsky A. E. From the psychology of computerization to the psychology of the Internet. *Vestnik of Moscow State University. Ser. 14. Psychology*, 2008, no. 2, pp. 140–153. (In Russian)

Voyskunsky A. E., Evdokimenko A. S., Fedunina N. Yu. Alternative identity in social networks. *Vestnik of Moscow State University*. *Ser. 14. Psychology*, 2013, no. 1, pp. 66–83. (In Russian)

Wellman B. Physical place and cyberplace: The rise of networked individualism. *International J. of Urban and Regional Research*, 2001, vol. 25, no. 2, pp. 227–252.

М. О. Аванесян

«Ближайшие дела» во временной перспективе личности

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена проблеме актуального времени личности. Настоящее время рассматривается как переживаемое «мгновение», с одной стороны, и как период настоящего в контексте жизненного пути человека с другой. Обсуждается понятие временной перспективы личности и неоднородности восприятия времени, а также временной дистанции как ближнего и дальнего времени. Приведены данные актуальных исследований «субъективного временного расстояния» тех или иных событий (subjective temporal distance). Этот концепт касается не реальной временной дистанции события, а переживаемой психологической близости с нынешним Я человека. В качестве ключевого принципа организации временной перспективы рассматривается своевременность и неисторическая детерминация поведения, введенные К. Левином. Согласно ему, поведение детерминируется положением дел в настоящем и теми событиями прошлого и будущего, которые актуально представлены во временнóй перспективе субъекта. Предполагается, что время, как оно протекает в психическом мире человека, — психологическое прошлое и психологическое будущее — одновременные части психологического поля, существующего в данное время t. Описаны результаты собственного эмпирического исследования, в котором участникам предлагалось графически определить область ближайших дел, которые нужно сделать: чем ближе к центру, тем ближе к настоящему. Анализировались показатели протяженности временного пространства и устойчивости его границ. Протяженность определялась как характеристика будущего времени, которым оперирует человек, выстраивая планы на будущее («ближайшие дела»). Протяженность временных границ у молодых взрослых, участвовавших в исследовании, составляет от нескольких минут до нескольких лет (t_{max} = 4 года) (N = 73 чел.). С помощью специальной процедуры моделировалась ситуация пересечение временных границ, обозначенных участниками. Описано несколько типов эмоциональных реакций, связанных с приближением или отдалением определенного события: отрицательное, эмоциональное, амбивалентное, нейтральное. Выдвинуто предположение, что временные границы личности обладают онтологическим статусом, то есть существуют как часть психологической реальности.

Ключевые слова: временная перспектива, актуальное время личности, ближайшее будущее, временные границы, временнóе пространство, событие.

Сегодня часто говорят об увеличении темпа и скорости повседневной жизни. Реальный мир действительно учит людей той или иной временной перспективе. В своем известном проекте Роберт Левин исследовал темп жизни в 31 городе по всему миру, измеряя такие показатели, как скорость ходьбы, точность часов, а также темп таких простых деловых коммуникаций, как покупка марок на почте [цит. по: Зимбардо, Бойд, 2008]. Он сделал вывод, что темп жизни, или «темпоральное понуждение», во многом задается социальным окружением человека. Одним из проявлений новой, «текучей реальности» является «сиюминутная жизнь», когда успешный человек живет быстро и налегке, «находясь в системе возможностей вместо того, чтобы парализовать себя на одной конкретной работе» [Бауман, 2008]. «Мгновенность», с одной стороны, означает непосредственное, немедленное выполнение, с другой — также и непосредственное уменьшение и исчезновение интереса в связи с потенциальной доступностью той или иной цели[1], соответственно, ее откладыванием [Бауман, 2008]. В связи с этим актуальным становится исследование того, как человек соотносит «настоящее» со своим текущим опытом и как оно осмысляется им.

Для нас событие происходит *сейчас*, потому что оно совпадает с нашим актуальным восприятием. Однако, когда муж в ответ на просьбу жены что-то сделать говорит, что сделает это «сейчас», то это означает «в ближайшее время»; когда вы рассказываете другу о том, что «сейчас» происходит в вашей жизни, то это будет «сейчас» другого рода, например последние две недели, которые вы не виделись. Таким образом, можно говорить о двух разных аспектах восприятия времени: развернутом — через эмоционально-чувственное переживание длительности и симультанном — через его одномоментное схватывание мысленным взором. Второе не так очевидно, как первое, но благодаря ему «вневременные образы» становятся темпорально размещенными.

Когда мы думаем о своем будущем, выстраивая свою жизнь наперед, то это значит, что мы в какой-то момент способны «прервать» ход субъективно переживаемого времени, остановить его.

---

[1] Целью может быть как географическое место, куда можно быстро добраться, так и необходимая информация, которая потенциально доступна в сети.

Какова психологическая реальность, стоящая за понятием «временной перспективы»? Чтобы описать взгляд в будущее, используют аналогии с пространством [Нюттен, 2004; Вассерман и др., 2009]. Прежде всего временная перспектива характеризуется *протяженностью*, или *глубиной*. Она ощущается как *плотная*, или *насыщенная,* если наполнена объектами (событиями, целями и пр.). Продуктивность и легкость актуализации образов прошлого и будущего определяет богатство психологического времени [Коржова, Бурлачук, 1998]. Время переживается как *активное*, если происходит быстрая смена событий, или, наоборот, как замедленное и пустое. С*труктурированность* временной перспективы определяется связанностью между объектами или их группами, что создает возможность прогнозирования, учета причинно-следственных связей, иначе оцениваемый период кажется непонятным, размытым. В своем опыте мы замечали, что события или цели, располагающиеся в ближайшем будущем, обычно более яркие и реалистичные, чем более удаленные во времени [Нюттен, 2004; Nurra, Oyserman, 2018]. Эмоциональная окраска и ощущаемость времени связывают переживания времени и Я [Вассерман и др., 2009].

Временная перспектива является чем-то бо́льшим, чем предсуществующее «пустое пространство», поскольку она заполняется значимыми для человека объектами, именно они и определяют насыщенность и протяженность этого пространства [Gibson, 2015; Нюттен, 2004]. Они располагаются в субъективном пространстве и переживаются человеком как относящиеся к близкому, отдаленному или очень отдаленному будущему.

Психологическое настоящее: от точки к периоду

Обычно настоящее представляют в виде перехода на границе, где будущее превращается в прошлое. Язык снабжает нас множеством названий для этой «точки», доступной переживанию человека, — «момент», «мгновенье», «миг», «сейчас», «теперь». В психологической практике ее называют «здесь-и-сейчас», а в современных когнитивных исследованиях используют понятие «онлайн», которое указывает на то, что процесс протекает в «реальном времени». Настоящее время в контексте жизненного пути личности восприни-

мается иначе — если использовать пространственные метафоры, то это скорее не точка, а некоторая область. Можно предположить, что она определяется размером той временно́й перспективы, которую «за раз» удерживает человек при принятии решений, определении целей и, в целом, планировании времени своей жизни. Можно говорить об этом, используя термин «актуальное настоящее». Этот аспект психологической реальности существенно отличается от того, что принято называть перспективой будущего: охватывая перспективу будущего, он привязан к ситуации «здесь-и-сейчас».

Психологические моменты настоящего достаточно парадоксально скроены: с одной стороны, они не дробятся на кусочки, а создают ощущаемую длительность события, а с другой стороны, субъективно переживаются как достаточно автономные «сейчас» [Штерн, 2018].

Психологическое настоящее характеризуется не только длительностью, но и чувством того, что происходящее «сейчас» разворачивается во временном интервале подлинности [Штерн, 2018, с. 54]. Говоря о длительности актуального настоящего (actual present [Коффка, 1935]) или психологического настоящего (psychological present [Фресс, 1964]), замечают, что оно длится в течение короткого эпизода сознания, а его содержание определяется достаточно просто — это все то, что находится на ментальном уровне «сейчас» [Штерн, 2018, с. 53]. Однако мы знаем, что то, что человек называет «теперь», может длиться целый час, который он проводит в кресле у дантиста, или несколько часов, которые занимает чтение книги, а для спортсмена, ожидающего сигнала «старт», чтобы двинуться с места, «теперь» продолжается лишь несколько секунд [Титченер, 1914]. Курт Левин допускал, что благодаря тому, что существуют свойства поля как чего-то целого, даже макроскопические ситуации, которые охватывают часы или годы, также можно рассматривать как единицу анализа с применением принципа «своевременности». Он подчеркивает тот факт, что существующее поле — «ситуация в данное время» — относится не к моменту, который не имеет никакой протяженности, а к определенному периоду времени [Левин, 2000, с. 70–71]. Это не отменяет свойства современности, но позволяет учитывать динамические характеристики поля — психологическое направление и скорость поведения. Те-

кущие взгляды человека на свое прошлое или будущее вне зависимости от их достоверности, представляют для него «уровень реальности» в его жизненном пространстве.

Протяженность «сейчас» для человека может определяться наличием в его жизни «открытых» периодизаций, в которых указано только начало периода, оно чаще всего располагается в прошлом, а окончание располагается в настоящем или будущем («до сих пор…», «с тех пор…»). Для определения периода своего настоящего человек может использовать уже готовые лекала — возрастной период, в котором он находится в настоящий момент: «детство», «подростковый возраст», «молодость», или периоды, привязанные к социальным институтам: «школьные годы», «студенческие годы».

Таким образом, представление о настоящем существенно различается в зависимости от той оптики, которую мы используем: момент настоящего в текущей реальности или момент настоящего в масштабе целостной жизни человека.

Понятие своевременности

Психологически реальными для человека становятся только те составляющие его окружения, которые входят в его жизненное пространство, определяются его потребностями. Принцип одновременности (своевременности) и понятие неисторической детерминации поведения, введенные К. Левином, подчеркивают, что поведение детерминируется положением дел в настоящем и событиями прошлого и будущего, которые актуально представлены во временно́й перспективе субъекта.

Для нас важно, что в концепциях и К. Левина, и Ж. Нюттена акцент делается на том, что общая направленность поведения не может быть выведена из памяти о прошлом, она связана с потребностным состоянием человека. Однако далее интересы ученых расходятся. Для Ж. Нюттена будущее — это пространство мотивации, которое задается виртуально присутствующими мотивационными объектами, то есть целями и поведенческими проектами, которые еще предстоит реализовать, объектами и событиями, которых человек хочет достичь или опасается. Именно это и создает определенную протяженность будущего. Для К. Левина интереснее

поведение человека в конкретной жизненной ситуации, то есть актуальное настоящее и конфигурация поля в определенный момент времени. Можно проиллюстрировать это на простом примере: расстояние от дома до школы для школьника не равно расстоянию от школы до дома, поскольку дом притягивает его, а школа отталкивает. Говоря о времени, о том, как оно протекает в психическом мире человека, Курт Левин исходит из того, что «психологическое прошлое и психологическое будущее — одновременные части психологического поля, существующего в данное время t». Согласно теории поля, любой тип поведения зависит от всего поля в целом, включая временн*у*ю перспективу, с позиции которой смотрит человек, то есть включает только актуальную перспективу прошлого или будущего [Левин, 2000, с. 74]. Он приводит пример Фарбера, который показал, что степень страдания заключенного больше зависит от его ожиданий, связанных с освобождением, до которого может быть 5 лет, чем от приятности или неприятности того, что происходит с ним в текущий момент.

Идея «данного времени t» подчеркивает постоянную изменчивость временной перспективы, которая наряду с видением настоящей ситуации определяется ожиданиями, желаниями, страхами, мечтами о своем будущем и взглядами на свое прошлое. Ж. Нюттен, как и К. Левин, подчеркивает аспект «современности» временной перспективы, рассматривая ее как конфигурацию темпорально локализованных объектов, которые виртуально заполняют сознание в определенной ситуации [Нюттен, 2004, с. 367]. Он поясняет, что временная перспектива не ограничивается тем объектом, о котором думает субъект в какой-то момент времени, поскольку в ней, как и в пространственной перспективе, могут присутствовать объекты, которые не находятся в фокусе восприятия. Таким образом, Ж. Нюттен предлагает рассматривать оба контекста временной перспективы — и промежуточный, и периферийный [Нюттен, 2004, с. 367]. Это важно в той степени, в которой мы пытаемся объяснить текущее поведение человека. Так, оперируя более протяженной и реалистичной перспективой будущего, он получает возможность опираться на устойчивые во времени и скоординированные друг с другом репрезентации: например, в ситуации, когда цели и средства их реализации отсутствуют в настоящей ситуации, но будут доступны позже [Нюттен, 2004, с. 368].

В экспериментальных исследованиях показано, что временнáя перспектива, существующая в данное время, влияет на уровень притязаний, настроение, конструктивность и инициативу человека [Левин, 2000]. Например, представьте себе, каково самочувствие человека, который живет с перспективой, состоящей из неприятного прошлого, неудовлетворительного настоящего и не включающей какие-либо положительные ожидания от будущего[2]. В целом идентичность человека определяется не только его мыслями, чувствами, поведением относительно Я-в-настоящем, но и его представлениями относительно того, каким он был в прошлом, а также надеждами и страхами относительно себя в будущем [Wilson, Ross, 2000]. В литературе представлены исследования того, что происходит с временнóй перспективой будущего в ситуации кризиса или травматической ситуации. Так, пережившие травматическое событие могут как выработать веру в более позитивное будущее, так и наоборот, их ориентация на будущее может стать более ограниченной или негативной [Зарубин, Сырцова, 2013].

В определенный момент времени человек может думать только об одной ситуации или об одной категории объектов, хотя его временнáя перспектива не создается локализацией только этого элемента. Это связано с тем, что перспектива обычно предполагает наличие более чем одного объекта или события, которые не обязательно находятся в фокусе внимания, но ментально присутствуют: «Можно сказать, что эти объекты и события занимают сознание субъекта привычным, или виртуальным образом, они мотивируют и определяют его действия, могут изменяться как функция его жизненных условий или ситуаций. В опасных и стрессовых ситуациях жизненная перспектива может сужаться до очень близко находящихся целей или объектов, а в период спокойной рефлексии она может расширяться вплоть до очень отдаленных моментов прошлого и будущего». Данное виртуальное пространство Ж. Ниоттен предлагает обозначить как «поле», обладающее некоторым актуальным радиусом. Степень структурированности этих

[2] К. Левин ссылается на работу Бавеласа, в которой описывался новый опыт, связанный с переучиванием руководителей досуговой деятельности детского лагеря с авторитарного на демократический стиль руководства: это давало им стоящие цели и долгосрочную перспективу — и проявилось в увеличении жизненной перспективы.

разбросанных объектов может различаться, так, они могут объединяться по принципу «средство — цель», быть представлены как одноуровневые или иерархически организованные.

Расширение временной перспективы личности

Маленький ребенок живет в настоящем, его временная перспектива относительно небольшая и включает только ближайшее прошлое и будущее. С возрастом временное измерение его жизненного пространства растет, что проявляется в том, что на его текущее поведение оказывают влияние все более отдаленные события прошлого и будущего [Левин, 2000]. Так, переживание страха связано с психологическим будущим, к которому также относятся надежды, планы или ожидания. Вина, наоборот, относится к связи между уровнями реальности и желания в психологическом прошлом.

Обсуждая влияние отдаленных целей и перспективы будущего на мотивацию актуального поведения, Ж. Нюттен выделяет два процесса[3]. Первый связан с темпоральной дистанцией: отдаленные цели сильней всего мотивируют людей с более протяженной временной перспективой[4]. Люди, обладающие менее протяженной перспективой, располагают свои отдаленные цели «за пределами привычного временного горизонта», поэтому цели становятся менее реалистичными и меньше мотивируют их актуальное поведение. Второй процесс связан с тем, что люди с протяженной и структурированной временной перспективой лучше видят инструментальные взаимосвязи между своим поведением и отдаленными целями. Было показано, что студенты с мотивацией достижения, видящие, то есть «актуально воспринимающие»

---

3 Первый состоит в том, что влияние темпорально и пространственно удаленных объектов с расстоянием уменьшается. Влияние объектов и событий становится меньше, поскольку они становятся менее психологически реальными. Нюттен приводит пример того, как людям, озабоченным своим здоровьем, недостает мотивации отказаться от чего-то вредного, сейчас воздержаться от того, что в отдаленном будущем определенно нанесет им серьезный вред.

4 Мотивируют разрабатывать более разнообразные отдаленные цели и проекты.

инструментальную связь между своей текущей учебой и отдаленной карьерой, более мотивированы на учебу, чем студенты, не видящие этой связи[5]. Ж. Нюттен также отмечает, что в реальной жизненной ситуации мотивационное поле человека представляет собой сложную иерархическую структуру с множеством целей и проектов, желаний и опасений, виртуально расположенных в их перспективе будущего. Будущее является «ментальным пространством», протяженность которого возникает за счет того, что «в ходе представления целевого объекта в рамках потребности, которая должна быть удовлетворена, на репрезентационном уровне поведенческой активности возникает определенная протяженность будущего» [Нюттен, 2004, с. 389].

В руководстве по анализу временной перспективы личности Ж. Нюттен выделяет три *обобщенные временные категории* локализации целевых объектов[6] (методика ММИ): ближайшее будущее, среднеудаленное будущее, далекое будущее; добавочные категории — «открытое настоящее» и историческое будущее[7]. Период *открытого настоящего,* или *настоящего, открытого*

---

5 Для прикладной психологии важно, что у субъектов с протяженной временной перспективой общий уровень мотивации инструментального действия (например, в учебной деятельности) может все же быть негативным. Это будет, к примеру, случай, когда отвращение к самому инструментальному действию (учебе) сильнее, чем позитивная целевая мотивация, связанная с этой инструментальной активностью. Это особенно может иметь место в случае, когда сама цель (скажем, карьера) задана извне, без внутренней мотивации со стороны субъекта. В таких случаях инструментальное действие не будет выполняться, ребенок реально не будет учиться, хотя и будет посещать занятия по иным мотивам.

6 Под мотивационными объектами Ж. Нюттен имеет в виду события, которые человек помещает в своей временной перспективе, которые связаны с его желаниями, намерениями, планами.

7 В ближайшее будущее входит T — момент заполнения теста; D (день) — в пределах одного-двух дней от настоящего момента (например, «…хорошо выспаться ночью»); W (неделя) — в течение недели от настоящего момента; M (месяц) — в течение месяца от настоящего момента. Среднеудаленное будущее — в течение года-двух от настоящего момента, а также текущий социальный период жизни субъекта (например, средняя школа, студенчество и пр.). Далекое будущее содержит все периоды жизни, находящиеся за пределами текущего социального периода, а также все объекты, кодируемые как жизнь.

в будущее, был введен как темпоральная зона для таких мотивационных объектов, осуществления которых респондент хотел бы прямо сейчас. Однако даже если человек в данный момент думает о настоящем, его умственный взор не замыкается в нем, а направлен в будущее без четких границ (например, «быть умным», «пунктуальным», «уметь говорить на нескольких языках»). Поэтому временная перспектива, образуемая мотивационными объектами этого типа, отличается от временной перспективы, ограниченной настоящим моментом или ближайшим будущим. Поскольку оценить временную протяженность таких мотивационных целей нелегко, они учитываются для качественного описания временного профиля человека, но не участвуют в измерении средней протяженности временной перспективы будущего. Таким образом, в концепции Нюттена временная перспектива строго привязана к моменту настоящего, который, будучи точкой отсчета, сам выпадает из нее. Именно с актуальным настоящим, а точнее, с желаниями человека связаны мотивационные объекты, расположенные во временной перспективе.

Человек обычно организует свою жизнь и мотивы в определенном «поле», актуальный радиус которого может быть измерен. Большая часть его поведения, «расходясь лучами», осуществляется в этом секторе. Так, можно говорить о величине жизненного пространства человека, начиная с географии его перемещений («человек мира» или «житель провинции») и до масштаба проблем, которые он решает. В отношении временной перспективы действуют те же правила: с взрослением протяженность (глубина) временной перспективы увеличивается. Далее можно говорить о ее высокой индивидуальной вариативности. Те индивиды, которые «заглядывают вдаль», находят больше возможностей и средств для реализации своих целей, поскольку то, что отсутствует сейчас, может быть добыто в более отдаленном будущем: почти все важные достижения требуют скоординированных и долговременных структур. В ситуации стресса и опасности или, наоборот, истощения и усталости у большинства людей происходит сужение жизненной перспективы до очень близко находящихся целей или объектов. Даже не обращаясь к патопсихологическим примерам, каждый знает на своем опыте, как легко начинают «теряться» числа месяца и дни недели во время болезни или отпуска. Однако противопо-

ложный феномен — мгновенный жизненный обзор, который описывают люди, имеющие околосмертный опыт. Когда жизни человека угрожает опасность, то у него перед глазами проносится вся жизнь, многолетняя временная перспектива прошлого, с одной стороны, бесконечно расширяется за счет представленных в ней объектов, а с другой — «схлопывается» до нескольких мгновений. Такие воспоминания по сути создают самоидентичность личности и поддерживают ее целостность. Они имеют определенную темпоральную маркировку и являются якорями, которые организуют временную матрицу автобиографической памяти и относительно которых другие события переживаются как «далекие» и «близкие», что и создает силу эффекта их мгновенного одновременного появления [Нуркова, 2011].

Неспособность принимать во внимание протяженность временной перспективы — причина того, что люди бесконечное количество раз дают себе так называемые «новогодние обещания», садятся на диету, пытаются бросить курить или наконец-то начать утренние пробежки, учить иностранный язык и пр., не выполняя их. Когда люди с избыточным весом указывали два параметра — «идеальный» и «расстраивающий» по итогу лечения вес, то они существенно недооценивали срок, который им понадобится: в среднем они теряли за время лечения 16 кг, что для большей части пациентов было ниже веса, который они изначально оценивали как «расстраивающий» [Polivy, Herman, 2000]. Субъективное повышение чувства самоконтроля, которое возникает в случае, когда человек сам себе дает обещание измениться, приводит к ложному чувству уверенности в достижении поставленных целей[8]; кроме того, переоценивается эффект позитивных последствий от достижения поставленных целей в других сферах жизни; столкновение с превратностями приводит к негативным эмоциям и самоконтроль уступает место снисходительности к себе и потере контроля [Musschenga, 2019; Polivy, Herman, 2000]. Параметры временной перспективы изначально достаточно искажены и, видимо, не корректируются по ходу реализации цели: они привязаны к ложной временной метрике и при этом, нахо-

---

[8] Этот феномен получил название синдрома ложной надежды (false-hope syndrom).

дясь в фокусе внимания, обладают для человека параметрами реалистичности и яркости.

Время ближнее и время дальнее

Человек может переживать какое-то событие как относящееся к «ближнему» или «дальнему» времени [Strahan, Wilson, 2004]. Бывает, что события, которые произошли давно, переживаются так, как будто случились вчера; недавние же события переживаются как случившиеся в более отдаленном прошлом. Для будущего времени также существуют различия: одни события будущего могут восприниматься как приближающиеся быстро, например рабочие дедлайны, а хронологически более близкие, например отпуск, кажутся приближающимися очень медленно.

Росс и Уилсон [Wilson, Ross, 2000] используют термин «субъективное временное расстояние» (subjective temporal distance) для описания «психологического опыта близости между своим нынешним Я с прошлым и будущим Я» [Wilson, Ross, p. 5]. Оказывается, если манипулировать временной перспективой, делая какие-то события субъективно более близкими (безотносительно их реальной временной дистанции), то они по-разному влияют на поведение человека в настоящем. Участникам исследования, которыми были студенты, предлагалось представить день окончания университета, предстоящий приблизительно через три года, и подумать о том, какими они в этот момент будут. Затем участникам двух групп предъявлялась линия времени, на которой надо было отметить момент окончания университета (timeline procedure). Начало линии для обеих групп было одинаковым — она начиналась с «сейчас», но для одной группы студентов линия заканчивалась отметкой в «5 лет», а для другой — «25 лет». Расстояние от «сейчас» до точки «3 года» на линии в «5 лет» было больше, чем на линии в «25 лет». Это создавало «иллюзию временной отдаленности или приближенности». Затем участников попросили назвать свои надежды и опасения в форме возможных Я. После этого их попросили написать в открытой форме о стратегиях, планируемых для достижения итоговых академических успехов. Наконец участники заполнили анкету оценки их текущей академической мотивации.

Результаты сравнения двух групп показали, что студенты, которые переживали событие как более близкое, проявили более высокие показатели академической мотивации. Они также при перечислении своих планов больше фокусировались на текущих действиях, которые касались процесса достижения целей (например, «Я планирую посещать лекции каждую неделю»), а не ожидаемых результатах (например, «Я планирую получать высокие оценки»); также они меньше внимания уделяли другим сферам жизни (например, «Я планирую проводить больше времени со своими друзьями»). Таким образом, чувство близости к выпускному заставило участников больше сосредоточиться на реальных действиях или стратегиях, которых они должны начать придерживаться сейчас, чтобы достичь своих будущих целей[9].

Более того, когда студентов просили: «Подумайте о моменте в недавнем прошлом, о начале этого семестра. Каким вы тогда были?», а другую половину людей просили: «Подумайте о самом начале этого семестра, отмотав время назад. Каким вы тогда были?», то при условии недавнего прошлого они относились к себе более доброжелательно и менее критично, чем в случае отдаленного прошлого[10]. Также в ситуации, когда студенты получали задание представить себя через два месяца, но первой группе это событие предъявлялось на линии времени так, что воспринималось в контексте ближайшего будущего (конец линии — конец семестра), а другой — к отдаленному (конец линии — конец обучения). Участники, чья временная линия отражала только несколько ближайших месяцев, были вынуждены отметить событие, которое должно было произойти в ближайшем будущем как графически более отдаленное, чем те, кто размещал событие в масштабе линии нескольких лет. Соответственно, во втором случае оценки студентов своего будущего Я были более высокими, чем

---

9 При этом ни количество, ни проработанность желаемых или избегаемых возможных Я у двух групп не отличалось (какими они видели себя через 3 года).

10 Авторы объясняют это тем, что люди более склонны более положительно оценивать недавнее прошлое, чем отдаленное, потому что психологически более близкие Я и события по-прежнему имеют прямое значение для текущей идентичности, в то время как отдаленные идентичности больше туда не включены.

в первом, поскольку оно воспринималось как «субъективно более близкое» [Strahan, Wilson, 2004].

Планирование как структуризация времени

Вопрос о том, зачем необходимо планирование, включен в субтест «Понимание» теста интеллекта Д. Векслера, в котором оценивается способность человека к суждениям, осознание повседневных закономерностей, называемое в быту «здравым смыслом». В зарубежной психологии можно выделить несколько направлений исследований, посвященных планированию времени. Первое связано с исследованием планов, задач, дорожных карт (road maps), возможных Я с целью выяснить условия, когда из когнитивных конструктов они превращаются в мотивационные силы [Erikson, 2007]. Второе направление связано с практиками изменений, особенно образа жизни, борьбы с вредными привычками [Prochaska, Norcross, 2002]. В психологии описано множество эффектов, связанных с ошибками планирования. Большое внимание уделено феномену ложной надежды (false hope), которую связывают с когнитивными искажениями — игнорированием и избирательным отношением к определенной информации, в том числе непреднамеренному самообману, недооценкой необходимых усилий или времени, необходимого на достижение цели. Третье направление связано с исследованиями временной перспективы в связи с личностными особенностями (например, тревожностью, интеллектом и пр.).

В отечественной психологии личности доминирует событийный подход к анализу жизни и ее планированию. Е. Ю. Коржова пишет, что количество прошлых событий, которые упоминает человек в тесте «Линия жизни», в норме превосходит количество будущих [Коржова, Бурлачук, 1998]. Это объясняется тем, что наше представление о себе опирается прежде всего на истории из прошлого. Будущее может представляться человеку в двух основных вариантах: 1) описание нескольких событий будущего, от которых «зависит все остальное», когда небольшое количество событий связано со своеобразным «обобщением» будущей жизни; 2) описание большого числа событий, стремление «спланировать всю жизнь до конца», которое можно объяснить стремлением преодолеть беспокойство, разложив свою жизнь по полочкам.

Однако организация личностью времени повседневной жизни изучена достаточно мало. Планирование рассматривается как один из основных регуляторных процессов[11] [Моросанова, 2011]. Высокие показатели, полученные в тесте по этому процессу, свидетельствуют, что у человека сформирована потребность в осознанном планировании деятельности, а его планы реалистичны, детализированы, иерархичны, действенны и устойчивы, цели деятельности выдвигаются самостоятельно, а не носят ситуативный характер [Моросанова, 2011]. Другим показателем, имеющим отношение к планированию, является гибкость — способность легко перестраивать планы и действия по их достижению при возникновении непредвиденных обстоятельств. В рамках концепции суверенности психологического пространства личности С. К. Нартова-Бочавер [Нартова-Бочавер, 2008] выделила компонент, который определяет, насколько человек распоряжается своим графиком и временем — суверенность привычек. Говоря о временной суверенности, она выделила ее основные функции: 1) предсказуемость (снижение уровня неопределенности) среды; 2) разграничение сфер территориального влияния по времени; 3) разграничение права пользоваться одними и теми же вещами по времени; 4) защита от фрустраций, связанных с незавершенностью действия; 5) обозначение социального статуса через первенство — подчинение. Наиболее важными характеристиками, обеспечивающими суверенность психологического пространства, является то, что оно ощущается как свое, присвоенное или созданное самим человеком; он имеет возможность контролировать и защищать все находящееся и возникающее внутри пространства, оно обладает целостностью границ (суверенное в отличие от депривированного); оно «прозрачно» и поддается рефлексии только в проблемных ситуациях [Нартова-Бочавер, 2008].

Для изучения феномена временных границ личности В. И. Ножниной [Ножнина, 2019] под нашим руководством было проведено собственное исследование. Основной исследовательский вопрос состоял в том, существуют ли временные границы

---

11 Регуляторные процессы — планирование, моделирование, программирование, оценка результатов и регуляторно-личностные свойства — гибкость и самостоятельность определяют стиль саморегуляции.

личности как психологическая реальность, то есть обладают ли они онтологическим статусом?

Выборка состояла из 73 человек: 31 женщина в возрасте от 20 до 40 лет и 41 мужчина в возрасте от 20 до 40 лет, средний возраст участников составил 26,9 ± 4,37. Все участники имели законченное высшее образование или находились в процессе его получения.

Для углубления представлений о временном пространстве личности и его границах нами был разработан кейс. Исследование проходило в два этапа. На первом этапе от участников исследования требовалось поставить в центре листа точку, которая будет означать здесь-и-сейчас. Потом их просили нарисовать вокруг точки круг, в котором будут находиться ближайшие дела, которые им нужно сделать. Чем ближе к центру, тем ближе к настоящему. Затем участники обозначали, какой временной промежуток получился у них очерченным. На втором этапе участникам предлагалась ситуация, в которой им надо было представить, что они выиграли бесплатную поездку в отпуск с условием, что принять решение о поездке нужно прямо сейчас. Затем им предлагалось разместить эту поездку в виде точки или круга на ранее сделанном рисунке. Затем участникам надо было вообразить, что поездка начинает приближаться к центру круга, то есть к настоящему моменту. Дополнительно мы использовали: 1) новую версию опросника С. К. Нартовой-Бочавер «Суверенность психологического пространства — 2010» [Нартова-Бочавер, 2014], шкалы которого соответствуют измерениям психологического пространства: физического тела, территории, вещей, привычек, социальных связей, ценностей; 2) тест тревожности Спилбергера — Ханина.

При анализе полученных рисунков мы сфокусировались на показателе протяженности временного пространства и устойчивости его границ. Под протяженностью мы понимали область будущего времени, которой оперирует человек, выстраивая планы. Планирование предполагает, что человек структурирует время, отводя его под определенные действия, которые он будет совершать, при этом происходит своего рода освоение времени. Чем дальше в будущее распространяются планы, тем дальше протяженность временной границы.

По итогам выполненных заданий можно сказать, что протяженность временных границ у молодых взрослых, участвовавших

в исследовании, составляет от нескольких минут до нескольких лет (t_{max} = 4 года).

Таблица 1. **Протяженности временных границ, процентное распределение участников (N = 73 чел.)**

Срок планирования для ближайших дел	1 неделя — 1 месяц	1–3 месяца	3–6 месяцев	6 месяцев — 1 год	1 год — несколько лет
Распределение выборки, в %	38	13	19	15	15

Мы видим, что более трети участников оперирует временным диапазоном «ближайших дел» от текущего момента до 1 месяца (38 %) (табл. 1). На втором месте группа, которая планирует ближайшее будущее на 3–6 месяцев вперед (19 %). Распределение между остальными группами примерно одинаковое. В дальнейшем необходимо уточнить, почему перспектива в 3–6 месяцев оказалась на втором месте по распространенности, опережая промежуток в 1–3 месяца[12].

Для определения проницаемости временных границ мы просили участников представить, что в момент прохождения кейса им предложили поехать в отпуск и решение нужно принять незамедлительно. Поездка была своего рода вторжением во временные границы обозначенного участниками круга и подразумевала изменение намеченных планов.

Таблица 2. **Распределение ответов участников в соответствии с проницаемостью временных границ (N = 73 чел.)**

Готовность к изменению планов	Поместили поездку вне круга	Поместили поездку внутрь круга	Поместили поездку внутрь круга при определенных условиях
Распределение выборки, в %	56	22	22

12 Можно предположить, что временной интервал в «полгода» обладает более высокой частотностью в обыденном языке, чем трехмесячный интервал, который называется «квартал», но в обыденной живой речи используется реже.

Бóльшая часть участников (56 %) отказалась перемещать поездку в область запланированного и поставила поездку вне круга или на его границе, объяснив это тем, что заранее определенные планы для них важнее, чем отдых, и они не готовы что-либо менять; 22 % участников поместили поездку внутрь круга, у точки, обозначающей настоящее, они были готовы изменить свои планы, оживленно комментировали предстоящую поездку: «да хоть завтра в отпуск», «пакую чемоданы» и т. д.; еще 22 % сказали, что согласились бы поместить поездку внутрь круга, но при определенных обстоятельствах: получение разрешения от начальника, возможность пристроить животных и т. д. (табл. 2). Готовность к изменению планов, на наш взгляд, определяла гибкость временных границ как способа взаимодействия человека с окружающей реальностью и временем других людей. Единицей взаимодействия в данном случае получается план или какое-либо действие, репрезентация которого уже расположена в когнитивном плане. Как и любая граница, временная граница в таком случае разделяет «свое» и «чужое» пространство. Изменение плана предполагает открытость новому опыту, который не соответствует ожиданию, и принятие во внимание новой ситуации и ее участников.

После того как участники самостоятельно размещали поездку на листе, ее расположение сдвигалось экспериментатором ближе к центру, что означало приближение к настоящему моменту. В это время участнику предлагалось описать свой эмоциональный отклик на приближение поездки. По результатам опроса удалось выделить четыре группы ответов.

Негативный. В эту группу вошли те, кто расположил поездку за кругом или на его границе. При приближении поездки к центру они испытывали такие негативные переживания, как раздражение, тревога, злость и неприятие. В процессе интервью при перемещении поездки некоторые останавливали руку экспериментатора и говорили: «Хватит!» Участники объясняли свою реакцию нежеланием менять свои планы или потерять контроль, ухудшением эмоционального состояния: «Все слишком быстро, не знаю, что делать», «Мне не нравится» (50,6 %).

Амбивалентный. Участники, которые расположили поездку близко к центру, были готовы поехать, но связывали это с некоторыми трудностями: «Я соглашусь, но буду нервничать. Потому

что отказываться от такого глупо, но резкий крах краткосрочных планов мне неприятен» (5,4 %).

Положительный. Участники отреагировали радостью на перемещение поездки ближе к центру. В эту группу уже изначально вошли те, кто расположил поездку внутри круга и им не надо было переживать пересечение границ. Ее передвижение внутри круга вызывало у них предвкушение и радость («Пакую чемоданы», «Скорее бы, в отпуск хочу») (22 %).

Нейтральный. В эту группу вошли участники, которые не проявляли эмоций при передвижении поездки к центру и не согласились изменить границы области планирования, отрицали поездку, перемещенную внутрь круга как существующую. При уточнении интервьюером эмоций большинство не отвечало, проявляло высокий уровень отрицания, например: «Она не передвинется ближе, т[ак] к[ак] у меня нет на нее времени», «Ничего не произойдет, потому что этого не случится» (22,2 %).

В нашей выборке встречались нетипичные ответы, связанные с очень близким или, наоборот, дальним временем планирования. Тот, кто отмечал в актуальных планах 5 лет и больше (максимум в 10 лет), в открытых ответах об эмоциональной реакции на поездку указывал, что незапланированное разрушение или смена планов может «привести к нервному срыву или к сильному упадку жизненного тонуса». В свою очередь участники, которые отметили ближайшие дела в области нескольких часов, легко передвигали поездку в пределах круга: их временная зона ограничивалась небольшой областью у точки здесь-и-сейчас. У участников с такими границами мы наблюдали сложность в ранжировании деятельности по приоритетам, а ответственность за смену планов они чаще всего приписывали внешним обстоятельствам, например «если мне пришла поездка, значит, это знак». Участник, который нарисовал круг максимально приближенным к точке здесь-и-сейчас, аргументировал это тем, что выстраивание каких-либо планов и определение графика — нерационально и противоречит философии свободы.

Протяженность области «ближайших дел» не была связана с суверенностью временных границ. Таким образом, протяженность актуального настоящего не связана с тем, может ли человек контролировать, защищать и развивать свой повседневный рас-

порядок, режим дня. Однако протяженность области «ближайших дел» оказалась значимо связанной с суверенностью физического тела и территории, а также социальных связей. Можно предположить, что повышение контроля и автономности физического и социального пространства[13] приводит к тому, что время будущей жизни становится все более личным, «своим» («время моей жизни»). Вероятно, возможности человека увеличиваются при повышении его способности устанавливать близкие и ответственные отношения с другими.

При рассмотрении взаимосвязи тревожности и области «ближайших дел» выяснилось, что при планировании от нескольких дней до полугода показатель тревоги повышается, а от полугода до нескольких лет уменьшается (см. рис.). Данные закономерности выявлены на уровне тенденций, не являются статистически значимыми, но позволяют планировать дальнейшие исследования. Можно выдвинуть гипотезу, что планирование на несколько лет вперед позволяет создать конструкт стабильной реальности с достаточной продолжительностью (временем) для реализации планов и предсказуемостью происходящего, соответственно, тревога у таких людей выражена меньше.

Подводя итоги, можно предположить, что временные границы личности обладают онтологическим статусом, т.е. существуют для человека в его реальности. Они зонируют его жизненное пространство, позволяя феноменологически переживать некоторый «объем собственной жизни» («моя жизнь»). Временные границы «ближайших дел» можно определить как область планирования, связанную с удержанием в едином ментальном пространстве «моя жизнь» областей актуального настоящего и ближайшего будущего. Пересечение границ, приближение или отдаление определенного

---

13 Лучше понять природу этого феномена нам помогут рассуждения Э. Гуссерля, которые приводятся С. К. Нартовой-Бочавер: «“Здесь” — это место, где нахожусь я со своим телом, точнее, это — мое тело. …“Там” определяет себя через “здесь”. <…> “Там” — это место, где находится не-мое тело, вернее это не-мое тело. Поэтому превращение “там” в “здесь”, то есть достижение “там” означает превращение не-моего тела в мое, и продолжение моего тела… Поэтому превращение не-моего тела в продолжение моего тела означает его превращение в мое орудие» [Нартова-Бочавер, 2008, с. 139].

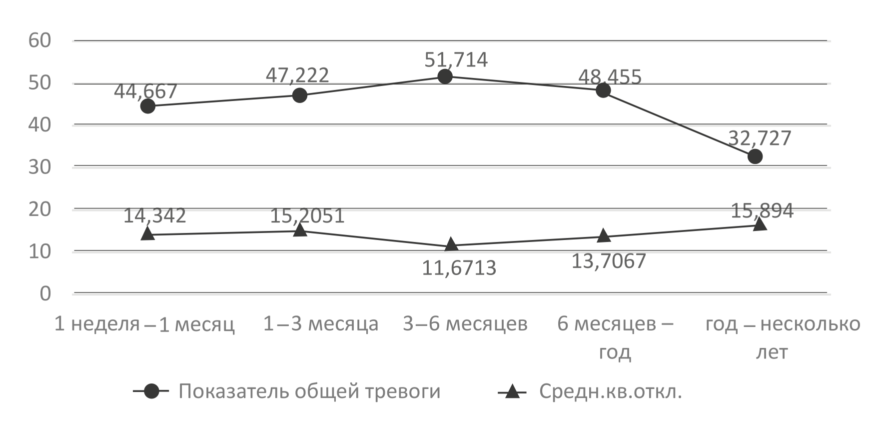

Рис. Взаимосвязь срока планирования и личностной тревожности

события, как было показано, сопровождается эмоциональной реакцией, носящей «защитный» или, наоборот, «принимающий» характер.

Поскольку протяженность временной перспективы является изменчивой характеристикой, то привлекательно было исследовать ее динамику в большой выборке в период экономической нестабильности [Зарубин, Сырцова, 2013]. Так, в период до и после финансового кризиса в России 2008 г. адаптация к новой сложившейся ситуации проявилась в том, что повысилась ориентация на «Гедонистическое настоящее» (ж., 40–49 лет) и снизилась ориентация на «Фаталистическое настоящее» (беспомощное отношение к своей жизни), особенно у женщин в период от 30 до 49 лет; снизилась ориентация на «Будущее» и «Позитивное прошлое». В то же время повысилась готовность людей включаться в ситуации с высокой неопределенностью и более смело реагировать на события будущего; она оказалась связанной с более высокой удовлетворенностью жизнью (особенно в возрасте 21–39 лет) [Зарубин, Сырцова, 2013]. Многокомпонентное влияние на временную перспективу личности показано в исследовании генеративной направленности личности, связанной с желанием оказать значимое влияние на окружающую действительность, развитие других людей. Так, становление генеративности в возрасте 25–32 лет определялось коэффициентом взрослости, эмоциональной окраской настоящего и ощущаемостью будущего. В возрасте 35–40 лет на первый

план выходила только положительная эмоциональная окраска будущего[14] [Полякова, Стрижицкая, 2016].

В целом, сталкиваясь с проблемой времени, личность выполняет довольно сложную задачу, будучи интегратором прошлого, настоящего и будущего. Она в режиме своевременности координирует и разрешает противоречия между биологическим, психическим и социальным (индивидуальным и общественным) временами, между разными временными экзистенциями и способами существования. Изучение актуального настоящего кажется перспективным, поскольку это тот временной диапазон, который освоен человеком и который он принимает во внимание, структурируя, размечая ожидаемое будущее через манипуляцию объектами-событиями. Временные границы, в свою очередь, отражают то, каким образом он осваивает внешний и внутренний мир, включает эти миры в собственное жизненное пространство и координирует свою жизнь и жизни других людей. В будущих исследованиях мы планируем уделить внимание тому, как события, находящиеся в зоне «ближайших дел», связаны друг с другом.

Литература

Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.

Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций: учебное пособие. М.: Российское педагогическое агентство, 1998.

Вассерман Л. И., Трифонова Е. А., Червинская К. Р. Семантический дифференциал времени: экспертная и психодиагностическая система в медицинской психологии: пособие для врачей и медицинских психологов. СПб.: СПб НИПНИ имени В. М. Бехтерева, 2009.

Зарубин П. В., Сырцова А. Временная перспектива и экономическая нестабильность: сравнительное исследование 2007 и 2013 гг. // Психологиче-

[14] Генеративная направленность возрастала при повышении ожидаемой продолжительности жизни ($r = 0{,}45$; $p < 0{,}001$), отношении к жизни как к полной событиями и впечатлениями ($r = 0{,}38$; $p < 0{,}001$) и большом количестве интервалов жизни, оцененных как максимально насыщенные ($r = 0{,}34$; $p < 0{,}001$). Понижение показателя было обнаружено при высоком коэффициенте взрослости ($r = -0{,}46$; $p < 0{,}001$) и психологическом возрасте ($r = -0{,}26$; $p < 0{,}05$) [Полякова, Стрижицкая, 2016].

ские исследования. 2013. Т. 6, № 32. С. 9. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/911-zarubin32.html (дата обращения: 20.04.2020).

Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Питер, 2000.

Моросанова В. И., Кондратюк Н. Г. Новая версия опросника «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ» // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 137–145.

Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008. (Сер. Учебное пособие).

Нартова-Бочавер С. К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства — 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 3. С. 105–119.

Ножнина В. И. Тревожность как фактор организации событий во временной перспективе личности: магистерская диссертация. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017.

Нуркова В. В. Мгновенный жизненный обзор. Метафора? Реальный мнемический опыт? Ретроспективный артефакт? К вопросу о перспективах исследования: [электронный ресурс] // Психологические исследования. 2011. № 4 (18). URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2011n4-18/524-nourkova18.html (дата обращения: 20.04.2020).

Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.

Полякова М. К., Стрижицкая О. Ю. Генеративность и временная перспектива в ранней и средней взрослости // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 2. С. 88–97. http://doi/10.21638/11701/spbu16.2016.210.

Стерн Д. Момент настоящего в психотерапии и повседневной жизни. М.; СПб.: Добросвет; Центр гуманитарных инициатив, 2018.

Титченер Э. Б. Учебник психологии: университетский курс: Ч. 2. М.: Мир, 1914.

Шкуратова И. П. Личность и ее жизненное пространство // Психология личности: учебное пособие / под ред. П. Н. Ермакова, В. А. Лабунской. М.: ЭКСМО, 2007. С. 167–184.

Gibson G. The ecological approach to visual perception. New York: Psychology Press, 2015.

Erikson M. G. The meaning of the future: toward a more specific definition of possible selves // Review of General Psychology. 2007. No. 11. P. 348–358. http://doi/10.1037/1089-2680.11.4.348.

Markus N., Nurius P. Possible selves // American Psychologist. 1986. No. 41 (9). P. 954–969.

Musschenga B. Is There a Problem with False Hope? // J. Med. Philos. 2019. July 29; no. 44 (4). P. 423–441. http://doi/10.1093/jmp/jhz010.

Nurra C., Oyserman D. From future self to current action: An identity-based motivation perspective // Self and Identity. 2018. Vol. 17 (3). P. 343–364. http://doi.org/10.1080/15298868.2017.1375003.

Polivy J., Herman P. C. The false-hope syndrome: Unfulfilled expectations of self-change // Current Directions in Psychological Science. 2000. No. 9 (4). P. 128–131. http://doi.org/10.1111/1467-8721.00076.

Prochaska J. O., Norcross J. C. Stages of Change // J. C. Norcross (ed.) Psychotherapy relationships that work: Therapist contributions and responsiveness to patients. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 303–313.

Strahan E. J., Wilson A. E. Temporal comparisons, identity, and motivation: the relation between past, present, and possible future selves // Possible Selves: Theory, Research and Application / Eds C. Dunkel and J. Kerpelman. New York, 2014. P. 1–15.

Wilson A. E., Ross M. The frequency of temporal-self and social comparisons in people's personal appraisals // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 78. P. 928–942.

References

Abulkhanova K. A., Berezina T. N. *The time of personality and the life time*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2001. (In Russian)

Bauman Z. *Fluid modernity*. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. (In Russian)

Burlachuk L. F., Korzhova E. Yu. *Psychology of life situations*: tutorial. Moscow, Russian Pedagogical Agency Publ., 1998. (In Russian)

Erikson M. G. The meaning of the future: toward a more specific definition of possible selves. *Review of General Psychology*, 2007, no. 11, pp. 348–358. http://doi.org/10.1037/1089-2680.11.4.348.

Gibson G. *The ecological approach to visual perception*. New York, Psychology Press Publ., 2015.

Lewin K. *Field Theory in the Social Sciences*. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. (In Russian)

Markus N., Nurius P. Possible selves. *American Psychologist*, 1986, no. 41 (9), pp. 954–969.

Morosanova V. I., Kondratyuk N. G. The new version of the questionnaire "Style of self-regulation of behavior — SMTA". *Voprosy psikhologii*, 2011, no. 1, pp. 137–145. (In Russian)

Musschenga B. Is There a Problem With False Hope? *J. Med. Philos.*, 2019, July 29, no. 44 (4), pp. 423–441. http://doi.org/10.1093/jmp/jhz010.

Nartova-Bochaver S. K. *A sovereign man: a psychological study of the subject in his being*. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. (In Russian)

Nartova-Bochaver S. K. The new version of the questionnaire "Sovereignty of the psychological space — 2010". *Psikhologicheskiy zhurnal*, 2014, vol. 35, no. 3, pp. 105–119. (In Russian)

Noznina V. I. *Anxiety as a factor in the organization of events in the temporal perspective of the individual*: master's thesis. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2017. (In Russian)

Nurkova V. V. Instant life review. Metaphor? Real mnemonic experience? Retrospective artifact? To the question of research prospects: [electronic resource]. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2011, no. 4 (18). Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2011n4-18/524-nourkova18.html (accessed: 20.04.2020). (In Russian)

Nurra S., Oyserman D. From future self to current action: An identity-based motivation perspective. *Self and Identity*, 2018, vol. 17 (3), pp. 343–364. http://doi.org/10.1080/15298868.2017.1375003.

Nutten J. *Motivation, action and future perspective*. Moscow, Smysl Publ., 2004.

Polivy J., Herman P. C. The false-hope syndrome: Unfulfilled expectations of self-change. *Current Directions in Psychological Science*, 2000, no. 9 (4), pp. 128–131. https://doi.org/10.1111/1467-8721.00076.

Polyakova M. K., Strizhitskaya O. Yu. Generative and time perspective in the early and middle adulthood. *Vestnik of Saint Petersburg University*. *Ser. 16. Psychology*. *Education*, 2016, iss. 2, pp. 88–97. http://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.210. (In Russian)

Prochaska J. O., Norcross J. C. Stages of Change. In: *Psychotherapy relationships that work*: *Therapist contributions and responsiveness to patients*. Ed. by J. C. Norcross. Oxford University Press, 2002, pp. 303–313.

Shkuratova I. P. *Personality and its living space. Psychology of Personality*: textbook. Eds P. N. Ermakova, V. A. Labunsky. Moscow: EKSMO Publ., 2007, pp. 167–184. (In Russian)

Stern D. *The moment of the present in psychotherapy and everyday life*. Moscow; St. Petersburg, Dobrosvet Publ.; Centr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 2018. (In Russian)

Strahan E. J., Wilson A. E. Temporal comparisons, identity, and motivation: the relation between past, present, and possible future selves. *Possible Selves: Theory, Research and Application*. Eds C. Dunkel, J. Kerpelman. New York, 2014, pp. 1–15.

Titchener E. B. *Textbook of psychology: university course:* Part 2. Moscow, Mir Publ., 1914. (In Russian)

Vasserman L. I., Trifonova E. A., Chervinskaya K. R. *The semantic differential of time: an expert and psychodiagnostic system in medical psychology: a manual for doc-*

tors and medical psychologists. St. Petersburg, NIPNUI im. V.M. Bekhtereva Publ., 2009. (In Russian)

Wilson A.E., Ross M. The frequency of temporal-self and social comparisons in people's personal appraisals. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, vol. 78, pp. 928–942.

Zarubin P.V., Sircova A. Time perspective and economic instability: a comparative study (2007 and 2013). *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2013, vol. 6, no. 32, p. 9. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/911-zarubin32.html (accessed: 20.04.2020). (In Russian)

Zimbardo F., Boyd J. *The Paradox of Time. A new psychology of time that will improve your life*. St. Petersburg, Rech Publ., 2010. (In Russian)

И. Р. Муртазина

Жизненный выбор как возможность изменения жизненного пространства личности*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена рассмотрению жизненного выбора как возможности изменения личностью своего жизненного пространства. В статье кратко рассматривается проблема выбора, а также понятие жизненного выбора, под которым понимается важный переломный момент жизненного пути личности, заключающийся в осуществлении ею активной творческой деятельности по преобразованию сложившейся жизненной ситуации, в предпочтении одной из ряда имеющихся альтернатив на основе присущей человеку системы ценностей. При изучении жизненного выбора важным является описание как самой жизненной ситуации, социального контекста, так и личностных характеристик субъекта выбора. Реализуя тот или иной жизненный выбор, воспринимая и определяя для себя конкретную жизненную ситуацию, в которой человек существует, предпочитая одну из имеющихся альтернатив, человек тем самым выстраивает свое жизненное пространство. Также в статье представлены результаты исследования, посвященного изучению ситуационных и личностных факторов жизненного выбора молодых людей в ситуации принятия решения о переезде в другой город на примере поступления в иногородний вуз. Представлено описание жизненной ситуации молодого человека, обстоятельства которой приводят его к осуществлению жизненного выбора, связанного с переездом в другой город (социальное окружение, учебная деятельность, городская среда, привлекательность другого города, рассматриваемого как пространство возможностей). Установлено, что молодые люди, совершающие качественно различный выбор, по-разному воспринимают ситуацию переезда. Молодыми людьми, осуществившими переезд в другой город, ситуация переезда рассматривается как ресурсная, молодыми людьми, оставшимися в родном городе, переезд «определяется» как ситуация риска, связанная с высоким уровнем тревоги и негативными эмоциями. Показано, что молодые люди, выбравшие переезд в другой город, демонстрируют более высокий уровень жизнестойкости, толерантности к неопределенности, личностной автономии, удов-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-013-00703.

летворенности и осмысленности жизни, чем молодые люди, оставшиеся в родном городе. Для молодых людей, переехавших в другой город, более значимыми являются ценности открытости изменениям; менее значимыми — ценности консерватизма. Таким образом, одна и та же жизненная ситуация, обладающая определенным набором объективных характеристик, может по-разному восприниматься разными людьми, что может приводить к выбору различных стратегий поведения в зависимости от того, как сами люди «определяют» объективно существующую ситуацию, пропуская ее через свой субъективный внутренний мир. Для одних людей неопределенная жизненная ситуация, требующая принятия решения, может быть связанной с дифференциацией жизненного пространства и расширением временной перспективы, что в итоге приведет к выбору будущего. Для других эта же ситуация может быть связана с негативными переживаниями, риском и желанием сохранить жизненный контекст без изменений, что обусловливает выбор людьми неизменности.

Ключевые слова: выбор, выбор будущего, выбор неизменности, жизненный выбор, жизненное пространство, жизненная ситуация, изменение жизненной ситуации, переезд в другой город.

Введение в проблему выбора

Выбор представляет собой одну из основных экзистенциальных категорий бытия человека, важнейший атрибут его существования, реализуемый на всех уровнях жизненного контекста: *ситуационном, жизненном* и *бытийном* [Гришина, 2018].

Сталкиваясь с ежедневными локальными выборами, касающимися решения конкретных ситуационных задач, в процессе взаимодействия со средой и построения определенной стратегии поведения человек реализует выбор в рамках *ситуационного контекста*. Основной задачей человека при осуществлении такого рода выборов является поиск наиболее оптимального варианта. Поведение индивида и реализуемый им выбор рассматриваются в контексте частных, оторванных друг от друга ситуаций.

О выборе на уровне *жизненного контекста*, как нам кажется, можно говорить в тех случаях, когда реализуемый человеком акт выбора осуществляется в рамках определенного жизненного пространства и в связи с определенным социальным контекстом, а также обусловливает направление жизненного пути человека на некоторый период времени.

Реализация выбора в рамках *бытийного контекста* предполагает, что человек не просто предпочитает одну из равно-

возможных альтернатив или существующих возможностей, совершая единичный акт выбора, а постоянно восходит к самому себе, утверждаясь в своей подлинности и обретая свою сущность в процессе жизни. Данный выбор представляет собой процесс конструирования личностью самой себя, своего жизненного мира. Это выбор, который совершает личность в отношении вопросов смысла жизни, свободы и ответственности, конечности жизни и одиночества на протяжении всего своего жизненного пути. Экзистенциальный выбор является непрерывным процессом, в ходе которого формируется экзистенциальный опыт личности и ее экзистенциальная идентичность [Психология личности, 2019].

В процессе развития научного знания сформировались две наиболее распространенные точки зрения, связанные с решением проблемы свободы воли человека: *детерминизм* и *индетерминизм*.

Специфической особенностью *детерминизма* является убежденность в предопределенности поведения и выбора человека внешними или внутренними силами (инстинктами, прошлым опытом, обусловленным влиянием среды), которые влияют на человека как на пассивный объект, вызывая у него ответные реакции.

Сторонники *индетерминизма*, напротив, провозглашают абсолютную свободу, самостоятельность и независимость от воздействия внешнего мира человека в своем выборе и действиях. Свобода воли становится в рамках данного подхода самопричинной поведения человека.

В рамках экзистенциальной психологии провозглашается индетерминизм жизненного пути личности, его относительная независимость от биологических и социальных детерминант. Личность предстает свободной, но в то же время и ответственной за все, что она делает, кем становится, какой жизненный путь избирает. В процессе проживания выбранной человеком для себя жизни происходит формирование и совершенствование его психологических качеств. И. Ялом подробно останавливается на проблеме принятия решения, указывая, что из сделанных на протяжении жизни бесчисленных выборов составляется структура характера индивида, «человек конституирует себя сам, а решения — это атомы бытия, творимого человеком» [Ялом, 1999, с. 377].

Помимо двух полярных подходов, в литературе также можно встретить позицию *интердетерминизма*, где выбор рассматрива-

ется как результат взаимодействия совокупности внешних и внутренних факторов: ситуации выбора, социального окружения, с одной стороны, и разума, опыта, системы ценностей самого субъекта выбора — с другой. В психологии к числу интердетерминистов можно отнести представителей когнитивной психологии, рассматривающих человека как мыслящего субъекта, способного к восприятию и переработке информации. В своей деятельности человек, основываясь на субъективном образе действительности, стремится к достижению внутренней согласованности, непротиворечивости и логичности картины мира. Когнитивные элементы не всегда способны вписаться в эту картину мира, они находятся в непрерывном взаимодействии, что может проявляться в форме конфликта, противоречия, неопределенности взаимосвязи и т. п. Любой тип этого взаимодействия обладает мотивационной силой, побуждающей к действиям, направленным на восстановление равновесия. В связи с этим, чтобы понять причины поведения человека, важным является выявление специфики взаимодействия социальных явлений в его когнитивной структуре.

В рамках теории поля К. Левин [Левин, 2001] рассматривает ситуацию выбора как ситуацию борьбы побудительных сил, как конфликт между движущими силами, а конфликтную ситуацию — как такую, «в которой действующие на индивида силы противоположны по направлению и примерно равны по величине» [Левин, 2001, с. 392].

Что касается движущих сил, то можно выделить три варианта.

1. *Конфликт «стремление — стремление»*: имеется два объекта, обладающие позитивной и примерно равной валентностью, однако нельзя обладать или стремиться к обоим, необходимо выбрать только одну из существующих возможностей. То есть неизбежен выбор между двумя положительными валентностями.
2. *Конфликт «избегание — избегание»*: ситуация, в которой приходится делать выбор из двух примерно равных зол. То есть речь идет о предпочтении одной из двух отрицательных валентностей.
3. *Конфликт «стремление — избегание»*: одно и то же одновременно и притягивает, и отталкивает. Получается, что

положительная и отрицательная валентности могут находиться в одном направлении.

Позднее, как подмечает Х. Хекхаузен, Ховлэнд и Сирс добавили к трем основным случаям конфликтных ситуаций, описанных К. Левином, еще одну — ситуацию конфликта двойной амбивалентности, когда человек колеблется в выборе одной из двух имеющихся альтернатив, каждая из которых имеет свои положительные и отрицательные стороны [Хекхаузен, 2003, с. 175–176].

В соответствии с идеями теории поля К. Левина, поведение человека зависит от факторов как внешней, так и внутренней ситуации, что и составляет понятие поля. Анализ детерминант человеческого поведения должен осуществляться следующим образом: во-первых, необходимо исходить из общей ситуации в том виде, «как она дана субъекту в его переживании, как она существует для него» [цит. по: Гришина, 1997, с. 123]; во-вторых, детерминанты поведения, как внешние, так и внутренние, должны пониматься психологически; в-третьих, поведение должно рассматриваться как функция существующего в данный момент поля (то есть только то, что действует здесь и сейчас).

С точки зрения теории поля выбор может быть проанализирован как целостная ситуация, как функция личностных факторов и факторов окружения.

Рассматривая ситуацию выбора как конфликтную ситуацию борьбы побудительных сил, К. Левин отмечает, что «значимость разных возможностей в ситуации выбора колеблется» [Левин, 2001, с. 399]. Человек как бы примеряет на себя поочередно то одну ситуацию, то другую, соответствующую лежащим перед человеком альтернативам, изучает их последствия, взвешивает их до принятия окончательного решения. Как только решение человеком принято, одна из ситуаций становится более значимой. Время принятия решения тем больше, чем важнее принимаемое решение, а также чем ближе друг к другу противоборствующие силы [Левин, 2001, с. 399].

Таким образом, с позиции интердетерминизма поведение человека и осуществляемый им выбор являются результатом совместного влияния внешних (объективных) и внутренних (субъективных) факторов.

Подводя промежуточный итог изложенному выше, еще раз подчеркнем, что проблема выбора чрезвычайно сложна и неоднозначна, она развивается изначально в русле классической философской проблемы свободы воли, в основе которой лежит противоречие между свободой выбора индивидом своего поведения и действий и его причинной обусловленностью. В ходе своего исторического развития проблема выбора решалась неоднозначно. Одни исследователи признавали свободу и независимость человека в осуществлении им своих действий и выборов, другие — полагали, что все поведение человека строго детерминировано внешними силами, третьи — отстаивали позицию, в соответствии с которой поведение и деятельность человека обусловлены совместным влиянием объективных и субъективных факторов.

Проблема выбора в отечественной психологии

В фундаментальных работах С. Л. Рубинштейна проблема личностного выбора обозначается как одна из важнейших экзистенциальных проблем. Определение личностью своего будущего и самой себя возможно через осознание того, чего человек хочет, что его привлекает (ценности, установки, идеалы), что он может (его способности) и того, что есть он сам (личностные особенности) [Рубинштейн, 2012]. В силу этого личностный выбор невозможно представить как рассудочный акт, ограниченный заранее предрешенным исходом [Рубинштейн, 1999]. Выступая как субъект, личность вырабатывает различные способы разрешения неопределенных ситуаций, устанавливает соответствие между внутренними возможностями и внешними условиями и структурами.

К. А. Абульханова-Славская, развивая идеи С. Л. Рубинштейна, подчеркивает, что предпочтение способа жизни, определение ее целей, этапов их достижения и соподчинение этих этапов представляют собой значимые признаки жизненной стратегии личности [Абульханова-Славская, 1991]. Личность, по мнению автора, постоянно принимает решение в отношении того, насколько она адекватна в одном, а не в другом месте, а также насколько она соответствует конкретным социальным требованиям, структурам, условиям, в которые попадает. Реализуя выбор, человек берет на себя ответственность за его осуществление, самостоятельно опре-

деляя последовательность своих действий, способы и средства достижения поставленных целей.

По мнению А. Г. Асмолова, неотъемлемыми чертами свободного выбора выступают неопределенность исхода, наличие определенной доли риска, субъективное ощущение принадлежности совершаемого только самому себе, оценка последствий принятого решения сквозь призму тех мотивов, ради которых живет человек, непредсказуемость для самого себя [Асмолов, 2007].

Д. А. Леонтьев определяет выбор как «разрешение неопределенности на различных уровнях человеческой деятельности в условиях множественности альтернатив» [Леонтьев, 2005, с. 107]. Как видим, в представленном определении подчеркивается, что ситуация выбора характеризуется неопределенностью, которая требует разрешения за счет активности самого субъекта выбора, а также учитывается сложность ситуации выбора, обусловленная наличием множества вариантов ее решения. Д. А. Леонтьев обращает внимание на то, что временем становления логики свободного выбора является подростковый возраст, когда стремление к автономии вступает в противоречие с недостаточным развитием психологических механизмов автономной регуляции поведения. Свобода и ответственность представляют собой ядерные механизмы личности, участвующие в развитии механизмов автономной регуляции поведения, в процессе развития и взросления индивида становятся стержнем его жизнедеятельности, наполняясь ценностным содержанием.

Определяя выбор, Ф. Е. Василюк говорит о том, что это «действие субъекта, которым он отдает предпочтение одной альтернативе перед другой (другими) на определенном основании» [Василюк, 1997, с. 287]. Чем яснее человек понимает альтернативные смыслы жизненных отношений, чем глубже залегают основания предпочтения одного жизненного отношения другому, тем лучше будет выбор [Василюк, 1997, с. 290].

Ф. Е. Василюк обращает внимание на то, что любой выбор — это осуществление конкретного образа жизни человека, определенного сценария его жизни. Делая выбор, личность сама изменяется в зависимости от того, какую из имеющихся альтернатив она предпочла [Василюк, 1997, с. 296–297]. Кроме того, «даже самый оптимальный выбор неизбежно связан с тем, что человеку прихо-

дится жертвовать чем-то значимым» [Василюк, 1997, с. 307]. Пока человек не принял всех предполагаемых им последствий выбора, последний не может считаться завершенным. При этом подчеркивается исключающий эффект альтернатив, предполагающий предпочтение одной возможности с одновременным отречением от других. Осознание жертвы у Ф. Е. Василюка является схожим с идеей И. Ялома об отречении в ходе реализации выбора, а также с разрушением дипластии у Б. Ф. Поршнева и возникновением когнитивного диссонанса у Л. Фестингера.

В современной психологической науке можно выделить два основных направления разработки проблемы выбора: классические теории рационального выбора и экзистенциальные теории выбора [Леонтьев, Мандрикова, 2005; Озерина, 2008; Леонтьев и др., 2015 и др.].

Особенность первого вектора теоретизирования заключается в сосредоточении внимания на принятии решения с позиции рациональности. Согласно данному подходу, выбор предстает в виде рационального предпочтения одной из ряда существующих альтернатив, подчеркивается зависимость выбора от социального контекста ситуации, изучаются интуитивные компоненты принятия решения; оценка принятого решения осуществляется посредством объективных критериев, среди которых можно назвать успешность, оптимальность, эффективность, целесообразность полученного результата, возможность получения максимальной выгоды при минимальных потерях [Козелецкий, 1979; Шварц, 1997 и др.]. Повышение эффективности выбора является когнитивной задачей, а уровень его оптимальности оценивается экспертом и исчисляется количественно.

В рамках экзистенциально ориентированного подхода выбор выступает как одно из важнейших условий становления и развития личности. Выбор рассматривается как явление личностно конструирующее, акцентируется внимание на собственных усилиях человека во всем, что происходит в его жизни, «на обретении человеком сущностных характеристик во взаимодействии с внешним миром» [Коржова, 2006, с. 14]; выбор представлен как важнейший способ развития личности. Личность — результат осуществляемых ею выборов, которых она не имеет возможности избежать, поскольку отказ от выбора — уже своего рода выбор,

имеющий определенные последствия. Человек сам выступает причиной того, что с ним происходит, и несет ответственность за то, чем в итоге становится, за каждое решение, которое принимает, за реализованные и отклоненные возможности. В рамках экзистенциального подхода не столько важны правильность и эффективность исхода процесса принятия решения, сколько сам процесс осуществления выбора, а также связанное с ним становление личности и ее идентичности, а также жизнеопределяющее значение выбора для личности [Кьеркегор, 1998; Мадди, 2005; Леонтьев и др., 2015]. Критериями оценки выбора становятся субъективные ценностно-смысловые образования.

Таким образом, в центре внимания теорий принятия решения оказывается не столько процесс принятия решения, сколько его результат, выступающий объектом оценки. В основе когнитивистской традиции изучения выбора и принятия решения заложена «онтология изолированного индивида» [Василюк, 1984]: контекст ситуации выбора, а также свобода самого выбирающего субъекта не учитываются. Теории экзистенциалистов и психологов личности строятся на основе «онтологии жизненного мира» [Василюк, 1984], в соответствии с которой для осуществления выбора важным является контакт с миром и самим собой. Особое значение получает специфика восприятия человеком своего собственного выбора, отношение к процессу выбора, являющегося более значимым для личности, чем результат.

Понятие жизненного выбора

Одной из первых в отечественной психологии проблему жизненного выбора начала изучать Л. С. Кравченко, понимающая под жизненным выбором «переломный момент на жизненном пути, который предполагает принятие решения человеком и его реализацию, направленную на утверждение определенной жизненной ценности (ценностей)» [Кравченко, 1986, с. 19]. Человек сталкивается с проблемой жизненного выбора тогда, когда в его жизни возникает важный переломный момент, и от того, какое направление жизненного пути в этот период он выберет, зависит его судьба и образ жизни. Основанием жизненного выбора выступают ценности личности.

Жизненный выбор позволяет проследить, ради чего человек живет, к чему стремится, каким образом достигает поставленных жизненных целей. Он заставляет человека включаться в определенный социальный контекст, осваивая конкретную систему отношений и виды деятельности, способствуя возникновению новых функций и форм активности, повышению инициативы и социальной ответственности [Кравченко, 1986, с. 3].

В структуре жизненного выбора Л. С. Кравченко выделяет две составляющие: *содержательно-смысловую* и *инструментальную*. Содержательно-смысловая сторона жизненного выбора — ценность, лежащая в основе совершаемого человеком выбора, детерминирующая его. Инструментальная составляющая — способ принятия и реализации решения по жизненно значимому вопросу [Кравченко, 1986].

В последние годы активная разработка проблем выбора осуществляется группой исследователей под руководством Д. А. Леонтьева. Работая в русле деятельностно-процессуального подхода, исследователи фокусируются на изучении видов личностного выбора [Леонтьев, Мандрикова, 2005; Мандрикова, 2006], качества выбора [Фам, 2015; Фам, Меньщикова, 2018; Психология личности, 2019], субъективного конструирования выбора в ситуациях разного уровня значимости [Фам, Леонтьев, 2013а; Фам, Леонтьев, 2013б; Фам, Леонтьев, 2015]. Кроме того, в рамках проводимых исследований рассматривается личностный потенциал, определяющий готовность к выбору [Личностный потенциал, 2011]. Авторами разработана уровневая классификация процессов выбора, в рамках которой выделяется простой, смысловой и экзистенциальный выбор [Леонтьев, Пилипко, 1995], а также методика «Субъективное качество выбора» [Леонтьев, Мандрикова, Фам, 2007].

В целом можно констатировать, что существующие на сегодняшний день подходы не представляют собой полностью оформленных и законченных теорий или концепций. Тем не менее данная проблема является актуальной и вызывающей неуклонно растущий интерес со стороны исследователей.

Под жизненным выбором мы будем понимать переломный момент жизненного пути личности, заключающийся в осуществлении активной творческой деятельности по преобразованию сложившейся жизненной ситуации в соответствии с ее интер-

претацией данной ситуации и предпочтением одной из существующих альтернатив на основе присущей личности системы ценностей и смыслов.

Среди специфических черт жизненного выбора можно выделить следующие.

1. Жизненный выбор возникает в критической точке — в момент перехода субъекта из одного состояния в качественно другое, и обусловливает жизненный путь человека на определенный период времени.
2. Совершая жизненный выбор, личность может ориентироваться не только на свои цели, ценности, смыслы, но и обращаться к социальному контексту.
3. Реализуя жизненный выбор, субъект выбора берет на себя ответственность за совершаемые действия, выступает активным деятелем, самостоятельно выстраивающим свой жизненный путь. Посредством осуществления выборов в рамках жизненного контекста личность поддерживает связность своего жизненного пути и свою идентичность, утверждаясь в своей подлинности и экзистенции.
4. При изучении жизненного выбора важным является рассмотрение и описание самой жизненной ситуации, в рамках которой он реализуется, социального контекста, а также характеристик личности субъекта выбора.

Жизненный выбор в контексте жизненного пространства личности

Понятие жизненного пространства и принцип его субъективного понимания были введены в психологию Куртом Левином [Левин, 2000б]. Фундаментальное значение концепта жизненного пространства К. Левина состоит в понимании его как неразрывного единства человека и среды. Основанием единства человека и ситуации — целостности «жизненного пространства» — является тот факт, что человек и ситуация не представляют собой две разные сущности, а ситуация становится тем, что она есть, благодаря личности, личность же в данный момент такова, какова ситуация. Иными словами, человек не просто реагирует на ту или иную ситуацию определенным образом, он фактически конструирует

мир, в котором существует. Посредством восприятия, переработки, оценивания, эмоционального отражения окружающего человек выстраивает из фрагментов объективного мира свое особое, неповторимое психологическое жизненное пространство [Гришина, 2000].

Жизненное пространство описывается К. Левином через функцию $B = f(P, E)$, которая отражает идею о том, что поведение человека есть функция от особенностей данного человека и свойств окружения. Поведение человека является результатом реализации им его актуальных возможностей в конкретном жизненном пространстве.

Основными характеристиками жизненного пространства личности, по К. Левину, являются степень его структурированности и интегрированности, широта временной перспективы, а также степень проницаемости его границ [Левин, 2000б; 2001].

Как отмечает К. С. Нартова-Бочавер, жизненное пространство динамично, оно способно изменяться как от ситуации к ситуации, так и в ходе онтогенеза [Нартова-Бочавер, 2016]. Расширение жизненного пространства может происходить постепенно или резкими скачками, к примеру в рамках кризисов развития. Стоит отметить, что этот процесс может продолжаться и во взрослом возрасте. К. Левин говорил о трех главных аспектах расширения поля:

1) границы и дифференциация той области, которая для индивида имеет характер нынешней реальности;
2) возрастающая дифференциация в измерении реальности — ирреальности;
3) расширение временного измерения, то есть «психологического прошлого» и «психологического будущего», которые существуют как части жизненного пространства в данное время [Нартова-Бочавер, 2016, с. 40].

Для более детального анализа К. Левин вводит также понятие психологического поля, в качестве которого выступает некоторый срез жизненного пространства, рассмотренный в *данный момент* времени. Понятие психологического поля основано на представлении о том, что окружающий человека мир наделен определенной валентностью — позитивной или негативной. Стоит отметить, что мир, окружающий человека, а также составляющие его объекты

приобретают валентность только за счет потребностей самого человека [Левин, 2000б].

Кроме того, как отмечает К. Левин, «любое поведение или какое-либо другое изменение в психологическом поле зависит исключительно от психологического поля, существующего в данный момент» [Левин, 2001, с. 241]. Человек, оказываясь в определенной жизненной ситуации, взаимодействует с ограниченным количеством людей и объектов, выступает в какой-то одной роли, но при этом за его плечами стоит огромный опыт, который встроен в его жизненное пространство. Поэтому любая поведенческая реакция человека несет в себе заряд этого опыта и полностью может быть понята только как следствие этого опыта, а также как шаг в реализации будущих планов. К. Левин подчеркивал, что прошлое представлено в настоящем психологическом поле знаниями, установками, пережитыми чувствами в отношении тех факторов, которые воздействуют в данный момент на личность, теми подструктурами внутреннего мира личности, которые сформировались ранее. Будущее представлено совокупностью планов, целей, ожиданий, которые связаны с происходящим в данный момент времени [Левин, 2000б]. В целом же жизненная история человека представляет собой последовательность психологических полей, каждое из которых характеризует ситуацию в рамках определенной исторической стадии.

Таким образом, по нашему мнению, каждый конкретный жизненный выбор, осуществляемый личностью, может быть представлен как психологическое поле — срез жизненного пространства в определенный момент времени, представляющий собой совокупность характеристик жизненной ситуации индивида, ее элементов, обладающих для него негативной или позитивной валентностью, что обусловлено потребностями самого человека, его особенностями, а также тем, как он сам для себя интерпретирует и определяет окружающий мир, конкретную жизненную ситуацию и себя в ней. В силу этого весь жизненный путь человека есть последовательность сменяющих друг друга психологических полей, характеризующих жизненную ситуацию человека в рамках определенного жизненного периода.

Наиболее значимым для личности является осуществление выбора в «поворотные» моменты жизни, в контексте таких жизненных ситуаций, которые оказывают существенное влияние на

всю ее дальнейшую жизнь. Н. В. Гришина обращает внимание на то, что активность человека именно в рамках «жизненных ситуаций» позволяет определить «способность индивида быть субъектом собственной жизни», что обусловлено тем, что в привычных для индивида ситуациях у него нет необходимости заново их «определять», поскольку они уже определены понятными внешними условиями или привычными внутренними установками. Нового «определения» требуют новые, неопределенные и неоднозначные ситуации [Гришина, 2009].

В качестве одной из таких жизненных ситуаций нами была рассмотрена ситуация выбора, связанного с поступлением в иногородний вуз и переездом в другой город. Переезд в другой город является шагом серьезным и ответственным, связанным с необходимостью выбора между изменениями привычных условий существования, отрывом от родительской семьи, самостоятельностью (выбором неизвестности) и сохранением привычного образа жизни, контекста родительской семьи и стабильностью (выбором неизменности). Он характеризуется высокой степенью неопределенности, для разрешения которой привычных стратегий поведения становится недостаточно.

Кроме того, стоит отметить, что «юность — это время выбора жизненного пути», время активного жизненного поиска молодого человека, период, когда он примеряет на себя разные социальные роли и апробирует различные виды деятельности [Калугина, 2009]. Именно этот период выступает началом становления человека как субъекта жизни [Абульханова, 2005]. Н. Р. Салихова подчеркивает, что «выбор обучения в том или ином вузе не сводится только к выбору профессии, он является жизненным выбором, определяющим в дальнейшем образ жизни человека, его жизненный путь» [Салихова, 2008, с. 3]. Значимость выбора иногороднего вуза, тесно связанного с переездом в другой город, объясняется тем, что данный выбор ведет к изменению жизненного ситуации в целом, что в значительной степени определяет направление дальнейшего жизненного пути человека.

Более полно охарактеризовать жизненный выбор молодого человека в ситуации переезда в другой город, на наш взгляд, возможно при описании основных характеристик жизненной ситуации, в которой он находится в момент принятия решения.

При описании жизненной ситуации молодого человека, находящегося перед выбором между переездом в другой город и обучением в родном городе, мы опирались на идею К. Левина об определяющей роли ситуации в том виде, «как она дана субъекту в его переживании, как она существует для него» [цит. по: Гришина, 1997, с. 123], а не как она описана «объективно».

В результате теоретического анализа литературы и пилотного исследования нами были выделены следующие основные элементы жизненной ситуации молодого человека, сталкивающегося с проблемой профессионального и жизненного самоопределения.

1. *Социальный контекст ситуации*, включающий в себя *семейное окружение*: членов семьи, с которыми молодой человек непосредственно живет и взаимодействует (родители, родные братья и сестры и др.); родственников, не живущих с молодым человеком непосредственно, но постоянно с ним контактирующих (бабушки, дедушки, тети, дяди, двоюродные братья и сестры и т. д.).

Кроме близкого социального окружения, для молодого человека весьма значимым является сформировавшийся круг общения, куда прежде всего входят его *друзья*. Результаты исследования переживаемых иногородними студентами кризисов, представленного в монографии «Психологическая зрелость личности» [Психологическая зрелость, 2014], показали, что наиболее значимые кризисные переживания иногородних студентов связаны с отрывом от семьи, поддержки близких и переходом на самоподдержку, трудностями в общении с однокурсниками, отрывом от друзей детства и переживанием чувства одиночества. В исследовании М. Гколеси (2019), выполненном под нашим руководством, было также показано, что наиболее часто в качестве причины переживания одиночества иногородними студентами называется отсутствие близких отношений (дружеских и романтических). В связи с этим нежелание расставаться с друзьями на длительный период времени, а также страх перед одиночеством могут выступать в качестве сил, удерживающих молодого человека от переезда в другой город.

2. *Специфика учебной деятельности*. Учебная деятельность старшеклассника характеризуется высоким уровнем систематического внешнего контроля над усвоением изучаемого материала.

Если характеризовать старшеклассников с точки зрения особенностей их учебной деятельности, то всех их можно дифференцировать по степени успешности обучения на отличников, тех, кто учится на уровне выше среднего, на среднем уровне, либо ниже среднего, хуже других.

Кроме того, выпускники могут демонстрировать различное отношение к учебе: кто-то стремится хорошо учиться, показывать высокие результаты, тем самым выделяться среди своих одноклассников, кому-то абсолютно не важны ни школьные успехи, ни положение среди одноклассников.

3. Еще одним фактором, влияющим на выбор выпускника в рассматриваемой ситуации, выступает фактор *города*, поскольку в зависимости от ряда характеристик, присущих ему, город может служить силой как, привлекающей выпускника, так и отталкивающей. Город может быть крупным, с высоким уровнем социально-экономического развития, широким спектром возможностей для получения высшего образования (большое количество вузов, наличие интересующей специальности, высокое качество и доступность образования, перспективы в дальнейшем после завершения обучения в вузе). Это может быть небольшой город, поселок, где нет высших учебных заведений и возможности получить высшее образование, а также отсутствуют реальные перспективы на будущее. Также город может быть средним по величине с ограниченным числом вузов, что может затруднять возможности выпускников получить образование в родном городе.

Стоит особо отметить, что образ жизни в мегаполисе, крупнейшем городе, индустриальном центре, существенно отличается от образа жизни не только в среднем или малом городе, но и в крупном городе. Как отмечают А. В. Микляева и П. В. Румянцева, для «столичного» и «провинциального» городов характерен различный ритм жизни: для «столичного» города типично большое количество значимых событий в единицу времени, для «провинциального» города характерно более размеренное течение жизни [Микляева, Румянцева, 2011]. В силу того, что мегаполис представляет собой сосредоточение объектов промышленности, деловой активности, информационно-коммуникативных связей и административных функций, его жителям приходится в большей сте-

пени адаптироваться к городскому пространству, нежели жителям менее крупных городов [Захарова, 2017].

Изучая личностные характеристики студентов, обучающихся в мегаполисе и малом городе, И. О. Логинова вместе с соавторами делает вывод о том, что «более открытая социокультурная среда мегаполиса» задает вектор развития студентов, «способствует расширению ценностно-смыслового пространства и реализации жизненного потенциала». «Бедность форм социокультурной среды малого города» ведет к тому, что жизнедеятельность студентов приобретает ценностные качества, отличающиеся от качеств студентов, живущих в мегаполисе, и «протекает в большей мере по сложившимся ранее стереотипам, установкам деятельности, которые ограничивают личностное развитие и реализацию потенциальных возможностей» [Логинова и др., 2013, с. 43].

Таким образом, основными элементами типичной жизненной ситуации выпускника являются его *социальное окружение* (*семья, родственники*), *сформировавшийся круг общения* (*друзья*), *учебная деятельность,* а также *особенности города,* в котором он проживает.

Реализуя выбор в пользу иногороднего вуза, молодой человек оказывается в ситуации кардинальных изменений, касающихся всех аспектов его жизни. Сама ситуация смены города характеризуется высокой степенью новизны и неопределенности, для ее разрешения недостаточно привычных стратегий поведения, которые ранее использовались личностью.

Какие же изменения происходят? Попытаемся их описать.

1. *Меняется социальное окружение.* Молодой человек перестает жить с родительской семьей, начинает жить отдельно, неизбежно становится самостоятельным и автономным. В новых условиях ему приходится самому решать многие вопросы и преодолевать трудности, с которыми ранее он не сталкивался.

2. *Меняется круг общения иногороднего первокурсника.* Друзья остаются в родном городе, нет возможности постоянно с ними общаться, видеться, прежние социальные связи постепенно начинают ослабевать. С другой стороны, первокурсник включается в новую социальную группу, знакомится с новыми людьми вне университета, в результате чего формируется новый круг общения.

3. *Изменяется учебная деятельность* первокурсника, что обусловлено спецификой обучения в вузе. Поступив в вуз, молодой человек сталкивается с непривычным для него режимом обучения. Собственно учебная деятельность характеризуется бóльшим объемом самостоятельной работы. Учебные занятия имеют по отношению к процессу усвоения знаний ориентирующий характер, направляют самостоятельную творческую активность студентов. Кроме того, в вузе отсутствует систематический текущий контроль качества усвоения знаний, что существенно отличается от школьного обучения. Чувствуя себя достаточно свободными от педагогического контроля, многие первокурсники склонны подменять регулярную работу по усвоению знаний несистематическими занятиями от случая к случаю, что в итоге приводит к проблемам с учебой и отставанию, иногда даже к отчислению.

4. Помимо перечисленных выше изменений, стоит отметить, что первокурсник попадает в *новый незнакомый город*, обладающий своими особенностями и существенно отличающийся от того, в котором молодой человек жил ранее.

Таким образом, рассматриваемая ситуация характеризуется высокой степенью неопределенности и новизны, для ее разрешения необходим поиск новых ответов, а сама ситуация требует от человека нового «определения». Кроме того, эта ситуация является значимой для субъекта, поскольку принятие решения о переезде в чужой город представляет собой серьезный и ответственный шаг, влияющий на весь дальнейший жизненный путь личности.

Помимо изучения особенностей жизненной ситуации молодых людей, социального контекста и отношения выпускников к ним, важным аспектом также является рассмотрение индивидуально-психологических особенностей личности молодых людей, вносящих вклад в предпочтение ими одной из существующих альтернатив.

Для эмпирической проверки в качестве возможных факторов жизненного выбора были выбраны: *ценности* субъекта выбора; уровень *личностной автономии* как свободное и естественное определение личностью своего жизненного пути, способность принимать решения и действовать с учетом внутренних мотивов и внешних условий, преодолевая различного рода зависимости;

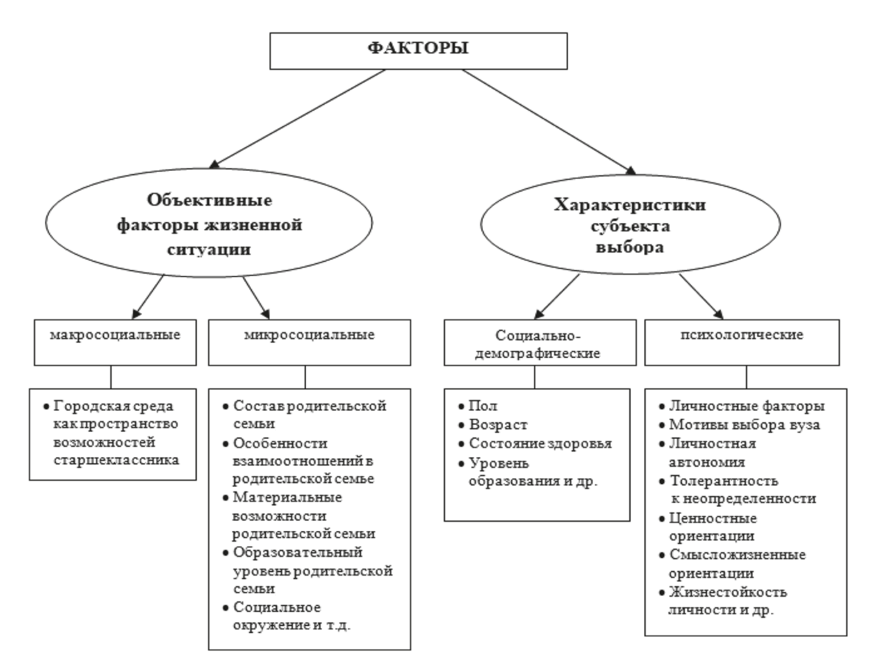

Рис. Факторы жизненного выбора молодого человека в ситуации принятия решения о переезде в другой город

толерантность к неопределенности как способность субъекта справиться с новыми, неопределенными ситуациями и готовность к переживанию ситуаций субъективной и объективной неопределенности; *жизнестойкость* как способность успешно справляться и переносить стрессовые ситуации; а также *осмысленность жизни*.

Таким образом, основными факторами, определяющими поведение молодого человека в ситуации принятия решения о переезде в другой город, являются как ситуационные, так и личностные факторы (см. рис.).

Представленная теоретическая модель факторов жизненного выбора в ситуации принятия решения о переезде в другой город для обучения в иногороднем вузе была нами использована в рамках эмпирического исследования молодых людей, реализовавших переезд в другой город для продолжения обучения в иногороднем вузе, и молодых людей, оставшихся в родном городе.

Результаты эмпирического исследования ситуационных и личностных факторов жизненного выбора

Анализ особенностей жизненной ситуации молодых людей. Анализ объективных фактов жизненного контекста молодых людей осуществлялся с позиции самого респондента. Для нас было важнее выявить, как сами респонденты воспринимают и определяют для себя эти особенности, как их оценивают, а не объективное описание существующей жизненной ситуации, поскольку внешне жизненные ситуации выпускников могут казаться аналогичными, однако субъективная оценка этих объективных фактов может существенно различаться. В силу этого один и тот же объективный факт жизненного контекста может выступать для одного молодого человека как стимулирующий его выбор в пользу переезда в другой город, а для другого — как сдерживающий.

Как показали результаты проведенного исследования, существуют достоверно значимые различия между молодыми людьми, реализующими качественно разные выборы: выбор привычного (прошлого) и выбор нового (будущего).

Среди основных различий, касающихся характеристики жизненной ситуации старшеклассников и особенностей ее восприятия ими, можно отметить такие, как:

- восприятие городской среды, в рамках которой живет молодой человек;
- особенности социального контекста (характеристики родительской семьи, значимый круг общения);
- особенности учебной деятельности старшеклассника.

Начнем анализ результатов с первого аспекта — особенности *восприятия молодыми людьми городской среды, в которой они живут*.

Для молодых людей, принявших решение покинуть родной город, другой город является более привлекательным, чем родной, поскольку, по их мнению, он открывает для них перспективы и новые возможности для личностного и профессионального развития, то есть в большей степени соответствует внутренним ресурсам молодых людей. Для респондентов, совершивших пе-

реезд, сама возможность переезда в другой город, а также возможность изменения городской среды являются одними из способов расширить границы жизненного пространства, возможностью удовлетворения потребности в реализации своего личностного потенциала. С точки зрения К. Левина, переезд в другой город, будучи ситуацией новой и неопределенной, будет способствовать большей дифференциации жизненного пространства за счет ее когнитивного освоения.

К основным силам, притягивающим молодых людей к новой жизненной ситуации, стимулирующим переезд и относящимся к особенностям городской среды, как показало исследование, можно отнести:

- наличие широкого круга возможностей и перспектив для личностного и профессионального роста и развития молодого человека;
- возможность максимально полно реализовать свои способности и внутренний потенциал;
- стремление расширить свой социальный контекст;
- стремление быть самостоятельным, относительно независимым и автономным от родителей.

К числу сдерживающих сил, отталкивающих молодых людей от переезда в другой город, можно отнести:

- нежелание менять привычный социальный контекст (стремление сохранить связи с родительской семьей и привычный круг общения);
- наличие реальных возможностей и перспектив развития в родном городе;
- стабильность и определенность, чувство защищенности и поддержки;
- неготовность к самостоятельной жизни и риску.

Таким образом, можно предположить, что если молодей человек рассматривает свой родной город как непривлекательный, не обладающий достаточным количеством возможностей и перспектив, то он будет в большей степени ориентирован на переезд в другой город, рассматриваемый им как более привлекательный и перспективный.

Кроме макросоциальных факторов, как нами было отмечено ранее, большое значение также имеют и микросоциальные, к которым относится *социальный контекст*, включающий в себя родительскую семью и социальное окружение молодого человека.

В ходе проведенного нами исследования было обнаружено, что ряд характеристик социального контекста могут выступать в качестве предпосылок принятия решения в пользу переезда в другой город.

Так, число полных семей и семей, имеющих двух и более детей, среди молодых людей, совершивших переезд в другой город, преобладает над числом таковых среди оставшихся в родном городе. Соответственно, в группе респондентов, выбравших вуз в родном городе, преобладает число неполных семей и семей с одним ребенком (около половины опрошенных респондентов данной группы).

Около 20 % респондентов, переехавших в другой город, имели в качестве наглядного примера опыт переезда своих старших братьев и сестер. Среди молодых людей, оставшихся в родном городе, переезд старшего сиблинга в другой город был выявлен только в одном случае.

Статистически значимо большее число родителей молодых людей, решивших получать образование в иногороднем вузе, по сравнению с респондентами, оставшимися в родном городе, имеют высшее образование ($p \leq 0{,}01$). Можно предположить, что чем выше уровень образования в родительской семье, тем больше вероятность того, что молодой человек после окончания школы будет стремиться к продолжению образования, более того, молодой человек будет стремится получить не просто высшее образование, а высшее образование высокого качества, в том числе и за пределами родного города.

Одним из немаловажных показателей, влияющих в конечном итоге на выбор в пользу переезда в другой город или предпочтение родного города, являются материальные возможности родительской семьи. Обусловлено это тем, что на рассматриваемом в исследовании этапе жизненного пути молодых людей основным источником дохода практически для всех студентов-первокурсников являются родители либо лица, их замещающие. Как показало исследование, более 90 % всех молодых людей живут за счет

родителей, в связи с этим показатель материального благосостояния родительской семьи играет существенную роль в решении вопроса о переезде в другой город.

Большинство респондентов обеих групп оценили уровень материального достатка своей родительской семьи как средний. Если анализировать полученные данные более детально, то обнаруживается, что в целом уровень материального достатка в семьях молодых людей, решивших переехать в другой город, судя по их субъективным оценкам, несколько выше, чем у молодых людей, оставшихся в родном городе. Число респондентов, оценивших материальный уровень родительской семьи как ниже среднего, достоверно не различается.

Стоит также отметить, что около 25% респондентов, выбравших обучение в родном городе, среди основных причин, по которым они не решились бы переехать в другой город, назвали материальные трудности, связанные с переездом в другой город.

Таким образом, материальный уровень родительской семьи выпускника выступает важным фактором в ситуации выбора между переездом в другой город и обучением, однако он не является решающим.

Кроме того, в ходе исследования были выявлено, что студенты, обучающиеся в родном городе, в большей степени ориентированы на семью, в то время как студенты, покинувшие родной город, в первую очередь нацелены на профессиональное развитие. Стоит отметить, что схожие данные были получены и в других исследованиях, где было показано, что для молодых людей, предпочитающих родной город, наиболее важным аспектом их взаимодействия с окружающей реальностью является семья, а для молодых людей, переехавших в другой город, наиболее важными аспектами в жизни выступают место, занимаемое ими в обществе, материальное положение, то, как они себя видят в будущем [Логинова, Живаева, 2015]. Высокая значимость семьи становится ограничивающим фактором при принятии решения о переезде в другой город. Стремление к успеху в профессиональной деятельности, напротив, выступает в качестве стимулирующего фактора, поскольку переезд в другой город связывается с расширением границ пространства возможностей, с поиском новых перспектив и вариантов для личностного и профессионального развития.

Молодыми людьми, выбравшими иногородний вуз, осуществляется деятельность по «определению» новой жизненной ситуации, ее когнитивному «освоению», что приводит в свою очередь к большей дифференциации психологического пространства личности и расширению временной перспективы.

При выборе вуза молодые люди, переехавшие в другой город, в первую очередь обращают внимание на его статусные характеристики и качество образования: престижность, высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, высокое качество образования. Также для них является значимой возможность расширения круга общения. Менее значимыми при выборе вуза для них являются возможность дальнейшего трудоустройства, наличие выбранной специальности в вузе и доступность поступления. Для молодых людей, предпочитающих обучаться в вузе родного города, важным является не столько статус учебного заведения, сколько возможность получения высшего образования, рассматриваемая ими как средство для дальнейшего трудоустройства.

Респонденты, переехавшие в другой город, демонстрировали в своих ответах на большинство вопросов анкеты стремление к максимально полной реализации своих сил и возможностей, достижению успеха, желание получить образование высокого качества, учиться в престижном вузе, выделяться на фоне других и т. д. Это позволяет предположить, что стремление к развитию и успешности является фактором, стимулирующим молодых людей к постоянному росту и расширению границ пространства возможностей, чему и способствует переезд в другой город. Для студентов, обучающихся в родном городе, более значимыми являются стабильность и доступность образования, они не придают особого значения статусным характеристикам вуза и престижности получаемого образования, для них получение высшего образования — возможность в дальнейшем хорошо устроиться в жизни. Их удовлетворяет уровень развития и перспективы родного города.

Итак, к основным различиям между молодыми людьми, совершившими переезд в другой город и оставшимися в родном городе, можно отнести следующие.

1. Восприятие особенностей городской среды: как правило, молодые люди, предпочитающие иногородний вуз, стремятся переехать в более крупный и развитый в социаль-

ном и культурном плане город, обладающий множеством возможностей и перспектив для личностного и профессионального развития. Молодые люди, предпочитающие обучение в родном городе, чаще удовлетворены теми возможностями, которые может им предложить их родной город.

2. Особенности социального контекста: выпускники, осуществляющие выбор в пользу переезда в другой город, чаще имеют полную семью, а также нескольких сиблингов, нежели выпускники, решившие остаться в родном городе. Они имеют реальные примеры в лице свои старших братьев и сестер, совершивших переезд в другой город и там проживающих. Образовательный уровень их родительских семей более высокий: более 70 % отцов и матерей имеют высшее образование, среди родителей молодых людей, обучающихся в родном городе, высшее образование имеется лишь у 50 %. Материальные возможности семьи респондентов, переехавших в другой город, несколько выше, чем студентов, выбравших образование в родном городе.
3. Молодые люди, совершившие выбор в пользу неизменности и стабильности, в большей степени ориентированы на семью, в то время как молодые люди, предпочитающие переезд в другой город — выбор нового, в большей степени ориентированы на развитие в профессиональной сфере, достижения и самореализацию.
4. Респонденты, осуществившие переезд в другой город, отличаются бо́льшим уровнем самостоятельности: они склонны в большей степени решать возникающие у них проблемы и преодолевать трудности самостоятельно, а не обращаться за помощью к родителям или друзьям. Для них характерно планирование своей жизни и постановка целей на длительный период времени.
5. Молодые люди, переехавшие в другой город, в качестве одного из мотивов переезда рассматривают возможность расширить свой круг общения, не боясь того, что уже сформировавшиеся социальные связи могут ослабеть

или вовсе разорваться. Возможно, отсутствие боязни потерять сформировавшийся круг друзей и привычные социальные связи можно объяснить способностью молодых людей, обучающихся в крупном городе — мегаполисе, «к быстрому установлению глубоких и тесных эмоционально-насыщенных контактов с людьми» [Логинова, Чупина, Живаева, 2013, с. 41].

6. Стремление к развитию и успешности является фактором, стимулирующим молодых людей, совершивших переезд в другой город, к постоянному росту и расширению границ пространства возможностей, в том числе за счет переезда в другой город.

Стоит заметить, что в целом уровень активности молодых людей по результатам субъективной оценки самих респондентов в обеих группах достоверно не различается. Это позволяет говорить о том, что молодые люди, предпочитающие родной город, обладая примерно теми же внутренними ресурсами и уровнем активности, что и молодые люди, предпочитающие переезд в другой город, не стремятся к наилучшему выбору, а довольствуются тем, что имеют, либо сами для себя воздвигают барьеры и препятствия, обусловленные системой внешних либо внутренних запретов и ограничений, а также недостаточным развитием навыков, способностей и т. д.

Анализ личностных особенностей: особенности ценностно-смысловой сферы. Общая структура ценностных ориентаций на уровне нормативных идеалов в двух группах схожа, существенным расхождением является положение ценности «Стимуляция» (выражающая стремление личности к новизне и глубоким переживаниям), которая занимает четвертое ранговое место в группе молодых людей, переехавших в другой город, и девятое — в группе оставшихся в родном городе.

Стоит отдельно отметить, что ценности как индивидуальные приоритеты поведения несколько отличаются в обеих группах от нормативных идеалов, что может в целом свидетельствовать о несоответствии поведения молодых людей их убеждениям.

Как показал двухфакторный дисперсионный анализ, значимость одних и тех же ценностей для студентов разных групп

неодинакова. Так, на уровне нормативных идеалов для молодых людей, совершивших переезд, более значимой выступает ценность «Стимуляция» (стремление к новизне и глубине переживаний). Что касается ценностей «Конформность», «Традиции», «Власть» и «Безопасность», то они являются для них менее значимыми, чем для молодых людей, обучающихся в родном городе. На уровне индивидуальных приоритетов для первой группы более значимыми являются ценности «Доброта», «Самостоятельность» и «Стимуляция»; менее значимой является ценность «Конформность». То есть для иногородних студентов как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов характерно стремление к *открытости изменениям*, в отличие от студентов, обучающихся в родном городе; менее значимыми и менее выраженными являются ценности, относящиеся к полюсу *консерватизма*: «Конформность», «Традиции», «Безопасность».

Полученные по *методике смысложизненных ориентаций* данные дают возможность говорить о том, что жизнь молодых людей, совершивших переезд, в отличие от молодых людей, оставшихся в родном городе, более осмысленна, они имеют конкретные цели в будущем, которые придают их жизни осмысленность и направленность, что отчасти подтверждается и результатами, полученными в ходе анкетирования. Кроме того, опираясь на результаты методики, а также анкетные данные, можно сделать вывод о расширении и дифференциации временной перспективы молодых людей, сделавших выбор в пользу переезда.

Молодые люди, обучающиеся в иногороднем вузе, в целом удовлетворены своей жизнью, считают ее интересной, эмоционально насыщенной и наполненной смыслом. Они полагают, что сами способны контролировать свою жизнь, а также обладают достаточной свободой выбора, чтобы выстроить ее в соответствии с поставленными целями и представлениями о смысле жизни.

Для молодых людей, оставшихся в родном городе, характерен менее высокий уровень вовлеченности в процесс своей жизни, убежденность в том, что человеку не дано в полной мере контролировать свою жизнь. Смысл жизни они видят в настоящем и будущем, при этом прожитой ее частью они удовлетворены частично. Имеют определенные цели в жизни, но не стремятся занять позицию активного ее творца. Способны планировать свою

деятельность, однако не всегда склонны оценивать ее результаты, контролировать свои действия.

В целом выявленные различия *по тесту смысложизненных ориентаций и методике Шварца* могут свидетельствовать о том, что возрастание показателей осмысленности жизни и значимости ценностей, связанных со стремлением к новизне и открытостью изменениям, влекут за собой поиск новых смыслов, перспектив и возможностей для расширения горизонтов и реализации поставленных целей. Стремление к поиску новых возможностей, к наиболее оптимальному пути достижения поставленных жизненных целей, на наш взгляд, также может выступать толчком для предпочтения будущего (неопределенности), новых условий существования, в том числе предпочтения иногороднего вуза и связанных с ним новых условий жизни. Такая направленность на реализацию своего потенциала способствует более легкой адаптации к изменениям жизненной ситуации, более быстрому ее когнитивному освоению и определению, что соотносится с данными других исследований.

В связи с изложенным выше можно выдвинуть предположение о том, что в ситуации значимого жизненного выбора высокий уровень осмысленности жизни, наличие жизненных целей, а также высокая значимость ценностей, выражающих открытость изменениям, могут выступать в качестве факторов, обусловливающих готовность субъекта выбора предпочесть новую ситуацию привычным условиям жизни.

Полученные по *тесту жизнестойкости* результаты дают возможность сделать вывод, что молодые люди, осуществившие переезд в другой город, обладают более высоким уровнем жизнестойкости, в большей степени включены в события, происходящие в их жизни, склонны получать удовольствие от происходящего в ней, они склонны в большей мере, чем молодые люди, оставшиеся в родном городе, ощущать себя хозяевами своей жизни, способными самостоятельно определять свой жизненный путь. Студенты, обучающиеся в иногороднем вузе, в большей степени, чем студенты, оставшиеся в родном городе, убеждены в том, что происходящие в их жизни события способствуют их развитию за счет знаний и извлекаемого опыта, ради которого они готовы идти на риск. Совершившие переезд молодые

люди стремятся контролировать собственные действия, своевременно вносить в них коррективы и мобилизовать свои силы для преодоления препятствий на пути к поставленным целям. Их убежденность в том, что все, что с ними происходит, способствует их личностному росту и развитию, а также приобретению нового опыта, расширяет их возможности, позволяет совершать рискованные шаги, так как при любом исходе можно получить ценный опыт; они не боятся действовать в отсутствие надежных гарантий, в условиях неизвестности и неопределенности, считая, что стремление к комфорту и безопасности значительно обедняет жизнь. Кроме того, молодые люди, переехавшие в другой город, убеждены, что необходимо быть вовлеченными в ситуацию и держать ее под своим контролем, активно влияя на происходящие с ними события.

Что касается молодых людей, обучающихся в родном городе, то, основываясь на полученных данных, можно сделать вывод, что для них характерен менее высокий уровень вовлеченности в процесс своей жизни, убежденность в том, что человеку не дано в полной мере контролировать свою жизнь. Они в большей степени не удовлетворены своей жизнью и тем, что с ними происходит, стремятся к комфорту и безопасности.

В ходе дисперсионного анализа нами также были обнаружены статистически значимые различия в показателях толерантности к неопределенности между двумя группами респондентов. Для молодых людей, идущих на риск, предпочитая неопределенность и изменение условий, характерна бóльшая готовность к принятию неопределенности и непредсказуемости будущего, чем для тех, кто предпочитает оставаться в рамках привычных условий существования, отказываясь от выбора будущего, что также показано в исследовании Е. Ю. Мандриковой [Мандрикова, 2006]. На наш взгляд, высокий уровень толерантности к неопределенности может выступать одним из факторов, обусловливающих выбор человеком изменений — выбор будущего. В то же время, как отмечается в статье Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Мандриковой, «развитая толерантность к неопределенности может быть как предпосылкой для совершения выбора будущего, так и его закономерным следствием, являя собой способ совладания с экзистенциальной тревогой относительно неизвестности будущего» [Леонтьев, Мандрикова, 2005, с. 40].

Как показал проведенный двухфакторный дисперсионный анализ, существуют статистически значимые различия в показателях автономности между молодыми людьми, переехавшими в другой город, и молодыми людьми, оставшимися в родном городе. Так, уровень автономии иногородних студентов выше, чем у студентов, оставшихся в родном городе. Для них характерно оперирование внутренней мотивационной системой на основе интересов и внутренних ценностей, высокий уровень самодетерминации. Молодые люди отличаются гибким поведением и чувствительностью к изменениям среды и в зависимости от ситуации могут использовать как внутренне мотивированное, так и внешне мотивированное поведение. Они более настойчивы в достижении поставленных целей. Кроме того, автономия связана с открытостью опыту, а совершаемый таким человеком выбор воспринимается им самим как действительно самостоятельно осуществленный.

Что касается шкал «Контроль» и «Безличность», то значения по ним несколько выше среди молодых людей, обучающихся в родном городе. Безличная каузальная ориентация характеризуется наличием феномена «выученной беспомощности», так как такие люди привыкают к тому, что среда не реагирует на их действия. Человек, как правило, фокусируется на признаках, подтверждающих тщетность любых усилий, проявляет минимум самодетерминации, а его поведение в основном является автоматическим. В основе внешней каузальной ориентации лежит недостаток самодетерминации. Выбор в случае преобладания данного типа каузальной ориентации основывается на внешних импульсах и критериях, а не на внутренних потребностях. Потеря чувства самодетерминации у таких людей замещается сильной потребностью в контроле.

Также существуют значимые различия по показателю внешней ориентации между рассматриваемыми группами. Так, молодые люди, живущие в родном городе, в большей мере, нежели молодые люди, осуществившие переезд, ориентированы на внешний контроль. Они склонны верить в зависимость получаемых результатов от поведенческих реакций, а осуществляя выбор, основываются на внешних критериях и импульсах. Характеризуются недостатком самодетерминации.

Что касается безличной ориентации, то в результате статистической обработки данных значимых различий по данной шкале выявлено не было.

Таким образом, в результате проведенного исследования нами было установлено, что молодые люди, реализующие выбор будущего — выбор в пользу нового, стремящиеся к расширению границ своего жизненного пространства, отличаются от молодых людей, выбравших привычные условия жизни и оставшихся в родном городе, по ряду показателей. К ним относятся: жизнестойкость, толерантность к неопределенности, тип каузальной ориентации, показатели осмысленности жизни и ценностные ориентации.

В результате регрессионного и дискриминантного анализов было показано, что на жизненный выбор в ситуации принятия решения о переезде в другой город оказывают влияние такие психологические переменные, как: общий уровень жизнестойкости; автономная каузальная ориентация; локус контроля — жизнь; толерантность к неопределенности; инструментальная ценность доброты. Причем увеличение данных показателей способствует принятию молодым человеком решения в пользу изменения своей жизненной ситуации. Такие психологические переменные, как внешняя каузальная ориентация и терминальная ценность конформности выступают в качестве сдерживающих факторов, иными словами, высокие показатели по данным переменным могут препятствовать реализации выбора изменений.

Было обнаружено, что для представителей обеих групп в качестве стимулирующих факторов выступают высокий уровень жизнестойкости (способность успешно справляться и переносить стрессовые ситуации), осмысленность жизни, удовлетворенность тем жизненным периодом, который уже прожит, высокий уровень толерантности к неопределенности (способности справиться с новыми, неопределенными ситуациями и готовность к переживанию ситуаций субъективной и объективной неопределенности), а также низкий уровень безличной каузальной ориентации.

В связи с полученными в исследовании данными можно предположить, что решение о переезде в другой город чаще всего является решением осознанным, обдуманным, заранее запланированным, обусловленным поиском наиболее продуктивных

способов реализации своего потенциала возможностей, а также стремлением к расширению пространства возможностей.

Для молодых людей, предпочитающих обучение в иногороднем вузе, изменение жизненного контекста выступает как ресурсная ситуация, обладающая высокой степенью неопределенности, которую человеку необходимо для себя структурировать и определить через поиск и реализацию новых возможностей, связанных с изменением жизненного контекста. В то время как для молодых людей, предпочитающих оставаться в родном городе, сохраняя привычный жизненный контекст, ситуация переезда в другой город представляется как ситуация риска и неопределенности, связанная с негативными переживаниями, тревогой и опасениями.

Заключение

В исследовании было установлено, что молодые люди, совершающие качественно различный выбор, по-разному воспринимают саму ситуацию переезда, по-разному ее для себя «определяют». Молодыми людьми, осуществившими переезд в другой город, сама ситуация переезда рассматривается как ресурсная, содержащая в себе широкий диапазон возможностей и перспектив развития, молодыми людьми, оставшимися в родном городе, переезд «определяется» как ситуация риска, связанная с высоким уровнем тревоги и негативными переживаниями. Иными словами, молодые люди, совершающие выбор будущего, характеризуются позитивным отношением к неопределенности, а молодые люди, предпочитающие неизменность, связывают ее с широким спектром отрицательных эмоций (от дискомфорта до паники), поэтому стараются ее минимизировать в своей жизни.

В ходе исследования были выявлены также различия между молодыми людьми, реализовавшими выбор нового, и молодыми людьми, выбравшими привычное, по ряду психологических переменных. Показано, что молодые люди, выбравшие переезд в другой город, демонстрируют более высокий уровень жизнестойкости, толерантности к неопределенности, личностной автономии, удовлетворенности и осмысленности жизни, чем молодые люди, оставшиеся в родном городе. Для молодых людей, переехавших

в другой город, более значимыми являются ценности открытости изменениям; менее значимыми — ценности консерватизма.

Таким образом, основываясь на теоретическом анализе литературы и полученных результатах исследования, можно заключить, что одна и та же жизненная ситуация, обладающая определенным набором объективных характеристик, может по-разному восприниматься разными людьми, что может приводить к выбору ими различных стратегий поведения в зависимости от того, как они сами «определяют» объективно существующую ситуацию, пропуская ее через свой субъективный внутренний мир. Для одних людей неопределенная жизненная ситуация, требующая принятия решения, может быть связана с поиском скрытых в ней возможностей, расширением границ возможностей, дифференциацией жизненного пространства и расширением временной перспективы, что в итоге приведет к выбору будущего. Для других эта же ситуация может быть тесно связана с негативными переживаниями, большой степенью риска, страхом и желанием сохранить жизненный контекст без изменений, что обусловливает выбор людьми неизменности.

Литература

Абульханова К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. С. 3–21.

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл; Академия, 2007.

Василюк Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Василюк Ф. Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 284–314.

Гришина Н. В. «Жизненное пространство» в теории поля Курта Левина как пространство возможностей и самореализации человека // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 4 / под ред. Е. Ф. Рыбалко и Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 134–146.

Гришина Н. В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 10–20. http://doi.org/10.17759/sps.2018090302.

Гришина Н.В. Психология социальных ситуаций // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 121–132.

Гришина Н.В. Ситуационный подход в исследовании субъектности // Ананьевские чтения — 2009: Современная психология: методология, парадигмы, теория: материалы научной конференции. Вып. 1. Методологические и теоретические проблемы психологии / под ред. Л.А.Цветковой, В.М.Аллахвердова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 35–38.

Захарова В.И. Социокультурное пространство мегаполиса // Теория и практика общественного развития. 2017. № 2. С. 25–27.

Калугина И.Ю., Колюцкий В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд. М.: Сфера, 2009.

Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.

Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: Изд-во РХГА, 2006.

Кравченко Л.С. Жизненный выбор личности (психологический анализ): дис. … канд. психол. наук. М., 1987.

Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб., Речь, 2000а.

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000б.

Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001.

Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю. Моделирование «экзистенциальной дилеммы»: эмпирическое исследование личностного выбора // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. 2005. № 4. С. 37–42.

Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Фам А.Х. Разработка методики диагностики процессуальной стороны выбора // Психологическая диагностика. 2007. № 6. С. 4–25.

Леонтьев Д.А, Овчинникова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2015.

Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97–110.

Личностный потенциал. Структура и диагностика / под ред. Д.А.Леонтьева. М.: Смысл, 2011.

Логинова И.О., Живаева Ю.В. Особенности социокультурной идентичности студентов малого города и мегаполиса // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. № 3 (63). С. 167–172.

Логинова И.О., Чупина В.Б., Живаева Ю.В. Личностные характеристики студентов, обучающихся в малом городе и мегаполисе // Психология обучения. 2013. № 8. С. 37–45.

Мадди С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 87–101.

Мандрикова Е. Ю. Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: дис. … канд. психол. наук. М., 2006.

Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб.: Речь, 2011. URL: http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/gorodskaya-identichnost (дата обращения: 09.04.2020).

Нартова-Бочавер С. К. Психологическое пространство личности: монография. 2-е изд. М.: Флинта, 2016.

Общая психология: словарь / под ред. А. В. Петровского // Психологический лексикон: энциклопедический словарь: в 6 т. / Ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. М.: Пер сэ, 2005.

Озерина А. А. Категория «выбор» в психологии: теоретическое исследование // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 9: Исследования молодых ученых, 2008. № 7. С. 95–97.

Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019.

Психологическая зрелость личности / под общ. ред. Л. А. Головей. СПб.: Скифия-принт; СПбГУ, 2014.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1999.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.

Салихова Н. Р. Профессиональный выбор и реализуемость личностных ценностей в юности // Казанский педагогический журнал. 2008. № 4. С. 3–12.

Фам А. Х. Подходы к повышению качества выбора и готовности к нему // Экзистенциальный анализ. 2015. № 7. С. 155–172.

Фам А. Х., Леонтьев Д. А. Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости (Часть 1) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 2013а. № 1. С. 84–96.

Фам А. Х., Леонтьев Д. А. Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости (Часть 2) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 2013б. № 2. С. 93–105.

Фам А. Х., Меньщикова А. А. Жизненные выборы высокого и низкого качества: субъективное восприятие и связь с особенностями личности // Личность в эпоху перемен: Mobilis in Mobili: Материалы международной научно-практической конференции (17–18 декабря 2018 г.) / под общ. ред. Е. Ю. Патяевой, Е. И. Шлягиной. М.: Смысл, 2018. С. 251–253.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.;: Питер; М.: Смысл, 2003.

Шварц Г. М. Психология индивидуальных решений. М.: Диалог-МГУ, 1997.

Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999.

References

Abul'hanova K. A. The principle of the subject in Russian psychology. *Psihologiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2005, vol. 2, pp. 3–21. (In Russian)

Abul'hanova-Slavskaya K. A. *Life strategy*. Moscow, Mysl' Publ., 1991. (In Russian)

Asmolov A. G. *Personality psychology: cultural and historical understanding of human development*. Moscow, Mysl' Publ., Akademiia Publ., 2007. (In Russian)

Fam A. H. Approaches to improving the quality of choice and readiness for it. *Ekzistentsial'nyi analiz,* 2015, vol. 7, pp. 155–172. (In Russian)

Fam A. H., Leontiev D. A. Subjective construction of choice in situations of different levels of significance (Part 1). *Vestnik of Moscow State University. Ser. 14: Psychology,* 2013a, vol. 1, pp. 84–96. (In Russian)

Fam A. H., Leontiev D. A. Subjective construction of choice in situations of different levels of significance (Part 2). *Vestnik of Moscow State University. Ser. 14: Psychology,* 2013b, vol. 2, pp. 93–105. (In Russian)

Fam A. H., Men'shchikova A. A. Life choices of high and low quality: subjective perception and connection with personality characteristics. In: *Personality in an age of change: Mobilis in mobili:* proceedings of the international scientific and practical conference (December 17–18, 2018). Eds E. Yu. Patyaeva, E. I. Shlyagina. Moscow, Smysl Publ., 2018, pp. 251–253. (In Russian)

General psychology: dictionary. Ed. by Petrovskii A. V. In: *Psihologicheskii leksikon: entsiklopedicheskii slovar'*: in 6 vols. Comp.-ed. by L. A. Karpenko. Moscow, Per se Publ., 2005. (In Russian)

Grishina N. V. "Life space" in Kurt Lewin's field theory as a space of human possibilities and self-realization. *Psychological problems of personal self-realization*, vol. 4. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2000, pp. 134–146. (In Russian)

Grishina N. V. The problem of the conceptualization of context in modern psychology. *Sotsial'naia psikhologiia i obshchestvo*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 10–20. http://doi.org/10.17759/sps.2018090302. (In Russian)

Grishina N. V. Psychology of social situations. *Voprosy psihologii*, 1997, no. 1, pp. 121–132. (In Russian)

Grishina N. V. Situational approach in the study of subjectivity. *Materials of the scientific conference "Ananiev readings-2009". Iss. 1. Methodological and theoretical problems of psychology.* Eds L. A. Tsvetkova, V. M. Allakhverdov. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2009, pp. 35–38. (In Russian)

Heckhausen H. *Motivation and activity*. St. Petersburg, Piter Publ.; Moscow, Smysl Publ., 2003. (In Russian)

Kalugina I. Yu., Kolyuckij V. N. *Age psychology: the complete life cycle of human development.* Moscow, TC Sfera Publ., 2009. (In Russian)

Kierkegaard S. *Pleasure and duty*. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 1998. (In Russian)

Korzhova E. Yu. *Psychology of life orientations of the person*. St. Petersburg, RHGA Publ., 2006. (In Russian)

Kozeleckij Yu. *Psychological decision theory.* Moscow, Progress Publ., 1979. (In Russian)

Kravchenko L. S. *Life choices of the individual* (*psychological analysis).* PhD dissertation (Psychology). Moscow, 1987. (In Russian)

Leontiev D. A., Mandrikova E. Yu. Modeling the "existential dilemma": an empirical study of personal choice. *Vestnik of Moscow State University. Ser. 14: Psychology,* 2005, no. 4, pp. 37–42. (In Russian)

Leontiev D. A., Mandrikova E. Yu., Fam A. H. Development of methods for diagnosing the procedural side of choice. *Psihologicheskaia diagnostika*, 2007, no. 6, pp. 4–25. (In Russian)

Leontiev D. A, Ovchinnikova E. Yu., Rasskazova E. I., Fam A. H. *Psychology of choice*. Moscow, Smysl Publ., 2015. (In Russian)

Leontiev D. A., Pilipko N. V. Choice as an activity: personal determinants and opportunities for formation. *Voprosy psihologii*, 1995, no. 1, pp. 97–110. (In Russian)

Lewin K. *Dynamic psychology: Selected works*. Moscow, Smysl Publ., 2001. (In Russian)

Lewin K. *Social conflict resolution*. St. Petersburg, Rech' Publ., 2000a. (In Russian)

Lewin K. *Field theory in the social Sciences*. St. Petersburg, Sensor Publ., 2000b. (In Russian)

Loginova I. O., Chupina V. B., Zhivaeva Yu. V. Personal characteristics of students studying in small cities and megacities. *Psikhologiia obucheniia*, 2013, no. 8, pp. 37–45. (In Russian)

Loginova I. O., Zhivaeva Yu. V. Features of socio-cultural identity of students of small cities and megacities. *Vestnik of Kemerovo State University*, 2015, no. 3 (63), pp. 167–172. (In Russian)

Maddi S. R. Meaning formation in the decision-making process. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2005, vol. 26, no. 6, pp. 87–101. (In Russian)

Mandrikova E. Yu. *Types of personal choice and their individual psychological prerequisites. PhD dissertation (Psychology).* Moscow, 2006. (In Russian)

Miklyaeva A. V., Rumyanceva P. V. *Urban identity of a modern megalopolis resident: a resource for personal well-being or a high-risk zone?* St. Petersburg, Rech' Publ., 2011. Available at: http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/gorodskaya-identichnost (accessed: 09.04.2020). (In Russian)

Nartova-Bochaver S. K. *Psychological space of the individual*. Moscow, Flinta Publ., 2016. (In Russian)

Ozerina A. A. The category of "choice" in psychology: a theoretical study. *Vestnik of Volgograd State University. Ser. 9: Issledovaniia molodykh uchenykh,* 2008, no. 7, pp. 95–97. (In Russian)

Personal potential. Structure and diagnostics. Ed. by D. A. Leontiev Moscow, Smysl Publ., 2011. (In Russian)

Personality psichology: Being in change. Ed. by N. V. Grishina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2019. (In Russian)

Psychological maturity of the individual. Ed. by L. A. Golovei. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., St. Petersburg State University Press, 2014. (In Russian)

Rubinshtein S. L. *Fundamentals of General psychology*. St. Petersburg, Piter Kom Publ., 1999. (In Russian)

Rubinshtein S. L. *Man and the world*. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. (In Russian)

Salihova N. R. Professional choice and realizability of personal values in youth. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, 2008, vol. 4, pp. 3–12. (In Russian)

Shvarc G. M. *Psychology of individual decisions*. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1997. (In Russian)

Vasilyuk F. E. *Psychology of experience: analysis of overcoming critical situations*. Moscow, Moscow State University Press, 1984. (In Russian)

Vasilyuk F. E. Psychotechnics of choice. *Psychology with a human face: a humanistic perspective in post-Soviet psychology*. Eds D. A. Leontiev, V. G. Shchur. Moscow, Smysl Publ., 1997, pp. 284–314. (In Russian)

Yalom I. *Existential psychotherapy*. Moscow, Klass Publ, 1999. (In Russian)

Zaharova V. I. Socio-cultural space of the metropolis. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2017, no. 2, pp. 25–27. (In Russian)

Е. В. Зиновьева

Преломление жизненного опыта в жизненном пространстве человека

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 7–9

В статье предпринимается попытка показать взаимосвязь жизненного опыта и жизненного пространства человека, их влияние друг на друга, преломление жизненного опыта в жизненном пространстве человека в реальной жизни. Описывается структура и функции жизненного опыта, даются характеристики жизненного пространства. Взаимосвязь жизненного опыта и жизненного пространства устанавливается через понятия повседневной реальности и повседневного опыта, которые становятся связующим звеном между жизненным опытом и жизненным пространством. Переход повседневного опыта в жизненный происходит через события как ситуации, характеризующиеся новизной, проблемностью, требующие появления внутренней активности по их переработке, результатом которой могут стать новые знания или смыслы. Появление нового в жизненном опыте человека меняет его жизненное пространство. Описывается влияние жизненного опыта на характеристики жизненного пространства через ситуации, актуализирующие развитие ребенка. Обозначается, что не только жизненный опыт влияет на жизненное пространство, но и жизненное пространство в каждый момент времени обеспечивает движение жизненного опыта через включение новых событий. Между жизненным опытом и жизненным пространством происходит постоянный энергетический взаимообмен, обеспечивающий их движение и взаимопроникновение. Отмечается, что в реальной жизни взаимосвязь жизненного опыта и жизненного пространства можно наблюдать в переломных или кризисных ситуациях и проследить через проблемные нарративы клиентов, обращающихся за психологической помощью. Указывается, что посредством анализа нарратива можно увидеть организацию взаимодействия опыта и пространства, их дефицитарность. Приводится пример проблемного нарратива, критерии его анализа по характеристикам жизненного опыта и жизненного пространства и их связи, предлагаются ориентиры для практической работы. Подчеркивается, что для преодоления кризисной ситуации необходимо, чтобы жизненное пространство человека стало открытым для включения новых событий из внешней среды. Жизненный опыт может этому способствовать или препятствовать, в таком случае необходима его перестройка.

Ключевые слова: жизненный опыт, жизненное пространство, повседневный опыт, кризис, проблемный нарратив.

Разнообразие жизненных условий личности, изменение контекста повседневности и опыта современного человека ставят перед исследователями задачу приблизиться к реальности в ее изучении. Происходящие изменения направляют их интерес к изучению личности в контексте ее отношений с миром, под влиянием происходящих событий. Одним из таких направлений исследований может являться изучение человека в его жизненном пространстве и того, каким образом феномены его внутреннего субъективного мира, такие как, например, жизненный опыт, в нем преломляются. Особенно значимым это становится в связи с повседневной жизнью человека, насыщенной ситуациями неопределенности и представляющей собой многослойный мир со множественными контекстами [Марцинковская, 2019].

Внешняя реальность оказывает влияние на содержание жизненного пространства человека как пространства повседневности, делая субъекта восприимчивым к ситуациям, характеризующимся неопределенностью, проблематичностью, нарушением привычного. Изменчивость социальных контекстов ставит перед человеком задачу совладания с трудной жизненной ситуацией современной повседневной жизни [Марцинковская, 2019]. Она требует от него гибкости и открытости новому опыту для решения возникающих проблем. «Важны любопытство, открытость новому и создание связей между идеями, которые прежде казались не связанными друг с другом, а для этого необходимо иметь представление о различных областях знаний, …и быть готовым к новой информации» [Фейдл и др., 2015, с. 20].

Результатом взаимодействия с неизвестными, отличающимися от «привычного» ситуациями может стать расширение и насыщение жизненного пространства человека или, наоборот, сужение и дезорганизация, преобладание ирреальности (например, уход в замещающую онлайн-реальность). Можно предположить, что жизненный опыт в данном случае будет выступать как внутренняя основа, от содержания которой зависит то, какой путь выберет человек для совладания с неопределенным внешним миром — активный, открытый изменениям или пассивно-иллюзорный, ригидный. Жизненный опыт задает контуры внутренней свободы человека от внешних обстоятельств, сохраняя его внутреннюю целостность или, напротив, приводя к нарушению

ощущения собственного Я (Self), его «растворению» во времени и пространстве; тем самым определяется, что будет находиться в его жизненном пространстве, а что — исключаться как «чужое».

Для Курта Левина, автора идеи о жизненном пространстве человека, важны были практические приложения его теоретических представлений: любые установленные в теоретических или эмпирических исследованиях феномены имели для него смысл только как отражение реального поведения людей в естественных условиях их повседневной жизни [Левин, 2000а; Гришина, 2013]. Его идеи нашли свое применение в практической социальной психологии, в психологии личности и даже показали свою продуктивность в области прогнозирования катастроф, но их эвристический потенциал для практики психологической помощи, на наш взгляд, раскрыт не полностью.

В работах современных отечественных и западных психологов практиков есть отсылки к Курту Левину и его концептуальным положениям, но лишь в ряду многих других, что, по нашему мнению, не в полной мере отражает его вклад в практическую психологию. Именно концепт жизненного пространства как никакой другой соответствует задаче описания и анализа того, что репрезентирует человек, когда появляется на приеме у психолога, а основной задачей специалиста является как раз качественное изменение жизненного пространства обратившегося за психологической помощью.

В отличие от понятия жизненного пространства, которое все еще недостаточно конкретизировано для широкого применения в практике психологической работы, жизненный опыт является одним из основных фокусов в работе психологов-консультантов [Зиновьева, 2019].

Вместе с тем психологическая феноменология, стоящая за понятиями жизненного пространства и жизненного опыта, должна иметь тесные взаимосвязи: жизненное пространство формируется и изменяется в процессе постоянного накопления жизненного опыта, который, в свою очередь, уточняется и закрепляется в живой реальности жизненного пространства человека в процессе его взаимодействия с окружающим миром.

Для того чтобы увидеть, как именно связаны жизненный опыт и жизненное пространство человека, как преломляется жиз-

ненный опыт в жизненном пространстве, обратимся к самим понятиям, к их основным параметрам, через которые они могут быть описаны.

Понятие жизненного опыта

Понятие «жизненный опыт» в психологии до сих пор не имеет четких границ, структуры и однозначно понимаемого всеми содержания. Его часто отождествляют с видами опытов (например, познавательный, чувственно-практический, индивидуальный, субъективный, регуляторный, биографический, повседневный и т. п.), или оно может являться родовым понятием по отношению к ним. Поворотным моментом для понимания того, что такое опыт, стало смещение фокуса внимания с результатов на процесс получения, учет внутренних процессов, происходящих с человеком.

К настоящему времени в психологии можно выделить два больших направления в изучении опыта.

Первое связано с подходом к опыту как к процессу получения и накопления знаний, в результате чего формируются новые когнитивные структуры. Здесь важен именно процессе получения информации о мире, ее накопление и обработка, то есть *опыт как деятельность*, результатом которой становится сумма знаний, навыков, умений.

Второе концентрируется на самом человеке, его внутренних переживаниях, отношении к происходящему. Здесь *опыт — это отражение того, что происходило с человеком в определенный момент времени*, и того, как он это воспринял или оценил. В центре внимания не когнитивные структуры, а личностные — ценностные ориентации, смыслы, имплицитные теории и т. д.; при этом подчеркивается активность личности по отношению к своему опыту, взаимообусловленность разных элементов и трансформация опыта во времени.

И в том, и в другом подходе зачастую опыт, даже с учетом самой личности, дается отдельно от характеристик пространства, в котором он зарождается и развивается, что отсылает нас к традиционному структурному подходу в психологии, в рамках которого явление рассматривается изолированно от контекста, в котором оно появляется и который оказывает на него влияние.

Обращение к процессуально-динамическому подходу позволяет решить эту проблему за счет обращения к реальному изменяющемуся человеку в реальных постоянно меняющихся жизненных условиях [Костромина, 2019]

Основные теории формирования жизненного опыта также условно делятся на два подхода: «горизонтальный» и «вертикальный». Первый подход связан с теориями формирования жизненного опыта как новообразования каждого возрастного периода, он складывается как стихийно, так и в результате целенаправленных действий (самого человека, родителей, учителей) Основным источником приобретения опыта является практическая деятельность. Предполагается, что в процессе приобретения опыта с возрастом изменяется его объем и содержание, происходит его «обогащение» [Корнеев, 1985; Божович, 1995; Мухина, 1981].

Во втором подходе, формирование жизненного опыта происходит через реперные точки: события и ситуации, которые оказывают влияние на изменение личности, появление новых структур более высокого порядка (С. Л. Рубинштейн, Л. И. Анцыферова, К. А. Абульханова). Жизненные события связываются в жизненный опыт, создавая преемственность [Ермолаева, 2010]. Внешние события, отражаясь в сознании человека, через придание им определенного смысла меняют и внутреннее состояние человека, перестраивая сознание, отношение к другим людям и к себе [Рубинштейн, 1989, с. 240]. По мере приобретения жизненного опыта переосмысляются те события, которые уже имеются в нем, смыслы, которыми они наделяются, с точки зрения их актуальности для настоящего и будущего, имеющихся в них ресурсов или преград для решения жизненных задач и целей, которые человек перед собой ставит.

В своих теориях развития жизненного опыта авторы так или иначе отмечают две характеристики опыта: характеристику тотальности, которая описывает жизненный опыт как структуру и процесс, определяющий содержание всей жизни человека, одновременно являясь ее условием и следствием, и характеристику связности, благодаря которой через осмысление и оценку жизненных ситуаций во временной перспективе и установление причинно-следственных связей создается преемственность проис-

ходящих с человеком событий, поддерживается переживание им своей идентичности.

Еще одной важной характеристикой жизненного опыта является адаптация человека к внешней среде посредством освоения и использования знаний и умений. Жизненный опыт в данном случае является витагенным, то есть обеспечивающим жизнь человека за счет практического взаимодействия с объектами окружающей действительности; результатами такого взаимодействия являются знания («знаю, как надо действовать»), умения («могу выполнить эти действия») и привычки [Пескова, 2008], а также за счет усвоения правил взаимодействия в социуме (социальный опыт), жизненный опыт начинает выполнять регуляторную функцию.

Жизненный опыт характеризуется интеграцией разных частей и видов опыта.

В работах Б. Г. Ананьева жизненный опыт является системным образованием, интегрирующим в единое целое усвоенные человеком отдельные действия [Ананьев, 2001]. Отмечается, что в одних и тех же фрагментах своей жизни человек осваивает и обогащает разные виды опыта (когнитивный и чувственный; ситуативный и личностный), при этом происходит их конвергенция [Швалб, 2000].

Следующий вопрос: что же такое жизненный опыт — результат или процесс? На это можно ответить следующим образом — это и процесс, и результат.

Процессуальная характеристика связана с теми процессами жизненного опыта, которые обеспечивают его движение, изменение и темпоральность. Основной процесс, лежащий в основе качественного изменения жизненного опыта, — это смыслообразование. Именно жизненные смыслы определяют место и роль объектов и явлений или их смену в жизнедеятельности личности [Леонтьев, 2005].

В качестве единицы, организующей процессы внутри жизненного опыта, можно рассматривать переживания. Они всегда активны, формируют жизненный опыт и обеспечивают его изменение [Баранников, 2008].

Процессуальная характеристика жизненного опыта проявляется в том, что все категории опыта находятся в состоянии взаи-

модействия и взаимообмена, благодаря чему возможна его рефлексия и перестройка. В результате этих процессов формируются активная и константная части опыта [Баранников, 2008].

Жизненный опыт также имеет свой результат. В качестве результата работы жизненного опыта рассматривают: сплав знаний, навыков, умений, ценностей (В. В. Знаков); жизненную философию личности (Ю. М. Швалб), индивидуальный жизненный мир (Е. Ю. Артемьева), умозаключения о самом себе; образы пережитых событий (А. А. Кроник, Р. А. Ахмеров, Л. Ф. Бурлачук, Е. Ю. Коржова); умозаключения о самом себе и мире, обобщение мыслей и чувств, связанных с рефлексией собственных поступков и действий и индивидуальной семантизацией, концептуализацией и символизацией жизненных эпизодов в контексте целей собственного бытия (Е. Е. Сапогова); личную историю, придающую ощущение целостности жизни

В качестве структурных элементов жизненного опыта предлагается рассматривать: значения (Е. Ю. Артемьева), знаки (В. Ф. Петренко), ценности, смыслы (Д. А. Леонтьев), сюжеты (Дж. Брунер), слово (В. П. Зинченко), события и ситуации (С. Л. Рубинштейн).

В качестве ключевых механизмов, обеспечивающих переработку, изменение и развитие жизненного опыта, указывают переживание (В. В. Баранников, Н. А. Касавина), рефлексию (Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев и другие), интерпретацию и смыслообразование (С. Л. Рубинштейн, Д. А. Леонтьев, В. П. Зинченко и другие).

Таким образом, обзор имеющихся работ по проблеме жизненного опыта позволил выделить следующие характеристики.

- Структурные: к ним относятся адаптационная и предметная.
- Функциональные: регуляторную, интегративную и связывания.
- Процессуальные: раскрываются через основные механизмы, обеспечивающие динамику опыта — переживания, оценки, интерпретации, рефлексию и смыслообразование.
- Общие характеристики опыта как живой системы: характеристики тотальности и темпоральности.

Объединение этих характеристик в целостное образование позволяет нам увидеть жизненный опыт через процессуально-

динамичную систему, основу которой составляют повседневные ситуации, в том числе взаимодействия с другими и события. События — это ситуации, сопровождающиеся определенными переживаниями и характеризующиеся новизной и проблематизацией для человека, которые он выделяет из повседневности, наделяет их особым значением и смыслом для себя.

Опыт имеет осознаваемую и неосознаваемую части. Неосознаваемая часть находится «в тени», она не дифференцирована, содержит непереработанные «фрагменты» прошлого в виде образов пережитых событий. Эти образы событий могут стать осознаваемыми и подвергнуться переработке при условии появления ситуаций, оцениваемых как события и требующих обращения к ним. Осознаваемая часть жизненного опыта может быть представлена и описана через три сферы жизнедеятельности человека: сферу профессионального самоопределения и профессиональной деятельности, сферу близких отношений (семейная сфера, отношения с родителями, собственные близкие отношения и создание своей семьи и т. д.) и сферу Я (все, что связано с собой). В обобщенной форме они включают в себя практически все виды жизненной активности человека, в них раскрываются жизненные модели человека [Костромина и др., 2018].

Между имеющимся опытом и жизненными ситуациями постоянно идут процессы, обеспечивающие их взаимодействие и взаимовлияние: это переживания, оценки, интерпретации, рефлексия и смыслообразование, причем последние два относятся к процессам более высокого порядка, обеспечивая изменение и развитие опыта.

Структура опыта состоит из слоев, вместе образующих единое целое. Каждый из них имеет свой предмет: так, первый слой составляют знания, навыки, умения и привычки, паттерны поведения, связанные с адаптацией в каждой сфере. Второй слой — ценности, смыслы, установки, убеждения — отражает жизненную позицию человека в каждой сфере. Третий, верхний слой, содержит личные истории, нарративы, проекты жизни; их предметом может быть жизненный стиль личности в данных сферах, ее активный или пассивный способ взаимодействия с жизнью.

Высший жизненный опыт — это метажизненный, или экзистенциальный опыт, итогом которого может выступать мудрость.

Основными функциями опыта являются регулирующая, интегрирующая и связывающая. Задачей первой является регуляция способов взаимодействия с внешней средой, задачей второй — интеграция всех элементов и частей жизненного опыта, задачей третьей — связывание всех элементов и частей во временной перспективе. Опыт имеет темпоральную протяженность во времени.

Как видно из характеристик жизненного опыта, его невозможно рассматривать изолированно от контекста самой жизни, а соответственно и от жизненного пространства человека, в которое он включен и оценивает как свое. Жизненный опыт как бы вписан, вплетен в контекст пространства через событийный ряд, переживание произошедших событий, их смысл для жизни человека, его привычки и жизненные проекты.

Понятие жизненного пространства

Понятие «жизненное пространство», предложенное и разрабатываемое К. Левином в 1930–1940-х гг., имело целью показать, что между человеком и реальным физическим миром (непсихологическая реальность) существует нечто (пространство), что определяет его восприятие реальности, появление намерений в отношении этой реальности и ее взаимодействие с ней. Жизненное пространство — это не объективная реальность, а феноменологический мир, придающий субъективный характер этой реальности [Зейгарник, 2014]. Жизненное пространство содержит в себе все множество реальных и нереальных, актуальных, прошлых и будущих событий, иначе говоря, оно является бесконечным множеством возможных событий — это могут быть ожидания, цели, образы притягательных (или отталкивающих) объектов, реальные или воображаемые преграды на пути достижения желаемого, деятельность человека и т. д. — все, что обусловливает поведение личности [Фрейджер, Фейдимен, 2004], все, что человек считает «своим», поскольку то, что не включается в жизненное пространство, маркируется как «чужое» [Нартова-Бочавер и др., 2011].

Жизненное пространство имеет, условно говоря, две сферы: реальную и ирреальную. В реальную сферу входит все, что относится к конкретным фактам и событиям, в ирреальную — все, что

связано с фантазиями, в том числе с желаемыми событиями, иллюзиями и мечтами.

К характеристикам жизненного пространства относят: широту, степень его дифференцированности и дифференцированности его отдельных частей (по-другому, области или регионы жизненного пространства), степень организованности и согласованности его частей, проницаемость его внутренних и внешних границ, степень его реалистичности. Степень реалистичности определяется по соответствию жизненного пространства и его частей прототипам в реальном мире.

Особенности жизненного пространства индивида, по мнению Левина, отчасти зависят от его состояния как продукта собственной личной истории [Левин, 2001], и, следовательно, от жизненного опыта. Именно жизненный опыт привносит в жизненное пространство насыщенность, структуру и смысловое наполнение.

Взаимосвязь жизненного опыта и жизненного пространства

Как мы уже отмечали, основу жизненного опыта составляют повседневные ситуации, иначе говоря, пространство повседневности и повседневный опыт взаимодействия с внешним миром. Повседневность — это текущая изо дня в день реальность человеческой жизни, охватывающая множество ее слоев: культурный, социальный, вещественный и т. д. Повседневность включает актуальную жизненную среду, работу и досуг, привычные способы и стереотипы деятельности [Гусельцева, 2017] — все то, что происходит с человеком каждый день, тех людей и те вещи, информационное пространство, которые его окружают. Повседневный опыт можно рассматривать в трех пространствах: *социальном*, включающем любые ситуации межличностного взаимодействия, которые сопровождают человека и организуют его повседневный социальный опыт (взаимодействие с близкими людьми, с окружающими в повседневной жизни людьми, например с соседями, коллегами, врачами в поликлинике, случайными людьми); *профессиональном*, включающем ситуации профессионального развития, связанные с научением и приобретением навыков, организующих

его повседневный профессиональный опыт (садик, школа, вуз и т. д.); и повседневном пространстве Я, или *персональном* пространстве, связанном с объектами, которые человек включает в свое Я (это могут быть и дом, вещи, уход за телом, предпочтения в еде, привычки как шаблоны поведения и т. д.).

Повседневное пространство и повседневный опыт в терминах гештальта можно обозначить как фон. Это совокупность привычных схем, сопровождающих жизнь человека (поведенческих, когнитивных), которые наполняют его повседневную жизнь и слабо осознаются. В то же время непсихологический мир может оказывать влияние на привычное, привнося с собой изменчивость и неопределенность. Наряду с рутиной в повседневности присутствуют ценности, идеалы, стремления, достижения, любовь, радости творчества, экстремальные ситуации и «пиковые переживания» [Гусельцева, 2017]. Меняющаяся повседневность может выступать детерминантой процессов саморазвития человека [Марцинковская, 2019].

Повседневный опыт взаимодействия с людьми или получения информации становится источником переживаний, приводящих к тому, что определенные ситуации повседневности фиксируются человеком как события (фигуры). Эти ситуации, идентифицируемые как события, характеризуются новизной, проблемностью и требуют изменения привычного, что может приводить к необходимости их осознания, оценки и интерпретации, а затем и преобразования, например в новое знание или новый смысл.

Для того чтобы опыт начал проживаться («выход из повседневного») и запустились процессы по его переработке, должно произойти событие, содержащее в себе неожиданность, проблему или конфликт, требующий разрешения [Стерн, 2012]. Примером, когда повседневность несет в себе такого рода событие, может стать новость о чем-то важном для человека (предложение уехать в другую страну работать), что приведет к необходимости переосмыслить имеющиеся знания о себе, своих возможностях, принять решение (процессы жизненного опыта) и изменить повседневное жизненное пространство в случае переезда.

Смыслы, сформированные в результате пережитого опыта, становятся конструктами, содержащими знания о мире, позволяю-

щими человеку объяснить его природу и свой уникальный индивидуальный жизненный мир [Краг, Шнайдер, 2018]. Таким образом, повседневный опыт может перетекать в жизненный. Фактически повседневная реальность и повседневный опыт выступают связующим звеном между жизненным опытом и жизненным пространством. Появление новых жизненных смыслов в жизненном опыте человека приводит к изменению жизненного пространства, в нем начинают образовываться новые связи между его фактами, что обуславливает появление в нем новых регионов как актуальных или возможных событий, которых ранее могло не существовать или они находились в сфере ирреальности, оцениваемые как недостижимые.

Повседневный и жизненный опыт как процессы взаимодействия с реальностью отражают формирование жизненного пространства и времени, с которыми личность себя идентифицирует [Касавина, 2015]. Но повседневный и жизненный опыт нельзя отождествлять — ситуации повседневности могут не переходить в события и затем в жизненный опыт, находясь за пределами их рефлексии и осознания, оставаясь лишь ситуациями. «Человек может пережить много общественно-исторических изменений, оказаться свидетелем и участником разнообразных событий — и не приобрести богатый жизненный опыт, поскольку он не является самостийным осадком происходившего с ним и вокруг него. Личность должна понять смысл случившегося, определить его значимость для себя и других, осознать, спрогнозировать возможные последствия событий» [Анцыферова, 2006, с. 193–194]. Для того чтобы повседневный опыт перешел в жизненный, он должен проблематизироваться для личности, вызвав в ней внутреннюю активность (в виде переживаний, интерпретаций, рефлексии, придания смыслов), направленную на его усвоение.

В дальнейшем жизненный опыт человека через слой ценностных ориентиров и индивидуальный жизненный стиль (пассивно-наблюдательный или активный) начинает влиять на то, чтó человек будет включать в свое повседневное жизненное пространство, определять как «свое», каким значением будет это наделять (например, возможное или невозможное), что в нем будет иметь ценность (иерархию ценностей) и какая поведенческая стратегия (реальная или «замещающая») может быть задействована для достижения желаемого.

Влияние жизненного опыта на изменение характеристик жизненного пространства можно также увидеть, обратившись к ситуациям повседневности, актуализирующим развитие ребенка.

Согласно Курту Левину, жизненное пространство с возрастом расширяется как в отношении его областей, так и временного интервала. Маленький ребенок живет в ближайшем настоящем, с увеличением возраста события все более отдаленного психологического прошлого и проецируемое будущее оказывают воздействие на его настоящее поведение [Левин, 2001]. Расширение же самого жизненного пространства и его частей, как мы уже говорили, зависит от того, что происходит с ребенком в пространстве повседневности. В зависимости от тех событий, которые он «выделяет» и переживает, через взаимообмен, переход из внешнего во внутреннее, а из внутреннего во внешнее будет формироваться жизненный опыт и, в свою очередь, меняться жизненное пространство. Например, когда родители поощряют спонтанную исследовательскую деятельность ребенка и даже предоставляют ему так называемую обогащенную среду, переживания, сопутствующие ему, могут приводить к накоплению новых знаний о мире, новых навыков, что может в свою очередь стимулировать ребенка к поиску новой информации и/или стремлению к овладению другими навыками, — пространство может расширяться в этой области. Если, например, родители часто переезжают с места на место, у ребенка может появиться страх устанавливать связи с другими, что может отразиться на том, какое количество людей он включает в свое пространство, сужению области близких людей, способов реагирования, ригидности границ в области межличностного взаимодействия. Расширение или сужение пространства зависит от переживаний и смыслов, которые ребенок придает тем или иным событиям в своей жизни, и может быть связано с функцией связывания в жизненном опыте. То есть от того, как связываются события между собой в жизненном опыте, может зависеть, какие возможности для расширения своего жизненного пространства есть у человека.

Помимо расширения пространства, с возрастом ребенка увеличивается и его дифференциация. У новорожденного ребенка жизненное пространство не дифференцированно и представляет собой единое целое. Гомогенная или недифференцированная

среда — такая среда, все события в которой в равной степени влияют на человека, а все потребности являются одинаково важными [Холл, Линдсей, 1997]. Развитие ребенка предполагает постепенную дифференциацию жизненного пространства, заключающуюся в росте социальных связей и областей деятельности, появлении иерархии и структуры в нем. Наличие определенного жизненного опыта в данном случае (например, опыта поощрения автономии) дает возможность ребенку самостоятельно регулировать свои отношения с внешней средой, меньше от нее зависеть, больше опираться на себя, свои ресурсы, выбирать, что важно для него [Эриксон, 1996]. Поощрение автономии ведет к росту исследовательского интереса к миру, позволяет устанавливать новые межличностные связи без страха потерять расположение главных объектов в жизни ребенка, родителей.

С возрастом увеличивается и интеграция жизненного пространства как внутренняя взаимосвязь его частей. И здесь имеет значение, насколько правомерно мы можем охарактеризовать жизненный опыт ребенка как противоречивый или согласованный. Например, если в семье, где он рос, транслировались двойственные ценности и установки, то области жизненного пространства могут быть не интегрированными, слабо связанными между собой, в нем будут преобладать страхи, образовываться жесткие границы между противоречащими частями пространства, являющиеся барьерами для интеграции.

Развитие жизненного опыта влияет и на степень реалистичности жизненного пространства и прежде всего на то, как ребенок взаимодействует с внешней средой, предпочитает он реальные действия с реальными людьми или уходит в иллюзорный мир, фантазируя о желаемом.

Не только жизненный опыт влияет на жизненное пространство, но и жизненное пространство в каждый момент времени обеспечивает движение жизненного опыта через включение новых событий.

Развитие личности Курт Левин описывал как свободное движение от одного региона к другому, являющемуся новым для индивида: «Сам факт, что человек находится в состоянии движения от одного региона А к новому региону В и поэтому он оторвался от региона А, но еще не утвердился прочно в регионе В, ставит его

в менее прочное положение и делает его, как любой объект, более способным к развитию» [Левин, 2000б, с. 161–162]. Следовательно, личностное развитие можно понимать как включение в жизненное пространство новой ситуации, актуализирующей необходимость проблематизации опыта, обращение к имеющемуся опыту, его пересмотр, возращение в осознаваемую область тех частей опыта, которые были в «тени», но которые позволяют адаптироваться к новому. Здесь большое значение имеет гибкий, открытый подход к имеющемуся опыту, его преобразование с учетом изменения ситуации. Например, переход из одной школы в другую может привести к включению в жизненное пространство новых задач или людей, взаимодействие с которыми может актуализировать обращение к прошлому опыту, связанному с навыком установления знакомств или самоорганизации, но приведет ли это обращение к эффективному совладанию, зависит от того, будет ли ребенок действовать по шаблону или изменять, перестраивать имеющееся в соответствии с учетом реальной ситуации.

Немецкий психолог Х. Томэ, основываясь на идеях К. Левина, говоря о жизненном пространстве человека, дополнял его характеристикой открытости, то есть доступности человеку материальных и нематериальных ресурсов для его саморазвития. «Социально благополучным детям доступны разнообразные сферы образования и области культуры, множество форм коммуникации, тогда как неблагополучные дети отличались ограниченностью жизненного пространства и скудным доступом к ресурсам саморазвития» [Гусельцева, 2017]. Однако открытость означает не только возможности, предоставляемые внешней средой, но и открытость новому со стороны человека, готовность изменять себя и свое пространство, включая в него новые события. Если событие в жизненное пространство не включается, остается в фоне, то не происходит «приращения» жизненного опыта. Вернее, опыт остается опытом повседневности, незначительной ситуацией, не имеющей особого значения во временной перспективе, малозначимым случаем в жизни.

Жесткость границ между непсихологическим миром и жизненным пространством может приводить к ригидности жизненного пространства и жизненного опыта. Особенно это актуально для современной ситуации повседневности, характеризующейся

изменчивостью и требующей новых знаний, умений и навыков. Игнорирование этой реальности, отрицание ее приводит к тому, что она становится все менее реалистичной, менее соответствующей настоящему. Соответственно и жизненный опыт уже не может выполнять необходимые функции, оставаясь замкнутым сам на себе. Это можно наблюдать у пожилых людей, игнорирующих цифровую реальность и возможности, которые она предоставляет, испытывающих страх перед ней. Они продолжают жить так же, как в доцифровую эпоху, идентифицируя себя с прошлым временем, не имея доступа к новому жизненному опыту.

Таким образом, мы можем говорить о том, что между жизненным опытом и жизненным пространством происходит постоянный энергетический взаимообмен, обеспечивающий их движение и взаимопроникновение. Возможно, жизненное пространство и жизненный опыт можно рассматривать как единый пространственно-временной континуум, в котором живет и изменяется личность.

Преломление жизненного опыта в жизненном пространстве человека на примере кризисных ситуаций

Обсуждая проблему связи жизненного опыта в жизненном пространстве человека, мы обращались к гипотетической модели, однако очевидно, что жизнь предоставляет нам возможность наблюдать их взаимодействие в целостности: в переломных для человека (связанных с принятием важного решения) или кризисных ситуациях.

В течение всей жизни человек сталкивается с кризисными ситуациями разного уровня. Кризисные ситуации — это те ситуации, которые, как правило, сопровождаются нарушением устоявшегося, привычного и приводят к изменению характеристик жизненного пространства.

В качестве кризисов [Ромек и др., 2003] могут выступать так называемые кризисы «пересадки корней» — ситуации, когда человек переходит в иную культурную или коммуникативную среду; кризисы лишения, связанные с утратами; ситуационные кризисы, связанные с потерей чего-то привычного или важного,

например измены или кражи, или социальные изменения, напрямую затрагивающие жизнь человека (экономические, политические и т. д.).

В таких кризисных ситуациях жизненное пространство человека может сужаться, в нем может уменьшиться временная перспектива (только до событий настоящего) и дифференцированность, снизиться организованность и открытость, а также увеличиться зона «ирреального» (человек может начать большую часть времени пребывать в фантазиях) [Гришина, 2013].

Если ситуационный кризис переходит в жизненный (то есть жизненные трудности сопровождают человека длительное время, например в результате неизлечимой болезни или тяжелых жизненных условий) или в острой травматической ситуации, может произойти феномен отчуждения от жизненного пространства связанный с утратой смыслов, интересов в жизни, перспектив будущего. События и действия в жизненном пространстве принимают форму «простой последовательности», бессмысленного чередования одного события за другим. Жизненное пространство может стать пустым [Стерн, 2012].

С точки зрения характеристик опыта кризисная ситуация представляется сочетанием пяти факторов [Нуркова, Василевская, 2011].

1. Фактора вероятностного прогнозирования — исходя из прошлого опыта, человек рассматривает эту ситуацию как минимальную или нулевую.
2. Витального фактора — как субъективное переживание невозможности жить в этой ситуации.
3. Когнитивного фактора — как отсутствие или неосознавание необходимых знаний, умений и навыков для жизни в данной ситуации, неприменимость имеющихся конструктов, касающихся себя и мира, к имеющейся ситуации.
4. Поведенческого фактора, то есть отсутствия или неосознавания нужной модели поведения.
5. Экзистенциального фактора — как переживание смыслоутраты или экзистенциального вакуума.

Примером в этом случае может выступать следующее описание переживания кризисной ситуации: «Я никак не ожидал, что это может произойти со мной, именно со мной, ведь я всегда жил по правилам, и не заслуживаю, чтобы это происходило сейчас. Теперь я не знаю, что мне делать и как жить дальше. Я не понимаю, как я мог допустить, чтобы это случилось, и как мне изменить то, что произошло. Я боюсь, что не справлюсь сам, мне нужна помощь. Я не смогу быть хорошим отцом. Я ничего не знаю, я ничего не умею, жизнь меня не готовила к этому. Моя жизнь рассыпалась, я ничего не хочу, я даже жить уже не хочу» (Из истории клиента, обратившегося в Психологическую клинику СПбГУ, у которого погибла жена, он остался один с маленьким ребенком).

Под влиянием кризисной ситуации человек первоначально концентрируется на негативных аспектах событий и неспособен увидеть то, что может помочь ему в решении проблемы, те ресурсы внутренние (которые хранятся в его опыте) и внешние (например, люди), которыми он обладает. Кризисные ситуации переживаются как «утрата почвы под ногами».

Однако в зависимости от того, как человек будет ее воспринимать в дальнейшем, определять для себя, зависит его выбор позиции по отношению к ситуации, степень включенности в нее и способ поведения, то, будет ли он ее участником или наблюдателем [Гришина, 2013]. Человек не просто воспринимает и переживает реальность, он конструирует свою реальность через формирование смыслов. И жизненный опыт здесь может выступать в качестве механизма, запускающего движение по преодолению кризисной ситуации или, наоборот, в качестве ограничителя, барьера. «Личность и событие взаимно преломляются, в зависимости от психологической переработки индивидом разных обстоятельств жизни, они вызывают у него разные переживания и реакции» [Анцыферова, 2006, с. 213].

Преодоление кризисной ситуации может заключаться в перестройке опыта или дополнении его необходимым (например, новой моделью поведения) для изменения тех частей и функций жизненного опыта, которые можно отнести к ограничивающим или сдерживающим.

Анализ связи жизненного пространства и жизненного опыта в проблемном нарративе как потенциал для диагностики и консультативной работы

Часто человек не может самостоятельно преодолеть кризисную ситуацию, поскольку она требует «выхода за пределы» его жизненного опыта и жизненного пространства. И тогда он может обратиться за психологической помощью.

Обращаясь за психологической помощью в такой ситуации, люди «приносят» свой жизненный опыт и жизненное пространство с собой как целостность (холон) в форме нарративов о своей проблемной ситуации. В этих нарративах отражаются паттерны жизненно-смысловой реальности человека, демонстрирующие его способы взаимодействия с миром, восприятие себя и других, основные потребности и барьеры, препятствующие их осознанию или удовлетворению. В них часто наблюдаются смысловые разрывы, фрагментированность, несогласованность.

Опыт, который репрезентируется через нарративы, отражает развитие отношений между человеком и средой через восприятие и определение событий, происходящих с ним [Стерн, 2012]. Через нарративы и критерии их анализа можно увидеть и организацию взаимодействия опыта и пространства.

Примером такого проблемного нарратива и его анализа может следующий нарратив (на прием в Психологическую клинику СПбГУ обратилась молодая девушка по поводу отношений с молодым человеком):

«Дело в том, что я всегда была очень активной, меня много что интересовало, я много училась, посещала спортивную секцию. Я была очень самостоятельной девочкой. Сама решила, куда буду поступать, правда, на втором курсе поняла, что это не мое и поступила заново. Сейчас стараюсь параллельно учить французский язык, английский я уже знаю. Для меня важно, чтобы мой день был максимально насыщен, я много смотрю вебинаров, даже если я сижу у врача, я слушаю электронную образовательную книгу. Я все время слежу за инста-блогерами, типа Ивлеевой, она очень известна. Если я позволила себе посмотреть сериал или поиграть в телефоне, я чувствую вину, потому что время уходит, а я еще

ничего не достигла. Друзей у меня нет, мне некогда болтать о пустом. Родители очень поощряли мои достижения, они сами очень много работают, особенно мама, я практически ее не видела, она известный в городе врач.

Недавно я познакомилась с молодым человеком, он проживает в другой стране, это первые мои отношения. В школе мне было не до них. Мы встречаемся по скайпу, разговариваем, готовим еду, он меня учит своей кухне. Мне он нравится, даже слишком. Я хочу поехать к нему летом, но замуж не хочу, хочу сначала закончить обучение, начать работать, сделать карьеру. Он хороший, очень умный, мне с ним комфортно. Меня беспокоит, что я много о нем думаю, не могу заниматься учебой, слушать и читать книги, даже думаю, может, расстаться с ним? Я теряю контроль над собой и ситуацией. Помогите мне перестать думать о нем так часто».

Если проанализировать жизненное пространство девушки по основным параметрам его динамики вследствие возникновения кризисной ситуации, то мы увидим следующее.

1. Широта и организованность: жизненное пространство клиентки фокусируется в основном на профессиональной области и даже область Я в нем встроена в профессиональную. Область близких отношений дефицитарна (нет друзей и подруг, мама «отсутствует на работе», папа включен в номинатив «родители», что также создает эффект отсутствия), есть только виртуальные отношения с неким молодым человеком. То есть ее жизненное пространство сужено до профессиональной области и организовано вокруг него.

2. Дифференцированность: жизненное пространство девушки характеризуется слабой дифференцированностью, особенно в области отношений за счет малого количества реальных межличностных связей. Те, что упоминаются в нарративе, это скорее квазисвязи, преимущественно с виртуальными людьми (инста-блогеры). В тексте присутствует много отсылок к пространству Я и практически нет отсылок к пространству Я — Ты, за исключением молодого человека, который представлен с точки зрения комфорта для клиентки, то есть пространства Я. Может показаться, что область профессионального развития более дифференцирована, но это не совсем так, поскольку мы не видим ничего, кроме «поглощения информации» через учебу, нет области

профессиональных связей и профессионального (практического) опыта.

3. Согласованность: основной направляющий вектор в представленном жизненном пространстве, куда направлены все силы, — это вектор Достижений. Движение этого вектора мы можем наблюдать из прошлого («много училась», «родители поощряли достижения», «время уходит, а я еще ничего не достигла») в настоящее («стараюсь параллельно учить французский язык», «смотрю вебинары», «даже если я сижу у врача, я слушаю электронную образовательную книгу») и будущее («хочу сначала закончить обучение, начать работать, сделать карьеру»). В отличие от достижений, где прослеживается согласованность, близкие отношения, по поводу которых пришла клиентка, находятся лишь в настоящем и не конструируются в будущее («хочу поехать к нему летом, но замуж не хочу»). Психологическое прошлое, касающееся отношений с молодыми людьми, отсутствует («мне было не до них»). Фактически именно психологическое настоящее («много о нем думаю, не могу заниматься учебой, слушать книги») разрушает установившуюся вектором Достижения согласованность жизненного пространства, повышая напряжение и запуская противоречия.

4. Открытость: жизненное пространство клиентки замкнуто на достижениях. Появление молодого человека является тем самым кризисным событием в ее жизни, которое требует включения нового в жизненное пространство и его перестройки. Однако девушка не готова к изменению привычного («думаю, может расстаться с ним?»), что свидетельствует скорее о закрытости пространства, ригидности его границ.

Появление молодого человека и отношений между ним и клиенткой, следующие за его появлением, можно обозначить как точку бифуркации, запускающей процесс обновления и изменения устоявшегося пространства и его частей. Включение молодого человека как «значимое» в цепочку связей между планами, целями, людьми, ценностями и убеждениями должно привести к иной организации пространства, чему все пространство «сопротивляется», оставаясь закрытым для изменения (запрос звучит как: «помогите мне перестать думать о нем так часто», то есть фактически как: «я хочу вернуться назад, к своей жизни до его появления»).

Жизненный опыт в данном жизненном пространстве проявляется в следующем. Общий тон повествования скорее пессимистичный, несмотря на то что речь идет о позитивных событиях, связанных с новыми событиями в жизни, установлением близких отношений с молодым человеком. На уровне переживаний это выражается в появлении чувства вины, когда клиентка делает что-то, что не относится к ведущей идее, идее достижений («если я позволила себе посмотреть сериал или поиграть в телефоне, я чувствую вину»). Молодой человек и мысли о нем, скорее всего, также провоцируют негативные чувства. Клиентка оценивает происходящее как утрату контроля над собой и ситуацией. Ситуация нарушает привычный ход действий и переживается как нарушение регуляторной функции опыта, клиентка не знает, как ей реагировать.

Ведущий образ в нарративе — это образ человека, непрерывно получающего знания для потенциальных достижений, приоритетные ценности — ценности достижений. Основная тема нарратива — это конфликт между «достижениями» и «любовью».

Мы видим, что связующая функция опыта, которая устанавливает отношения между его частями во временной перспективе, становится ограничителем для изменений, поскольку в опыте отсутствуют элементы для связывания (нет знаний, полученных через личный опыт о том, что такое близкие отношения, необходимых моделях поведения, представлений о желаемом в близких отношениях и т. д.). Клиентка интерпретирует происходящее с ней в жизни как «препятствие/не препятствие» для достижений. Рефлексия этой дихотомии в настоящем не происходит. Дефицит психологического прошлого, настоящего и будущего, касающийся отношений, не позволяет интегрировать между собой области профессионального развития и реализации потребности в отношениях.

События психологического прошлого, такие как отсутствие отношений с подругами, молодыми людьми, постоянное поглощение информации (знаний), в жизненном пространстве влияют на настоящее путем внедрения ограничений, определяющих степень свободы на то, что является возможными событийными переживаниями (любовь, «занятия просто так», интерес и т. д.).

Таким образом, жизненный опыт через доминирующую связь между элементами опыта, находящимися в профессиональной

области, и дефицитарностью связи между элементами опыта отношений, слабой интеграцией всех частей опыта становится барьером для открытости и связанных с ней изменений жизненного пространства.

Для того чтобы ситуация стала восприниматься иначе, перестала переживаться как кризис, а в жизненном пространстве начали происходить качественные изменения для его позитивного преодоления, необходимо перестроить структуру жизненного опыта. На наш взгляд, это можно сделать следующим образом.

1. Через «освещение» тех элементов опыта, которые находятся в неосознаваемой части, в «тени» (например, отношения со значимыми людьми, переживания и оценки, их сопровождающие). Некоторые переживания, заложенные в форме, сохраняющей поток реального времени их развертывания (как запись в памяти), в преломлении к настоящему должны быть заменены новым переживанием.
2. Через добавление в него нового содержания (например, знания о том, что такое отношения). Появление новых знаний и вывод имеющегося на уровень осознаваемого будут способствовать расширению жизненного пространства за счет «раздвигания» области отношений в нем. Оно должно включать события психологического прошлого (отношения с людьми в прошлом), переосмысления событий настоящего (отношения с виртуальными людьми в настоящем) и появление событий будущего (отношения с людьми в реальности).
3. Через усиление рефлексии как процесса, способствующего инвентаризации имеющихся ценностей, убеждений, установок, что может способствовать интеграции тех частей опыта, которые относятся к противоположным (либо достижения, либо отношения с молодым человеком). Это должно привести к большей согласованности жизненного пространства, его реалистичности.
4. Через задавание новых смыслов, формирующих новые конструкты о себе и о мире (проекты жизни). Появление новых смыслов может привести к тому, что появится готовность для изменений в жизненном пространстве и по-

явления в нем нового, в частности произойдет изменение области Я жизненного пространства и в нем появится область Я — Ты.

Все эти этапы не должны рассматриваться как отдельные и в отрыве от той проблемной ситуации, которая была представлена. Важно, чтобы каждое действие связывалось с текущим настоящим. Это необходимо для того, чтобы элементы и части опыта могли заново связываться. В дальнейшем «пересвязывание» опыта позволит снять барьеры, способствуя снижению жесткости границ жизненного пространства и внешнего мира, открытости жизненного пространства, запуску появления новых связей, новых областей, новых возможностей и т. д., что, в свою очередь, приведет к большей дифференциации жизненного пространства и его иной организации.

На наш взгляд, предложенные нами критерии для анализа жизненного пространства и жизненного опыта по их характеристикам, а также представленные ориентиры для работы с внутренним и внешним миром человека имеют эвристический потенциал для диагностической и консультативной деятельности и еще раз подчеркивают значимость идей К. Левина и их ценность для практики психологов- консультантов.

Заключение

В заключение нам бы хотелось отметить, что данная работа относится к поисковым. Попытки связать два таких сложных и объемных концепта, как жизненный опыт и жизненное пространство, — задача столь же амбициозная, сколь и сложная. Теоретические и практические положения, представленные в этой работе, имеют скорее вероятностный характер и вводятся в качестве предложений, в том числе с целью дать начало научной дискуссии.

Но мы абсолютно уверены, что жизненный опыт и жизненное пространство человека, а также их взаимосвязь влияют на то, будет ли человек проживать дефицитарную жизнь, которая направлена на удовлетворение насущных потребностей, обеспечение покоя и безопасности, избегание напряжений и рисков, нового и неизвестного, или бытийную жизнь, для которой характерна открытость новому, неизвестному, стремление к максимальной реализации к использованию своих способностей и потенциала.

Литература

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.

Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2006.

Баранников А. С. Переживание и опыт // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2008. Вып. 13. С. 1–8. URL: http://journal.existradi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=267:2009-08-08-18-37-08&catid=50:-13&Itemid=59 (дата обращения: 15.04.2020).

Божович Л. И. Избранные психологические труды: Проблемы формирования личности. М.: Международная педагогическая академия, 1995.

Гришина Н. В. Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 3. URL: psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/860-grishina30.html (дата обращения: 17.04.2020).

Гусельцева М. С. Текучая повседневность: маркеры изменений // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 3. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1496-guseltseva56.html (дата обращения: 15.03.2020).

Ермолаева М. В. Культурно-исторический подход к феномену жизненного опыта в старости // Культурно-историческая психология. 2010. № 1. С. 112–118.

Зейгарник Б. В. Теория личности Курта Левина. М.: Книга по Требованию, 2014.

Зиновьева Е. В. Понятие жизненного опыта в концептуальном поле психологии // Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 383–414.

Касавина Н. А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках. М.: Институт философии РАН, 2015.

Корнеев П. В. Жизненный опыт личности. М.: Политиздат, 1985.

Костромина С. Н. Методология исследований личности: структурный подход vs. динамический // Психология личности: Пребывание в изменении. С. 17–50.

Костромина С. Н., Гришина Н. В., Зиновьева Е. В., Москвичева Н. Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. Психология. 2018. Т. 8, вып. 4. С. 341–357.

Краг О. Т., Шнайдер К. Д. Основы супервизии в экзистенциально-гуманистической терапии. М.: ИОИ, 2018.

Левин К. Разрешение социальных конфликтов. Санкт-Петербург: Речь, 2000а.

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000б.

Левин К. Динамическая психология: избранные труды. М.: Смысл, 2001.

Леонтьев Д. А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): матери-

алы международной конференции / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2005. С. 36–49.

Марцинковская Т. Д. Психология транзитивности: новые тренды и закономерности // Психология личности: Пребывание в изменении. С. 154–182.

Мухина В. С. Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. М.: Просвещение, 1981.

Нартова-Бочавер С. К., Бочавер К. А., Бочавер С. Ю. Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. М.: Генезис, 2011.

Нуркова В. В., Василевская К. Н. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации: новые феномены // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 93–102.

Пескова М. Е. Жизненный опыт как категория и элемент воспитательного процесса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Педагогические науки. 2008. № 4 (28). С. 33–39.

Ромек В. Г., Конторович В. А., Крукович Е. И. Р. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. СПб.: Речь, 2004.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

Стерн Д. Момент настоящего в психотерапии и повседневной жизни. СПб.: Добросвет; Центр гуманитарных инициатив, 2018.

Фейдл Ч., Бялик М., Триллинг Б. Четырехмерное образование: Компетенции, которые нужны для успеха. Центр перепроектирования учебных программ: [Электронный ресурс]. М.: Сколково 2015. URL: http://nios.ru/sites/nios.ru/files/poleznoe/4D_Education_0.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

Фрейджер Р., Фэйдимен Д. Теории личности и личностный рост. М.: Олма-Пресс, 2004.

Холл К., Линдсей Г. Теории личности. М.: КСП+, 1997.

Швалб Ю. М. Жизненный опыт как проблема психологии сознания // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Сер. Психология. 2010. Вып. 44, № 913. С. 178–181.

Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб.: Ленато; АСТ; Университетская книга, 1996.

References

Anan'ev B. G. A. *Man as an object of cognition*. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. (In Russian)

Antsyferova L. I. *Personality development and gerontopsychology problems*. Moscow, Institute of Psychology RAN Publ., 2006. (In Russian)

Barannikov A. S. Feeling and experience. *Existential Tradition: Philosophy, Psychology, Psychotherapy*, 2008, vol. 13, pp. 1–8. Available at: http://journal.existradi.

ru/index.php?option=com_content&view=article&id=267:2009-08-08-18-37-08&catid=50:-13&Itemid=59 (accessed: 15.04.2020). (In Russian)

Bozhovich L. I. *Selected psychological works. The problems of personality development*. Moscow, International Pedagogical Academy Publ., 1995. (In Russian)

Erikson E. *Childhood and Society*. St. Petersburg, Lenato Publ., AST Publ.; Foundation «Universitetskaia kniga» Publ., 1996. (In Russian)

Ermolaeva M. V. Cultural-historical approach to the phenomenon of personal life experience in senility. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiia*, 2010, vol. 6, no. 1, pp. 112–118. (In Russian)

Fadel C., Bialik M., Trilling B. *Four Dimensional Education: The Competencies Learners Need to Succeed*. [Online]. Moscow, Skolkovo Publ., 2015. Available at: http://nios.ru/sites/nios.ru/files/poleznoe/4D_Education_0.pdf (accessed: 15.04.2020). (In Russian)

Frager R., Fadiman J. *Personality & Personal Growth*. Moscow, Olma-Press Publ., 2004. (In Russian)

Grishina N. V. Changes of life situation: situational approach. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2013, vol. 6, no. 30, p. 3. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/860-grishina30.html (accessed: 17.04.2020). (In Russian)

Guseltseva M. S. A volatile everyday life and ways to study the changes. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2017, vol. 10, no. 56, p. 3. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1496-guseltseva56.html (accessed: 15.03.2020). (In Russian)

Hall C. S., Lindsey G. *Theories of Personality*. Moscow, KSP + Publ., 1997. (In Russian)

Kasavina N. A. *Existential experience in philosophy and social sciences*. Moscow, Institute of Philosophy RAN Publ., 2015. (In Russian)

Korneev P. V. *Life Experience of personality*. Moscow, Politpublishing Publ., 1985 (In Russian)

Kostromina S. N. Methodology of personality research: structural approach vs dynamic. *Psychology of personality: Staying in change*. Ed. by N. V. Grishina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2019, pp. 17–50. (In Russian)

Kostromina S. N., Grishina N. V., Zinovieva E. V., Moskvicheva N. L. A life model as a construct for studying a person's life scenario. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 341–357. (In Russian)

Leontiev D. A. New horizons of the problems of meaning in psychology. In: *Problema smysla v naukah o cheloveke (k 100-letiyu Viktora Frankla): Proc. of the International Research Conference*. Ed. by D. A. Leontiev. Moscow, Smysl Publ., 2005, pp. 36–49. (In Russian)

Lewin K. *Resolving Social Conflicts*. St. Petersburg, Rech Publ., 2000a. (In Russian)

Lewin K. *Field Theory in Social Sciences*. St. Petersburg, Rech Publ., 2000b. (In Russian)

Lewin K. *Dynamic Psychology: Selected Works*. Moscow, Smysl Publ., 2001. (In Russian)

Martsinkovskaya T. D. Psychology of transitivity: new trends and patterns. *Psychology of personality: Staying in change*. Ed. by N. V. Grishina. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Press, 2019, pp. 154–182. (In Russian)

Mukhina V. S. *Expressive activity of the child as a form of assimilation of social experience*. Moscow, Pedagogika Publ., 1981. (In Russian)

Nartova-Bochaver S. K., Bochaver K. A., Bochaver S. Yu. *Family living space: association and separation*. Moscow, Genezis Publ., 2011. (In Russian)

Nourkova V. V., Vasilevskaja K. N. Autobiographical memory in difficult situations: New phenomena. *Voprosy psikhologii*, 2003, no. 5, pp. 93–102. (In Russian)

Krug O. T., Schneider K. J. *Supervision Essentials for Existential-Humanistic Therapy*. Moscow, Institute for Humanitarian Research Publ., 2018. (In Russian)

Peskova M. E. Life experience as a category and element of the educational process. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Ser. Pedagogical sciences*, 2008, no. 4 (28), pp. 33–39. (In Russian)

Romek V. G., Kontorovich V. A., Krukovich Y. I. R. *Psychological support in crisis situations*. St. Petersburg, Rech Publ., 2004. (In Russian)

Rubinstein S. L. *Man and the world*. Moscow, Science Publ., 1997. (In Russian)

Shwalb Yu. Life experience as a problem in the psychology of consciousness. *Bulleten' of V. N. Karazin Kharkiv National University. Ser. Psychology*, 2010, vol. 44, no. 913, pp. 178–181. (In Russian)

Stern D. N. *The Present Moment in Psychotherapy and Everyday life*. St. Petersburg, Dobrosvet Publ.; Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2018. (In Russian)

Zeigarnik B. V. *K. Lewin's dynamic theory of personality*. Moscow, LetMePrint Publ., 2014. (In Russian)

Zinovyeva E. V. Concept of life experience in the conceptual field of psychology. *Personality psichology: Being in change*. Ed. by N. V. Grishina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2019, pp. 383–414. (In Russian)

С. Н. Костромина, Н. Л. Москвичева,
Е. В. Зиновьева, Н. В. Гришина

Жизненная модель: операционализация конструкта и его эмпирическая валидизация*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 7–9

Исследование жизненного сценария личности сопровождается не только разработкой теоретического концепта, но и решением проблемы операционализации конструкта. В качестве одного из методических решений предлагается использование понятия «жизненная модель». Жизненная модель — это фрагмент жизненного сценария в конкретной сфере жизнедеятельности человека (профессия, отношения, сфера Я), который может быть описан на структурном (событийность и содержание событий) и процессуальном (активная включенность и настойчивость усилий по достижению жизненных целей) уровнях. В статье подробно представлена процедура разработки опросника «Жизненные модели». Эмпирическими референтами опросника выступили: (1) система убеждений и когнитивных установок, относящихся к той или иной сфере жизнедеятельности, — когнитивный компонент; (2) система поступков, ответственность — поведенческий компонент; (3) переживание значимости определенной сферы жизнедеятельности для человека, отношения к ней — аффективный компонент. Пункты опросника представлены вопросами о жизненных событиях молодых людей и их родителей; утверждениями, раскрывающими особенности убеждений и проявлений активности в сфере близких отношений и в профессиональной сфере, переживание их значимости; вопросами, направленными на выявление степени идентификации молодых людей со своим поколением, и степени близости с поколением родителей. В эмпирической части представлены данные о первичной апробации опросника на выборке 100 человек, средний возраст — 21,02 ± 1,11 и о повторной с учетом скорректированной версии (n = 489, средний возраст 22,91 ± 2,58). Изложены результаты дисперсионного, факторного и кластерного анализа. Структура выделенных 17 факторов подтвердила теоретическое положение, что природа жизненной модели проявляется в связях между различными со-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-013-00599 «Жизненные модели молодежи: межпоколенное и внутрипоколенное исследование».

бытиями и в логике этих связей, которая определяется не столько объективными фактами, сколько «философией жизни», относящейся к данной сфере жизнедеятельности человека. Правдоподобие 17-факторной модели проверено с помощью процедуры моделирования структурными уравнениями (SEM). Полученная трехфакторная структура отражает основные процессуальные параметры описания жизненных моделей в профессиональной сфере, сфере отношения и сфере Я и может быть использована как основа для разработки методики «Жизненные модели» с последующей валидизацией и стандартизацией.

Ключевые слова: жизненный сценарий, жизненная модель, валидизация конструкта, факторный анализ, кластерный анализ, моделирование структурными уравнениями (SEM).

Жизненные модели — понятие, которое было введено с целью операционализации концепта «жизненный сценарий» [Костромина и др., 2018]. Традиционно изучение жизненных сценариев личности лежит в плоскости либо социологических исследований, либо психоаналитической парадигмы. В первом случае имеет место описание хронологии (последовательности) типичных событий в жизни человека, во втором жизненные сценарии изучаются с точки зрения жизненного опыта и детских установок, в том числе на основе описания культурных и семейных образцов.

Общепсихологический анализ жизненных сценариев проводится с опорой на категорию «жизненный путь личности», где направление исследований задает: (1) описание временной протяженности жизни человека (в частности с использованием каузометрического метода); (2) соотнесение событийного ряда с этапами развития личности и возрастом человека (в частности на основе биографического метода); (3) осознание жизненного опыта, его упорядочивание и интерпретация (в частности посредством автобиографических нарративов — личных историй из жизни людей).

Предлагаемые методические решения в целом позволяют с той или иной степенью конкретизации описать жизненный сценарий личности. В некоторых случаях это описание относится к «вертикальному» измерению жизни человека, например, при использовании биографического метода или при опоре на каузометрию, предусматривающую насыщение временных интервалов событиями, значимыми с точки зрения человека. В других — к «горизонтальному» измерению жизни человека,

например, при использовании Я-нарративов, а также при сопряженности личных историй с жизненным контекстом, жизненным пространством и жизненными ситуациями, в которые включен человек.

При всех достоинствах каждого из перечисленных методов следует признать, что одной из ключевых проблем обозначенных направлений исследования жизненного сценария является отсутствие обобщенного концепта, который, с одной стороны, интегрировал бы основные аспекты жизненного сценария, а с другой — позволял его конкретизировать, а также сопоставлять и обобщать данные, полученные в различных исследованиях.

Концепт «жизненная модель» снимает данные методические противоречия. *Жизненная модель*, являясь фрагментом жизненного сценария в конкретной сфере жизнедеятельности, на наш взгляд, позволяет выявить логику событий, действий, активности человека в данной области. Тем самым создаются условия для конкретизации жизненного сценария, его более глубокого изучения, обнаружения сходств и противоречий жизненных установок, целей и событий в разных сферах жизнедеятельности в контексте общего жизненного сценария.

На *структурном уровне* описания жизненная модель представляет собой совокупность, содержание и последовательность жизненных событий, относящихся к конкретной сфере жизнедеятельности человека. Для анализа структуры жизненной модели могут быть использованы такие параметры, как: (1) событийность — количество событий, относимых к жизненной модели, (2) содержание событий. Последовательность событий, их «связность» в логике жизненного сценария, в отличие от его фрагментированности, обеспечивается согласованным действием механизмов синхронизации и диахронизации (МакАдамс).

На процессуальном (динамическом) уровне жизненная модель описывается через следующие эмпирические референты: (1) активную включенность человека в реализацию своих целей в данной жизненной сфере как следствие ее значимости для индивида; (2) настойчивость усилий человека по решению задач и достижению целей в данной области.

Жизненная модель на уровне структуры поддерживается (1) системой убеждений и когнитивных установок, относящихся

к той или иной сфере жизнедеятельности индивида и соответственно определяющих степень и формы его активности в данной области — когнитивный компонент.

На процессуальном уровне настойчивость и активная включенность в реализацию своих планов проявляется через (2) систему поступков, ответственность — поведенческий компонент, а также через (3) переживание значимости определенной сферы жизнедеятельности для человека, его отношения к ней — аффективный компонент.

Эти положения легли в основу конструирования опросника «Жизненные модели молодежи».

Разработка опросника «Жизненные модели молодежи»

Разработка опросника проходила в несколько этапов.

На первом этапе была продумана общая структура опросника с опорой на содержательные характеристики теоретического конструкта «жизненная модель» в трех сферах жизнедеятельности: сфере отношений, профессиональной сфере, сфере Я. Выбор сфер обусловливался их значимостью для человека на протяжении жизненного пути.

Опорными «точками» общей структуры опросника выступили (1) конкретные жизненные события молодых людей и их родителей; (2) вопросы-референты, описывающие активность в сфере близких отношений и профессиональной сфере; (3) утверждения, раскрывающие установки и убеждения, относящиеся к той или иной сфере; (4) вопросы, отражающие переживание значимости определенной сферы жизнедеятельности; (5) вопросы, направленные на выявление степени идентификации молодых людей со своим поколением и степени близости с поколением родителей. Отдельным блоком вошли вопросы, связанные с представлениями молодых людей о своем будущем, в том числе характеризующие определенные действия, которые готов совершить молодой человек для достижения жизненных целей.

Вопросы и утверждения второго и третьего блоков предусматривали возможность сопоставления событий родительской семьи и выбор схожих ответов:

а) в *стратегиях и действиях* — поведенческий компонент жизненной модели.

Например:

«Было ли в Вашей семье принято совместное проведение досуга (например, домашние праздники, встречи с родственниками, совместные спортивные мероприятия, культурные “выходы”, другое)?

1) да, часто 2) время от времени 3) нет или очень редко;

А Вы считаете для себя важным собираться большим семейным кругом, совместно проводить досуг с близкими и дальними родственниками?

1) да 2) и да, и нет, трудно сказать 3) нет»;

б*) в области установок* — когнитивный компонент жизненной модели.

Например:

«Какое из высказываний наиболее близко к тому, как Ваши родители разделяли обязанности в семье:

1) У нас было традиционное (патриархальное) распределение обязанностей — на “мужские” и “женские”
2) Каждый из них мог выполнить какую-либо обязанность (сходить в магазин, на родительское собрание и др.), когда у него было время
3) Трудно сказать, не знаю»;

в*) переживания значимости определенной сферы жизнедеятельности* — аффективный компонент жизненной модели.

Например:

«Что для Вас в первую очередь означает жизненный успех?

1) достичь высокого социального статуса
2) обеспечить себе материальное благополучие
3) заниматься интересным мне делом
4) иметь много хороших друзей
5) получать удовольствие от жизни
6) добиться больших результатов в работе
7) иметь хорошую семью, детей
8) иметь возможность много путешествовать».

Аналогичным образом каждый из трех компонентов был представлен на уровне описания жизненных моделей в трех сферах жизнедеятельности.

Первичная апробация опросника «Жизненные модели молодежи»

В первоначальном варианте опросник включал 80 пунктов. Бóльшая часть вопросов носила корреспондирующий характер, то есть предполагала выражение собственной позиции участника исследования и его представлений о референтах жизненных моделей его родителей (отца и матери). Кроме того, в интервью были включены пункты, касающиеся характеристик своего и старшего поколения, что позволило в дальнейшем не только описать жизненные модели родителей в представлении их детей, но и охарактеризовать степень идентификации поколений («принадлежности к поколению»).

В апробации первой версии опросника приняло участие 100 студентов СПбГУ, средний возраст — 21,02 ± 1,11. 42 % опрошенных постоянно проживают в Петербурге, 56 % — приехали из разных регионов России. В доме родителей на момент опрашивания проживают 25 % студентов, 30 % проживают в студенческом общежитии, 30 % — снимают жилье, остальные указали другие варианты (у родственников, знакомых и др.).

Полученные результаты прошли обработку методами дисперсионного, факторного и кластерного анализа [Kostromina et al., 2018; 2019, Moskvicheva et al., 2019]. Эти данные позволили сделать вывод о правомерности выделения процессуальных параметров жизненной модели — (1) активной включенности в жизнь, (2) самоэффективности, (3) настойчивости в достижении жизненных целей. Кроме того, было установлено, что различия в жизненных моделях молодых людей определяются механизмами межпоколенной и внутрипоколенной передачи жизненных моделей, а также *степенью самостоятельности и активности индивида* в их выстраивании.

На основании пилотажного исследования содержание опросника было скорректировано. Во-первых, были убраны вопросы, не получившие значимых распределений. Во-вторых, изменены

варианты закрытия для некоторых вопросов. В-третьих, сформулированы дополнительные вопросы в связи с появившимися уточнениями конструкта, касающиеся моделей участников и корреспондирующие к ним вопросы относительно моделей родителей для оценки особенностей межпоколенной трансмиссии. Новый вариант опросника приведен в приложении. Общее количество вопросов составило 95.

На данном этапе проведена повторная апробация опросника с участием 489 человек, средний возраст 22,91 (SD = 2,58), проживающих в разных городах и населенных пунктах России (Санкт-Петербурге, Новосибирске, Казани, Ростове, Челябинске, Севастополе, Калуге, Кемерово, Йошкар-Оле, Зеленодольске, Гатчине, Магнитогорске, Волгограде, Омске, Норильске, Березовском). Участие было добровольным («выборка по возможности»).

Результаты исследования показали высокую индивидуальную вариативность изучаемых параметров жизненного сценария личности, а также сопряжения представлений молодых людей о собственных жизненных моделях и жизненных моделях родителей [Москвичева и др., 2019].

Кроме того, обнаружены существенные различия в жизненных моделях девушек и юношей, проживающих в крупных и малых городах России [Костромина, 2020].

Полученный массив данных был подвергнут процедуре эксплораторного факторного анализа методом вращения главных компонент (Варимакс), на основе которого выделены 10-, 15- и 17-факторная модели. Наиболее приемлемой по статистическим критериям можно считать модель, состоящую из 17 факторов (вес входящих вопросов от 0,7984 до 0,4) с объясняющей способностью 42,4 % дисперсии. Этот критерий считается удовлетворительным для феноменологических исследований.

Структура 17 выделившихся факторов конструктивно представлена тремя группами.

Первая группа факторов раскрывает жизненные ценности и установки молодежи: фактор 1 — «Традиционное сознание и стремление к стабильности и определенности», фактор 2 — «Жизненная активность и стремление к новому опыту», фактор 8 — «Включенность в жизнь», фактор 11 — «Готовность к изменениям, наполненность жизненными событиями», фактор 12 —

«Жизненные цели и успех», фактор 15 — «Ориентация на статус и престиж».

Вторая группа описывает представления о своей и о родительской семье: фактор 3 — «Характеристика родительской семьи и взглядов на жизнь родителей», фактор 4 — «Ориентация на семью, комфорт, компетентность, стабильность», фактор 9 — «Близость с родительской семьей», фактор 10 — «Включенность родителей в жизнь молодого человека», фактор 14 — «Позиция матери в семье и распределение обязанностей».

Третья группа включает уже произошедшие и планируемые жизненные события: фактор 7 — «Нормативный жизненный сценарий», фактор 16 — «Автономность и самостоятельность» — работа, отдельное от родителей проживание, переезд в другой город.

Факторы 5, 6 и 17 были исключены из анализа, поскольку в них вошли вопросы менее чем с 20 % объясненной дисперсии.

Содержание жизненных моделей молодых людей по сферам активности представлено в факторах 12 и 15 (профессиональная сфера), в факторах 4 и 9 (сфера отношений) и в факторах 2, 8 и 11 (сфера Я).

Таким образом, можно считать подтвержденным теоретическое положение, что природа самой жизненной модели проявляется в связях между различными событиями и в логике этих связей, которая определяется не столько объективными фактами, сколько «философией жизни», относящейся к данной сфере жизнедеятельности человека.

Для проверки правдоподобия 17-факторной модели, выделенной на основе эксплораторного факторного анализа, был проведен конфирматорный анализ с помощью процедуры моделирования структурными уравнениями (SEM). Цель проведения конфирматорного факторного анализа — оценить обоснованность и надежность предложенной теоретической модели (достоверность конструкции и модели измерения) [Paswan, 2009], а также уточнить результаты традиционного факторного анализа на предмет состоятельности факторов (отличия их дисперсии от нуля), степени их пересечения, статистической достоверности факторных нагрузок.

В качестве исходной гипотетической модели была взята модель с тремя факторами на основе параметров, связанных с тради-

ционным сознанием, активности — пассивности (автономности, самостоятельности, готовности к изменениям), самостоятельности — близости с родительской семьей.

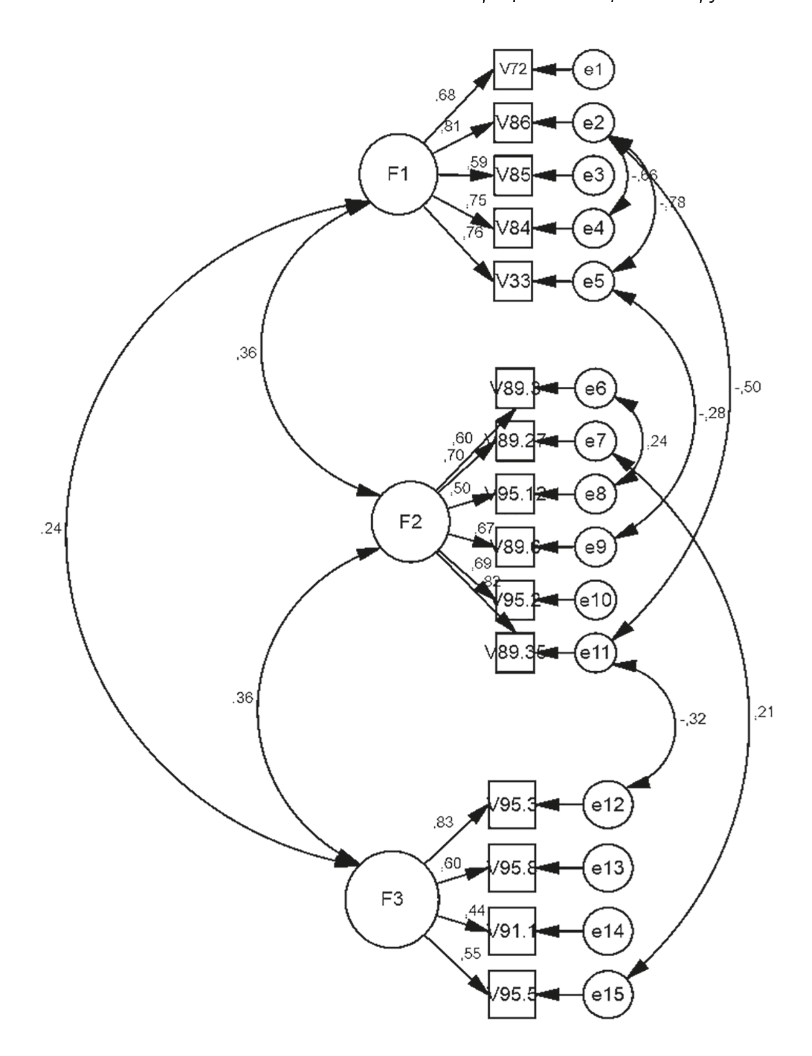
Итогом конфирматорного факторного анализа стала трехфакторная модель, основанная на оценке свободных факторных дисперсий, свободных корреляций между различными факторами в одни и те же моменты времени и статистической значимости различных компонентов модели (см. табл.).

Таблица. **Коэффициент правдоподобия Chi-Square**

Model	NPAR	CMIN	df	P	CMIN/DF
Default model	40	99,642	80	0,068	1,246
Saturated model	120	0,000	0	–	–
Independence model	15	946,812	105	0,000	9,017

Сопоставление с однофакторной моделью показывает преимущество трехфакторной структуры, которая удовлетворяет основным статистическим требованиям: величина χ-квадрата CMIN > 0,5; отношение χ-квадрат к числу степеней свободы (CMIN/df) < 2,0; *p*-уровень для CMIN (*p*) > 0,05; сравнительный индекс соответствия CFI ≥ 0,90; нормированный индекс соответствия NFI = 0,895; индекс согласия Goodness of Fit Index (GFI) > 0,95; среднеквадратичная ошибка аппроксимации Root Mean Square Error of Approximation (RMSEA) < 0,05 (0,034) с ее близостью согласия (P_{close}) > 0,50 (0,845).

Все регрессионные коэффициенты, ковариации (корреляции) и дисперсии статистически достоверны для всей выборки (см. рис.). Каждая явная переменная является значимым индикатором только для одного конструкта (фактора). Первый фактор образован пятью переменными: V33 «Согласны ли Вы, что для благополучия важно, чтобы муж зарабатывал больше жены?», V72 «Согласны ли Вы, что предназначение женщины быть матерью?», V84 «Согласны ли Вы, что муж должен быть старше жены?», V85 «Согласны ли Вы, что официальный брак надежнее гражданского?», V86 «Согласны ли Вы, что надежная семья — источник стабильности?». В целом этот фактор может быть обозначен как «Традиционная

CMIN = 99,642 df=80 p=,068 CFI=,977

Рис. Структура взаимосвязи трех основных факторов: в прямоугольных контурах — явные переменные-индикаторы, в округлых контурах — латентные факторы, «ошибки» измерения; числа у направленных стрелок — стандартизованные коэффициенты регрессии, числа у ненаправленных стрелок — величины корреляций между переменными

модель семьи», поскольку он объединяет устоявшиеся в культуре образцы поведения и отношений в семейной жизни. Наиболее значимыми индикаторами первого фактора являются показатели V86, V33 и V84, описывающие семью как зону поддержания устойчивости, надежности и безопасности личности, а также раскрывающие основы традиционной семьи — источник дохода и соотношение возраста супругов. Несколько менее значим параметр V72, определяющий традиционную роль женщины в семье.

Структура взаимосвязи трех основных факторов: в прямоугольных контурах — явные переменные-индикаторы, в округлых контурах — латентные факторы, «ошибки» измерения; числа у направленных стрелок — стандартизованные коэффициенты регрессии, числа у ненаправленных стрелок — величины корреляций между переменными.

Второй фактор объединил 6 переменных, связанных со взглядами молодого человека на себя и на жизнь: V89.3 «Меня можно назвать уверенным в своих силах человеком», V89.6 «Обычно я прилагаю все возможные усилия, чтобы добиться своего», V89.27 «Меня можно назвать деятельным человеком», V89.36 «Я из тех, кто предпочитает в жизни активно действовать», V95.2 «Меня можно назвать целеустремленным человеком (мне присуща целеустремленность)», V95.12 «Я умею справляться с жизненными трудностями». Данный фактор отражает включенность человека в жизнь, поэтому может быть назван «Активная жизненная позиция». Его наиболее значимыми индикаторами выступают показатели V89.36 и V89.27. Оба характеризуют уровень субъектности личности, стремление быть автором и участником жизни. Индекс V95.12, содержащий самооценку способности преодолевать препятствия и противостоять жизненным проблемам, имеет наименьший вес.

В третий фактор вошли четыре переменные, характеризующие цели жизни: V91.1 «В будущем у меня обязательно будет свое жилье, машина, дорогие вещи», V95.3 «Материальный достаток — показатель жизненного успеха человека», V95.5. «Для меня важен карьерный рост», V95.8 «Личное благополучие для меня очень важно». Общими характеристиками данного фактора выступает материальная направленность, выбор профессиональной деятельности, ориентированной на получение материальных ценностей,

достатка и комфортных условий жизни. Его содержательная наполненность определила соответствующее название «Ориентация на достаток и личное благополучие». Наиболее значимым индикатором в этом факторе оказался параметр материального благополучия, обеспеченности и благосостояния — V95.3, а наименее — V91.1, подразумевающий конкретные материальные ценности.

Все три фактора умеренно положительно коррелируют между собой. Активная жизненная позиция прямо связана как с ориентацией на традиционную модель семьи, так и на достижение стабильности за счет карьерного роста и высоких заработков.

Таким образом:

- подтверждена правомерность изучения жизненного сценария личности на основе конструкта «жизненная модель», являющегося фрагментом сценария в конкретной сфере жизнедеятельности;
- теоретическая модель, включающая исследование жизненных моделей в трех наиболее значимых для человека сферах: в сфере отношений (семья), профессиональной сфере (учеба/работа) и сфере Я (взгляды на жизнь, смысл жизни, предназначение в жизни), прошла эмпирическую верификацию. Содержание жизненной модели в каждой из сфер определяется не столько событийным рядом, сколько «философией жизни» в конкретной сфере жизнедеятельности, системой представлений о «должном», «желаемом»;
- полученная в ходе конфирматорного факторного анализа статистически достоверная модель может служить основанием для разработки методики с условным названием «Жизненные модели молодежи». Структуру методики образуют выделенные три фактора, ее содержание процессуальные параметры описания — (1) активная включенность в реализацию жизненных целей; (2) настойчивость усилий, целеустремленность (целеполагание); (3) консервативность жизненных установок.

Традиционность взглядов на семью и активная жизненная позиция отражают потенциал влияния как на уровне «вертикальной» трансмиссии (трансляция жизненных моделей от родителей

к детям, а также посредством передачи социального и культурного опыта), так и «горизонтальной» (передача образцов, характерных для субкультуры молодого поколения: активность, уверенность, личное благополучие). С этой точки зрения при дальнейшей разработке выделенные факторы могут быть дополнены параметрами, раскрывающими (1) готовность человека к изменениям (усиление проявления горизонтальной трансмиссии) и (2) близость с родительской семьей (усиление проявления вертикальной трансмиссии). Это позволит определить степень автономности/самостоятельности в выстраивании жизненных моделей или ориентацию на воспроизведение в жизненном сценарии нормативных образцов родительской семьи.

Литература

Костромина С. Н. Жизненные модели современной российской молодежи // Психология жизненного пространства: Теория и феноменология / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020.

Костромина С. Н., Гришина Н. В., Зиновьева Е. В., Москвичева Н. Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 341–357.

Москвичева Н. Л., Реан А. А., Костромина С. Н., Гришина Н. В., Зиновьева Е. В. Жизненные модели молодых людей: представления о будущей семье и модели, транслируемой родителями // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, №3. С. 5–18.

Kostromina S. N., Grishina N. V., Moskvicheva N. L., Zinovyeva E. V., Burina E. Transmission of Values and Patterns of Relations: Intergenerational Studies // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS 6 TH CPSYC 2018 — International Congress in Clinical and Counselling Psychology 04–06 July. 2018. Vol. XLVII. P. 56–66.

Kostromina S. N., Grishina N. V., Moskvicheva N. L., Zinovyeva E. V. Commitment to generation subculture as a factor of building a life scenario // The European Journal of Social & Behavioural Sciences. 2019. Vol. 5. P. 267–275.

Moskvicheva N. L., Kostromina S. N., Grishina N. V., Zinovieva E. V. Life Models of Students in Educational and Family Sphere: The Influence of Parent Family // EDURLEARN 19 Proceedings. 2019. P. 639–648. http://doi.org/10.21125/edulearn.2019.0222.

Paswan A. Confirmatory Factor Analysis and Structural Equations Modeling, An Introduction / Department of Marketing and Logistics, COB. University of North Texas, 2009.

References

Kostromina S. N. Life models of modern Russian youth. *Psikhologiia zhiznennogo prostranstva: teoriia i fenomenologiia*. Eds N. V. Grishina, S. N. Kostromina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020. (In Russian)

Kostromina S. N., Grishina N. V., Zinovieva E. V., Moskvicheva N. L. Life model as a construct for studying the life scenario of a personality. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2018, vol. 8, iss. 4, pp. 341–357. (In Russian)

Moskvicheva N. L., Rean A. A., Kostromina S. N., Grishina N. V., Zinovyeva E. V. Life Models in Young People: Ideas of Future Family and Impacts of Parental Models. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie*, 2019, vol. 24, iss. 3, pp. 5–18. (In Russian)

Kostromina S. N., Grishina N. V., Moskvicheva N. L., Zinovyeva E. V., Burina E. Transmission of Values and Patterns of Relations: Intergenerational Studies. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS 6 TH CPSYC 2018 — International Congress in Clinical and Counselling Psychology 04–06 July*, 2018, vol. XLVII, pp. 56–66.

Kostromina S. N., Grishina N. V., Moskvicheva N. L., Zinovyeva E. V. Commitment to generation subculture as a factor of building a life scenario. *The European Journal of Social & Behavioural Sciences*, 2019, vol. 5, pp. 267–275.

Moskvicheva N. L., Kostromina S. N., Grishina N. V., Zinovyeva E. V. Life Models of Students in Educational and Family Sphere: The Influence of Parent Family. *Edurlearn 19 Proceedings*, 2019, pp. 639–648. http://doi.org/10.21125/edulearn.2019.0222.

Paswan A. *Confirmatory Factor Analysis and Structural Equations Modeling, An Introduction,* Department of Marketing and Logistics, COB. University of North Texas Press, 2009.

Приложение

УВАЖАЕМЫЕ ДРУЗЬЯ!

Мы проводим исследование, посвященное тому, как сегодня складывается жизнь студенческой молодежи. Мы хотели бы просить Вас ответить на несколько вопросов, касающихся Вашей жизни. К большинству вопросов приводятся варианты ответов, и Вам надо просто отметить подходящий вариант ответа. В ряде случаев ответ надо вписать. В этом исследовании участвуют много людей, отдельные данные будут включены в общий массив. Конфиденциальность Ваших ответов гарантируется. Свою фамилию называть не надо.

СНАЧАЛА НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ВОПРОСОВ

1. В каком году Вы родились? ___________________________

2. В каком городе Вы родились?_________________________

3. Ваш пол: ____

4. Вы учитесь (*впишите*): 1) на _____ курсе 2) _______________факультета СПбГУ

5. Вы живете в Петербурге *(отметьте нужное)*:

1) постоянно 2) приехали на учебу

6. Где Вы живете?
   1) в доме родителей
   2) в общежитии
   3) снимаю жилье
   4) другое, что именно

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ О ВАШИХ РОДИТЕЛЯХ

7. Какого года рождения Ваш отец?

8. Какое образование он получил?

1) среднее_______ 2) среднее специальное________ 3) высшее___________

9. Кем он работает (или работал, если не работает сейчас)?_____________
____

10. Считаете ли Вы, что у Вашего отца была престижная работа?
1) да__________ 2) трудно сказать________________ 3) нет______________

11. Какого года рождения Ваша мама?____________

12. Какое образование она получила?

1) среднее______ 2) среднее специальное___________ 3) высшее_________

13. Кем она работает (или работала, если не работает сейчас)?__________
____

14. Считаете ли Вы что у Вашей матери была престижная работа?
1) да____ 2) трудно сказать_______________ 3) нет_________

15. У Вас есть братья, сестры?
1) нет__________ 2) если да, уточните, сколько___________

16. Вы росли:
   1) в полной семье, с отцом и матерью
   2) в неполной семье (с одним родителем)
   3) другой вариант, укажите, что именно____________________________

17. Оцените, пожалуйста, каков был уровень доходов Вашей семьи:
   1) выше среднего
   2) средний, как у большинства
   3) ниже среднего

18. А жилищные условия?
   1) у родителей было свое жилье (квартира, комната)
   2) родители переезжали, часто жили в съемных квартирах
   3) другой вариант, укажите, что именно____________________________

19. Как бы Вы охарактеризовали условия проживания?
   1) отличные
   2) хорошие
   3) средние
   4) скорее плохие
   5) очень плохие

20. Приходилось ли Вашим родителям переезжать в другой город, менять место жительства?
1) один раз_____ 2) два и более раз______________ 3) нет_________

21. Согласны ли Вы с выражением «где родился, там и пригодился»?
   1) да, совершенно согласен (согласна)
   2) пожалуй, да, согласен (согласна)
   3) трудно сказать, и да, и нет
   4) пожалуй, нет
   5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ О ВАШЕЙ СЕМЬЕ

22. Ваш отец:
   1) работает всю жизнь, фактически на одном месте
   2) несколько раз менял места работы
   3) работал от случая к случаю

23. Что, по Вашему мнению, для Вашего отца было наиболее важным в профессии? (можно выбрать не более 2 ответов)
   1) увлеченность, творчество в работе
   2) желание принести пользу обществу
   3) возможность достичь успеха, определенного социального статуса
   4) ее престижность
   5) возможность хорошо зарабатывать, материально обеспечить семью
   6) возможность иметь достаточно времени для личного времяпровождения

24. Ваша мать:
   1) работает всю жизнь, фактически на одном месте
   2) несколько раз меняла места работы
   3) работала от случая к случаю

25. Что, по Вашему мнению, для Вашей матери было наиболее важным в профессии? (можно выбрать не более 2 ответов)
   1) увлеченность, творчество в работе
   2) желание принести пользу обществу
   3) возможность достичь успеха, определенного социального статуса
   4) возможность хорошо зарабатывать, материально обеспечить семью
   5) возможность иметь достаточно времени для личного времяпровождения

26. Как Вы считаете, повлияло ли образование Ваших родителей на их успехи в жизни?

1) да___ 2) и да, и нет, трудно сказать___________ 3) нет__

27. Когда Вы жили в родительской семье, как Ваши родители преимущественно проводили свое свободное время? (можно выбрать не более 2 ответов)
   1) как правило, дома, за домашними делами, чтением или телевизором
   2) старались посетить какое-либо культурное мероприятие — выставку, театр, ходили в кино
   3) проводили время на садовом/огородном участке, даче
   4) занимались спортом

5) ходили в гости, собирались посидеть с друзьями
6) другое, укажите, что именно

28. Было ли в Вашей семье принято совместное проведение досуга (например, домашние праздники, встречи с родственниками, совместные спортивные мероприятия, культурные «выходы», другое)?
1) да, часто______ 2) время от времени________ 3) нет или очень редко ______________________________

29. А Вы считаете для себя важным собираться большим семейным кругом, совместно проводить досуг с близкими и дальними родственниками?
1) да _____ 2) и да, и нет, трудно сказать _________ 3) нет________

30. Какое из высказываний наиболее близко к тому, как Ваши родители разделяли обязанности в семье?
1) у нас было традиционное (патриархальное) распределение обязанностей — на «мужские» и «женские»
2) каждый из них мог выполнить какую-либо обязанность (сходить в магазин, на родительское собрание и др.), когда у него было время
3) трудно сказать, не знаю

31. Как в семье Ваших родителей принимались какие-либо важные семейные решения (например, о больших покупках, поездках в отпуск и т. п.)?
1) как правило, мнение отца было решающим
2) как правило, все решала мама
3) по-разному, иногда решающим было мнение отца, иногда — мамы
4) решали все вместе
5) трудно сказать, не знаю

32. Согласны ли Вы с тем, что хорошо было бы, если бы у женщины была возможность целиком посвятить себя семье и детям и вообще не работать?
1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

33. А с тем, что для благополучия в семье важно, чтобы муж зарабатывал больше жены?
1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

34. Как Ваши родители относились к обустройству своего жилья?
   1) родители относились к этому как к чему-то очень важному, придавали большое значение обустройству своего дома
   2) родители обустраивали свое жилье, насколько позволяли условия
   3) родители считали, что достаточно и минимального комфорта, лучше потратить время и ресурсы на что-то другое
   4) другое, укажите, что именно________________________________

35. Считаете ли вы, что для Ваших родителей верно утверждение «дом должен демонстрировать уровень достатка и статус обитателя»?

1) да_____ 2) трудно сказать ___________ 3) нет________

36. А для Вас?

1) да_____ 2) трудно сказать ___________ 3) нет_________

37. Какая из нижеперечисленных пословиц в наибольшей степени отражает Ваше отношение к Вашему нынешнему дому?

Дом как полная чаша.
   1) да, совершенно согласен (согласна)
   2) пожалуй, да, согласен (согласна)
   3) трудно сказать, и да, и нет
   4) пожалуй, нет
   5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

Мой дом — моя крепость.
   1) да, совершенно согласен (согласна)
   2) пожалуй, да, согласен (согласна)
   3) трудно сказать, и да, и нет
   4) пожалуй, нет
   5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

Всякий дом хозяином держится.
   1) да, совершенно согласен (согласна)
   2) пожалуй, да, согласен (согласна)
   3) трудно сказать, и да, и нет
   4) пожалуй, нет
   5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

В своем доме как хочу, так и ворочу.
   1) да, совершенно согласен (согласна)
   2) пожалуй, да, согласен (согласна)
   3) трудно сказать, и да, и нет
   4) пожалуй, нет
   5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

38. Как Вы считаете, что является (было) основой семейных отношений Ваших родителей? (необходимо выбрать только 1 ответ)
    1) взаимная поддержка, надежность
    2) совместное ведение хозяйства
    3) любовь, симпатия
    4) общность интересов, жизненных ценностей
    5) сходство взглядов на семейный уклад
    6) другое
39. Как бы Вы могли в целом оценить характер отношений в родительской семье?
    1) очень хорошие, основанные на любви и поддержке
    2) скорее, хорошие
    3) затрудняюсь ответить
    4) скорее, не очень хорошие
    5) плохие, неблагополучные
40. Делитесь ли Вы с родителями своими мыслями, переживаниями относительно событий вашей жизни?
    1) да, безусловно
    2) скорее, да
    3) и да, и нет, трудно сказать
    4) скорее, нет
    5) нет
41. Как по-Вашему, что для Вашего отца, прежде всего, означает успех в жизни? (необходимо выбрать только 1 ответ)
    1) материальное благополучие
    2) дело по душе, интересная работа
    3) общественное признание, авторитет
    4) высокий статус
    5) удовлетворенность в любви, семейных отношениях
    6) направленность на собственные интересы, развитие себя
    7) другое, укажите, что именно
42. А для мамы? (необходимо выбрать только 1 ответ)
    1) материальное благополучие
    2) дело по душе, интересная работа
    3) общественное признание, авторитет
    4) высокий статус
    5) удовлетворенность в любви, семейных отношениях
    6) направленность на собственные интересы, развитие себя
    7) другое, укажите, что именно

ТЕПЕРЬ ВОПРОСЫ О ВАС. СНАЧАЛА — О ШКОЛЕ

43. Приходилось ли Вам менять школу?

    1) да _____ 2) нет_____

44. Если приходилось, то с чем это было связано?
    1) смена места жительства
    2) переход в специализированную школу более высокого уровня
    3) переход в школу с более низким уровнем требований
    4) не сложились отношения с преподавателями
    5) не сложились отношения с одноклассниками
    6) другое (укажите, что именно)

45. Какое участие родители принимали в Вашей жизни? (можно выбрать несколько ответов)
    1) регулярно интересовались моими успехами и неудачами
    2) помогали по отдельным предметам в случае необходимости
    3) помогали при проведении различных школьных мероприятий, или участвовали в работе родительского комитета
    4) честно говоря, практически не участвовали
    5) они мало участвовали в моей школьной жизни, это и не было необходимо
    6) другое (укажите, что именно)________________________________

46. А сейчас? (можно выбрать несколько ответов)
    1) регулярно интересуются моей учебой
    2) поддерживают материально
    3) пытаются контролировать, как и с кем я провожу время
    4) стараются помогать, чем могут
    5) периодически пытаются воспитывать
    6) честно говоря, практически не участвуют
    7) другое (укажите, что именно)________________________________

47. Как бы Вы в целом оценили свою школьную жизнь?
    1) школа дала возможность проявиться моим лидерским качествам
    2) школа научила меня учиться и получать знания
    3) благодаря школе я понял, кем хочу стать
    4) школа дала мне возможность много общаться и научила заводить близкие и/или дружеские отношения
    5) школа отрицательно повлияла, мне хотелось закончить ее как можно быстрее и пойти дальше
    6) другое (укажите, что именно)________________________________

48. Согласны ли Вы, что настоящие друзья — это друзья с самого детства?
    1) да, совершенно согласен (согласна)

2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

49. Согласны ли Вы с пословицей «Старый друг лучше новых двух»?
1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

ТЕПЕРЬ ОБ УНИВЕРСИТЕТЕ

50. Каково было желание Ваших родных в отношении Вашего будущего после окончания школы?
1) чтобы я сразу пошел/пошла учиться
2) чтобы я продолжил семейную традицию и пошел/пошла учиться по специальности кого-то из родных (укажите, кого именно)______ _______________________________________
3) чтобы я сначала поработал/а или послужил в армии
4) чтобы я сам/а решил/а, чего хочу
5) другое, укажите, что именно

51. Повлияло ли мнение Ваших родных на Ваш выбор?
1) да___ 2) и да, и нет, трудно сказать___________ 3) нет_____

52. Что все-таки определило Ваш выбор? (можно выбрать несколько ответов)
1) выбранная мной специальность — это семейная традиция
2) я с детства хотел работать именно по этой специальности
3) мне кажется, эта профессия поможет мне добиться материального благополучия
4) эта профессия даст мне возможность развиваться, профессионально расти
5) эта профессия поможет мне в достижении высокого социального статуса
6) работая по этой специальности, я могу принести пользу обществу
7) выбор сделан случайно
8) это та специальность, для поступления на которую мне хватило баллов
9) другое (укажите, что именно)_________________________________

53. Считаете ли Вы, что хорошо было бы получить такую специальность, по которой можно было бы работать всю жизнь?

1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

54. Если бы Вы поняли (или поймете позже), что ошиблись с выбором профессии, готовы ли Вы будете начать все сначала — поступить на другую программу обучения, сменить профессию и т. д.?

1) да____ 2) не знаю, трудно сказать_____________ 3) нет____

55. А вообще — как Вы думаете, человек может кардинально изменить свою жизнь, начать «с чистого листа»?

1) да____ 2) не знаю, трудно сказать_____________ 3) нет____

56. Как Вы чаще всего проводите свое свободное время? (можно выбрать не более 2 ответов)

1) активно занимаюсь спортом
2) в основном встречаюсь с друзьями
3) посещаю дополнительные курсы для самообразования
4) предпочитаю вылазки на природу
5) в основном провожу время дома, читаю книги, играю в игры, сижу в соцсетях
6) стараюсь выбраться на какое-нибудь культурное мероприятие — на выставку, в театр
7) другое, укажите, что именно

57. Как Вы полагаете, влияет ли получаемое образование и уровень успешности учебы в университете на будущие успехи в жизни?

1) да, безусловно
2) трудно сказать, по-разному бывает
3) практически не влияет

58. Если бы Вам сейчас нужно было выбрать работу, то, что было бы для Вас главным в выборе? (можно выбрать не более 2 ответов)

1) интересная работа
2) перспективы роста и возможность карьеры
3) оплата
4) свободный график работы
5) получение удовольствия от того, чем занимаешься
6) возможность обеспечить достаточный уровень доходов себе и семье
7) престижность

8) возможность повысить свой социальный статус
9) хорошие отношения с людьми
10) другое (укажите, что именно)________________________________

59. В реализации Вашего профессионального пути Вам бы хотелось:
1) работать на одном месте, постепенно поднимаясь по карьерной лестнице
2) менять работу через некоторое время на сходную, но дающую возможность получить новые навыки
3) иметь возможность попробовать себя в совершенно разных областях
4) не знаю, как будет, так будет

60. Как Вы считаете, хорошо, если у человека есть возможность всю жизнь проработать на одном месте?
1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

61. Для Вас было бы предпочтительно работать:
1) на себя, самостоятельно принимать решения
2) быть сотрудником корпорации
3) работать в небольшой фирме/организации
4) быть сотрудником государственной организации

62. Выберите в списке наиболее значимые, важные для Вас события, которые произошли, обязательно произойдут или Вы хотели бы, чтобы произошли в вашей жизни (поставьте отметку в соответствующих графах). Если какое-то событие не указано в списке, впишите его, пожалуйста, в конце таблицы.

Список возможных событий	**Произошли в моей жизни**	**Обязательно произойдут**	**Хотел(а) бы, чтобы произошли**
Поступление в школу			
Окончание школы			
Выпускной вечер			
Серьезная болезнь кого-то из близких			
Поступление в вуз			

Список возможных событий	Произошли в моей жизни	Обязательно произойдут	Хотел(а) бы, чтобы произошли
Получение диплома, приобретение профессии			
Финансовые трудности родителей			
Развод/расставание родителей			
Первая любовь и просто любовь			
Смена места жительства			
Свадьба (вступление в брак)			
Первая работа			
Возможность жить самостоятельно (отдельно от родителей)			
Рождение первого ребенка			
Рождение второго и следующих детей			
Успехи детей			
Престижная работа			
Изменение профессионального пути			
Строительство собственного дома (приобретение собственного жилья)			
Развод			
Путешествия по миру			
Выход на пенсию			
Появление внуков			
Другое (впишите)			

Список возможных событий	Произошли в моей жизни	Обязательно произойдут	Хотел(а) бы, чтобы произошли

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ О ВАС ЛИЧНО

63. Разделяете ли Вы взгляды и оценки Ваших родителей (родных) относительно того, какими принципами следует руководствоваться в жизни?
   1) я разделяю большинство их взглядов
   2) с какими-то из их суждений я согласен (согласна), с какими-то — нет
   3) мы расходимся с ними по очень многим вопросам

64. Согласны ли Вы с выражением «Яйца курицу не учат»?
   1) да, совершенно согласен (согласна)
   2) пожалуй, да, согласен (согласна)
   3) трудно сказать, и да, и нет
   4) пожалуй, нет
   5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

65. Как Вам кажется, должны родители принимать активное участие в жизни своих детей?
   1) да, я думаю, родителям нужно активно интересоваться их жизнью, успехами
   2) да, им следует участвовать в школьных мероприятиях, собраниях
   3) достаточно периодически контролировать
   4) дети должны быть самостоятельными, родители не должны вмешиваться

66. Вы бы хотели, чтобы Ваша профессиональная жизнь, карьера сложилась так же, как у самого успешного члена Вашей семьи?
1) да____ 2) не знаю____________ 3) нет___

67. Вы бы хотели, чтобы Ваша семейная жизнь сложилась так же, как у Ваших родителей?
1) да_____ 2) не знаю___________ 3) нет____

68. Что для Вас в первую очередь означает жизненный успех (можно выбрать не более 3 ответов)?
   1) достичь высокого социального статуса
   2) обеспечить себе материальное благополучие

3) заниматься интересным мне делом
4) иметь много хороших друзей
5) получать удовольствие от жизни
6) добиться больших результатов в работе
7) иметь хорошую семью, детей
8) иметь возможность много путешествовать
9) другое (укажите, что именно)________________________________

69. Согласны ли Вы мнением, что выше головы не прыгнешь?
1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

70. Считаете ли Вы, что в современном неспокойном мире постоянная работа — главный источник стабильности?
1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

71. Что для Вас было бы самым существенным при выборе будущего супруга (супруги)? (можно выбрать не более 2 ответов)
1) поддержка, надежность
2) хозяйственность супруга (супруги)
3) любовь, симпатия
4) общность интересов, жизненных ценностей
5) сходство взглядов на семейный уклад
6) другое, укажите что именно

72. Согласны ли Вы, что предназначение женщины — быть женой и матерью?
1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

73. Разделяете ли Вы мнение, что счастье — это когда тебя понимают?
1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет

4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

74. Согласны ли Вы с выражением «Настоящая любовь — это любовь на всю жизнь»?
1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

75. Как Вы представляете себе свой будущий дом?
1) это обязательно квартира, собственное комфортное жизненное пространство
2) это своя квартира, но не считаю, что на ее обустройство нужно затрачивать много усилий
3) я считаю, что не обязательно иметь свою квартиру, я не хочу быть привязан(а) к одному месту

76. Согласны ли вы с утверждением, что «иметь свой дом — важная цель моей жизни»?
1) да____ 2) не знаю____________ 3) нет___

77. Вы хотите, чтобы Ваш дом для Вас (нужно выбрать 1 ответ):
1) напоминал о детстве
2) напоминал о событиях в жизни
3) был комфортным и практичным
4) был технологичным
5) был красивым

78. Не могли бы Вы также высказать свое мнение о своих сверстниках — молодых людях своего возраста? Возьмем для сравнения людей старшего поколения — поколения Ваших родителей. По сравнению с ними как можно было бы их охарактеризовать по ряду качеств (поставьте + в графе «Более», если оцениваемое качество в большей степени присуще людям Вашего поколения, или в графе «Менее», если это качество присуще Вашему поколению в меньшей степени по сравнению со старшими):

	Качество	Более	Менее
1	Ответственность		
2	Целеустремленность		
3	Ориентация на материальный достаток		
4	Стремление к личному развитию		

	Качество	Более	Менее
5	Ориентация на карьерный рост		
6	Честность		
7	Принципиальность		
8	Ориентация на личное благополучие		
9	Широта кругозора		
10	Реалистичный взгляд на жизнь		
11	Стремление к широкому общению		
12	Умение справляться с жизненными трудностями		
13	Открытость новому		
14	Замкнутость на своих интересах		
15	Стремление к стабильности и определенности		

79. В целом как бы Вы могли охарактеризовать себя по сравнению с другими людьми?

1) я предпочитаю стабильность, не люблю изменения
2) я предпочитаю изменения, не люблю неизменность

80. Согласны ли Вы с суждением «Не хвали себя, пусть другие тебя похвалят»?

1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

81. Согласны ли Вы с поговоркой «Тише едешь — дальше будешь»?

1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

82. В Ваших представлениях в Вашей будущей семье основные решения будет принимать кто-то один?

1) да, думаю, это традиционно будет муж
2) я думаю, это будет жена
3) я думаю, в одних случаях решающее слово будет за мужем, а в других — за женой

4) думаю, будем решать все вместе
5) трудно сказать, не знаю

83. А как будут распределяться обязанности?
1) мне кажется, лучше всего традиционное распределение обязанностей — на «мужские» и «женские»
2) мне кажется, выполнять какую-либо обязанность (сходить в магазин, на родительское собрание и др.), будет тот, у кого будет возможность, время
3) трудно сказать, не знаю

84. Согласны ли Вы, что лучше, если муж старше жены?
1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

85. Согласны ли Вы, что официальный брак надежнее гражданского?
1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

86. Считаете ли Вы, что в современном неспокойном мире постоянная и надежная семья — главный источник стабильности?
1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

87. Согласны ли Вы, что одинокие люди несчастны?
1) да, совершенно согласен (согласна)
2) пожалуй, да, согласен (согласна)
3) трудно сказать, и да, и нет
4) пожалуй, нет
5) нет, совершенно не согласен (не согласна)

88. Как Вы думаете, в будущем бóльшую часть своего времени Вы будете отдавать:
1) карьере, достижениям
2) заработку и материальному достатку

3) личной жизни
4) своим увлечениям, хобби, путешествиям

89. Отметьте, пожалуйста, в соответствующей графе, согласны ли Вы с утверждениями, касающимися в целом взглядов на жизнь.

	Утверждение	**Да, согласен (согласна)**	**Трудно сказать**	**Нет, не согласен (не согласна)**
1	Мне нравится, когда моя жизнь наполнена событиями			
2	Мы живем в эпоху перемен и надо быть готовым к любым изменениям в жизни			
3	Меня можно назвать уверенным в своих силах человеком			
4	Мне не хватает времени на все, что мне хотелось бы делать в жизни			
5	Мне часто приходится осваивать что-то новое			
6	Обычно я прилагаю все возможные усилия, чтобы добиться своего			
7	Не ко всему в жизни стоит относиться серьезно			
8	Необходимость меняться, «расти над собой» доставляет мне позитивные чувства			
9	Мне свойственно эмоционально вовлекаться в то, что я делаю			
10	Я предпочитаю действовать и не теряю уверенности даже в сложных ситуациях			
11	Мне нравится новизна, необходимость менять что-то в жизни меня не пугает			
12	Я получаю удовольствие от ощущения своей компетентности			

	Утверждение	Да, согласен (согласна)	Трудно сказать	Нет, не согласен (не согласна)
13	То, как складывается жизнь, зависит от активной позиции самого человека			
14	Если ты не готов к изменениям, трудно добиться успехов в жизни			
15	Мне не нравятся нерешительные и неуверенные в себе люди			
16	Я чувствую себя лучше, когда постоянно занят(а)			
17	Я могу жертвовать своими удовольствиями и свободным временем, чтобы добиться своего			
18	Я стараюсь использовать разные возможности для приобретения нового опыта и новых умений			
19	Я способен (способна) мобилизовать все свои ресурсы, если дело того требует			
20	В конечном счете жизнь человека зависит от его веры в себя и развития им собственного потенциала			
21	Мне доставляет удовольствие осваивать что-то новое			
22	Обычно мне не свойственны нерешительность и неверие в себя			
23	Жизнь требует активной включенности.			
24	Жизнь надо зарабатывать			
25	Спокойное и однообразное течение жизни не по мне			

	Утверждение	Да, согласен (согласна)	Трудно сказать	Нет, не согласен (не согласна)
26	Каждый день приносит в мою жизнь что-то новое			
27	Меня можно назвать деятельным человеком			
28	Когда приходится напрягать все свои усилия, это способствует развитию потенциала человека			
29	Я считаю, что человеку по силам любые задачи, было бы желание			
30	Мне нравится, когда дело требует усилий			
31	Если хочешь чего-то в жизни добиться, необходимо прикладывать усилия			
32	Считаю, что изменения полезны, они развивают потенциал человека			
33	Я считаю себя успешным человеком			
34	Твой успех — это твои усилия			
35	Я из тех, кто предпочитает в жизни активно действовать			
36	Я чувствую удовлетворение, когда мне удается решать сложные задачи			

Прошло 10 лет. Какой бы Вы хотели видеть свою жизнь к этому времени?

90. У Вас хорошая престижная работа, с высоким статусом?
1) обязательно__________________ 2) не обязательно ___________________

91. Вы материально обеспечены, имеете дорогие вещи?
1) обязательно__________________ 2) не обязательно ___________________

92. У Вас счастливая семья, дети?
1) обязательно__________________ 2) не обязательно___________________

93. Вы потратили немало усилий на свое развитие и образование и можете гордиться свой компетентностью?
1) обязательно_________________ 2) не обязательно__________________

94. Вы общаетесь с Вашими родственниками, собираетесь «семейным кругом» по каким-либо семейным поводам?
1) обязательно_________________ 2) не обязательно__________________

95. В заключение оцените себя, пожалуйста: насколько Вам присущи перечисленные ниже качества по шкале от 1 до 5 (где 1 — это мне совсем не присуще, 5 — безусловно, это мне присуще)

	Качество	
1	Ответственность	1 2 3 4 5
2	Целеустремленность	1 2 3 4 5
3	Ориентация на материальный достаток	1 2 3 4 5
4	Стремление к личному развитию	1 2 3 4 5
5	Ориентация на карьерный рост	1 2 3 4 5
6	Честность	1 2 3 4 5
7	Принципиальность	1 2 3 4 5
8	Ориентация на личное благополучие	1 2 3 4 5
9	Широта кругозора	1 2 3 4 5
10	Реалистичный взгляд на жизнь	1 2 3 4 5
11	Стремление к широкому общению	1 2 3 4 5
12	Умение справляться с жизненными трудностями	1 2 3 4 5
13	Открытость новому	1 2 3 4 5
14	Замкнутость на своих интересах	1 2 3 4 5
15	Стремление к стабильности и определенности	1 2 3 4 5

Спасибо!

Е. В. Зиновьева

Личностные предикторы конструирования жизненных моделей молодыми людьми*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 7–9

В статье были проанализированы личностные предикторы конструирования жизненной модели молодыми людьми (личностные черты, толерантность к неопределенности и ценностные ориентации). Жизненные модели — это фрагменты жизненного сценария человека в конкретных сферах жизнедеятельности. В своих основных характеристиках жизненные модели близки к понятию жизненного пространства. В первом исследовании в фокусе анализа находились личностные черты и толерантность к неопределенности (*N* = 82, молодежь 25–35 лет); использовались интервью, пятифакторный опросник (NEO PI-R) и опросник толерантности к неопределенности Д. МакЛейна. Высокие значения по открытости опыту, добросовестности, экстраверсии, а также по толерантности к неопределенности связаны с активным стилем конструирования жизненной модели, открытости к изменениям. Во втором исследовании изучалась роль ценностных ориентаций в конструировании жизненной модели в сфере близких отношений (*N* = 60, девушки 19–27 лет). Использовались фрагмент опросника «Жизненные модели молодежи», опросник ценностных ориентаций (PVQ-RR). Приоритет ценностей «традиций, скромности», «универсализма» и «безопасности» характерен для девушек, репрезентирующих пассивный стиль конструирования жизненной модели. Пассивность проявляется в ожиданиях от близкого другого инициации желаемых событий. Приоритет ценностей «самостоятельности», «гедонизма» и «достижений» характерен для девушек с активным стилем конструирования жизненной модели. Они меньше привержены традиционным ценностям, они готовы сами создавать желаемые события. В третьем исследовании изучались ценностные ориентации как предикторы конструирования жизненной модели в профессиональной сфере. Приняло участие 78 человек, средний возраст 20,4. Использовались: фрагмент опросника «Жизненные модели молодежи» и опросник ценностных ориентаций (PVQ-RR). Установлено, что молодые люди с приоритетом ценностей «самостоятельность», «стимуляция», «гедонизм» стремятся к профессиональному развитию, демон-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 18-013-00599 («Жизненные модели молодежи: межпоколенное и внутрипоколенное исследование»).

стрируют готовность вкладываться в него, тогда как молодые люди с приоритетными ценностями «конформизма», «скромности», «безопасности» ориентированы на стабильность и меньшую готовность к приложению усилий в профессиональном развитии.

Ключевые слова: личностные предикторы, жизненная модель, молодежь, жизненный сценарий, жизненное пространство.

Введение

Столкновение двух фундаментальных проблем современности — динамического перехода к обществу постмодерна, когда информатизация пространства трансформирует все уровни жизни, а направление трансформации еще только проектируется, и появление поколения, для которого виртуальный мир, цифровое пространство — реальность, в которой они думают, осознают, через которую воспринимают мир, — выдвигает на первый план необходимость исследования внутренней детерминации жизнетворчества современной молодежи, особым образом отражающей процессы общественных перемен.

Современный мир — это мир неопределенного будущего, глобальных изменений и цифровизации пространства повседневной жизни. все большего погружения в цифровое пространство. Отсутствие у предыдущих поколений опыта жизни в мире «онлайн», являющегося для современной молодежи привычным, создает ситуацию, когда молодые люди ищут ориентиры для принятия решений и определенных жизненных выборов вне семьи, так как родители могут транслировать им свой опыт лишь частично. Кроме того, снижается влияние культурных нормативных образцов, происходит трансформация традиционной системы ценностей, становятся малоэффективными привычные паттерны поведения. Транзитивность социальной реальности, которая присуща современному миру [Марцинковская, Турушева, 2017], перманентно задает состояние выбора, предлагая альтернативы и экспорт ценностей. Фактически это ставит каждого человека перед необходимостью конструирования собственного жизненного сценария, усиливая позицию авторства в противовес простому воспроизведению нормативных образцов.

Современная трактовка понятия жизненного сценария постепенно отходит от первоначального представления о нем как

о бессознательном жизненном плане человека [Берн, 2003, с. 37], смещая акценты в сторону активного, сознательного участия человека в выстраивании своего жизненного пути, возможностей его изменения. В настоящее время жизненный сценарий рассматривается как многосоставное и многослойное образование, которое, в силу его сложности для исследования, необходимости учитывать все его элементы, может быть описано через понятие жизненных моделей [Костромина и др., 2018]. Жизненная модель, по сути, является фрагментом жизненного сценария в конкретной сфере жизнедеятельности. Такими сферами для человека могут выступать прежде всего: профессиональная сфера, сфера отношений и сфера Я.

Понятие жизненной модели, по нашему мнению, в своих основных характеристиках близко к понятию жизненного пространства К. Левина. Жизненные модели относятся к важнейшим сферам жизни человека, но не сводятся просто к совокупности событий. Наделенные особой значимостью события в жизни человека, даже если они связаны с какой-то сферой (например, семейной или профессиональной), меняют его жизненную ситуацию в целом, ведут к изменению самого жизненного пространства, его характеристик и относятся ко всей его жизни, поэтому событийное описание жизни человека соответствует формату жизненного сценария в целом.

Жизненные модели, как и жизненное пространство, содержат в себе все множество реальных и нереальных, актуальных, прошлых и будущих событий, ожидания, цели, образы притягательных (или отталкивающих) объектов, реальные или воображаемые преграды на пути достижения желаемого [Фрейджер, Фэйдимен, 2004]. События в рамках жизненной модели выступают как реперные точки, но природа самой жизненной модели проявляется в связях между различными событиями и в логике этих связей. Логика жизненной модели определяется не столько объективными фактами, сколько «философией жизни», относящейся к основным сферам жизнедеятельности человека. «Философия жизни» человека включает его имплицитную концепцию как систему представлений о «должном» и «желаемом» в отношении профессиональной сферы, сферы отношений и сферы Я, их ценности и значимости для человека, его готовности к активной

включенности в эти сферы и к направленности, настойчивости усилий по реализации своих целей и планов в них.

Необходимость «творить» жизненный сценарий, в меньшей степени опираясь на модель предыдущих поколений, запускает процесс, в результате которого личностные характеристики, такие как, например, активность или пассивность действий в отношении желаемых событий, настойчивость в достижении целей или инертность могут становиться регуляторами, влиять на то, как будут конструироваться жизненные модели. Кроме того, они могут участвовать и в установлении связи между моделями в жизненном сценарии, влияя на их противоречивость или согласованность. Совокупность тех или личностных характеристик может стать предиктором жизненных моделей, их событийного наполнения, мостом между потребностью и тем, какие модели поведения необходимы для ее удовлетворения, задавать вектор в сторону реального достижения желаемого или «замещения» его чем-то иным, более доступным и привычным или фантазией о нем [Левин, 2001].

В литературе встречаются попытки исследования жизненных сценариев во взаимосвязи с характеристиками личности. Исследуется связь жизненного сценария с уровнем жизнестойкости, самоотношения, локусом контроля. Показано, что для респондентов с высокими показателями по фактору «жизнестойкость», «самопринятие», «интернальность» и «стремление к доминированию» характерны «выигрышные» жизненные сценарии [Иванова, 2013].

К сожалению, таких исследований крайне мало, что, возможно, связано с методологическими трудностями способов исследования самого жизненного сценария, его операционализации.

Как уже указывалось выше, мы считаем, что эту проблему можно решить через использование понятия жизненной модели.

В основу наших гипотез о личностных предикторах конструирования жизненных моделей легли результаты наших предыдущих исследований (см. статью «Жизненные модели современной российской молодежи» в данном сборнике) и современные идеи «транзитивного общества», «текучей реальности» как перманентных изменений, задающих множественный контекст, требующих гибкости и открытости к новому для совладания с теми жизненными ситуациями, которые она задает [Марцинковкая, 2019]. Мы предположили, что в качестве таких предикторов могут выступать

личностные черты, отражающие проявления человека в разных сферах, в том числе во взаимодействии с людьми, и способы интерпретации им окружающей действительности; толерантность к неопределенности и ценностные ориентации личности.

Личностные черты и толерантность к неопределенности, на наш взгляд, могут регулировать степень активности или пассивности в конструировании жизненной модели, способы реагирования в неопределенных ситуациях, связанных с жизненным выбором и возможностью появления новых событий, стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями (например, готовность с ними справляться, открытость новому опыту или, наоборот, страх неопределенности, избегание нового опыта как непредсказуемого, ориентация на привычное).

Ценностные ориентации имплицитно отражают степень близости собственной модели с родительской, задавая параметры «жизнетворчества». Они могут детерминировать бо́льшую автономность, независимость и самостоятельность, обусловливая событийную насыщенность жизненных моделей, их связи между собой, определять ценность одной жизненной модели по отношению другой. Ценностные ориентации могут быть внутренними барьерами для достижения желаемого в случае высокого уровня расхождения между компонентом нормативности и индивидуальности в жизненном сценарии молодых людей.

Ценностные ориентации являются внутренней регулятивной системой, которая через значимость одних ценностей и незначимость других задает валентность событиям или объектам в жизни молодых людей.

Личностные черты и толерантность к неопределенности как предикторы конструирования жизненных моделей молодых людей

Проверка гипотезы, действительно ли характерологические проявления и толерантность к неопределенности могут выступать личностными предикторами конструирования жизненных моделей, осуществлялась нами посредством изучения их роли в жизненном выборе человека, который является неотъемлемой частью

жизненного сценария. Личность, трансформируя нормативный жизненный сценарий в персональный, оказывается перед необходимостью жизненных выборов. Фактически жизненный выбор становится точкой, разрывающей привычные связи жизненных событий. С одной стороны, он создает новые векторы жизненного пути, с другой — он связан не только с изменениями в жизненной ситуации индивида, но и с самой «зоной изменений» человека [Костромина и др., 2018].

Жизненные модели являются предметом целой серии проводимых нами исследований, посвященных различным аспектам формирования и функционирования жизненных моделей, в том числе роли межпоколенных и внутрипоколенных связей в проектировании жизненных моделей, наполнении их событиями, преобладании в них нормативности или индивидуальности [Гришина и др., 2019; Москвичева и др., 2019; Kostromina et al., 2019]. В статье ниже представлены результаты исследований, направленных на изучение значения личностных характеристик в этом процессе.

В первом исследовании приняли участие 82 человека в возрасте от 25 до 35 лет (SD = 3,1294). Среди них 39 мужчин и 43 женщины. Выборку составили молодые люди, проживающие в больших и малых городах Российской Федерации, Украины и странах Средней Азии.

Методы исследования. В качестве методов исследования были выбраны: полуструктурированное интервью; пятифакторный личностный опросник версии NEO PI-R T. Costa, Jr., R. R. McCrae [Сенин, Орел, 2004] и опросник толерантности к неопределенности Д. МакЛейн в адаптации Е. Н. Осина (2004).

Разработанное нами интервью использовалось для выявления понимания и описания респондентами ситуации жизненного выбора, который рассматривается как значимый момент формирования жизненного сценария и реализации жизненной модели. Интервью включало 15 вопросов, 8 из которых были открытого типа и предполагали развернутый рассказ респондента, а 7 других были закрытого типа. В интервью вошли такие вопросы как, например: «Как Вы понимаете, что такое жизненный выбор?»; «Приведите пример ситуации жизненного выбора из личного опыта»; «Как Вы сейчас оцениваете этот выбор?»; «Что помогло Вам сделать выбор?».

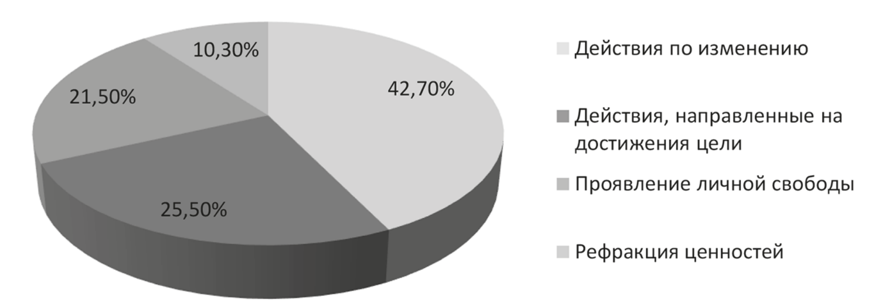

Рис. 1. Определение жизненного выбора молодыми людьми

Для оценки данных интервью использовался контент-анализ. Подсчитывалась частота единиц (суждений, представленных в ответах респондентов) в выделенных категориях.

Статистическая обработка данных включала в себя методы сравнения двух независимых выборок (непараметрический U-критерий Манна — Уитни, критерий t-Стьюдента), корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции r-Спирмена), факторный анализ, кластерный анализ и регрессионный анализ. Математическая обработка проводилась с помощью пакета IBM. SPSS. Statistics 22.0.

Результаты исследования. Контент-анализ ответов на вопросы полуструктурированного интервью показал, что жизненный выбор трактуется молодыми людьми преимущественно как действия по изменению жизни (42,7 %), действия, направленные на достижение цели (25,5 %), как проявление личной свободы и новая возможность (21,5 %) и как рефракция ценностей (10,3 %), то есть явление, способное трансформировать устоявшиеся ценности, принципы и правила (рис. 1).

В жизни молодых людей ситуации выбора чаще всего встречаются в контексте их профессиональной жизни (40,2 %), межличностных отношений (22 %), ситуаций, связанных с переездом в другой город, страну (18,3 %) (рис. 2).

Бóльшая часть участников исследования считает, что в основе их выбора лежат их потребности и чувства (74,5 %). При этом подавляющее большинство (81,3 %) не хотело бы изменить свой выбор, если бы у них была такая возможность. Ответы участников фактически подтверждают идею Курта Левина о том, что дина-

Рис. 2. Ситуации выбора молодыми людьми

мика жизненного пространства связана с потребностями человека [Левин, 2001]. Жизненный выбор в данном случае становится узловым моментом между средой и личностью, в котором будет принято решение о том, как потребность и возникшее вместе с ней намерение будут реализовываться.

Исследование связи личностных черт и толерантности к неопределенности с модальностью жизненного выбора (оценка связанного с выбором опыта как «полезного», «важного» в контексте последующей жизни или как «бесполезного», «незначимого») показало наличие значимых положительных связей с показателями экстраверсии (0,347), отношения к неопределенным ситуациям (0,436), отношения к сложным задачам (0,376), с общей толерантностью к неопределенности (0,405), открытостью опыту (0,425) и добросовестностью (0,412) (рис. 3).

Факторный анализ подтвердил связь толерантности к неопределенности (показатели отношения к сложным задачам, новизне и неопределенным ситуациям), а также экстраверсии и открытости опыту с характеристиками жизненного выбора.

Регрессионый анализ (объясненная дисперсия — 39 %) показал вклад таких переменных, как «отношение к сложным задачам» ($B = 0{,}054$; $Sig = 0{,}006$) и «ответственность» ($B = 0{,}062$; $Sig = 0{,}009$), в то, как будет восприниматься жизненный выбор и будет ли он в дальнейшем расцениваться как полезный.

Было выявлено, что молодые люди, характеризующиеся высокими значениями по шкале «открытость опыту» ($p = 0{,}034$), скорее будут демонстрировать активность в конструировании жизненных

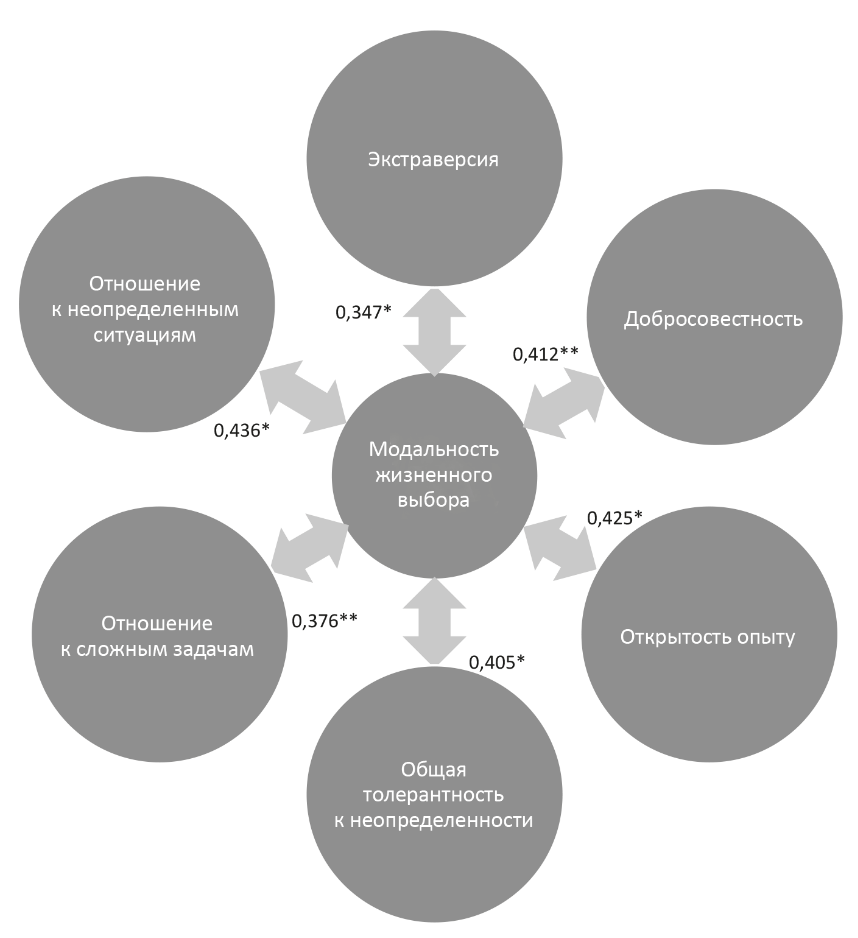

Рис. 3. Связь модальности жизненного выбора с показателями личностных черт и толерантности к неопределенности

моделей, так как легче совершают выбор, меньше беспокоясь о последствиях, но при этом нельзя судить о качестве этого выбора, а также о том, будет ли выбор в большей степени обусловлен тем, что предлагает внешняя среда, или собственными целями, которые предполагают определенный набор осознанных действий по их достижению. Однако, если будут наблюдаться высокие значения по шкале «открытость опыту», «добросовестность» и «экстраверсия»,

то, скорее всего, для таких молодых людей будет характерно выстраивание жизненной модели, где жизненные выборы будут предполагать изменения и готовность вкладываться в себя и свою жизнь.

Фактически такие личностные предикторы, как открытость опыту, экстраверсия, добросовестность, ответственность, организованность, умения контролировать свои желания и прилагать усилия для достижения желаемого регулируют самоизменение личности, которое Курт Левин понимал как движение в жизненном пространстве к новым областям деятельности, социальным связям, а также к новым перспективам в своей жизни. Он писал: «Сам факт, что человек находится в состоянии движения от одного региона А к новому региону В и поэтому он оторвался от региона А, но еще не утвердился прочно в регионе В, ставит его в менее прочное положение и делает его, как любой объект in statu nascendi, более способным к развитию» [Левин, 2001, с. 161–162]. Открытость опыту ведет к расширению жизненной модели, ее событийной наполненности, появлению новых неизвестных зон, реорганизующих все пространство модели в целом.

Ценностные ориентации личности как предикторы конструирования жизненных моделей молодых людей

Во втором исследовании изучалась роль ценностных ориентаций в конструировании жизненного сценария в отношении двух ведущих жизненных моделей: а) в сфере близких отношений и б) в профессиональной сфере.

А. *Ценностные ориентации как предикторы конструирования жизненной модели в сфере близких отношений*. В исследовании, посвященном изучению ценностных ориентаций как предикторов конструирования жизненной модели в сфере близких отношений, приняло участие 60 человек, в возрасте от 19 до 27 лет (M = 24,03), все девушки. Больше 70 % девушек к моменту исследования в отношениях не состояли или имели краткосрочный опыт (не более 5 месяцев).

В качестве методов исследования использовался фрагмент опросника «Жизненные модели молодежи» (см. Приложение), касающийся представлений молодых людей о близких отноше-

ниях с партнерами, будущей семье, ее значении, семейных ролях, а также отношения к событиям, связанным с близкими отношениями (свадьба, рождение детей, внуков), оценки своей активности и вовлеченности в данную сферу, желаний и потребностей в данной сфере.

Опорными точками структуры опросника выступили: (1) конкретные жизненные события молодых людей; (2) вопросы, описывающие активность в сфере близких отношений; (3) утверждения, раскрывающие установки и убеждения, относящиеся к сфере близких отношений; (4) вопросы, отражающие переживание значимости этой сферы жизнедеятельности; (5) вопросы, направленные на выявление степени идентификации молодых людей со своим поколением и степени близости с поколением родителей.

Для исследования ценностных ориентаций использовался опросник Ш. Шварца [Шварц, 2012], версия PVQ-RR.

Исследование проводилось в двух вариантах, респонденты имели возможность выбрать наиболее предпочтительный способ участия в исследовании: «бумажное заполнение» опросников или заполнение в электронном виде на сервисе Google Формы.

Были использованы следующие методы математической статистики: критерий χ-квадрат Пирсона; непараметрический U-критерий Манна — Уитни для сравнения двух несвязанных выборок; коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты исследования: было обнаружено, что выбор в качестве приоритетных ценностей, ценностей «традиций, скромности», «универсализма и безопасности» ($p < 0{,}01$), характерен для девушек (34 %), которые в своих ответах презентуют жизненную модель, связанную со стабильностью, опорой на традиционные взгляды о семье, ориентацией на поиск партнера, семьей, ее созданием как ведущей жизненной целью. При этом они демонстрируют скорее пассивность в конструировании модели. Пассивность заключается в принятии традиционных представлений, а также представлений родителей о семье как собственных, меньшей рефлексии относительно того, что они хотят сами, а также меньшей готовности к активности для наступления событий, которые девушки считают для себя важными (знакомство с молодым человеком, рождение детей и т. д.). Они чаще находятся в ожидании решений от кого-то другого, чем принимают их сами.

Иначе говоря, их жизненная модель близких отношений отличается меньшей дифференцированностью, слабой связью между желаемым и теми действиями, которые необходимо осуществить, чтобы оно стало реальным.

Приоритет ценностей «самостоятельности», «гедонизма» и «достижений» ($p < 0,01$) больше характерен для девушек (66 %), модель близких отношений которых характеризуется минимальной ориентацией на традиционные взгляды о семье, высоким значением как профессиональной самореализации, достижения высокого статуса, так и семьи в качестве жизненных приоритетов, опорой на свои ресурсы в достижении целей и большей готовности к активному поведению в появлении желаемых событий (например, ими допускается проявление своей инициативы при знакомстве с понравившемся молодым человеком).

В целом модальность жизненной модели близких отношений у девушек (активная/пассивная; нормативная/индивидуальная) связана с ценностями самостоятельности, гедонизма, ценности достижений, власти как ресурса, традиций и скромности. Это можно видеть на рис. 4.

Б. *Ценностные ориентации как предикторы конструирования жизненной модели в профессиональной сфере*. В исследовании приняли участие 78 человек. Все студенты (выпускных курсов) вузов Санкт-Петербурга, обучающиеся по разным направлениям подготовки (специальностям), возраст от 19 до 22 лет (M = 20,4). Из них женщин — 41 человек, мужчин — 37 человек.

В качестве методов исследования были использованы: фрагмент опросника «Жизненные модели молодежи», касающийся представлений молодых людей о себе в профессиональной сфере, ее значении, готовности прилагать усилия для достижения желаемого и т. д., а также опросник ценностных ориентаций PVQ-RR [Шварц, 2012].

Опорными точками структуры опросника выступили: (1) конкретные жизненные события молодых людей; (2) вопросы, описывающие активность в профессиональной сфере; (3) утверждения, раскрывающие установки и убеждения, относящиеся к профессиональной сфере; (4) вопросы, отражающие переживание значимости этой сферы жизнедеятельности; (5) вопросы, направленные на выявление степени идентификации молодых людей со своим поколе-

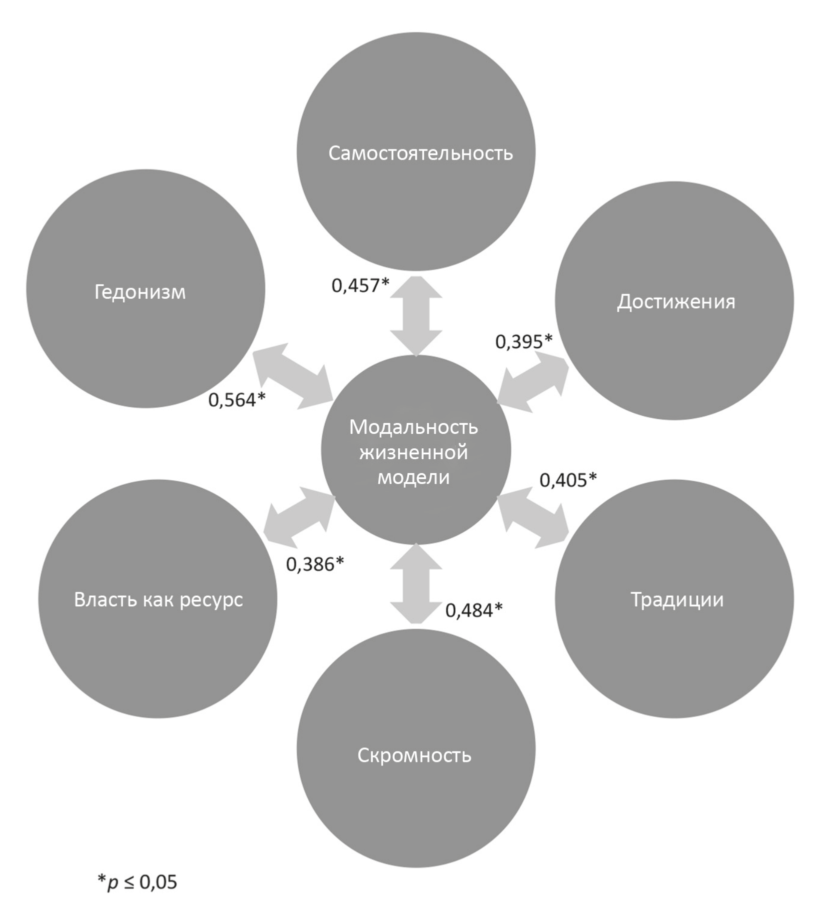

Рис. 4. Связь модальности жизненной модели с показателями ценностных ориентаций

нием и степени близости с поколением родителей в части выбора профессионального пути.

Исследование также проводилось в двух вариантах: заполнение в электронном виде на сервисе Google Формы или заполнение бумажной формы.

Были использованы следующие методы математической статистики: критерий χ-квадрат Пирсона; непараметрический U-критерий Манна — Уитни для сравнения двух несвязанных выборок.

Результаты исследования: анализ ответов показал, что жизненные модели молодых людей, касающиеся предполагаемого или имеющегося профессионального пути, отличаются по ценностно-смысловому критерию — стремление к стабильности или ориентация на изменения (см. табл.).

Таблица. **Сравнительный анализ показателей ценностных ориентаций молодых людей, ориентированных на изменения и стремящихся к стабильности**

Ценностные ориентации	Ориентация на изменения (N = 35)	Стремление к стабильности (N = 43)
Самостоятельность — мысли	13,31 (σ = 1,26)	11,47 (σ = 1,77)
Самостоятельность — поступки	13,21 (σ = 1,57)	11,43 (σ = 2,31)
Стимуляция	11,38 (σ = 2,46)	8,84 (σ = 2,67)
Гедонизм	8,91 (σ = 1,47)	7,15 (σ = 1,57)
Конформизм — правила	5,97 (σ = 3,45)	7,86 (σ = 3,42)
Конформизм — межличностный	7,14 (σ = 2,89)	8,84 (σ = 3,64)
Скромность	6,14 (σ = 2,97)	7,80 (σ = 2,91)
Безопасность — личная	9,50 (σ = 2,72)	10,60 (σ = 2,79)

Уровень значимости $p \leq 0{,}05$.

Установлено, что молодые люди с приоритетом в ценностях «самостоятельность — мысли», «самостоятельность — поступки», «стимуляция», «гедонизм» скорее стремятся к изменениям (жизненная модель «профессионального самоизменения»); их жизненная модель в профессиональной сфере характеризуется стремлением к развитию, готовностью вкладываться в свой профессиональный рост, активностью в появлении событий, связанных с желаемыми целями. Несмотря на возможный риск, они в меньшей степени ориентированы на нормативные представления о профессиональном пути, карьере, достижениях и не хотят повторять профессиональный путь своих родителей. В их ответах на вопросы

о профессиональной сфере прослеживаются представления о конкретных поэтапных действиях между имеющимся и желаемым (например, «учусь на журналиста, работаю помощником редактора и параллельно осваиваю основы фотографии, хочу стать фотокорреспондентом»).

Молодые люди, для которых значимыми ценностями являются «конформизм — правила», «конформизм — межличностный» и ценность «скромности», «безопасность — личная», ориентированы скорее на стабильность (жизненная модель «безопасность профессионального пути»). Для них характерна меньшая вовлеченность в сферу профессионального саморазвития, пассивность и позиция ожидания в появлении событий, связанных с профессиональным самоизменением. Их представления о желаемых достижениях можно отнести к фантазийным, так как в них не прослеживаются конкретные этапы, понимание сложностей, с которыми они могут столкнуться, представлен сразу результат (например, «сейчас учусь на психолога, но не уверен, что это мое, хочу иметь свой бизнес, о профессиональном будущем не знаю пока, не думаю об этом»).

Заключение

В целом проведенные нами исследования личностных предикторов конструирования жизненных моделей молодежью позволили сделать следующие выводы.

Такие личностные характеристики, как открытость опыту, добросовестность, экстраверсия, толерантность к неопределенности, тесно взаимосвязаны со структурой и содержанием жизненных моделей молодых людей.

Наличие у молодых людей открытости опыту, добросовестности, экстраверсии, высокой толерантности к неопределенности и, в частности, к решению сложных задач при доминировании таких ценностных ориентаций, как самостоятельность, гедонизм, стимуляция, с высокой долей вероятности могут указывать на то, что они будут демонстрировать активность и независимость в процессе выстраивания ими своего жизненного сценария. Они готовы к встрече с новыми событиями в их жизни и мало тревожатся о том, хватит ли у них ресурсов, чтобы с ними справится.

Новое они рассматривают как интересную задачу, требующую применения имеющихся навыков или освоения дополнительных. Потребности, которыми они руководствуются, в процессе конструирования модели будут находить свое удовлетворение скорее в реальных действиях, чем в «замещающих».

Низкий уровень толерантности к неопределенности, выбор в качестве значимых ценностей скромности, конформизма, безопасности, приверженность традиционным ценностям (правилам) молодыми людьми может указывать на скорее пассивно-наблюдательный стиль в построении жизненной модели, характеризующейся зависимостью от условий внешней среды, закрытостью границ для нового. Для таких молодых людей реализация желаний в большей степени будет определяться ситуацией, а не знанием своих возможностей и готовностью к изменениям. Скорее для них будут характерны стратегия «плыть по течению» или уход в фантазии.

В современном, максимально неопределенном динамичном мире процесс жизнетворчества молодых людей становится все более индивидуализированным, он требует от них больше самостоятельности. На него все меньше влияния оказывают нормативные эталоны, задаваемые обществом. Для того, чтобы эффективно справляться с теми задачами, которые задает современный мир, важно быть открытым новому опыту, готовым искать и осваивать новые знания и умения. Эти качества в некотором смысле залог успешного совладания с теми трудностями, которые неизбежно будут появляться на жизненном пути молодых людей.

Литература

Берн Э. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо-пресс, 2003.

Гришина Н.В., Москвичева Н.Л., Кузнецова Е.А. Жизненный сценарий как научный конструкт: эволюция взглядов и методов изучения // Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 331–382.

Иванова М.А. Жизненные сценарии и жизнестойкость подростков // Фундаментальные исследования. 2013. № 10-4. С. 875–878.

Костромина С.Н. Жизненные модели современной российской молодежи // Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология / под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020.

Костромина С. Н., Гришина Н. В., Зиновьева Е. В., Москвичева Н. Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 341–357.

Левин К. Динамическая психология: избранные труды. М.: Смысл, 2001.

Марцинковская Т. Д. Психология транзитивности: новые тренды и закономерности // Психология личности: Пребывание в изменении. С. 154–182.

Марцинковская Т. Д., Турушева Ю. Б. Нарратив как методология исследования личности в ситуации транзитивности // Психологические исследования. 2017. № 10 (52). С. 2. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1401-martsinkovskaya52.html 15.04.2020).

Москвичева Н. Л., Реан А. А., Костромина С. Н., Гришина Н. В., Зиновьева Е. В. Жизненные модели молодых людей: представления о будущей семье и модели, транслируемой родителями // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 3. С. 5–18.

Орел В. Е., Сенин И. Г. Опросник NEO PI-R. Руководство. Ярославль: Психодиагностика, 2004.

Осин Е. Н. Факторная структура версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 65–86.

Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Журнал Высшей школы экономики. Сер. Психология. 2012. Т. 9, № 1. С. 43–70.

Фрейджер Р., Фрэйдимен Д. Теории личности и личностный рост. М.: Олма-Пресс, 2004.

Kostromina S. N., Grishina N. V., Moskvicheva N. L., Zinovyeva E. V. Commitment to Generation Subculture as a Factor of Building a Life Scenario // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. 2019. vol. LXIV, pp. 267–275.

References

Bern E. *What Do You Say After You Say Hello*? Moscow, Eksmo-press Publ., 2003. (In Russian)

Frager R., Fadiman J. *Personality & Personal Growth*. Moscow, Olma-Press Publ., 2004. (In Russian)

Grishina N. V., Moskvicheva N. L., Kuznetsova E. A. Life scenario as a scientific construct: evolution of views and methods of study. *Personality psichology: Being in change*. Ed. by N. V. Grishina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2019, pp. 331–382. (In Russian)

Ivanova M. A. Life scenarios and resilience of adolescents. *Fundamental'nye issledovaniia*, 2013, no. 10-4, pp. 875–878. (In Russian)

Kostromina S. N. Life models of modern Russian youth. *Zhiznennoe prostranstvo v psikhologii: teoriia i fenomenologiia*. Eds N. V. Grishina, S. N. Kostromina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020. (In Russian)

Kostromina S. N., Grishina N. V., Moskvicheva N. L., Zinovyeva E. V. Commitment to Generation Subculture as a Factor of Building a Life Scenario. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 2019, vol. LXIV, pp. 267–275.

Kostromina S. N., Grishina N. V., Zinovyeva E. V., Moskvicheva N. L. A life model as a construct for studying a person's life scenario. *Vestnik of Saint Petersburg University*. *Psychology*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 341–357. (In Russian)

Lewin K. *Dynamic Psychology: Selected Works*. Moscow, Smysl Publ., 2001. (In Russian)

Martsinkovskaya T. D. Psychology of transitivity: new trends and patterns. *Personality psichology: Being in change.* Ed. by N. V. Grishina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2019, pp. 154–182. (In Russian)

Martsinkovskaya T. D., Turusheva Yu. B. Narrative as methodology, investigating the personality in transitive word. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2017, vol. 10, no. 52, p. 2. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1401-martsinkovskaya52.html (accessed: 15.04.2020). (In Russian)

Moskvicheva N., Rean A., Kostromina S., Grishina N., Zinovieva E. Life Models in Young People: Ideas of Future Family and Impacts of Parental Models. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie*, 2019, vol. 24, no. 3, pp. 5–18. (In Russian)

Orel V. E., Senin I. G. *The Personal Questionnaire NEO PI-R. Professional manual*. Yaroslavl, Psychodiagnosis Publ., 2004. (In Russian)

Osin E. N. Factorial structure version scales the overall tolerance of uncertainty McLain D., *Psikhologicheskaia diagnostika*, 2010, no. 2, pp. 65–86. (In Russian)

Shvarts Sh., Butenko T. P., Sedova D. S., Lipatova A. S. A refined theory of basic individual values: application in Russia. *Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. Ser. Psychology*, 2012, no. 9 (2), pp. 43–70. (In Russian)

Н. Н. Искра

Пространство жизни приемной семьи

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 7–9

Настоящая статья посвящена анализу жизненного пространства приемной семьи. Несмотря на трансформацию семейных ценностей в обществе, семья по-прежнему остается лучшим местом для воспитания ребенка. Современные исследования приемной семьи сосредоточены на конкретных аспектах, связанных с приемом детей в семью: психология приемного родителя и ребенка, факторы, способствующие успешной адаптации, и т. д. И среди них практически не встречаются работы, в которых был бы представлен целостный взгляд на данную проблему, учитывались бы все аспекты приема ребенка в семью как взаимосвязанные и изменяющиеся под влиянием друг друга. В нашей работе мы предлагаем рассмотреть среду, в которой предстоит адаптироваться приемному ребенку, с точки зрения жизненного пространства семьи, как динамическую систему. В работе представлены основные параметры жизненного пространства приемной семьи: степень удовлетворенности потребностей личности, величина пространства свободного движения личности, внешние барьеры и степень согласованности целей членов семьи. Показано влияние мотивации родителей на жизненное пространство приемной семьи. Оптимальной мотивацией для приема ребенка в семью является помощь ему, наиболее трудной для успешной адаптации — замена приемным ребенком эмоциональной пустоты после потери собственного ребенка или супруга. Проанализировано изменение жизненного пространства семьи после приема ребенка в семью. Эти изменения заключаются в трансформации системы отношений, вступление родителей в группу приемных родителей, повышение открытости семейной системы, что создает условия для развития приемного ребенка в жизненном пространстве приемной семьи. Особое внимание в статье уделено проблеме срыва адаптации ребенка в семье как невозможности интегрировать его в семейной пространство. Обозначены основные факторы, определяющие жизненный потенциал приемной семьи: синхронизация — десинхронизация членов семейной системы, опыт и способность семейной системы к его усвоению, внутренние и внешние ресурсы.

Ключевые слова: приемная семья, жизненное пространство, жизненный потенциал приемной семьи.

Если я это я, то ты это ты,
если ты это ты, то и я это я,
но если я не я, то и ты не ты,
ведь если ты не ты, то и я не я.

Хасидская притча

В современном обществе семья претерпела множество разнонаправленных изменений. Повысилась независимость членов семьи друг от друга, расширились возможности для самореализации вне семьи, стали популярными идеи проживания жизни для себя и трактовки воспитания детей как пустой траты времени. Тем не менее традиционная семья с детьми входит в основные события жизненного сценария человека. По-прежнему лучшей формой для социализации детей является семейное жизнеустройство. В этом смысле особую актуальность приобретает понимание жизненного пространства приемной семьи как места, куда приходит, где адаптируется и социализируется приемный ребенок, определение жизненного потенциала приемной семьи с точки зрения прогноза успешности принятия ребенка в семью.

В современном научном поле представлено большое количество как отечественных [Ослон, 2006; Прихожан, Толстых, 2005; Соломатина, 2008], так и зарубежных исследований [Bowlby, 1973; Lee et al., 2006; Johnson et al., 2006], посвященных приемным детям и их адаптации в семье. Уклон в них направлен на психологические характеристики приемного родителя [Николаева, Япарова, 2007], его (ее) мотивацию [Anderson, 2001; Палиева и др., 2011; Паламарчук, 2016], на предшествующий жизненный опыт ребенка [Rees, Selwyn, 2009; Goldman, Ryan, 2011; Соломатина, 2008], который чаще всего в реальности не рассматривается, а исчисляется в «сроке депривации» ребенка и степени нарушенности его психического функционирования [Johnson et al, 2010; Прихожан, Толстых, 2009; Шульга, 2016].

На этапе отбора будущих приемных родителей рассматривается жизненная ситуация [Ослон, 2006], в ее анализ включаются оценки: (1) стабильности функционирования семьи; (2) материально-экономической состоятельности семьи; (3) адекватности ожиданий кандидатов от приема ребенка в семью, возможных рисков семьи, которые могут привести к нарушению прав ребенка

на безопасное и надежное семейное окружение; (4) удовлетворенности качеством жизни и собственными родительскими компетенциями.

Эти исследования по преимуществу сосредоточены на конкретных аспектах, связанных с приемом детей в семьи: психология приемного родителя, психология приемного ребенка, факторы, способствующие успешной адаптации, и т. д. Среди них практически не встречаются работы, в которых бы был представлен целостный взгляд на данную проблему, в которой бы учитывались все аспекты, связанные с приемом ребенка в семью как взаимосвязанные и изменяющиеся под влиянием друг друга.

В нашей работе мы предлагаем рассмотреть среду, в которой предстоит адаптироваться приемному ребенку, как динамическую систему жизненного пространства. Семья является важнейшей частью жизненного пространства человека с одной стороны, а с другой — выступает малой группой со своим жизненным пространством. Жизненное пространство семьи определяется К. Левином как система отношений, которая возникает между ее членами. В семье жизненные пространства людей пересекаются, затрагивая основные части личности [Левин, 2000], создавая точки напряжения и трансформации. Наиболее важными параметрами для анализа напряжения в семье как малой группе с нашей точки зрения являются следующие: степень удовлетворенности потребностей личности, величина пространства свободного движения личности, внешние барьеры и степень согласованности целей членов семьи. В целом они раскрывают те препятствия и точки роста, которые возникают в жизненном пространстве приемной семьи. Далее мы рассмотрим, как они раскрываются.

Основные параметры жизненного пространства приемной семьи

Степень возможности удовлетворения потребностей членов семьи взаимосвязана с мотивацией сохранения брачных отношений на данный момент времени. При появлении приемного ребенка взрослые члены семьи часто могут не осознавать уровень депривации своих личных потребностей в семейной системе и ожидают, что появление приемного ребенка может способ-

ствовать удовлетворению их потребностей в принятии, любви, принадлежности и т. д. Основная идея, обычно стоящая за этим тезисом, заключается в том, что большое количество любви и заботы по отношению к ребенку «вылечит» все последствия сиротского опыта. В реальности ребенок при перемещении из детского дома или семьи кардинально меняет свое жизненное пространство и проживает утрату в связи с потерей привычных условий своей жизни (взрослые, круг друзей, быт и др.), даже если они были крайне неблагополучные. У ребенка в этот период возникает необходимость во времени для принятия новых условий жизни, и чем старше ребенок, тем больший период может потребоваться для изменения представлений о жизненном пространстве и принятия произошедших изменений. При этом чрезмерное проявление любви и заботы со стороны приемных родителей может привести к росту напряжения у приемного ребенка в связи со страхом быть неуспешным и быть возвращенным в ту среду, которую ему удалось покинуть. Как иллюстрацию можно привести пример из личной консультативной практики. *Иностранная приемная семья пригласила меня на консультацию в связи с тем, что русскоговорящий ребенок, для которого они хотели сохранить русскоязычную среду после усыновления в одну из стран Европы, отказывался от говорения на русском языке и общения с бывшими соотечественниками. По-видимому, для него общение на родном языке порождало огромное напряжение, связанное с внутренним страхом быть возвращенным в те условия, из которых он вышел благодаря усыновлению*.

С другой стороны, приемные родители, которые изо всех сил стараются удовлетворить потребности приемного ребенка, как они их представляют, со временем начинают испытывать жесточайшую фрустрацию, связанную с истощением эмоциональных ресурсов. Как следствие, формируется неудовлетворенность уже их потребностей в результатах своей родительской деятельности. Начинает нарастать напряжение в семейной системе, члены семьи пытаются перенести свои эмоции на других членов семьи, пытаясь получить ресурсы для продолжения выполнения родительских функций.

Особенно сильно отражается это на семьях, находящихся под внешним давлением тех или иных социальных групп — старших

родственников, отдела опеки, детского сада или школы. Они начинают ощущать груз ответственности, внешней оценки и контроля. Конечно, часто эта оценка и связанный с ней рост тревоги представлены лишь во внутреннем мире родителя. Но она отражается на жизненном пространстве приемной семьи, влияя на его параметры.

При нарушенных границах с прародительской системой приемная мать может сталкиваться с постоянными негативными оценками своей деятельности в качестве родителя, что затрудняет формирование родительского авторитета, вводит ребенка в смятение и препятствует появлению доверия.

На этом этапе начинают страдать и супружеские потребности, так как нет времени и сил для совместного проведения времени вдвоем, не хочется и очень страшно оставить ребенка даже на короткое время одного, что очень напоминает семью, в которой только что родился свой ребенок.

Другой момент напряжения связан с масштабами, спецификой и суверенностью самого жизненного пространства семьи. Жизненное пространство семьи может оказаться недостаточно обжитым уже существующими членами семейной системы к моменту появления приемного ребенка, что приводит к одной из двух полярных крайностей: все жизненное пространство семьи «перекраивается» под потребности приемного ребенка, в результате чего родители лишаются собственного места в нем, либо же родители не обеспечивают личного пространства ребенку через принуждение его к соблюдению жестких правил и границ в их жизненном пространстве, что заставляет ребенка бороться за свои границы и наступать на границы родителей.

Перестроение жизненного пространства, связанное с появлением приемного ребенка, обычно занимает около трех лет — именно столько времени необходимо для изучения своего места в этом пространстве и формирования адекватных границ. В этот период высочайшее значение имеет личностная зрелость родителей, их готовность помнить о том, что приемный ребенок обживает жизненное пространство их семьи, многократно говорить о том, как здесь все устроено, какие правила взаимодействия в этом пространстве. Способность к этому во многом зависит от психологического прошлого приемных родителей — их опыта, текущего

настоящего — их сегодняшних ценностей, готовности к переменам и совместному творчеству с ребенком, и психологического будущего — ожиданий от реализации себя в качестве приемных родителей. Как иллюстрацию позитивного изменения жизненного пространства приведу пример из консультативной практики. *Девочка принята в семью из тяжелой жизненной ситуации, в которой присутствовало насилие, нарушение границ, отсутствие уважения к потребностям ребенка* (*находилась много времени запертой в маленькой комнате в одиночестве*). *Приемные родители воспитывали ее как единственного ребенка, и оба могли уделять ей много времени. На момент прихода девочки в их семью они жили в однокомнатной квартире, находились много времени дома, что позволило девочке напитаться телесным и эмоциональным контактом. Однако, когда девочка выходила на улицу, она очень боялась открытых пространств, и не отпускала родителей, боялась прогулок в местах, где много других детей и взрослых людей. После прогулок часто раскачивалась, снимая таким образом напряжение, и не оставляла рук родителей. Родители приняли решение купить добротный деревенский дом с участком и на видном месте в доме повесили крепкие качели, на которых девочка могла качаться столько, сколько хочет, и она могла позвать туда того, кого хотела. На земле для девочки создали безопасную среду, где девочка могла выстраивать свои границы — детскую беседку, кукольный домик. Благодаря этому, постепенно осваиваясь, девочка смогла сначала звать других детей на свою территорию, адаптировалась к жизненному пространству, страхи были преодолены, и она смогла реализовывать себя в обычной детской жизни.*

Внешние барьеры жизненного пространства приемной семьи

Жизненное пространство приемной семьи легко может становиться проницаемым для внешнего «вторжения», особенно когда ребенок, который принят в семью, не усыновляется, а берется под опеку. С одной стороны, юридически семья, которая берет ребенка именно под опеку, «как бы» имеет возможность отказаться от отношений с этим ребенком, если что-то пойдет не так, и это снижает напряжение, так как формально приемные родители

ощущают себя более свободными. В этом случае существует неопределенность, связанная с неясностью ролей с точки зрения ребенка — он получает возможность жить в семье, но его статус не определен — неизвестно, когда его усыновят. Для многих детей это болезненно отражается на их самоидентификации, мешает создавать доверие к семье. Ребенок не может почувствовать себя полностью принятым и защищенным, испытывает страх потери отношений, если что-то пойдет не так, и, как следствие, считает свою семью ненадежной.

Приемные родители могут не осознавать в полной мере своих материальных возможностей в неопределенности динамично меняющегося мира, избегать усыновления, потому что такой вид жизнеустройства лишает их материальной поддержки, льгот, которые необходимы для жизни в настоящем и в будущем (питание, оплата проездных билетов, возможность получить жилплощадь). Приемные родители думают о том, что это их ребенок навсегда (скрытое усыновление), но деньги не лишние. Для ребенка материальная мотивация и ценности трудны для понимания, его основная ценность — это быть членом семьи наравне со всеми, особенно если в семье есть родные дети. Это хорошо видно из следующего примера. *В семье, имеющей четырех кровных детей и двух приемных, было принято решение о таком распределении средств: деньги, получаемые на опекаемых детей, копились для них на будущее, а семья жила на доходы, получаемые родителями. Когда приемные дети достигли совершеннолетия и получили возможность распорядиться накопленными средствами, они сделали это нерационально, что привело к конфликту с приемными родителями с одной стороны и к появлению чувства вины у родителей за то, что они «зря» не тратили деньги опекаемых детей, ущемляя в материальных возможностях кровных детей.* Нельзя не заметить, что в семье не было принято обсуждение с детьми «этих денег», материальный запас был создан «из лучших побуждений», отчасти нарушение коммуникации в этой области и привело к таким последствиям.

Взаимодействие с органами опеки как организацией, осуществляющей внешний контроль, должно быть понятным для приемной семьи и способствовать эффективности приемной семьи. Когда в приемной семье подрастают сложные дети (а именно на

подростковый возраст приходится наибольшая часть вторичных отказов), органы опеки могут участвовать в установлении границ для приемных детей и обеспечивать «связь с реальностью». Поясним на примере из консультативной практики. *В одной из приемных семей находились старшие приемные дети 16 и 17 лет, которые разрушительно проживали свой подростковый возраст — могли не ночевать дома, употребляли ПАВ, угрожали младшим приемным детям. Кроме приемных детей, в семье росли кровные дети младшего школьного возраста. В целом складывающаяся обстановка была трудной для всех участников, попытки родителей вернуть старших девочек «в рамки» не приносили успеха, использовалась идея «мы приемные, ты не можешь с нами ничего сделать». И в этом случае беседа с инспектором из органов опеки помогла переустановить границы и правила в семье, и девочки осознали свою ответственность и границы дозволенного*.

Конечно, такая форма жизнеустройства приемного ребенка приводит к тому, что жизнедеятельность семьи контролируется и регулируется социальными органами. Внешний контроль создает в свою очередь повышенное напряжение и тревогу в поле приемной семьи. Любое внутреннее действие начинает оцениваться как бы «внешним взором» — с точки зрения «других». Следующий пример из консультативной практики иллюстрирует негативное влияние такого контроля. *Одинокая приемная мама приняла в семью двух приемных детей — брата и сестру. Брат был младшим и в детском саду начал рассказывать о том, что мама любит его меньше, чем сестру, что она хотела девочку, а от него хочет избавиться. К сожалению, слова мальчика были приняты в детском саду за чистую монету, мама была поставлена на строгий учет, семья стала чаще проверяться органами опеки, что привело к критическому возрастанию тревоги в приемной семье и через некоторое время приемная мама попала в больницу с невротическим состоянием.*

Внешним барьером для жизненного пространства приемной семьи может становиться и социальная принадлежность к группе приемных родителей. Если эта принадлежность признается и является значимой, то очень важно соответствовать ценностям данной группы, защищать их, иметь тех же идейных «врагов», противостоять тем, кто придерживается иных ценностей и менять свое

мировоззрение на защиту приемных детей от тех, кто якобы их не любит. Такая позиция может быть оправданной в некоторых случаях, а может стать следствием сильно выраженной тревоги и присоединением родителей к сиротскому опыту ребенка, желанием его всегда защищать. В таких условиях у ребенка формируются психологические особенности, которые побуждают к нарушению границ других и «обслуживают» вседозволенность, нарушая адаптацию ребенка в социальной среде. Частым примером из практики является ситуация, когда приемные родители отдают приемных детей в элитные гимназии, в которых они не справляются с нагрузкой по объективным причинам, а родители рассматривают эту ситуацию как «гонение по статусу», не желая признавать отсутствие у ребенка ресурсов на освоение такой учебной программы.

Степень согласованности целей членов приемной семьи

Несмотря на то что обычно приемные родители и их дети, уже проживающие в семье, проходят психологическую подготовку к приему ребенка, их цели могут расходиться. Обычно кровные дети дошкольного возраста, которые уже находятся в семье, ожидают приемного ребенка как товарища по играм, мотивация помощи и сочувствия в этом возрасте у них не может быть длительной и являться основной. Супружеские цели могут быть сходными в приеме ребенка, а могут быть рассогласованными, что приводит к напряжению в жизненном пространстве семьи, актуализирует стремление выйти из зоны общего жизненного пространства с приемным ребенком. Приведем пример из консультативной практики. *Семья, образовавшаяся после кончины первого мужа женщины, достаточно быстро приняла решение о приеме ребенка, несмотря на то что новый муж не имел большого желания становиться приемным отцом, но пошел на поводу у жены, поддержал ее в этом желании. Приемная мама находилась в психологическом состоянии проживания утраты своего первого мужа, и желание иметь приемного ребенка было направлено больше на заполнение эмоциональной пустоты, образовавшейся в результате потери. Они приняли в семью мальчика, воспитание которого*

требует эмоциональной вовлеченности и физического участия отца, к чему он оказался не готов. Обращение к специалистам службы поддержки приемных родителей помогло остановить назревавший конфликт, который мог бы закончиться разрушением семьи и вторичным отказом от ребенка.

Как можно увидеть, такой подход к пониманию трудностей и возможностей семьи, принимающей к себе ребенка, позволяет рассматривать ее как целостность через обозначенные параметры жизненного пространства (степень удовлетворенности потребностей личности, величина пространства свободного движения личности, внешние барьеры и степень согласованности целей членов семьи). Отношения, формирующиеся в жизненном пространстве приемной семьи, могут развиваться и предоставлять возможности для приемного ребенка.

Мотивация решения о приеме ребенка, ее значение для изменения жизненного пространства семьи

Мотивация принятия решения об усыновлении или опекунстве является тем «топливом», на котором развиваются трудности адаптационного периода в приемной семье. Качество мотивации считается одним из решающих факторов в прогнозировании успеха семейного жизнеустройства семьи [Паламарчук, 2016]. Теория мотивации К. Левина трактует мотивацию как динамическую «систему напряжений», в которой взаимосвязаны побуждения индивида и их объекты [Левин, 2001]. Несомненной заслугой для понимания мотивации и ее последствий для жизненного пространства приемной семьи является разделение потребностей на истинные, которые сохраняются длительное время, и квазипотребности, определяющиеся социальной обстановкой. В ситуации приемного родительства выделим ведущую потребность приема ребенка в семью, которая позволит определить основные мотивационные группы среди потенциальных приемных родителей.

В первую и наиболее многочисленную группу входят семьи, которые очень осознанно приходят к появлению у них приемного ребенка. Обычно ведущей идеей становится реализация собственного материнства или отцовства. Так как эти родители достаточно долго и ответственно готовятся к ролевой позиции приемных ро-

дителей, то у них есть внутренняя готовность уделять достаточно много времени и усилий воспитанию ребенка и стремлению максимально принять его как своего. Это имеет много позитивных следствий для настоящей ситуации приемной семьи. С другой стороны, данная мотивация определяет «психологическое будущее», которое сильно влияет как на период адаптации, так и на последующие отношения в семье, так как обычно такие семьи имеют завышенные ожидания от ребенка. Косвенным следствием этого является то, что для них очень важно быть «хорошими» родителями, и в ситуациях любых отклонений от условной нормы такие семьи очень сильно наращивают напряжение и теряют внутреннюю энергию семьи, так как ожидания не оправдываются. Такие семьи берут маленького ребенка не старше 5 лет, часто младенца. Семейная система здесь обычно ригидна, трудно перестраивается, что отражается на родительско-детских отношениях и возможностях понимания ребенка.

Вторая многочисленная мотивационная группа приемных родителей включает мотив помощи, они обычно ориентированы на создание среды для развития вместе с ребенком. Внутри этой группы выделяется две подгруппы: (1) семьи, которые ориентированы на изменения и готовы к динамическим изменениям вместе с ребенком, и (2) семьи, которые ориентированы на «вживление» ребенка в уже сложившуюся семейную систему, независимо от его индивидуальных особенностей.

Семьи, ориентированные на изменения вместе с приемным ребенком, обычно настроены на сопереживание и имеют динамичный характер, что позволяет легко адаптироваться к изменениям в семейном жизненном пространстве. Такие изменения обслуживаются интересом и любопытством к происходящим изменениям, при этом взрослые члены семьи характеризуются минимальными ожиданиями от ребенка, что напрямую связывается с получением удовлетворения от адаптации ребенка в приемной семье. При этом родители имеют личностную возможность создать такое жизненное пространство для ребенка, которое послужит ему опорой и позволит гармонично развиваться, осознавая свои возможности. При реализации такого подхода родители находятся в постоянной готовности к изменению вектора построения отношений через приобретение нового опыта и анализ обратной

связи, получаемой от ребенка. В такой семейной системе меньше напряжения и она развивается достаточно гармонично.

Приемные родители, воспринимающие себя как имеющих большой жизненный и/или родительский опыт, хотят помочь ребенку через «вписывание» его в свою систему ценностей и видения мира. Они обычно не в состоянии менять свои систему установок, рассматривая стабильность собственных мировоззренческих взглядов как несомненную пользу для приемного ребенка. Тогда для ребенка, имеющего свое психологическое прошлое, сформировавшее его тем или иным образом, очень важно оказаться тем самым недостающим «пазлом» в жизненном пространстве семьи. Наибольшие шансы для успешной адаптации в жизненном пространстве семьи в таком случае имеют дети, которые с самого начала очень «подходят» родителям, умеют подстраиваться. Находясь в таком семейном пространстве, ребенок вынужден блокировать свои потребности, пытается быть успешным и хорошим, соответствовать той системе ценностей, которую транслируют родители. Обычно к третьему году жизни ребенок устает от постоянного блокирования своих истинных потребностей, у него нарастает внутреннее напряжение, что приводит к протестному поведению. Конечно, оно реализуется с тем самым упорством, которое так свойственно его приемным родителям. В итоге возникает противостояние и конфликт, который приводит к дисгармонизации отношений и формирует личность ребенка с дезадаптивными проявлениями.

Еще один мотив приема ребенка в семью — утрата собственного, кровного ребенка и невозможность родить другого в связи с возрастом или состоянием здоровья. Здесь крайне важным является степень прожитости перенесенной утраты. В случае конструктивно прожитой утраты у родителей нет в настоящем страха опять потерять ребенка или быть плохими родителями. Одновременно собственный прожитый тяжелый опыт позволяет быть более принимающими и внимательными по отношению к границам ребенка, иметь возможность давать адекватную обратную связь.

Семьи с непрожитой утратой испытывают трудность с формированием адекватных границ, имеют тенденцию к чрезмерному сопереживанию к прошлому опыту ребенка и желание оградить ребенка от пережитой боли. В этих условиях повышается опас-

ность формирования дезадаптивной личности, так как ограждение от проживания негативных чувств и эмоций приводит к непониманию и непринятию ребенком собственных чувств, неспособности выдерживать эмоциональное напряжение, что часто провоцирует уход в зависимые типы поведения, наиболее ярким проявлением которого может служить компьютерная зависимость.

Следующую группу приемных родителей можно отнести к имеющим мотивацию на основе чувства долга. Обычно это родственники, которые берут под опеку близких по крови детей в связи с серьезными проблемами у их родителей или при утрате родителей. Они формируют жизненное пространство через призму гиперответственности за развитие ребенка и за его будущее, когда основным мотивом становится чувство долга или вины. Кроме реального желания помочь ребенку, в их чувствах много сожаления, последствий сниженной самооценки и желания искупить или исправить свои ошибки. В связи с этим у взрослых, замещающих родителей для детей, может быть нарушен доступ к собственным эмоциям или они могут быть плохо осознанными. У них также много переживаний в связи с невозможностью отказаться от выполнения этого долга, который они часто «тянут», даже не имея для этого ресурсов. Вследствие этого в жизненном пространстве приемной семьи возникают частые и множественные нарушения границ, тенденции манипулятивного управления детьми и невозможность понять истинные чувства ребенка.

Субъективное восприятие мира и количество энергии для реализации потребностей взаимосвязано с тем, как детская личность будет формировать границы и насколько будет иметь возможность принять помощь. У детей с опытом сиротства всегда есть депривация потребностей в их психологическом прошлом. Мотивация родителей становится тем ресурсом, который можно по-разному применить для помощи приемному ребенку. Приемные родители, имея разные мотивы, создают разные зоны напряжения, и дети чутко реагируют на это, стараясь стать частью семьи и строить свое жизненное пространство исходя из того, что они видят и чувствуют в настоящем.

Изменение жизненного пространства семьи в связи с приемом ребенка

После приема ребенка происходит изменение системы отношений семьи. Прежде всего, это социальные изменения — родители начинают относиться к группе приемных родителей. Внутри этой группы можно выделить тех, кто (1) признает, что они являются приемными родителями, показывает это, участвует в групповой активности и др., и (2) родителей, которые усыновляя или даже имея опекаемых детей, стараются сохранять тайну. На основании этого фактора часто определяется внутренняя возможность семьи обращения за помощью, пользование теми ресурсами, которые обеспечиваются самой принадлежностью к данной группе.

На этапе принятия решения о становлении приемной семьей все без исключения семьи, проживающие в Российской Федерации, проходят обучение в школах приемных родителей. Несмотря на существующие директивы по содержанию обучения в таких школах, реальность их влияния и сохранение аффилированности приемных родителей к школе сильно зависят от руководителей школ и, по опыту нашей практической работы с родителями, обучавшимися в разных школах, от степени психотерапевтической проработки во время обучения в ней.

Второе важное изменение в социальных отношениях приемной семьи состоит в том, что система приемной семьи изначально более открыта, так как она находится под контролем органов опеки с момента выбора на протяжении всего периода проживания ребенка в семье. Исключением являются семьи с усыновленными детьми, но в настоящее время такая форма семейного жизнеустройства становится все менее частой. Таким образом, выстраивание отношений с новым членом семьи происходит под реальным или воображаемым постоянным контролем органов опеки.

Приходя в уже сложившуюся систему отношений, ребенок не может сразу присвоить ее как нормативную для себя модель. На него влияют его прошлый опыт и сложившаяся до этого система ценностей, взглядов на мир, и отношений. Приемный ребенок изучает границы и правила новой семьи примерно в течение трех лет. При достаточном количестве эмоциональных ресурсов семьи

и личностной зрелости родителей происходит процесс создания новой семейной системы — в ней рождаются новые законы, и ребенку интересно в этом участвовать, если он «вписывается» в новое жизненное пространство гармонично. Дети с сиротским опытом нередко имеют большее умение выходить из неприятных ситуаций, чем их приемные родители, которые часто не имели в своих жизненных историях негативного опыта. Однако часто эти стратегии небезопасны или не соответствуют принятым в семье стратегиям поведения. Тогда важным умением становится способность родителей вырабатывать вместе с ребенком стратегии поведения, помогающие адаптироваться в новой среде.

Столкновение с жизненной историей ребенка может привносить в жизненное пространство новой семьи такую информацию, с которой родители не готовы столкнуться, она может травмировать их. В случае неготовности родителей к проживанию травмы и принятию чувств ребенка и необходимости изменений ребенок может «взять власть в свои руки», манипулировать родителями, и, как следствие, не сможет адаптироваться, а привнесет в жизненное пространство приемной семьи механизмы дисфункциональной семьи.

Развитие приемного ребенка в жизненном пространстве приемной семьи

Приемный ребенок, живший до приема в семью в другом жизненном пространстве, должен освоить принципиально иное жизненное пространство приемной семьи. Многие специалисты, говоря об адаптации ребенка к приемной семьи, разрабатывают идею, что он как бы заново рождается и ребенку столько лет, сколько он находится в приемной семье. Для обживания жизненного пространства новой семьи действительно требуются немалые усилия. Они связаны в том числе с *переживанием социально-психологического статуса ситуации, в которой находится приемный ребенок*.

Поддержание отношений с биологической семьей считается важным для сохранения эмоциональных связей ребенка [Ослон, 2006], но одновременно может порождать множество трудностей в жизненном пространстве приемной семьи. Чаще всего мы стал-

киваемся с представлениями, которые мешают адекватно взаимодействовать этим двум системам. Нередко мы можем видеть пропасть между ценностями приемной и биологической семьи ребенка.

Приемный ребенок во многих случаях остается юридически, а порой и фактически частью системы своей биологической семьи. У него остается фамилия биологических родителей, могут сохраняться имущественные отношения. Знание о том, что юридические отношения с приемной семьей прерываются вместе с достижением совершеннолетия, накладывает отпечаток на выстраиваемые отношения как со стороны родителей, так и ребенка.

Еще один важный социально-психологический аспект связан с возрастом приемных и кровных детей в семье. В некоторых странах Европейского союза запрещены усыновления или взятие детей под опеку, когда нарушается естественный порядок детей. Речь идет о семьях, в которых уже есть дети. Прием в такую семью ребенка, который по возрасту является старше самого старшего ребенка, предъявляет требования к перестройке отношений в детской подсистеме, с которыми система обычно не справляется. Также крайне нежелателен прием детей того же возраста, что имеющийся ребенок в семье. Дети оказываются в ситуации конкуренции, биологический ребенок теряет свое место, семейная система страдает от перенапряжения, что в итоге может приводить к срыву адаптации приемного ребенка.

Известно, что чем больше количество детей в доме, тем больше требуется индивидуального внимания от приемных родителей для адекватного удовлетворения потребности каждого ребенка. Проиллюстрируем сказанное примером из личной консультативной практики. *Семья с тремя детьми приняла ребенка 7 лет, перенесшего утрату. Семьи дружили до момента трагедии, и дети были готовы к тому, что ребенок окажется в их семье, и готовы были оказывать поддержку. Один из детей в семье был такого же возраста, как и приемный, до момента размещения ребенка они дружили. Приемный ребенок очень ярко проживал утрату, нарушал границы всех детей и взрослых в фазе гнева. Семья должна была затрачивать огромные ресурсы в этот период для того, чтобы снизить конкурентность между детьми, и все могли заново сформировать границы. Было выделено индивидуальное время для каждого*

ребенка, не занятое функциональной активностью, отдельным «квестом» стало вождение детей в разные кружки и школы для снижения конкурентности. При этом создавалось общее жизненное пространство семьи — участием всех в совместных выездах и трапезах, поддержкой на соревнованиях и открытых уроках. На формирование нового жизненного пространства ушло около года, в итоге удалось сформировать границы и осознанное место для всех детей.

В этом примере можно увидеть, как осознанное формирование общего для всех жизненного пространства семьи с выстраиванием правил, защищающих индивидуальные границы каждого, позволило сохранить отношения и действительно принять ребенка в семью. Важен тот факт, что для этого потребовалось время.

Срыв адаптации в приемной семье как невозможность интегрировать ребенка в жизненное пространство семьи

Срыв адаптации и вторичные отказы от ребенка в приемной семье также могут быть рассмотрены через жизненное пространство. Особое значение в этом случае придается субъективному пониманию происходящего. В случае достаточной личностной зрелости как приемных, так и биологических родителей, они в состоянии брать на себя бо́льшую часть ответственности за построение отношений, закладывая и развивая их фундамент, который обеспечивается зрелой мотивацией родительства.

Когда ситуация в семье понятна всем участникам семейной системы (как взрослым, так и детям), у каждого члена семьи есть своя роль, очевидная ему, построены границы, обозначены и реализуются семейные ценности, тогда приемному ребенку предоставляется достаточно пространства для нахождения своего эмоционального места в ней.

На первом этапе адаптации к приемной семье ребенку требуется значительное количество времени для наблюдения, построение доверия на основе создающихся отношений и формирующихся границ. Отчасти это связано с психологическим депривационным прошлым большинства приемных детей, вследствие

которого в актуальную ситуацию может привноситься страх к окружающему миру и людям. Например, находясь в ситуации, когда необходимо транслировать правила и границы поведения в семье, родители субъективно оценивают ситуацию как обучение ребенка, а ребенок с опытом насилия в биологической семье или в обстановке интерната будет воспринимать данную ситуацию как угрожающую, сопротивляться требуемым действиям, исходя из своего субъективного восприятия ситуации.

В оптимально функционирующей семье родители хорошо понимают психологические особенности всех участников, готовы к «маленьким шагам» по интеграции приемного ребенка в жизненное пространство семьи, развивают отношения с учетом личностных границ.

Основной причиной срыва адаптации можно назвать рост напряжения в жизненном пространстве приемной семьи, приводящий к необходимости «убрать» источник раздражения в связи с невозможностью другого способа снятия этого напряжения.

Рассмотрим причины, приводящие к росту напряжения в жизненном пространстве приемной семьи. Начнем с незрелой мотивации, в основе которой лежит реализация амбиций, построение нереальных, иллюзорных ожиданий и желание иметь власть над ребенком, желание «исправить», «спасти и сделать из него хорошего человека». В этом случае ребенок становится объектом воздействия, и родители ждут от него компенсации вложенных усилий. Огромные старания в жизненном пространстве такой семьи прикладываются для преодоления протеста и сопротивления со стороны ребенка. Иными словами, жизненное пространство наполняется трудом родителя, противоборством ребенка и опытом возможных неудач, которые обусловливаются непониманием особенностей детей и настойчивым желанием родителя удовлетворить потребность в успешном родительстве. Адаптации в этой ситуации не происходит или происходит медленно, так как ребенок находится в состоянии хронического стресса (напряжения), что не позволяет ему высвободить энергию для усилий, направленных на адаптацию. Нельзя забывать о том, что обычно приемные дети приходят из дисфункционального семейного пространства, поэтому у них нет возможности использовать механизмы, усвоенные в прошлом опыте.

Личностная незрелость родителя обусловливает желание пройти адаптационный период быстро, не погружаясь в специфику проблем, связанных с усыновлением, рассчитывая на влияние собственной любви и доброты, не затрачивая усилия на выстраивание границ, на работу по помощи ребенку в присвоении правил новой социальной ситуации, к которой он должен адаптироваться. В этом случае ребенок может быть вынужден занять родительскую позицию, поменяться ролями с родителем в семейном пространстве.

В связи с тем, что прошлый опыт приемного ребенка обычно негативный, трудности, возникающие в настоящем пространстве приемной семьи, легко его актуализируют. Прошлые воспоминания и страх того, что с этим прошлым его не примут родители, приводят к переживанию стыда и вины, что в свою очередь повышает эмоциональную закрытость ребенка, снижает самооценку и приводит к острой реакции на любые неудачи.

Прошлый опыт нарушения границ и способы его преодоления создает ситуацию, когда ребенку трудно справляться с нарушением его границ в жизненном пространстве приемной семьи либо в социуме. Это приводит к проявлению агрессии как известному ему механизму совладания с трудностями.

Родители, которые хотят реализовать свои ожидания, не всегда имеют надежный запас интереса к ребенку и, пока делают все необходимое для того, чтобы он оказался в семье, тратят много сил. Они ждут ребенка как избавления от их несчастий, компенсацию их некой неполноценности и связывают с приемным ребенком много ожиданий, не осознавая, что дальше предстоит еще больший труд, чем был на этапе усыновления. Это истощает их эмоциональный запас, возрождает прошлый негативный опыт, провоцирует нарастание дисфункциональности.

Жизненный потенциал приемной семьи

Жизненный потенциал приемной семьи характеризует ту жизненную энергию (тот энергетический заряд), которая есть в настоящий момент у приемной семьи. Перечислим факторы, которые будут способствовать или препятствовать накоплению и сохранению энергии.

- Степень синхронизации — десинхронизации участников семейной системы;
- Опыт и его усвоение семейной системой;
- Внутренние и внешние ресурсы семейной системы.

При выстраивании жизненного пространства важна возможность удовлетворения основных потребностей всех членов семьи. При появлении новых членов семьи — приемных детей — жизненное пространство должно подвергнуться некоторой «инвентаризации» и изменениям. Все члены семьи должны иметь возможность отдыха друг от друга, что позволит снизить напряжение внутри жизненного пространства. Мотивация является основным «топливом», позволяющим членам приемной семьи смотреть в одну сторону.

Степень синхронизации — десинхронизации участников семейной системы. Данный фактор проявляется в степени согласованности временны́х перспектив членов приемной семьи, который в свою очередь основан на их индивидуальном опыте и жизненном сценарии, который они предполагают для развития своей семейной системы.

Опыт и его усвоение семейной системой. С точки зрения системного подхода семья развивается и сохраняется за счет поддержания законов гомеостаза и гетеростаза в процессе прохождения по жизненному циклу [Андреева, 2004]. Переход семьи с этапа на этап сопровождается нормативными кризисами. Понятие нормативного кризиса связано с переходом на следующий нормативный этап жизненного цикла, связанный с повышением эмоционального напряжения и появлением необходимости выработки новых способов взаимоотношений. Если новые способы взаимодействия и достижения целей в семье не вырабатываются, то появляются дисфункциональные способы адаптации к новому жизненному этапу, которые позволяют семье сохранить себя на новом этапе развития при сохранении старых способов взаимодействия. Это может выражаться в регрессе — возврате на предыдущую стадию, уходе от решения проблем, в психосоматических заболеваниях, в изменении психологических границ семьи. Одновременно семья приобретает позитивный или негативный опыт прохождения кризисов. Очевидно, что семья со

способностью к усвоению опыта обладает более высоким потенциалом, в связи с формированием позитивного образа прошлого и чувства «Мы».

Внутренние и внешние ресурсы семейной системы позволяют приемной семье использовать те возможности, которыми она обладает. К внутренним ресурсам относятся индивидуальные особенности членов семьи, прежде всего их личностная зрелость, уровень которой может корректировать многие личностные особенности, которые традиционно считаются нежелательными для приемных родителей, такие как повышенная тревожность и др. Уровень личностной зрелости позволяет человеку осознавать себя, свое настоящее и индивидуальные особенности своего развития. Родитель с высоким уровнем личностной зрелости может находиться в роли наблюдателя по отношению к себе, понимая и принимая те процессы, которые с ним происходят, в том числе и те, которые можно назвать кризисными. Такой человек воспринимает кризис как ступень развития и маркер того, что наступило «время перемен», а поиск виноватых не работает на развитие и приобретение новых способностей. Личностная зрелость подразумевает и определенный уровень уверенности в себе и своей потенциальности. Это создает условия для того, чтобы делиться с приемным ребенком тем, что он имеет (любовь, деньги, духовные ценности, жизненный опыт и умения) без особых ожиданий быстрого получения результата, прежде всего потому, что он ориентирован на процесс скорее, чем на результат. Такой родитель может помочь практически любому ребенку, потому что мотивация его не имеет эгоистической направленности — ориентированной на свое удовольствие и исполнение ожиданий и мечтаний. Такой человек при выборе ребенка не будет предъявлять к нему необоснованных требований, хотеть, чтобы он соответствовал ожиданиям, будет трезво оценивать глубину проблем ребенка и свои возможности ему помочь. Он с интересом формирует и развивает среду, в которой ребенок обретает интерес к себе и миру, и понимает, что он находится в надежной обстановке. Такой родитель готов к раскрытию своего потенциала и развитию вместе с ребенком, не считает себя истиной в последней инстанции, хочет развиваться, анализировать ошибки и учиться от ребенка, признавая, что у него тоже большой опыт.

Важным является не только наличие внешних ресурсов, но и умение семьи организовать деятельность, направленную на их поиск, получение и рациональное использование.

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, идеи Курта Левина о жизненном пространстве как о динамической системе, части которой находятся в постоянном взаимовлиянии и взаимообмене, воздействуя друг на друга, являются очень продуктивными для решения проблемы целостного описания изменений, происходящих в семье в связи с решением о принятии в нее ребенка, подготовкой к этому событию, событиями, связанными непосредственно с появлением ребенка, изменением его жизни и жизни его родителей. Подход к изучению вопросов приемной семьи и проблем, с этим связанных, через жизненное пространство семьи позволяет видеть основные точки преломления, в которых семья как целостность и члены семьи как ее элементы через параметры жизненного пространства (степень удовлетворенности потребностей личности, величина пространства свободного движения личности, внешние барьеры и степень согласованности целей членов семьи), могут развиваться и обогащать жизненную среду друг для друга или, наоборот, становятся препятствием для такого развития.

Литература

Андреева Т. В. Семейная психология: учебное пособие. СПб.: Речь, 2004.

Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.

Левин К. Динамическая психология. Избранные труды. М.: Смысл, 2001.

Николаева Е. И., Япарова О. Г. Особенности личностных характеристик детей и родителей в эффективных и неэффективных приемных семьях // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 37–43.

Ослон В. Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006.

Паламарчук Е. М. Мотивация принятия ребенка в семью как фактор успешности замещающего родительства // Педагогическое обозрение. 2016. № 2 (12). С. 31–37.

Палиева Н. А., Савченко В. В., Соломатина Г. Н. Мотивация принятия приемного ребенка в замещающую семью // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 1. С. 132–137.

Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. СПб.: Питер, 2005.

Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Особенности развития личности детей, воспитывающихся в условиях материнской депривации // Психологическая наука и образование. 2009. № 3. С. 5–12.

Соломатина Г. Н. Адаптация детей-сирот к условиям приемной семьи // Вопросы психологии. 2008. № 6. С. 76–82.

Шульга Т. И. Проблемы адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья, оставшихся без попечения родителей, в опекунских семьях // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21, № 4. С. 75–82.

Anderson G. The motives of foster parents, their family and work circumstances // British Journal of Social Work. 2001. Vol. 31. P. 235–248.

Bowlby J. Separation. New York: Basic Books, 1973.

Goldman G. D., Ryan S. D. Direct and modifying influences of selected risk factors on children's pre-adoption functioning and post-adoption adjustment // Children and Youth Services Review. 2011. Vol. 33, no. 2. P. 291–300.

Johnson D. E., Guthrie D., Smyke A. T., Koga S. F., Fox N. A. Growth and associations between axiology, caregiving environment, and cognition in socially deprived Romanian children randomized to foster versus ongoing institutional care // Arch. Pediatr. Adolesc. Med. 2010. Vol. 164, no. 6. P. 507–516.

Johnson R., Browne K. D., Hamilton-Giachritsis C. E. Young children in institutional care at risk of harm // Trauma, Violence and Abuse. 2006. No. 1. P. 1–26.

Lee R. M., Grotevant H. D.; Hellerstedt W. L., Gunnar M. R. Cultural socialization in families with internationally adopted children // Journal of Family Psychology. 2006. Vol. 20 (4), Dec. P. 571–580.

Rees C. A., Selwyn J. Non-infant adoption from care: lessons for safeguarding children // Child Care Health and Development. 2009. Vol. 35, no. 4. P. 561–567.

References

Anderson G. The motives of foster parents, their family and work circumstances. *British Journal of Social Work*, 2001, vol. 31, pp. 235–248.

Andreeva T. V. *Family psychology*: textbook. Saint Petersburg, Rech' Publ., 2004. (In Russian)

Bowlby J. *Separation*. New York, Basic Books Publ., 1973.

Goldman G. D., Ryan S. D. Direct and modifying influences of selected risk factors on children's pre-adoption functioning and post-adoption adjustment. *Children and Youth Services Review*, 2011, vol. 33, no. 2, pp. 291–300.

Johnson D. E., Guthrie D., Smyke A. T., Koga S. F., Fox N. A. Growth and associations between axiology, caregiving environment, and cognition in socially deprived Romanian children randomized to foster versus ongoing institutional care. *Arch. Pediatr. Adolesc. Med.*, 2010, vol. 164, no. 6, pp. 507–516.

Johnson R., Browne K. D., Hamilton-Giachritsis C. E. Young children in institutional care at risk of harm. *Trauma, Violence and Abuse*, 2006, no. 1, pp. 1–26.

Lee R. M., Grotevant H. D., Hellerstedt W. L., Gunnar M. R. Cultural socialization in families with internationally adopted children. *Journal of Family Psychology*, 2006, vol. 20 (4), Dec., pp. 571–580.

Lewin K. *Resolving of social conflicts*. Saint Petersburg, Rech Publ., 2000. (In Russian)

Lewin K. *Dynamic psychology*: Selected works. Moscow, Smysl Publ., 2001. (In Russian)

Nikolaeva E. I., Yaparova O. G. Features of personal characteristics of children and parents in effective and ineffective foster families. *Question of psychology*, 2007, no. 6, pp. 37–43. (In Russian)

Oslon V. N. *Life Management of orphaned children: professional foster family*. Moscow, Genesis Publ., 2006. (In Russian)

Palamarchuk E. M. Motivation for accepting a child into the family as a factor of success of foster parenting. *Pedagogical review*, 2016, no. 2, pp. 31–37. (In Russian)

Palieva N. A., Savchenko V. V., Solomatina G. N. Motivation for accepting a foster child into a foster family. *Society. Environment. Development*, 2011, no. 1, pp. 132–137. (In Russian)

Prikhozhan A. M., Tolstykh N. N. *Psychology of orphanhood*. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. (In Russian)

Prikhozhan A. M., Tolstykh N. N. Features of the development of the personality of children brought up in conditions of maternal deprivation. *Psychological science and education*, 2009, no. 3, pp. 5–12. (In Russian)

Rees C. A., Selwyn J. Non-infant adoption from care: lessons for safeguarding children. *Child Care Health and Development*, 2009, vol. 35, no. 4, pp. 561–567.

Shulga T. I. Problems of adaptation of children with disabilities left without parental care in foster families. *Psychological science and education*, 2016, vol. 21, no. 4, pp. 75–82. (In Russian)

Solomatina G. N. Adaptation of orphaned children to the conditions of a foster family. *Questions of psychology*, 2008, no. 6, pp. 76–82. (In Russian)

Заключение

Темой, объединившей интересы участников данного издания, стали проблемы жизненного пространства человека, его жизни в современном мире, выстраивания им своего жизненного пути.

Подготовленное нами издание приурочено к 130-летнему юбилею Курта Левина, а в его название вынесен концепт жизненного пространства, когда-то предложенный Левином для описания и анализа существования человека во взаимодействии с окружающим миром.

Время неумолимо отодвигает прошлое, отдаляя нас от наших предшественников и учителей. Однако оно же позволяет увидеть подлинный масштаб творчества ученого. Александр Асмолов в беседе о Курте Левине обозначил это как «уникальную трансформацию пространства» — «чем дальше мы отходим от классиков, тем более мы постигаем их расширяющийся мир». Надеемся, нам удалось показать это в нашем издании — эвристический потенциал идей Курта Левина для широкого круга проблем современной психологии личности, его подход к разработке теоретических и методологических проблем психологии и ее понятийного аппарата, возможность приложения его идей к решению прикладных и практических задач психологии.

Так получилось, что основная часть работы над нашим изданием пришлась на период пандемии, карантина и самоизоляции. И это побудило нас еще раз задуматься над сутью концепта жизненного пространства, его динамичности, психологических границ личности, ее отношений с окружающим миром.

Опыт, пережитый человеческим сообществом в целом и каждым из нас в отдельности, еще не раз будет предметом обсуждения, теоретического анализа, не говоря уже о масштабных задачах, которые придется решать по оказанию психологической помощи людям.

Последствия пережитого сейчас еще не вполне поддаются осмыслению и прогнозированию. Стресс, страхи, тревоги, неуверенность в будущем, неизвестность — все это мы пережили и продолжаем переживать.

В контексте обсуждаемой нами темы то, что произошло со всеми нами, — это разрушение нашего привычного жизненного пространства. Год назад мы проводили исследование, результаты которого показали, что, хотя люди и осознают происходящие в мире перемены, они зачастую воспринимаются ими как нечто внешнее, не имеющее непосредственного отношения к их жизни. Сегодня мир объективной реальности приблизился к нам вплотную, вошел в жизнь каждого из нас.

Нарушились привычные границы социального и личного пространства нашей жизни. Мы лишились возможности осуществления привычных форм деятельности и коммуникации и оказались перед необходимостью поиска новых способов реализации активности и коммуникации. Будущее кажется неопределенным, а нередко и пугающим. Это то, с чем нам не просто предстоит справиться, но и помочь в этом тем, кто нуждается в нашей профессиональной помощи.

И вновь хочу обратиться к Курту Левину. И на этот раз не к его работам, но к опыту его жизни, которая никогда не была легкой. Сталкиваясь с разного рода трудностями с самого детства, пройдя через опыт Первой мировой войны, пережив вынужденную эмиграцию из нацистской Германии, потерю близких, сложности адаптации в Америке, непонимание, а иногда и неприятие профессионального сообщества, он отдавал всего себя своей работе, пройдя путь от академического исследования психологических феноменов до активной практической работы по разрешению социальных проблем. В США он становится основателем и президентом Общества психологических исследований социальных проблем и не просто создает методологию изучения социальных проблем, но отстаивает и реализует парадигму «действенного

исследования», предполагающую активное участие психологов в практической реализации своих идей. Все, что он делал, было подчинено одной цели — созданию лучшего мира. Масштабность этой задачи поддерживала его в самых трудных ситуациях.

Сегодня реальность ставит перед нами не менее сложные и масштабные задачи. Пусть опыт наших великих предшественников, опыт Курта Левина и Виктора Франкла, любившего повторять известные слова о том, что если мы знаем, *зачем* жить, то вынесем почти любое *как*, послужит для нас опорой и источником вдохновения!

Наталия Гришина

Приложение

Н. В. Гришина

Курт Левин: жизнь и судьба

Вы держите в руках перевод первого издания работ Курта Левина, осуществленного его коллегами после его смерти в 1948 году[1]. Оно объединяет его теоретические и практические исследования по самым острым социальным проблемам современности: это проблемы культуры и массового сознания, возможность позитивных социальных изменений и межличностные конфликты, влияние перспектив будущего на моральное состояние людей и этнические проблемы, и, может быть, самый главный вопрос общества — как влиять на его ценности, как сделать современный мир более демократическим. Хотя этим работам более пятидесяти лет, они и сегодня могут служить образцом подлинно научного исследования таких проблем, которые кажутся «трудноуловимыми» для изучения и тем более практической работы с ними.

Для тех, кто знает и ценит творчество Левина, это издание является долгожданным событием. В сущности, Курт Левин в течение долгого времени оставался едва ли не единственным великим психологом XX века, чьи работы были практически неизвестны или мало известны отечественным психологам.

Курт Левин, безусловно, является одной из выдающихся фигур в мировой психологии XX века. Крупный теоретик, тонкий и оригинальный экспериментатор, первооткрыватель области групповой динамики, создатель парадигмы «действенного исследования», человек, на десятилетия определивший развитие психологии, — этим далеко не исчерпывается все многообразие творчества Левина. Он опережал свое время, и лишь сегодня мы в полной мере можем оценить его истинную роль в развитии психологии XX века.

Курт Левин не нуждается в рекламе. Представить его книги отечественному читателю — честь для любого психолога. «Клиницист Фрейд и экспериментатор Левин — имена этих двух людей будут стоять впереди всех остальных в истории нашей психологической эры. Именно их контрастирующие, но дополняющие друг друга инсайты впервые сделали психологию на-

---

[1] Впервые опубликовано: *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000. С. 6–99.

укой, приложимой к реальным человеческим существам и реальному человеческому обществу». Так написал о Курте Левине Э. Толмен [Tolman, 1948], и, даже если сделать поправку на то, что эти слова были сказаны по случаю кончины Левина, они звучат весьма впечатляюще.

Но если имя Фрейда знает каждый психолог, начиная с первокурсников, то в связи с Левином наши студенты, как правило, вспоминают — и не без труда — о гештальтпсихологии и групповой динамике, в лучшем случае — что-то о теории поля.

Впрочем, восполнить пробелы в своих представлениях о нем не так просто. В книге Д. и С. Шульц «История современной психологии» Левину посвящены четыре страницы в главе о гештальтпсихологии, одна из которых скупо отмечает его работы американского периода в области социальной психологии. Впечатляющим контрастом к этому лаконичному описанию звучит его заключительная фраза, принадлежащая С. Ашу: «Среди иммигрантов-психологов Курт Левин оказался почти что единственным, кто сделал успешную карьеру и одновременно создал школу последователей в Америке» [Шульц, Шульц, 1998, с. 379]. Каждый, кто хоть немного знаком с историей психологии и масштабами эмиграции европейских психологов в США в XX веке, не может не оценить это высказывание.

А Б. Ф. Зейгарник, русская ученица Левина (вошедшая в историю науки благодаря проведенным под его руководством экспериментам, в которых был получен эффект незавершенных действий, названный ее именем), хотя и замечает, перефразируя известное высказывание, что «вся американская социальная психология “вышла” из учения Курта Левина», тем не менее категорично утверждает: «У каждого ученого есть пора “своего цветения”. Для К. Левина этой порой был берлинский период его творческой деятельности» [Зейгарник, 1981, с. 12].

К. Холл и Г. Линдсей в своих «Теориях личности» посвятили специальную главу теории поля Курта Левина. Авторы другой популярной у нас книги с тем же названием — Хьелл и Зиглер — даже не упоминают его имени, как, впрочем, по свидетельству Д. Леонтьева, специально проведшего этот анализ, и другие популярные американские учебники по теориям личности. Во втором издании известного учебника по социальной психологии Линдсея и Аронсона (1968) теории поля Левина посвящена 60-страничная статья Дойча, а в том же учебнике 1985 года издания ей отведено всего две страницы. Но практически в то же самое время (1984) создается Общество развития теории поля (Society for the Advancement of Field Theory), которое проводит несколько конференций, посвященных теории поля Левина и возможностям ее использования для решения социальных проблем.

По свидетельству его коллег и учеников, к моменту своей смерти Курт Левин считался выдающим психологом своего времени, одной из важнейших фигур в современной психологии. Разработанная им теория поля распростра-

нялась на многие аспекты психологии и обеспечивала систему принципов, концептов и методов, полезных для построения психологической теории и ее приложения к социальным проблемам [Bargal et al., 1992, p. 3–4].

Сегодня имя Курта Левина меньше известно молодым поколениям психологов, чем прежде. Однако авторитетные американские психологи Росс и Нисбетт, оценивая его научный вклад, указывают, что он «во многом переопределил сам предмет социальной психологии и вплоть до настоящего времени продолжает оказывать глубокое воздействие на ее главнейшие теоретические и прикладные направления» [Росс, Нисбетт, 1999, с. 42]. Это мнение не является единичным: Д. Бергел, М. Голд и М. Левин также подчеркивают, что психология сегодня развивается в гораздо большем соответствии с взглядами Левина, чем это было при его жизни. Жизни, главным делом которой была психология.

«Он жил психологией...» (М. Левин)

По свидетельству дочери Курта Левина, события его жизни оказали огромное влияние на его профессиональную вовлеченность в психологические и социальные проблемы и в целом определили его общую теоретическую позицию в психологии. События детства, образование, опыт солдата Первой мировой войны, личное столкновение с проявлениями антисемитизма сформировали его личность и его ценности и привели к сдвигу его профессиональных интересов из области общей психологии к социальной психологии и изучению социальных проблем.

Курт Левин родился в 1890 г. в небольшом немецком городке Могильно (ныне Польша), в котором жило около пяти тысяч жителей. В семье было четверо детей — одна старшая сестра и трое мальчиков, старшим из которых был Курт. Отец занимался торговлей, семья была среднего достатка. Как и во всей остальной Германии того времени, жизнь города строилась в соответствии с жесткой иерархической структурой общества. К его высшим слоям относились христиане, особенно их аристократическая часть, фамилия которых начинались с «фон». На тех, кто не принадлежал к ним, смотрели как на людей второго сорта. Сталкивались с этим и Левины.

М. Левин пишет, что ее отец с ранних лет находился в двойственной, маргинальной позиции. С детства Курт ощущал благоприятную атмосферу своей семьи и ее высокий статус в общине, за пределами которых он становился аутсайдером. Фактически, отмечает она, в социологическом смысле он всю жизнь оставался частичным аутсайдером в большинстве своих социальных структур. В Берлинском университете он был евреем, в Америке — немецким еврейским эмигрантом, в сельском регионе Айовы он был интеллектуалом, среди бизнесменов — профессором. Однако, независимо от того, насколько маргинальным был его формальный статус, он всегда создавал свой собственный круг добрых друзей и соратников.

Когда Курту исполнилось 15 лет, семья переехала в Берлин для того, чтобы дать мальчикам более хорошее образование. В гимназии Курт получил классическое образование, изучая математику, историю, естественные науки, латынь, греческий и французский языки (но не английский, о чем он сожалел впоследствии). Особенно он увлекался греческой философией. В 1909 г. Курт Левин, намереваясь получить медицинское образование, поступает во Фрайбургский университет, однако почти сразу же переводится в университет Мюнхена, а затем в 1910 г. в Университет Фридриха-Вильгельма в Берлине. Он все еще занимается медициной, но постепенно теряет к ней интерес, и с 1911 г. слушает большинство курсов сначала по философии и методологии науки, а затем по психологии. У него образуется круг друзей, с которыми они проводят время как все студенты — устраивают вечеринки, танцуют (Курт любит танцевать) и ведут бесконечные разговоры, в том числе на актуальную тогда тему свободы женщин.

Закончив университет, Левин решает избрать карьеру преподавателя. Руководителем его докторской диссертации был профессор Штумпф. Он предоставлял своим ученикам свободу действий, которую, впрочем, можно было бы счесть и недостатком внимания. Несмотря на то что Левин прослушал у него более десятка лекционных курсов, ему не удавалось поговорить с ним лично. Он подает свои предложения по диссертационному исследованию в письменном виде, и ассистент относит их к профессору. Левин ждет в соседней комнате, пока тот вернется и сообщит, что Штумпф принимает его план. В течение последующих четырех лет Левин ни разу не обсуждал свою диссертацию с профессором до самого дня ее заключительной сдачи. Таков был опыт работы Курта Левина со своим научным руководителем. Он не был исключением для немецкой иерархической культуры академической среды того времени, но стал тем образцом отношений, который Левин отвергал всю свою последующую жизнь.

В то время экспериментальные процедуры казались безнадежно далекими от реальных психологических проблем. Доминировали представления, в соответствии с которыми такие явления, как воля, эмоции, чувства, были скорее уделом поэтического рассмотрения и не могли быть предметом научного и тем более экспериментального изучения. Левин выступает категорически против этого и решается преодолеть сложившуюся традицию, введя в научную лабораторию темы, которые рассматривались как находящиеся за пределами науки.

Начинается Первая мировая война. Как и его братья, Левин идет на войну. Не разделяя милитаристских настроений, он испытывал чувство патриотизма, и ему казалось, что война создает сильное чувство общности среди всех немцев и уменьшает классовую враждебность и этнические предрассудки довоенного времени. Этим надеждам Левина, впрочем, не суждено было сбыться, и в этом отношении война принесла много разочарований.

В августе 1918 г. Левин получил сильное ранение и провел около восьми месяцев в госпитале.

Даже на фронте Левин остается ученым. Как пишет его коллега и биограф Марроу, от скуки однообразия, ужасов и отчаяния четырех лет войны его спасало неутомимое любопытство. Как ученый он анализирует свой опыт, который, в частности, отразился в его работе о военном пейзаже (опубликована в 1917 г.). Уже в этой работе Левин вводит многие из концептов («границы», «направление», «регионы»), которые впоследствии станут предметом его внимания. Здесь же впервые появляется концепт жизненного пространства, изучение которого станет темой профессиональной деятельности Левина на протяжении всей его жизни. Левин пишет о различиях между «мирными вещами» и «военными вещами» — как одни и те же объекты по-разному воспринимаются в контексте войны и мира. Пейзаж видится солдату через призму его нужд и потребностей безопасности, удобной позиции и т. д. Именно они заставляют солдата воспринимать окружающую обстановку тем или иным образом, ее элементы приобретают разный смысл и значение в контексте войны и мира. В этой ранней работе Левина отчетливо проступают не только идеи «фигуры и фона», но и принцип необходимости субъективной интерпретации ситуации, жизненного пространства как психологически воспринимаемого и переживаемого окружения.

После войны Курт Левин возвращается в Берлинский психологический институт. Годы работы в нем фактически стали периодом его становления как ученого и началом его блестящей профессиональной карьеры. Именно здесь закладываются основы его теоретических представлений и экспериментальных методов. Работающие в это время в институте Кёлер и Вертгеймер создают новую психологию, формулируя свою гештальттеорию. Левину казалось, что они как будто открыли двери, которые долго держала закрытыми старая психология, это вдохновляло его и стимулировало его собственную работу.

Здесь же у него появляются первые знаменитые (впоследствии) ученики. Их состав поистине интернационален — американцы, двое японцев, стажерка из Финляндии и, конечно, наши соотечественницы — Б. Зейгарник, Т. Дембо, М. Овсянкина и Г. Биренбаум. Они приехали из России изучать литературу, но филологический факультет в Берлине — это было не то, что им хотелось. Они выбрали Психологический институт как единственное место в университете, где изучается человеческая личность. Так они попали к Курту Левину. Ему немного за тридцать, и его отношения с ними скорее напоминают товарищеские, чем отношения старшего с младшими. Впрочем, это был не только вопрос возраста. Левин терпеть не мог типичный для Германии того времени дух субординации, акцент на иерархии и ранге. Было ли это следствием незабытого им опыта собственного детства и, возможно, пережитых обид? Или — скорее — позицией истинного ученого, неспособного к иному стилю существования в науке, кроме как в атмосфере поиска и дис-

куссий, которой противопоказано доминирование иерархии, неизбежно порождающей интеллектуальный конформизм?

Те, кто вспоминает Курта Левина или пишет о нем, непременно упоминают его личный стиль в науке. Это прежде всего увлеченность. Он жил психологией. Будучи человеком широкой эрудиции, «всецело он был поглощен психологией. Своими идеями он был увлечен, захвачен. Он мог рассуждать на темы психологии в любой момент и в любой обстановке» [Зейгарник, 1981, с. 14]. Другое, что также неизменно отмечается, — это его отношения с учениками и коллегами. Он всегда был в окружении своих студентов, молодых сотрудников, коллег, с которыми готов был беседовать часами, сохраняя доброжелательность и интерес и проявляя терпимость к их не всегда зрелым суждениям.

В воспоминаниях учеников Левина нередко упоминается его манера чтения лекций. Он, похоже, не был блестящим лектором в традиционном смысле этого слова, но аудитория замирала, как только он начинал развивать свои идеи. Он захватывал слушателей процессом творчества, происходившего на их глазах, и сам вовлекался в него настолько, что, казалось, забывал о своей аудитории, прерываясь на середине фразы и замолкая. Регулярно встречался со своими учениками Левин и за пределами учебных аудиторий. Еженедельно они собирались на встречи, где обсуждали свои работы. В этот период у Левина было от 12 до 15 учеников, находящихся на разных стадиях подготовки диссертаций. Свобода обсуждения и дискуссий, в которых подвергались сомнению казавшиеся незыблемыми основы тогдашних психологических представлений, были весьма необычными для своего времени. В этой атмосфере формировались теоретические подходы не только учеников Курта Левина, но и его самого.

Эти бесконечные дискуссии продолжались и за пределами университета, в том числе и за столь же бесконечными чашками кофе в кафе. Здесь Левин получает возможность продемонстрировать реальное действие феноменов, которые они изучали в лаборатории. В историю науки вошел официант, к которому Левин обратился с вопросом о том, что заказывали его посетители — те, кто еще ждет заказа, и те, кто уже уходит. Официант с трудом вспоминает уже выполненный заказ, хотя он сопровождался более длительной цепочкой его действий, и легко воспроизводит еще не выполненный заказ, что, по мнению Левина, является подтверждением действия феномена незавершенных действий. Лабораторно установленные феномены для него имели смысл как отражение реального поведения людей в естественных условиях их повседневной жизни.

Идеи и деятельность Курта Левина становятся известны англоязычным психологам благодаря статье Брауна, одного из американских коллег, вместе с которым он работал в Берлине. Она была посвящена прежде всего экспериментальному методу и методологии исследований Левина. В этой статье Браун пишет, что, подобно всем новаторским работам, работа Левина не

диктует окончательные законы, но указывает направления и открывает новые возможности экспериментирования, из которого следуют законы. Эта статья привлекла внимание к последовавшему вскоре появлению Курта Левина на Йельском международном конгрессе по психологии. Левин был приглашен прочесть доклад и имел возможность показать свой научный фильм, в котором восемнадцатимесячная девочка Ханна пытается сесть на камень. Она кружится вокруг него, хлопает по нему ручками, трогает и даже лижет камень, и не может отвернуться от него, чтобы сесть. С помощью этой демонстрации Левин иллюстрировал свои представления о действии сил поля и валентности.

Марроу пишет о том впечатлении, которое произвел Курт Левин, фактически предлагавший новую психологию. Большинство психологов того времени разделяли традиционное представление о том, что с помощью психологических концептов можно описывать психологические феномены, но если вы хотите объяснить их — вы должны обратиться к чему-то более основательному. И тогда такие психологические явления, как восприятие и поведение, должны объясняться в терминах физиологических и неврологических концептов, что фактически если и не уничтожает психологию как науку, то по меньшей мере принижает ее статус. Левин утверждал, что психологические концепты могут быть успешно научно объяснены в чисто психологических терминах. И он действительно делал это.

По воспоминаниям МакКиннона, он не был уверен, что бо́льшая часть того, что говорил Левин, была понята аудиторией в Йеле, поскольку он говорил по-немецки, а некоторые из его слушателей были весьма слабы в этом языке. Но стоило посмотреть на него, на то, как он говорил, и становилось совершенно ясно, что перед вами оригинальная личность и будоражащий умы психолог, с которым хотелось работать. МакКиннон пишет далее, что в свое время, занявшись психологией, он в конце концов в ней разочаровался, потому что то, что тогда называлось психологией, ничего не говорило ему о человеческой природе, мотивации, характере или личности. Конечно, психоаналитики имели дело с реальными человеческими проблемами, но их методы казались сомнительными и неадекватными. МакКиннону хотелось соединить экспериментальную психологию и психоанализ. Впервые услышав о Курте Левине, он понял, что тому удалось сделать это, занимаясь динамическими проблемами человеческой мотивации, хотя он и обошелся без психоанализа. МакКиннон был первым американцем, приехавшим в Берлин, потому что ему хотелось работать именно с Левином. Но, конечно, он был не последним.

Итоги работы Левина в Берлинском психологическом институте были впечатляющими. Марроу суммирует их следующим образом: «За годы работы в Психологическом институте Берлина Левин заложил целое новое направление изучения человеческих существ — продемонстрировав то, в какой степени восприятие и память зависят от мотивации, сделав акцент

на поиске причин поведения, используя прошлое как средство понимания факторов, присутствующих в актуальных интеракциях, а не как первичные причины поведения, и настаивая на том, что сложные проблемы человеческих взаимодействий могут быть помещены в экспериментальные рамки» [Marrow, 1969, p. 54].

В 1932 г. Курт Левин в качестве приглашенного профессора едет в США. (Во время этого визита он, кстати, встречается в Калифорнии с Альбертом Эйнштейном, с которым у него состоялось несколько бесед.) В течение шести месяцев он работает в Стэнфордском университете, и хотя у него возникают большие проблемы с языком, ему удается найти контакт с аудиторией. Одна из его слушательниц охарактеризовала Левина как «великого коммуникатора». Его английский ужасен, но речь эмоциональна, он помогает себе жестами, рисует на доске и так хочет, чтобы его поняли, что его действительно начинают понимать.

Но проблемы были связаны не только с языком. Р. Баркер вспоминает, что идеи Левина в то время были столь новы и непривычны для многих его слушателей, что их не всегда понимали и разделяли не только студенты, но и его коллеги по факультету. Кроме того, у Левина была основательная база философских знаний и своя теория науки, а большинство его слушателей были просто не подготовлены к восприятию таких тем. Они слушали, но были не в состоянии полностью понять и оценить оригинальность его идей и масштаб его теории.

Уезжая из Америки, Левин по приглашению одного из своих бывших студентов посещает Японию, откуда возвращается в Германию через Россию. В дороге он узнает о новостях на родине: Гитлер становится канцлером. Из японских газет трудно понять происшедшее. В Москве, благодаря возможности узнать подробности из разговора на немецком языке с его друзьями Б. Зейгарник и А. Р. Лурией, он полностью осознает значение этого события. Левин не колеблется и не испытывает сомнений относительно природы нацизма. Еще до отъезда в Америку он видел демонстрации «коричневых», убийство студента-еврея, разгромленные магазины, принадлежащие евреям. Первые слова, которые он произносит жене, едва сойдя с поезда: «Мы должны покинуть Германию». К этому моменту у них (это был второй брак Левина) уже было двое детей, и они ждали третьего.

Начинается поиск работы за границей. Левин ведет интенсивные переговоры с Иерусалимским университетом, однако их финансовые возможности невелики, а попытки Левина найти дополнительные деньги для продолжения своих исследований не увенчались успехом. Более успешными оказались параллельные поиски в Америке, в которых активную роль сыграли бывшие коллеги Левина. В 1934 г. он принимает приглашение Корнелльского университета и уезжает в США. Впрочем, Левин едва не опоздал в свою эмиграцию: по дороге в Америку он останавливается в Англии, чтобы повидать в Кембридже профессора Бартлетта, и в свойственной ему манере так втя-

гивается в психологическую дискуссию, что чудом успевает на нужный ему поезд до Лондона.

В Корнелльском университете Левин проработал всего лишь около двух лет. Это приглашение имело временный характер, Америка переживала экономические трудности, не хватало денег на финансирование ни научных программ, ни работы ученых. Тем не менее Левин активно берется за работу и проводит серию экспериментов по проблемам социального влияния на привычки в еде. Кроме этого, поняв, какое значение в Америке придается публикациям, он занимается переводом своих многочисленных работ, подавляющее большинство которых публиковались только в Германии на немецком языке. Сам он не настолько владеет языком, и ему помогают друзья и студенты.

О трудностях Левина в изучении английского и о его ошибках в нем ходят легенды. Вскоре после его приезда в Америку он присутствовал на семинаре, где один из психологов подверг критике его теорию поля. В конце Левину предложили ответить на прозвучавшие замечания. Левин встал и с сильным акцентом смог сказать только одно: «Я думаю иначе». (Вспоминая об этом, Мириам Левин пытается письменно воспроизвести его акцент, но это трудно сделать на русском языке.) Другой эпизод, который упоминает дочь Левина, связан с тем, что однажды он спросил одну из коллег, почему бы ей не поработать над новой интересной темой «гупп». Та согласилась, от смущения не решившись признаться, что она понятия не имеет, что такое «гуппы». Только через несколько дней она поняла, что Левин имел в виду «группы».

Однако трудности с языком не были для Левина препятствием в общении. Переехав в 1935 г. в университет Айовы, где он проработал девять лет, Левин часто устраивает устраивать неформальные встречи и пикники, на которые собираются его коллеги и аспиранты со своими семьями и детьми. Поют песни, чаще американские, но и европейские, шутят и говорят о психологии. Мириам Левин, сама человек из академической среды, пишет, что никогда впоследствии она не сталкивалась с такой атмосферой, сочетавшей в себе неформальность, доброжелательность и энтузиазм в отношении проблем психологии.

Д. МакКиннон, описывая атмосферу группы коллег и учеников Курта Левина в Айове, сравнивает ее с группой первых последователей Фрейда. В отличие от Фрейда Левин никогда не требовал от своих учеников преданности и подчинения. Люди, покидавшие его кружок, продолжали поддерживать отношения с ним и другими членами его профессионального окружения. МакКиннон ссылается на слова Левина о том, что он никогда не стремился к созданию своей школы в психологии, он просто пытался развить новый язык описания психологических феноменов [Marrow, 1969, p. 89].

Превращение психологии в настоящую науку, по представлениям Курта Левина, требовало развития формальной системы концептов, согласованных определений и законов, совокупность которых могла бы обеспечить адекватное рассмотрение эмпирических фактов психологии. Одна из тем его семи-

наров была посвящена этому. Левин считал, что математика, особенно те ее области, которые работали с концептом «пространства», является незаменимым инструментом для психолога-теоретика.

Первая встреча «топологической группы», в которую в основном входили коллеги, знавшие Левина еще по Берлину, состоялась в 1933 г. Они собрались, чтобы неформально обсудить теоретические проблемы психологии, но успех этого обсуждения привел к тому, что встречи стали ежегодными. Одни люди уходили, приходили другие, но на каждую встречу собиралось от 35 до 40 человек. За исключением военных лет и еще двух в начале 1960-х эти ежегодные дискуссии продолжались до 1965 г. Марроу называет их «топологическими встречами», хотя речь на них шла о широком круге проблем теоретической психологии.

Топологическая психология была, хотя и любимым, но, пожалуй, все же самым несчастливым детищем Курта Левина. Сама по себе идея необходимости применения математики в психологии как возможность использования более строгого языка не вызывает сомнений. Однако попытки самого Левина в этом направлении оказались не слишком удачными. К. Бэк считает, что это в немалой степени связано с тем, что топология во времена Левина была неразвитой областью математики. По его утверждению, интуиция все же не подвела Левина, поскольку современные приложения топологии, в частности в области теории катастроф, подтверждают ее возможную продуктивность и для психологической теории. Однако сегодня, по свидетельству того же Бека, топологическая психология Курта Левина, в отличие от других его работ, практически забыта или, как он пишет, «в лучшем случае вспоминается с улыбкой» [Back, 1992].

Курт Левин любил созданную им в Айове группу и любил свои семинары с ней. Уходя на них, он со счастливым видом говорил своему секретарю: «Никто не должен беспокоить меня, кроме моей жены и президента университета».

Тем не менее такое кардинальное изменение своей жизненной ситуации, как переезд в другую страну, не бывает простым. В своих работах по проблемам группы Курт Левин писал, что неопределенная групповая идентичность крайне деструктивна для психологического здоровья. Его собственный опыт, однако, заставляет его думать, что общность судьбы становится более важным фактором формирования группы, чем сходство ее членов. Стала ли Америка действительно второй родиной для Левина? Она неизмеримо больше, чем Германия, отвечала тому духу демократизма, который был свойственен Левину. Но он никогда не забывал ни пережитое им, ни проблемы своих соплеменников. Социальные вопросы, групповые процессы и явления, проблемы межгрупповых отношений и предрассудков становятся для него неизменной темой его профессионального интереса и повседневной жизни.

Университет в Айове в то время был крупным центром психологических исследований и образования. И хотя в период своего временного пре-

бывания в Корнелльском университете Левин вынашивает планы организации Психологического института при Университете в Иерусалиме, в Айове он погружается в область новых актуальных проблем, относящихся к тогдашней ситуации в Америке. И это становится новым поворотом в теории и практике поведенческих наук.

А. Марроу так пишет об этом периоде в жизни Курта Левина. Ему сорок пять лет. Он прошел через подъемы и кризисы в жизни Германии между Бисмарком и Гитлером. Он был офицером армии, которая была величайшей милитаристской машиной своего времени и, тем не менее, потерпела жестокое поражение. На него оказали глубокое влияние политические беспорядки и экономическая катастрофа в Веймарской республике. Он сталкивался с насилием и ростом антисемитизма в гитлеровской Германии. Это, в сочетании с его сильной вовлеченностью в проблемы и ценности науки, обострило осознание им взаимосвязей между знанием и практикой, необходимости внимания к политическим проблемам, если мы хотим, чтобы жизнь человеческого общества и культура выжили и развивались. Таким образом, замечает Марроу, подобно Токвилю ста годами ранее, Левин смотрел на американскую жизнь, используя свой европейский опыт как постоянную и неизбежную точку отсчета. Он посвятил годы своей жизни глубокому анализу проблем демократического лидерства и условий эффективного индивидуального и группового роста и решению вопроса о том, как знание о человеческом поведении может быть использовано для работы с социальными проблемами.

МакКиннон философски замечает по этому поводу, что в определенном смысле было хорошо, что Левин эмигрировал и оказался в совершенно новой среде, поскольку это побудило его направить свою энергию на проблемы, которыми он, возможно, никогда бы не занялся.

В 1938 и 1939 гг. Левин проводит два семестра в Гарварде в качестве приглашенного профессора и еще один семестр в Университете Беркли в Калифорнии и ведет свои семинары в Гарвардской психологической клинике. Во время короткого отдыха после его окончания Левин узнает о нападении гитлеровской Германии на Польшу. Это повергает его в состояние глубокого пессимизма. С того времени, когда он покинул Германию, он часто говорил о слепоте тех интеллектуалов, которые не желают видеть надвигающейся угрозы. Левины отдают много времени помощи эмигрантам, организует их выезд из нацистской Германии и устройство в Америке. Тем не менее им не удалось, даже несмотря на личную короткую поездку Левина в Германию, вывезти оттуда его старую мать, которая была убеждена, что с нею, матерью солдата, погибшего за Германию в Первую мировую войну (один из братьев Курта), ничего не случится. Только к концу войны Левин узнал, что его мать и ее сестра погибли в лагерях смерти в Германии. Та же судьба постигла еще нескольких родных Курта Левина и его жены.

К 1940 г., по свидетельству А. Марроу, Левин был одним из крупнейших ученых страны в области экспериментальной и теоретической психологии.

Он опубликовал изложение своей топологической и векторной психологии с новаторскими идеями об использовании математики в психологической теории. Он ввел в словарь психологической теории такие концепты, как силы поля, уровень ожидания, жизненное пространство, напряжение и валентность. Он создал экспериментальные схемы для изучения таких «неудобных» феноменов, как гнев, конфликт, решение, фрустрация, намерение и др.

Айова, куда Левины переехали в 1935 г., располагалась в наиболее типичном американском регионе, на среднем Западе, жители которого чувствовали себя защищенными Тихим и Атлантическим океанами от потрясений Европы. В противоположность их изоляционистской позиции Левин все больше и больше времени посвящает социальным проблемам. Направление его мысли меняется: он начинает заниматься социальной психологией.

Левин переходит к практике «действенного исследования» (action research), соединяющего тип теоретической академической работы с практикой решения социальных проблем. По мнению дочери Левина, это было частью его ответа на трагедию гибели матери. Однако решение реальных жизненных проблем требовало их точной диагностики, так же как и работы по оценке эффективности подобных решений. Левин решает создать исследовательский центр по проблемам групповой динамики. По его замыслу, он должен был преодолеть разрыв между академическими исследованиями психологических явлений в университетских лабораториях и реальными социальными проблемами общества.

Айова была не самым подходящим, как считал Левин, местом для развития его исследований в области динамики групп и действенного исследования. Активная работа Левина в военное время, его частые вынужденные отъезды, а главное — его теоретический подход к исследованиям, столь отличный от распространенных тогда подходов, ориентированных на широкомасштабное тестирование и сбор статистики, вызывали у некоторых его коллег несогласие и упреки в пренебрежении повседневными академическими обязанностями. Было необходимо найти новое место для исследовательского центра, и Левин активно принимается за его поиски.

Массачусетский технологический институт принимает предложение Левина об организации подобного центра. В 1945 г. он с семьей переезжает на новое место жительства. К ним присоединяются некоторые коллеги из Айовы, среди которых Л. Фестингер, Д. Картрайт, Р. Липпит, а в небольшую группу учеников среди прочих входят М. Дойч и С. Шехтер (впоследствии ставший научным руководителем Л. Росса и Р. Нисбетта).

Уже с начала 1940-х гг. Левин почти целиком посвятил свою работу исследованию группы и групповых процессов. Он был убежден, что возможно создание общей теории групп, приложимой к их разным типам — семье, рабочим группам, религиозным и общественным объединениям. Для сбора данных по таким разным группам он планировал экспериментальные исследования того, как выбираются лидеры, как формируется групповая атмосфера, как прини-

маются групповые решения, как члены группы поддерживают коммуникацию друг с другом, как устанавливаются групповые стандарты.

В различных областях профессиональной деятельности и исследований — это относилось прежде всего к социальной групповой работе, групповой психотерапии, образованию и менеджменту — к этому времени был уже накоплен достаточный опыт, убеждавший в необходимости более систематического изучения группового функционирования. В решении вопросов, которые ставил перед собой Левин, были заинтересованы руководители, специалисты по групповой психотерапии, учителя и педагоги, сталкивавшиеся с проблемами организации группового самоуправления.

Формулируя цели и идеологию нового центра, Левин говорил, что его создание обусловлено как научными, так и практическими потребностями. Вновь повторяя свое любимое «нет ничего практичнее хорошей теории», он говорил о необходимости научного знания относительно разных областей повседневной жизни людей. Главным интересом Центра, по его мнению, должны быть экспериментальные исследования по развитию и особенно по процессам изменения групп. Проведение экспериментальных лабораторных и полевых исследований должно было подкрепляться разнообразными психологическими, социологическими и антропологическими методами.

В результате коллективного обсуждения были обозначены темы, ставшие «программными областями» исследований Центра: групповая продуктивность, коммуникация и влияние, социальная перцепция, область межгрупповых отношений, групповое и индивидуальное членство, тренинг лидеров и улучшение группового функционирования.

Особое внимание Левин уделил подбору штата Центра. Среди них были, как уже отмечалось, и его прежние коллеги Липпит, Фестингер, Картрайт и другие, и молодые сотрудники из Айовы, все не старше 35 лет. Специализируясь на разных темах — развитие личности, межгрупповые отношения, лабораторные методы, действенные исследования, техники наблюдения и др., — они разделяли общий теоретический и экспериментальный подход Левина к исследованию психологических и социальных явлений.

По свидетельству Марроу, Массачусетский технологический институт обеспечивал идеальные условия для Левина. Он работал в тесном контакте с другими коллегами из института. Усиливались связи и с Гарвардом, из школы которого многие студенты приезжали для стажировки у Левина.

Для Исследовательского центра групповой динамики была характерна атмосфера необыкновенного интеллектуального энтузиазма и открытости новому как в области теоретических идей, так и в сфере их практического использования. При этом для его сотрудников была характерна крайне низкая личная конкурентность. Студенты Курта Левина легко становились коллегами, а затем превращались и в добрых товарищей. По мнению Липпита, именно сочетание лидерского стиля Левина и сплоченности, вызываемой ощущением важности их миссии, становилось решающим фактором,

уменьшавшим частоту и интенсивность интерперсональных и ролевых конфликтов.

М. Дойч, младший коллега и ученик К. Левина, свои воспоминания о нем озаглавил «Курт Левин: ученый строгого ума и мягкого сердца». Он пишет о нем как об оригинальном ученом, теоретике и исследователе с глубоким интересом к философии и методологии науки, энтузиазм и творчество которого вдохновляли его учеников на поиск в новых областях психологии. Однако, специально оговаривает Дойч, он был и психологом с добрым сердцем, глубоко вовлеченным в развитие психологического знания, относящегося к самым важным психологическим проблемам человека.

Дойч вспоминает свою первую встречу с Куртом Левином. Это было в августе 1945 г., и, несмотря на жару, по случаю встречи с выдающимся ученым Дойч был одет сугубо официально — в пиджаке и галстуке. Опоздавший на полчаса Левин был без пиджака и без галстука, и из-за этого их не пустили в ресторан того отеля, где у них была назначена встреча. Неофициальности внешнего облика Левина соответствовала и его неформальная манера поведения. Дойч пишет, что Левин вел себя с ним как с равным. Дойч говорил о своем образовании, опыте, интересах, а Левин рассказывал ему о своих планах, связанных с организацией нового центра. Дойч испытывал своего рода интеллектуальное потрясение и озарение, слушая этого блестящего, исполненного энтузиазма и доброжелательности человека. После этой встречи у него не оставалось никаких сомнений относительно своего дальнейшего профессионального выбора. (Любопытно, что до этой беседы Дойч встречался с Карлом Роджерсом, поскольку он первоначально ориентировался на психоаналитическую работу, имел соответствующий опыт и интересовался клинической психологией.)

Существование Центра при жизни Левина было недолгим. И после его смерти Центр просуществовал менее двух лет. Однако за этот короткий период он сумел оказать огромное влияние на развитие современной социальной психологии, которое сохраняется и до сих пор. Возможно, в связи с теми задачами, которые стоят перед отечественной практической психологией, любопытно познакомиться с теми факторами успешной деятельности Центра, которые упоминает работавший там с момента его основания М. Дойч.

Это, по его мнению, прежде всего эффективный лидерский научный стиль самого К. Левина. Помимо всего того, что уже говорилось о его энтузиазме и личной увлеченности, стоит добавить, что благодаря ему те, кто работал с ним, чувствовали, что они участвуют в важном и перспективном деле, которое может дать ценные результаты как для социальной науки, так и для общества. Левин рассматривал их как коллег, предоставляя даже своим студентам свободу и ответственность и создавая у них чувство индивидуальной и коллективной причастности к созданию новой научной области. Он поощрял столкновение позиций и конфликт идей в стремлении достичь более глубокого понимания. Во время этих дискуссий он чаще всего оста-

вался в позиции наблюдателя, лишь в конце предлагая глубокую интегративную перспективу объединения противоречивых точек зрения.

Помимо личного лидерского стиля Левина огромное значение, конечно, имели его идеи, обеспечивающие эффективную деятельность Центра. Это его метатеория, его концептуальный язык, его конкретные теоретические идеи. Концепт «группы», так же как и другие концепты, связанные с социально-психологическими феноменами, не пользовались популярностью у психологов 1930–1940-х гг., когда Левин начинает заниматься социальной психологией. Он считает, что «реальность» этих концептов может быть подтверждена только если «с ними что-то делать», а не просто говорить об идеях. Проводилось много экспериментов, чтобы показать, что можно «уловить» для науки такие феномены, как «стили группового лидерства», «социальное влияние», «кооперация и конкуренция», «групповая согласованность», «давление к единообразию», «социальное сравнение» и др. При этом речь шла не просто об экспериментировании. «Делать с ними что-то» означало показать, как эти концепты могут использоваться для изменения существующей социальной реальности, например для улучшения группового функционирования, уменьшения предрассудков, подготовки эффективных лидеров.

В эти последние годы своей жизни Левин практически все свое время отдает работе над социальными проблемами. Он сотрудничает с Комиссией по общественным взаимоотношениям, занимаясь проблемами социальных предрассудков и отношений разных этнических и расовых групп. Кроме этого, несмотря на огромную занятость в Центре и Комиссии, Левин строит новые планы и включается в работу с новыми проектами. Один из них — это проблема психологических реабилитации бывших узников лагерей перемещенных лиц. Другой был связан с обращением к Левину руководителей Тавистокского института в Лондоне о совместном с Исследовательским центром групповой динамики издании журнала. Их партнерство выразилось в появлении журнала «Human Relations», для которого Левин написал две статьи по проблемам групповой динамики. В этих статьях проявился его растущий интерес к процессам социальных изменений. Он пишет о групповом экспериментировании как о форме социального управления и видит свою практическую задачу в достижении понимания причин готовности людей к переменам или сопротивления им. И хотя дальнейшим планам сотрудничества Левина с Тавистокским институтом не суждено было сбыться, по отзывам его руководителей, он оказал большое влияние на формирование их будущих проектов и в целом на британскую науку.

Кажется, интенсивность его творческой жизни никогда не была так велика. В Центре царил дух интеллектуального новаторства. Его сотрудники чувствовали, что они работают на самых передовых рубежах социально-психологической науки, создают новые методы и «добывают» новые феномены для науки. Это вдохновляло их и преисполняло чувством гордости.

Левин проявил незаурядную проницательность и организаторские способности в подборе своей команды. Она состояла из сотрудников, имевших и опыт работы, и жизненный опыт, и молодых студентов, которые на равных участвовали в дискуссиях, теоретических семинарах и исследованиях и сохраняли дух товарищества и взаимной поддержки, несмотря на острые интеллектуальные споры и разногласия.

Впрочем, возможно, соединение столь ярких индивидуальностей в единой команде в какой-то мере впоследствии создало и проблемы. Левин был мощным интегрирующим началом, как в интеллектуальном, так и в административном смысле. После его смерти фундаментальные разногласия, существовавшие между его главными последователями Фестингером и Липпитом, обострились. Фестингер был теоретиком, экспериментатором от «чистой» науки, а Липпит — практиком, сторонником прикладной социальной психологии. Картрайт пытался сохранить единство, но безуспешно. А больше уже некому было их объединить.

Левин был в Америке уже тринадцать лет. Он много работал, и его дни становились все длиннее. Помимо собственно исследовательской работы он вынужден был много заниматься работой организационной, равно как и финансовым обеспечением Центра. Ему приходилось много ездить, вести бесконечные переговоры, и теплые неформальные встречи в Айове с разговорами о психологии остались лишь воспоминанием. Проведение «действенных исследований», разнообразных встреч, семинаров требовало его присутствия в самых разных местах. Левин постоянно находился в пути между Вашингтоном, Нью-Йорком, собственным Центром и еще многими местами. Однажды он сказал коллеге, что когда был на войне, то иногда так уставал, что умудрялся засыпать, маршируя в колонне солдат. После одного из напряженных организационных дней в Нью-Йорке он едва не повторил этот боевой подвиг.

Поздним вечером 11 февраля 1947 г. Левин почувствовал себя плохо. Доктор констатировал сердечный приступ, но решил подождать до утра с госпитализацией. Через несколько часов сердечный приступ повторился. Курт Левин не пережил его. Он умер в возрасте 56 лет.

«Психология... будет наконец вынуждена обратиться к использованию... концепта пространства» (К. Левин)

В своем письме к В. Кёлеру, предпосланном книге «Принципы топологической психологии», К. Левин пишет: «Чрезвычайно интересуясь теорией науки, я уже в 1912 году, будучи студентом, защищал тезис… что психология, имея дело со множеством сосуществующих фактов, будет наконец вынуждена обратиться к использованию не только концепта времени, но и концепта пространства» [Lewin, 1936, p. VII].

Эта идея и дала психологической науке теорию Курта Левина с ее центральным концептом «психологического жизненного пространства». Опи-

сывая теорию поля, Левин отмечает, что ее основные положения сводятся к выведению поведения из всей совокупности сосуществующих фактов, пространство которых имеет характер «динамического поля», что означает, что состояние любой части этого поля зависит от любой другой его части [Lewin, 1940]. При этом ситуации и ее адекватному описанию вообще отводится важнейшее место в построении научной психологии.

Формулируя ее задачи, К. Левин указывает: «Необходимо найти законы, которые контролируют психологические события. Это означает, что нужно определить, в каких условиях различные типы психологических событий происходят и какие эффекты они имеют. Но знание законов само по себе не дает ответа на вопрос о том, почему в конкретном случае данный индивид ведет себя этим, а не иным образом. Даже если бы все законы психологии были бы известны, предсказание относительно поведения человека можно было бы сделать, только если бы в дополнение к законам была бы известна специфическая природа конкретной ситуации. Законы определяют функциональные отношения между различными характеристиками события или ситуации. Применение законов предполагает понимание отдельных случаев. Можно приложить закон, только если знаешь природу конкретного случая, с которым имеешь дело. Рассмотренные с этой точки зрения законы — это не более чем принципы, в соответствии с которыми происходящее событие может быть выведено из динамических факторов конкретной ситуации. <…> Определение законов является поэтому только одной стороной задачи объяснения психической жизни. С другой стороны, что имеет не меньшее значение и неразрывно связано с определением законов, встает задача репрезентации конкретных ситуаций таким образом, чтобы конкретное событие могло быть выведено из них в соответствии с принципами, данными в общих законах. Обычное описание ситуации не дает такой возможности. Это может быть сделано только средствами конструктивной репрезентации ситуации» [Lewin, 1936, p. 10–11].

Известная методологическая работа Курта Левина «Переход от аристотелевского мышления к галилеевскому» была написана им в 1927 г. За этим образным названием стоит призыв к принципиальному изменению теоретического подхода в психологической науке. Аристотелевский способ мышления Левин отождествляет с описательным подходом, который, в сущности, сводится к собиранию эмпирических фактов, их классификации и выделению на основе этого средних статистических характеристик. Этот «классификаторский» подход означает, что концепты рассматриваются как абстракции — от конкретных объектов до идеальных. Левин настаивает на ином пути — не от отдельных фактов к их обобщению, не от эксперимента к теории, но от теории к эксперименту. Это должен быть конструктивный, «галилеевский» подход, в соответствии с которым задачей психологической науки становится не обобщение конкретных повторяющихся событий и формулирование на основе этого законов, но построение достоверных

теоретических основ, дающих возможность предсказания индивидуальных явлений. В конструктивном подходе значение специфического феномена базируется на его существенных элементах. Фенотипические данные — данные, в которых подобие определяется в терминах скорее внешних, чем психологических характеристик, — должны быть трансформированы в язык психологических конструктов. Мы хотим получить общие психологические законы, которые могут быть применены к индивидуальным случаям. Но психология должна изучать не фенотипы, а генотипы. Мы должны найти такие психологические конструкты, которые помогут объяснить индивидуальное поведение или, например, индивидуальные различия между подростками, а не просто описать гипотетического типичного подростка. Левин не отрицает пользы дескриптивной статистики о группах индивидов, но такая статистика является не лучшим основанием для конструирования психологической теории, на которой могло бы быть основано понимание индивидуальной психологии. Как пишет Зейгарник, по Левину «критерием научной достоверности является не повторяемость единичных фактов, а, наоборот, единичные факты обретают научную достоверность лишь в контексте теории» [Зейгарник, 1981, с. 16–17].

В соответствии со своим пониманием принципов построения «новой» психологии, Левин считал, что «переход от аристотелевских к галилеевским концептам требует, чтобы мы более не искали “причину” событий в природе одиночного изолированного объекта, но во взаимоотношениях между объектом и его окружением. Не следует думать, что окружение индивида просто способствует проявлению или торможению тенденций, которые раз и навсегда упрочены в природе личности. Надеяться на понимание сил, управляющих поведением, можно только при включении в рассмотрение психологической ситуации в целом.

В психологии начало описанию целостной ситуации может быть положено грубым различением человека (P) и его окружения (E). Каждое психологическое событие зависит от состояния человека и в то же самое время от окружающих условий, хотя их относительное значение различно в различных случаях. Таким образом, мы можем выразить нашу формулу $B = f(S)$ для каждого психологического события как $B = f(P, E)$. Экспериментальные работы последних лет в различных областях психологии все более подтверждают эту двойную связь. Каждая научная психология должна принимать во внимание целостную ситуацию, то есть состояние как человека, так и среды. Это предполагает, что необходимо найти методы описания человека и окружающих условий в общих терминах как частей одной ситуации. В психологии нет понятия, которое объединяло бы и то, и другое. Слово “ситуация” обычно используется для обозначения среды. В дальнейшем мы будем использовать термин “психологическое жизненное пространство” для обозначения всей совокупности фактов, которые детерминируют поведение индивида в конкретный момент» [Lewin, 1936, p. 11–12].

Понятие психологического поля и созданная Левином теория поля по праву рассматриваются как одно из его наиболее значительных достижений, роль которого усиливается тем очевидным влиянием, которое как само понятие поля, так и теория поля оказали на идеи и последующие исследования в различных областях психологии.

В основу построения своей теории поля Левин кладет принципы, которые считает обязательными для научной психологии. В работе 1942 г. в качестве наиболее важных характеристик теории поля он указывает: на использование конструктивного метода в противоположность классифицирующему; динамический подход, объясняющий изменения как результат действия психологических сил; психологический подход, описывающий ситуацию на языке той совокупности фактов, которые существуют для человека в данный момент времени; опору на целостный анализ ситуации; использование систематического концепта причинности; математическое представление поля [Lewin, 1942].

Понятие психологического поля основано на представлении, что окружающий человека мир наделен определенной, позитивной и негативной, валентностью. Этот тезис не остался теоретическим постулатом. Левин предпринимает разнообразные попытки доказательства существования этого явления, его экспериментальной проверки и описания. В своем научном фильме, который уже упоминался в связи с выступлением Левина на Йельском международном психологическом конгрессе, он интерпретирует поведение восемнадцатимесячного ребенка, который кружится вокруг камня и пытается сесть на него, с точки зрения действия сил притяжения — отталкивания.

Окружающий человека мир и составляющие его объекты приобретают валентность только благодаря потребностям человека. Как пишет Зейгарник, «для К. Левина было важно установить, что окружающее психологическое “поле”, окружающая ситуация таят в себе возможность вызвать действие в направлении предмета с положительной валентностью или уйти от предмета с отрицательной валентностью. Это означает, что субъект с его внутренними заряженными системами и окружающая ситуация (“психологическое окружение”) составляют единый континуум» [Зейгарник, 1981, с. 46]. Левин предлагал рассматривать не отдельно действующего субъекта и отдельно окружающую его среду (ситуацию), а включающее и то, и другое целостное «жизненное пространство» индивида. Тогда поведение человека становится результатом реализации им своих актуальных возможностей в данном конкретном жизненном пространстве. Эта идея Левина и зафиксирована в его знаменитой формуле: поведение есть результат взаимодействия личности и ситуации. Причем, еще раз подчеркнем, личность и ситуация — это не две разные сущности, а единое целое, потому что ситуация фактически становится тем, чт*о* она есть («психологической ситуацией»), только благодаря личности, а личность в данный момент такова, какова ее ситуация, потому что всякая ее потребность непременным образом связана с ситуацией. Как

утверждает Зейгарник, Левин в своих лекциях часто повторял, что «нет потребности без предмета, способного ее удовлетворить» [Зейгарник, 1981, с. 46]. Сама природа валентности основана на свойстве объектов удовлетворять потребностям человека.

Таким образом, поведение человека направляется возникающими у него намерениями, в основе которых его потребности, а с другой стороны, и возникновение самих этих потребностей, и их реализация зависят от ситуации.

Что является содержанием психологического жизненного пространства? Левин указывает, что объекты физического мира с его «объективными» характеристиками должны быть включены в репрезентацию психологического жизненного пространства только в той степени и в том виде, в которых они влияют на индивида в его сиюминутном состоянии, а сама ситуация должна быть представлена такой, какой она в действительности является для индивида. Он предлагает называть их квазифизическими фактами. Аналогично К. Левин различает объективные социальные факты и квазисоциальные факты (например, членство в группе — это объективный социальный факт, а то, в какой степени это членство реально имеет влияние на индивида, относится к квазисоциальным фактам).

Психологическое жизненное пространство характеризуется Левином как множество возможных событий. И с теоретической, и с практической точки зрения важнейшей характеристикой ситуации, по его мнению, является то, что возможно и что невозможно для человека в данной ситуации. Каждое изменение психологической ситуации человека означает, что определенные события, которые прежде были «невозможны» (или «возможны»), сейчас являются «возможными» (или «невозможными»). И тогда задачей научной психологии становится понимание того, почему это и именно это поведение имеет место, а фокус интереса смещается от объектов к процессам, от состояний к изменениям состояния. Если жизненное пространство представляет собой совокупность возможных событий, тогда «предметы», которые входят в ситуацию, особенно сам человек и психологические «объекты», должны быть охарактеризованы их связью с возможными событиями.

Принципиальным для любой психологической системы является вопрос о методах описания ее основных феноменов. В соответствии с принципами теории поля анализ должен начинаться с рассмотрения ситуации в целом, после чего различные ее аспекты могут подвергаться все более детальному рассмотрению. В связи с необходимостью решения этой задачи Левин пишет: «В настоящее время мы не имеем адекватного научного метода описания психологического жизненного пространства. В соответствии с общими методами психологии исследование влияний окружающих условий начинается с классификации и статистики. Например, этими методами изучается средний уровень достижений “единственного ребенка” или “второго ребенка в семье с тремя детьми”. В исследовании медицинских случаев обычно можно найти более конкретные детали психологических

условий. Например, они дают превосходные описания домашних условий. Метод описания частично схож с тем, который, например, использует писатель-романист, пытаясь создать возможно более правдоподобную картину ситуации, выбирая экспрессивные выражения и подчеркивая значимые детали примерами. В общем, описания, которые могут быть наиболее ценными для науки, — это не те, которые делаются научными методами. Там, где в конкретное описание вводятся теоретические концепты, они часто выделяются как чуждые. Вместо научного описания они являются не более чем спекулятивной интерпретацией. Наиболее полные и конкретные описания ситуаций — это те, которые дали нам такие писатели, как Достоевский. Эти описания достигают того, чего наиболее явным образом лишены статистические характеристики, а именно создают картину, которая определенным образом показывает, как различные факты в окружающих индивида условиях взаимосвязаны друг с другом и с самим индивидом. Целостная ситуация описывается ее специфической структурой. Это означает, что отдельные факторы ситуации не являются характеристиками, которые могут быть сомнительным образом объединены "суммированием". Если психология должна делать предсказания относительно поведения, ей необходимо попытаться выполнить эту задачу концептуальными средствами. В выборе методов и концептов мы должны использовать прагматический критерий: мы должны найти концепты, на основе которых могут быть сделаны предсказания. Другими словами, наши концепты должны представлять взаимосвязи условий» [Lewin, 1936, p. 9–13].

Под психологической ситуацией, по Левину, можно понимать как общую жизненную ситуацию, так и, более конкретно, сиюминутную ситуацию. В качестве примера он приводит следующую иллюстрацию. Если мы описываем женщину, в определенный момент времени работающую на станке, огорченную тем, что она мало сделала за сегодняшнее утро, etc., — это будет сиюминутная ситуация. Но когда мы говорим об ее семье, отношениях с мужем, болезни ребенка и т. д., мы описываем ее жизненную ситуацию. Очевидно, что жизненная и сиюминутная ситуация взаимосвязаны. Общая жизненная ситуация образует своего рода основу для сиюминутных ситуаций, прямым или косвенным образом влияя на состояние человека, она в большей или меньшей степени определяет его реакции в сиюминутной ситуации. Например, цель относится к сиюминутной ситуации, но ее содержание предопределено прошлым человека, его целостной жизненной ситуацией.

Сам Левин с помощью своих учеников проводит уникальные экспериментальные исследования, которые являются не менее значительными, чем его теоретические идеи, и выполняются на их основе.

Поразительно, что многие из первых же, еще берлинских, впоследствии ставших знаменитыми экспериментов, выполненных под его руководством, — Зейгарник о незавершенных действиях, Хоппе об уровне притязаний, Дембо об аффекте, Биренбаум о забывании намерений, Карстен

о пресыщении — были всего лишь дипломными работами его студентов. Однако описанные ими явления и закономерности были не просто результатом остроумно задуманной и реализованной экспериментальной схемы. Постановка этих экспериментов была не самоцелью, хотя их красота и результативность были бы достаточным для этого оправданием. Заслужив славу экспериментатора, что, заметим, вполне справедливо, Левин, однако, был стопроцентным теоретиком, если понимать под этим не неспособность к экспериментированию или практическим действиям, а строгую приверженность логике академического исследования, где теория предшествует эксперименту, а не становится его последующим обоснованием и оправданием. Все упомянутые эксперименты, выполненные учениками Левина, были задуманы и спланированы им как проверка его теоретических положений. Получая их подтверждение или опровержение в одном эксперименте, он ставил следующий и двигался дальше, следуя своему знаменитому тезису: «Нет ничего практичнее хорошей теории».

Впрочем, существует не меньше оснований назвать Левина и стопроцентным экспериментатором. Дело не только в том, что его эксперименты были тщательно продуманы, спланированы, а данные проверялись и перепроверялись, и даже не в том, что Левин всю жизнь занимался экспериментированием (причем в чрезвычайно разных областях психологии и даже социальной науки в целом), но в принципиально ином, необычном для своего времени отношении к процессу экспериментирования.

В 1920-е гг., когда проводились эксперименты в группе Курта Левина, существовал жесткий канон экспериментирования, в соответствии с которым ситуация эксперимента должна быть максимально очищена от любых посторонних влияний, в том числе — или в первую очередь — от влияния самого экспериментатора. Молчаливо принимается, что пассивное поведение экспериментатора, его «неучастие» в процедуре обеспечивает стерильную чистоту лабораторной культуры. Однако Левин не только не «выносит за скобку» присутствие экспериментатора, но и честно принимает вызов реальной ситуации, отказываясь от этого, очевидно сомнительного допущения. Он утверждает, что участие испытуемого в эксперименте само по себе становится механизмом, порождающим у него потребность выполнения задания. Тем самым он включает саму ситуацию эксперимента в предмет своего исследования, а возникающие при этом явления — в свои теоретические рассуждения. Если бы эта линия подхода к экспериментированию с человеческими феноменами была продолжена, возможно, лабораторное экспериментирование впоследствии не стало бы объектом столь жесткой критики за свою искусственную природу и нерелевантность реальной жизненной феноменологии.

С самого начала в своих исследованиях Левин исходит из уникальности человеческой природы. Его первые же эксперименты по изучению квазипотребностей как детерминант поведения человека опирались на их понимание как чисто человеческих особенностей. Как в связи с этим пишет Зейгарник,

«известный психолог Гельб афористично говорил, что, по Левину, “бессмысленное действие может осуществить только человек”. Величие человека, его специфическая характеристика и состоит в том, что он может сделать то, что для него биологически безразлично» [Зейгарник, 1981, с. 29]. Тем самым Левин входит в открытую оппозицию с типичными для того времени экспериментами бихевиористов на животных и их представлениями о том, что их результаты прямо могут использоваться для понимания и интерпретации поведения человека.

Бергел, Голд и М. Левин подчеркивают, что «начиная с периода работы в Берлинском университете под влиянием новой школы гештальтпсихологии до его последующих работ в области социальной психологии и групповых процессов Левин отвергал традиционную атомистическую, позитивистскую, редукционистскую, Уотсоновскую бихевиористскую философию науки для психологии. В те годы многие психологи по обе стороны Атлантического океана верили, что просто невозможно развивать строгую научную психологию, которая была бы одновременно гуманистической и ценностно ориентированной. Некоторые психологи сомневались, что эти два подхода совместимы. Во времена Левина было принято думать, что вы должны выбирать либо одно, либо другое» [Bargal et al., 1992, p. 4].

Возможно, сегодня молодым психологам не так легко понять, что это означало для развития психологии. Фактически, речь идет о понимании проблемного поля психологической науки и ее предмета в целом. «Научный» подход исключал саму возможность научного изучения таких явлений, как представления человека или его ожидания, его цели и желания, которые рассматривались едва ли не как эпифеномены. Левин, его коллеги и ученики сделали предметом не просто научного рассмотрения, но экспериментального изучения такие феномены, как потребности и интенции человека, его цели, мотивы, когнитивные явления, в том числе когнитивный диссонанс, процессы атрибуции и т. д., которые сегодня занимают не просто законное, но в известном смысле и почетное место в пространстве психологической феноменологии.

Одним из наиболее существенных положений теоретического подхода Левина (вызвавшим, по отзывам его коллег, и самое большое число дискуссий) является предпочтение систематического концепта причинности историческому. Теория поля в физике исходит из того, что поле здесь и сейчас зависит от состояния поля в непосредственно предшествующий момент времени. Подобно этому Левин подчеркивал, что психологические события, т. е. изменения в жизненном пространстве, могут быть объяснены в терминах свойств поля в момент, предшествующий происходящим событиям. В соответствии с теорией поля поведение не зависит ни от будущего, ни от прошлого, но единственно от поля, существующего в данный момент времени. Это не значит, что жизненное пространство лишено временной перспективы, оно включает «психологическое прошлое», «психологическое

будущее» и «психологическое настоящее», являющиеся измерениями жизненного пространства в данный момент времени. «Временной перспективой» Левин называет совокупность представлений индивида о его прошлом и будущем. Но только состояние поля «здесь и теперь» становится единственной детерминантой поведения в данный момент.

Жизненная история человека может быть рассмотрена как последовательность полей, каждое из которых характеризует определенную стадию его жизни. При этом в ходе развития происходит увеличение временной перспективы: у маленького ребенка она ограничена ближайшим прошлым и ближайшим будущим, но по мере взросления на актуальное поведение человека начинают оказывать влияние все более отдаленные события его прошлого и будущего.

Таким образом, по Левину, прошлые события занимают определенное место в исторической причинной цепи событий, сплетения которой порождают сегодняшнюю ситуацию; тем самым никак не отрицается значение прошлого в детерминации актуальных условий. Однако данный тезис Левина очевидно оппозиционен психологическим интерпретациям происходящего с человеком через «действие на расстоянии».

Курт Левин, по свидетельству Росса и Нисбетта, был интеллектуальным оппонентом Фрейда. Главным объектом его критики, что и нетрудно было бы предположить, зная основные теоретические идеи Левина, являлась недооценка психоанализом ситуационных влияний и соответственно преувеличение роли «исторического» фактора в детерминации психических явлений и поведении человека. Интерес Левина к ситуациям никак не означает отрицания им роли личностных факторов, однако его концепт «жизненного пространства» строился на признании динамичного, изменчивого характера детерминации поведения человека за счет действия внешних и внутренних сил. Актуальные ситуационные влияния могут при этом оказывать более мощное влияние, чем личностные детерминанты. Таким образом, как красиво пишут об этом Росс и Нисбетт, «история — это не обязательно судьба» [Росс, Нисбетт, 1999, с. 362].

Сегодня, как известно, ни один психологический подход не отрицает совместного влияния личностных и ситуационных факторов на поведение человека. Различия между классическими направлениями психологии в этом вопросе фактически связаны с тем, какую роль играют те или другие факторы в детерминации поведения человека. Так, для классического психоанализа типично представление о бесспорном доминировании личностных особенностей человека, о ведущей роли интрапсихических факторов в детерминации поведения человека, а ситуация часто становится лишь фоном, более или менее благоприятным, на котором проигрываются эти личностные особенности и разворачивается «личностный сценарий». Природа человека для Фрейда мало изменчива, а его поведение управляется неосознаваемыми психическими конфликтами. Для классического бихевио-

ризма, напротив, поведение человека столь сильно может быть подвержено влиянию ситуативных факторов, что его личностные особенности выполняют роль едва ли не промежуточных переменных в их категорической формуле «стимул — реакция». Чего стоит, например, только одно знаменитое высказывание Уотсона о возможности «вылепить» из человека что угодно! Как на вопрос о соотношении личностных и ситуационных факторов в детерминации поведения отвечает Левин?

Его позиция в этом вопросе и развитые им представления могут оказаться чрезвычайно перспективными для такой важнейшей области психологии, как психология ситуаций. В своей работе 1941 г. Левин, касаясь вопроса о взаимозависимости человека и среды, пишет о том, что маленький ребенок беспомощен перед воздействиями актуальной ситуации, но чем старше он становится, тем легче ему противопоставить себя этим воздействиям, встать «над» ситуацией. Это является результатом не только расширения временной перспективы, но и увеличения дистанции между эго и средой. Чем больше дистанция между ними, тем менее жесткой будет взаимозависимость между психологической личностью и психологической средой. Взрослый человек будет воспринимать конкретную физическую среду как ту или иную психологическую ситуацию в зависимости от своих потребностей, целей, устремлений в данный момент [Lewin, 1941].

Рассказ Зейгарник об одном из экспериментов служит забавной иллюстрацией сказанному. Испытуемый приглашался в лабораторию для изучения тех или иных психических явлений. Под предлогом срочного звонка экспериментатор оставлял испытуемого одного в комнате, в которой на столе были разложены книга, карандаш, колокольчик, распечатанное письмо, стоял шкафчик, прикрытый занавеской из свисающих ниток бисера, и другие предметы. За испытуемым наблюдали с помощью зеркала одностороннего ви́дения из другой комнаты. Все без исключения испытуемые (а Зейгарник специально подчеркивает, что среди них были не только студенты, но и сотрудники Берлинского психологического института, преподаватели, профессора, и она сама в том числе) производили какие-то манипуляции с предметами — смотрели книгу, трогали бисерную занавеску и т. д., и все до одного звонили в колокольчик. Интерпретируя их поведение, Левин говорил, что, поскольку участники данного эксперимента оказывались в ситуации, которая не была для них связана с какой-то осмысленной деятельностью, их поведение становилось «ситуативно обусловленным», «полевым», в котором они фактически подчинялись валентности объектов. В тех же случаях, когда человек идет за своей потребностью, мы имеем намеренное, «личностное» действие.

Упомянутая схема использовалась и в других экспериментах, общим результатом которых оказались наблюдения за «полевым» поведением испытуемых, подчинившихся власти «поля», и об их способности стать «над полем» и осуществлять намеренные действия. Разнообразные примеры «полевого

поведения» объединяет «откликаемость» человека на внешние воздействия. Напротив, способность противостоять «силам поля», не действовать под его влиянием характеризует, по Левину, волевое поведение.

Но тогда поведение человека становится не просто функцией взаимодействия человека и ситуации, а определяется «силой» ситуации и «силой» человека как в общем, так и в данном конкретном случае. При анализе «полевого» и «волевого» поведения человека мы должны были бы принять во внимание не просто особенности личности и особенности ситуации, но характеристики и человека, и его ситуации в данный конкретный момент времени, «здесь и теперь».

Сошлемся на обобщение современных представлений о соотношении личностных и ситуационных детерминант поведения человека. М. Дойч в связи со своими работами о кооперативном и конкурентном поведении человека пишет о сложном переплетении факторов, его определяющих. При этом он суммирует сложившиеся в психологии представления следующим образом. Индивиды заметно отличаются друг от друга по степени проявления последовательности личностных черт в различных социальных ситуациях; те, кто более ориентирован на использование ситуативной информации, обнаруживают меньшее постоянство.

Некоторые ситуации обладают «сильными» характеристиками: в этих ситуациях, несмотря на личностные различия, проявляются незначительные индивидуальные вариации в поведении; ситуации со «слабыми» характеристиками допускают большее проявление индивидуальных различий.

Ситуации также различаются с точки зрения их влияния на возникновение у человека соответствующих диспозиций. Возможно также, что существует тенденция к некоторой конгруэнтности между личностными диспозициями и ситуативными стратегиями, приводящая к тому, что люди с определенными типами диспозиций будут выбирать определенные типы социальных ситуаций, соответствующие их диспозициям [Deutsch, 1994].

Другой важнейший принцип Левина, вытекающий из его теории поля и являющийся аксиоматичным для современной психологии, — это его методологическое требование к описанию ситуации в интерпретации самого действующего субъекта: описание ситуации должно быть «субъективным», а не «объективным», то есть она должна рассматриваться с позиций самого человека, а не с позиций внешнего наблюдателя.

Именно благодаря работам К. Левина, а также других представителей когнитивного феноменологического подхода в психологии, независимо от приверженности психолога преимущественно «личностному» или «ситуационному» объяснению поведения, фактически общепринятым становится представление о том, что «поведение определяет не ситуация, которая может быть описана “объективно” или по согласованному мнению нескольких наблюдателей, а ситуация, как она дана субъекту в его переживании, как она существует для него» [Хекхаузен, 1986, т. 1, с. 22]. С. Страйкер, обсуждая тенденции в развитии

социальной психологии в конце 1970-х гг., указывает в качестве одной из важнейших тенденций на «общую волну… феноменологического мышления», благодаря которой субъективность обретает законный и респектабельный статус в психологии. По его мнению, самую большую роль в «прорыве» субъективности в психологию сыграл К. Левин, теория поля которого описывает среду как воспринимаемую и переживаемую субъектом [Stryker, 1977].

В сущности, речь идет об одной из фундаментальных методологических проблем, которая берет свое начало в старом вопросе философии о соотношении объективного «внешнего» мира и субъективного «внутреннего» мира человека, об отражении «объективного» в «субъективном».

В психологии неоднократно предпринимались попытки терминологического различения объективных и субъективных аспектов ситуации и окружающей среды в целом. Коффка проводит разграничение между географической и поведенческой средой, Мюррей пишет об «альфа»- и «бета»-ситуациях, Роттер — о «психологической ситуации» и т. д. Во всех этих и других случаях речь идет о концептуальном разграничении между объективным «внешним миром», оказывающим влияние на человека, и субъективным «внутренним миром», отражающим то, как человек воспринимает среду и реагирует на нее. И именно в работах Курта Левина было преодолено жесткое противопоставление внутренних (персональных) и внешних (ситуационных) факторов, поскольку он был убежден; что следует говорить не отдельно о действующем субъекте и о психологическом окружении, а о включающем и то и другое «жизненном пространстве индивида». Так была заложена традиция (поддержанная идеями У. Томаса об «определении ситуации» и Р. Мертона о «самовыполняющемся пророчестве»), в соответствии с которой современный психолог давно уже не считает, что человек просто реагирует на ту или иную ситуацию, но исходит из того, что он сам создает тот мир, в котором живет.

В своей работе 1943 г. Левин пишет, что теорию поля, в сущности, нельзя считать верной или неверной, поскольку ее точнее назвать методом — методом анализа причинных связей и построения научных конструктов [Lewin, 1943]. Методом, который сам Левин успешно использовал для научных исследований в самых разных областях психологии.

«Социальные психологи-практики просто обречены быть ситуационистами» (Росс, Нисбетт). Не обречен ли ситуационист стать социальным психологом?

Росс и Нисбетт пишут о ситуационизме, субъективизме и теории поля как о трех стратегических и наиболее важных идеях социальной психологии. Первый принцип посвящен ситуационным влияниям. Второй говорит о значении субъективной интерпретации ситуации человеком. Третий предлагает рассматривать явления психической жизни человека и группы в качестве

полей, характеризующихся действием побуждающих и сдерживающих сил. Описание всех этих положений неразрывно связано с именем Курта Левина. Свою книгу авторы предлагают нам «как приглашение воздать должное великой традиции, восходящей к Курту Левину и видящей задачу фундаментальной теории в первую очередь в анализе социально значимых феноменов реального мира, а в конечном счете — в осуществлении эффективных социальных преобразований» [Росс, Нисбетт, 1999, с. 29]. Они считают, что представления теории поля К. Левина позволяют сформулировать положения, которые «акцентируют внимание как на динамических процессах, сдерживающих изменения, так и на динамических последствиях самих изменений, которые могут происходить как в рамках социальных систем, так и внутри когнитивной системы отдельного индивида» [Росс, Нисбетт, 1999, с. 28]. Тезис о том, что «социальный контекст пробуждает к жизни мощные силы, стимулирующие или ограничивающие поведение», они называют основным положением ситуационизма Левина.

На протяжении всей своей блестящей книги Росс и Нисбетт постоянно подчеркивают роль Левина как основателя традиции ситуационизма. Сами авторы, как известно, немало сделали для развития и упрочения этой традиции и распространения представлений, в соответствии с которыми «социальные психологи-практики просто обречены быть ситуационистами» [Росс, Нисбетт, 1999, с. 328]. Перефразируя их замечательное высказывание, можно задаться вопросом, а не обречен ли ситуационист быть социальным психологом? Точнее, если мы откажемся от академического разделения психологической науки на «отдельные психологии», не ведет ли ученого последовательное развитие идей ситуационного подхода к неизбежному интересу к межличностным и социальным проблемам жизненного пространства человека?

Путь Курта Левина был именно таким. В цитировавшихся нами биографических воспоминаниях о Левине приводилась точка зрения его дочери, в соответствии с которой обращение Левина к социальной психологии и вообще социальным проблемам произошло под влиянием различных событий, в том числе трагического опыта его жизни. Такой взгляд невозможно оспаривать. Однако все же вряд ли такой переход был бы возможен, если бы к нему не вела сама логика научной мысли Левина, логика развития темы всей его жизни — исследования жизненного пространства индивида с его социальными свойствами.

Разрабатывая идею жизненного пространства, Левин естественным образом обращается к его социальному содержанию. Человек, пишет он, с самого детства формируется социальной ситуацией, все его поведение, поступки, цели, уровень притязаний, эмоциональные реакции и т. д. определяются социальными влияниями. Именно психология, по его мнению, прежде всего экспериментальная, призвана решить задачу, имеющую особенное значение для всех социальных наук, — задачу описания социального влияния на поведение людей.

Социальная психология имеет дело с множеством разнородных фактов социологического (особенности социальных групп, их организации, специфика сообществ разного рода и т. д.), культурного («ценности», «идеологии», «стиль жизни» и др.) и собственно психологического характера (особенности личности). Кроме этого, психологическая теория должна, по Левину, учесть «физиологические» (например, здоровье человека) и «физические» факты (пространство проживания).

Научное рассмотрение всех этих фактов, настаивает Левин, не должно следовать привычным «классификаторским» путем раскладывания их по разным «полкам». Только конструктивный подход может помочь объединению разнородных фактов. При этом наука должна ориентироваться на описание проблем, а не данных (сегодня мы говорим о том же самом, различая «проблемно-ориентированное» и «предметно-ориентированное» научное знание).

Напомним, что свою теорию поля Левин считал не просто набором теоретических положений, но методом научного анализа и исследования. Это в полной мере проявилось при разработке проблем социальной психологии.

В своей работе 1939 г., посвященной теории поля и эксперименту в социальной психологии, Левин указывает на следующие основные приложения его теоретических принципов к области социальных исследований. Это прежде всего, как постоянно указывает практически во всех своих методологических работах Левин, необходимость свести воедино, связать на общей основе разнообразные факты индивидуальной и социальной психологии. Конструкты, которые могут способствовать решению этой задачи, должны описывать объекты (события, характеристики) с точки зрения их взаимосвязей, взаимозависимости, а не сходства-различия. Научное исследование должно идти не от изолированных фактов к их «синтезу», а наоборот, от «общего взгляда» к конкретности. Поведение человека зависит от состояния поля в целом. Отдельный его элемент, факт или событие, их значение определяются его местом в целостном поле.

Все используемые конструкты должны быть операционализированы, т. е. представлены в такой форме, которая позволяет соотносить их с конкретно наблюдаемыми объектами, фактами или событиями. Другой, не менее важный процедурный вопрос — это надежность собираемых данных. Традиционное изучение изолированных объектов и их параметров несовместимо с представлениями теории поля. В частности, говорит Левин, понимание смысла поведения человека не может быть достигнуто вне социального контекста, без наблюдения за группой в целом, ее атмосферой, групповыми явлениями и т. д., через которые только и можно прийти к выяснению позиции и роли в этой группе индивида, что не может быть выявлено наблюдением, сфокусированным только на самом изолированном индивиде.

Проблемам методов достоверного изучения социального поведения Левин вообще придает особое значение. Читая его работы, понимаешь, насколько не в его правилах обходить сложные вопросы, которые при желании

можно было бы счесть мелочами, а влияние этих неучтенных факторов — погрешностью в пределах допустимого.

Бихевиористская традиция с ее требованиями к объективности методов получения психологических данных, казалось, вообще поставила под сомнение возможность строгого научного изучения социальных феноменов. Левин пишет в связи с этим, что если мы не научимся разграничивать «наблюдение» и «интерпретацию» при исследовании социальных явлений (например, наблюдать дружественные или агрессивные действия, а не выводить их на основе интерпретации прямо наблюдаемых других фактов), научную социальную психологию следует признать невозможной. Однако, замечает он, обыденный опыт заставляет думать, что мы способны понимать социальное значение поведения друг друга. Более того, наше социальное восприятие не может не быть достаточно адекватным в большинстве случаев, в противном случае социальное выживание людей оказалось бы под вопросом.

Левин считает методологически ошибочным для психологии выбирать в качестве объектов своего изучения сколь возможно мелкие единицы. В стремлении к максимальной точности результатов исследователь «упрощает» предмет своего внимания, фактически упуская при этом из виду значение поведения и происходящих событий. Литература по социальной психологии и сегодня изобилует данными такого «поэлементного» изучения социальных явлений, которое не приводит ни к какому результату. Например, Аргайл, Фернхам и Грахам в своей работе «Социальные ситуации» приводят следующий факт: разнообразные ситуации (поведение маленьких детей, семейное взаимодействие, совещание и переговоры, взаимодействие между доктором и пациентом, поведение в школьном классе, психотерапевтические интервью) наблюдались и описывались по ряду параметров, таких как используемые вербальные категории, содержание речевых высказываний, невербальные коммуникации, действия (физические, телесные). Однако результаты оказались разочаровывающими: несмотря на то что каждая из фиксируемых категорий данных «работала» в каком-то отношении, ситуационная специфичность была утрачена [Argyle, Furnham, Graham, 1981].

Левин формулирует эту проблему как выбор адекватной размерности единицы исследования, что означает и выбор самого объекта изучения, и определение временного периода этого изучения, достаточного для выявления интересующей динамики, и выбор ситуации наблюдения. При этом конкретное определение объекта исследования не исключает необходимости соотнесения получаемых данных с более крупными социальными единицами, частью которых он является. Это означает, например, что, изучая группу, важно уточнить, какие элементы ее групповой жизни навязаны ей более широкими социальными условиями или организацией, в которую она входит.

В те годы, когда Левин пишет свои работы о методологии социальной психологии, ее возможности были гораздо более развиты в отношении групп

непосредственного общения, чем более крупных социальных единиц. Сложности их исследования понятны, и Левин предлагает использовать в качестве средств их изучения анкетирование и интервьюирование. Но и тут он не удовлетворяется имеющимися возможностями, напоминая нам, что ответы человека на вопросы — это не констатация факта, но скорее реакция на ситуацию, которая определяется не только задаваемым вопросом, но и другими факторами (ситуацией этого человека, его особенностями и др.); в этом смысле любые вопросники представляют собой своего рода проективный материал. И поэтому, заключает Левин, нам необходима особая теория анкетирования и интервьюирования.

Выход в более широкое пространство социальной жизни понятным образом требует и выхода за пределы экспериментирования с лабораторными группами — к экспериментированию с реально существующими социальными группами. Эксперименты с реальными социальными группами (которые и сегодня, а не то что во времена Левина, еще воспринимаются скорее как нечто исключительное) Левин считал обязательным условием получения надежных данных в ответ на наиболее значимые вопросы социальных наук. А эти ответы становятся тем более необходимыми, если мы не просто развиваем теорию, но заинтересованы в социальных изменениях.

В исследовании социальных проблем соединяется его талант теоретика и экспериментатора. Левин верил, что любая социальная проблема может изучаться научными методами с использованием систематических измерений, строгой фиксацией данных, надежным подбором наблюдателей, контрольных групп, сравнения групп и т. д., настаивал на тщательном конструировании как операциональных, так и концептуальных определений.

В области экспериментов с группами в социальной психологии Курту Левину нет равных.

Для американской социальной психологии с ее склонностью к преимущественному изучению индивидуальных психических явлений (которая имела достаточно продолжительный характер, по свидетельству Росса и Нисбетта) подход Левина открывал новые перспективы. Первая научная школа, в которой когда-то начиналась его профессиональная деятельность, была традиция гештальтпсихологии Кёлера, Вертгеймера и др. Невозможность рассмотрения групповых феноменов («целого») через совокупность индивидуальных («частей») была для него очевидной. «Целое отличается от суммы его частей», — подчеркивает Левин, что, по его мнению, звучит точнее, чем традиционное «Целое больше суммы его частей». Его неприятие «атомистического» подхода в исследованиях проявлялось в его усилиях по созданию таких концептов, которые относились бы и к индивиду, и к малой группе, и к более широкой культуре.

Левин был первым из современных психологов, начавшим работы в области групповой динамики. Г. Олпорт в предисловии к «Разрешению социальных конфликтов» пишет о том, что большинство психологов были так

поглощены изучением характеристик психической жизни индивида, что забывали о тех основах социальных групп, которые определяют эти характеристики. Он считает выдающимся вкладом Левина его демонстрацию того, что взаимозависимость индивида и группы может быть лучше понята, если мы будем использовать новые подходы и концепты.

Левин в соответствии с его методологическими представлениями исходил из понимания группы как динамического целого, основанного на взаимозависимости ее членов. Нередко используемый для определения групп параметр сходства участников не выдерживает критики. Например, говорил Левин, мужчина, женщина и ребенок из одной семьи могут обнаруживать бóльшие различия между собой, чем мужчина по отношению к другому мужчине того же возраста и социального слоя, или женщина по отношению к другой женщине, или этот ребенок по отношению к другим детям. Более того, для хорошо организованной группы с высокой степенью единства типично включать набор членов, которые отличаются друг от друга или которые имеют различные функции внутри целого. Не подобие, но определенная взаимозависимость членов создает группу. Существенными характеристиками этой взаимозависимости, по Левину, являются ее вид, степень и возникающая на ее основе групповая структура. Понимая группу как «динамическое целое», он считал, что она определяется не столько подобием индивидов, ее составляющих, сколько «общностью судьбы». (Этот концепт впоследствии использовался, был развит и экспериментально изучен следующими поколениями когнитивистов, в том числе в европейской традиции.)

На основе предложенного Левином понимания группы им самим и его учениками были развиты такие концепты, как групповая сплоченность, групповая коммуникация, кооперация, групповое принятие решений и т. д. Психологическое понимание группы естественным образом приводит Левина к формулировке тезиса о влиянии группы на индивида и о необходимости учета этого влияния для лучшего понимания поведения индивида.

С самого начала своего социального экспериментирования Левин задается вопросом о методологии и технологии социальных изменений: если мы планируем изменения в тех или иных аспектах группового существования, какие его условия должны быть изменены, чтобы дать нужный результат, и как их следует изменить?

Для ответа на этот вопрос необходимо обращение к анализу поля в целом. Жизнь группы, по Левину, это результат констелляции сил, действующих в рамках более широких условий или ситуации. Значит, чтобы понять возможные изменения в группе, мы должны проанализировать силы, действующие в поле ее существования, которые позволят нам увидеть возможные цели нашего воздействия, направленного на нужные изменения.

В социально-психологических и социальных экспериментах Левина главным предметом его внимания были ситуационные факторы влияния на поведение. Напомним, что традиционно для того времени поведение скорее

рассматривалось как результат личностных особенностей и личностных диспозиций индивида.

Одним из наиболее знаменитых был эксперимент, проведенный Левином вместе с его коллегами Липпитом и Уайтом в 1939 г., по влиянию авторитарного и демократического климата на отношения членов группы и групповые явления. Используя разные типы лидерства, они показали, как факторы непосредственного окружения человека оказывают влияние на его поведение в группе.

Основные вопросы, которые волновали исследователей, были связаны с тем, какова природа демократического лидерства и при каких условиях оно может быть эффективным. В соответствии с этим была сформулирована задача выявления того, в какой степени и каким образом поведение лидеров определяет групповое поведение. Левин подчеркивает, что цель этого эксперимента состояла в том, чтобы создать соответствующую среду — ситуацию с разными условиями. Первоначально использовались два типа лидерства. В одном случае лидер целиком определял деятельность группы, он должен был говорить, что и как делать, распределять задания, формировать работающие пары, оценивать и критиковать работу и т. д., одним словом, доминировать над группой — так создавалась атмосфера авторитарного лидерства. Во втором случае цели и средства их достижения устанавливались в результате группового обсуждения, участники всегда имели право выбора действий, сами распределяли работу и подбирали себе напарников, в своих оценках руководитель стремился к объективности и скорее старался быть членом группы, чем ее руководителем, что в целом, по мнению исследователей, и составляло суть демократического стиля.

Одиннадцатилетние дети, которые собирались после школы и занимались разными поделками, были разделены на две группы по пять человек в каждой. Они встречались одиннадцать раз, и ими руководил один и тот же человек, который в одной группе играл роль демократического лидера и создавал демократическую атмосферу, а в другой — роль авторитарного лидера. Пятеро наблюдателей фиксировали особенности поведения лидера и детей, количество и характер действий лидера и т. д.

Анализируя результаты, экспериментаторы пришли к следующему выводу: хотя группы действовали в одних и тех же условиях, между ними быстро возникали различия, а к последним встречам контраст становился разительным. В автократически управляемых группах наблюдалось больше ссор и враждебности, тогда как демократические группы демонстрировали большую дружественность и для них был характерен дух группы.

Далее эксперименты были повторены, использовалось большее число групп, осуществлялся более строгий контроль над группой и ее деятельностью. С этим экспериментом связан любопытный факт. Вот как об этом рассказывает Рональд Липпит. «Во время первой или второй встречи четырех групп одиннадцатилетних мальчиков-добровольцев, Ральф (Уайт. — *Н. Г.)*,

сначала исполнявший предписанную ему роль демократического лидера, начал вести себя совершенно иначе, чем это предполагалась ролями демократического лидера, как мы их определили. Он очевидным образом получал другой эффект в терминах ответов детей. У Курта, наблюдавшего за этим, поскольку он стоял за занавеской и снимал происходящее на камеру, появился блеск в глазах, когда он увидел базисное генотипическое различие между демократическим паттерном и тем, что мы назвали "laissez-faire"[2] стилем лидерства. Так, вместо того чтобы скорректировать стиль Ральфа, мы усилили его до чистого случая "laissez-faire" паттерна и запланировали для других лидеров использование той же роли, чтобы получить более полный анализ динамики различий. Это изменение является хорошим примером креативности Курта» (цит. по: [Marrow, 1969, p. 124]). Так в схему эксперимента был добавлен третий тип лидерского поведения.

Используемый стиль лидерства как основная переменная в данном эксперименте оказался значимым фактором, породившим заметные различия в отношениях членов групп друг к другу и других явлениях, возникавших в групповом взаимодействии.

Результаты были впечатляющими. Марроу описывает их следующим образом. В автократической атмосфере мальчики утрачивали инициативу, оставались неудовлетворенными, становились агрессивными и враждовали друг с другом, они действовали поодиночке, не ориентируясь на интересы других и групповые цели, наблюдалась склонность к поиску «козлов отпущения». Последнее было зафиксировано и в группах со стилем "laissez-faire". Исследователи приписывали это явление фрустрации вследствие недостаточного лидерства. Результатом было сильное чувство неадекватности, облегчавшееся насмешками над менее компетентными и предпочитаемыми членами группы. Преимущество демократического лидерства было явно ощутимо во всех группах. Эксперименты доказали прямую связь между групповой атмосферой и уровнем напряжения отдельных членов групп и показали, как социальная атмосфера может влиять на чувство взаимозависимости и взаимодействие. Так, в группе с демократическим стилем вдвое чаще имели место «Мы»-ориентированные высказывания, чем в автократической атмосфере, где доминировали «Я»-ориентированные заявления. Авторитарная атмосфера делала детей более уступчивыми, фактически комформными по отношению к лидеру и менее уступчивыми по отношению друг к другу.

Полученные данные вполне согласовывались с представлениями теории поля. Автократическое лидерство создает сдерживающее поле, которое, порождая фрустрацию, ведет к росту внутренней агрессии, которая может быть уменьшена, если человек принимает позицию «слепого повиновения». (Левин приводит в качестве примера культуры Германии и Японии, где, по его мнению, такого рода установка довольно сильна [Lewin, 1947].)

---

2 Будь что будет (*фр.*).

У Левина результаты исследования вызвали чувство глубокого удовлетворения, поскольку они подтвердили его глубокую веру в преимущество демократической системы. «В целом, — писал он, — я думаю, это является достаточным доказательством того, что различия в поведении в автократической и демократической ситуациях не являются следствием индивидуальных различий. Немногие эксперименты произвели на меня такое впечатление, как наблюдение за выражением на детских лицах во время первого дня автократического лидерства. Группа, которая была дружественной, открытой, кооперативной и полной жизни, в течение какого-нибудь получаса становилась апатично выглядящим безынициативным собранием. Изменения от автократии к демократии, похоже, занимали больше времени, чем от демократии к автократии. Автократия сильнее воздействует на индивида. Демократии нужно учить!» (цит. по: [Marrow, 1969, p. 126–127]).

Несколько экспериментов были посвящены «групповому принятию решений». Именно эта серия экспериментов, по словам Росса и Нисбетта, способствовала рождению «фундаментального открытия Левина, знакомого теперь целым поколениям специалистов по психологии организаций и руководителям “тренинговых групп”. Дело в том, что при попытке заставить людей изменить привычные для них способы действия социальное давление со стороны неформальной референтной группы и налагаемые этой группой ограничения представляют собой наиболее мощную силу (сдерживающую изменения или вызывающую их), которая может быть использована для достижения успешных результатов» [Росс, Нисбетт, 1999, с. 43–44].

Один из этих знаменитых экспериментов был направлен на изменение привычек питания. Ему предшествовало исследование того, «почему люди едят то, что они едят». Превосходное описание его результатов Левин приводит в своей работе «Психологическая экология» (1943) в качестве иллюстрации применения полевого подхода к изучению культурных и групповых феноменов. Были описаны каналы, по которым еда попадает на стол, выявлены «контролеры» этих каналов (в подавляющем большинстве случаев женщина-хозяйка), когнитивные установки по отношению к разным видам еды (ее физическая и «культурная» пригодность, специфические требования к еде для детей и мужчин, особенности еды на завтрак, обед и ужин и т. д.), мотивационные факторы (ценностные аспекты, пищевые потребности и др.), проблемы покупки и многие другие аспекты. На основании полученных данных стало возможным ставить вопрос об изменении сложившихся привычек питания.

С этой практической проблемой американцы столкнулись во время Второй мировой войны из-за нехватки традиционных продуктов питания, которые можно было компенсировать качественными, но непривычными продуктами. Попытки влияния на сознание людей обычными способами — через средства массовой информации, просветительские меры, разные формы агитации и т. д., оказались неуспешными. Левин предложил исполь-

зовать принцип дискуссионных групп. Сама процедура была чрезвычайно простой. После небольшого вступления ведущего участники группы обсуждали между собой, как можно побудить людей к использованию новых продуктов питания.

Результаты были ошеломляющими. Росс и Нисбетт приводят следующие цифры: после весьма информативной лекции лишь 3 % присутствующих отваживались на пробу хотя бы одного из новых блюд, а из тех домохозяек, которые участвовали в дискуссии, — 30 %.

Не менее впечатляющие результаты были получены и при проведении экспериментов на предприятии по поиску эффективных процедур внедрения изменений. Традиционное объявление работникам о предстоящих изменениях в технологическом процессе и соответствующей коррекции оплаты труда вызвало немедленную негативную реакцию, возмущение и враждебность работников, а также увольнение части из них, падение производительности труда, которая частично восстановилась лишь через два месяца. В другой процедуре рабочих предварительно информировали о предстоящих изменениях, затем их представителей отдельно собирали для встречи с руководством и обсуждения новых методов работы. Этот способ оказался безусловно более эффективным: ранее отмеченных негативных реакций (падение морального духа, ухудшение отношений с руководством, увольнения) не наблюдалось, прежний уровень производительности труда восстановился за две недели. Но особенно эффективной оказалась третья процедура, в которой все работники принимали участие в активном обсуждении способов внедрения технологических изменений: незначительный спад производительности труда наблюдался в течение всего лишь одного дня, зато его последующий рост превысил первоначальный уровень на 15 %, а негативных реакций со стороны рабочих не было вообще.

Объясняя этот и другие результаты экспериментов по принятию решений, Левин утверждал, что мотивация сама по себе не является достаточным фактором для начала изменений. Эта связь обеспечивается решениями. Процесс принятия решения, который может занимать только несколько минут, может повлиять на поведение на многие последующие месяцы. Решение, похоже, имеет «замораживающий» эффект, который частично является следствием индивидуальной тенденции «оставаться верным своему решению», а частично — «обязательств перед группой» [Marrow, 1969, p. 144].

Подводя итоги этим и другим экспериментам, Левин отмечает, что, несмотря на то что можно было бы предполагать бóльшую гибкость и податливость к изменениям со стороны отдельных индивидов, результаты выполненных им и его учениками экспериментальных исследований, показывают, что изменения гораздо легче достигаются, если объектом воздействия являются индивиды, организованные в группы, чем если это воздействие оказывается на каждого из них в отдельности. Это связано с тем, что индивид со-

противляется изменениям, если они предполагают отход от групповых норм, и наоборот, при изменении групповых норм изменения отдельного индивида достигаются гораздо легче [Lewin, 1947].

Практика Левина в области социально-психологического экспериментирования оказалась чрезвычайно плодотворной как в теоретическом, так и в практическом отношении. Его теория поля породила целый класс социально-психологических теорий, среди которой, пожалуй, наиболее известными и влиятельными оказались теория межличностных отношений Хайдера и теория кооперации и конкуренции М. Дойча.

Представление Левина о том, что именно групповой контекст создает наиболее благоприятные возможности для достижения эффективных изменений в установках и поведении личности и при этом он обнаруживает несомненные преимущества перед индивидуальной работой с человеком, стало фундаментальным положением, лежащим в основе различных форм работы с группами.

К. Рудестам подчеркивает, что «сторонники групповой динамики признают приоритет Курта Левина в истории развития психокоррекционных групп и считают его "теорию поля" сердцевиной теории групп. Левин как социальный психолог оказал большое влияние на современные исследования малых групп» [Рудестам, 1990, с. 22].

Считается, что так называемые «Т-группы» — «тренинговые группы», как и все это направление, своим появлением обязаны работам Левина. Как утверждает Рудестам, первая Т-группа возникла на основе совместного обсуждения специалистами и участниками группы по решению конкретной практической проблемы, которое дало «первый пример анализа участниками группы своего опыта с помощью получаемой от других обратной связи» и тем самым превратилось в «эффективный метод обучения» [Рудестам, 1990, с. 68]. Главным открытием Левина и его коллег стал факт того, что «участники групп получают пользу от анализа собственных переживаний» [Рудестам, 1990, с. 95]. Именно благодаря ему мы вправе действительно рассматривать Курта Левина как «открывателя» тренинговых групп и всего направления группового тренинга. Многие из современных концептов, используемых в этой области, такие как принцип «здесь и теперь», обучающая лаборатория, обратная связь и другие, фактически были предложены и применены уже Левином.

Началом «открытия» тренинговых групп стал новый эксперимент Левина. Летом 1946 г. Левин начинает эксперимент большой социальной значимости. Комиссия штата Коннектикут обратилась к нему за помощью в подготовке лидеров и проведении исследований по выработке наиболее эффективных мер борьбы с расовыми и религиозными предрассудками в обществе. Ее деятельность отличалась недостаточной эффективностью, и руководство было обеспокоено неспособностью сотрудников перевести скрытые возможности доброй воли в общностях в открытое преодоление различных форм предрассудков.

К этому моменту Левин и его сотрудники имели и опыт работы с группами, и идеи, относящиеся к воздействию лидера на групповое поведение, которые заслуживали того, чтобы быть проверенными в «действенном исследовании». Тренинговая программа для Коннектикута рассматривалась ими как рабочая группа, в которой может быть проведен «изменяющий» эксперимент.

В процессе этой рабочей группы одновременно велось обучение ее участников, собирались данные наблюдения за тем, почему и каким образом у обучаемых происходят изменения, измерялась их степень и анализировался результат. Благодаря этому, наряду с обучением участников группы, шел сбор исследовательских данных о процессе изменений.

Вместе с тремя руководителями Левин начал проект такой группы в июне 1946 г. в Учительском колледже в Коннектикуте.

Для участия в двухнедельной программе тренинга были отобран 41 участник, большинство из которых были профессиональными педагогами или социальными работниками. Только несколько из них были трудовыми лидерами и бизнесменами. Около половины участников составляли темнокожие и евреи. Предварительно с помощью интервью уточнялось, какие ожидания по отношению к своей работе в группе имеют участники. Их ожидания различались, но, в общем, они надеялись развить свои умения в работе с людьми, найти более надежные методы изменения установок людей, понять причины сопротивления изменениям, получить более научное понимание причин предрассудков и более точное осознание собственных установок и ценностей.

Начало работы привычно для всех тех, кто сегодня сам ведет группы или принимал в них участие в качестве рядового члена. Тренеры держатся дружески, в течение нескольких минут идет представление участников друг другу, руководители объясняют присутствие и цель использования записывающей и регистрирующей аппаратуры, и через 15 минут начинается работа группы.

Во время проведения этой тренинговой программы большинство ее участников вечерами уезжали домой. Тем, кто оставался в кампусе, было нечего делать, и они обратились с вопросом, не могли бы они присутствовать на встречах руководителей и ведущих проекта, на которых обсуждались данные, собиравшиеся с помощью наблюдения за тремя группами тренинга. Большинство из ведущих опасалось, не будет ли вредным, если участники групп будут присутствовать при обсуждении их поведения. Левин, однако, не видел оснований, по которым исследователи должны держать данные при себе, а также того, почему обратная связь не может быть полезной. По словам одного из ведущих проекта, реакция людей на данные по их поведению была подобна огромному разряду электрического тока. Роль обратной связи в тренинговой группе была очевидной, и с тех пор она стала неотъемлемой частью сценария их работы.

Липпит так описывает это. Однажды вечером наблюдатель сделал несколько замечаний по поводу поведения одной женщины из трех присутствовавших при обсуждении участников групп тренинга. Она выразила несогласие с ними и объяснила происходившее со своей точки зрения. Некоторое время шел активный диалог между наблюдателем, тренером и участницей относительно интерпретации события. Левин получал очевидное удовольствие от этих различных данных, которые необходимо было соотнести и интегрировать. В конце вечера участники тренинговой группы спросили, не могли бы они прийти на следующую встречу, где их поведение будет оцениваться. Левин, чувствуя, что это будет скорее ценным вкладом, чем нежелательным вторжением, с энтузиазмом дал согласие на их возвращение. На следующий вечер в результате полученной от трех участников информации об обсуждении накануне на встрече присутствовала по меньшей мере половина участников.

Вечерняя сессия с тех пор стала важным обучающим опытом дня с фокусом на актуальных поведенческих событиях и с активным диалогом о различиях в интерпретациях и наблюдениях за событиями тех, кто принимал в них участие. Ведущие были преисполнены энтузиазма, поскольку они нашли уникальный путь получения данных и интерпретации поведения. Кроме этого, они пришли к выводу, что обратная связь делала участников более сенситивными к их собственному поведению и делала критику более открытой здоровым и конструктивным образом.

В дополнение к этим новым сессиям по индивидуальной обратной связи участники каждой группы проводили около 18 % времени, оценивая свое собственное поведение. Эти сессии проходили вечерами и длились около полутора часов.

Когда рабочая группа была завершена, и ведущие, и участники были удовлетворены ее успехом. Но реальной проверкой эффективности тренинга было то, насколько хорошо, вернувшись домой, его участники смогут использовать новые знания и умения. Спустя шесть месяцев они и их коллеги были проинтервьюированы. Ответы показали, что 72 % использовали новые методы, чаще всего упоминалось проигрывание ролей. Около 75 % заявили, что они теперь более эффективны в улучшении групповых отношений. Они также говорили об увеличении собственной сенситивности к чувствам других и своем большем оптимизме относительно возможного прогресса в их деятельности. Из каждого источника поступали сведения об изменениях в работе с людьми, в планировании действий, в установлении связей между добрыми намерениями и актуальным поведением.

Любопытно, что важным фактором успешности обучающих процедур по изменениям в группе Левин считал изоляцию группы на период обучения. Это, по его мнению, связано с тем, что система ценностей более широкого социального окружения может препятствовать изменению ценностей участников групп обучения. «Субкультура» такого семинара легче создается

и будет более сильной, если группа сможет находиться на своем собственном «культурном острове» все время обучения [Lewin, 1947].

Применительно к возможности изменений Левин использовал термин «переобразование» (reeducation), означающий такой процесс изменений, который представляет собой не просто приобретение нового знания, привычек и социальных навыков, но процесс изменений в самовосприятии, процесс, помогающий индивиду преодолеть внутреннее сопротивление. По Левину, этот процесс изменений в ценностях, представлениях, в повседневном поведении, в самом индивиде может быть эффективным только если он идет через группу, в рамках общей жизни индивида в группе. Левин описывал оптимальные условия этих изменений в терминах групповых норм, социального климата и центральной роли тренера. Групповой тренер должен создать сильное чувство «мы», означающее, что «все мы в одной лодке», проходим через одни и те же трудности, говорим на одном и том же языке. Кроме того, в группе должна быть атмосфера свободы и спонтанности. Именно такая атмосфера с неформальностью встреч, добровольным участием, свободой выражения, эмоциональной защищенностью и избеганием давления может вести к индивидуальным изменениям, включающим изменения в системе ценностей индивида и компонентах его суперэго. Никакое обеспечение информацией, никакие лекции или семинары не могут дать этого. Только активное участие индивида в групповом процессе, его вовлеченность в него могут действительно привести к изменениям.

Результатом этой рабочей группы стало создание в 1947 г. Национальной лаборатории тренинга, которая, по словам У. Бенниса, сказанным по случаю ее двадцатилетия, выросла в международно признанную и мощную образовательную силу, повлиявшую почти на все социальные институты нашего общества. Целями созданной лаборатории была помощь людям в навыках более эффективной работы со сложными человеческими отношениями и проблемами. Этот метод обычно называют «тренингом сенситивности». Многие верят, что он является более многообещающим для улучшения социальных проблем, чем любая другая из имеющихся альтернатив.

Прежде чем эта лаборатория провела свою первую сессию, Левин умирает. Как пишет Марроу, он так никогда и не узнал, что это его дитя стало постоянной организацией национального масштаба и одним из наиболее значительных вкладов в научное исследование человеческих отношений.

По мнению Росса и Нисбетта, в США наследие Курта Левина «заключается прежде всего в развитии его учениками практики психологических групп (групп общения, “самопомощи”, групп, формируемых с целью повышения уровня осознания и самоактуализации), ставших повсеместной приметой современной американской жизни» [Росс, Нисбетт, 1999, с. 355].

По словам Карла Роджерса, сенситивный тренинг, возможно, является одним из наиболее значительных социальных открытий этого столетия. Это один из наиболее быстро растущих социальных феноменов в Соединенных

Штатах. Он пришел на производство, распространился на сферу образования, достиг семей, профессионалов, работающих в помогающих областях и многих других.

Брэдфорд, один из руководителей рабочих групп 1946 г., директор и вдохновитель Национальной лаборатории тренинга с момента ее создания в 1947 г., верил, что Курт Левин мог бы гордиться масштабным ростом сенситивного тренинга как техники и Национальной лабораторией тренинга как центром продолжающихся в этой области исследований. Великие концепты Левина о создании данных «здесь и сейчас», их анализе и использовании обратной связи стали существенными элементами во всех многочисленных вариациях сенситивного тренинга и групп встреч, которые появились на всех континентах.

«Исследование, которое не создает ничего, кроме книг, не будет удовлетворительным» (К. Левин)

Описание теоретических и экспериментальных исследований Курта Левина может создать представление о нем как об академически ориентированном ученом, чьи работы, благодаря их высокому уровню, приобретали прикладное значение. Это представление было бы глубоко ошибочным, так как практическая работа на самом деле была важнейшей областью деятельности Левина.

Еще в 1920-х гг. в Берлинском психологическом институте Левин пишет две статьи, посвященные организационному поведению, в том числе по критике использования системы Тейлора в индустрии. В конце 1930-х гг. уже в Америке он занимается проблемами обучения персонала в связи с задачами достижения требуемого уровня производительности. Левин часто бывал на предприятии, и хотя рабочие были не очень-то склонны доверять иностранцу, тем более профессору психологии без опыта работы в индустрии, говорившему по-английски с немецким акцентом, он приобрел популярность благодаря своим предложениям и своему обаянию. Главные идеи Левина были связаны с работой с персоналом не как с индивидами, а как с членами малых групп; кроме того, он выступал категорически против принуждения работников.

Между 1940 и 1946 гг. Левин провел ряд исследований малых групп, связанных с облегчением перехода со старой работы на новую и введением технологических изменений в методы работы без обычных проявлений недовольства и негативизма со стороны работников. Левин сдвигал фокус индустриального менеджмента с механического, инженерного подхода к социально-психологическому. Многие из последующих исследований и нововведений являются следствием идей Левина в области групповой динамики. И многие из тех, кто работает в индустрии и никогда не слышали имени Левина и не читали его работ, на самом деле пользуются преимуществами, достигнутыми благодаря его идеям.

И уж совсем фантастичной выглядит история его влияния на японскую систему управления в промышленности. Ученик Левина по Берлинскому институту Сакума учредил в Японии Психологический институт по образцу берлинского. По приглашению Центра гештальтпсихологии Левин, как уже отмечалось, останавливается в Японии по дороге из Калифорнии домой, в Германию. Как пишет Марроу, репутация Левина опередила его в Японии. Его лекции в Иокогаме и демонстрация его знаменитого фильма о девочке сопровождались оживленными дискуссиями, для изучения его работ в Японии даже была сформирована специальная группа, которую участники называли «Левин-класс». Эта группа в основном и ответственна за влияние Левина на японскую психологию. По свидетельству японских психологов, визит Левина в Японию в начале 1930-х гг. «оказал глубокое воздействие на их промышленные и научные круги». Ему было предложено возглавить кафедру производственных отношений в Токийском университете.

Однако именно в Америке «Левин впервые создал приемы смягчения конфликта между работниками и работодателями — приемы, основанные не на японской “семейной” модели, а на американском идеале демократического участия» [Росс, Нисбетт, 1999, с. 322]. Как отмечают Росс и Нисбетт, только спустя 40 лет после того, как Левин выдвигает идеи участия членов группы в управлении («партисипаторный менеджмент») и эффективности процедур принятия решений в рабочих группах, они начинают внедряться в Америке, причем уже как «японские» управленческие приемы. В течение многих лет они широко использовались в Японии, однако своим появлением там они обязаны, видимо, тому же Курту Левину.

Однако талант практика Левина и его социальная позиция ученого-гражданина особенно ярко проявляются в последние годы его деятельности.

«Левин был глубоко убежден, что социальный психолог как гражданин не только должен способствовать решению проблем того общества, в котором он живет, не только как ученый, обладающий специальными знаниями, может это делать, но, что более важно, он не может познать свой объект — социальное поведение иначе, как пытаясь изменить его» [Deutsh, 1968, цит. по: Шихирев, 1999, с. 165].

По свидетельству Марроу, когда США вступают во Вторую мировую войну, к решению мобилизационных задач привлекаются возможности социальных и поведенческих наук. Требования военных и правительственных программ к советам специалистов инициировали поиск новых путей анализа проблем и подготовки рекомендаций, которые могли бы быть понятны тем, кому предстояло им следовать. Для многих социальных ученых переход от спокойного академического стиля к работе, предполагавшей применение результатов их исследований к принятию важных решений, был радикальным. Но для Левина и его коллег этот переход был логическим следствием основного направления их предыдущей работы. Таким образом, они более других оказались готовы в этих обстоятельствах к исследованию проблем «реальной жизни»

с максимальной научной строгостью и надежностью. Вскоре Левин и его коллеги уже пытались искать ответы на самые актуальные вопросы: каково состояние морали и возможная динамика его развития как в своей стране, так и в странах противника? какие техники психологической войны могут наиболее эффективно ослабить волю врага к сопротивлению? Какой тип лидерства потенциально более успешен для военных образований? как могут такие лидеры быть найдены и подготовлены? как человеческие отношения на предприятиях и в организациях могут повлиять на военное производство в американской индустрии? какие меры могут быть приняты для помощи и психологической реабилитации тех, кто пострадал в боях?

По свидетельству тех, кто сотрудничал с Левином в правительственных и военных организациях, он был незаменим, когда речь шла о выявлении тех важнейших проблем, которые требовали проведения исследований.

К концу войны за плечами Левина были десять лет продуктивной работы в Айове. За это время он, его коллеги и ученики опубликовали десятки работ, многие из которых — в традиции Левина — были образцами соединения теоретической мысли с ее практическим воплощением в экспериментах и прикладных разработках.

Именно в этот период Левин начинает создавать Исследовательский центр групповой динамики. В связи с возникавшими спорами относительно преимущественной ориентации центра на теоретические исследования или прикладные работы Курт Левин замечает: «Многие психологи, работающие сегодня в прикладных областях, остро осознают необходимость более тесной кооперации между теоретической и прикладной психологией. Она может быть реализована в психологии, так же как в физике, если теоретик не будет смотреть на прикладные проблемы с высокомерным отвращением или со страхом перед социальными проблемами и если прикладной психолог поймет, что нет ничего практичнее хорошей теории» [Bargal et al., 1992, p. 6]. Лабораторные эксперименты раннего Левина берлинского периода были столь результативны и получили такой отклик, что одно их развитие и продолжение с легкостью обеспечило бы ему имя и статус в науке. Однако научная работа, которая не дает ничего, кроме научных теорий и публикаций, по его мнению, немногого стоит. С мужеством, которое трудно оценить тому, кто провел всю жизнь в уютной тиши университетских лабораторий и кабинетов, Левин покидает этот безопасный, но искусственный мир ради изучения и — что еще более значимо и ответственно — решения проблем реальной жизни людей, в том числе самых острых проблем их социальной жизни. Но он не перестает быть ученым, теоретиком, экспериментатором и потому не делает никаких скидок на трудности проведения «чистых» исследований и экспериментирования в «полевых» условиях и все так же озабочен контролем переменных, подбором сравнимых групп и т. д., то есть и в своей практической работе продолжает оставаться прежде всего профессионалом самой высшей пробы.

Психология, утверждал Левин, должна стать чем-то большим, чем просто объяснением поведения. Мы должны быть не менее озабочены тем, чтобы найти пути его улучшения, а это требует эксперимента. В качестве иллюстрации он ссылался на то, что люди тысячи лет наблюдали падающие предметы, но это не привело к созданию теории гравитации. Понадобился систематический экспериментальный поиск для того, чтобы мог быть осуществлен переход к более адекватным концептам. То же самое должно произойти и в поведенческих науках — необходимо систематическое экспериментальное исследования социальных проблем в самых разнообразных условиях [Marrow, 1969, p. 158].

Напомним, что в качестве основных областей исследований Центра были определены следующие «программные направления»: групповая продуктивность, коммуникация и влияние, социальная перцепция, область межгрупповых отношений, групповое членство и индивидуальное членство, тренинг лидеров и улучшение группового функционирования.

Левин отдавал себе отчет, что он ратует за непривычное соединение «чистого» исследования и его практической применимости и что выполнимость этого может вызвать известный скептицизм. В связи с формулировкой целей и задач Исследовательского центра групповой динамики в 1945 г. он пишет: «Возникает вопрос, не приведет ли взаимосвязь между теоретической социальной наукой и практическими потребностями общества к снижению научного уровня… Психологи относительно недавно осознали необходимость теоретического подхода и испытывают беспокойство относительно того, что преимущественная ориентация на прикладные проблемы, связанные с войной, задержит это развитие. Изучающий групповую жизнь должен отдавать себе отчет в этой опасности и в еще большей опасности обслуживания чьих-то односторонних социальных интересов. Мы должны, однако, не пытаться повернуть время вспять и задержать научное развитие. Мы должны смотреть вперед, и я убежден, что если ученый будет действовать правильно, тесная связь с практикой станет удачей для развития теории». И далее: «Одно важно осознавать ясно и твердо. Нет индивида, который, сознательно или бессознательно, не пытался бы оказать влияние на свою семью, свою группу друзей, свою профессиональную группу и т. д. Управление, тем самым, является законной и одной из важнейших функций каждого аспекта социальной жизни. Некоторые аспекты, такие как проблемы лидерства и власти в демократии, особенно затуманивают мозги многих… Мы должны понять, что власть сама по себе является существенным аспектом любой и каждой группы… Не последнее, что могут сделать социальные исследования для общества, — это достижение лучшего понимания законных и незаконных аспектов власти» (цит. по [Marrow A., 1969, p. 172]).

Левин становится одним из основателей «Журнала социальных проблем» (Journal of Social Issues) и Общества психологических исследований социальных проблем (Society for the Psychological Study of Social Issues).

Теоретическим основанием создания прикладной социальной науки для Левина становится его парадигма «действенного исследования», представляющая собой особый метод экспериментального исследования и эффективного решения социальных проблем. П. Н. Шихирев называет «исследования в действии» Курта Левина «первым в США примером деятельности ученого-гражданина» [Шихирев, 1999, с. 305], значение которого, несомненно, усиливается, если учесть, что традиционная точка зрения во времена Курта Левина исходила из необходимости беспристрастной позиции ученого, обязанного позаботиться о том, чтобы даже методы его исследования не оказали косвенного влияния на изучаемые явления.

Систематическое, предпочтительно экспериментальное исследование социальных проблем и попытки их решения Левин объединил в парадигму «действенного исследования». По замыслу автора, она характеризуется следующими чертами: 1) циклический процесс планирования, действия и оценки; 2) продолжающаяся обратная связь результатов исследования со всеми вовлеченными сторонами, включая клиентов; 3) кооперация исследователей, практиков и клиентов проходящая через весь процесс с самого начала; 4) приложение принципов, управляющих социальной жизнью и групповым принятием решений; 5) принятие во внимание различий в ценностных системах и структурах власти всех сторон, вовлеченных в исследование, и 6) одновременное использование активного исследования для решения проблем и порождения нового знания. Левин писал: «Исследование, необходимое для социальной практики… это тип исследовательского действия, сравнительного исследования условий и эффектов различных форм социального действия и исследования, ведущего к социальному действию. Исследование, которое не создает ничего, кроме книг, не будет удовлетворительным». Метод «действенного исследования» включают в себя треугольник действия, исследования и тренинга (обучения).

В работе над социальными проблемами сотрудники Левина, работавшие под его руководством, использовали четыре типа «действенного исследования»: диагностическое, участвующее, эмпирическое и экспериментальное.

Диагностическое действенное исследование необходимо, чтобы выработать необходимый план действий, выявить проблемы и рекомендовать коррекционные меры.

Участвующее исследование предполагает, что члены группы, которая является объектом влияния, с самого начала привлекаются к исследовательскому проекту. Это ведет к более четкому осознанию ими необходимости действий, а их личностная вовлеченность обеспечивает поддержку коррекционных программ. Данный тип исследования рассматривался как эффективный применительно к определенному типу проблем, в частности он считался полезным для выявления специфических и конкретных фактов (а не общих принципов), которые могут быть образцом для других общностей.

Эмпирическое действенное исследование преимущественно ориентировано на сбор данных и накопление опыта, в идеальном случае на основании последовательной работы с подобными группами. Слабостью этой процедуры является то, что выводы основываются на опыте отдельной группы или нескольких групп, во многих отношениях отличающихся друг от друга, без дополнительного контроля. Несмотря на это, эмпирические исследования могут вести к постепенному развитию общих валидных принципов.

Экспериментальное действенное исследование является контролируемым изучением относительной эффективности различных техник в сравнительно идентичных социальных ситуациях. Из всех типов действенного исследования, по мнению авторов, именно экспериментальное обладало наибольшим потенциалом для получения научного знания. При благоприятных обстоятельствах оно позволяло окончательно проверить конкретные гипотезы, но, однако, было и наиболее трудным типом действенного исследования для успешной реализации.

Парадигма «действенного исследования» была описана Левином в его последних работах, и он стремился к ее активному внедрению в различных областях. Однако, по свидетельству его учеников, она не получила широкого распространения при жизни Левина, вероятно, в силу канонов позитивистской «нормальной науки», доминировавшей в академическом мире.

Как отмечает Шихирев, несмотря на то что социально ответственная позиция Левина импонировала американским исследователям, после его смерти усиливается разрыв между теорией и практикой, и в течение двадцати лет до конца 1960-х гг. «исследования в действии» не проводятся, несмотря на растущие в США ассигнования на социальную психологию [Шихирев, 1999, с. 166].

Однако впоследствии картина меняется, и интерес к идеям Левина начинает расти. По оценке Арджириса, в период с 1980 по 1989 г. в «Psychological Abstracts» были опубликованы около 110 статей, отражающих «исследование в действии» или «активную науку», и это, возможно, неполный перечень [Bargal et al., 1992].

Левин был реалистом и отдавал себе отчет в том, что работа с социальными проблемами поднимает ряд этических вопросов. После Второй мировой войны остро встает проблема предотвращения нового подъема фашизма. Необходимо было всячески способствовать развитию демократии, демократическому просвещению и движению широких слоев населения по пути демократии. В 1943 г. Левин пишет работу «Реконструкция культуры», в которой обсуждает, возможно, самый злободневный вопрос современности — как обеспечить демократические изменения в будущем послевоенном устройстве мира. Он, может быть, глубже многих других осознает, до какой степени ценности общества нуждаются в изменениях. Как психолог он отдает себе отчет в том, что одних просветительских или пропагандистских усилий недостаточно. Основные препятствия к изменениям в демокра-

тическом направлении, по мнению Левина, связаны с включенностью понятия демократии в разные культурные контексты, позволяющие понимать и трактовать его по-разному. Кроме того, пишет он, дело не может ограничиться только трансформацией официально признаваемых ценностей: демократия — это совсем не только политика, это элемент повседневной жизни людей. Как матери обращаются со своими маленькими детьми, как осуществляют свои функции руководители, как воспринимаются людьми статусные различия — эти и многие другие особенности повседневной жизни также являются проявлениями демократических или недемократических представлений и паттернов поведения.

Теоретические и экспериментальные исследования Левина привели его к убеждению, что трудно ожидать победы демократии в результате постепенного развития общества и роста его культуры. Человек невольно приспосабливается к авторитарной культуре, пытаясь адаптироваться к навязываемой ему извне ситуации. Переход от авторитаризма к демократии куда как более сложен, поскольку демократия должна быть внутренне принята личностью.

Но как сделать это демократическим образом, как учить демократии без влияния, без того чтобы говорить людям, что делать? Или — в более широком плане — как оказывать на людей влияние, не прибегая к уловкам или обману? Необходимость развивать демократию и свободы человека и в то же время оказывать на людей влияние в этом направлении Левин называл «парадоксом демократии». Его ответ на этот «парадокс» был следующим: «Чтобы побудить к демократическим переменам, в течение определенного периода времени должна быть создана ситуация, которую лидер достаточно контролирует, чтобы исключить нежелательные влияния и в необходимой степени управлять ситуацией. Цель демократического лидера в этот переходный период та же, что и любого хорошего учителя, а именно, сделать себя ненужным, чтобы быть замененным лидерами из самой группы» [Lewin, 1948, p. 39]. Как известно, сам Левин, последним детищем которого был Исследовательский центр групповой динамики, не успел этого сделать.

«Построение лучшего мира»

Тема конфликта и сопряженная с ней проблематика была одной из ключевых для научного творчества Курта Левина на протяжении всей его жизни. Левину всегда была свойственна ориентация на актуальные научные и острые социальные проблемы своего времени, он не способен был замыкаться внутри границ какой-то одной области или специализации.

Левин был первым психологом, исследовавшим конфликт. Это относится и к его описаниям конфликта в теории поля, и к его изучению проблем интерперсональных отношений в американский период его деятельности, и к его работам более широкого характера, обобщенным в предлагаемой читателю книге «Разрешение социальных конфликтов». В свое время эта книга

считалась первой научной работой по проблеме психологии конфликтов не только в психологической науке, но и в конфликтологии.

Содержание этой книги, однако, не ограничено собственно конфликтной проблематикой. Она включает в себя, как это следует из подзаголовка, избранные работы Курта Левина в области групповой динамики, которые относятся к широкому кругу социальных и психологических проблем — культурологического, этнического, социально-психологического и собственно психологического характера. Однако эта книга была издана уже после смерти Левина силами его коллег и близких, поэтому ее название не принадлежит ему самому. Возможно, точнее было бы говорить о социальных проблемах и их разрешении.

Напомним некоторые исходные представления Левина, связанные с конфликтами. Как известно, конфликт является одной из базисных категорий в психодинамических концепциях человека. Наибольшее внимание к описанию личностных конфликтов проявляли сторонники психоанализа, который исходит из того, что они являются следствием, результатом действия внутренних процессов самой психики. С их точки зрения, конфликт является фактически постоянным элементом душевной жизни человека, изначальным в силу противоречивости самой природы человека. Конфликт в психоаналитической традиции — это интрапсихический феномен, который может быть понят и объяснен только в рамках законов самой внутренней психической жизни человека.

Левин с его выходом за пределы сугубо интрапсихической интерпретации в жизненное пространство индивида, естественно, не мог принять эту доминировавшую в те времена точку зрения. Он выводит конфликты из анализа проблем, возникающих в жизненной ситуации индивида, и именно его традиция описания внутриличностных конфликтов человека стала наиболее влиятельной в психологии, а само описание конфликтов — хрестоматийным, упоминаемым в психологических словарях и энциклопедиях.

Предметом его внимания стали конфликты, возникающие в результате одновременной актуализации противоречащих друг другу или несовместимых мотивов. В теории поля конфликт «психологически характеризуется как ситуация, в которой на индивида действуют противоположно направленные одновременно воздействующие силы примерно равной величины» [Lewin, 1935, p. 122].

Случаи, когда индивид находится между двумя позитивными или двумя негативными валентностями или же когда один и тот же объект оказывается одновременно наделенным как позитивной, так и негативной валентностью, описывают основные виды внутриличностного конфликта.

В первом случае речь идет о ситуациях, когда человек оказывается перед необходимостью выбора между двумя равно привлекательными, но взаимоисключающими альтернативами. Непременным условием конфликта является то, что мотивы несовместимых действий актуализируются одно-

временно и имеют равную силу, в противном случае конфликта бы не было, так как выбор был бы само собой разумеющимся. Второй случай конфликта близок по своей природе, но он предполагает выбор между двумя в равной степени непривлекательными возможностями. Наконец, третий тип конфликта возникает, когда один и тот же объект (цель, возможность) наделен в равной степени и позитивной, и негативной валентностями, является в равной мере и привлекательным, и непривлекательным (имеет «и плюсы, и минусы»).

Межличностные конфликты интерпретируются как «конфликты между собственными и вынуждающими силами», т.е. как противоречие между собственными потребностями человека и внешними силами. Анализируя, в частности, положение ребенка, оказывающегося в такой ситуации, Левин пишет: «Сила, побуждающая ребенка C со стороны человека P может быть представлена как результат поля власти этого человека над ребенком», которая означает не что иное как то, что «P в состоянии создавать побуждающие или ограничивающие силы» [Field Theory…, 1952, p. 267–268]. Напомним, что «воздействующие силы» и «валентности» в рассуждениях Левина не являются объективными характеристиками внешней ситуации, а представляют собой результат наделения индивидом внешних объектов субъективными значениями, их субъективного восприятия.

В работах, объединенных составителями под названием «Разрешение социальных конфликтов», основное внимание уделяется социально-психологическим и социальным проблемам конфликтов — интерперсональным конфликтам в группах, этническим и «культурным» конфликтам.

По мнению Левина, законы развития конфликта в принципе едины для всех его разновидностей, однако эти типы конфликтов являются конфликтами между собственными и внешне вынуждающими силами и имеют специфическую возможность разрушения этой внешней власти.

В частности, эти теоретические построения использовались в уже описывавшихся экспериментальных исследованиях групповой атмосферы в ситуации автократического руководства, которая интерпретировалась именно как противоречие между вынуждающими и собственными силами. Вспоминая это исследование в работе «Эксперименты в социальном пространстве» 1939 г., Левин приводит следующую иллюстрацию. Ребенок говорит, что он думал, что нужно делать другую поделку, но руководитель настаивает на своем варианте, ссылаясь на принятое им единоличное решение. Это означает, пишет Левин, что ребенок сам в состоянии поставить перед собой цель и стремится достичь ее, но внешняя сила — в данном случае авторитарный лидер — ставит препятствия на пути его действий и вынуждает его действовать в другом направлении.

Важнейшим компонентом жизненного пространства индивида, по Левину, является группа, к которой он принадлежит. Сначала это семья, где происходит становление личности человека. Став взрослым, он участвует

во многих социальных группах, которые обладают разной значимостью для него в разные периоды его жизни и в разных жизненных ситуациях.

Такая разновидность межличностного конфликта, как супружеский конфликт, является предметом описания и анализа в работе Левина 1940 г. Как малая группа семья, по Левину, отличается следующими специфическими свойствами: малым размером, связью с витальными проблемами, общим физическим и социальным существованием. На основании проведенных исследований Левин считает наиболее важным фактором частоты возникновения конфликтов общий уровень напряжения, в котором существует человек или группа.

Общий вопрос адаптации индивида к группе, в том числе и семейной, может быть, по Левину, сформулирован следующим образом: как может индивид найти достаточное пространство свободного движения для удовлетворения своих собственных персональных нужд внутри группы, не затрагивая ее интересы? Любое членство в группе, пишет он, это неизбежный отказ от определенной части своей свободы. Если тем самым человек приносит в жертву какие-то свои интересы, он будет переживать фрустрацию. Конструктивным выходом становится принятие своих отношений в группе как значимых, принятие их таким образом, что это ограничение не воспринимается как вынужденное и вообще как ограничение, оно становится естественной позицией человека в группе, для которого, кроме «Я», в контексте этих отношений существует и «Мы».

Эта проблема достаточно трудно решается в супружеской группе, так как ее специфические свойства делает обеспечение адекватного приватного пространства особенно сложной задачей. Прежде всего, природа потребностей, удовлетворяемых в браке, весьма разнообразна. Супруги имеют по отношению друг к другу целый комплекс ожиданий, связанных с их ролями, как то: возлюбленный, товарищ, поддерживающий, защищающий, распоряжающийся доходами и т. д. Кроме того, конфликты становятся более серьезными, если затрагивают наиболее значимые потребности человека. Брак же очевидным образом связан с витальными потребностями людей. Неудовлетворенность потребностей создает напряжение. Условием удовлетворения индивидуальных потребностей является достаточное пространство свободного движения. Левин приводит пример описания жизненного пространства мужа (пространства профессиональной и социальной жизни, дома, детей и т. д.), показывая, что фактически свободными для него остаются только зоны «жизнь в офисе» и «игра в гольф».

Исходной посылкой Левина является его представление о том, что большую часть своей жизни взрослый человек действует не просто как индивид, но как член социальной группы.

В качестве наиболее важного фактора, определяющего частоту конфликтов в группе, Левин называет общий уровень напряжения, в котором существует человек или группа. Приведет или не приведет конкретное со-

бытие к конфликту — в решающей степени зависит от уровня напряжения или социальной атмосферы в группе. Особое значение, по его мнению, приобретают следующие.

1. Степень удовлетворенности — неудовлетворенности потребностей человека, особенно базисных, например потребности в безопасности. Конфликты будут более серьезными, если вовлекаются центральные потребности. Однако Левин напоминает, что неудовлетворенные потребности имеют тенденцию становиться доминирующими, что объективно увеличивает вероятность конфликтов.
2. «Количество пространства свободного движения» человека. Достаточное пространство свободного движения является условием удовлетворения индивидуальных потребностей и адаптации к группе. Напротив, ограниченность «свободного движения» ведет к росту напряжения. Левин ссылается на свои эксперименты с демократической и автократической атмосферой в группах: в автократических группах напряжение выше, что результируется в апатии или агрессии.
3. Внешний барьер: наличие или отсутствие возможностей выйти из неприятной ситуации. Напряжение или конфликт часто ведут к тенденции покинуть эту ситуацию. Если это возможно — сильное напряжение не будет развиваться. Напротив, отсутствие такой возможности как результат внешнего барьера или внутренних препятствий провоцирует развитие сильного напряжения и конфликта.
4. Степень совпадения или расхождения целей членов группы. Левин отмечает, что в групповом взаимодействии конфликты зависят от степени, в которой цели участников группы противоречат друг другу и от их готовности учитывать точку зрения другого.

Эти соображения Левин приводит в работе по супружеским конфликтам, но они, безусловно, могут рассматриваться как относящиеся к любым конфликтам в группах людей.

Практической иллюстрацией работы с конфликтами может служить описанный им случай анализа и разрешения хронического производственного конфликта в статье 1944 г. Левин анализирует его с позиций принципов групповой динамики, как всегда, пытаясь увидеть «работу» своих теоретических концептов в реальной жизни людей. Читая эту статью, забываешь, что она, как и все другие работы в этой книге, написана более полувека назад, настолько она соответствует нашим сегодняшним представлениям.

От интерперсональных и внутригрупповых отношений интересы Левина естественным образом смещаются в область межгрупповых отношений. Последние годы его жизни были отмечены интенсивной вовлеченностью в изучение и практическую работу с социальными проблемами. Так, приме-

нительно к проблеме борьбы с предрассудками и улучшения межгрупповых отношений в целом Левин сформулировал три приоритетные исследовательские зоны.

1) Факторы повышения эффективности общественных лидеров, пытающихся улучшить межгрупповые отношения. Каковы наиболее эффективные и практические методы тренинга таких лидеров? Какие принципы должны лежать в основе подбора лиц, проходящих подготовку? и др.
2) Влияние условий, в которых происходит контакт между представителями разных групп. Какие условия ведут к улучшению установок и дружеским отношениям и какие ведут к обратному? Какие условия ведут к формированию устойчивых позитивных установок в противоположность тем, которые легко изменяются под влиянием предрассудков среды? и др.
3) Влияния, которые оказываются наиболее продуктивными в стимулировании у членов групп меньшинства усиления чувства принадлежности, улучшении индивидуального приспособления и лучших отношений с членами других групп [Marrow, 1969, p. 192].

Одной из главных тем деятельности Курта Левина последнего периода становится проблема социальных предрассудков в связи с отношениями разных этнических групп, в том числе и с расовыми взаимоотношениями.

Занимаясь этой проблемой, Левин делает акцент не столько на возможностях изменений их установок относительно друг друга, сколько — и это он считает более важным — на изменении установок членов группы меньшинства в отношении самих себя. По свидетельству Марроу, в беседах, а также в неопубликованных работах на эту тему Левин указывает, что поведение американских «черных» основано на образе себя, сформированном тремя столетиями их коллективной истории и первыми тремя годами, или возможно даже меньше, личной истории каждого из них. Этот образ себя, считает Левин, мог бы быть изменен, если бы коллективная и личная история «черных» приняла бы новое и позитивное направление.

Именно изменению самовосприятия членов групп меньшинства Левин придавал особенное значение. Бессмысленно, говорил он, сталкиваясь с ограничениями, кричать: «Предрассудки!» Многие из «черных» удовлетворяются невысокими достижениями, апатично относятся к самосовершенствованию, имеют высокий уровень криминальности (особенно преступлений, связанных с насилием), часто создают дисциплинарные проблемы в школах, недостаточно поддерживают свои собственные организации и часто слишком зависят от «белых» — поскольку эти представления, по крайней мере отчасти, верны, «черные» имеют заниженную самооценку. Важно было бы понять причины, по которым это оказывается частично справедливым, и справиться с ними.

Левин исходил из убеждения, что люди должны сами помочь себе, сами «протянуть себе руку», а не быть «спасаемы извне». В этом отношении его взгляды вполне созвучны представлениям современной практической психологии. Левин считал, что социальные ученые могут выступать в роли консультантов или своего рода инструкторов, но главная работа должна делаться самими людьми. Необходимо преодолеть эмоциональные барьеры, препятствующие изменениям. Самопомощь такого рода должна основываться на личном достоинстве, доверии и чувстве личностного роста.

У Левина есть несколько работ, посвященных проблемам отношений большинства и меньшинства в обществе. Как уже отмечалось, психологические трудности меньшинства он знал не понаслышке. Целый раздел в его книге «Разрешение социальных конфликтов» посвящен теме межгрупповых конфликтов и групповой принадлежности. Многие введенные им концепты сохраняют свое значение как базовые, теоретические представления социальной психологии. Бергел и Бер суммируют эти обобщения, касающиеся этнической идентичности и отношений большинства — меньшинства, следующим образом: 1) групповое членство психологически является основной детерминантой индивидуального поведения во множестве условий; 2) «не сходство или несходство индивидов конституируют группу, но общность судьбы» [Lewin, 1948, p. 165]; 3) члены групп меньшинств имеют меньшее пространство свободного движения, чем члены групп большинства; 4) будущая временная перспектива социальной группы способствует ее идентичности и сохранению ее морали; 5) повышение низкой самооценки группы меньшинства является необходимым условием улучшения межгрупповых отношений [Bargal, Bar, 1992, p. 142]. В соответствии с Левином, групповая принадлежность индивида является важнейшим компонентом социальной идентичности, а самовосприятие всегда опосредуется категориями группового членства. Комментируя его концепты, Бергел и Бер указывают, что «общая судьба» накладывает отпечаток на членов одной и той же группы, она содержит их коллективную память об исторических событиях и их влиянии на них вместе с мифами, метафорами и часто языком и религией. А «будущая временная перспектива» помогает группам меньшинств проходить через кризисы и бороться за лучшие времена. Причем, по Левину, улучшение межгрупповых отношений требует работы с обеими сторонами — и с группами меньшинства, и с группами большинства, а одним из наиболее жестких препятствий на пути этого улучшения он считал недостаток уверенности и самоуважения большинства групп меньшинства.

Бергел и Бер рассказывают о своем опыте применения принципов и концептов теории поля Курта Левина в работе по управлению конфликтами в группах арабо-палестинской и еврейской молодежи. За все время существования в этом проекте приняло участие около пяти тысяч молодых людей, представляющих обе стороны. Трехдневная работа группы начинается с сессии, на которой участники высказывают свои пожелания и вместе с тренерами

создают программу занятий. Используются разнообразные игры и приемы, объединяющие участников разных национальностей. Второй день работы посвящен знакомству с культурой друг друга, например с такими вопросами, как взаимоотношения между родителями и детьми, юношами и девушками. На третий день предметом основного внимания становится проблема формирования идентичности. Обсуждаются политические и социальные аспекты самоидентичности, предрассудки, стереотипы, дискриминация. Благодаря уже сложившимся отношениям между членами группы возможна коррекция ошибочных и разрушающих установок. Теоретическую опору этой работы авторы видят в трудах Левина, посвященных этнической идентичности и отношениям большинства и меньшинства, в его теории индивидуального изменения в группе, а также в принципах действенного исследования [Bargal, Bar, 1992].

Краткость обсуждения этой части творчества Левина, безусловно, не соответствует тому — теоретическому и практическому — значению, которое эта проблематика занимала и в его работе, и в его жизни. Однако о большинстве упомянутых именно здесь исследований можно прочесть в книге «Разрешение социальных конфликтов». Практически все включенные в это издание статьи превосходны по своим идеям и так просто написаны, что не нуждаются в комментариях. В предисловии жена Левина Гертруда Вайсс Левин пишет, что его энергия и мужество (которые, как мы знаем, всегда поражали окружающих) поддерживались двумя основными целями — усовершенствование концептуального представления о социальном мире и использование этих теоретических выводов для построения лучшего мира. В этом легко убедиться, познакомившись с опубликованными в этой книге работами.

«История — это не обязательно судьба»

На встрече памяти Курта Левина, организованной Американской психологической ассоциацией в 1947 г., его бывший ученик и будущий биограф Марроу говорил, что целью Левина было открытие того, что вызывает изменения в человеческих отношениях. Такая декларируемая им цель была идеалом ученого, который интегрирует свою роль человека науки с ответственностью гражданина демократического общества. Паттерны действенного исследования были развиты первоначально как способы реализации этого идеала, потому что Левин был социально сознательным индивидом, который верил, что только наука обеспечивает надежный путеводитель к эффективным действиям, и хотел, чтобы его работа имела максимальную социальную полезность, так же как и теоретическое значение.

По мнению Марроу, три области деятельности определили карьеру Левина. Первое — его независимый стиль жизни, его постоянная вовлеченность в общие дела и его продолжающееся сотрудничество с его бывшими студентами. Второе — его настойчивая интеграция теории и практического

действия, его соединение теории с остроумным экспериментированием, и даже более того, его тесная координация кажущихся трудно понимаемыми гипотез с делами повседневной жизни —что удавалось только немногим ученым. Третье — его успешное соединение научного поиска с личной и гражданской озабоченностью, сочетание, которое Левин в высшей степени реализовал своими идеями и развитием метода действенного исследования.

Левин оказал влияние на мышление целого поколения социальных ученых. Он наложил отпечаток на целую область, дав ей имя (групповая динамика), размах (действенное исследование) и цель, которая изменила психологию саму по себе, установив, что ее задачи не только в изучении человека, но в улучшении общества.

Р. Уайт, профессор Университета Джорджа Вашингтона, в прошлом ученик Левина, так определяет его важнейший вклад в науку. Это его прямое и непрямое влияние на развитие творческого мышления самого высокого порядка у разных людей. Уже упоминалось множество известных в психологии имен, так или иначе связанных с Левином. В течение четырнадцати лет после его смерти многие из них ежегодно собирались на «Встречи Левина», сохраняя приверженность духу созданного им интеллектуального содружества.

Далее, это его огромная роль в «ниспровержении» теории «стимул — реакция» как главной объяснительной модели поведения в целом. Речь идет не о прямой критике бихевиористских построений, а прежде всего о том, что благодаря работам Левина в психологию возвращаются «субъективные» концепты. Уайт иллюстрирует этот тезис изучением принятия решений, основанном на субъективной оценке возможных последствий тех или иных действий, тогда как Скиннер, например, в принципе отвергал даже саму идею намерения.

Несомненным вкладом Левина в психологию Уайт считает и то, что многие введенные им термины, являясь компонентами его теоретической системы, широко используются и за ее пределами. Наконец, что часто отмечается, огромное число экспериментов, проведенных под руководством Левина, посвящены таким объектам, которые многие психологи тогда рассматривали как в принципе недоступные экспериментальному изучению.

Справедливости ради, Уайт пытается говорить и об ограничениях теоретического подхода Левина. Два из них касаются не того, что он делал, а того, что он не делал. Во-первых, недостаточное внимание к бессознательному. Левин признавал роль бессознательных факторов в детерминации поведения, но никогда не занимался ими специально. Второй объект, оставшийся, по мнению Уайта, за пределами рассмотрения Левина, — это искажения и ошибки социального восприятия. Еще один упрек, обращенный Уайтом (и он не одинок в этих своих претензиях) к Левину: ему не удалось достичь той строгости в своих построениях и использовании математики, к которой он призывал и стремился.

Пожалуй, любому ученому, даже самому выдающемуся, было бы трудно избежать упреков в том, что он что-то не доделал, чему-то не уделил достаточного внимания. И возможно, сомнительным был бы комплимент: все, что он мог, он сделал. Вероятно, замечания Уайта справедливы, однако они не обнаруживают какие-то скрытые слабости теоретической системы ученого, которые заставляют сомневаться в устойчивости всей остальной теоретической конструкции. Масштаб личности в науке измеряется в первую очередь сделанным, и тут Курту Левину мало равных.

Приведем лишь несколько суждений о Левине и его роли в развитии науки XX в. После смерти Курта Левина его работа продолжала оказывать влияние на работу его коллег и учеников. Фестингер считает, что «95% современной социальной психологии это Курт Левин и его исследования по групповой динамике». Олпорт откровенно заявляет, что «из всех психологов, которых я знал лично, в моем представлении Курт Левин самый живой и выдающийся». М. Мид утверждает, что «Левин и его группа сделали нечто в целом действенное и значительное для целой страны, целой социальной науки». Мандлер пишет, что «социальная психология, психология развития и экспериментальная психология изменились в значительной степени потому, что Курт Левин писал, потому что Курт Левин учил, потому что Курт Левин был в Соединенных Штатах» (цит. по: [Marrow, 1969, p. 232]).

Влияние Левина сохраняется и в тех поколениях психологов, которые не знали его лично. Один из них, Арджирис, пишет, что работа Левина вдохновляла его, потому что тот предложил модель, соединяющую теорию, эмпирическое исследование и жизненную релевантность, и он решил работать в направлении этой цели. Воодушевленные Левином молодые ученые и сегодня борются за то, чтобы сделать свои дисциплины более релевантными острым жизненным проблемам.

Фестингер считает важнейшим вкладом Левина идею исследования через изменения и наблюдаемые эффекты. Этот принцип — для понимания процесса необходимо произвести изменения и наблюдать его разнообразные эффекты и новую динамику — проходит через все творчество Левина. Для него жизнь не была статичной, она была меняющейся, динамичной, текущей. Его понимание важности изменений было частью философского подхода к науке и базисным компонентом его «метатеории». Как таковое, оно помогло превратить многое в социальной психологии из искусства в науку.

Картрайт считает, что наиболее сильным следствием теории и метода Левина является «ответ общества… на групповую динамику. Сильное влияние групповой динамики ощущается в образовании, индустрии, правительстве и почти в каждом аспекте групповой жизни — социальной работе, религии, индустрии, общественном здоровье, психиатрии, уходе за детьми, групповой терапии и военном истэблишменте».

Теория Хайдера по интерперсональным отношениям, теория Фестингера по когнитивному диссонансу, работы Картрайта и других испытали на

себе влияние связи их авторов с Левином. Толмен, сам известный теоретик, говорит, что он «впитал идеи Левина в кровь».

Идеи Курта Левина нашли эффективное применение в области организационной психологии, практике менеджмента и развития организаций. В самое последнее время они, по мнению специалистов, находят отражение в развивающейся практике «групп поддержки» и «систем поддержки».

В своих работах Левин немало внимания уделял вопросам детского развития, воспитания и образования. Маккоби считает, что исторические корни исследований «демократического» и «авторитарного» отношения родителей к детям и его влияния на них восходят к работам Левина, к его исследованиям групповой атмосферы. Его идеи изменили взгляд на социализацию, эффективность которой определяется не столько следованием родительским указаниям, сколько сформированной у детей способностью к саморегуляции и ориентацией на позитивное отношение к усилиям родителей [Maccoby, 1992]. Напомним, что первая работа Левина после его приезда в Америку была связана именно с детской психологией, и он продолжал исследования, начатые им еще в Берлинском психологическом институте. По свидетельству Маруяма, его идеи, основанные на теории поля, повлияли на мышление многих исследователей в области образования. В частности, речь идет о таких концептах Левина, как «жизненное пространство», «силы поля», «пространство свободного движения», «конфликт», «социальный климат» и другие, не говоря уж о его идеях и исследованиях в области межкультурных отношений. Как считает автор, «работы Курта Левина по социальным силам и конфликтам особенно актуальны, когда образование смотрит в XXI век и должно ответить на вызовы времени: как сделать выпускников способными эффективно функционировать на работе, дома, в свободное время в этом сложном и гетерогенном мире» [Maruyama, 1992, p. 155–156].

Этот впечатляющий, хотя и неполный перечень может навести на мысль о длительной и спокойной жизни ученого, что позволило ему сделать в науке так много. Напомним, что Левин умирает в возрасте всего лишь 56 лет, при этом в Америке, где и реализованы все его основные проекты в области социальной психологии, групповой динамики, социального экспериментирования, он прожил всего лишь тринадцать лет. И хотя эта его вторая родина дала ему возможности, пусть, скорей всего, и не в полной мере, осуществить свои творческие замыслы, его путь не был легким.

Марроу пишет, что жизнь Левина была отмечена последовательностью иронических контрастов. Как ученый он достиг выдающихся успехов и международной известности. Он был центром широкого круга энтузиастов — коллег и сотрудников, которые испытывали к нему глубочайшее уважение. Он был приглашен к участию в некоторых особенно известных исследовательских проектах как в силу своих человеческих качеств, так и из-за его блестящего ума.

Тем не менее психологический «истэблишмент» всегда держал его на дистанции. Престижные университеты не предлагали ему должностей. Американская психологическая ассоциация не приглашала его к участию в деятельности ее комитетов, хотя Левин был основателем и президентом Общества психологических исследований социальных проблем.

Сотрудники и студенты Левина считали его веселым и доброжелательным. Его личная жизнь, однако, прошла через серию кризисов: испытания Первой мировой войны, борьба за возможность академической карьеры в 1920-х гг., неудачный первый брак, катастрофы Третьего рейха в 1930-х гг., гибель его матери и других родных от рук нацистов. Даже эти тяжелые испытания не поколебали его веру в лучшее будущее. Он встречал их со стойкостью, мужеством и неугасимой надеждой. «О нем говорили, что он был великодушным в своих страданиях, но в равной мере хранил о них молчание. Его поиск правды о сердцах и умах людей заставлял его подчинять свой собственный путь служению другим страдающим.

Олпорт пишет, что гений и величие, похоже, всегда рождают противоречия. Работа гения всегда отмечена определенным интеллектуальным одиночеством. Это может прозвучать странно, что Курт Левин в каком-либо отношении был одинок. Тем не менее, его стремление избегать хорошо известных дорог в психологической науке и его вынужденная импровизация были знаками определенного интеллектуального одиночества. Это не означает, что он был асоциален. Напротив, более, чем многие оригинальные мыслители, он посвятил себя делу социального улучшения — и неизбежно приобрел круг последователей. По мере того, как его собственные интересы расширялись на области индустриальной психологии и социальной службы, а его студенты занимали важные позиции в военных исследованиях, в клиниках и в общественной жизни, окружающие слышали все меньше о «внутреннем круге» и более явно ощущали общее широкое влияние его работы в национальной и профессиональной жизни страны.

Едва ли не первым «официальным» признанием Курта Левина стало учреждение после его смерти памятной награды его имени. Общество психологического исследования социальных проблем учредило эту награду за выдающийся вклад в традицию «действенного исследования», заложенную Левином и его учениками. Среди удостоенных ее за прошедшие десятилетия присутствуют такие замечательные и известные психологи, как Э. Толмен, Г. Олпорт, М. Мид, Ф. Хайдер, Т. Ньюкомб, М. Шериф, М. Дойч, Ч. Осгуд, Д. Кэмпбелл, Д. Картрайт, Т. Дембо (1981), Б. Зейгарник (1983), М. Рокич, Г. Келли и многие другие. Эта премия стала признанной национальной наградой в социальной психологии.

Если в конце этой работы вернуться к теории поля Курта Левина и его интерпретации поведения человека, то можно сказать, что правильность своих теоретических идей он доказал примером своей собственной жизни.

Внешние обстоятельства его жизни были таковы, что, если бы жизнь человека была простым ответом на эти объективные обстоятельства, Левина ждала бы совсем иная судьба. Психологические проблемы, на которые, казалось бы, обрекал его опыт жизни вечного «маргинала», с детства испытывавшего на себе влияние самых низких предрассудков и предубеждений, могли бы сделать из него постоянного посетителя психоаналитических кабинетов. Вспомним вывод, который сделал Левин в своих экспериментах о тех, кто, испытывая на себе власть «поля», подчинялись ему и не могли совершить намеренного, волевого действия, и о тех, кто мог стать «над полем», не подчиняясь ему и реализуя свои сознательные, намеренные действия. Это — в контексте всей его жизни — и о нем самом, Курте Левине. Он встал «над полем».

P. S. Занимаясь межличностными конфликтами, я не могла не прийти к интересу к социальным ситуациям. Как пишут Росс и Нисбетт, социальный психолог не может не быть ситуационистом. В поиске ответов на возникающие у меня вопросы я все чаще стала возвращаться к Курту Левину, работы которого читала еще в студенческие годы. Фигура этого удивительного человека захватывала меня все больше. Я была рада предоставившейся мне возможности написать предисловие к переводу его работ. Мне хотелось передать величие этого, безусловно, гениального ученого, масштаб и многогранность его личности, его человеческое обаяние и те теплые чувства, которое он вызывал у тех, кто с ним соприкасался. И сейчас, когда эта работа закончена, я не уверена, что мне это вполне удалось. Кажется, что многое осталось недосказанным. Надеюсь, что среди читателей этой книги появятся новые последователи и почитатели Курта Левина, работы которого захватывающе интересны и просто не могут оставить равнодушными. И, может быть, кто-нибудь из молодых психологов еще захочет написать о нем и его работе.

Работы Курта Левина, упомянутые в тексте

The Dynamic Theory of Personality. New York — London, 1935.

Principles of Topological Psychology. New York — London, 1936.

Psycho-sociological problems of a minority group (1935) // Resolving Social Conflicts. New York: Harper, 1948.

Field theory and experiment in social psychology: concepts and methods (1939) // Field Theory in Social Science / Ed. by D. Cartwright. Tavistock publ., 1963.

Experiments in social space (1939) // Resolving Social Conflicts. 1948.

The background of conflict in marriage (1940) // Resolving Social Conflicts. 1948.

Time perspective and morale (1942) // Resolving Social Conflicts. 1948.

Defining the “field at a given time” (1943) // Field Theory in Social Science. 1963.

Psychology and the process of group living (1943) // Field Theory in Social Science. 1963.

Cultural Reconstruction (1943) // Resolving Social Conflicts. 1948.

Constructs in psychology and psychological ecology (1944) // Field Theory in Social Science. 1963.

The solution of a chronic conflict in industry (1944) // Resolving Social Conflicts. 1948.

Frontiers in group dynamics (1947) // Field Theory in Social Science. 1963.

Patterns of aggressive behavior in experimental created "social climates" (совместно с Lippitt R., White R.) // Organization Theory / Ed. by D. S. Pugh. London, 1971. P. 230–260.

Литература

Зейгарник Б. В. Теория личности Курта Левина. М.: Изд-во МГУ, 1981.

Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект-Пресс, 1999.

Рудестам К. Групповая психотерапия. М.: Прогресс, 1990.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986.

Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М.: Академический проект, 1999.

Шульц Д., Шульц С. История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998.

Argyle M., Furnham A., Graham J. Social Situations. Cambridge, 1981.

Back K. This Business of Topology // Journal of Social Issues. 1992. Vol. 48, no. 2. P. 51–66.

Bargal D., Bar H. A Lewinian Approach to Intergroup Workshops for Arab-Palestinian and Jewish Youth // Journal of Social Issues. 1992. Vol. 48, no. 2. P. 139–154.

Bargal D., Gold M., Lewin M. The Heritage of Kurt Lewin // Journal of Social Issues. 1992. Vol. 48, no. 2. P. 3–14.

Deutsch M. Kurt Lewin: The Tough-Minded and Tender-Hearted Scientist // Journal of Social Issues. 1992. Vol. 48, no. 2. P. 31–44.

Deutsch M. Constructive conflict resolution: principles, training, and research // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50, no. 1. P. 13–32.

Gold M. Metatheory and Field Theory in Social Psychology: Relevance or Elegance? // Journal of Social Issues. 1992. Vol. 48, no. 2. P. 67–78.

Maccoby E. Trends in the study of socialization: is there a Lewinian heritage? // Journal of Social Issues. 1992. Vol. 48, no. 2. P. 171–185.

Marrow A. The Practical Theorist. The Life and Work of Kurt Lewin. New York — London, 1969.

Maruyama G. Lewin's impact on education: instilling cooperation and conflict management skills in school children // Journal of Social Issues. 1992. Vol. 48, no. 2. P. 155–166.

Stryker S. Developments in "two social psychologies": toward an appreciation of mutual relevance // Sociometry. 1977. Vol. 40. P. 145–160.

Tolman E. Kurt Lewin // Psychological Review. 1948. Vol. 55, no. 1. P. 1–4.

Сведения об авторах

Аванесян Марина Олеговна
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: m.avanesyan@spbu.ru, open_box@mail.ru

Асмолов Александр Григорьевич
доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, директор Школы антропологии будущего РАНХиГС, заведующий кафедрой психологии личности, Московский государственный университет

Вырва Арина Юрьевна
кандидат психологических наук, младший научный сотрудник НИИ Теории и истории изобразительного искусства Российской академии художеств
e-mail: vyrvaarina@gmail.com

Гришина Наталия Владимировна
доктор психологических наук, профессор, кафедра психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: n.v.grishina@spbu.ru

Зиновьева Елена Викторовна
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: e.zinovieva@spbu.ru

Искра Наталья Николаевна
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: n.iskra@spbu.ru

Кондратова Наталия Александровна
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
e-mail: nkondratova@mail.ru

Костромина Светлана Николаевна
доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: s.kostromina@spbu.ru

Леонтьев Дмитрий Алексеевич
доктор психологических наук, профессор, заведующий Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
e-mail: dleontiev@hse.ru

Марцинковская Татьяна Давидовна
доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии им. Л. С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, заведующая лабораторией психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования
e-mail: tdmartsin@gmail.com

Москвичева Наталья Львовна
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: nmoskvicheva11@yandex.ru

Муртазина Инна Ралифовна
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: i.r.myrtazina@spbu.ru.

Нартова-Бочавер Софья Кимовна
доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Хорошилов Дмитрий Александрович
кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии Института психологии имени Л. С. Выготского РГГУ
e-mail: d.khoroshilov@gmail.com

Life Space in Psychology: Theory and Phenomenology

The collection of articles dedicated to the 130th anniversary of Kurt Lewin's birth includes the texts that reveal the modern application of the ideas of the 20th century's classic of psychology. Special attention is paid to the methodological and heuristic potential of the concept of life space — one of the key terms in K. Lewin's theories. Interest in his creative heritage is caused by the harmony of his ideas with modern psychology and by the challenges it faces with. The articles presented in the collection are devoted to the space of modern wo/man's life with its inclusion in the global contexts of existence and the problems that s/he has to solve in interaction with the world around her/him.

It is intended for psychologists working in various fields of psychological science and practice, psychology students, and anyone interested in modern theoretical and practical psychology.

Keywords: the anniversary of Kurt Lewin's birth, the concept of life space, the global contexts of existence.

On the 130th anniversary of Kurt Lewin

Preface

A major theorist and methodologist of science, an original experimenter and the discoverer of a number of areas of psychological science, Lewin largely determined the development of psychology in the 20th century. Among the great figures of the past, Lewin's name deserves special mention. Surprisingly, the interest in his ideas is growing more and more. This is largely due to the fact that his ideas were certainly ahead of their time, their scale and heuristic potential are only now beginning to be fully realized, and psychological science has yet to master them. But perhaps to an even greater extent, the growing attention to the creative legacy of Kurt Lewin is caused by the consonance of his ideas of modern psychology and the tasks it faces.

These are, first of all, the tasks of developing methodological approaches that meet the ideas of dynamic psychology, which Lewin once wrote about and which are becoming increasingly developed in modern Russian psychology. These are the tasks of methodically meaningful and correct study of the psychological phenomenology of real life. At the time, Tolman wrote that Kurt Lewin's ideas "made psychology a science applicable to real human beings and real human society". A brilliant experimenter, he not only took psychological research beyond the walls of the laboratory, but created and justified the paradigm of active "effective research", according to which psychologists cannot be limited to explaining human behavior, but must take an active part in the empirical and experimental verification of the results of their research in real life conditions.

There is a lot to add to this, which allows us to say that Kurt Lewin's creative legacy is not limited to his contributions to the psychology of the last century, and with good reason to call him a psychologist of the 21st century. This publication brings together authors of different generations — both those who have long been familiar with the works of Kurt Lewin, and young scientists just beginning to master his ideas. The general idea of our edition is organized around the theme of Kurt Lewin's living space and — more broadly — the space of modern man's life with its inclusion in the global contexts of existence.

Among the presented texts are articles directly devoted to the ideas of Kurt Lewin and their modern understanding in the context of the tasks facing researchers. In other articles, the topic of life space is translated into a plan for building a person's life, his life models, life experiences and life choices. The ideas of life space find their application in the practice of psychological work, which is also reflected in several publications. In a number of articles, the discussion of the nature of life space and its characteristics, as well as other ideas of Kurt Lewin, is somewhat inevitably repeated. However, we did not consider it appropriate to reduce the texts of articles to eliminate these repetitions in order to preserve the logic of the author's presentation.

This publication was prepared by the Department of personality psychology of Saint Petersburg State University for the Symposium dedicated to Kurt Lewin at the annual conference "Ananiev readings — 2020". Our collaboration with our Moscow colleagues and friends has become a tradition. We share common scientific interests and ideas with them, and we are sincerely grateful to them for their participation in this publication. Thank the leadership of the St. Petersburg State University for support in the implementation of this publication.

Abstracts

A. G. Asmolov

Kurt Lewin: constellation of life worlds

Kurt Lewin for many generations of psychologists has been and remains the value guide, the conscience of psychological science. The analysis of Lewin's work is carried out through his dialogues with various scientific schools. The starting of his work in psychology was his dialogue about the problems of the will with Narziß Kaspar Ach. The most important period of Kurt Lewin's research was devoted to the creation of the theory of intentional activity, the concept of “quasi-needs”, and the development of the ideas of field theory and topological psychology. Dialogues of various researchers of the 20th and 21st centuries with Lewin as the creator of the experimental theory of personality, has identified the lines of development not only of personality psychology, but also the methodology of psychology. The dialogue between Kurt Lewin and the school of cultural-historical psychology of Vygotsky, Luria, and Leontiev, mediated by Lewin's student Zeigarnik, became the most important for Russian psychology. The 30s of the twentieth century are the time of Lewin's dialogue with Tolman, the creator of the theory of purposeful behavior, the result of which can be described as the “gestaltization of behaviorism”. A number of areas of psychological science were set by the ideas of a field theory and a topological psychology, which became the triumph of gestalt-holistic ideology. Kurt Lewin had a unique research style in possessing the art of integrating research methodology and technology. The closeness of his ideas of modernity turns Lewin's 130th birthday into a continuation of his life in modern psychological science.

Keywords: intentional activity, Narziß Kaspar Ach, experimental theory of personality, the theory of purposeful behavior.

D. A. Leontiev

On Kurt Lewin’s field theory

The paper is focused on treating the field theory of Kurt Lewin, one of the most influential psychologists of the 20th century, as a personality theory. Lewin was

one of the authors who have been constructing a theory in the most methodologically considerate way, not just putting forward theoretical ideas but rather working through the guidelines and principles of constructing psychological theory at large. More than anyone else, Lewin knits together two lines of theoretical development having diverged at the beginning of the 20th century, the one of the psychology of personality proper and the one of the psychology of individuality, putting the category of interaction to the foreground. He took human being as individuality for the starting point, without addressing to one's inner world of meaningful contents, and tried to analyze the structure of forces which act upon the individual and are available to the description by an outside observer. However, the progress of experimental methodology has brought the scholar to the insight that the subject starts transforming the experimental situation through conceiving its meaning and articulating the goals of one's own. The key statements of Lewin's theory can be summarized as follows: 1. The person manifests oneself through the interactions with the situation and the world at large. 2. One's action in the outer field are driven and directed by a tense system of an unfulfilled need or intention (quasi-need); their fulfillment makes the system discharged. Deliberate actions are directed by the forces of the field created by the tense system of the action's goal. 3. The unity of the inner and the outer field makes the life space which embraces, besides inner and outer regions of the unified field, also ideal (imagined) and socially induced fields. 4. Personality development moves toward its enhancement and differentiation, more complicated organization and relevance to reality.

Keywords: field theory, experimental methodology, tense system, intention (quasi-need), life space.

T. D. Martsinkovskaya

The psychology of space: from the universe to the person, from the ecosphere to the exist-sphere

Interdisciplinary concepts of space are considered, the essence of the approaches to the concepts of existing space in sociology, philosophy, psychology is revealed. Particular attention is paid to the concept of the psychological field of K. Lewin. Variants of considering the psychological boundaries that separate a person from the environment in leading psychological concepts are presented. The differences of patterns of functioning and determination of socio-psychological and individual psychological boundaries, their relationship with the processes of socialization and individualization are shown. Revealing the connection of the psychological space with the attitude to the world and other people, the leading role of emotional experience is proved. Such experience individualizes the personal and social space and makes it possible to create an integral form of being in the world. This position is associated with the existential concepts of space, the world-project and the approach to the experience of A. Maslow and V. Frankl. The focus of attention in this context is the ideas of G. G. Shpet and S. L. Rubinstein, first of all, their approaches to understanding the internal form of language and artwork, as well as the role of culture in the formation of the personal space — his exist-sphere. The virtual

space of social networks and the Internet are described; possible parameters for the classification and separation of the information space off the information field are presented, as well as the mechanisms of the influence of information on people. The psychological essence of the chronotope is analyzed, with a special role being given to the internal form of the psychological chronotope, which reflects the degree of harmony/disharmony, heterochrony of different parts of the chronotope. Examples of the internal form in poetry are given, first of all, the concept of the spots of time of W. Wordsworth. It is concluded that the role of the internal form of the psychological chronotope is to stimulate the process of personal growth and the formation of a holistic identity. The functions of the aesthetic component of the psychological chronotope are considered, which are to restore (maintain) the connection of times, life path, human identity; reflect changes in the values and emotional state of society and give an approximate forecast of further changes. The conclusion is made that the idea that everyone needs to build his own space and stand above the space unites all these concepts. At the same time, virtual space helps to push the outer boundaries of personal space, while culture helps the establishment of the exist-sphere.

Keywords: social space, life space, exist-sphere, psychological chronotope.

S. K. Nartova-Bochaver

Three ideas of Kurt Lewin, without which there would be no modern psychology

In the article, three main ideas of Kurt Lewin's teaching, which have had a strong influence on modern research of the personality, counseling, and psychotherapy practices, are analyzed; their inherent nature and change of terminology are noted, so only a meaningful analysis of succession is possible. The first idea is to consider life space as the central category of the personality's Gestalt theory. A comparison is made with specific research and practices concerning the interaction and mutual transformation of the real and phenomenological worlds. The criterion of entering the life space is discussed — the existence of an object as having its visible impact on a person; the mutual conversion of the empirical and phenomenological within space, understanding of its direct and metaphorical meaning is considered. The article notes the transformation of the concept of attachment in modern psychology and the possibility of its broad interpretation; the role of things (personal belongings) in the formation of life space is shown. The second idea is a holistic view of the life space, which is why it is capable of self-organization and self-compensation. Examples of symbolization and reinterpretation of the components of life space are given. The role of "voids" as its significant parts in various fields of knowledge — family psychotherapy, Self-development, autobiographical memory, and environmental psychology, given examples of "figures of silence" in family history, vicar memories, distance, and personal space, are described. Finally, the third idea is to recognize the marginal nature of life space, so that all-important events occur on its boundaries. Studies and practices that use the concept of psychological boundaries, including broken and "healthy" ones, are

analyzed. The role of boundaries in the normal functioning of the personality is shown; the stages and trends of development of healthy boundaries during childhood are described. The conclusion is made about the system-generating nature of psychological ecology for modern academic and applied research of personality.

Keywords: life space, Gestalt theory, psychological ecology, empirical, phenomenological, psychological boundaries.

N. V. Grishina

The psychology of change: Kurt Lewin's methodological suggestions

One of the most actively developing areas of psychology is the psychology of changes, combining methodological and theoretical approaches to the study of modern reality, to the development of ideas of transitivity, to the modern psychology of personality, to its procedural and dynamic nature. The development of psychology of change requires the solution of a number of methodological problems, the understanding and development of which can be helped by the methodological ideas of Kurt Lewin, who considered the issues of dynamics to be the most important for psychology. The central concept of Lewin's theory for personality psychology is a concept of life space. To describe its dynamic nature, Lewin uses the concepts of "psychological stress", "psychological strength" and "fluidity". Based on experimental data, with the help of these concepts Lewin formulates the laws of field dynamics that ensure "equilibrium in motion". The area of available changes is a "free movement space", a zone of human expansion of the boundaries of his/her existence. Changes in person are described by Lewin in three main directions: changes in a cognitive structure, in a value system, and in human actions. The degree of mobility (variability) of personality is determined by its individual characteristics, such as a degree of differentiation and a degree of rigidity of relationship between different parts of personality. In the structure of personality, Lewin distinguishes the "central" as more closed and inaccessible areas and the "peripheral" areas of personality. The ability of a person to change is determined by the ratio of these areas, as well as the "permeability" of various areas. "Peripheral" areas are more permeable, but their degree of permeability can also have individual differences. The general laws of the dynamics of human interaction with the world, formulated by Lewin, as well as the thesis of individual factors of its variability, are confirmed in modern studies in the field of the process-dynamic nature of personality and of the potential of its variability. The fundamental methodological and personal position of Kurt Lewin was a conviction in the ability of communities and people to change, the goal of which he saw in a building of a better world.

Keywords: psychology of change, life space, space of free movement, personality variability.

D. A. Khoroshilov

Human blockade: in search of psychological theory of personality in the notes of Lidiya Ginzburg and Olga Freidenberg

The present work highlights the methodological and theoretical issues in the field of the personality psychology. The subject of research is the interconnection of personal and social life spaces in an extreme situation of stain and total violence. A symbol of such experience is the siege of Leningrad in 1941–1944. This tragic historic moment of the Second World War revealed an inner form and deep structure of the subjectivity of the modern and postmodern era. The base of the present analysis is the blockade diaries of two great Russian and Soviet philologists: Lidiya Ginzburg and Olga Freidenberg. It aims to enrich the theory and methodology of the personality psychology and to introduce the original ideas of Ginzburg and Freidenberg into the disciplinary field of psychology. The similarities of their works with the Lev Vygotsky's cultural-historical approach and Sergei Rubinstein's late existentialist ideas are described. The comparative analysis of the Ginzburg's and Freidenberg's works is made from the point of view of their writing styles, research strategies and aesthetic approaches to the blockade situation. Criteria of the analysis are the following: 1) ontological; 2) epistemological and 3) methodological. As a result of the study, several assumptions which would permit to understand the modern social and cultural situation of psychological uncertainty and transitivity are made. The following assumptions are emphasized: 1) recognition of the illusory nature of individual existence and the inescapability of social evil, 2) consideration of a person in the interaction with the situation of his private life and social history, 3) acceptance of fundamental motivation to affirm personal auto-worth and auto-concept (identity) in an act of experiencing social solidarity and coherence, mediated by symbolic culture systems (language and word), 4) the establishment of an analogy between the extreme situation of the blockade, the social structure of Soviet society and the subjectivity of modernity; 5) the study of narration, i. e. ability of discursive structuring of time, as a survival strategy in a situation of blockade of life space.

Keywords: blockade, life space, personality psychology, Ginzburg, Freidenberg.

A. Yu. Vyrva

Architectural state of human life space

Architecture is an integral part of human life. And in addition to the direct functional provision of human life conditions, it includes many significant processes. Its image and quality are directly related to the emotions that arise in a person, it reflects the value-semantic orientations of a person and the society in which he is located, through plastic forms it realizes or does not realize cognitive needs, personal and cultural meanings. At the same time, it is a product created by a person, which reflects the personal characteristics of a person and society, and, on the other hand, it affects a person, changing him or her. In this way, the shape of a building brings to life and activates a whole stream

of meanings and concepts that are open to interpretation, linking them to the building's program, its location, and the language inherent in a particular direction in architecture and a specific historical time. Living in a large metropolis with a variety of surrounding aesthetics, an important factor is how expressive and visually eco-friendly the surrounding architectural landscape is, how the styles of different historical eras are combined, and questions are raised about what a typical construction of residential areas should be for a comfortable existence in it at the level of information (adaptation, context), emotions, meanings, and psychological state of a person. From these positions, it is extremely important to focus on research on the features of perception of the architectural environment, psychologically significant characteristics of its forms, the quality of contact with the space of architecture and the presence of a person in it. What is important is interdisciplinary research that allows a comprehensive and holistic view of this problem, both from the point of view of the disciplines of psychology and sociology, as well as from the point of view of the disciplines of architecture and art. The article analyzes some of these key points that require this kind of research.

Keywords: life space, architecture, architecture and human emotions, human needs, values.

N. A. Kondratova

Personal life space: the space of personal freedom

The article reveals the theoretical origins and content of a concept of "personal life space". This concept arises on the basis of and when correlated with the concepts of "life space" by K. Lewin and the "proprium" of G. Allport. Emphasis is placed on the characterisation of personal life space as a "field of freedom" (K. Lewin). The personal life space is the most significant part of life world for a person, it determines subjectively the most important aspects of his/her life for him/her. It is constituted by the activity of a person, connected with the realisation of his/her own aspirations, and is represented in his/her image of the world primarily by the semantic construct "friend or foe". A theoretical model of personality's living space is proposed: its structure and the nature of the dynamic processes in it are comparable with those in the semiosphere (Yu. M. Lotman). The results of the empirical study of subjective representation of teenagers and young people's living space are presented. The study is based on the principles of a qualitatively phenomenological approach. According to its results, the main components of living space are: significant places, significant others (people, sometimes animals), significant activities and significant ideal objects. A connection is made between the characteristics of personality's living space as a space of personal freedom and the problems of safety.

Keywords: personal life space, "field of freedom", semiosphere, subjective representation of personal life space.

S. N. Kostromina

Life models of modern Russian youth

The life scenario as an author's project of human life is of interest both from the point of view of understanding the ongoing structural social transformations (a meaning of the family, culture, virtual environment), and based on the forecast of the life activity of the generation which entering into adulthood. Based on the study of youth's life models, the article presents the results of the empirical research of young people's ideas about professional self-determination (work, education, construction a path of professional activity), about close relationships (a desire for closeness with other people, a nature of family relationships, orientation towards creating their own family), and about self-development (orientation toward self-fulfillment). The study involved 188 people, the average age of 21.28 (SD = 2.138), living in different cities and towns of Russia. The research method was a survey of groups of respondents using the "Life Models" questionnaire. Based on cluster analysis, 6 groups of young people are distinguished, differing in the degree of importance of a life sphere (profession, family, self). their inconsistency / consistency, and activity / passivity. Two types of life scenarios are distinguished. One of them is characterized by a low level of independence and autonomy of the subject, an orientation to a reproduction in a life scenario of a normative pattern of both the parent family and the inherent community culture. The other is distinguished by a high degree of independence and autonomy. The influence of the factor "Degree of closeness with the parental family", which contributes to a reproduction of life models of an older generation, is established. Differences in the life models of young people living in different cities of Russia, as well as between men and women were revealed. The structure of a normative life scenario focused on traditional values, stability, career achievements and material well-being is typical for young women from small cities and young men from a megalopolis (in particular, St. Petersburg). In contrast, young men in small cities are more autonomous and less oriented toward a career, status and wealth.

Keywords: life scenario, life space, life model, youth, profession, relationships, parental family, intergenerational transmission.

N. L. Moskvicheva

Digital environment as a personality life space: research experience of youth life models

The article describes phenomena associated with the development of digital technologies that characterize the modern human living space as simultaneous everyday existence in two worlds — real (offline) and digital (online), with their mutual influence and interpenetration. The evolution of research approaches to studying problems related to an existence of a personality in a digital space is briefly considered and the conclusion is drawn on the need to rethink traditional approaches to study of these "worlds" as different, separate spheres of

human life, and to focus researchers on their unity, using the equal research language. There is emphasized the relevance in the methodological aspect of K. Lewin's ideas about a psychological reality and man's "construction" of his own life space, about an interaction and mutual influence of an environment and human behavior, about a constantly changing distribution of forces acting on a person at concrete time moment for the modern stage of research in digital space. The article provides descriptions and results of modern empirical studies of social networks through their content analysis, which acts as a way of psychological study of personality manifestations in a digital environment. It describes the methodological approach used in the study of life models of youth, presented on personal pages of users in social networks (VKontakte was studied). The research was carried out as part of the study of an intra-generational transmission of life values and attitudes when building their own life scenario by young people. The categories and the procedure for the content analysis of digital pages are described and the results of an empirical study of the life models of young people in the professional sphere, relations, leisure and self-development are described. The differences of life models presented in Internet resources for young people living in a megalopolis and a small city, and at the same time significant variability in the life models of young people within groups living in the same city are shown. The possibilities and limitations of using this methodological toolkit are discussed.

Keywords: digital environment, personality life space, life models, intragenerational transmission, youth.

M. O. Avanesyan

"Nearest affairs" in the time perspective of the individual

The article is devoted to the problem of present time of the personality. The present time is seen as an experienced "moment", on the one hand, and as a period of the present in the context of a person's life spin, on the other. The concept of the temporal perspective of the individual and the heterogeneity of the perception of time, as well as the time distance as near and far time are discussed. The results of relevant studies of the "subjective temporal distance" of various events are presented. This concept concerns not the real time distance of the event, but the experienced psychological closeness with the person's current Self. Timeliness and unhistorical determination of behavior introduced by K. Lewin are considered as a key principle in organizing a time perspective. According to him time as it flows in the mental world of a person — the psychological past and the psychological future are simultaneous parts of the psychological field existing at a given time. The results of own empirical research are described, in which the participants were asked to mark graphically the area of the closest things they need to do: the closer to the center, the closer to the point of the present time. The length of the time space was defined as a characteristic of the future time that a person operates with, when building plans for the future ("nearest affairs"). The length of time boundaries for young adults participating in the study is from several minutes to several years (tmax = 4 years) ($N = 73$ people). Using a special procedure, the situation

was simulated by crossing the time boundaries premarked by the participants. Several types of emotional reactions are described, associated with the approaching of a certain event: negative, positive, ambivalent, neutral. It has been suggested that the temporal boundaries of a person have an ontological status, i. e. exist as part of psychological reality.

Keywords: temporal perspective, actual personality time, temporal boundaries, temporal space, nearest future, event.

I. R. Murtazina

Life choice as a possibility of change a life space of personality

The article is devoted to the consideration of life choice as a possibility of a personal changing his life space. The article briefly examines the problem of choice, as well as the concept of life choice, which is understood as an important turning point in the life path of an individual, which consists in the implementation of his creative activity to transform the current life situation, in the preference of one of a number of available alternatives based on a human values system. When studying life choices, it is important to describe the life situation, the social context, and the personality characteristics of the subject of choice. Realizing a particular life choice, perceiving and determining a specific life situation in which a person exists, preferring one of the available alternatives, a person builds his life space. The article also presents the results of a study devoted to the researches of situational and personality factors of the life choice of young people in a decision-making situation about moving to another city using the example of admission to a nonresident university. The description of the life situation of a young man is presented, the circumstances of which lead him to make a life choice related to moving to another city (social environment, educational activities, urban environment, attractiveness of another city, considered as a space of possibilities). It has been established that young people who make qualitatively different choices perceive the situation of moving differently. For young people who have moved to another city, the situation of movement is seen as a resource situation; for young people who have remained in their hometown, movement is “defined” as a risk situation, which is associated with a high level of anxiety and negative emotions. It is shown that young people who choose to move to another city demonstrate a higher level of hardiness, tolerance of ambiguity, personal autonomy, satisfaction and meaningfulness of life than young people who remain in their hometown. For young people who have moved to another city, the values of openness to change are more significant; less significant are the values of conservatism. Thus, different people can perceive differently the same life situation, which has a certain set of objective characteristics, what can lead to their choice of different behavioral strategies depending on how they themselves “determine” the objectively existing situation, skipping it through their subjective inner world. For some people, an uncertain life situation that requires a decision may be associated with differentiation of life space and broadening the time perspective, which will ultimately lead to the choice of the future. For others, the same situation may be associated with

negative feelings, risk and the desire to maintain the life context unchanged, which causes people to choose immutability.

Keywords: choice, choice of the future, choice of immutability, life choice, life space, life situation, changing life situation, moving to another city.

E. V. Zinovyeva

Reflection of life experiences in individual life space

This article deals with interconnection and interaction of human life experience and human life space. Also we try to show how life experience is reflected in the human life space in real life. The structure and functions of life experience are described; the characteristics of life space are given. The interconnection of life experience and life space is determined through the concepts of everyday reality and everyday experience. These concepts become the moderator between life experience and life space. The transition of everyday experience into life experience occurs through events that are characterized by novelty, problematic character and require internal activity to process them. The result of this process may be new knowledge or meanings. The emergence of new meanings in the personal life experience leads to a change in his/her life space. The influence of life experience on the characteristics of life space through situations that are relevant to the development of the child is described. It is indicated that not only life experience affects life space, but life space provides the dynamics of life experience through the inclusion of new events at each moment of time. There is a constant energy interchange between life experience and life space providing their dynamics and integration. It is noted that the interconnection of life experience and life space can be observed in critical situations or in crisis and can be traced through problematic narratives of clients seeking psychological help. Through the analysis of narrative we can see the interaction organization and deficiency of experience and space. An example of a problematic narrative is given as well as the criteria for its analysis according to the characteristics of life experience and life space and their interconnection. The guidelines for practical work are provided. It is emphasized that in order to overcome a crisis situation it is necessary for the personal life space to become open to the new experience. Life experience can facilitate or interfere with this process, and then its restructuring becomes necessary.

Keywords: life experience, life space, everyday experience, crisis, problematic narrative.

S. N. Kostromina, N. L. Moskvicheva, E. V. Zinovyeva, N. V. Grishina

Life model: operationalization of the construct and its empirical validation

The study of a person life scenario is accompanied by not only the development of a theoretical concept, but also by the solution of the operationalization problem of the construct. As one of the methodological solutions, the use of

the concept of "life model" is proposed. A life model is a fragment of a life scenario in a concrete area of a person's life (profession, relationship, Self), which can be described at the structural (eventfulness and content of events) and the processual (active involvement, and persistence of efforts for achieving life goals) levels. The article presents in detail the procedure for developing the questionnaire "Life Models". The empirical referents of the questionnaire were (1) a system of beliefs and cognitive attitudes related to a particular life sphere — a cognitive component, (2) a system of actions, responsibility — a behavioral component, (3) an experiencing of the significance of a certain life area for a person, attitude to it — an affective component. The questionnaire items are presented by questions about a life events of young people and their parents; statements revealing the features of beliefs and activity manifestations in the sphere of close relations and in the professional sphere, the experiencing of their significance; questions aimed at identifying the degree of identification of young people with their generation, and the degree of closeness with the generation of parents. The empirical part presents data on the primary testing of the questionnaire in a sample of 100 people, the average age is 21.02 ± 1.11 and the second one, taking into account the adjusted version (N = 489, average age 22.91 ± 2.58). The results of variance, factor and cluster analysis are presented. The structure of the identified 17 factors confirmed the theoretical provision that the nature of a life model manifests itself in the connections between various events and in the logic of these connections, which is determined not so much by objective facts as by the "philosophy of life" related to this area of human life. The credibility of the 17-factor model is verified using the Structural Equation Modeling (SEM) procedure. The obtained three-factor structure reflects the basic processual parameters for describing life models in a professional sphere, a sphere of relations and a sphere of self and can be used as the basis for the development of the "Life models" questionnaire with subsequent validation and standardization.

Keywords: life scenario, life model, construct validation, factor analysis, cluster analysis, structural equation modeling (SEM).

E. V.Zinovyeva

Personality predictors of life models construction by young adults

Personality predictors of constructing a life model by young people (traits, tolerance for ambiguity and value orientations) were analyzed. Life models are close to the concept of life space. Study 1 was focused on personality traits and tolerance for ambiguity (N = 82, 25–35 years old). Methods: interview, NEO PI-R, NEO FFI, Tolerance for Ambiguity Measure (D. McLain). High openness to experience, conscientiousness, extraversion, and tolerance for ambiguity were associated with an active style of constructing a life model, openness to change. Study 2 examined the role of value orientations in constructing a life model in the sphere of close relationships (N = 60, women aged 19–27). Methods: Life Models of Youth Questionnaire, Portrait Value Questionnaire (PVQ-RR). The values of traditions, modesty, universalism and security were typical for the passive style of constructing a life model. Passivity

manifested in expectations from the close other to initiate desired events. The values of independence, hedonism and achievements were typical for an active style of constructing a life model. These women were less committed to traditional values and were ready to create the desired events themselves. In Study 3, values were analyzed as predictors of constructing a life model in the professional sphere (N = 78, mean age 20.4). Methods: Life Models of Youth Questionnaire, PVQ-RR. The values of independence, stimulation, hedonism were connected with aspiration to professional development and willingness to invest in it, while values of conformism, modesty, and security were typical for people oriented towards stability and less willing to invest in professional development.

Keywords: personality predictors, life model, youth, life scenario, life space.

N. N. Iskra

Space of life of adoptive family

The article is devoted to a life space of an adoptive family. The family is still the best place to raise children despite of the transformation of family values in modern society. Contemporary studies of adoptive families are mainly focused on specific aspects related to the reception of children in families, the psychology of the adoptive parents, the psychology of the adopted child, etc. And among them there are almost no works that would present a holistic view on the problem, which would take into account all aspects related to the adoption in terms of life space. In our work we consider the environment of adoptive family from the point of view of the family's life space, as a dynamic system. The paper examines the main characteristics of the life space of a foster family: the degree of satisfaction, the amount of space for free movement of the individual, external barriers and the degree of consistency of the family goals. The influence of parents' motivation on the life space of the adoptive family is shown. The most optimal motivation for taking a child into the family is to help the adopted child; the most difficult for successful adaptation is to replace the emotional emptiness of the adopted child after the loss of their own child or spouse. The article analyzes the change in the family's life space after the child is adopted into the family. These changes consist of the transformation of the relationship system, the entry of parents into the group of adoptive parents, increasing the openness of the family system, which creates conditions for the development of an adopted child in the life space of the foster family. Special attention is paid to the problem of failure of adaptation of a child in the family as an inability to integrate it into the family space. The main factors that determine the life potential of the adoptive family are identified: synchronization-desynchronization of family system members, experience and ability of the family system to assimilate it, internal and external resources.

Keywords: adoptive family, life space, life potential of an adoptive family.

Conclusion

The topic that united the interests of the participants of this publication was the problems of a person's life space, his/her life in the modern world, and building his/her life path.

The publication we have prepared is dedicated to the 130th anniversary of Kurt Lewin. Its title contains the concept of life space that was once proposed by Lewin for a description and an analysis of human existence in interaction with the surrounding world.

Time inexorably pushes back the past, it is distancing us from our predecessors and teachers. However, it does also allow to see the true scale of the scientist's work. Alexander Asmolov, in his essay about Kurt Levin, describes this as "a unique transformation of space" — "the further we move away from the classics, the more we comprehend their expanding world". We hope that we were able to show this in our publication — the heuristic potential of Kurt Lewin's ideas for a wide range of problems of modern personality psychology, his approach to the development of theoretical and methodological problems of psychology and its conceptual apparatus, the possibility of applying his ideas to solution of applied and practical problems of psychology.

It has happened that the main part of the work on our publication fell during the period of pandemic, quarantine and self-isolation. And this prompted us to think again about the essence of the concept of life space, its dynamism, the psychological boundaries of an individual, his/her relations with the surrounding world.

The human community's experience as a whole and an individual experience of each of us will be a subject of discussion and theoretical analysis more than once, and the large-scale tasks will have to be solved to provide a psychological assistance to people.

The consequences of the experience are not yet fully understandable and predictable. Stress, fear, anxiety, uncertainty about the future — all this we have and continue to experience.

In the context of the topic we are discussing, everything that has happened to all of us is the destruction of our habitual life space. A year ago, we conducted a study that showed that although people are aware of the changes taking place in the world, they often perceive them as something external, something one that is not directly related to their lives. Today, the world of objective reality has come close to us, entered to the life of each of us.

The usual boundaries of social and personal space of our life have been violated. We have lost the opportunity to implement the usual forms of activity and communication and are faced with the need to find new ways to implement activity and communication. The future seems uncertain, and often frightening. This is something that we not only have to deal with by ourselves, but also to provide our professional help to those who need it.

Once again, I want to turn to Kurt Lewin. And this time, not to his work, but to the experience of his life, which was never easy. Faced with various difficulties since childhood, having passed through the experience of the First world war, having experienced forced emigration from Nazi Germany, the loss of loved ones, the difficulties of adaptation in America, the lack of understanding, and sometimes rejection of the professional community, he devoted himself to his work, going from academic research of psychological phenomena to active practical work on solving social problems. In the United States, he became the founder and President of the Society for psychological research of social problems and he not only creates a methodology for studying social problems, but also defends and implements the paradigm of "active research", which involves the active participation of psychologists in the practical implementation of their ideas. Everything he did was for one purpose — to create a better world. The scale of this task supported him in the most difficult situations.

Today's reality presents us with no less complex and large-scale tasks. Let the experience of our great predecessors, the experience of Kurt Lewin and Viktor Frankl who liked to repeat the famous words that if we know why to live, then we carry almost any how, serve as a support and source of inspiration for us!

Natalia Grishina

Information about authors

Asmolov Aleksandr G.

Dr. Sci. in Psychology, Professor, Moscow State University, Department of Personality Psychology, Director School Anthropology of the Future ION RANEPA, academic of Russian Academy of Education (RAO)

Avanesyan Marina O.

PhD in Psychology, Saint Petersburg State University, Department of Personality Psychology

e-mail: m.avanesyan@spbu.ru, open_box@mail.ru

Grishina Natalia V.

Dr. Sci. in Psychology, Professor, Saint-Petersburg State University, Department of Personality Psychology

e-mail: n.v.grishina@spbu.ru

Iskra Natalia N.

PhD in Psychology, Saint Petersburg State University, Department of Personality Psychology

e-mail: n.iskra@spbu.ru

Khoroshilov Dmitry A.

PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Social Psychology, Institute of Psychology named after L. S. Vygotsky, Russian State University for the Humanities

e-mail: d.khoroshilov@gmail.com

Kondratova Nataliya A.

PhD in Psychology, Associate Professor, Novgorod State University, Department of Psychology

e-mail: nkondratova@mail.ru

Kostromina Svetlana N.

Dr. Sci. in Psychology, Professor, Saint-Petersburg State University, Department of Personality Psychology

e-mail: s.kostromina@spbu.ru

Leontiev Dmitry A.
Dr. Sci. in Psychology, Professor, Head of International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation. National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), Moscow, Russia
e-mail: dleontiev@hse.ru

Martsinkovskaya Tatiana D.
Dr. Sci. in Psychology, Professor, Institute of psychology named after L. Vygotsky, Russian State University for the humanities, Psychological Institute RAO
e-mail: tdmartsin@gmail.com

Moskvicheva Natalia L.
PhD in Psychology, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, Department of Personality Psychology
e-mail: nmoskvicheva11@yandex.ru

Murtazina Inna R.
PhD in Psychology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Department of Personality Psychology
e-mail: i.r.myrtazina@spbu.ru

Nartova-Bochaver Sofya K.
Dr. Sci. in Psychology, Professor, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), Moscow, Russia
e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Vyrva Arina Yu.
PhD in Psychology, Junior Researcher, Research Institute of Theory and History of Fine Arts Russian Academy of Arts
e-mail: vyrvaarina@gmail.com

Zinovieva Elena V.
PhD in Psychology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Department of Personality Psychology
e-mail: e.zinovieva@spbu.ru

Contents

Научное издание

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПСИХОЛОГИИ

ТЕОРИЯ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

Редактор *А. М. Никитина*
Корректор *Н. Е. Абарникова*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*
Обложка *Е. Р. Куныгина*

Подписано в печать 12.10.2020. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 33,0. Плановый тираж 300 экз. Print-on-Demand. Заказ №   .

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.